

УДК 82-31
ББК 84стд1-44
Ч-49

© Василий Чернышев, 2022
© СУПЕР Издательство, 2022

Василий Чернышев

***ОКСЮМОРОН
и
ИНВЕРСИЯ***

Санкт-Петербург
«SUPER»
31 декабря 2022

АННОТАЦИЯ к роману «ОКСЮМОРОН»

Вопросы, которые рассматривались в предыдущей книге (Октаэдр), исследуются и в данной книге, то есть что такое **Личность**, **Народ**, есть ли предназначение у личности и народа, в чем **смысл жизни**.

Однако автор предлагает кардинально изменить характер философского мышления и саму логику, как они изменились, когда *земля, вода, воздух и огонь* уступили в качестве оснований бытия место **Материи** и **Сознанию**, и методом **познания** стали **размышление** и **язык**, а на помощь им пришли математика, физика, литература и языкознание. При этом оказалось, что надо заново определить понятия: **существование**, **Творец** и **творение**, **время**, **пространство**, **сущее**, **понятие**, **причина** и **следствие**, **предположение** и **вывод**... И хотя автор по-прежнему не дает стандартных ответов на эти вопросы, но он их ищет и к концу книги надеется найти. Даже длинная жизнь слишком коротка, поэтому времени мало, ответы нужны сегодня, и если никто не поможет и даже не будет оружия, автор выйдет на Куликово поле один... Сама **Книга является Полем битвы**, и она рассказывает не только о том, что автор узнал и придумал, но обо всем, что с этим связано...

Структура Бытия определяется не только *причинно-следственными отношениями* и идеями Классической **логики**, но и идеями Аристотеля о **телеологии** и **энтелехии** как имманентной цели развития. Основными понятиями истории и социологии оказываются понятия **Народа** и **Личности**, при этом образ **Народа** соответствует этнической теории Валерия Соловья и представлениям автора о природных основаниях Бытия; а учение о **Личности** заимствует многое в соответствующем исследовании Виноградова о понятии личности в литературе 18-19 веков. Далее мы познакомимся с парадоксальным образом **Бытия как Оксюморона** и с идеей о *синтезе причинности и случайности* (вероятности) в Истории мира и о **спонтанности Бытия**, опирающейся на представления Василия Налимова. Неожиданной оказывается идея о **Боге как Творце мира**, которая по новому ставит проблему **существования** мира и позволяет ответить на вопросы о **существовании** Бога и о *сотрудничестве Бога и Человека*. Исследуется оппозиция «**Добра и Зла**», сравниваются Христос и Жанна и наконец мы узнаем, кто такой Бургундец и отрубят ли ему голову.

Книга первая.

**ВВЕДЕНИЕ в РОМАН
С ФИЛОСОФИЕЙ**

11 окт. 2022г., вторник. ВВЕДЕНИЕ в НОВУЮ ФИЛОСОФИЮ.

1. Слушал сегодня лекцию Дмитрия Быкова о Есенине, основной тезис её сформулирован так **Хроника распада** (так называлась и лекция).

Во-первых, автор полагает, что Есенин спился и деградировал на алкогольной ниве, во-вторых, что он сошел с ума и в последние годы (по крайней мере в последние два года) творчество его деградировало, и итогом всего этого печального распада стало самоубийство.

Но в самоубийство Есенина не верил его друг Николай Леопольдович Браун, который с своим убеждением в том, что Есенина **убили**, познакомил своего сына Николая Николаевича Брауна, здравствующего и ныне (и я с ним недавно поминал Сергея Александровича и мы выпили по бокалу вина). Дмитрий Быков убежден в алкогольной деградации Есенина, которая была неотделима (по его убеждению) от деградации Революции и большевистской власти, но так считает – что Есенин спился – и большинство советского народа: *не убили*, а сам спился, *не затащили в трясику*, а сам в нее зашел, *не растлили*, а сам растлился. Но есть свидетельство жены Есенина, что осенью 1925 года она лично упросила своего знакомого, руководителя Московской психиатрической клиники, спрятать Есенина от чекистов в этой клинике, где он произвел на персонал и больных самое чарующее впечатление – не сумасшедшего, не хулигана, а милого и деликатного человека, и за два месяца написал множество прекрасных стихов. Выйдя из клиники, Есенин уехал в Ленинград, там его и настигли чекисты. Итак, Есенин **не** спился и не распался и не деградировал, – а все, что о нем думает советский обыватель – внушено советской властью (так же как и миф о том, что Россия была самой отсталой среди европейских стран). Быков вместе с советским народом недолгоблудит поэтов... Впрочем, их недолгоблудил и Лев Толстой...

Я, правда, читаю и люблю стихи Сергея Есенина, и в 1995 году к столетию со дня его рождения, издал сборник его стихов **«Шел Господь пытаться людей любовью»** - по моему замыслу это должен был быть сборник *духовных стихов* Сергея Есенина, которых, как многие мне тогда говорили, у него нет и быть не может. Но так как *Господь и меня пытал*, то я *пытал* своих товарищей, и такие стихи у него нашлись.

2. Что такое Народ? Идея народа существует в уме личности, которая и сама входит в народ и вмещает его в себя..

3. Что такое **Народ**, по существу, толком пока не ясно ни обывателям, ни философам, даже политикам и тиранам, которые, правда, знают о народах, что *«их должно резать или стричь»* (как сказал Пушкин) – что они и делают.

Есть ли нечто в народе, в его устройстве или организации, что было бы подобно человеческому (даже не *«слишком человеческому»*), но в результате чего народы можно было бы оценивать, сравнивать и представлять подобно личности, имеющей тело, душу, интеллект, совесть и характер? Увы, у народа нет ни единого тела (плоти), ни души, ни характера, ни ума ни совести (и ума нет в двойном смысле: нет органа, в котором бы ум помещался, и нет ума в том смысле, что если бы такой орган и был, то ума бы у народа не было, потому что народы как правило безумны *«по умолчанию»*, иначе бы они

между собой не воевали). И кстати сказать, так как у народа нет Личности (нет тела и души, а потому личности нигде располагаться), то всякие наветы на народ, иначе говоря, *инвективы* (гневные обличения - от лат. *Investiva*) – не могут расцениваться как оскорбления народа. Даже эпитеты злобный, тупой, *долбайобный* по отношению к народу ничего не значат, народ ни глуп ни умен, и *один народ нельзя противопоставить другому иначе как в рамках фигуры речи*, как мы говорим о море, что оно *разбушевалось* (когда по нему прокатываются большие волны) – но оно *не бушует*, ибо не мыслит и не чувствует, и Ксеркс, повелевший море высечь плетью за то, что потонули его корабли, был не прав.

Но в рамках *тропов*, в которых мы наделяем несознательное явление сознанием и чувствами, можно говорить об уме народов и сравнивать их между собою – *условно*. В таком *воображаемом смысле*, сравнивая русских с евреями и немцами (то есть сравнивая между собою отдельных известных нам людей), мы вольны высказаться как угодно, наше высказывание ничего не говорит об оцениваемом предмете, но только подчеркивает наши чувства в связи с ними (вот так, стучаясь головой о низкую крышу сарая – я восклицаю: вот *блядь!!!* – но мое восклицание о балке совершенно не справедливо). Итак евреи – народ исключительный, они произвели две тысячи лет назад Верховного Бога, спасителей и пророков, и Яхве, и Бога-отца, и Христа, и апостолов – но данный перечень характеризует евреев с точки зрения их способностей религиозного творчества; однако они произвели и поэтов, и Гейне в Германии, и Мандельштам и Пастернака в России, и композиторов, Рубинштейна, Мендельсона, Малера, Шнитке...

Немцы почти не уступают евреям по уму, но у евреев умные все, и в каждом классе школы есть свой Эйнштейн, а у немцев аристократия, средний класс и плебс значительно (как мне кажется) различаются друг от друга.

У русских женщины все умницы, почти все красавицы, значительное число их певуны, есть своя Жанна Д*Арк - Софья Перовская, своя Шарлотта Бронте – Вера Засулич, – ну а женой политического каторжанина может быть каждая вторая, и не обязательно Волконская или Чернышева.

Но зато мужской тип – это Иванушка-дурачок, Емеля, Малюта Скуратов и некрасовский «мужик что бык – втемяшится в башку какая блажь...» - ибо русские не превосходят других по уму, но зато превосходят по *самодурству*.

Доказать эти свои горестные выводы я не могу, а если и докажу, то это не принесет мне никакого удовлетворения – но крупнейшие катастрофы 20 столетия (и теперь даже 21-го) представляют русских с самой отвратительной стороны. *Большевицкая революция...* Продолжать ею гордиться невозможно даже при самом небольшом знании истории, при минимальных запасах совести и здравого смысла – но спорить с упорствующими защитниками ее бессмысленно. Точно так же бессмысленно спорить с теми, кто гордится нашей победой в Отечественной войне и ее полководцами Сталиным и Жуковым – если бы в Германии еще оставались поклонники Гитлера, то также бессмысленно было бы спорить и с ними, но немцы Гитлером уже не гордятся, а у русских все еще жив их Гитлер.

Но так же был ли смысл в том, чтобы доказывать европейским народам в 15 веке, что земля круглая? И о русской истории лучше спорить тогда, когда поумирают и большевики и ревнители...

Медийное пространство в интернете «зачищено», выкорчеваны всё и вся, особенно *корчуют* "либералов", то есть тех журналистов, писателей, политиков, которые отстаивают идеалы свободы и демократии, проросшие на пожарище Великой Французской революции. Хлынула, откуда ни возмись, грязная волна мракобесия, одни напустились на тех что сегодня, другие на Солженицына, Хрущева, Горбачева, все ринулись защищать Сталина и его **соколов-палачей** – в том ли причина, что самым существенным в русском народе является жестокость? Надеюсь, что нет. Если Гете считает, что все народы по уму и развитию младенцы, то тем более таков русский народ, тем более что он позже других на арену и цивилизации, русское младенчество является тем архаическим **коллективным бессознательным**, о котором писал Юнг. Если народ и представляет собою отчасти *единство*, то скорее всего «простой народ», еще *«не испорченный»* цивилизацией. Можем ли мы бранить и наказывать детей за их ошибки и отсталость? К детям надо относиться терпеливо, исправляя их, а не браня. Вот так же надо относиться и к русским, они, быть может, даже НЕ понимают своих убеждений, их навязывает либо церковь (или горкомы партии), либо царская власть (а в коммунистическом государстве властью являлись ЧК, НКВД и Политбюро), либо интеллигенция (через культуру социалистического реализма и систему образования). Не народ является носителем тех или иных убеждений, а только *интеллигенция*, и обличать в мракобесии надо именно ее. А в (простом) русском народе самым существенным является невежество и доверчивость, и за их мракобесие ответственны *«образованцы» и злодеи* (по слову Толстого).

Народа как целого не существует. Во всяком народе есть по крайней мере три народа, и это особенно очевидно в эпохи разломов и тектонических сдвигов.

Во-первых, *существует некая сила*, подобная той силе, которая соединяет планеты в хоровод, обращающийся вокруг солнца, или соединяет атомы в вещество, притягивая их друг к другу – эта сила содержится в государстве, *народ возникает нем как как рожь на пашне*.

Во-вторых, сила эта сначала государство создает, порождает, в средневековом обществе это было дворянство, в советской стране это была особенная каста *управляющих*. И, наконец, есть и тот народ, который мне и кажется *народом прежде всего*, подлинным народом, хотя в национальном отношении он менее однороден – это творческая интеллигенция: писатели, философы, журналисты, актеры, ученые, заговорщики... Эти люди не природны, не подобны друг другу и даже не похожи – но если есть нечто **национальное**, что как кровь циркулирует в народном *условном единстве*, то это именно они. Более того, в каждом народе вот эти три народа чаще всего и составляют единый народ следующим образом:

Творческая интеллигенция – это **Личность народа**, его дух, душа, язык и культура. Вторая важнейшая часть народа: **дворянство** (или

буржуазия) и государственные служащие – и хотя сегодня у нас государственные служащие – это по существу антинарод, – но все же без них не могла бы осуществляться хозяйственная жизнь в целом и промышленная в частности, не могла бы развиваться *общенародная культура*

А что же такое *Простой народ*, составляющий 85 процентов всего народа? – но это только отчасти народ, его уделом является обслуживание народно-государственного *организма*, и он менее других виноват в существовании *зла* и в его преступной деятельности...

Простой народ поддерживает жестокое правительство, защищает его, оправдывает, его ум наполнен мифами и нелепостями, он всегда выбирает худшее, всегда на стороне глупого, вредного, злого, расстреливает ученых, писателей, спасителей, святых и героев – но он только исполняет приказы преступной власти, он только идет за преступными поводарями, но производство ЗЛА – в ведении государства и *государственного народа*, защищающего государство от посягательств обездоленных.

Народы, как говорит Гете, по развитию – только дети, а дети еще безответственны и неподсудны.

Конечно, деление на части целостного народно-государственного организма – упрощенная схема, в действительности в организме народа соединены сословия, "группы интересов", два пола – мужской и женский, коренные народы и инородцы, религиозные и политические объединения – как в лесу произрастают деревья, кустарники, грибы и травы.

Впрочем, народ – то есть то, что мы считаем за народ, что нам кажется народом, – является народом не всегда. Так по дуновению ветра истории исчез единый и монолитный народ «тысячелетнего Третьего рейха», исчез чуть позже Советский народ, но возродился (хотя и в ущербном образе) русский народ и появились вдруг украинский и белорусский народы. (На какой основе они появились, *кто их возник?*)

Так, все же, существует ли в столь неоднородном народе если не целостность, то хотя бы нечто, некий Гольфстрим, который и можно было бы считать олицетворением народа, его личностью?

Возможно, **личность народа** – это **Творческая интеллигенция** – ее **дух, душа** и общий для всех **язык и культура** (которые эта интеллигенция и создает). (Хотя, впрочем, язык и культура не вполне принадлежат интеллигенции, ее собственный язык используется и другими частями народа, все же улица и театр и тем более зал научного собрания или литературной дискуссии говорят на разных языках).

Но все же эти части нецелого целого не отделены друг от друга и не совсем различны. Народ – это кустарниковая роща, каждый куст не сам по себе, а частично отдельно, частично вместе со всеми. В интеллигенции, к тому же, содержится и кровеносная система и кровь народного организма, та кровь, которая и является Кровью народа, который является себе и нам Почвой – но в 1612 году, когда вокруг Москвы бродили сто тысяч разбойников, и грабили Русь – были ли и они почвой?

Относительно **Почвенной философии** я чувствую, что близок к разгадке, Все дело в том, что НЕВЕРНО само **Основание в понимании** и объяснении мира, которого мы придерживаемся.

То, что в мире (или в **Бытии**) происходит, все его события взаимосвязаны сцеплением причин и следствий, *одно явление*, которое мы называем Причиной (или *их может быть даже несколько*) **производит** (порождает, вызывает) некоторые другие, одно или несколько, которые мы называем следствиями, и *следствия с необходимостью порождаются* ими.

Правда, *Идея о вероятных событиях и Теория Вероятностей* говорят о том, что *некоторые события случаются спонтанно* (лат. *spontaneus* – самопроизвольный), и заранее невозможно знать, произойдут они или нет (не только потому, что возможные причины может быть неизвестны, невидимы, но и потому, что их, может быть, и нет). Они возможны, но не обязательны.

Так, в наше время, выйдя на улицу, человек рискует оказаться в *Доме* предварительного **заключения**, ДПЗ, в Шпалёрной тюрьме, а вслед за этим и получить срок, даже если он шел по улице без плаката и флага.

Итак, одно явление порождает другое – как следует из **закономерности и причинной обусловленности всех событий и явлений в мире и Бытии**.

Матерьяльное, природное, вещественное мироздание (Бытие) проявляется как совокупность **связанных между собою явлений и объектов**, ибо не только явления взаимосвязаны, но и матерьяльные предметы (объекты) расположены не хаотически, а в некотором порядке, так планеты движутся по Эклиптике вокруг солнца, на Земле располагаются горы, реки, моря, кора и ядро и полезные ископаемые в таком же относительном взаимообусловленном порядке, не говоря об улицах, площадях и зданиях городов и о предметах в квартире.

Однако, кроме **Мира явлений и объектов (матерьяльного Бытия)** существует **Сознание** (то есть **духовное Бытие**) – которое проявляется, действует, функционирует не хаотически, а согласно множеству правил.

Причинная обусловленность явлений и событий вещественного мира (**Детерминизм**) имеет аналогом, подобием *Правил*, которыми обусловлена деятельность **Сознания**, которые называются **Логикой**. Причинно-следственные связи явлений и событий вещественного мира тождественны правилам деятельности сознания. Если в причинно-следственном мире явления связаны, так что из А следует Б, то в Сознании (в логике и математике) связаны суждения, и если $A = B$ и $B = C$, то $A = C$... Сознание детерминировано, как и вещественное Бытие.

Впрочем, как мы уже догадываемся, нет отдельно от *Сознания вещественного Бытия*, но они *существуют* и только вместе являются **Бытием**.

После полуночи. Когда ввели новую систему образования (сразу же, как рухнул социализм – ввели ЕГЭ и учить стали гораздо хуже, но всем тупым учителям и тупым школьникам жить стало легче, теперь никто не пытался и не мог их как либо изменить, излечить от тупости...) Сегодня смотрел и слушал беседу Гордеевой с врачом-онкологом, там та же проблема,

государственная власть разрушает российскую медицину и систему лечения и оказания помощи... – но *«липл хотя и вымирает, но хакает!»*... И он не только хакает, но и поддерживает такую медицину, при которой он вымирает. Ибо весь порядок вещей можно изобразить следующим образом. Есть плохой царь. Есть Негодяи, которые оккупировали страну. Есть нормальные люди, врачи и учителя, ученые и просто грамотные работники в разных отраслях хозяйства, культуры, жизни.. Негодяи лишают хороших людей возможности учить, лечить, изменять жизнь к лучшему... Есть **Народ**. Этот народ делает всё, чтобы защитить и оправдать негодяев и помочь им победить хороших людей, в крайних случаях, как часто бывает, чтобы их просто-напросто уничтожить, как это было при Гитлере и при Сталине и при большевиках. Так что и кто является Злом? Злом является народ, эти простые люди, которые помогают Злу навязывать свою волю жителям и стране. Почему Народ помогает злу? Только ли из-за того, что народ состоит из тупых? Или ЗЛО именно коренится в народе, и народ является даже его движущей силой, хотя сам же от него и страдает? И разве не крестьяне защищали царя и помещиков и Крепостное право? И разве не народ пошел за Лениным и большевиками и Советской властью и не народ до сих пор эту уже ушедшую власть оплакивает и любит?

Тирания – Зло. Но не спасает и демократия!?

24 окт. 2022г., понедельник. Споры бессмысленны. Окружающий мир пребывает в своем непосредственном, вода течет, сырость пронизывает, ветер колеблет деревья... Они не могут размышлять, и если ввязываются со мною в споры, то только мешают мне жить. Окружающий мир объективен, я субъективен, мы существуем в разных мирах, и если я все же воспринимаю шум деревьев и в большой степени перевожу его на человеческий язык, то деревья меня понять совершенно не в состоянии с помощью своего шума или качания ветвей. В центре наших разногласий оказались Личность и Народ, оппонент меня спрашивает: разве я не часть народа – такая же часть, как каждый из тех, кого я обличаю? Увы, я **не** часть народа. Не только в том смысле, в каком дворянские философы народом называли крестьян, а себя к народу не относили, но и в том, в каком кирпич не является *частью строения* – даже если он из строения только что выпал. То место, которое он занимал, можно заполнить цементом, глиной, ничем не заполнять, и этот кирпич может заполнить любое другое место, даже подпереть ворота, оставаясь при этом кирпичом. Каждый из нас, живущих в России, представляет только самих себя, мы тождественны только себе, и если народ в настоящее время *верноподданен, реакционен, поддерживает свое правительство*, то в меня не входит никакая часть его *верноподданной* низости, я *правительство не поддерживаю*, поэтому акциденции того, что является народом, не являются моими акциденциями, и я ни народом не являюсь, ни вхожу в народ.

Я состою из своих особенностей и качеств, как народ из своих, и если качества наши различны, то и *я и народ различны*. У человека есть **сознание и воля**. Есть **пол**, *представление о мире и истории, стремления и побуждения*,

причем у разных людей они различны. У человека есть *родные и близкие, друзья* (не обязательно близкие по крови), есть *интеллект* и его можно оценить. *Народ не имеет сознания и воли, пола, представления о мире и истории, стремлений и побуждений*, нет у него сознания его *миссии*. Если человека уподобим кирпичу, а народ строению, то сумма качеств и свойств, которые исчерпывающе описывают кирпич, никак *не пересекается* с суммой качеств и свойств, исчерпывающе описывающих строение. Если дом снаружи скрыт штукатуркой, то о нем даже не известно, из чего он построен. Домом является не материал для изготовления, а его **форма**.

Так и картина, написанная масляной краской или гуашью, или являющаяся мозаикой, как будто что-то в себе содержит от красочного материала – но вот я день и ночь сижу за компьютером и в интернете нахожу иллюстрации для книг, которые редактирую и верстаю: картина на экране компьютера почти неотличима от подлинника, но ее красочный слой нельзя ни оттереть ни пощупать, хотя его, правда, можно исправлять.

Стакан воды, зачерпнутый из озера, содержит воистину часть озерной воды, слово является частью фразы (или предложения), иногда слово является смысловой частью фразы, но не всегда. Например, союз «и» не передает часть содержания фразы, в двух фразах, имеющих противоположное содержание, может присутствовать один и тот же союз «и».

Особенно поразительно несходство элементов и множества, составленного из одинаковых или разнообразных элементов. В воинском подразделении одни солдаты могут быть безжалостны, другие сердобольны, но это не меняет безжалостный характер их действий. Даже если солдат только подносит снаряды к пушке, она разрушает здания и убивает людей. Не складываются качества солдат и не становятся качеством их соединения.

И я, со своей вечной душой, образованием и культурой, никак не влияю на поведение и оценку русского народа во время войны; и даже если я никого не убиваю, найдутся другие, которые их будут убивать – возможно, дело в том, что направление движения автобуса зависит от того, кто сидит за рулем, пассажиры могут не знать, куда автобус направляется. **История творится не народом, а государством**. А государство – это историческая сущность, не совпадающая с народом, онтологически ему противоположная. Народ – это природное явление, *множество тех, кто родился, множество семей, множество родов, стадо и племя...* Понятие *растительного покрова* еще точнее передает сущность народа, ибо растительный покров неотделим от почвы, на которой он произрастает, так что в понятие народа кроме племени и стада надо добавлять представление об ареале обитания, о географической среде. Ну и конечно природно-биологические особенности данного вида, умеют ли его особи летать или ползать...

Но что касается народа, то он не только природен, у него есть язык, история и историческая память, чем он отличается от животных стад и сообществ,

При сложении элементов не всегда появляется *новое содержание*, тем более превосходящее то, что складывается. Если записывать случайные слова

в произвольном порядке, то в лучшем случае мы получаем простой набор разнородных слов. Такое хаотическое множество элементов не меняет своей бессодержательной природы при присоединении к нему новых элементов, все оно является толпой. Если мы рассматриваем множества, состоящие из элементов, ограниченных территорией, то мы получаем население села, района, области, города – обладают ли эти множества какими либо свойствами, признаками, различающими их между собой? Есть ли отличия населения Москвы и Петербурга, Урала и Сибири? Часто приходится слышать о таких отличиях, но они, вероятнее всего, воображаемы, Они отвечают некоторым субъективным представлениям того, кто о них рассуждает, или известным литературным штампам. Что мы знаем о жителях Америки? Обычный обыватель, который в Америке никогда не был, не знает о ней ничего, кроме того, что совсем недавно там процветал белый расизм, а теперь процветает черный, и что Америка противостояла Советскому Союзу в споре о геополитическом доминировании? Вчера мы американцев любили и они были нам как братья, они даже учили нас жить, сегодня наше правительство спорит с их правительством о влиянии на мир, и американцы стали *«сворой тупых и злобных либералов, стремящихся нас погубить»*. Возможно, они были такими и вчера, а наше правительство играет в геополитическую игру, целью которой является уничтожение России – но догадывается ли об этом обыватель? Не являемся ли мы сами *«сворой тупых и злобных либералов»*? При этом есть важное обстоятельство, которое девальвирует все подобные рассуждения – народы, быть может, не существуют? Является ли население США народом? Является ли народом население России? Русским народом? Советским? Российским? И хотя в 19-м столетии было гораздо больше качеств, по которым сложный много-сословный народ, с его сложной историей, можно было определять как **народ**, как некую целостность, как организацию – но *являлся ли и в 19-м столетии народ России, говорящий на русском языке, **народом***? Тем более *является ли русским народом современный Российский народ*? И если это все же народ, то есть ли в нем нечто положительное, из-за чего мы им гордились, его любили, есть ли в нем доброта, великодушие, является ли он **великим народом**, как об этом думали Достоевский, Тургенев, Шаляпин, Зинаида Серебрякова и вся прежняя русская интеллигенция? И есть ли сегодня в этом народе милосердие, милость не только к *падшим*, не только к *чужим* и к предположительным *врагам*, но хотя бы к тем из своих, кто в оппозиции к правительству? Совсем недавно мы осудили сталинские репрессии, частично покаялись в них, недобитую интеллигенцию освободили из тюрем, а добитую реабилитировали посмертно – но сохранилось ли в нас это раскаяние, сохранилось ли великодушие по отношению к ним? Нет, ненависть возобновляется и возрастает, все, кто не стоит на коленях, вновь **враги народа** и *иностраные агенты* – не кончится ли это тем, что России и Русского народа скоро не станет ни как страны, ни как населения, и нас, *последних русских*, еще испытывающих притяжение к России, вновь потащит в тюрьмы этот верноподданный – но не русский – «народ»?

Существует ли народ? Если термин *народ* считать просто синонимическим обозначением тех, которые в течение последних столетий существовали как *крепостные* или как свободные *крестьяне* (после освобождения от крепостной зависимости), или как жители городов и сел, как трудящиеся, как избиратели или налогоплательщики, то ясно, что никто не искал для этих людей термина, обозначающего их как некую культурно-историческую личность, как некое единство, обнимающее собою людей одного происхождения или говорящих на одном языке – а население, естественно, существовало, но было ли оно Личностью, было ли оно единством, или по-прежнему только населением? Но возможно ли, чтобы это многообразное соединение разнообразных элементов, иногда не связанных и не подобных друг другу, существовало как единство и личность?

Я уже почти не верю в то, что действительно этот термин «народ» обозначает собою сущность, которую мы в течение нескольких столетий искали, но прежде чем от него отказаться, я пытаюсь его удержать: пусть и нет единого целого, но есть несколько народов, по крайней мере три: во-первых, интеллигенция является народом как национальной идеей (хотя бы ее лучшая часть); во-вторых, народом является «простой народ», хотя и простодушный, а часто даже просто тупой, но все же это не «злодеи»; и, наконец, народом являются *новые господа*, то есть злодеи, те, которые **«сидят за столом и пируют», захватили страну и ее растлили** - чиновники, командиры и управляющие органов государственного производства.

Если народом является «простой народ», то меня он не утешает, это народ, о котором Пушкин сказал: *«Паситесь, мирные народы, Вас не разбудит чести клич!»*

«Пирующие господа» несомненно не являются народом. Но и интеллигенция, даже ее лучшая часть, это не тот народ, который *«достоин счастья и свободы, ибо каждый день за них идет на бой!»* Наша интеллигенция либо становится на колени, может быть, на мгновение помедлив, либо пьет и бессильно плачет, либо идет служить... кому угодно... в крайнем случае, бежит на Запад и служит Западу...

Вчера слушал Беседу Гордеевой с онкологом Ласковым. В продолжение разговора я плакал. Скорее потому, что они оба были прекрасными людьми, умными и благородными, и во-вторых, из-за бедственного положения Российской медицины и благородных людей... Ибо существуют люди умные и благородные – но они как птицы в клетке. Им еще иногда разрешают работать, но очевидно, что скоро и работать им запретят.

Все плохо. Все плохи. Хороших людей мало и они лишены всякой власти и лишены силы. **Властвуют негодяи.**

Вот в такой стране мы живем и не на кого опереться, не с кем идти в бой за «светлое будущее». Но **народ не безмолствует. Он активно творит Зло своей собственной Истории.** Он идет за своим Князем Тьмы.

ВИ. ПРАВДА ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ КАК ПРАВДА (РС №17)

Одиннадцать лет, прошедшие после смерти Сталина, с 1953 года по 1964, были ознаменованы тем, что мир стал двуполярным, две великие державы (СССР и США) задавали тон не только в международной политике, но и в успехах мирового технологического прорыва. Русские стали первыми и в Космосе и в ракетно-ядерной мощи, – если с атомной бомбой мы отставали от США, то водородную бомбу взорвали первыми и мощь наших ракет превосходила американскую. Появились социалистические режимы в Африке, на Ближнем востоке, в Латинской Америке. Это впечатляет в сравнении с тем, что новая «Россия» с ее *"новыми русскими"* разрушила не только СССР, но и тот социализм, который после 53 года частично повернулся лицом к человеку и к собственному народу (а колхозники были до 53 года крепостными, и в целом народ влачил рабское существование). Последние тридцать лет нашей истории – это поражение, сопоставимое с сокрушением нацистской Германии в мировой войне, мы из великой промышленно-развитой страны превратились в источник сырья для западного мира, разрушены наука и культура, пали технологии, произошло невиданное растление народного сознания. Но случайно ли? Мы ведь должны помнить, что брежневскую эпоху называли *эпохой застоя и застолия*, а вслед за нею наступила *«эпоха живых мертвецов»*. А что наступило с воцарением Ельцина? Если КПСС – это *ум, честь и совесть советской эпохи*, то хватит *стирать портянки Сталину* и переиздавать мемуары кровавых смершевцев – давайте хотя бы просто повернемся передом к истории собственной страны.

Осуждение Сталина было громадным историческим явлением для СССР и для всего мира, оно касалось не только нашего народа, но и значительной части всего человечества. СССР-Россия вышла из-за Железного занавеса и стала полноправной страной в мире, миллионы людей смогли познакомиться с ближним и дальним Западом в качестве туристов, возобновились научные и культурные связи с европейской и мировой интеллигенцией, СССР приобрел союзников (сегодня, кажется, у нас только два союзника – Сирия и Северная Корея?)

После 1964 года наступила странная эпоха не громкой реставрации сталинизма – но при этом КПСС **не** отменила НИ ОДНО постановление революции 56 года, и не подвергла их критике. Затем так называемая КПРФ, созданная на деньги ельцинского правительства, сделала все, чтобы похоронить идеи *«социализма с человеческим лицом»*, воспевая любовь к казарменному социализму. С точки зрения коммунистической идеологии "подпольная" ревизия Постановлений 20-го съезда, БЕЗ новой партийной переоценки их – это победа антипартийной кучки сталинских приспешников (Молотова, Маленкова, Булганина, Ворошилова и «примкнувшего» к ним Шепилова), которые были осуждены Постановлениями 21 съезда КПСС и изгнаны из партии. Деятельность КПРФ – то же самое, что в исторической науке сегодня

представляют собою писания псевдоисториков банды Фоменко, отменяющих тысячу лет европейской истории, татаро-монгольское иго, Батя и Чингис-хана и насаждающих русских на Капитолийском холме. Наступила эпоха мифологии – или *шизофрении*? Не знаю, куда спастись – не было расстрелов, разрухи, подавления Кронштадтского мятежа, не было ГОЛОДА, созданного **властью** (а он еще более тяжкое обвинение большевизму, о котором мы не хотим знать) – так какую же Историю мы знаем вместо ИСТОРИИ?

Но дело не только в постановлениях 20-го съезда Партии – советский народ после Сталина и до антикоммунистической революции прожил **сорок** лет, и все ностальгические воспоминания о советской жизни относятся именно к этой, антисталинской, эпохе – и вдруг мы выбрасываем на помойку Мерецкого, адмирала Кузнецова, Солоухина, Твардовского, Симонова, Королева, Туполева, Виктора Астафьева, Распутина, Федора Абрамова, Бориса Можая, Тропольского, Александра Яшина, Василия Белова, Константина Воробьева, отца и сына Тарковских, ... – весь цветник русской культуры!!! Неосталинизм вычеркивает их из истории русской культуры – вместе с громадной мемуарной литературой – оставляя на дырявом знамени с портретом Сталина нескольких генералов (включая Жукова, который сам был преступником), воспоминания которых были изданы либо до эпохи Очищения, либо во время Реставрации сталинизма. Хрущев, руководивший СССР в течение **11 лет**, при которых СССР вышел в Космос, вдруг вычеркнут из советской истории (как ранее были вычеркнуты Троцкий, Бухарин, Рыков...)! Но потерял ли народ память? Я читал о **предыстории** Антоновского восстания, о расстрелах крестьян и даже детей в Тамбовской губернии – поклонники Сталина не только ему портянки стирают, а заодно и Землячке, и Троцкому, и Ленину (кстати, прочитайте о нем книгу Солоухина – может быть и в самом деле на его фоне Сталин – злодей незначительный?

В общей сложности более **4 млн жертв** политических репрессий были **реабилитированы** после смерти Сталина. ... в некоторых лагерях НКВД для репрессированных умирали в год от 20 до 27 проц заключенных, особенно детей до 5 лет. В годы репрессий погибли около **10 млн человек**.

Но что такое Русская революция? Не она ли сама - главное событие репрессивной истории СССР с 17 по 53 год? Так не перенести ли центр наших споров с личности Сталина на *Личность той силы, которая взнуздали Россию в 1917 году*, как Монгольское иго взнуздали Русь в 1242 году?

В нашей стране не все без памяти и без истории, и мы, русские, ищем **истину и царствие божие** не только на небе, но и на земле, и дети **народов**, которые были репрессированы вместе с нами – уж они то всё **помнят!!!** – а мы ищем *правду и справедливость* с нашей исторической **родиной**, а не с бандой террористов, завоевавших нас как Батый.

Поэтому надо вернуться к критике философии, критике Канта, Гегеля и Шопенгауэра, Ветхого и Нового Заветов, Капитала, писем Цезаря и Цицерона, – их изучение плодотворнее!!!!!! Тем более что историки **МОЛЧАТ**, а мифологи кричат и оглушают даже здоровых...

Кстати, из БСЭ: «Накануне Первой мировой войны Российская Империя имела вторую по размерам экономику в мире. Россия между 1904 и 1914 годами ... стала мировым лидером в области технического образования, обойдя Германию. В 12-м томе 1-го издания в статье «Война» приведена цифра потерь убитыми и пропавшими без вести: 775 тысяч человек.»

Реплика Редактора НЕ существующего журнала: **«в таком времени, в котором и литература НЕ существует – а возможно, не существует и само это время, – существует ли даже существование несуществования?!»**

30 мая 20. Выписываю из публикации Лапенкова в этом же номере с. 306: «Розов об имперской психологии (картине мира): «военный и геополитический успех неизменно воспринимается в России как достаточное оправдание авторитарного государства и мобилизационного режима. Соответственно, военный и геополитический провал дискредитирует то и другое».

И наконец психологический вывод на уровне геополитики: *«Подобные шараханья сильно напоминают поведение подростка в период личностной ломки при переходе от детства к юношеству. Отрицание всех авторитетов, уверенность, что он является самым умным человеком на Земле, сменяется подавленностью, неспособностью принимать ответственные решения... Поскольку Россия уже более 300 лет никак не может выйти из этого неравновесного состояния, соответствующий синдром правомерно назвать хронической геокультурной пубертатностью... Так ведут себя невротики. Соответственно, в политической культуре России обнаруживается синдром геополитического невроза».* (В.Л.: Признаки такого невроза, в том числе в форме настоящего маниакально-депрессивного психоза, мы в огромном количестве наблюдали с начала 2000-х гг., и наблюдаем до сих пор, в том числе по российским телеканалам).

«Две главные установки, продолжает автор, – “бежать” и “не пущать” – уживаются в одной политической культуре и даже в одном индивидуальном сознании. По-русски такой синдром называется “державно-беглое расщепление психики”, а при использовании латинских и греческих корней – “этактистско-эскапистская шизофрения”».

ВИ: Оглядываясь на себя, нахожу, что я тоже недалеко ухожу от своего народа, и во мне все те же симптомы и результаты подросткового раздвоения психики, от уверенности в своем превосходстве до подавленности и презрения к самому себе.

ПОУЧЕНИЕ ЖУРНАЛУ НРЖ и нашим журналистам. 2019 год

В начале создания НРЖ осторожные сочувствующие предлагали *разумный* подход к журналу, состоящий в том, чтобы выпускать его на тех же основаниях, что и прежняя журнальная «продукция» (не догадывались они, что наш журнал – это **секта**: в религии, в культуре, в народе, в интеллигенции.) Они предлагали статьи строить так, как в школе строились уроки по литературе: учительница объясняла содержание романа, школьники принимали участие в его обсуждении, сомневаясь, дополняя, *развивая ее слова*.

Но критик **НЕ учит читателя** читать и понимать литературу (тем более что читателями являются в основном критики и писатели), а создает *Новую философию мира, опираясь на литературу* – это чисто русский вариант европейской философии.

Кто эту философию создает и кто пишет статьи?

Поэты и писатели, читатели (музыканты, актеры, журналисты, ученые). Специалисты по истории литературы и литературоведению, критики. Философы, социологи, историки.

Но журнал начал выходить, скорее всего, **сектантский**, хотя я и предлагаю участвовать в нем и *правоверным* (христианам, социалистам, ученым, философам и художникам), а не только **критикам**.

Теперь мы ставим задачу сделать этот журнал **знаменитым** и число его читателей довести до **7 человек** – семь человек достаточно и необходимо для полного переворота в сознании и в мире (да большего количества разумных и образованных людей и в России и даже во всем мире и не найдется).

Возможно ли это? Я не знаю. Но это необходимо. Один из путей известности состоит в эпатировании публики, в частности, например, за счет предъявления ей на сайте, на котором размещен журнал, еще и скандальной книги «Легенда о великом Инквизиторе», в которой я вызываю философов и писателей дореволюционной России на литературную дуэль.

Для этого я должен стать премудрым *как дети*, как зывал апостол Павел, *...хотя и иметь жало мудрости змеи...* – как зывал Пушкин).

Вспомним, что на знаменах противостоящих войск всегда написано: **С нами Бог!** И на поле Куликовом, и на Чудском озере, и под Полтавой, и на Курской дуге... Финны приезжают к нам в гости с мешками для сбора мусора и выставляют потом эти мешки вдоль дорог, русские крутят пальцами у виска... Но несомненно, что их протестантский Бог истинный, к тому же Лютеранская церковь в России опережает всех по милосердию, помогая детям, нищим, калекам, наркоманам и пьяницам. Основатель Катакомбной церкви епископ Андрей (архиепископ у староверов - его записки я печатал в журнале), брат великого ученого, расстрелянный большевиками, несомненно святой – почему же я не получил ни одного отклика от «истинных православных», которые ныне по совместительству еще и никониане и обновленцы и сергианцы...? Так вот, по крайней мере несколько человек в России пришли к выводу, что «царя подменили», во-первых, Розанов, он начал утверждать, что Спаситель – это ... денница... прости, Господи... Еще ранее его к такому выводу пришли Александр Блок и Иванов-Разумник, да и участники объединения «Скифы», в Ветхом же Завете тоже идет речь о

Спасителе, и в знаменитой поэме Блока «Двенадцать» в белом венчике из роз впереди *Иисус-Христос* – это *ветхозаветный спаситель* (обратите внимание и на имя – так пишут имя бога староверы). Стихи о Прекрасной даме пронизаны реминисценциями из Ветхого Завета, сочинения Владимира Соловьева, стоящего у истоков декадентской поэзии, которой мы все поклоняемся (как и я) – содержат те же реминисценции, Лев Толстой.... Впрочем, остановлюсь...

Итак, для того, чтобы меня услышали, мне надо научиться говорить так, как Змея. Кстати говоря, не совсем понятно, о какой змее говорится в пушкинском пророче, если речь о той (**том**), с которым любила беседовать Ева у Древа познания, то все сходится. Но пусть Боги сами между собой разберутся, кто из них мне поможет, я же обязуюсь оставаться *самим собою* и ни в какую партию вступать не буду, ни в коммунистическую, ни в христианскую.

Мое дело не прямо связано с христианством. Если иметь в виду пожелание бесребренничества, то мои друзья и братья катары (альбигойцы), сплошь до единого вместе с детьми уничтоженные крестоносцами (вместе с цветущим Провансом, откуда *есть пошла* романтическая любовная лирика – провансальская поэзия 12-го века). (Так что, братья мои поэты, никакие вы не христиане, проповедующие, что культура внушена дьяволом, а особенно математика, а еще пуще Лирика... это проповедовал еще Павел, говоря, что улицы Афин уставлены идолами, а потом это стало сердцевиной всего духа учения... но *надо читать...* и Розанова, и Брянчанинова, и Златоуста, и Оригена «математика внушена бесами»). Моя подруга Жанна – Орлеанская Дева, спасительница Франции, несомненная ведьма, по мнению христиан... Впрочем, противостояние Религии и Культуры (при том исключительном явлении, когда большинство ученых как раз религиозны, но дело в том, какой тип социализма и какой тип религиозности насаждается авгурами, цепко взявшими в свои руки и социализм и отношения с Богом) – не самое важное. Важнее противостояние двух типов человека: одни сосредоточены на жизни для себя самого, на культивировании своего собственного Я, своей собственной души, другие и считают (и так и живут), что **смысл жизни состоит в заботе и помощи и познании и преображении мира**. Оставь нас, не мешай охмурять мир, НАЧНИ С СЕБЯ (да собой и закончи!), взывают эгоисты (и прежде всего христиане). Но - Заботься прежде всего о своих детях (да и о чужих по мере сил), воспитывай их, помогай семье – убеждают материнская любовь и семейные и родовые привязанности (хотя *враги человеку домашние его*, сказал сгоряча Христос – сложные у него были, видимо, отношения и с матерью его и с братьями и сестрами).

В поте лица своего добывай хлеб – не только для себя, но и для близких и для всего народа – это чувствует и понимает всякий крестьянин, который не может не заботиться о завтрашнем дне, и возделывает поле и огород (как писатель и ученый возделывают ниву своих исследований и размышлений).

Но мы чувствуем и видим, что между трудящимися (народом, крестьянами, ремесленниками, извозчиками и работниками транспорта, лесниками и лесничими и всеми, кто любит природу) и интеллигенцией существует и углубляется пропасть, понимаемая как противостояние города и деревни. Город инстинктивно ненавидит деревню и уничтожает ее (начиная еще с

античности), уничтожает природу, крестьянскую и деревенскую жизнь, деревню, народную культуру (включая традиции, праздники, обряды, формы личной и общественной жизни). Но вся ли интеллигенция на другой стороне пропасти? Учитель и преподаватель учат школьников и студентов, детей в детском саду, и они не советуют детям и подросткам **начать** сначала **с себя**, а уже потом учиться, а объясняют им таблицу умножения, алфавит, правила поведения и многое другое. И врач не отправляет больного **сначала** в церковь, но ЛЕЧИТ – даже раненого вражеского солдата.

Из Интернета пришло воззвание к правительству Бразилии: горят леса вдоль Амазонки, правительство их отказывается тушить, *люди доброй воли всего мира* призывают повлиять на безнравственное правительство – или, может быть, ничего не делать? Хотя я чувствую, что МОЙ БОГ велит мне пытаться помогать бедствующим, насколько в моих силах, в том числе пытаться помочь бразильской Амазонии, Сибирской тайге, озеру Байкал, в которое сливаются помойки окружающих его заводов (и Юнеско само уже плачет о нашем страдающем озере), исковерканным лесам Новгородской области, пьяному, который не в силах встать на дороге... Маргарита пишет в своих стихах, что она его будет пытаться поднять, будет взывать к проходящим мужчинам, чтобы они ей помогли – я не поместил это стихотворение в книгу, но, возможно, ее порыв важнее ее стихов?

И что важнее – научиться писать стихи или стать человеком? Стать Пушкиным – или стать Александром Матросовым, Зоей Космодемьянской, Дмитрием Донским, стать как Арина Родионовна, моя мать или бабушка, родившие на двоих пятнадцать детей? Аполлон Григорьев пишет, что **без Пушкина мы бы все околели** – и это, кажется, тоже верно, как и то, что *без моих родителей я бы не родился* – а как много тех, кто меня создал как личность? Христианство – это чрезмерно оголтелая жажда жизни *для себя самого*, для своей души, противопоставленной всему миру, для любви к самому себе – а любовь к Богу – это так, *только слова, слова, слова...*

На днях в метро, возвращаясь из деревни, я столкнулся с красоткой, которая пыталась меня усадить вместо себя. (А девушки прямо таки бросаются меня усаживать, видно, помнят, сколько крови они из меня выпили). Вам кажется, что я уже рассыпаюсь? – напустился я на нее. Что мне пора уже на переплавку? А кто будет мир спасать, или хотя бы нашу несчастную Россию? Да вы что, возмутилась она, в России еще жить можно, а у них и дышать уже нечем, Амазония горит! Будто у нас не догорает Сибирь, не плачут Ангара и Байкал? Надо читать мои книги! И тогда вам все станет ясно!

В вагоне трясло и шумело, почти ничего не было слышно, я наклонялся к ее уху, чтобы она меня слышала, она наклонялась ко мне. *Может быть мы просто уже теперь начнем целоваться, и ничего не надо будет говорить, все, что я должен вам объяснить, через поцелуи дойдет до сердца, минуя язык?* Ну а как же другие? Им ведь надо будет объяснить ту истину, которую мы с вами найдем, так что нужны слова, нужен язык, а лучше даже то самое *жало премудрой змеи*, от котором пишет Пушкин? К тому же я еще не уверена, что вы уже самый идеальный человек, а с неидеальным человеком я целоваться боюсь, вдруг он станет от этого еще хуже?

Почему же я убеждал ее, что я *идеальный*? Потому что меня волнуют не только мои успехи, и научиться говорить и писать я хочу не для того, чтобы прославиться, даже этот Сборник, который пьет мою кровь, а сижу я над ним безвылазно, я составляю не для того, чтобы залезть повыше – нет, мне казалось, что так авторы станут заметнее, кипу журналов никто перечитывать не будет, а Сборник прочесть легко, можно даже возить его с собою за пазухой, как возила Р. мое к ней письмо и перечитывала в трудные минуты – и оно ее утешало. Мне кажется, что вся компания наших авторов – это словно пионерский отряд в школе, в котором я был пионервожатым (не будучи, впрочем, комсомольцем), и я за этот отряд отвечаю. Ничему плохому я вас учить не буду, да и ничему не буду учить, потому что я не умнее других, только странным образом не поддаюсь пропаганде и не промокаю в ее воде – не то чтобы я всегда во всем сомневался, но... ну, например, я чувствую неискренность, отличаю зеленый цвет от красного, чувствую запахи даже до того, как «рыба теряет свежесть», замечаю несоответствие деклараций и намерений, не поддаюсь гипнозу... ну а во всем остальном я такой же как все, может быть, еще хуже, пьяных я, правда, куда-нибудь волоку, где им безопаснее, и ненужные поприща, к которым меня зовут, часто пытаюсь пройти, но я *не подставляю вторую щеку, не лжесвидетельствую, не завидую, не подменяю родину и государство на царя, и человека НЕ меняю на бога*. Человек мне всегда дороже, особенно страдающий и несправедливо униженный властью и государственной силой.

Вернемся к Журналу. Те взгляды, которые отстаивают авторы, я не всегда и не во всем разделяю, я против них восстаю – но все мы еще дети, когда-нибудь и к нам придет зрелость... а пока я жду, что мне напишет красотка, к которой я вчера приставал в вагоне метро...

31 августа 2019. Для полноты того, что я сказал этим сборником, осталось сделать два замечания. Во-первых, в том, что очень много достойных текстов не вместились в Сборник, я приношу свои искреннейшие извинения авторам, я сам готов был заплакать, оставляя в море отвергнутые тексты, как врангелевские корабли не смогли вместить всех, жаждающих бежать из России для спасения своих близких. Необходимо издать еще один том, куда войдут критики, философы, писатели и поэты дореволюционной поры...

Второе замечание касается той безумной полемики, которую я затеял между *сторонниками Преображения мира* и *сторонниками его сохранения в первозданной дикости*. В деревне я сломал падающий обветшавший сарай, из-за которого у меня сломалось плечо, соседи (бывшие городские) мне вопияли: *Не нами поставлено, не нам переменять!* Что за нелепый спор? Мир с ветхозаветных времен изменился почти неузнаваемо, **меняли его все**, и революционеры и консерваторы, наука развивалась, история, культура, промышленность, железные дороги, Вселенские христианские соборы и Отцы церкви *переписывали Священное Писание*, создавались новые религии, мои оппоненты строят дома и учат детей и пишут книги, *неустанно перекраивая мир*, орды христиан шляются по Азии и Европе, художники создают **НОВЫЕ** картины и книги, крестьяне перепашивают землю, *слезы, пот и кровь льются от усердия христиан, стремящихся изменить всех вокруг кроме себя, только я защищаю неизменность правды от власти силы!*

Последние в номер "Записки редактора" на бегу в уже отходящий поезд

Дамы и господа! Редактор, разумеется, не дремлет, да и читатель тоже, я уже получил множество гневных замечаний на грубые ошибки при редактировании и своих и чужих произведений, кое что заметил и сам, поэтому исправляю окончательный текст журнала, притом в нем добавлена даже целая страница, а теперь еще и свои Неожиданные Записки вдогонку.

Пока я раздам те бумажные экземпляры, которые были тайно и тайно отпечатаны (несмотря на эпидемию чумы) в том дне, который Высшие силы Особым указом добавили к апрелю. От себя рискнул я добавить еще один день – потому что мне все же его не хватило... *ВИ. 32 апреля 2020 года.*

11-16. Я сам лично НЕ ЛЮБЛЮ ни западное самомнение, ни их во многом образ жизни, ни их стремление всех поучать, но пользуюсь и мобильником и компьютером, как и все антизападники, заимствующие технический прогресс и доллары с Запада (именно там их печатают). Но я твердо ЗНАЮ (я человек образованный), что мы бы получили и мобильник и компьютер и вертолет и телевизор (как получили ракету) из России, если бы большевики часть наших изобретателей не перестреляли в ходе борьбы за **светлое будущее всего человечества**, а часть не выперли из России (только единицы уцелели, благодаря им у нас есть ракета и водородная бомба!). И все то, что у нас есть, изобретают свободомыслящие и образованные люди, а не ваши долбаные патриоты, которые, когда им развяжут руки, воскресят и Сталина и добьют всех не добытых Королевых, Сикорских, Ресовских, Вавиловых!!! Почему блестящие молодые ученые поубегали на Запад? Потому что они нас боятся! Вот пример: я пытался издать эпопею «Храмы России», один том (Храмы Петербурга) даже напечатал, наши историки подготовили четырехтомник о храмах Москвы, Русское зарубежное кадетское общество пригласило меня приехать, они готовы были собрать деньги на издание книги о зарубежных православных храмах и далее помогать, и директор библиотеки Конгресса США Биллингтон тоже меня приглашал (*да в конце концов не я ли научил и Рокфеллера – одного из – пить русскую водку? Он тоже обещал помощь!*). Это было время, когда я ходил в Государственную Думу обедать. Мне только был нужен зарубежный паспорт, позволяющий выступать перед интеллигентной публикой Запада (в большинстве русской), я обратился к Глазьеву. Этот махровый патриот закричал: *Какой позор! Ехать на Запад просить денег на издание книги?!*

Паспорта мне не дали, вскоре выперли из столовой, я уехал в деревню на электричке, вместо билета даря контролерам свои книги... Из электричек в конце концов меня тоже выперли, я пошел на шоссе и стал голосовать перед проезжающими машинами (так родилась книга «*Встречи на дорогах*»).

23-09. Может быть потому, что я математик, я стремлюсь понять и причины и следствия; даже и аксиомы и теоремы.

Учение о **светлом будущем** (которое мы только что строили) **всего человечества** называется интернационализмом (*пролетарии всех стран, соединяйтесь!*) Врагами этого учения было и христианство, потому что оно было опиумом для народа, и богаты, и консерваторы. Интернационалисты, разумеется, не могли быть ни националистами ни патриотами.

Учение, которое мы только что искореняли (заодно с попами), называется христианством (*отныне несть ни еллина ни иудея, но все мы братья во Христе... да к тому же богатый не увидит в Царствие Небесное*). Врагами христианства были Дьявол, еретики и атеисты.

Учение, к которому мы неожиданно сами для себя пришли, никак не называется, но *объединяет и тех и других*. Наконец-то лев возлег рядом с антилопой, как было обещано в Ветхом Завете.

Сергей Удальцов возглавляет Левый фронт, человек молодой и симпатичный, но на свои революционные дела взял деньги у Саакашвили. Мне Сергей нравится, но хорошо, что его посадили, вину свою он искупил.

Невольный разоблачает олигархов, которые переводят миллиарды на Запад, воров, чиновников, взяточников, – впрочем, это одна и та же компания. Он критикует правительство и находится к нему в оппозиции. Зюганов тоже находится к правительству в оппозиции, и его за это не сажают. Вообще-то оппозиция у нас разрешена. Невольный за что-то уже сидел, я думаю, что это правильно, если он был виноват, то вину свою он уже искупил.

Невольный, судя по всему, **не любит правительство**. Я тоже не люблю правительство, но я уже сижу – пока дома, в самоизоляции.

Есть еще **пятая колонна** – это те, которые тоже не любят правительство. Мои товарищи, знакомые и все *пернатые братья* уверяют меня, что Невольный – это *Пятая колонна* и он действует в интересах Запада.

Но я подозреваю, что большинство русских людей принадлежит к одному лагерю: они считают, что при всех недостатках власти правительство надо любить. Те, кто его не любит, это пятая колонна. Тогда кто же я, человек, написавший для своего народа один из лучших учебников математики (как уверяют математики), хотя правительству мой учебник оказался не нужен? Так ведь и институт растениеводства им. Вавилова оказался не нужен, вместе со своей лучшей в мире коллекцией, а это почище моего учебника... А сам Вавилов оказался расстрелян. Но я своих пернатых собратьев спрошу совсем не о политике, я и сам ею не занимаюсь, и к оппозиции не принадлежу – то есть не хожу даже на единичные пикеты.

На днях объединение книгоиздателей на коленях (через отца Гапона?) подало правительству прошение, умоляя поддержать книжную отрасль. Это касается нас, *пернатых*. Наши книги не печатают (если только мы сами не печатаем два-три экземпляра за свой счет). Наши книги не читают, телевизор, который поддерживает правительство, *несет пургу*, а как при пурге читать? И нам ничего *не светит* при жизни (а мне даже и после смерти, потому что я не христианин, а язычник, даже *народник* ...меня можно назвать и националистом, но я *народник*, и к *нашему народу* отношу ВСЕХ, кто любит Россию и кто сам считает себя или русским или в крайнем случае советским...)

Но, возможно, правительство, при котором и книги и писатели не нужны народу, относится к Пятой колонне? И надо ли любить такое правительство? И не надо ли хотя бы иногда слушать Удальцова, Невольного и ту молодежь, которая бежит на запад? И заново рассмотреть и русскую историю и собственный народ, и русскую литературу... и хотя бы перелистать *Новый русский журнал*? Но закончу я на светлой ноте: *...не надо печалиться...*

КНИГА ВТОРАЯ

РЕКВИЕМ. Архитектура русского бытия

СТОЯНИЕ НА УГРЕ

и

будущий конец Золотоордынского ига. 1480 г.

Посвящается всем безвинно и бессмысленно убиенным
в двух русских революциях 1917 и 1991 и между ними.

«Requiem aeternam dona eis, Domine»
(«Покой вечный даруй им, Господи»)

Иван III разрывает Золотоордынские грамоты

РЕКВИЕМ (НРЖ №16 с 236 – 305). С сокращениями**1.**

Чтобы понять даже мгновение, протекающее непосредственно, надо понять причины его и цели, то есть предшествующую и настоящую волю. Причины образования государства Израиль находятся в эпохе, протекавшей за две тысячи лет до нас, в их предшествующей истории, в их преданиях и характере, в их священной книге. Над каждым из нас довлеет часто его детство (как это сказано и у Фрейда, хотя и с марксистско-материалистическими перекосами), над нами довлеет Пол и Характер, описанные у Вейнингера – и как же мы поистине удивительны, когда пытаемся объяснить даже собственное поведение, исходя из вчерашнего дня, но пренебрегая тем, что складывало нашу личность на протяжении десятилетий! Я и журнал НРЖ затеял для того, чтобы мы сообща хоть что-нибудь поняли в русской истории, ибо мне в одиночку на это не хватит времени – но увы, мы не хотим познавать ни римскую историю, ни греческую, ни древний Египет, не читаем папирусов, не проводим зимние вечера за глиняными клинописными табличками, как будто без них мы что-то сумеем в истории объяснить).

Возьмем недавнюю историю Франции, войну англичан с французами и сожжение Жанны Д'Арк. Что мы сможем понять в ее подвиге, если не будем знать, что Бургундия чувствовала себя самостоятельной от Франции страной и бургундцы продали великую деву-воительницу англичанам, а папский престол был ее противником и ее предал нечистой силе, но при этом сами французы пятьсот лет поминали ее как ведьму?

Даже мелочи нынешней жизни невозможно понять, не отрешившись от рационализма Маркса, конспирологии масонов и антимасонов, христианских мифов и той несусветной каши в головах современных обывателей, по которой он и на Россию смотрит как на страну, в которой Ильич впервые зажег где-то лампочку Ильича, а Сталин украл у Америки атомную бомбу и одел русских крестьян вместо лаптей в сапоги – в то время как он их вверг в первобытно общинный строй, и моя бабушка на ткацком станке ткала тот холст, в который мы одевались, мама валяла мне валеночки из овечьей шерсти, а я детскими ручонками крутил тяжелый жернов, чтобы смолоть *"сорную пшеницу" в муку.*

Мифы о России. 1. промышленная отсталость дореволюционной России, в то время как мы достигли уровня 1913 года только в 1961 году, это было сказано на съезде КПСС.

2. Второй миф – неправда о Первой мировой войне, наши потери были равны двум миллионам человек и были равны немецким, русская иностранная армия в 1916 году спасла Париж и Францию (потеряв почти всех своих добровольцев для ее спасения). Россия совершила промышленный рывок, в 17 году у нас были танки, самолеты, бронепоезда, пулеметы, автомобили, лучшая в мире артиллерия, не было ГОЛОДА, и в Петрограде голод наступил только после революции. (Кстати, Православная церковь поддержала революцию, отрелась от царя и потом либо поддерживала красных, либо отчасти держала нейтралитет, потом Сергианская церковь, которая и НЫНЕ правит, полностью подчинилась большевикам. И ныне она подчинена им тоже.)

РУСЬ, РУССКИЕ

Ныне странное время, возможно, наступают *последние дни*, то есть когда-то обещанный конец света. Зима нынче похожа на затяжную осень, как бы весна не стала походить на зиму. Возможно, здесь рука Вашингтона...

Но не только из-за погоды *все смешалось в доме Облонских*, наступил апокалипсис или шизофрения и в умах образованных русских интеллигентов, повсеместно вдруг осознавших, что какие-то монахи переписали историю так, что она удлинилась на тысячу лет, что ныне на самом деле не 2020 год, а только тысяча двадцатый, что Татаро-монгольского ига не было, что Батый – это наш славянский Батя-хан, русские – это татары, причем они же потомки этрусков, что египетские пирамиды построены русскими князьями, выходцами из Индии или Алтая... У меня хранится рукопись одного из татарских волхвов, в которой он впервые начинал Новую Мифологию (как когда-то старая Мифология, идущая от шумер, повествовала о сотворении Евы из ребра Адама и о трансцендентном Грехе человечества, произошедшем из любопытства Евы, вкусившей с Древа Познания...)

История, Метафизика и Наука – или Миф. Ныне человек избрал Миф.

1. Но что же все таки с **русскими**, почему они с такой легкостью сменили свое родовое имя на **советских**? Вот ныне многие заклинаят, что термин *русский* оскорбителен для славянина, что мы де или древляне, или *русичи*, *русны*, *россы*, как французы или англичане или хотя бы немцы, что мы имя существительное, но не прилагательное, и именно поэтому они не хотят быть русскими, но хоть варягами, финнами, уграми или украми (как украинцы), чтобы *существовать* а не *прилагаться*, принадлежать. Действительно, очевидно, что **Русь** предшествует *русским*, что это скорее всего не племя, а сакральный орден, союз, военная организация, объединение единомышленников, по этому же способу образовались потом и *советские*, от слова «Советы», причем термин «Советы» употреблялся и на Западе вместо термина Россия или СССР.

2. Народничество или национализм.

Если в основание мировоззрения ставится народ, нация, племя, этнос, род – то это мировоззрение обычно называют *национализмом*. Но я настолько крайний *националист*, что даже иностранные слова хотел бы хотя бы частично изгнать из русского языка, потому что моим основанием не является ни племя, ни этнос, ни тем более *нация*, но **семья, род, народ**, а в основании **народа** естественным образом находится почва, земля, поэтому мое мировоззрение я называю **народничеством** или почвенничеством, и в мой **русский народ** входят естественным образом жители того русского государства, которое было создано сакральным объединением **Русь**. Ничего зазорного не вижу в том, что в этот народ вошли многие славянские племена (вот УКРы в конце концов захотели создать собственное государство – но я всегда готов протянуть им руку прощения и примирения), вошли угрофинны, вошли и кочевники, от половцев (особенно на территории Украины) до татар, населявших Поволжье еще до завоевания его Батыем и называвшихся тогда булгарами (предки сразу и татар и болгар в Европе).

Не исключено, что Союз людей, назвавших себя Русью, был когда-то гоним, и мы пришли на нынешнюю территорию России как изгнанники.

В 20-м столетии Русь снова стала гонимой, кроме подлинного русского народа (к которому я не причисляю "советских") гонимыми оказались немцы Поволжья, финны и ингерманландцы, карелы, Крымские татары, чеченцы, абхазы, калмыки, грузинская интеллигенция, мусульманская интеллигенция, буддисты и шаманы... Их я и приглашаю вновь воссоединиться в подлинный **русский народ**..

3. Мне чуждо высокомерие по поводу национальных пристрастий. Если немец назовет своим кумиром Гитлера, татарин – Чингис-хана, француз – Наполеона, советский человек – Сталина, то спорить по поводу их величия совершенно бессмысленно, тем более что Гитлер за семь лет превратил Германию в военную машину, чуть не завоевавшую мир, немцы под его водительством прошли за месяц Польшу, Бельгию, Францию, и дошли до Волги – да, для этого нужно быть гением, даже большим, чем Наполеон и Батый. Но русско-советские под водительством Сталина тоже дошли до Волги, поэтому гений Сталина немногим уступает гению Гитлера.

4. Что лежит в основании народа, племя или Идея? Но как в основании Любви и **половой инстинкт**, то есть **природно-биологическое**, и трансцендентное духовное притяжение, то и народ двойствен, он и из духа и из плоти, язык, культура, иногда религия, традиции, воля – наряду с этим возможен и Род в качестве формообразующего. Так **римский народ** впитал в себя и этрусков и латинян, и италийцев – и нечто особенное, отразившееся в мифе о Ромуле и Риме.

5. Ныне у нас, бывших русских, словно бы два народа: *верноподданные*, то есть европейские русские (они иногда называют себя *государственниками, патриотами, коммунистами*) и **свободолюб**ы, преимущественно сибиряки.

6. имя человека и имя народа означает нечто сакральное, оно формирует судьбу. Русский народ соединяет в себе множество племен, в его состав, как я уже сказал, входят все жители России, создающие себя *русскими*, то есть принадлежащими к этому языку, к этой культуре, к полноте исторической ПАМЯТИ Руси. Но россияне – снова чуждый термин, как и советские...

7. Репрессии коснулись практически всех – и каждый народ из всех, входящих в Общий русский народ, должен составить свой мартиролог, он будет более чувственно осязателен, ибо мы услышим, как древняя Рахиль плачет о детях своих (или русская Навна), и этот список поразит более, чем бессмысленные споры о том, погибли ли в результате нашествия большевизма на русскую землю сто миллионов или только пятьдесят

8. Смысл двух (или скорее трех) русских революций.

В них есть и так называемый национально-освободительный пласт, это восстание окраин против России, подобно казацкому восстанию Пугачева, к которому примкнули башкиры, но это и война между Третьим сословием, то есть буржуазно-демократическим духом нового промышленного времени, и феодально-автократическим государством, в котором обе половины, монархия и большевики, были равно противниками буржуазии. Победил в 17-м году Феодализм под властью Ленина-Троцкого-Сталина.

Хрущев – робкая попытка буржуазного возрождения, которое в России не удалось. Но феодальная Россия не мыслима, обречена, ностальгия по Сталину – это ностальгия по феодальному сюзерену, по крепостному праву, по переложению ответственности на рабовладельца...

Но эта ностальгия еще и воспоминание о нашей прошедшей молодости. У меня она не связывалась с советской властью, за статью **«Русь и духовное освобождение»** – так она называлась – я попал в тюрьму и психушку на три года и был лишен права преподавания навечно. Нынешняя власть – прямая наследница советской власти, не знаю, о чем вы плачете, ведь ничего не изменилось с того благословенного времени, те же комсомольцы нами владеют и промывают нам мозги...

О шестидесятниках пишут как о носителях *духовного освобождения*, я те годы переживал точно так же, но это духовное освобождение происходило с 55 по 64 год и захлебнулось с реваншем Брежневской плеяды, когда воцарился *вялый сталинизм*... И так далее... ..

Хотя есть безумные загадки, не объяснимые в рамках Ликбеза – почему Гитлер дошел до Волги и прошел так быстро Францию, не было ли тайного соглашения между Гитлером и Сталиным и какими-то неизвестными нам силами? И не был ли Сталин английским шпионом, как я слышал в начале 60-х годов и как обещал нам раскрыть Хрущев? Открытия еще впереди.

9. Выводы. Двадцатое столетие озаменовано войной неких всемирно-исторических сил против России и русского народа, сначала ставка была сделана на Революцию (хотя у нее имелись и внутрироссийские глубокие причины, например, вековая ненависть крестьян за свое порабощение и ненависть старообрядцев к никонианам). Следовательно, не исключено, что действительно Ленин был немецким агентом, Троцкий – американским, Сталин – английским. Не исключено также, что Гитлер был тоже английским агентом, и задача состояла в уничтожении двух главных конкурентов Англии в Европе – Германии и России.

Основной конфликт сегодня – между феодализмом, на стороне которого и коммунистическая и олигархическая власть и русский патриотизм – и капитализмом, на стороне которого молодежь, «либералы», угасшее национальное самосознание. В этом конфликте Народничество должно поддерживать буржуазию и национальные силы, но исход борьбы зависит уже не от нас, а только от Высших сил.

СТОЯНИЕ НА УГРЕ

1.

6 февраля 20. Защитники Сталина представляют его не только как человека достойного, но и как гения России, которому она многим обязана. Приводятся слова Черчилля, в которых он якобы говорил, что «*Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой*», в то время как Черчилль не говорил этих слов, так же как ни Державин ни Карамзин не утверждали, в ответ на вопрос, как дела в России, что в ней, мол – «Воруют!»

Но вся советская эпоха пропитана ложью, и пропаганда, обучение и литература внушали человеку образ России отсталой, рабской и тупой, тюрьмы для народов и для человека, лишенной чести, свободы и совести.

В 1965 году я показал своим школьникам книгу Пушкина, изданную при его жизни, и услышал в ответ: «А разве Пушкина при его жизни печатали?» Однажды об этом меня спросила деревенская учительница русского языка и литературы, она тоже думала, что *самодержавие* только преследовало и писателей и поэтов, а книгопечатание возникло после революции, а электричество – с лампочкой Ильича.

Я пытаюсь понять Личность и Народ, но сначала пытаюсь познать самого себя, почему и вглядываюсь в себя, хотя не ограничиваюсь этим. Вглядываясь в мир, я думаю о том, как его изменить и хотя не совсем отвергаю христианский призыв *начать с себя*, но понимаю, что эти самозванцы даже с себя не хотят начинать, им никакие изменения не нужны, вот придет снова Христос и всех отправит на переплавку, а до того пусть уж будет как было!

Нет, эти псевдоконсерваторы, верноподанные далекого "прошлого") нам чужие, даже английские консерваторы, например, Черчилль, много делали для исправления того, что плохо, и Столыпин был консерватором, а строил дороги, и Екатерина хотя революцию не затевала, но переписывалась с Вольтером, и ссылки на **необходимость неизменности** – это ссылки ленивого ума или ссылки того, кто удачно лег около общественного пирога и о других думать не хочет, но вцепится им в горло, если они от его куска откусят.

Эгоистической лжи, обмана, прикрытия своей собственной неправды слишком много даже в философии, претендующей на отыскание истины, так что воистину «доверяй, но проверяй!»

И поэтому я думаю, как изменить мир к лучшему (может быть, заодно и себя, в чем это будет необходимо). И пишу я только об этом!

Но мир, окружающий меня, хотя я и вглядываюсь в него, слишком велик и не весь мне виден, и не весь мне понятен, и хотя и себя я знаю далеко не достаточно, но все же лучше. Но так как по учению герметистов даже «то, что вверху, подобно тому, что внизу», то есть что и небо подобно земле, то тем более многое в мире подобно личному. Мы смотрим на мир сквозь субъективный инструменты видения, которым является наше сознание, смотрим на мир через собственное умозрение, и поэтому я пишу о себе, и моя философия и моя литература не только окрашены мною, но и пропитаны

моим Я, уподоблены Я, являются прежде мною, а затем уже обществом, народом, природой, государством, богом...Надо ли меня при таком подходе к задачам литературы читать? Нет, не читайте! Я хочу изменить русский мир, но я уже так разочаровался в возможности что-нибудь положительное сделать, не обладая силой и способностями (возможно, прежде всего *сверхъестественными*, данными богом), что все менее стремлюсь к тому, чтобы мои книги читали.

Иногда я пишу о любви и даю это написанное тем девушкам, которые мне нравятся. Тем из них, кому нравлюсь я сам, быть может, захочется прочитать у меня что-нибудь еще – но в этом уже я не уверен.

Надо было мне свои 17 книг написать в возрасте от 20 до 30 лет, тогда читателей у меня было бы больше. Правда, и ныне появилась одна, что уже почти невероятно – ну так не грех ли мне жаловаться?

Необходимо получить способность совершать чудеса, большей частью ею наделяет своих ставленников некая дьявольская сила, Верховный Обманщик (по этимологии слова (греч. δῖβολος – клеветник, порочащий) Из известных исторических деятелей высокими способностями была наделена Жанна Д'Арк, да и ее Бог оставил в самый неподходящий момент, когда она штурмовала Париж и была близка к победе – кому можно верить, если и Бог – обманщик?)

Несомненно, помогал *diabolus* в нашу историческую эпоху Ленину, Троцкому, Сталину и Гитлеру, о последних я и веду свой рассказ.

2.

Так как мы уже договорились, что все, кто хоть немного столкнулся с моей писательской манерой, знает о том, что я пишу только о самом себе, и о других и о другом пишу только так, как это отражается в моем субъективном зеркале, хотя и сложном, не отражающем мир без преломления, но преломляющем, осмысляющем и преобразующем, и зеркало это – моё **сознание**, мой духовный мир, *культивированный* (возделанный) античной, европейской и русской *культурой*, отчасти измененный религией, идеологией, житейским опытом, чувственностью и страстями, полом и народностью – и все перечисленное важно, а не только мое субъективное, оно же растворено и в внешнем мире, ибо не может быть, чтобы мир был существенно отличен от моего о нем представления (как думает Кант), но скорее всего, этот мир сущностно подобен моему представлению, я его хорошо представляю, потому что он со-звучен, со-гласен, со-восприимчив (как думает Беркли), в нем так же, как и во мне, есть Пол (как же природа без пола), есть чувственность, субъективность (и в отдельных и в целостности), есть страсти, воля, стремления, эстетика и дисгармония, Космос и Хаос... не знаю, есть ли Зло?

Если мир тождествен Богу, то Зла в мире нет (хотя, быть может, есть высокомерное равнодушие по отношению к человеку, ибо я не верю, что и Христос приходил спасать **меня**, он и от своих евреев отказался (из-за каких-то пустяков – так смог ли бы он принять мое самомнение, тщеславие, честолюбие, страсти, субъективность (личностность), мою тем более *половую любовь*, обращенную не к Богу, а к женщине?)

3.

Основная задача моих размышлений последнего времени – понять, что такое **народ** (прежде всего), что такое **личность** (что мы знаем все же удовлетворительно, и этого, быть может, достаточно), каков **характер связи** между личностью и народом: любовь, поклонение, преклонение, подчинение, равнодушие, отвращение, отчужденность? Важно не забывать, что часто *народ* и народность подменяются либо *государством* (и любят не народ, а государственную власть и свое собственное положение в государстве, требуя от других раболепного подчинения этому государству просто за право дышать, гордо называя себя *государственниками* (есть, конечно, чем гордиться, если это успешный чиновник, делец, высокооплачиваемый холуй, крупный бизнесмен, олигарх, властитель высокого или среднего ранга).

О себе я могу сказать только словами Лермонтова: *Люблю отчизну я, но странною любовью! Не победит ее рассудок мой.*

Ни слава, купленная кровью, Ни полный гордого доверия покой, Ни темной старины заветные преданья Не шевелят во мне отрадного мечтанья,

Но я люблю – за что, не знаю сам –

Ее степей холодное молчанье,

Ее лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек ее, подобные морям;

Более того, чаще всего оказывалось так, что Отчизну я люблю, но народ, ее населяющий – не люблю, не люблю его раболепие, верноподданность, неспособность критически мыслить, а только подчиненно, согласно с внушениями начальства, с мнением правящей идеологии: когда это христианство, то все – христиане, когда это коммунизм, то все – строители коммунизма и воинствующие безбожники, но сегодня самое необъяснимое: все почти одновременно и христиане и сторонники безбожной коммунистической власти и ее вождя, уничтожившего не только миллионы лучших русских людей, но и почти до последнего человека старое духовенство и упорных верующих, названных сектантами (это были, например, *старообрядцы* и *катакомбники*, не подчинявшиеся холуйской сергианской церкви. Кстати сказать, у *старообрядцев* были убиты **все** 32 епископа, так что некому было рукоположить нового хотя бы одного иерарха).

Храмы при Сталине не только были закрыты, но частью разрушены или превращены в склады – а сегодня христианин молится одновременно Христу и Сталину? Что-то, видно, в Христе не так, если возможно их единение?

Но удивительно, что я, пытающийся нести народу нашему Истину, но не знающий, как о совместить декларируемую многими любовь к России с любовью к власти, эту Россию чуть не разметающую до последней осины, на последнем столкновении с сталинистами на нашем писательском собрании вдруг кое что уразумел, неожиданно для самого себя я сказал, что **в России существуют два народа, и они не совместимы**, как были несовместимы белые и красные – один народ, декларированный и воспитанный советской властью, от первых выстрелов матросов и солдат в семнадцатилетних кадетов, защищавших свои училища в Петербурге и Москве, до сегодняшнего дни, когда и советской власти нет, но осталась ненависть к дореволюционной

России, к именам *Русь* и *Русский народ*, *Россия*, империя, дворянство, духовенство, купечество, и до самой войны было ненавистно слово *офицер*, а слова *патриот*, *отчизна*, *родина* употреблялись только с добавлением слова *советский*, например, *советский народ*...

Как апостол Павел создал «новую историческую общность» *христиан*, так и вместо России и русских, воспевавшихся в «Слове о Полку Игоревом», появились на Заре Руси православные (и в Табеле-календаре за 1917 год, исчислявшем народы Российской империи, приведена численность народов по разрядам: православных столько-то, мусульман столько-то, католиков, иудеев, буддистов ... без Финляндии всего было **175 млн**, из них не менее 3 четвертей – православные, то есть около **135 млн**, из них 85 % – *сельское население*).

Кто мы, *русские* или *советские*? – спросил я *наш* народ (не то православный, не то советский). Только один человек возразил мне, женщина, что хотя она советская, но одновременно и русская.

Стал ли бы я обращать свои книги и речи в защиту России к вражеским солдатам? Так отчего же я спорю с *советским народом*, ему, ненавидящему мою Россию, изливаю свою боль и свой гнев за историю *моей* Родины в двадцатом столетии? В ходе Гражданской войны и позже, помимо убитых, пять миллионов бежали в чужие страны, дворяне, поэты, инженеры, купцы, офицеры, гимназисты, ученые и философы, священники и святые... Глохнет ли нас за них боль, изгнанных с Родины, ограбленных и униженных? Разве они хуже нас, вселившихся в их покинутые жилища?

Я посмотрел статистические данные о положении в России в эпоху Николая Второго, в которой жили наши деды, которые (конечно, не все, а наименьшая часть) и произвели эту жестокую антирусскую революцию. Если сравнить положение народа в той разгромленной и опозоренной стране, то все бедствия, которые можно было бы обрушить как наказание на **виновный** народ, случились **после** Революции: **14 миллионов умерло от «перманентного» голода**, невиданного после Великой смуты начала 17 века, **27 миллионов человек** погибли во время войны с Германией! А сколько погибло во время **коллективизации**? – прочитайте хотя бы рассказы русского писателя Владимира Тендрякова. Сколько было уничтожено в ходе Террора? Но, возможно, это репрессии, подобные тем, что были обрушены на Содом и Гоморру, и Сталин был орудием Бога, наказавшего русский народ (как Тарас Бульба наказал за измену своего беспутного сына Ондрия) ...

4. Любовь к Сталину

Конечно, сегодня странное время. Логики в нем не найти. Есть ли логика в чувствах и словах человека, разделявшего коммунистические взгляды, тем более бывшего партийца, **члена КПСС**, существовавшей до 91 года, если его понесло по всем закоулкам?

Я не укоряю его в том, что он остался верен своим убеждениям – только **остался ли он им верен**? В 1956 году XX съезд КПСС **осудил Сталина**, злодеяния его осуждались даже на уроках в школе, в кино, в театре, во множестве книг (помимо торчащих занозой в сердцах книг Солженицына).

Антисталинская кампания привела к переименованиям улиц и площадей, уничтожению памятников и сотен миллионов книг, возвеличивающих Корифея наук всех времен и народов и была продолжена на 21-м и 22-м съездах этой партии, и **их никто не отменял**. Были осуждены многие из его сподвижников, реабилитированы сотни тысяч невинных людей. Так как понятие *советского человека* неотрывно от понятия Советской власти, когда «народ и партия едины», то современный советский человек предал постановления собственной партии, ибо сегодня только немой среди них не проклинает Хрущева, при котором *СССР превзошел уровень промышленного развития 1913 года и вышел в Космос*, создал ракетный Щит, предотвративший угрозу нападения на Россию, государство начало программу повышения жизненного уровня народа, начало строительство квартир (и большинство из нас живет ныне не в коммуналках, а в так называемых «хрущевках», которые хотя теснее, чем на Западе, но лучше коммуналок), заменило паровозы на тепловозы и электровозы, провело газ в квартиры в большинстве городов – то есть вместо строительства коммунизма (или в дополнение к этому безумному строительству?) повернулось лицом к простому народу.

Большинство современных сталинистов при Сталине не жили, у некоторых при нем прошло их детство (и кто из нас вспоминает детство с унынием?), другие родились при Хрущеве или позже.

Но не буду спорить о том, кого и почему мы любим, любовь трансцендентна, я тоже иное любил в своей жизни, что разлюбил позже, не называю ведь я себя за это изменником!? Я был пионером, как все, но уже не был комсомольцем, писал стихи о Сталине, но когда его «разоблачили» (для меня – несомненно и непреложно, прежде всего сами большевики, потом уже русская советская литература, **сплошь антисталинская** – и Тендряков, и Виктор Астафьев, и Шукшин, и Белов, и Распутин, и Борис Можаев, и Федор Абрамов, и Соснора, и Вознесенский, и Твардовский, и Борис Пастернак, и Владимир Дудинцев, и Василь Быков, и Виктор Некрасов, и Владимир Солоухин, и Фазиль Искандер, .. и... и... и...) – я Сталина разлюбил вместе со всеми, но все же я, увы, любил Ленина, читал его «Материализм и эмпириокритицизм», посвященный спору с его же соратником Богдановым, достаточно грамотным для марксиста (в отличие от Ильича).

Не всё в десятилетиях с 1953 по 1993 годы было плохо, я и сам жалею о том, что советская система, которая *эволюционировала* от авторитаризма и жестокости к гуманизму и даже к «социализму с человеческим лицом», как назвал эту новую модель регламентированной жизни (при которой уже не подвергались тотальному учету и контролю не только гайки, но и мысли) не худший, нежели Хрущев, коммунист Александр Дубчек. Но в человеке, как видно, существует атавистическая воля к *искоренению异端* и различия, иначе не объяснить и мою собственную нетерпимость в спорах, о чем я, конечно, с запозданием сожалею...

Так как я пишу о самом себе, мне интересны мои собственные заблуждения и перипетии моей собственной жизни, а читателей я призываю плонуть в меня и меня не читать, то приведу кое что из моих воспоминаний, как раз, может быть, мне удастся впасть в интонацию оправдывающегося Кнута Гамсуна, а не

ерничавшего и обвиняющего Иванова-Разумника (последний же, как видно, был последним гениальным критиком в нашей стране, принадлежавшим к славной плеяде революционной интеллигенции, писавшим когда-то о Есенине, Блоке, Маяковском, Розанове и **Мережковском** – большевиков он не любил, и *советский народ* тоже, вместе с поэтами Серебряного века, в том числе вместе с Блоком). Я в 1994 году издал в журнале Мѣра его воспоминания «По тюрьмам и ссылкам», и даже их *редактировал* (печатались они по машинописной копии, изобиловавшей ошибками).

За год до этого я напечатал последние Записки гениального норвежского писателя Кнута Гамсуна «На заросших тропинках» (45 – 52 года), когда он был осужден Норвежским судом по обвинению в сотрудничестве в Гитлером: сотрудничество это выразилось в том, что он напечатал некролог на смерть Гитлера и во время войны высказывал ему симпатию за его антианглийские настроения, политикой же он не занимался и политических статей не писал, жил в деревне и занимался сельским хозяйством (хотя, правда, я недостаточно осведомлен о его прегрешениях).

Кстати, я упомянул Мережковского, который тоже симпатизировал Гитлеру, но даже с ним не встречался, а просто надеялся, что Гитлер разгромит СССР и советскую власть (как видно, Мережковский не отождествлял советскую власть с русским народом и Россией). Из числа знаменитых сотрудничал с Гитлером Маннергейм, швед по национальности, но русский офицер до революции, затем беженец, затем глава Финляндии и командующий финской армией. При штурме Линии Маннергейма погиб мой отец (награжденный орденом Отечественной войны первой степени), так что Маннергейму я не сочувствую, хотя его воспоминания собираюсь прочесть, они в том числе о России. Но Маннергейм воевал против бывшей Родины, а Кнут Гамсун и Мережковский не воевали, но из них троих Маннергейму достались почести, а Гамсуну и Мережковскому хула и осуждение (а так как советский народ не разделял на индивидуумы, то он либо весь на одной стороне, либо весь на другой).

Гитлеру, разумеется, я не сочувствую, хотя сочувствую Гамсуну. Сталину я не сочувствую тоже. Однако Гитлер за семь лет превратил Германию в военную машину, протаранившую Европу и дошедшую до Волги. Его книга мне кажется бездарной, как и десяти томник советского вождя, как бездарной казалась игра актера-Нерона его согражданам – но судьба главарей разбойничьих банд и завоевательных орд (например, Чингиза, Батяя, Тимура) удивительно несправедлива: если их вовремя не повесят на рее, они становятся властелинами мира – за какие заслуги? Об этом надо спросить у божественных сил. Но все ли божественные силы авторитетны в наших глазах? Мао и Пол-Пот тоже были человеко-богами, а распорядился ли так ветер истории, судьба или случай, сказать трудно...

Итак, Кнут Гамсун, старый больной человек, недавно еще преуспевающий и знаменитый (да и сегодня вновь знаменитый), глухой и почти беспомощный, сначала его *посадили* в больницу (поразительное отличие от советских репрессивных порядков), только не разрешали от нее отходить – но он гулял по окрестностям. Его жену посадили в тюрьму...

Один из читателей его Записок пишет: *Автор, чьи герои представляют собой жуткую смесь неадекватности, безумия и крайнего индивидуализма, непохожести, чуждости миру, оказывается последователем идей крайне примитивного коллективизма в духе лозунга "государство превыше всего". "По заросшим тропинкам" представляет собой своеобразный "бортовой журнал", который ведет Гамсун, отражая свои заботы в заключении.*

Гамсун виноват не только в том, что знал о преступлениях нацистов, но ничего не предпринял для сопротивления им, **но и в том, что ничего не знал, и не пытался узнать...** однако автор множества блистательных произведений не может не вызвать сочувствия, и я полагаю, что за свои действия (или бездействия) он ответил еще при жизни.»

О Мережковском откликов приводить не буду, мне кажется, что советский читатель ему не посочувствует, слишком мы заражены энергией тоталитарного мышления – я и о себе пишу для того, чтобы разобраться, почему я так нетерпим к чужим взглядам, почему, отрицая большевизм и христианство как безумие, я оказался почти как они, то есть чуть ли не соглашаюсь с Горьким *«Если враг не сдается, его уничтожают»*, и с Христом *«Кто не со мною, тот против меня»* (большевики повторили это еще проще *«Шаг влево, шаг право – конвой стреляет без предупреждения!»*) Невозможно рассуждать об оправданности или не оправданности этих не то лозунгов, не то Аксиом существования, как ни странно, и их можно защитить и принять, даже такое безумие. На днях я слушал одноактную оперу «Боярыня Морозова» по мотивам ее «Жития» с гениальной музыкой Родиона Щедрина (а я ее Житие издавал в 90-е годы с «житиями» ее сподвижников и пытался их выставлять на продажу в православной Книжной лавке, хозяйка её, недавняя комсомолка, меня чуть не побила, защищая *никониан.*) «Солдатик, дай сухарика!» – просит боярыня, родственница царицы. «Боюся!» – отвечает ей стражник... и так как я часто вспоминал эту сцену, то слушая музыку и видя страдающих женщин, еле сдержался от рыданий. Однако из-за чего вся трагедия? Царь просит их об отречении от *двурустного крещения...* А старообрядцы, стойкие в вере – и я уважаю их за их стойкость, – были бы для России, быть может, еще счастливее, можно ли было бы шаг шагнуть бесшабашно? Можно ли было бы стремиться к счастью, к благополучию, к плотской любви – при следовании суровым правилам «подлинного христианства», когда и при расширительном дышать было трудно?

А за что преследовали с 17-го по 53-й год? За ВСЁ.

Иногда следователь требовал от арестованного, чтобы тот хоть в чем-нибудь сам сознался, придумал себе преступление; сажали для количества, по разнарядке... Но так же как и о попытках в Средневековье узнать мы из рассказов писателей, и пропускаем их мимо сердца, и Священная история проходит их мимо, так и всю историческую жизнь: многое в ней чудовищно настолько, что кровь у нормального человека должна стечь в жилах, но отвечает мне мой старый товарищ: *Вы хотите знать, поэтому вам и жить не надо.* Мы же хотим *жить*, поэтому *знать ничего не хотим.* Я бы, добавил он, запретил печатать о том, что якобы сидели наши ученые, которыми мы гордимся, Глушко и Королёв, сидели полководцы, Мерецков и Рокоссовский. Ну, сидели. И пусть об этом помнят они сами... А нам зачем это знать? **М-да...**

6. МИФ и Действительность

Пространство всеобщей жизни, в котором мы пребываем, проживаем, мучаемся и прозябаем, или преуспеваем, достойно того, чтобы его **понять**. Или, возможно, так: есть люди, не испытывающие боли от многого, от чего ее испытываю я и подобные мне, например, дети, гимназистки, поэты. Мне жаль себя, жаль и их. И я вглядываюсь и спрашиваю, почему мы страдаем, кто виноват. Но рядом со мною многие, их большинство, и часто бывает так, что то, от чего страдаю я, их не трогает, например, в тюрьме в 2004 году я страдал от того, что нам тесно, нас много, у нас нет свободы, даже ходить по камере затруднительно, тяжело читать, слушать музыку – в то время как кричали три телевизора и один радиоприемник, и мои соседи, молодые и полные сил, прыгали, хохотали, визжали и бесились. Они были *под кайфом* такой жизни.

Подлинная жизнь мучительна, *под кайфом* жить легче, даже можно жить без свободы и в множестве ограничений, легко переносится голод и холод, уменьшается восприимчивость к боли. В камере было 16 человек на 16 квадратных метров, но они даже редко ходили на прогулку, им было хорошо друг с другом. Тогда я понял, что народ – мне не понятен, *я не народ и не часть народа, я отщепенец*.

Я слишком изнежен, *культивирован*, культура человека лишает природной естественной шкуры (как шкура зверя), все становится раздражительно, все вызывает боль. **Миф, религия, идеология** – противоположны культуре, они проще, примитивнее. *Пространство нашего бытия* либо заполнено культурой и творчеством, и потому мучительно, либо заполнено мифом (а преимущественно и религия и идеология формы мифа), и миф утешает, успокаивает, уменьшает восприимчивость. В пространстве мифа подчас не надо даже трудиться, **труд** заменяется молитвой (монастырю помогают государство и верующие), партсобранием, проповедью, бродяжничеством, прощением подаяния, пребыванием на столпе и в пустыне без пищи и воды (и некоторые йоги обходятся без пищи годами).

Мифы бывают и очень простыми, почти примитивными, но они встроены в сложную систему, словно бы в многоэтажное общежитие с подвалом и всякими строениями и службами, в этом здании есть все для прозябания, и мифы помогают друг другу. Например, в феодальном обществе царь и король выражают интересы правящего сословия (класса) или нескольких привилегированных сословий, но податный народ верит, что царь – их народный, крестьянский царь, и защищает народ от бояр.

Мифы творятся словно бы некой безличной силой, некой Почвой, из которой само собой растет тело второй истории, псевдоистории, как сорняки растут на огороде – быть может, это и так, и жизнь действительно так сложена, что культурные растения переплетены с сорняками (хотя и противостоят им), болезнетворные бактерии и микробы с полезными, Культура с Религией, Генетика и менделизм-морганизм с Лысенко (а парадоксом но и фактом является то, что и антигенетическое учение Лысенко сегодня приспособливается к культивированию растений), эволюция с революцией и жизнь с смертью.

Поливать безоглядно огород ядохимикатами тоже вредно, беспощадно уничтожать дворян и купцов, длиннополых в рясах и умников в лабораториях, философов и поэтов – может быть, уже науничтожались? Я знаю, что мой русско-советский народ меня не только не слушает, но и не читает, но он поиграет в Сталина еще десять лет и вдруг увидит, что в бывшей Российской империи его уже только десять процентов и почти на всех территориях введут свои государственные языки (как на Украине), и по-русски запретят говорить в общественном месте (как и курить)... *но русские приспособятся, изучат местный язык, а свой забудут*. Особенностью русского человека является то, что он готов уничтожить весь мир для защиты своего, но своим он не дорожит. Русская эмиграция растворилась среди европейцев, тем более среди американцев, уже дети эмигрантов редко русские.

Если сегодня провести опрос, готовы ли вы быть расстрелянными, но не отказаться от названия *русский*, я уверен, что кроме меня к байкальскому берегу, как Колчак, не пойдет ни один (хотя и я, конечно, пойду на ватных ногах). Разве я не слышал пятьдесят лет назад «Что еще за так называемая Русь?», разве мои сотрудники издательства ГлаголЬ и журнала МЪра не оправдывались тридцать лет назад, что Ерь и Ять мы употребляем не как символы национального удостоверения, а так сказать *фольклорно*?

Мы – советский народ, я – советский человек, старая Россия похоронена навсегда – вот какое зная было водружено на бруствере Гражданской войны и никто это зная еще не снимал, и хотя кроме советских появились еще православные, но и они (как богослов Флоровский) яростно отрицают свою единокровность с русскими (не говорю про бытовую и семейный уровень – но метафизически, на уровне идеологем сказано, что отныне *нестъ ни еллина ни иудея* и записано в евангелии и ни в одной переписи в дореволюционной России не переписывались народы, но только вероисповедания – и разве хоть одну букву в Законе может изменить человек, если закон богодухновенен?

Я думал так, что миф возникает сам собой, как сорняки и зараза. Но не все мифы безвредны, некоторые творю даже я сам, например, я усиленно создаю Миф о необыкновенном ВИ, к которому еще в семь лет явился Ангел и повелел спасти Русь, или миф о том, что ВИ человек исключительный, если и не самый умный, то умнее глупых или по крайней мере не глупее умных или ... и так далее. И девушки меня любят и дождь меня редко заливает с головы до ног (хотя бывает и такое). Без мифов не обойтись. *Человек должен стремиться стать лучше и одновременно себя уважать. Самоуничтожение* еще зловреднее, нежели *самоуничтожение*. Лучше смягчать сознание своего превосходства в обществе иронией (а ведь даже и Пушкин бегал с рукописями, восклицая: *Ай да Пушкин, ай да сукин сын!*)» Я честно сознаюсь, что бывает мне не редко горько и от сознания своего бессилия, и от понимания ошибок и слабостей, и даже глупостей – но не обзываю я себя дураком, а только вздыхаю горестно: *Ну, что ж, видно и я человек, и мне человеческое тоже не чуждо!*

Но Миф, как правило, не дополняет историю, и даже не заменяет, он ее *подменяет*, как правдоподобная ложь подменяет правду и «секс» подменяет любовь. Человек, питающийся мифами вместо подлинной истории, развращается, насмешливо и циничски относится к собственному народу, не

становится ни патриотом, ни гражданином, ни подлинным человеком. Правда, нелегко охарактеризовать неполноценность того, кто лишен важной части культуры: и тот, кто не знает симфонической музыки, духовно нищ (или односторонне духовен, как апостол Павел, видевший на улицах Афин вместо прекрасных изваяний идолов), и тот, кто не знает книжной культуры, кто равнодушен к природе, слеп к архитектуре, глух к пению – но я боюсь слишком обидно говорить о многих, лишенных то одного, то другого, но часто компенсирующих свои лишения развитием каких-то других своих качеств, например, прекрасны дети, и даже те, которые не умеют читать, и не только своей искренностью и чистотой, но и душевными качествами, и умом, и талантами и умением дружить и любить и быть великодушными.

Поэтому о тех людях, в становлении которых культура играет не самую главную роль, а преимущественно житейский опыт, происхождение и окружение, я скажу мягче – *если им удалось вырасти достойными людьми даже при недостаточном образовании, да будет благословенно все то, что помогло им такими стать!*

7. МИФ, Религия, Жизнь и История

Религия и религиозные мифы составляют из *Поучений* и *Житий*, которые вписываются в историю, но не заменяют ее – однако они *не отменяют историю*, мифы сами по себе, история сама по себе. В некоторой степени религия дополняет историю, потому что существует еще помимо Священного Писания священное предание, история церковных соборов, богословские труды, жития святых, жизнеописания различных деятелей, связанных с жизнью и историей церкви.

Хотя церковь с культурой борется, как и идеология и светская власть, но история, обтекаемая церковные конфликты и содержание вероучения, все же существует. Однако ныне множество зловердных мифов, целью которых является подмена подлинной истории лживыми выдумками, в числе их и различные вымыслы, заменяющие действительные факты и происшествия.

Самым значительным является **Миф о Новой хронологии**.

Я прочитал обширный очерк в Википедии, в котором изложены представления группы Фоменко по реконструкции Античной и Европейской истории, словно эта история в действительности короче на целую тысячу лет и вся вмещается в период до 11-го века... Но уже 18-е столетие для России по существу позавчерашний день, который невозможно фальсифицировать, а 19-е столетие было вчерашним днем и сохранилось не только в музеях и библиотеках, но и в домашнем быту, например, мой прадед и прабабка родились в 1870 году, и в моем детстве они были еще живы. Насколько достоверен был 17 век, начавшийся с Великой смуты, Лжедмитрия, Минина и Пожарского, продолжающийся династией Романовых, воссоединением Киевской Руси с Россией и церковным расколом, Аввакумом и боярыней Морозовой? Сочинители мифов не отдают себе отчета в том, что осталась от той эпохи громадная книжная культура, сохранившаяся в том числе во множестве семей старообрядцев на громадной территории России и других стран. Но **мифотворчество** существует параллельно не только с **историей**

как с описанием прошедших событий и их интерпретацией, но и параллельно воспоминаниям о прошлой жизни, входящим в личное сознание реально живущих людей. Вот восклицают М и Н о том, что *если бы не советская власть*, то они не стали бы образованными людьми, и я вместе с ними... Но дело в том, что такой способ обсуждения нашей общей жизни, исторической и не исторической, отменяет всякую возможность взаимопонимания и конструктивного сопоставления точек зрения. Возможно, что если бы день 30 апреля и последующая ночь сложились как-то иначе, то я бы и не родился 1 февраля 1942 года, так как мой отец 1 мая уехал на воинские сборы и более с моей матерью не встречался, как и со мной. А таких «если» в жизни каждого участника наших горячих споров о русской истории бесчисленное количество. Но мы литераторы. Достаточно хорошо знаем русскую (и русскую советскую) литературу за прошедшее столетие. Если невозможно доказательно возразить некоторым утверждениям, то каждый из нас может утверждать о чем угодно что угодно, и красивое называть безобразным, а безобразное красивым, ибо, как верил Лев Толстой, *красиво то, что кому что нравится*. Но тогда сможем ли мы прийти к согласованным оценкам русской литературы после 1953 года, начиная с первых повестей В. Тендрякова и последующей славной плеяды (Вл. Солоухина, Александра Яшина, Виктора Некрасова, Твардовского, Шукшина, Распутина, Белова и Виктора Астафьева... *далее везде...* – все мы учились в одинаковых школах, все мы, насколько я помню, читали одних и тех же и восхищались ими, ибо учителя у нас были хорошие... и *далее тоже везде...*).

Я все еще надеюсь, что в рамках литературы и нашей общей русской жизни мы ближе друг к другу, чем иногда кажется, и восхищались музыкой Шостаковича, фильмами Тарковского, любили одних и тех же актеров (или хотя бы актрис). Общего у нас неизмеримо больше, даже здания Петербурга и их зодчие, живописцы, великие композиторы, великие писатели, выдающиеся императоры, по крайней мере начиная с Елизаветы – вся ткань наших душ несомненно одна и та же, и даже отношение к православной церкви претерпело у нас одни и те же колебания, даже если одни из нас только что пришли к церкви, а другие уже ушли от нее.

К тому же религиозный миф за много столетий встроился и в судьбу, и в характер, в государство, в культуру и в повседневную жизнь.

Некоторые мифы имеют прочное основание, родоначальник его известен, вполне реален, он сам написал свою главную книгу или учение его распространилось при его жизни и он его удостоверял, например, Магомет и Будда, при том мифическое в Исламе лишь то, что связывает пророка с его Богом. Иудаизм возник как Книга книг, у него много источников и много авторов, мифом является тоже только то, что повествуется в этих книгах о Боге, о сотворении Им мира и человека, о грехопадении и о Его завете с народом Израиля. Все остальное, даже сказочное, не более миф, чем любой житейский роман. Всякая государственная идеология претендует стать Мифом, по ее тотальному проникновению в жизнь, по ее претензии заменить религию, и тем более когда она и воистину заменяет религию. Такой религией стал для русского народа марксизм-ленинизм.

Религиозные мифы (включая государственные идеологии) чаще всего нетерпимы к конкурентам, они как претенденты на обладание женщиной, как два самца в царстве зверей – исключая сказки и легенды, создающие в соединении сказочный мир вместо действительности, даже дополняющий реальный мир отзвуками и ответами мира иного, и потому в конце концов растворяющийся в действительности. Устные предания о Христе, сказания о чудесах и чудесных событиях, жития святых – это тоже целостный миф, подобный язычески природному – но если языческий миф почти весь входит в действительный мир, то миф христианского Предания и Сказания дополняет подлинный мир, соединяясь часто с язычеством, частью же конкурируя с ним.

Что хорошо и что плохо в мире, каковы критерии хорошего и плохого?

Константин Леонтьев предпочитал в таком случае эстетический критерий вместо противопоставления добра и зла, будучи, казалось бы, ревностным христианином, ему нравилась (с эстетической точки зрения) воинская одежда янычар, их свирепые лица – он, конечно, не вспоминал о вспоротых животах русских солдат, а тем более о славянских младенцах, которых на штыки бросали турецкие солдаты (об этом идет речь у Достоевского в «Братьях Карамазовых»). Но во всяком случае трудно доказать, что одно хуже другого, и старец Зосима говорит, что «*доказать ничего нельзя, но можно проверить*» – я это понимаю в том смысле, что человек может убедиться в справедливости или несправедливости своего отношения к миру только после того, как сам столкнется с тем, что отрицал, усвоит то, чему возражал, разочаруется в плоских ходульных истинах, которые некритически принимал.

8. Советские МИФЫ о России

1. *Россия- тюрьма народов*. Возникновение мифа обычно приписывают *отцу народов* – Ленину, но это понятие было им заимствовано у Маркса, который, в свою очередь, позаимствовал яркий образ у Астольфа де Кюстина, из его книги «Россия в 1839 году». Фраза, которая взбудоражила Европу, а затем и русских, звучала так: «*Вся Россия – тюрьма, ключи от которой лежат у императора*». Но сравнивая Российские имперские замашки с "народной" политикой испанцев и англичан (особенно в Америке, Африке, Азии, где уничтожались целые народы), можно многому удивиться.

2. *Петр I – наше все!* Петр "прорубил окно" в Европу, – на самом деле многие из достижений в развитии России, которые приписывают Петру, были начаты еще до его правления и "великого посольства". И регулярную армию создавали до него, и флот у русских был еще с XV века, не петровский, конечно, но другой – свой, отечественный. При дворе царевны Софьи (сестры Петра, престололюбительницы до его возмужания) был театр, в загородных садах и парках росли заморские фрукты и овощи, даже картофель, которую всеместно насадила Екатерина Великая, уже пробовали выращивать при Софье, ее любовник Василий Голицын начал необходимые действия по созданию Российской империи и отправился походом на Крым. Поход был не удачен, но войско возвратилось «при своих», и для последующих действий Екатерины на юге России он имел значение первого опыта.

Россия торговала и с Европой, и через Архангельск с Англией, существо-

вало книгопечатание, иностранцы наводняли нашу страну уже до Петра, так что в Москве существовала даже Немецкая слобода. Но сближение с Европой требовалось ускорить, что и сделал Петр, только при этом экономические и военные успехи Петра не следует преувеличивать, население страны в его правление не увеличилось, а сократилось, по самым осторожным оценкам на семь или десять процентов.

3. Крестьяне в самодержавной России прозябали в бесправии и нищете.

Начнем с того, что русские содержали себя в лучших гигиенических условиях, нежели европейцы, у них была баня, реки и озера, в которых они купались в том числе по языческим праздникам (они были христианами, но от своих старых богов отреклись не до конца). Как писала Екатерина Вольтеру «у нас каждая крестьянская семья имеет корову и детей выкармливают молоком». Голод в России бывал – но *что такое подлинный голод, когда вымирают громадные территории, умирают сотнями тысяч невинные дети, мы узнали только после революции* – и как мне относиться к тем защитникам Сталина и советской власти, которые ... лучше, наверное, промолчать...

В России, как и во всем мире, не было сословного равенства, не было равенства в богатстве, в счастье, в благополучии... но вот моя простая деревенская мать, крестьянка, хлебнувшая и труда, и несправедливости, и нищеты и голода при советской власти (хотя и в старой России бывало всякое!) поехала в Индию за индийскими шальями для себя и соседок, которые сбросились ей на дорогу. Вернулась она в глубокой депрессии, увидев, как живут миллионы людей, не имеющих постоянной работы и пропитания, рождающихся и умирающих на бомбейских улицах (и совсем недавно я прочитал об этой жизни в романе «Шантарам» английского автора) – и плакала по ночам – а уж какого горя она не знала? Литературные источники не приводят свидетельств какой-то исключительной российской нищеты и бесправия, отличающих Россию от Европы, напротив того, да и русские песни и сказки отражают жизнь, в которой бывали и слезы и радость, обиды и великодушие – потому и соиздался великий народ, родивший великую культуру, не хуже французской, немецкой, английской и итальянской.

4. Миф о научной, технологической и экономической отсталости России.

Ненависть к прошлому Российской империи была нужна для оправдания самоубийства российского государства и самоубийства русского народа. А о чем он жалеет? Это был «мир насилия» и кроме разрушения до основания он больше ни на что не годился. По существу народ отказался от истории своей страны, сочтя ее позорной – и давно ли мы отказались от клише, что *история нашей родины началась только в 1917 году?* Или вы уже забыли? А мне чуть ли не поголовно оболваненный народ вопиет, *что наша страна не Русь и называется Советским союзом!!!*

Но мы не только забыли, что у нас была собственная страна, но мы ее еще и всячески унизили лживыми баснями. Железные дороги мы начали строить не намного позже немецких, в строительстве пароходов опоздали на несколько лет, радио открыли раньше итальянцев, лампочка загорелась одновременно с другими, до революции в Петрограде уже ходили

электрические трамваи, работал телефон, горели на улицах фонари, началось строительство метро, во многих домах и сегодня работают лифты, смонтированные в них до той злосчастной войны и той злосчастной революции. У нас были и паровозы и автомобили и даже самолеты, на фронтах уже Первой мировой появились и танки и бронепоезда, первые подводные лодки, после поражения под Цусимой флот был заново отстроен за несколько лет, протяженность железных дорог была больше, чем у всех европейских стран вместе взятых, мы опережали Германию по добыче угля и нефти, несколько отставая по выплавке стали.

Я захватил еще время, когда на множестве заводов и фабрик работали станки дореволюционного изготовления, на подъездных путях бегали паровозы конца 19-го столетия и на Печатном дворе все оборудование сохранилось с дореволюционных времен. Но так же и на часовом заводе в Павловске, и на Красном треугольнике, и на Путиловском заводе... не говоря уже о том, что мы учились по учебникам и нас учили профессора *дореволюционного производства*! Или вы думаете, что это красные комиссары с помощью декретов вдруг из России лапотной создали космическую державу? Да, в некоторых областях науки и промышленности мы уступали первенство Западу, в других были с ними вровень, но если у нас были ученые, превосходившие мировой уровень, такие как Вернадский, Менделеев, Ухтомский и Павлов, то, значит, во многих областях науки и технологии мы опережали Европу и Америку – это доказывалось и тем, что хотя вертолет и телевизор появился у них раньше, чем в СССР, но лишь потому, что наши ученые и изобретатели были изгнаны из России большевиками и это именно они создали в США и вертолет (**Игорь Иванович Сикорский** (1889 - 1972), и телевизор (одним из важнейших конструкторов которого являлся **Владимир Козьмич Зворыкин** (1888 - 1982).

Но чем обусловлена ненависть к России нового большевистского государства и нового народа, образованного декретом о создании СССР? Причин несколько, но главная определяется тем же, чем питается часто вражда отцов и детей: вражда между государствообразующим народом и народами, включенными в состав империи при не всегда мирной колонизации (Северный Кавказ и Средняя Азия). Но главной причиной является то, что было уничтожено и прежнее государство, и прежняя история, и прежние народные ценности (уклад жизни, традиции и верования). К тому же, уничтожив вместе с государством образованные и культурные сословия, новый народ не смог справиться с трудностями быстроменяющейся жизни, вот почему начались катастрофы невиданных голодоморов, невиданных отступлений во время войн гигантских армий в глубь страны и невиданных прежде потерь. Русский народ был насильно лишен народной веры, природной родовой силы, самосознания своей народности, был лишен чувства хозяина собственной страны. Его место заняла «*новая историческая общность*» – Советский народ. Но когда произошел антикоммунистический переворот – растерявшееся население уже неизвестной страны – ни СССР, ни России – вновь разделилось на части: прежний русский народ, привязанный к своей исторической родине, к своему языку, к своей культуре, к своей истории,

оказавшийся уже в абсолютном меньшинстве, и «потерянное поколение, наследующее ценности советского образа жизни, но воспевающее не лучшие его образцы: Гулаг, Сталин, интернационал, коммуналки, колхозы, противостояние внешнему миру, пренебрежение к ценности отдельной человеческой жизни, помпезное воспевание победы над Германией, хотя к этой победе чаще всего ни они сами, ни их отцы не имели отношения, хорошо, если их деды (а уж если и имели они отношение к современной российской истории, то скорее всего к разгрому СССР, которое было осуществлено именно их «братьями по разуму», комсомольскими секретарями и членами ЦК и Политбюро, Ельциным, Горбачевым, Гайдаром, Яковлевым и целой сворой изголодавшихся учеников Маркса и Ленина... Эту причудливую картину дополнял **православный народ**, не вполне русский, не вполне советский, то присягающий России (не всей, *православию* и *самодержавию*, изредка **народности**), то бросающийся в объятия советских сталинцев (мало, выходит, Сталин попил их кровушки!).

В заключение следует сказать, что в крупных городах (как и в Европе в целом) неуклонно возрастает пришлое кочевое население, ни русское ни советское, гонимое нуждой... Но связанные с ними проблемы еще впереди.

Правда, можно рассуждать и так, как говорит мой товарищ: *А чем китайцы хуже русских? Ну, заселят они наши равнины, разобьют города и огороды, и осуществят нашу мечту о всемирной империи!*

Но зачем тогда вы носите хоругви с изображением Сталина, а не Мао! И зачем погибал русский народ, сопротивляясь немецкой мечте, и зачем вы гордитесь **нашей** победой?! Я не говорю, что китайцы нас хуже, но я не ученик ни Христа, ни апостола Павла, и тем более Маркса, я не мечтал стать чьим-то братом или сестрой, у меня и **своих** хватает. Вы, мечтающие о слиянии во всечеловечество, живете в духе своей особенной аксиоматики, и я не могу вас оспорить – но в христианско-коммунистической вере я жить не хочу, и лучше я погибну на поле Куликовом, под Бородино, под Москвой, в осажденном Петрограде – но останусь с Россией и русским народом, хотя он уже второй раз в истории предает свое прошлое, то отказываясь от языческих богов ради Христа, то меняя родовое имя *Русский* на *Советский* и **Русь** на **СССР**.

5. Отдельные возражения советским мифам о России.

Население Российской Империи в 1917 году было приблизительно 184 млн. человек. Власть в поздней Российской Империи никогда не применяла массовый террор против своего населения (за исключением эпохи Ивана Грозного и Петра Первого). Даже во время революции 1905 - 1907 годов подавляющее число жертв (около **9000**) было связано с революционным террором, а введенные в ответ на него военно-полевые суды вынесли лишь **1102** смертных приговора, но казнено было **683**. При этом довольно часто за время правления Николая II объявлялась амнистия заключенным, последовательно смягчались виды наказаний для ссыльных. За период 1875–1905 гг. было казнено **484** человека. После восстания декабристов повешено **5** человек. В **1904** году на **144** млн. человек в Империи насчитывалось менее **ста тысяч** заключённых (**67** человек на **100.000** жителей). В 1939 году насчитывалось приблизительно **2 млн. человек** заключенных на **170-ти**

миллионное население СССР – то есть **в двадцать раз больше** при почти одинаковом населении (или **1160** на **100.000**). Возьмем данные за 2016 год. Заключенных – **640** тысяч, население – **147** млн. (**436** на **100.000** человек, то есть **в семь раз больше**, чем в царской России, тюрьме народов!)

Надо еще учесть, что большинство революционеров отделялись ссылкой, причём её условия в те времена были крайне комфортны, особенно, если сравнивать с нынешним временем, а тем более сталинским периодом. Ссылные просто жили в отдалённых регионах, *получая содержание за государственный счет*. К тому же, каторга в России была мягче, чем в других крупных странах того времени.

О положении крестьян в предреволюционную эпоху красноречиво говорит челобитная, присланная группой крестьян в оргкомитет Учредительного собрания, которое так и не собралось, с просьбой вернуть на престол Николая II: «При Батюшке-Царе ничего не было, а теперь при новом вашем правительстве каждый день убийства, грабежи и жаловаться некуда. Зато теперь – свобода, подохнуть бы вам всем, кто это выдумал. Прошу, передайте Батюшке Николаю привет. Мы за Него молимся, чтобы Он встал на Престол... Я и другие, много нас, хотим голосовать за Батюшку Царя Николая, при Котором нас, бедняков, никто не трогал и всё было доступно и дешево, а хлеба было много. Неужели Батюшка-Царь не вернется к нам? Господи, вразуми народ и верни нам Защитника-Царя!»

9. МИФЫ о величии и всемирности Сталина

Кратко их напомним, ибо о них уже тысячу раз было писано.

1. «Рузвельт и Черчилль при входе Сталина в зал Тегеранской конференции вздрагивали, вскакивали и вытягивали руки по швам.» Сегодня, открывая компьютер, мы каждое утро получаем по 371 сообщение о повышении пенсии или ее отмене, разбитых сердцах телеведущих, новых любовниках и мужьях, похищенных детях и полетах вождей в составе журавлиной стаи... Это называется по заморски *фейки*, по русски – **лживые сплетни**. Как говорил еще профессор Преображенский «*Не читайте советских газет!*», а если других нет, то и никаких не читайте, то есть не пользуйтесь лживыми мифами вместо истории, не смотрите телевизор, не блуждайте по компьютерным ссылкам, читайте хоть изредка глиняные таблички Ашурбанипала, папирусы Рамзеса, Новгородские берестяные грамоты, рукописи Пушкина и Иванова-Разумника, статьи вашего несносного, но зато не легковерного редактора.

2. Черчилль якобы сказал, что *Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой* – но англичане умный народ, а Черчилль в особенности, и сказал эти слова наш советский пропагандист на жалованье, и напечатал и размножил, а распространила уже наша пропаганда и адепты ново-сотворенного Кумира.

О нашем отставании я уже говорил, напоминая о российском дореволюционном самолетостроении и его всемирно известном конструкторе Игоре Ивановиче Сикорском, и добавлю по поводу *лантей*, что французские крестьяне ухаживают за своими виноградниками даже босиком (посмотрите этнографические фильмы), а сапоги на Руси появились задолго до рождения и

Сталина и Черчилля и даже Ломоносов пришел в Москву из своих Холмогор в валенках, а ходил по Москве в сапогах, правда, был случай в его бесшабашной жизни, когда сапоги эти он пропил в Берлине, учась там немецким наукам, почему ему даже пришлось поступить в солдаты в прусской армии – но это говорит не о нищей России, а о ее бесконечно непредсказуемом народе.

3. *«Солдата на маршала я не меняю!»* – будто бы сказал Сталин в ответ на предложение обменять его старшего сына, сидевшего в немецком концлагере, на фельдмаршала Паулюса. Может быть, и так, и сын его человек достойный, ничего плохого о нем история не сохранила, да к тому же *"дети за родителей не отвечают"*, как якобы в другом случае сказал тот же Сталин. А как же «Алжир» – *"Акмолинский лагерь жен изменников Родины"*, а как же повсеместное уничтожение детей тех несчастных, которые принадлежали к уничтожаемым классам? С каким трудом удавалось им получить образование, сделать карьеру! А как же Уголовный кодекс, по которому детей привлекали за несовершеннолетние ими преступления уже с 12 лет – это за чьи же преступления они привлекались? За их собственные или за преступления их отцов, за которые они *"не отвечают"*?!

В декабре 1952 года «все прогрессивное человечество» праздновало 75-летие Корифея наук, Отца народов, друга детей, великого Генералиссимуса, Зодчего наших свершений, *«им же вся быша!»* – и все славословящие захлебывались от иступленной любви к нему и восторга. И я спросил у своей бабушки, знает ли она о том, как нам повезло, что на нас смотрит и нами управляет некто великий и добрый? – и она пошла в Красный угол, встала на колени, перекрестилась и сказала: «Спасибо, мати Божия, что разрешаешь нам любить и рожать, как и сама родила нам заступника!» – и теперь я боюсь проводить параллель между христианством и богоборчеством – ибо не потому ли вновь воздвигается Колосс из мифа и лжи, что нужна человеку иллюзия защиты, и когда он не видит такой защиты на небе, то строит ее на земле? Одиночество не вынести человеку, надо ему к чему-то припасть, чтобы не быть одному – *но я их жалею ли, припавших к Сталину?*

10. АНДАНТЕ

Ночь с 14 на 15 февраля. Возможно, потому, что я когда-то был учителем, характер мой сформировался под влиянием потребности учить, поучать, исправлять, указывать на ошибки, требовать неуклонного стремления к образованию. А если человек *«хочет по глупой своей воле пожить»*, как у Достоевского в «Записках их подполья»? А я ему не даю... Возможно, потому, что я часто перечитывал книги пророков из Ветхого завета, этот пафос обличительства в меня вьелся, и я превращаюсь в изобличителя и обличителя? А человеку хочется просто пожить, сходить на рыбалку, в кино, после работы выпить кружку пива? Возможно, дело еще и в том, что десятилетиями я жил среди общественной лжи, той лжи, из-за которой когда-то Солженицын воскликнул, что невозможно целую жизнь жить по лжи, давайте все таки *«жить не по лжи!»*? И вот я выезжаю с бульдозером или танком в русскую историю и пытаюсь в ней ложь отделить от правды... Это,

впрочем, богоугодное дело, история ДОЛЖНА быть правдива, как и таблица умножения, а человек не обязан быть правдив, это, к счастью, я во время понял, чтобы не повторять глупости Толстого о «непротивлении лжи насилием», глупости Христа о подставлении правой щеки ударившему по левой (или наоборот) и о невозможности осуждения, чтобы тебя не судили (ну, тогда и в диктанте ошибки не надо будет исправлять, ибо и исправление ошибки – осуждение и суждение) – но *жить не по лжи*, слушаясь Солженицына и Канта – неверно, к счастью, я во время это (неочевидное) понял.

Нет, видимо, дело в том, что я математик, и мне показалось, что жизнь – это последовательность задач, которые перед человеком возникают, и поступков, то есть решений этих задач, а у задачи решение либо правильное либо неправильное – и даже если есть два правильных решения, то одно из них будет лучшим, и так как надо стремиться к лучшему, то... а где же свобода? И в конце концов, почему надо обязательно жить без ошибок – ошибки разве нас не учат? Не воспитывают? Даже в выборе жены или мужа бывают ошибки, сегодня прежняя библейская догматика отвергнута, люди иногда разводятся и это бывает во благо...

Не могу я, конечно, согласиться с Кнутом Гамсуном, что Гитлер был хотя бы наполовину прав, тогда я должен отдать ему Россию хотя бы до Урала – нет, Гитлер – преступник. Но могу ли я согласиться и с русскими сталинистами, что прав Сталин, хотя бы частично? Нет, история в конце концов окажется на моей стороне, и уже через поколение никто в России не пойдет с портретом Сталина даже в честь Победы, *будет стыдно*. Но как же сострадание? Разве по вредности многие поклоняются Сталину? Может быть, и нет, так что не буду обличать всех, вот ведь я работал как-то с «адмиралом», он был сталинистом и страдал от моего бескомпромиссного отрицания Сталина, а он был хорошим человеком, просто злодейская эпоха вбила в его душу те прошлые оценки, в которых, конечно, не народ наш повинен, а отвратительная коммунистическая машина программирования человека.

И, возможно, не всегда надо вылезать на трибуну со своей правдой, иногда правильнее – промолчать. Человека надо пожалеть, ибо, возможно, иногда **жалость – важнее истины!!!**

11. Есть ли в поле жив человек?

Слушаю музыку Родиона Щедрина. Меня в нее потянуло как в водоворот, вчера слушал и смотрел балет «Озорные частушки», еще 1970 года, когда меня посадили, и подумал, что как весна прорастает сквозь зиму без революций и войн, так меняется и общественный климат – все ли композиторы, пианисты и скрипачи бунтовали, как Татьяна Гринденко и Полина Осетинская, а государство и общество изменялись еще до **отмены советской власти**, которая произошла мирно и почти незаметно.

Слушал чуть раньше его *Пятый концерт для фортепьяно с оркестром*, 1999 года, когда он был на вершине творческих свершений, потом слушал его рассказ о его жизни и музыке – мне он очень понравился, он настоящий русский человек, доброжелательный, скромный, всесторонний, деятельный, талантливый, умный и образованный!

Потом и в другие вечера я слушал музыку, играли великие музыканты, но мир в моей душе не наступал. Конечно, Кнут Гамсун ошибся, увидев в Гитлере гения, но разве не виновен народ, поддерживавший правительство, поддерживавшее Гитлера, а потом отмстившее за разочарование старому писателю, недавнему кумиру, и не достоин ли этот народ презрения? А что я могу сказать *моему народу*, найду ли я те слова, которые прожгут его сердце, найду ли я те слова, которые хотя бы смутят его твердокаменный ум?

Сто лет назад наш народ совершил Революцию, истребил несколько миллионов человек из правящего страной слоя образованных и культурных людей, а оставшихся частью изгнал, забрал их дома, дворцы и поместья, мебель, утварь, предметы роскоши, картины и книги, сады и фабрики, многое из этого ему было не особенно нужно, храмы, в которых молились его отцы и матери, по большей части он разрушил, как и гунны разрушали постройки в Риме. В юности в Петрограде я видел целые кладбища из старой мебели и громоздких роялей, их выбрасывали, потому что они не помещались в новых квартирах, которые только что начали строить, а рояли некому было настроить. Я видел громадные люстры из домовых храмов и из домовых театров, я видел и горы из дореволюционных книг, которые оказались не нужны из-за двух лишних букв: *буквы ять* и *буквы ерь*.

Необъятна Россия. Но как необъятна была и ее культура! Ее убивало невежество народа и бомбардировки вражеских армий – и все же кое что осталось и мы еще не совсем одичали. Но, к несчастью, среди множества людей, среди которых я вырос и сам, людей из советского народа и частично из русского, мало было тех, кто спросил бы себя: а какую часть ее культуры донесло до нас безжалостное время? То, что стояло вдоль стен в гостиных, висело на стенах, освещало комнаты, украшало старинные печи блестящими изразцами и являлось мрамором стен в коридорах и на лестницах (мне попадались и медные и бронзовые подсвечники и канделябры, и обломки рам для картин, и остатки чугунных ворот, и лепных украшений, даже кирпичи с вензелями владельцев)... а сколько пластинок, с которых еще раздавались голоса Шаляпина и Вари Паниной, Вяльцевой и Плевицкой! И даже граммофоны с трубой, клавесины и виолончели)... Не только время было безжалостно к прошлой культуре, но и наша одичалая воля! Это мы сами врывались в чужие квартиры и выбрасывали их хозяев на улицы, и великий коллекционер Ульянинов, коллекция которого погибала у него на глазах, бегал от одного знакомого к другому, умоляя забрать кто сколько может хоть что-нибудь из некогда бесценного, предлагая даже деньги за это – но и они были в таком же положении, и владелец коллекции книг, картин и статуэток бросился, как Анна Каренина, под поезд. А Блок приехал в Шахматово, в усадьбу своего тестя Менделеева, и увидел, как горит его библиотека. А ведь мы, русский народ, великий народ не потому, что у нас есть православие – глупости несли славянофилы; и не потому, что этот народ богоносец – глупости нес Достоевский... мы – великий народ, потому что у нас были Пушкин, Лермонтов, Толстой, Менделеев, братья Ухтомские, у нас были Сергей Радонежский, боярыня Морозова, протопоп Аввакум, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов, Нахимов и Корнилов,

Репин, Мусоргский, Чехов, Шаляпин, Рахманинов, Прокофьев... о, братья, неисчислимо было на русской земле *великих личностей*, и они и создали славу народу русскому, а не «народ, которому искусство их не понятно», как выразился один из большевистских вождей, создал им славу.

Кто-нибудь из нас гордится, что носит краденую одежду с чужого плеча? Что ест из краденых тарелок? А ведь не весь ли городской люд бросился как на погорельцев растаскивать кто что мог из чужого добра – только впрок не пошло. У крестьян комитеты из города стали хлеб отбирать, поэтому и начался в Петрограде голод. Потом уж город осатанел вовсе, выгребали дóчиста семенное зерно, вот почему 1922 год и голод в Поволжье, и аукнулось позже невиданной прежде Блокадой и двумя миллионами умерших. Но поклонники большевистского лозунга «*Грабь награбленное!*» до сих пор оправдывают все большевистские зверства, и даже раскулачивание 1928 года, которое тоже впрок не пошло, и прокатились по России и Украине голод за голодом, и миллионы умерли снова. Остановись, прохожий, проходя мимо могил, которыми покрыта наша страна! Может быть, ты родился недавно, поэтому ни в чем не виноват – но история редко пеняет тем, кто свою жизнь уже прожил, она требует покаяния от вновь приходящих. Готовы ли вы покаяться? Если остановится хоть один и вспомнит о тех, кто некогда жил в этих разграбленных квартирах, кто провожал после театра гимназисток, курсисток, поэтесс и актрис Серебряного века – а мы, как гунны, ворвались в их прекрасную столицу, большую часть ее роскоши разграбили и выбросили на свалку, их храмы превратили в конюшни, в их квартирах поселились сами, их дочерей и жен превратили в служанок – если хотя бы один вспомнит погибших и изгнанных, я подумаю, что не все еще погибло в народной душе. Но боюсь, что час покаяния настанет не скоро или, может быть, никогда.

12. Движение музыки

Иногда, слушая музыку, я вдруг чувствую, что скоро Конец света, так удивительно усложняется в последние десятилетия музыкальное содержание симфонического повествования, и если сравнить музыку с математикой, то кажется, что я уже перестаю понимать язык, на котором формулируются теоремы, и не воспринимаю их содержание. **Музыка как высказывание**, существующее в многомерном пространстве смыслов, как бытие сакральное, онтологическое, нравственное, эстетическое, логическое, бытие ценностей и эсхатологии – существует уже *на границе бытия и инобытия*, и ее переход к бесконечности останавливается, вероятно, только этой границей. «И хотя мы все еще многое видим как сквозь мутное стекло, но уже скоро увидим так, как в инобытии видимы сами.» Тогда и разрешатся загадки сущего, и мы узнаем, конечны мы или укоренены в вечности, существует ли воскресение или это только метафора, обозначающая моменты наших превращений. Есть люди, которые чуть ли не с рождения отвергают этот мир, отвергли его еще 20 веков назад, под влиянием ли проповеди иудаизма или проповеди Христа, который, даже если он был сыном Божиим, по еврейскому закону, как сын Мириам, и сам является евреем, тем более что обещал их спасти, сколько бы не усложнялись их отношения в течение его земной жизни.

16 февраля. Пришел вчера товарищ, и мы заспорили...

«В тени формального метода, Постелили скатерть, бутылку,

Открыв, пустили по кругу...

Живем в такой спешке, некогда, Руку пожать друг другу!

И рифму поддев на вилку, Я слышу: Еще по стопке?

В душе все сгорит как в топке,

А если не выпьем, то кто же Нам, трезвым, сочувствовать сможет?

...И метод усвоив сходу, Вином объявляем воду... 27 декабря 2017

Он православный, разделил всех людей надвое, одни, мол, исходят из «Закона», то есть из идеи, правила, Культуры, философии, учения, этики или эстетики (исходят, так сказать, из высказывания, из поучения) – и как бы там ни было, но внутри, например, философии можно находить единство и даже спорить, одни идеи противопоставляя другим – а другие, мол, исходят из Личности, не важно, Сталина, Гитлера, Христа, Кащея Бессмертного, и не важно, сходны ли личности или противоположны, и поэтому православные, исходящие из Христа, вполне могут быть сталинистами и наоборот, хотя Сталин и в Бога не верил и верующих жестоко преследовал (правда, можно сказать и так, что это были две противоположные секты в рамках одного общего учения, как схватывались жестоко в битвах православные и католики, русские и поляки). Размышляя об этом сегодня, я думаю дальше, что, возможно, не так уж сильно и противостоят друг другу Христос и Сталин, и хотя Христа обмазали медом и патокой, миррой и елеем, а Сталина варом и дегтем (конечно, только его противники), но так как **не** был Христос Богом любви, и обещал большинству народа, не уверовавшего в него, адские муки, а спасение только 12 коленам Израиля по 12-ти тысячам человек (о язычниках даже и не задумываясь), и сам Ад и в его помыслах и его последователей понимался как чрезвычайно жестокий и даже вечный, и церковь была нетерпима к инакомыслию и жестоко гнала всякое отклонение от «линии партии» (*кто не со мною, тот против Меня!*) – а это квинтэссенция тоже и Сталина) – то разница между ними не так уж велика. Правда, Христос принес собственное учение и чрезвычайно обширное, а Сталин – всего лишь ученик и последователь Маркса, Ленина, Троцкого, никакого своего учения он не создал, в отличие от Гитлера, от которого не так уж и отличался. Если наши «бывшие русские, превращенные в советских», молятся на него, но негодуют на Кнута Гамсуна, увлекшегося по романтизму Гитлером, то они не справедливы! По изуверству и вероломству *фюрер немецкого народа и вождь всего человечества подобны*, по национальной нетерпимости – тоже, но Сталину под его горячую кавказскую руку попали, так сказать, народы мелкие, не всемирно-исторические (как евреи и русские) а немцы Поволжья, черкесы, чеченцы, адыги, абхазы, корейцы, ингерманландцы, финны, корелы, грузинская аристократия и интеллигенция, Крымские татары, ... евреи попадали только отчасти... – а русские крестьяне, как подлинно русский народ, истреблялись Сталиным не меньше, чем евреи Гитлером. И все же, объяснять любовь к Сталину тем, что протестанты ориентируются на букву *учения* ("закона"), а православные на *личность* (в этом, мол, и содержится смысл проповеди

Иллариона в его «Слове о законе и благодати») – слишком уж революционно, как благодать сопоставима с поставлением на место Бога идола, непостижимо. Мир революционного и послереволюционного беспредела и ломки нравственных отношений, правда, похож на тот, который возникает при смене религии, тем более что перемена иудаизма, в центре которого **завет** (соглашение) Бога с народом иудейским, на христианство, в центре которого **вера**, как-то смутно напоминает замену традиционного православного российского бытия на строительство коммунизма – но еще важнее другое сопоставление: помимо Завета в центре иудаизма *десять заповедей Моисеевых*, своего рода свод нравственного отношения к миру, и этот свод Христос отменил, он скороговоркой говорит о том, что эти десять заповедей укладываются, мол, в две: *возлюби бога и возлюби ближнего*, а если учесть то, что понятие ближнего в христианстве *"диалектически" преображено*, так что иудейский *соотечественник* по Ветхому Завету преобразен в прохожего (или даже в *проходимца*), то в чем выражается сама эта любовь, даже христианам невянятно, например, у *доминиканских монахов* она выражалась в том, что они у приговоренных к сожжению Инквизицией (и они же часто входили в их трибуналы) *помазывали затылок маслом*, чтобы легче горелось, а у Константина Леонтьева в основание этой любви непременно должен был входить **страх Божий**, ибо без *страха божьего* любовь не основательна, и ни о какой христианской любви в Учении не говорилось применительно к подлинной жизни, то есть не относилась к *любви к ближнему* ни родительская любовь, ни детей к родителям, ни дружба, ни супружеская любовь, ни, боже упаси! – любовь, связывающая Тристана и Изольду и – ближе к нашему времени – Анну Каренину и Вронского...

13. Народ и личность

Я с горечью вижу, как мы *ветшаем*, как это бывает поздней осенью: опадают последние листья, исчезает багрянец, падают сухие деревья, пропадает трава. Может быть, они, влюбившиеся вдруг в Сталина через 70 лет после его смерти – заболели, утратили смысл жизни, как человек, просидевший всю жизнь в лагере, стоит у ворот после освобождения, топчется и не хочет уходить, некуда ему идти? Сердобольные люди и говорят мне: не трогай их, *пожалей!* И я сам иногда думаю, когда притупляется боль и злость, что лучше было бы промолчать, пусть ходят с его портретами, они его уже не воскресят?! Ну а жалеть тех, кто погиб в моем прекрасном и праведном народе, кто потерял родину, кто потерял близких, кто потерял часть жизни на страх и бессмысленное существование – разве не надо? Разве мы своими празднованиями победы не укоряем немецкий народ год за годом, не напоминаем ему о вине и преступлении? Так пожалеть ли и немцев? И к тому же Христос (а ему поклоняются и сталинисты и противники Сталина) не переставал укорять грешников и призывать их к покаянию, даже продолжал страшить их геенной, смолой и варом! А его восславляют как всеобщего жалельщика, ведь он и сказал: *«Приидите ко мне, вси страждущие, и я упокою вы!»* Но он все же не обещал всех спасти, «будете ужо гореть в аду!» – разве не это вас страшит?

Но пора все же закончить мои собственные скитания по зарастающим тропинкам нашего бессмысленного разговора. Новые бедствия становятся все существеннее, хотя они вырастают из тех, прежних бедствий.

1. *Русский народ* вымирает, вместе с ним исчезнет и Россия и русская культура. Через тысячу лет мы откапаем наш собственный "античный Рим", но на его месте будет уже новая "Италия". Или, скорее всего, пустыня...

2. *Русский человек* обречен на одиночество. Советская история не вернет ему смысл его бытия, потому что не найти в ней праведной цели. Вместо обещанной *свободы* была насаждена *тирания* ("диктатура пролетариата"). *Братство* в условиях семидесятилетней гражданской войны и истребления инакомыслящих оказалось взаимной враждой и подозрительностью.

Тирания была насаждена не случайно, сама теория нового общества, религиозный Манифест Маркса отменял свободу, утверждая, что «*Свобода есть осознанная необходимость!*» Мы повторяли эти слова как божественное заклинание, восхищаясь ими – но чем же мы восхищались? Что *необходимость* и есть *свобода*? Что диктатура пролетариата – высшая форма демократии? Да мы сами то не сдурели вместе с Марксом? Правда, и Христос не обещал свободы. Он сказал: "*Азъ есмь истина и путь!*" и обещал, что мы, пошедшие за ним, познаем истину, найдя ее в том, кто нас поведет (но по крайней мере он не сказал, что *ложь и есть истина*). Постигая истину через Христа, мы обретем и свободу, сказал он, ибо если «познаете истину, то истина сделает вас свободными», хотя и не объяснил, что такое свобода и существует ли она.

3. Но вернемся к *равенству*. Оно все же насаждалось, наше общество было нищим, и нищими были почти все (по крайней мере, роскошь *пряталась* от любопытных глаз, а дворцы медленно разрушались, *принадлежал народу*). Только с отменой социализма появилось неравенство, и насмешкой истории над советским народом оказалось то, что это неравенство в тысячи раз громче вопиет, чем на проклятом капиталистическом Западе, в борьбе с которым мы истратили все русские ресурсы, материальные и человеческие. Я в своей квартире книжные полки делал из опилок, – не так ли и вы, верные защитники социализма? А русское дерево услаждало Запад, как сегодня наша нефтяная кровь, газ, золото, марганец. Так же и пальмовое масло заменило нам масло и скоро все перейдем, сдохну и я, и некому станет вас пожалеть, (Шафаревич в своей гениальной книге давно показал, что *социализм – это воля к смерти*, и в прежние эпохи торжества социализма ни к чему кроме смерти социализм не приводил!!!).

Ибо все в мире существует через неравенство, даже реки текут сверху вниз.

Наша революция – это бунт *простаков* (чтобы не оскорблять их Пушкинским словом «чернь»), услышавших призыв: «*Грабь награбленное!*», а наши споры – результат *невежества* всего *народа*, сначала ему надо бы посидеть за *школьной партией истории*, хотя бы год. Невежды все – вот почему наш спор надо закончить. Кого-нибудь научит жизнь. Тогда, может быть, кто-то из них откроет мои сочинения, как Ашурбанипал на закате Ассирийской империи поднял из-под колесницы разбитую глиняную табличку и начал ее читать.

14. Советский террор

19 февраля, 20г., среда, 12-14. Разговаривал с Б.О. и Д.В. о вере в Сталина. Б.О. говорит, что при разделении оснований, на которые опирается Проповедь о мире, на два основания: на **Закон** (рациональная, почти юридическая формулировка мировых констант – *порядка, добродетели, блага, цели и побуждений* деятельности) и на **Благодать** (иррациональное понятие *духовной полноты бытия*, оправданности его) – стремление к благодати опирается на веру в Личность и потому вера в Сталина не противоречит вере в Христа, в обоих случаях мы исходим из авторитета личности, а не их авторитета догм и правил. Я посчитал отождествление *благодати* и прислонения к авторитетной личности действием, унижающим те понятия, с помощью которых мы понимаем мир и действуем в нем. (Хотя, конечно, в подростковых неформальных обществах слово вожака более авторитетно, чем вековые понятия о верном и неверном, плохом и хорошем). Но с Б.О. мы не нашли взаимопонимания. Д.В. прокомментировал это так, что с *верующими* вообще бессмысленно что-то обсуждать, они не в состоянии анализировать предмет, они его видят не в частностях, а в бессознательной, смутной целостности, как мы видим **икону**, в которой нет частей и деталей, нет положительных и отрицательных сторон, нет акциденций и дефиниций. У Вагнера Лоэнгрин говорит Эльзе: *«Но слепо должен верить человек!»* Он не только *должен верить*, но именно *слепо!*

Но современная вера – это почти то же, что авангард в живописи, который доходит даже до отрицания самого существования живописи (например, абстракционизм, не передающий на полотне предметов и деталей окружающего мира). А новые верующие подобны последователям новой истории, состоящей из совершенно безумных мифов – аналогично этому, новые верующие не знают, как правило, ни Ветхого ни Нового заветов, и верят «по своему», вопреки канонам богословия, вопреки традициям.

Однако, если Миф Новой веры не совпадает с традиционным русским православием, которое было распято большевизмом на христианском кресте, то – в какой степени не совпадает отношение к Сталину у Церкви и у наших сталинистов? И не являются ли попытки оправдывать правителей – соучастием в грехе, духовным преступлением? Ведь Иоанн Креститель выступал против греховных деяний царя Ирода!

Выдержки из статьи иеромонаха Иова (Гумерова)

«Подавляющее большинство современных православных людей пришло в Церковь в сознательном возрасте. Обратившись к христианскому учению, они сохранили закваску той идеологии, при господстве которой они сформировались и жили. ... Старые идеологические ... ценности порой у них доминируют над христианскими.

Документ – от 12 сентября 1933 года.

«Совершенно секретно. № 1037/19. Тов. Менжинскому В.Р.

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся)

переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников. Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей. ... ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, которые следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества».

О чем говорит документ? Прежде всего, о вандализме: за десять лет было полностью уничтожено **150** храмов. Во-вторых, этот документ свидетельствует о поругании церковных святынь властями: **300** не уничтоженных храмов, где раньше возносилась молитва Богу, были закрыты. Они превращены в цеха, тюрьмы, изоляторы и колонии. В большинстве из них были устроены туалеты. Осквернены алтари. В-третьих, циркуляр ничего не говорит о том, что не следует закрывать храмы. Говорится лишь о том, что нельзя сносить храмы, которые «следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества». Это не значит, что после не были снесены уникальные памятники зодчества. Выдающийся памятник московского барокко *церковь Успения на Покровке (1696–1699) была разрушена в 1935–1936 годах*. Такова была судьба и других памятников храмового зодчества.

.... Кинооператор В. Микоша вспоминал о гибели храма Христа Спасителя.

«В середине лета 1931 года меня вызвал директор кинохроники В. Иосилевич.

– Приказано снести храм Христа. Будешь снимать!

Мне показалось, что он сам не верит в такой чудовищный приказ. Не знаю почему, я вдруг задал ему вопрос:

– А что, Исаакий в Ленинграде тоже будут сносить?

– Не думаю. А, впрочем, не знаю. Не знаю... Так вот, с завтрашнего дня ты будешь вести кинонаблюдение за его разборкой...

Когда дома я сказал, что будут сносить храм Христа Спасителя, мама не поверила.

– Этого не может быть! Он украшает нашу Москву, сияет над ней, как солнышко. Какие там мраморные скульптуры, золотые оклады, иконы, фрески на стенах! Сколько имен: **Суриков, Крамской, Семирадский, Верещагин, Маковский, Клодт, Логановский...** В галереях под храмом мраморная летопись побед Отечественной войны с именами погибших героев. Ведь в честь победы русского оружия и был воздвигнут храм Христа Спасителя. Весь народ русский жертвовал на него последние сбережения. От нищеты до господ. Упаси Бог!..

Через широко распахнутые бронзовые двери не выносили – выволакивали с петлями на шее чудесные мраморные скульптуры. Их просто сбрасывали с высоких ступеней на землю, в грязь. Отламывались руки, головы, крылья ангелов. Раскалывались мраморные горельефы, дробились порфирные колонны. Стальными тросами стаскивали при помощи мощных тракторов золотые кресты с малых куполов. Рушилась отбойными молотками привезенная из Бельгии и Италии бесценная мраморная облицовка стен. Погибали уникальные живописные росписи на стенах собора.

.....

Мама долго плакала по ночам. Молчала о храме. Только раз сказала:

– Судьба не простит нам содеянного!

– Почему *нам*?

– А кому же? Всем нам... Человек должен строить. А разрушать – это дело антихриста».

Владимир Солоухин писал: **«Взрыв храма Христа Спасителя явился апогеем и символом разрушения и насилия, высшей степенью унижения русского народа».**

Поклонники И. Сталина утверждают, что он покровительствовал Церкви, закрывая глаза на страшную историю гонений, которые по жестокости и масштабности намного превышают гонения в Римской империи. К 1917 году в России насчитывалось **54 692 приходских храмов**. Было **1025 монастырей**. В составе приходского духовенства насчитывалось **51 105 священников** и 15 035 диаконов. Во второй половине 1930-х годов на территории страны все монастыри были уничтожены. «В 1928 году закрыто было 534 церкви, а в 1929 – уже 1119 храмов. В 1930 году упразднение православных общин продолжалось с нарастающим темпом. В Москве из 500 храмов к 1 января 1930 года оставалось 224, а через два года – только 87 церквей, находившихся в юрисдикции Патриархии. В Рязанской епархии в 1929 году было закрыто 192 прихода, в Орле в 1930 году не осталось ни одной православной церкви... К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов (*Цытин Владислав*, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Глава «Русская Православная Церковь в 1929–1941 годах»).

Одновременно шло уничтожение священнослужителей. «Как производились аресты, допросы, с какой скоростью тройки выносили постановления о расстрелах, свидетельствуют данные правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий: в 1937 году было арестовано **136 900** православных священнослужителей, из них расстреляно **85 300**; в 1938 году арестовано **28 300**, расстреляно **21 500**; в 1939 году арестовано **1500**, расстреляно **900**; в 1940 году арестовано **5100**, расстреляно **1100**; в 1941 году арестовано **4000**, расстреляно **1900**» (см.: *Дамаскин (Орловский)*, игумен. История Русской Православной Церкви в документах Архива Президента Российской Федерации).

.... Знакомство со следственными делами убеждает, что действовала жестокая и хорошо спланированная система террора. ... 15 мая 1932 года И. Сталин подписал Декрет о второй пятилетке. В Декрете наряду с экономическими показателями была поставлена цель: к 1 мая 1937 «имя Бога должно быть забыто на территории страны». ...

... Во время переписи 1937 года 57,7% опрошенных назвали себя верующими. Это побудило отступить от объявленной 15 мая 1932 года политики полного уничтожения религии, потому что в народе это вызывало недовольство. Вторая причина была внешняя – пропагандистские шаги для западных союзников. Сказанное можно подтвердить тем, что гонения ослабли, но не прекратились.

С 1948 года начинаются новые аресты духовенства, которые продолжаются весь период с 1948 по 1953 год, и, самое главное, с этого времени начинается методичное закрытие храмов. Если к 1948 году у нас было 14,5 тысяч храмов, то за последние годы жизни Сталина было закрыто около тысячи храмов. В записке министра МГБ В. Абакумова И. Сталину от 25 июля 1948 года, сообщается о продолжающихся арестах «за активную подрывную деятельность» «православных церковников и сектантов»...

... «С момента решения ЦК ВКП(б) и СНК через трудовые колонии пропущено **155 506** подростков в возрасте от 12 до 18 лет»...

И. Сталин принес горе миллионам людей. Нет даже необходимости в статистике. Достаточно прикоснуться к тем документам, в которых запечатлелись страдания. Анна Ахматова писала:

«Я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то “опознал” меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом): «А это вы можете описать?» И я сказала: «Могу». Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом»

... До самой смерти сохранялась у нее мучительная память о пережитом: *«И когда, обезумев от муки, Шли уже осужденных полки, И короткую песню разлуки Паровозные пели гудки, Звезды смерти стояли над нами, И безвинная корчилась Русь Под кровавыми сапогами И под шинами черных "марусь"».*

Попытка представить жестокого гонителя Церкви защитником её – опасна, она размывает границы добра и зла. Привыкание к злу – страшная болезнь нашего времени. *15 сентября 2009 г.»*

15. Последствия. Раствление народа

В разговорах с знакомыми и даже друзьями постоянно встречаюсь либо с равнодушным по поводу пережитого страной невиданного в истории Террора, либо даже с оправданием его. Конечно, невозможно отделить Сталина и Террор и коммунистический режим от пережитой страной исторической эпохи, и так как многие перестали сознавать себя *русскими*, и принадлежат к *советским*, то пытаются примириться с прошлым, оправдывая его. «Ну, гибли люди... А когда они не гибнут? Ну, миллионы... В Китае вон во время культурной революции погибло 100 миллионов... Нам самим надо жить, а если мы будем раскаиваться в прошлом, то жить будет невозможно...».

И дух мой подавлен из-за таких слов. Я ищу способ противодействия людям с оглушенным личным и историческим сознанием. Повторять слова о страшных гонениях, о невиданных жертвах, о подлости и жестокости уже бесполезно. Мировая война сама по себе унесла около ста миллионов человек. Но в Германии работали печи по сжиганию людей, и этим пеплом удобряли поля, на которых рос хлеб. **И этот хлеб ели немцы.** Могу ли я думать о нем без содрогания? Даже взрыв в Хиросиме атомной бомбы меня не так ужасает.

А в России последователи Павлика Морозова доносили на своих матерей, когда они приносили с полей колоски, чтобы их накормить ...

О чем же спорить с защитниками Сталина и советской власти?

В Германии восхваление Гитлера является уголовным преступлением – а разве не преступно оправдание Сталина и большевистского государства?

Можно было бы на этом поставить точку, но болен целый народ, это своего рода эпидемия чумы, которую зловещие силы всячески усиливают и распространяют. Вчера вечером я слушал рассказ о музыкальном детстве Полины О., потом она играла сонату Генделя, потом я пытался заснуть, но неистребимая потребность понять правду истории, насущного времени, просто правду о том, что со мною и другими происходит, мешала мне спать...

Мой народ вдруг возлюбил Сталина – но не потому он его возлюбил, что нынешнее время отвратительно и он ищет убежища от лжи и мерзости насущной жизни, выдумывая утешающие мифы – нет, народ любит и нынешнего царя, боится, что если этот царь его вдруг оставит, то народ пропадет – так боялись и немцы даже в апреле 45-го года, что им без Гитлера будет еще хуже, так боялись и русские в самые страшные годы террора остаться без людоеда...

И сегодня они его еще пуще любят. Сталина не любил Варлам Шаламов, гениальный писатель двадцатого столетия, гордость русского народа – выбросить Шаламова из нашей культуры, это то же, что выбросить из нашей памяти Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова... Но Солженицына наши современные писатели выбросили из нашей культуры, и ничего, им не стыдно, выбросят и Шаламова, тем более что Сталина они не любили оба.

Но выбросят и Пушкина, в последние годы я слышу от многих, что они от него устали, что ему пора на помойку, что он уже давно устарел. Странно, не устарели Евклид и Цицерон, одного изучают всеместно школьники, другого филологи, и так уже две тысячи лет. Не устарела и Библия, и Ветхий и Новый завет, и хотя я с Библией спорю, но не отваживаюсь сказать, что ей пора на помойку. И какого бы высокого мнения я о себе не был, но без Пушкина, Евклида, Цицерона, Коперника, Ньютона и Королева (руководителя нашей космической программы) я никто. (А я по образованию математик и астроном). Поклонники Сталина восхищаются им, потому что у него были заслуги, *«он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»*. (Кстати сказать, недавно в Северной Корее умерло с голоду 3 миллиона человек, но атомная бомба у нее есть, и правили ею в последний период, кроме Кима, еще его дети и внуки. Есть бомба у Ирана, у Израиля, у Индии и Пакистана, кажется, есть и в Камбодже, самой отсталой стране мира, в которой *нет даже сохи, только мотыги*). Германию «бесноватый фюрер» принял в 33 году, в 38 году он начал Мировую войну **против всего мира**, за пять лет успел к войне подготовиться так основательно, что **дошел** до Рима, Парижа, Белграда, Ла-Манша, Сталинграда и Волги, Москвы и Ленинграда (не говоря о Минске и Киеве), Будапешта, Праги, Варшавы, ... оставил он Германию тоже с атомной бомбой, которую чуть-чуть не успел взорвать, взорвали американцы «по его чертежам», потом уже и большевики «по чертежам тех американцев», которые им сочувствовали. Но надо еще добавить, что немцы потеряли на всех фронтах шесть с половиной миллионов военных и два миллиона гражданских (против **27 миллионов** российских, так как, получив Россию в 17-м, большевики за **24 года** не успели к войне подготовиться) – так, может быть, надо немцам

гордиться фюрером, которого так бессовестно оболгал Аденауэр, как нашего фюрера "оболгал" Хрущев)?

Из Википедии: С. П. Королёв был **арестован** 27 июня **1938** года, после ареста Ивана Терентьевича Клеймёнова и других работников Реактивного института. Основания для ареста: показания И. Т. Клеймёнова (расстрелян), Г. Э. Лангемака (расстрелян), В. П. Глушко – все трое называли С. П. Королёва соучастником контрреволюционной троцкистской организации внутри РНИИ, «ставящей своей целью ослабление оборонной мощи в угоду фашизму». Следствие по делу вели лейтенанты, оперуполномоченные НКВД Быков Николай Фёдорович и Шестаков Михаил Николаевич (в последние годы выходят книги о доблестных работниках СМЕРШ, по-видимому, страна должна знать своих главных героев, как и вождей). По некоторым данным, он был подвергнут **пыткам** – ему сломали челюсть. Позднее он писал, что «следователи Шестаков и Быков подвергли меня физическим репрессиям и издевательствам».

25 сентября 1938 года Королёв был включён в список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР. В списке он шёл по первой (*расстрельной*) категории. Список был завизирован Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Кагановичем.

В Москву (*проездом через Колыму*) вернулся 2 марта 1940 года, где спустя четыре месяца был судим вторично Особым совещанием, приговорён к 8 годам заключения и направлен в московскую спецтюрьму НКВД ЦКБ-29, где под руководством *А. Н. Туполева*, также заключённого, принимал активное участие в создании бомбардировщиков Пе-2 и Ту-2 и одновременно инициативно разрабатывал проекты управляемой аэроторпеды и нового варианта ракетного перехватчика.

Еще одно замечание: если Сталин – **святой** (так будто бы сказал Рокоссовский) – то не надо ли реабилитировать и его окружение (возможно, они, включая Урицкого, Дзержинского, Менжинского, Ежова, Ягоду и Берию – **ангелы**)?

16. Так все-таки...

Вчера позвонил товарищ, я было пожаловался ему на необъективность следствия, но он заметил, что я не прав, и у Сталина хотя и есть нечто отрицательное, но еще больше положительного (надо бы добавить, как это любили повторять в пятидесятые-шестидесятые годы, что *"не ошибается тот, кто не работает"*). Я не знаю, что еще надо было сделать им со страной и народом, чтобы их наконец перестали любить, какую еще надо было им совершить революцию, как эти разбойники в 17-м году, какую еще развязать Гражданскую войну, какое разогнать Учредительное собрание, какой еще подавить Кронштадтский мятеж, и новое Тамбовское восстание залить кровью, убивая младенцев вместе с их матерями, а остальных выкуривая из лесов ядовитыми газами, сколько еще надо отобрать под пулеметами зерна у крестьян, так чтобы Голод в Поволжье был еще пуще, и умерло бы от голода не пять миллионов, а десять, и голод на юге России и на

Украине, беспощадная война с троцкистами, так что миллионы даже не знали о том, что они троцкисты, безумная война с Германией – и дело даже не в цифрах убитых – НАРОД не в состоянии выносить так долго такое ДАВЛЕНИЕ, посади меня в клетку на сто лет, и я сам полюблю всех, кого мне прикажут. И во имя чего все это? Нет уже Сталина. Нет Хрущева. Нет социализма и советской власти. Нет строительства коммунизма и Морального кодекса его строителей. Скоро не будет России – ибо если не воскреснет именно **русский народ вместо "новой исторической общности" – советского народа** – то не появится онтологического основания, из которого произрастает **личность** русского человека. Основание – история и историческая память, культура, народ, иногда и вера (но не всегда). Когда Гоголь окончательно уверовал и погрузился в состояние веры – он сжег Мертвые души, выбросил сочинения Пушкина и перестал писать. То же произошло и с Толстым.

Два чувства дивно близки нам,

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Конечно, эта почти метафизическая *любовь к родному пепелищу* проявляется через конкретное, через физическое (например, через лесные прогулки), через природное (садоводство, косьба травы, рыбалка...)...через семью и любовь к ней, через материнскую любовь к детям, путешествия по родной стране, работу на ее благо, дружбу и товарищество, коллекционирование и собирательство предметов культуры, ... вчера я слушал рассказ о Полине и она рассказывала об **эмпатии** – расположении к людям, рассказала о благотворительности, о помощи музыкантам, о помощи больным детям... Но во всяком **творчестве** проявляется ЗАБОТА о родной культуре и стране в целом ... Что же мы вместо помощи конкретным страдающим и бедствующим людям и памятникам культуры, которые продолжают хищнически уничтожаться во имя обогащения (например, негодия сносят старинный дом, чтобы на его месте воздвигнуть многоэтажный многоквартирный и заработать *бабло*) – только машем флагами с портретами Сталина да спорим о любви к нему? И я пишу эту статью, раздраженный – ибо я чувствую свою ответственность перед памятью миллионов безвинно погибших – да если бы даже их было только семеро или трое, как Христос и два с ним разбойника! – но я пишу сию статью бесполезно, ибо никого не колышет мое раздражение... а я не могу забыть... например, вспоминаю не Варлама, а ту женщину, которая его любила и ждала его из лагеря двадцать лет – была ли она счастлива? Была ли счастлива возлюбленная Колчака – Тимирева – уж она то безвинно сидела почти тридцать лет! Но хватит вспоминать дорогие тени перед оградой, по которой по-прежнему бежит электрический ток и никому не стыдно, что наша память развращена неправдой. Нет советской власти и больше не будет. **И идолопоклонство ее не воскресит.**

И если верны слова Гиляровского (сказанные вот уже 150 лет назад), что **«В России две напасти: / Внизу – власть тьмы, / А наверху – тьма власти!»** – то **идолопоклонство по отношению к власти**, не только ужасной, но и всяческой, даже сносной – абсурдно и **греховно!**

17. Революция 1953 года, освобождение эзков и освобождение крестьян...

Ностальгия по *счастливому советскому детству*, по счастливой молодости, «Сталин – имя Россия» (какое-то при этом корявое и безграмотное выражение), 72 процента – сегодня считают Сталина своим кумиром).

Во времена моего детства было крылатое выражение в Мурзилке и в Пионерской правде *«Спасибо Сталину за счастливое детство!»* – и хотя я сам писал стихи в Пионерскую правду, прославляя вождя, но и моих современников среди его поклонников наименьшая часть, ибо почти все они родились уже после его смерти, это во-первых, и во-вторых, разве не в конце пятидесятых только что родилось *романтическое настроение*, окрашенное комсомольскими порывами, целиной, ударными стройками и стройотрядами, поездками осенью на картошку, романтикой геологических экспедиций, туризма, туристских песен – **страна** словно **пробудилась от летаргического сна**, да тут еще социализм на Кубе, социализм в Африке, победное шествие социализма по планете, мы во главе национально-освободительного движения колониальных народов, пробудилась от сна поэзия, лирика, появились наши собственные молодежные поэты, волна славы подняла на свой гребень Вознесенского, Соснору, Евтушенко, Ахмадулину, Высоцкого, да тут еще и наше первенство в Космосе, которое уж никак не могло связываться с Сталиным, и я хорошо помню, как вдруг почти мгновенно раскрепостился человек, какие зазвучали свободные речи! А фильмы, в которых торжествовали бывшие эзки, возвращающиеся не только на свободу, но и к руководству авиацией (Туполев), космонавтикой (Королёв и Глушко), биологическими исследованиями (Тимофеев-Ресовский), астрономией, созданием «ядерного щита страны» – кто еще помнил Сталина среди той молодежи, которая сегодня могла бы связать свое детство со Сталиным? Мое отрочество и юность были осенены **эпохой 56 – 64 годов**, которую когда-то назвали «Оттепелью» (а я теперь называю Пробуждением страны после кошмарной ночной эпохи Революции, Голода, Коллективизации, Террора, Войны – 1917 – 1953 г.г. – *тридцать семь черных лет*, и ни одного года без страха, голода, холода, ночных арестов, тюремных страданий). Мы прославляем одного **маршала Победы**, знаменитого бесславными наступлениями и миллионными жертвами, а кто же другие «сталинские соколы»?

Александр Васильевич Горбатов (1891–1973) – генерал армии (1955). Командующий 3-й армией (1943–1945). Командующий ВДВ (1950–1954)...

...в октябре 1938 года уволен в запас и арестован. Во время следствия в НКВД подвергался пыткам, но виновным себя не признал. В своих воспоминаниях писал: «Допросов с пристрастием было пять с промежутком двое-трое суток; иногда я возвращался в камеру на носилках. Затем дней двадцать мне давали отдышаться... когда началась третья серия допросов, как хотелось мне поскорее умереть!»

Был осуждён 8 мая 1939 года по статье 58 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы... Наказание отбывал в лагере на Колыме ... Заболел цингой.

Кирилл Афанасьевич Мерецков, С июня 1940 года – заместитель народного комиссара обороны СССР. В августе 1940 – январе 1941 годов – начальник Генерального штаба РККА, затем заместитель Народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке.

На второй день войны, 23 июня 1941 года, К. А. Мерецков был отозван в Москву и арестован ...

Обвинялся по статье 58... Содержался в Лефортовской тюрьме. ... подвергался «физическим методам воздействия» Сестра Ольги Берггольц Мария Берггольц опубликовала записи своих бесед с бывшими сослуживцами маршала, один из которых свидетельствовал, что зимой 1941 года у Мерецкова был конфликт со следившим за ним сотрудником Особого отдела, которому Кирилл Афанасьевич заявил, что ему жить не хочется и что особысты в НКВД мочились ему на голову. По свидетельству генерал-майора А. И. Корнеева, лично присутствовавшего при разговоре И. Х. Баграмяна и С. К. Тимошенко, последний рассказал, что в личной беседе с Мерецковым на его вопрос о том, почему он себя оговорил, маршал заявил, что над ним издевались, «дубасили», а в случае дачи показаний обещали не трогать семью. На предварительном следствии Мерецков признал себя виновным. В ходе следствия 15 июля 1941 года ему была организована очная ставка с А. Д. Локтионовым, на которой Локтионова сильно избивали в присутствии Мерецкова; при этом Мерецков уличал Локтионова в участии в военном-фашистском заговоре и убеждал подписать признательные показания.

28 августа Мерецков написал письмо Сталину с просьбой направить его на фронт. 6 сентября «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка».

Следственное дело в отношении Мерецкова уничтожено 25 января 1955 года на основании указания ЦК КПСС и распоряжения председателя КГБ И. А. Серова.

С 24 сентября 1941 года командовал 7-й отдельной армией, которая остановила наступление финских войск на реке Свирь. С 9 ноября 1941 года – командующий войсками 4-й отдельной армии, участвовал в Тихвинской наступательной операции.

В январе 1943 года Мерецков отличился в прорыве блокады Ленинграда в ходе Операции «Искра». В январе 1944 года сыграл большую роль в победе в Ленинградско-Новгородской операции.

26 октября 1944 года было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Рокоссовский Константин Константинович. В августе 1937 года был арестован по обвинению в связях с польской и японской разведками.

С 17 августа 1937 по 22 марта 1940 года содержался во Внутренней тюрьме «Большого дома» на Шпалерной улице. (Я там сидел в марте – сентябре 1970 года). ...подвергался жестоким пыткам и избиениям. В этих пытках принимал участие начальник Ленинградского УНКВД Заковский. *Рокоссовскому выбили несколько передних зубов, сломали три ребра, молотком били по пальцам ног, а в 1939 году его выводили во двор тюрьмы на расстрел и давали холостой выстрел. Однако он не дал ложных показаний ни на себя, ни на других.*

Интересная особенность воспоминаний маршала Рокоссовского - проходящее через них красной нитью славословие по отношению к Сталину: *...общее контрнаступление, совместно с другими армиями, проводимое по замыслу товарища Сталина, враг был разбит и отброшен далеко от Москвы.... проводимом по замыслу товарища Сталина, вылившаяся в полное окружение всей Сталинградской группировки немцев... приказом товарища Сталина назначаю командующим Центральным фронтом. Руководил действиями войск этого фронта в великом оборонительном, а затем контрнаступательном сражении, проводимом по замыслу товарища Сталина на Курско-Орловской дуге... назначаю командующим войсками 2-го Белорусского фронта, получив лично от товарища Сталина задачу: подготовить наступательную операцию по прорыву обороны противника на рубеже р. Нарев и разгрому восточно-прусской группировки немцев...*

Но поразительно и вызывает гордость за русскую армию, что отзывы советских военачальников о маршале на редкость единодушны – **он заслужил всеобщее уважение и любовь.**

Расстреляны: Викторов Михаил Владимирович, начальник морских сил РККА; Орлов Владимир Митрофанович, заместитель наркома обороны СССР. Смирнов Петр Александрович, нарком ВМФ. Кожанов Иван Кузьмич, командующий ЧФ. Смирнов Петр Иванович, заместитель наркома ВМФ...

Перед войной **расстреляны** несколько десятков высших руководителей Вооруженных сил; я выписал только несколько русских фамилий лиц крестьянского происхождения, *... но мне бумаги не хватило...* вопреки мифу о расстрелах троцкистов, подавляющее число расстрелянных – **русские**, участники Гражданской войны на стороне Красной армии, большинство из них – георгиевские кавалеры...

Но все же не все будущие герои были расстреляны перед войной.

Карпов Владимир Васильевич в 1986 – 91 - председатель правления Союза писателей СССР, автор книги «Полководец» (о военачальнике Иване Ефимовиче Петрове). Учился в Ташкентском пехотном училище (1939–1941). В феврале 1941 года, был арестован и осуждён военным трибуналом Средне-Азиатского военного округа за антисоветскую агитацию на 5 лет лишения свободы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1944 года В. В. Карпов удостоен звания Героя Советского Союза:

Иван Ефимович Петров (1896–1958) - военачальник, генерал армии (1944), Герой Советского Союза (29.5.1945). руководитель обороны Одессы и Севастополя в 1941 году. *В 1938 году от ареста его спасло заступничество Ворошилова.*

Николай Герасимович Кузнецов (1904 - 1974). Народный комиссар Военно-морского флота (1939–1946), Военно-морской Министр (1951–1953), Герой Советского Союза (1945).

29 апреля 1939 года 34-летний Кузнецов назначен Народным комиссаром ВМФ СССР. Он был самым молодым наркомом в Союзе и первым моряком на этой должности. Ранее наркомомы были армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов и командарм 1-го ранга М. П. Фриновский. Оба они были активными организаторами репрессий на флоте, причём *во всех случаях смена руководства сопровождалась физической ликвидацией предыдущего.*

Стал инициатором открытия новых морских училищ и морских спецшкол (впоследствии нахимовских училищ). Также его приказом в 1939 году была сохранена старая Петербургская инженерная научно-педагогическая школа, был возвращён обратно в Ленинград Морской инженерный факультет, и под именем ВИТУ восстановлена Николаевская инженерная научно-педагогическая школа. 24 июля 1939 года по его инициативе введён День Военно-Морского Флота. При введении генеральских и адмиральских званий в июне 1940 года ему было присвоено звание адмирала. Его приказом в 1941 году было создано первое водолазное специальное подразделение РОН (Рота особого назначения)

В ночь на 22 июня отдал приказ о приведении флота в полную боевую готовность, что позволило избежать потерь кораблей и морской авиации.

Во время войны Кузнецов был членом Ставки Верховного Главнокомандования, предотвратил вторжение на Кавказ с моря. Большую роль в противодействии противнику сыграли морская авиация и подводный флот. ВМФ оказывал помощь союзникам, а кроме того, сопровождал корабли, идущие по ленд-лизу. Значительная роль уделялась морскому образованию и учёту опыта войны.

Со 2 февраля 1945 года Н. Г. Кузнецов – член Государственного комитета обороны (ГКО).

В 1945 году участвовал в составе советской делегации в работе Крымской и Потсдамской конференций руководителей трёх союзных держав.

18. Послевоенный террор

В январе 1947 года в результате разногласий со Сталиным по поводу программы дальнейшего развития ВМФ Кузнецов был снят с поста Главкома.

12 января 1948 года вместе с группой адмиралов был предан Суду чести Министерства Вооружённых сил СССР, 2-3 февраля 1948 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в предъявленных обвинениях, однако постановила не применять к нему уголовного наказания. Остальные обвиняемые были осуждены на различные сроки заключения.

Аресты на флоте Выдержки из книги адмирала Н.Г. Кузнецова "Накануне".

«Прошли годы. Теперь, после XX и XXII съездов партии, все стало на свои места. Решительно вскрыты преступления времен культа личности Сталина, но мы не можем о них забыть. ... Удары обрушивались на все более близких мне людей, на тех, кого я очень хорошо знал, в ком был уверен. Г.М.Штерн, Я.В.Смушкевич, П.В.Рычагов, И.И.Проскуров... Разве я мог допустить, что и они враги народа?

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:

– Штерн оказался подлецом.

*Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован. Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что они поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. ... Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной **Н. А. Вознесенский** произнес по адресу Штерна лишь одно слово: "Сволочь!"*

Не раз я вспоминал этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г.М.Штерна.

После войны я сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда "суд молчал". ... Почтенные люди, носившие высокие воинские звания, всюду старались "найти виновных" – так велел Сталин.

*Я знал этих людей, знал об их личном мужестве, проявленном в боях, знал о том, что они безукоризненно выполняли обязанности по службе. Но тут команда была дана, и ничто не могло остановить машину. Под колеса этой машины я попал вместе с тремя заслуженными адмиралами, честно и безупречно прошедшими через войну. Это были адмиралы **В.А.Алафузов, Л.М.Галлер и Г.А.Степанов.***

...То, что пришлось пережить нам, – было порождено грубым нарушением законности в период культа личности Сталина. И этот случай – отнюдь еще не самый трагический. Произвол, ломавший судьбы людей, наносил тяжелый ущерб всему нашему делу, ослаблял могущество нашей социалистической Родины. Одно неотделимо от другого.»

19. «Ленинградское дело»

Жертвами репрессий стали **все руководители** Ленинградских областных, городских и районных организаций ВКП(б), а также почти все советские и государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в Москву и в другие областные партийные организации. Аресты производились как в Ленинграде, так и по всей стране: в Москве, Горьком, Мурманске, ... *На первом из этих процессов обвиняемыми были:* Кузнецов Алексей Александрович – секретарь ЦК ВКП(б); Попков Пётр Сергеевич – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б); Вознесенский Николай Алексеевич – председатель Госплана СССР; Капустин, Яков Фёдорович – второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б); Лазутин Пётр Георгиевич – председатель Ленгорисполкома; Родионов Михаил Иванович – председатель Совета министров РСФСР; ... и т.д. и т.п.

Разумеется, дело не в одном Сталине, человечество так устраивает свою историческую жизнь, запуская **механизмы репрессий**, то Диктатуру пролетариата, то Инквизицию, то нацистский террор, то истребление индейцев – это похоже на то, как весной крестьяне *«пускают палы»*, поджигая старую стерню, иногда в результате выгорает пол Сибири... Это также похоже на нашествия иноземных орд, то орды Тамерлана, то нашествие гуннов, готов, татаро-монгол под водительством Чингис-хана и Батые. Грустно думать, что нас как правило истребляют, поэтому сказочники и мифологи переделывают Батые в Батю-хана, этрусков в русских, а в строительстве пирамид обвиняют киевских князей. Возможно, это помогает находить новые смыслы в уже обветшавших учениях, чтобы не до конца отвергать этот мир и не жить по завету апостола Павла *«как спать во гробе»?* Но тогда надо ли мне строить свою полемику с «новыми верующими», исходя из античных идей *истины, справедливости, свободы, красоты, долга, великодушия, сострадания?*

20. Оправдание насилия и массовых народных жертв, оправдание террора, голода и войны, гордость войной.

Верно или нет, что *доказать ничего нельзя?* – как утверждает старец Зосима, а вместе с ним Достоевский – и *можно* только *проверить*, разбиваясь на ухабах по дороге жизни, совершая удручающие нас поступки и с трудом их последствия преодолевая? Как правило, споры наши безрезультатны, истина проверяется на полях сражений – и если неправда национал-социализма потерпела поражение в Мировой войне, доказав свою неправду, то победа красных над белыми в Гражданской войне в России доказывает ли несомненную неправду белых? Скорее всего, белые исторически и национально более правы, чем красные, хотя некоторая правда была и за этими. Но победила нечистая сила, вселенная в народ, потерпела поражение пресловутая духовность культуры, вселенная в российский правящий слой, Империя погибла, а с нею вместе погибла русская Россия. Возродится ли на ее пепелище какая-либо иная Россия, бог весть. (Надо бы еще добавить, что не всякий немец убежден поражением Германии в том, что нацизм НЕ прав, и неправя романтическая идея всемирного господства *арийской расы*.)

Математические истины, тем не менее, доказуемы, и существует достаточно большой слой людей, способных к математике, которые *внемлют* математическим *доказательствам* гораздо глубже, чем образованные и культурные люди внемлют доказательствам в области философии, религии, идеологии, так что создается впечатление, что о математических истинах мы можем найти единую точку зрения, а о религии, философии и идеологии – не только не можем, но она и не возможна. Но, пожалуй, дело в том, что доказывающие видят свою истину еще недостаточно отчетливо, все таки как сквозь мутное стекло, и когда увидят ее ясно, смогут доказать все, что хотят. Моя истина еще расплывчата – вот к какому выводу я прихожу, и поэтому со временем, если мне удастся прожить еще столько, сколько надо, я докажу все то, что необходимо, всякому, кто пожелает меня внимательно выслушать. Тем более что появляются книги, которых я раньше не знал, которые существенно расширяют горизонт моего видения.

Каковы основные затруднения?

1. Соединение человека с учением, которое он познает, носит характер познания только отчасти, преимущественно он склоняется к комплексу идей, связывающих учение или содержащихся в нем, за счет особого состояния, которое можно назвать **доверием** – это состояние часто переходит в более сильную степень привязанности к учению, и становится **любовью** или **верой**. Не будем их определять, будем считать их аксиоматическими. Так привязывается один человек к другому, сначала возникает доверие, потом вера или любовь. Привязанность к учению часто становится привязанностью к его адепту, учителю, пророку, гуру. И уже не важно, что сообщается, все кажется верным, глубоко важным и встроенным в телеологию жизни, в ее эсхатологию. Что привлекает в христианстве, сумма содержащихся в нем идей или личность Мессии? Скорее (или чаще всего) личность. Что привлекает человека в социализме-коммунизме советского типа? И сумма

идей и сами личности Маркса, Ленина, Сталина (а кого-то и Троцкого)... Вот такова любовь, а особенно любовь с первого взгляда. Человек привязывается безотчетно и стремительно к женщине, и никакая критика ее недостатков не способна его от нее отлепить. Человек привязывается к Мифу (социализму, христианству, буддизму, нацизму) так же, как мужчина привязывается к женщине. А само понятие, само слово

Если считать, что социализм в некоторой степени подобен христианству, что они двоюродные братья, то не должно нас удивлять, что двоюродными (или даже родными) братьями стали Христос и Сталин.

2. Многие полагают, что христианство – это «религия любви», а Христос – пророк, учащий о любви – но при этом история христианской церкви и деятельность ее сторонников – череда войн и преступлений против человека и человечества. То же самое и с социализмом, выдающим себя за учение о гуманизме, но способном уничтожать целые народы. Шафаревич в своей гениальной книге *«Социализм как явление исторической жизни»* убедительно доказал, что основным вектором социализма является **Воля к смерти**. Но так как само бытие *социалистического общества* (как и христианского) пронизано борьбой с инакомыслием, борьбой за унификацию общества и личности, стремлением к единству и единообразию (как и христианского общества), то можно несомненно дополнить направляющий вектор социализма еще и *Волей к преследованию инакомыслящих, Волей к уничтожению* всего, что отличается от эталона. Но часто начинается уже бесцельная вакханалия уничтожений (как при Культурной революции в Китае и как уничтожение армейских кадров в СССР 37-40 годах). Создается впечатление, что привлекает уже сам процесс **войны общества и государства против личности и насилия как таковое**. Так не содержится ли это стремление к насилию в личности народа точно так же, как в личности человека содержится биологический половой инстинкт? Но тогда не споткнемся ли мы о те же эпидемии войн внутри общества, которые будут вырываться из народа как протуберанцы вырываются из солнца? В чем причина гражданского мира в России в 19-м столетии? Она во власти просвещенного меньшинства народа над непросвещенным большинством, во власти дворянства над крестьянством и в Крепостном праве. После так называемой великой большевистской революции власть захватили три силы, до поры до времени солидарные: непросвещенная русская городская чернь, еврейская революционная интеллигенция и национальное движение инородцев. Вместе из *русского народа* они создали *советский народ*, в котором отныне несть ни еллина ни иудея, а только братья в ходе строительства социализма на земле (аналогично христианскому царствию божию на небе).

3. Доказывать несправедность исторического феномена государства нового типа – СССР, ссылаясь на невиданные многомиллионные жертвы бессмысленно, **верующие** не переживают эти жертвы как нравственную и духовную реальность. Они уже заранее выросли на мысли, что чем более велика идея, тем больших жертв она требует, и сознание подлинно советского человека устроено так, что жертвами он гордится как доказательством величия дела, ради которого они принесены. Англичане во время войны

потеряли триста тысяч человек – ну это же смешно, разве это война, разве это полноценное соучастие в войне? Да нет же, они только притворялись, что воевали, делали вид, а воевали на самом деле на стороне Германии... хотя это глубоко неверно. Чудовищная песня, которую поют герои, прошедшие войну, в советском фильме: *«Но нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!»* – глубоко безнравственна, она сродни тому сатанинскому энтузиазму, которое охватывало индейцев, приносящих в жертву своему кровавому богу одновременно десятки тысяч девушек, юношей и детей, которых сбрасывали в пропасть. Почему-то и единение человека и христианского бога тоже потребовало крови (даже при причастии), но кровь проливалась и при распятии Христа. Зачем? Почему была нужна эта кровь, почему Спасителя надо было распять – христианским апостолам объяснить не удалось, апостол Павел пытался, но воистину словно глядя через мутное стекло. В человеческой истории много бессмысленно загадочного. Почему индийцы объявили корову священным животным, почему египтяне поклонялись жуку скарабею, почему вера в Христа требует абсолютного совпадения всех символов и всех ритуалов этой веры, почему она потребовала крови самого Христа, что изменилось в мире после его смерти и что еще должно в нем измениться? Скорее всего, ничего не изменилось и не должно измениться, и никто всерьез не ждет ни второго пришествия, ни страшного суда, ни воскресения – а образ Ада, навязанный нам христианским учением, неотвратно убеждает, что источник этого учения в антихристе.

Я восклицаю с болью, что эта война убила каждого шестого среди нас (а я в это время уже тоже был на свете), почти тридцать миллионов человек – и что мне отвечают дети тех солдат, которые вернулись с войны живыми? «Зато мы победили!» И сколько еще столетий мы будем гордиться этой победой, словно это **мы** победили, а не наши отцы и деды? Крестьянин по происхождению, Твардовский с горечью говорит о тех, кто не вернулся с войны, что *«хотя и нет в этом его вины, но все же, все же...»* – понятны ли его слова тем, кто не делает выводов из исторических трагедий и готов и впредь платить «не глядя» (*мы за ценой не постоим!*)? Ничем не пронять верующих в правоту их дела, сколько бы крови при этом они не пролили, ни голодом в Поволжье, ни голодомором на Украине, ни коллективизацией, ни Гражданской войной – словно это какие-то фантастические античеловеческие или антирусские силы поставили невиданный кровавый спектакль для устрашения всего человечества. Смерть на современной войне – это приложение мертвой Теории вероятности к живой жизни, это не череда дуэлей, в которых двое равновероятно приносятся в жертву богу небытия, но кое что зависит и от их умения, это почти бросание кости, на которой из шести цифр одна закрашена черным. Погибали в боях, при отступлении, в атаке, в блокаде, в осаде, от случайного разрыва снаряда, на передовой, во втором эшелоне, в тылу, во время тяжелой работы для фронта, от недоедания – хлебом сначала надо было накормить солдат, их женам и детям не всегда оставалось столько, чтобы выжить – тысячи примеров этого есть в воспоминаниях, в памяти, в литературе ...умирали не только от болезней, но и от нехватки лекарств и врачей, а маленькие дети умирали и дома, когда их

матери были на работе, потому что не всегда было кому за ними присмотреть, а действовал неумолимый закон – за опоздание на пять минут следовала уголовная ответственность. Игорь Григорьевич, сослуживец моего отца, 19 августа 1944 года с третьим батальоном был отведен с Безымянной высоты, а его место занял взвод моего отца в составе второго батальона. Они встретились на одну минуту и разошлись навсегда, но 65 лет!!! Игорь Григорьевич искал меня и верил, что я когда-то приду, а я искал могилу отца, не зная о его боевом товарище. «Я живу вместо твоего отца,- сказал мне Игорь Григорьевич при первой встрече, - и я это никогда не забывал.»

Но так как **из-за войны** погибали и взрослые и дети (как я, как мне кажется, понятно уже объяснил, то можно беспощадный вывод Теории вероятностей применить ко всем, живущим в то время: вероятность погибнуть распространялась на всех (я уж не говорю о том, что чаще умирали не матери, работающие на войну, а их дети, а я и был тем дитём, которое должно было умереть и не умерло только *случайно* (был именно такой эпизод, я его выписал в своем романе «Боль и любовь», когда меня мать привезла в больницу в Тайшет, и бежала по коридору, а шедший случайно навстречу врач выхватил из ее рук бездыханное уже дитя – и я остался жить, чтобы не давать вам покоя... может быть, именно в этом и был замысел божий? Так вот, продолжаю... Твардовский, Александр Трифонович, отчетливо сознавал, что если он вернулся с войны живым, а кто-то другой не вернулся, то именно он, вернувшийся, виноват в его смерти... На каждого была рассчитана вероятность, равная одной шестой, и если черная метка падала на меня, то вероятнее, что не падала на соседа, и напротив, именно потому миновала меня, что выпала на другого... Представьте себе, что мы выстроены в незримой шеренге, и страшный призрак с косой, спотыкаясь, тыкает в нас наобум – а разве не наобум: случайная пуля, разрывы снарядов, бомбы, падающие не только на передовой, но и *Киев бомбили*, и Минск, и Ленинград, а от Сталинграда не осталось ни одного живого дома? И таким образом мы все были поделены на маленькие группы по шесть человек, из которых **один** должен был умереть, а пятеро остаться в живых – так не должен ли и я чувствовать свою вину за того, который *был избран на смерть вместо меня*? Я ведь не за заслуги остался жить, а совершенно случайно, так легла карта (**метка**), и они погибли не за вину...

«Я знаю, никакой моей вины В том, что другие не пришли с войны, В том, что они – кто старше, кто моложе – Остались там, и не о том же речь, Что я их мог, но не сумел сберечь, – Речь не о том, но **все же, все же, все же...**»

Вот истинно русский, совестливый человек, о котором писал Гоголь, что он придет через 150 лет – и он и пришел... (И уж, кстати, вернусь к Солженицыну, который якобы погубил советскую власть, когда отменили её только жадные комсомольские и коммунистические секретари, вгрызшись в сладкое тело России, а Солженицын написал две гениальные большие статьи: «**Россия в обвале**» и «**О сбережении народа**» – вы их читали, ополчившиеся на него? Вы защищали эту самую советскую власть? Как вы ее защитили? А Солженицын **отказался** получать приговоренный ему не то орден, не то крест из рук Иуды ... А вы отказывались?

Но не стоит продолжать бессмысленный разговор о жертвах, о деяниях, о преступлениях и необходимости наказаний за них. *Если преступление не наказано и не отомщено, то души виновных растлеваются...* – и об этом не надо забывать. Зря ли в основание двухтысячелетнего мировоззрения положен миф о вине, которая на всех нас, даже родившихся через 20 веков после оживления этого мифа и через пять тысяч лет после сотворения легкомысленной Евы? Так не будьте так же легкомысленны. Если мы в ответе даже за Еву, то не отвечаем ли мы и за наших отцов, и за их пристрастия, за их чудовищные и кровавые революции, за их чудовищных и безжалостных царей, и за Ивана Грозного, и за Петра, и за бесноватого Ильича, и за Корифея наук (даже не написавшего ни одной порядочной статьи, как хотя бы, например, Троцкий, не менее чудовищный)...

4. И все же мы еще ни разу не взглянули событийно на долгую общественную жизнь генералиссимуса на посту диктатора бывшей великой Российской империи.

... Когда еще Сталин был Кóбой, он участвовал в грабежах, собирая деньги для революционеров, как и его соратник, по кличке Камó.

Осенью 17 года он вошел в правительство большевиков в должности министра и члена ЦК их партии, следовательно несет солидарную ответственность за наступивший террор, за Гражданскую войну, за изгнание миллионов образованных людей из страны, за разруху и голод в городах и вооруженное насилие над крестьянами в деревне.

Ответствен за убийство царской семьи, бесчинства ЧК, расстрелы заложников, за голод в Поволжье, *изъятие церковных ценностей* и расстрелы священников. За закрытие и разрушение храмов.

С 1923 года Сталин в качестве Секретаря ЦК фактически становится диктатором, и его власть над страной продолжается 31 год. Для меня несомненно, что это само по себе является преступлением, потому что даже марксистское учение не предусматривало несменяемость власти.

Коллективизация, разорение крестьянства, гибель миллионов крестьян, насильственно перемещенных в дикие места страны, как позже перемещались целые народы. Время с 1923 до 1941 года, которого не хватило для вооружения страны, в то время как *Гитлеру хватило семи лет...* Создание Гулага, война с интеллигенцией под видом войны с так называемыми троцкистами, убийства тысяч старших русских армейских офицеров (как это следует из воспоминаний оставшихся в живых – некоторые из воспоминаний я привел).

Невиданное в истории отступление сначала до Ленинграда (Петербурга), блокада великого города и гибель от голода более двух миллионов человек, отступление до Москвы, отступление до Волги, два бессмысленных наступления «маршала победы», *потерявшего дважды по полтора миллиона человек*, разрушение в результате военных действий десятков русских городов – и в этом НЕ ВИНОВАТ правящий большевистский режим и его правящая клика?! Даже если она просто **не умела** ни руководить ни воевать, и в этом случае она ВИНОВНА. Но «есть, есть божий суд...» – восклицает Лермонтов, – и будем надеяться... *Но этот суд должен судить и защитников палачей!*

Удивительно сходство социалистических режимов и христианских. Как христиане не унимались в своей беспощадной борьбе то за Гроб Господень, то за двуперстие, то за иконоборчество, то против ведьм, то против ученых... "ни дня без мучеников" – так и социалисты. Сегодня угомонились и те и другие – надолго ли? – и я не выбираю между теми и другими, кто из них ближе к истине, кто к ревности в гонениях – но несомненно одно, что хотя это словно две родственные секты какого-то общего учения, проповедующего смирение и любовь к ближним, но насаждающего беспощадность и к ближним и к дальним, в реальной исторической жизни они были в противоборстве (я привел ранее христианский отчет о гонениях на них сталинского режима) – так с какого перепою коммунист сегодня становится православным, надевая на шею крест а в карман кладя партбилет с ликом Сталина? Это меня не только касается, но и оскорбляет.

В конце концов я прожил жизнь не совсем беспутно, и я не хочу ее позорить, становясь ренегатом. В 1956 году мне было 14 лет, и хотя я до этого был пионером, но в комсомол не вступал, и так и не вступил. Но я был материалистом и марксистом, и вполне сознательным, даже и в 14 лет. Через год я стал редактором школьной стенгазеты, завоевавшей первенство в Красноярском крае. Меня исключали из школы за рассказ в районной газете и в той борьбе, которая с тех пор идет в стране не между советскими и антисоветскими (это Витя ...нин мне все по ночам звонил, что мало Сталин нас все же расстреливал, не всех расстрелял – каша в голове сегодня почти у всех, интеллигенция словно ослепла, а я все равно этого Витю любил, и не мог отречься от нашей тридцатилетней дружбы) – а между сторонниками социалистического феодализма и мракобесия и сторонниками «социализма с человеческим лицом», если только такой есть), и между интернационал-безродными и народно-почвенными, между «за пролетариев всех стран не пожалю ни мать ни отца и за ценой не постою» - и теми, кто любит свою Родину (Россию) и дорожит ею и только в ней, а не в интернационале, видит смысл своей жизни. И конечно, в этом противостоянии воинствующего мракобесия и такого образа жизни, о котором сказал Хрущев (*живи и жить давай другим!*) я был на стороне Хрущева; Твардовского, Залыгина; Виктора Некрасова; Анны Ахматовой; Льва Гумилева; Шукшина; Королева; Глушко; Туполева; адмирала Кузнецова; Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Василия Белова, Бориса Можаяева, Владимира Тендрякова, Валентина Иванова, Николая Вавилова (гениального русско-советского ученого, замученного в сталинской тюрьме), Дмитрия Шостаковича, Владимира Дудинцева, академиков Павлова, Ухтомского, Вернадского (правда, совсем не советских, но прославивших Россию, даже советскую), Константина Симонова, Родиона Щедрина, Эрнста Неизвестного, Тарковского Арсения и Андрея Тарковского, Константина Воробьева, ... не перечисляю гениальных актеров театра и кино – по большей части все они из эпохи, имевшей началом 1953 год. Тогда и бабы еще рожали, и ночных арестов уже не было, и расстрелов на Левашовской пустоши. Но к чему я начал этот абзац со школьной стенгазеты? К тому, что я в высшей степени типичен для русского человека, я заново родился в 1956 году, с постановлением XX съезда компартии об **отречении**

от Сталина, и я был еще марксистом, поэтому это решение меня лично касалось, а в 59 году я создал «нелегальный» марксистский кружок и через год начал издавать на Матмехе стенгазету, довольно памятную многим. Пусть это почти комнатный (камерный) масштаб, но 1250 человек студентов на пяти курсах Матмеха – один из самых ярких букетов тогдашней жизни.

В 64 году произошел переворот, началось ползучее возрождение сталинизма. Но разве брежневская эпоха застоя и застойные отменила решения двадцатого съезда? И является ли зюгановская партия коммунистической? Нынешний всплеск сталинизма продолжает ли историю России? Сталинисты могут ли считать себя частью русской истории за последние 67 лет, протекавшие после смерти Сталина? К тому же теперь трудно сказать, не был ли бы и Сталин на моей стороне, потому что среди его нынешних сторонников большинство православных, Сталин у них вместо иконы, что неслыханно для большевиков – хоть троцкистов, хоть ленинцев, хоть сталинцев. И не пора ли вступить и за православных? С какой стати сторонники коммунистического атеизма называют себя православными? В крайнем случае они среди своих предшественников могут назвать Сергия Страгородского, бывшего патриаршего местоблюстителя (после гибели патриарха Тихона, выброшенного большевиками в 25 году из окна Лубянки, и перед смертью, наконец, опомнившегося и проклявшего большевиков)? Эти люди могут называть себя сергианцами, как после Великого раскола староверы называли их никонианами (по имени Никона). Отличительная черта и тех и других – подлечение под власть. Но в среде нынешних православных иерархов в большинстве нет никакого примирения со Сталиным и славословий ему, они по-прежнему с Христом. А я, бывший ревностный христианин, начиная с 1964 года по 2004 (когда я написал «Записки на пальме» – но никакой хулы на учение и церковь в ней не проповедовал) – пока еще могу считать себя вольноотпущенником (хотя вряд ли уже вернусь к христианству).

Но есть еще множество учений о мире и помимо христианства и марксизма – «народная монархия» Солоневича, и народничество Иванова-Разумника, и традиционный монархизм Шульгина и Николая Брауна, и всячески охаживаемые ростки современного "русского национализма", который является обычным **русским народничеством**. Что важно, так это то, что народничество готово к сотрудничеству и с православными, и с народным социализмом, и с народной монархией, но оно никогда не протянет руку ни большевикам, ни чекистам, ни последователям *всемирности* – Маркса, евразийцев или Достоевского. Россия сама по себе «весь мир», и этот мир может и должен наладить сотрудничество с Европой – а мы у гроба Сталина...

Мы больны (*Россия больна*). Это и объяснение причины нашего теперешнего хаоса и основание для поиска выхода (надо искать лекарства).

Социализм в Европе не ограничивался **Марксом**, были еще **Бакунин** и **Герцен**, но русофобы и сталинисты любят Маркса и не любят Герцена и Бакунина. Было **Белое движение**, РОВС, Русская зарубежная церковь, Катакомбная, Старообрядческая... а мы в рукопашную у гроба Сталина... Пора его все же похоронить и *заняться нашими подлинными проблемами* – вы разве не чувствуете, что весь этот "*сталинизм*" навязан нам извне?!

21. Кризис сознания и веры

Подлинное представление о **проблемах** вытекает из подлинного и полного сознания **болезни**.

Россия глубоко и жестоко больна, она населена множеством народов, которые не составляют единого народа, а словно **беженцы** после погрома...

Русский народ, скрепленный и одушевленный в оные времена, *во-первых*, сознанием собственного единства и религиозной, культурной и исторической преемственности и полноты,; *во-вторых*, одушевленный сознанием неразрывной *принадлежности* к этой полноте, каковая принадлежность олицетворялась в **Родине** (России, Святой Руси), в **Народе** (русском, великорусском, славяно-русском, православном, христианском, советском или в народе государства и страны Россия, что тоже достаточно для единства народа) и, в третьих, скрепленный в единство и привязанный к нему **самодержавной властью**, дореволюционной императорской или послереволюционной властью коммунистической диктатуры (итак, *религия* – включая коммунизм, *культура*, *родина* и история, *государство* и власть).

Советский народ, заменивший и продолживший русский – в силу отчасти этнической преемственности, в силу языка и культуры (и если двенадцать народов преимущественно сознавали себя татарами, евреями, башкирами... – и **только потом** уже советскими, то русские охотно изменили прежней национальной принадлежности, которую и при царе не сознавали как *русскость*, так как воспитание народа основывалось **на** вере в христианского Бога, у которого «не было ни еллинов ни иудеев», и **на** вере в царя.

И вот что мы имеем сегодня: половина из "двенадцати народов" откололась от России, как весною откалывается лед у берегов Сибири и Антарктиды, и обрели свое прежнее национальное тождество, перестав быть советскими. Половина из оставшихся готовы отколоться, как пригреет солнце. Половина русских остались советскими, половина других ушла в православие, но не вернулись в Российскую империю, а мечутся между теми, кто сильнее пригреет. Сильнее всех, как оказалось, их *греет* Сталин, и с его иконами мечутся и советские, и православные, и сектанты, и даже сторонники всемирной революции и всемирной глобализации. Русских есть малая горстка, но в основном на бумаге, вот как я – следовательно, нас пока гораздо меньше, чем даже апостолов у Христа, который тоже явился в безвременье, между Израилем, завоеванным Римом (но остающимся хотя бы с иудаизмом), и Римской империей. Прежние русские народники, Иванов-Разумник и Солоневич, попали тоже в безвременье, между остатками Российской империи, завоеванной новым «Израилем в рассеянии», и новой империей, большевистско-советской. Сегодня, после антикоммунистической революции, в рассеянии новые полусоциалисты-народники, наибольшая часть из них предали наше дело и бежали на Запад, иные в Америку, иные в Израиль, наименьшая часть, числом три или четыре человека, включая меня и, надеюсь, моего шестилетнего внука, пока остались в России – пока она еще существует, как и мы, хотя бы на бумаге (русская литература), на улицах (в старых русских постройках), в театрах и концертных залах (драмы и симфонии).

Итак, на территории бывшей Империи существует множество народов, во-первых, русский, включая украинский и белорусский (и я надеюсь, что они еще одумаются и вернутся в единый **русский** народ, состоящий, как было прежде, из *великороссов*, *малороссов* и *белоросов*); во-вторых, малые народы, искони компактно проживавшие на этой территории, то есть татары (казанские), чуваша, мордва и так далее; в-третьих, представители других народов, когда-то имевших отношение к Империи (поляки, поволжские немцы, ост-зейские и петербургские немцы, прибалтийские народы, финны...) Как бы там ни было, по крайней мере половина из них чувствует свое единство с бывшим почти единым народом империи, если не с русским или «общерусским», то с **советским**.

И перед каждым из нас стоит **проблема самосознания: кто я?** Часть великой России, элемент-личность из этой многообразной Личности Российского народа? *Русский человек* по исторической и культурной и родовой и народной преемственности? Человек советский? Представитель одного из народов России, которые *сами по себе*, а не произведения великого имперского духа? Человек без границ и принадлежности, интернационал-обыватель, космополит, перекасти-поле, в крайнем случае иудей, христианин, мусульманин, буддист, представитель всего прогрессивного человечества, освободившегося от национальных стеснительных одежд?

По странной иронии идей, пропаганда и вражда к народности проистекает из просвещенных обывателей самого национального в истории народа, то есть богоизбранного, который даже богом своим не поделился с другими, привязанный и к **почве** (вернувшись даже через две тысячи лет из небытия в Палестину на священные камни Сиона), и к **языку** (заговорив вновь на языке своих предков, иврите), и к древнему (ветхому) **Богу** (после нескольких десятилетий священной борьбы с религией, знаменосцами которой они были в России, разрушив наконец ненавистный им Храм Христа-Спасителя, как некогда римляне разрушили их Храм 6-га Яхве в Иерусалиме).

Космополиты и интернационалист из евреев – это меньшая часть особенного еврейского народа, самого народного из всех, наиболее противостоящего ассимиляции и растворению в других, вопреки перемешиванию, которое и им, как и всем, свойственно – но если русские беженцы растворились во французах уже в первом поколении, то евреи остались верны своему духу предков даже через сорок! И это меня в евреях восхищает прежде всего, и то, что с иудеями я находил общий язык, пока был православным, и нахожу общий язык с сионистами, когда стал народником, но с теми, кто и составляет **закваску** исторического брожения в Европе и в России, то есть с *отищепенцами* от евреев-традиционалистов, евреев-консерваторов (исключая обрусевших евреев, которые, конечно, такие же русские, как я) – общего языка я не нахожу. Они предпочитают говорить по английски или американски, а мы говорим, вместе с моими русскими братьями-евреями – по русски. И неплохо говорим, часто даже лучше космополитов. Они любят Европу и США и презирают Россию, мы мученически, сквозь слезы, продолжаем любить Россию, как оставленная всеми Жанна любила Францию.

22. Последнее слово подсудимого

В моем столкновении с поклонниками Сталина, которые на нем воздвигают свою своеобразную *страну-Миф*, тот Советский Союз, который в реальности не существовал, как на Петре (*Камне*) предполагал созидать церковь Христос (а воздвиглась она в наибольшей степени на Павле) – в этом столкновении, в котором я пытался выступать обличителем, преимущественно это я и есть подсудимый, так что мне по праву и предоставлено редактором *Последнее слово*.

Во-первых, замечу, что и я не закончил свой собственный кризис сознания и **свои поиски самого себя**. И нашел ли уже себя наконец?

Во-вторых, несомненно, что противостояние *русских и советских* необходимым образом следует из поражения Белого движения и победы большевистской революции. Всю сумму исторических причин и целей я приводить не буду, но важнейшие особенности этого противостояния, давно признанные исторической наукой, и белой и красной, я напомним.

1. Революцию возглавило международное *«еврейство в рассеянии»*, требуя признания своих национальных прав, прежде всего, отмены *черты оседлости*. Ожесточенность и жестокость их натиска объяснялась тем, что в случае поражения они потеряли бы свой исторический шанс обрести новую родину под своим главенством – правда, забыл ли бы о своих прежних правах обескровленный ими народ, об этом они задуматься не хотели.

2. Активнейшее участие в революции приняли инородцы, для них это была война за отмену русского ига, следовательно, это была национально-освободительная война, подобная тем, кои разжигались позже советской властью в колониях против колониальных европейских держав – так сказать, своего рода Октябрьская национально-освободительная революция была продлена на Африку, Азию и Латинскую Америку. В значительной степени я признаю справедливость этой войны, как признаю НЕсправедливость серии Кавказских войн, которые вела Россия против мусульманского Кавказа. Справедливо, что Кавказ отпал от России, необходимо отпустить на волю и нынешний Северный Кавказ, который является гирей на русских ногах, особенно Чечня. Справедливо, что и Средняя Азия отпала от России, Но в результате антирусской политики советской власти мы потеряли и Земли Сибирского казачьего войска, так называемый «Северный Казахстан» (или, в просторечии – Целинные земли). Перечитайте Солженицына, господи советские патриоты, он единственный ратовал за **сбережение русского народа** (в своей брошюре «Как нам обустроить Россию?») Или вас сбережение русского народа никак *не колышет*?

3. Разжигалась эта революция по марксистским лекалам, но, как видите, пошла она своим путем, Буржуазная революция (предусматриваемая и Марксом), была задушена в колыбели, в феодальной стране «третье сословие», еще не научившееся ходить, и сегодня в том же положении, что и в 1917 году, власть принадлежит «откупщикам» и феодалам, в лице *олигархата*. Но почему основной удар большевики, боровшиеся с буржуазией, обрушили на крестьян, специально для них придумав термины *«мелкая буржуазия»* и *кулаки*?

И все же, помимо противостояния «угнетенных народов» (а Польша была несомненно угнетенной страной), существовало и классическое противостояние классов крестьян и дворян (феодалов), классов рабочих и буржуазии – двух последних, наиболее любимых социалистической мыслью, не только марксистской, ибо социализм придуман не Марксом (впервые идеи социализма были изложены в работах древнегреческого философа Платона, в диалогах «Государство» и «Законы»), но он существовал еще в древнем Китае и в Месопотамии (перечитайте, если нет у вас под рукой вавилонских и шумерских глиняных табличек, хотя бы Томаса Мора, Кампанеллу или Шафаревича *«Социализм как историческое явление»*) Так называемый «социализм» в СССР, по мнению большинства европейских философов и историков, социализмом НЕ являлся, тем более что крестьяне снова были прикреплены к земле, то есть для них заново были введены средневековые феодальные отношения.

И все же – справедлива ли была ненависть крестьян к помещикам, которая в значительной степени помогла большевикам победить, оправдана ли была Революция как насильственное свержение монархии и власти в России преимущественно феодального строя? Справедливо ли классовое неравенство? *«С того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий» (или рок истории)...*

Безоговорочно, полностью отвергая обе русские революции (особенно большевистскую), в сегодняшних спорах об СССР, советской власти, советском народе, советских правительствах, партиях и идеалах легко найти окончательный и ясный ответ: все они олицетворяют собою **сатанинскую эпоху русской исторической жизни**. Но если я, принимая **неравенство как норму исторической жизни**, все же руководствуюсь, как типично русский человек, **идеалами добра, справедливости, просвещения, красоты и «прогресса»** - то могу ли в двухвековой борьбе лучших русских людей против дворянской монархии выбрать сторону русских императоров и жандармов, предводителей Синода и церкви - Николая Первого, Бенкендорфа, Победоносцева, Николая Второго, губернаторов и членов Государственного совета, князей церкви и крупных собственников, владельцев дворцов и земель (как сегодня разве я на стороне кучки жадных временщиков, которым принадлежит русский лес, нефть, газ и полезные ископаемые, в то время как мать не может прокормить второго ребенка и народ вымирает?)

Сотни лучших русских поэтов и философов, писателей и ученых составляют звездную славу русской культуры за рубежом – они были все сметены этой бездарной и жестокой революцией – а лучшие люди в России в лучшем случае старались выжить в этой жестокой антирусской стране под названием СССР (как Михаил Булгаков, академик Ухтомский, Анна Ахматова, Марина Цветаева, ... - но никогда не могли полюбить эту «советскую власть или хотя бы с ней примириться, даже благополучные советские писатели ее ненавидели – вы не читали книгу Солоухина «Ленин», в которой он предстает маньяком не лучше Гитлера? Но –я прожил всю свою жизнь в этой стране, побывал (мысленно) и в *верных ленинцах*, и в

марксистах, и в поклонниках «социализма с человеческим лицом» – все мои друзья и родные, по крайней мере большинство из них – полурусские-полусоветские люди – могу ли я уехать из России, от ее заблудших детей, даже во внутреннюю эмиграцию? В небесный Иерусалим? В Град-Китеж? В монастырь? Не говоря уж о коммунистической партии, строительстве коммунизма, комсомоле, карьере ученого?

Мне некуда было бежать – даже в тюрьме мне невыносимо, я не монах по складу души, не подвижник, не святой, не отшельник – я такой же как все, ничто человеческое мне не чуждо – но кое чем я отличаюсь от всех: я **духовно свободен**, я или не разделяю всеобщих заблуждений, или слишком быстро, еще не успев вкусить какой-нибудь сладости (как у марихуаны), от них отрекаюсь, они с меня спадают, как капли дождя спадают с листьев деревьев. Хрущевская оттепель меня вдохновила на полгода, и я еще оставался подростком, но уже отказался вступить в комсомол и меня даже успели исключить из школы за свободомыслие – потом успели исключить из университета, потом восстановить, отправить учителем в школу... и дальше началось мое плавание по свободной Галактике...

Мое честолюбие и тщеславие были удовлетворены, меня любили друзья и девицы, любили дети, я не стремился карабкаться по социальной лестнице, меня никогда и никто не печатал, пока не пали большевики – но и тогда только я сам печатал себя ... Читателей у меня почти не было – но мне хватало тех, которые были, по крайней мере мой роман «Боль и любовь» читали Борис Спасский, Игорь Ростиславович Шафаревич, Байбаков, Добрынин, Сергей Залыгин, Казимир Лавринович, Теодор Адамович Шумовский, ... а какие замечательные люди приходили на мои литературно-музыкальные вечера! – начиная с Юрия Борисовича Перепелкина... (к чему это я все? – только к тому, что мне нужно обосновать очень *важный вывод*, ради которого я и писал столь пространные заметки, которыми вовсе не надеялся хоть кого-нибудь вразумить...)

Несколько лет назад судьба свела меня с отставным адмиралом, Н.С., мы с ним оказались ночными дежурными в офисе небольшой фирмы, дежурили по очереди, а в выходные и в праздничные дни он сменял меня утром, мы вместе завтракали и выпивали «боевые сто грамм, закусывая приносимой им красной рыбой, я смущался, а он меня успокаивал тем, что он богаче, а кто богаче, тот и платит за закуску, когда, мол, и ты разбогатеешь, ты будешь нас угощать. Но, как видно, мне уже не разбогатеть, Н.С. уже вкушает вечный покой,

Он единственный выслушивал мои подробные рассказы о деревенской жизни и попытках спасения заблудших овец Господних и их малолетних детей, других моих товарищей это интересовало мало, хотя они были люди добрые и бескорыстные – но их и собственная жизнь «заедала». Именно Н.С. велел мне искать *могилу отца*, помогал советами, читал мои книги – он меня любил почти по отцовски, но иное во мне его и расстраивало, например, что я называл кого-нибудь из народа словом «чернь». «Но ведь я не народ так называю, а *выскочек* из народа, самодовольных и невежественных», – оправдывался я. Расстраивало его и мое отрицание коммунизма и царствия божия. А меня расстраивала его любовь к Сталину.

Когда я начал издавать Новый русский журнал, в его программе я сразу заявил о размещении в журнале всех разнообразных, даже противоположных точек зрения. Некоторые, правда, полагают, что такая *терпимость* по отношению к *инакомыслию* называется «толерантностью» (о, как я ненавижу это заморское слово!) Но ученые биологи нам объясняют, что *толерантность* – это отсутствие иммунитета в отношении болезнетворных бактерий, такой человек обречен умереть от случайной заразы, кто от фашизма, кто от коммунизма, другие от глобализма и ненависти к **народности** (они утверждают, что любовь к своему народу – это фашизм). Но в действительности человек с сильным *иммунитетом* борется против зло-вредных вирусов (мифов), и никаких китайских лозунгов «пусть расцветают сто цветов!» не принимает, тем более, что принимающие и исповедующие эти китайские лозунги бессовестно лгут и сами утожат танками 99 цветов из ста.

Но люди, беседующие между собою о жизни или любви или о том, что и как пить, чаще всего на многое смотрят весьма различно, именно это помогает им жить, и не намереваются к концу беседы резать своего товарища, даже если он пьет неправильно, не нанимают убийц и не пишут доносов в ГПУ и ЧК, и не проповедуют необходимость доносов и наемных убийц. Но хотя взгляды их существенно различаются, находятся они по одну сторону некой черты, разделяющей мир на две противоположные части: на людей добра и зла, на милосердных и жестоких, на заботящихся и равнодушных, на следующих *долгу и чести* и пренебрегающих ими... И люди и взгляды соединены между собою некой незримой связью.

Читаю книгу по истории христианства, была среди ранних христиан секта последователей **гностицизма**, то есть *тайного знания*, у них были свои евангелия и свои пророки, но ортодоксов (подобных нашему Ильичу) *еретики* раздражали (кстати, это именно ортодоксы и ввели в оборот философии и богословия такой термин «**ересь**», обозначающий отклонение от единственно верной точки зрения), и христиане вели с еретиками решительную борьбу и в конце концов их всех истребили, остались наедине с собой в пустыне **единомыслия**, и дух божий начал носиться над пустынными водами. Восемнадцать столетий владычества христианства – не скажу, что над умом человека – нет, владычества над его волей (или неволей) – это восемнадцать столетий беспощадной войны с человеком, с его свободными мыслями, с его чувствами, с его воображением, желаниями, побуждениями и житейными целями. Но что такое эпоха большевизма? – от 1917 года до 1953-го, от революции 7 ноября до смерти тирана 5 марта – это 35 лет, срок жизни большинства русских поэтов – то есть, это срок одной человеческой жизни. Что же вместились в этот срок? Революция, разгром свободной политической жизни и философии, Гражданская война, голод в Поволжье, война против крестьян (коллективизация), такой же страшный голод на юге и Украине, одновременно Террор с первого дня революции до ее последнего дня – нескончаемая война **против народа**, такая же, какую против культуры и человечества вела христианская (особенно католическая) церковь. Большевизм в России – это отражение в зеркале истории христианства в Риме и Европе, которое тоже являлось такою же войной против человечества.

В чем смысл одной и другой войны? Смысла нет ни в той ни в другой. Нужна ли одна война для воскресения человечества, а другая для построения коммунизма? Нет, более того, сами эти цели призрачны, они не существуют и не существенны, и никто их всерьез не пытается достигнуть.

Месяц назад я слушал одноактную оперу Родиона Щедрина «Боярыня Морозова», вчера смотрел спектакль по пьесе Ануя «Жаворонок», и еще острее пережил конфликт человека и христианского вероучения, которое центром всей трагедии человека делает миф о грехопадении Евы (и отчасти Адама), преображая его в миф о **мерзости** человека, и судьи, осуждающие Жанну на смерть на костре, предъявляют ей **обвинение** в том, что она заступается за человека – а в «легенде Достоевского о Великом инквизиторе» тоже с упоением поется эта бесконечная песнь о *жалких людюшках*. И вдруг я увидел, что это сама «мать-церковь» если не *богохульна*, то *возводит* хулу на род людской и лжива, прежде всего в том что называя себя матерью, состоит она из одних только мужчин, и апостолы, и священники, и Христос, и Бог-отец и папа римский – все мужчины жестокие и грубые и лицемерные, и палач – мужчина, и стражники, и солдаты, и король... и вот бедную Жанну терзает и словно духовно насилует вся эта безжалостная свора, а через четыреста лет после смерти продолжают терзать *властители дум*, и Вольтер в «Орлеанской девственнице», и его благодарная французская публика – ее, **спасительницу Франции**.

В заповедях Моисея после главной заповеди - повеления возлюбить Бога, высказывается второе повеление: **Не убий!**

Что же это значит? Представьте себе, что происходит нашествие гуннов, или нашествие англичан на Францию, или разбойники напали на мирный дом с намерением ограбить его, изнасиловать женщин и убить его жителей, а детей увести в рабство – разве не долг мужчин *сопротивляться* враждебной и жестокой силе и **убивать** разбойников?

Есть личности и идеи, которых нельзя оправдывать, не следует восхвалять и любить, например, жестокость по отношению к детям или какой-нибудь испанский Дон-Карлос – эти личности и идеи относятся к *растленным явлениям исторической жизни*. Вот так же нельзя любить Сталина и его оправдывать. (Вероятно, любовь к нему – это болезнь нашего общества – но словами болезнь вылечить невозможно). Правда, если мы оправдаем перво-причину, например, оправдаем «Большевистскую Революцию», то с помощью всевозможных ухищрений по крайней мере сумеем почти оправдать сотни тысяч расстрелянных священников (которые не воевали на фронтах Гражданской войны), саму Гражданскую войну, сознательно развязанную большевиками по указанию Ильича, Голод в Поволжье, коллективизацию, взятие в заложники матерей с грудными детьми, массовые расстрелы заложников, Дзержинского, Урицкого, Землячку, Троцкого, зверские Комитеты бедноты, кто не с нами, тот против нас, если враг не сдастся, его уничтожают, замуровывание грешницы вместе с живым ребенком в стену монастыря, сожжение французами Жанны Д'Арк... Оправдаем и АД, придуманный самым гуманным в мире человеком, Ильичом...ах, нет, я имел в виду другого...

В этой многословной статье я, разумеется, никого и не пытался *лечить* – пытался лишь объяснить, почему не могу молчать, когда слышу славословия в адрес Сталина... Не так же ли и Галилей добавил шепотом: *А все же она вертится!* – не посягая на право противников ошибаться. Но существуют идеи, тлетворные как оспа, чума и холера, и лучше человеку не поддерживать их. Ибо хотя и **надобно злу придти в мир, но горе тому, через кого оно приходит!** *Посему признаем для всех право дышать, жить и говорить, во всем же остальном, не убивая друг друга, как христиане еретиков, можем друг с другом не соглашаться, не посылая несогласных даже в первый круг ада...*

23. Теорема Гёделя о неполноте арифметики и бессмысленность всякого спора

Эта теорема утверждает, что **во всякой «полной»** арифметической системе находится допущение, которое не может быть доказано, то есть должно являться **еще одной аксиомой**. Для нашего журнала это весьма прискорбно, поскольку значит, что прав Достоевский, и **ничего нельзя доказать**. Правда, старец Зосима добавляет, что *всё можно проверить*, – но захотят ли упрямые русские проверять свои собственные заблуждения, если перед этой ужасной и великой войной они сначала залихватски утверждали, что немцев они закидают шапками, а потом, равнодушные к чужой боли, стали кричать, что немцев мы все равно победим, так как *за ценою стоять не будем!!!*

Вот почему оказалось, что вместо того, чтобы воевать с немцами, я воюю с русскими, и даже читают теперь меня лишь евреи («русские не любопытны»). Что поделаешь, Жанну французы сожгли, меня еще не сжигают – возможно, читателей больше нет, и никто не знает, что сжигать меня уже настала пора.

Но погодите, братцы, война же еще не закончилась, не все павшие похоронены, работают поисковые отряды и находят солдат. У некоторых и дети живы, есть и участники битв, однополчанин моего отца умер в прошлом году.

Нам есть еще о чем рассудить в истории и культуре помимо императоров и полководцев, помимо Аттилы, Чингис-хана и хромого Тимура, тем более, что не эти нашу историю и культуру и созидали. Давно замечено, что народы увлекаются похождениями злодеев и завоевателей, и чем больше злодей, тем он народу дороже – да ведь даже и Бог христианства не однажды сказал, что праведные его интересуют мало, и пришел он не к праведникам, а к грешникам – да ведь и наши читатели и зрители читают и смотрят преимущественно Макбета, короля Лира (невероятного самодура), Падшую, Блеск и нищету куртизанок, Дон-Карлоса, Братьев разбойников, Преступление и наказание, Записки из Мертвого дома... Статьи, вдруг читаю у случайного собеседника: *«Русский народ в прошлом столетии оказался самым разделенным народом в мире»*. Вот она, «загадка» Сталина и Ленина, Троцкого и Ельцина «со-товарищи»... – мы ведь НЕ ЗНАЕМ русскую историю и знать не хотим, до сих пор утешая себя баснями об отсталой России, которую большевики подняли с колен. Следовательно, продолжать свои Записки я буду о Канте и Гёделе, апостоле Павле и Жанне Д'Арк – там мы найдем гораздо больше ключей к наглухо закрытым для нас тайнам истории... А то захотят и Ленина воскресить, и «старых большевиков»...

24. Продолжение Теоремы Гёделя о неполноте арифметики

Грустно, конечно, что сколько бы я ни приводил доводов, подтверждающих *тлетворность* той разновидности христианства, которая называется воинствующим христианством, и *тлетворность* той разновидности социализма, который является таким же *воинствующим*, и они и оба являются *учениями и практиками* тождественными – но я обречен на невозможность ДОКАЗАТЬ мои положения – в силу именно этой проклятой теоремы Геделя. Каждое новое моё доказательство оказывается не до конца состоятельным в силу того, что оно неотвратно расширяет пространство бытия (в старом пространстве оно не помещается), а поэтому оно требует новой аксиомы. И каждое следующее возражение противника требует нового возражения, а, следовательно... Со Сталиным я закончил. Пятого марта я бросил на его могилу еще один комок земли и пошел дальше. Я помню, конечно, что мистические силы неустанно работают над его реинкарнацией (если она уже не состоялась), *но наша работа должна состоять в расширении Логики, Художественного пространства, в расширении Мифа и Магии (или Мистики).* Для начала мои читатели должны перечитать книгу Даниила Андреева «Роза Мира», написанную в 47 - 53 годах во Владимирском центре, о Сталине там сказано исчерпывающе и убедительно, автор обходится без теоремы Гёделя, потому что рассуждает в том же пространстве Мифа, в котором живут сторонники христианства, поклонники Сталина, а также сторонники ленинско-троцкистско-сталинской разновидности социалистического учения, риторически строящих коммунизм, а в повседневной практике продолжающих христианскую идею бесконечной борьбы с Дьяволом. А мне придется продолжить мое объяснение, что представляет собою духовное пространство мира, в котором мы живем, и в этом объяснении колебать тени давно умерших мыслителей и поэтов, ибо сколько бы ни сетовала Л.Л., что хватит их читать и на них ссылаться, а надо обратиться к нашим современникам – но *не к кому* кроме **тех** обращаться. Наши современники ВСЕ оказались несостоятельны. Неверность марксовской теории Прибавочной стоимости доказал я, но меня, естественно, прогрессивное человечество НЕ напечатало и не прочитало, да я и **НЕ НАШ современник!**

Налимов вернулся в двадцатые годы в Россию в составе группы новых «масонов», естественно, с ними ЧК поиграло и всех расстреляло, в 34 году расстреляло и тех, кто с ними играл (Медведь и др.), Налимов отсидел свои 20 лет (он был самый молодой и его как-то всерьез не приняли), вернулся, стал профессором Московского университета, труды его по Теории вероятностей и философии этой теории (на которой и я строю свою философию) напечатали посмертно, но наши философы увлеклись экзистенциализмом, пустопорожними Сартром и Камю, пустопорожним (или полу) Бердяевым, о Налимове они, конечно, не слышали, русским подавай Гегеля и Шопенгауэра, они даже Данилевского не захотели читать, пока я его не издал и не подарил один экземпляр Ельцину а другой Зюганову, защитившему по Данилевскому диссертацию (это все кажется анекдотом, но это истинная правда, как и то, что свои стихи я дарил батке Лукашенко, который их прочитал и пригласил

группу издателей Радзивилловской летописи в 98-м году в Белоруссию – я был руководителем этой группы – русское правительство, естественно, вскоре меня посадило, да еще и опозорило перед нашей рабской интеллигенцией – но не все однозначно в этой рабской стране, Московский суд меня посадил, Петербургский суд отпустил за **недостатком улики** – немало еще удивительных даже властных фигур в нашей стране даже в таком странном месте, как *"правоохранительные органы"*).

Христианство и социализм настолько тождественны, что даже смешно.

1. Новый Завет был написан в 1-м веке нашей эры, но затем его ТРИСТА лет препарировали, исправляли, поправляли, попутно расстреливая и сжигая всех тех, кто отваживался «шаг в сторону» – конвой, естественно, *стрелял без предупреждения*. В числе активных застрельщиков был уже апостол Павел (так как **инквизиция** и по существу и даже формально возникла уже *при апостолах* – об этом написано в Истории Инквизиции, в Истории Всемирных соборов, в Деяниях апостолов – эпизод с растерзанием Стефана при участии юноши Савла, и поразительный эпизод в евангелиях об *утаении* части имущества одним из христиан, складывающихся на общину – далее из «Записок на пальме»:

«Петр обличил его ложь «не человеком, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен.»

«[Его] приготовили к погребению, и внесши, похоронили;

Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся», Петр и ее обличил, и сказал: «вот, входят в двери погребавшие мужа твоего, и тебя вынесут.

Вдруг она упала у ног его и испустила дух... и великий страх объял всю церковь и всех, слышавших это.»

[После сего не стоило бы уже читать Новый Завет, надеясь найти в нем проповедь любви – разве не ненависти? А иные полагают, что основная мысль его – призыв Христа *«возлюби ближнего, как самого себя»* (заимствованный из Ветхого Завета), и надеются, что с этим призывом естественно связаны *милосердие, сострадание, великодушие, терпимость*. А чему учит приведенный выше рассказ?! **Не все** деньги были отданы общине (что-то для детей своих утаили несчастные родители), и **всеблагой** Господь тут же и *казнил рабов Своих!*»]

1.* 25 октября 17 года большевики захватили власть, в эту же ночь уже некоторые из «временных» погибли, на следующий день была создана ЧК, Московский кремль штурмовали уже при помощи артиллерии, кадетов (15-17 летних мальчиков) частью перебили, частью затопили на барже в "Маркизовой луже" (Варвара Георгиевна жила на одной площадке с знаменитой Липковской, любовницей Урицкого, и когда при свидании с девушкой схватили брата ВГ, кадета – естественно, на свидание он пошел в форме, - то ВГ бросилась в ноги к Урицкому – но даже этот всемогущий палач ничего не мог сделать, все самые людоедские приказы отдавал Ильич, в том числе приказ о взятии 20 тысяч заложников в Петрограде после гибели Урицкого, самый простой и самый живой из всех простых "прост как правда" и всех живых

"живее всех живых" – это писали наши властители дум, инженеры человеческих душ – а вы ссылаетесь на "показания" соратников (или поделщиков?) Сталина... Кстати, Рокоссовский воспоминаний о своем якобы кумире не оставил, и поляки его из Польши выгнали... – но он не так прост, как главарь банды террористов, захватившей в заложники великую страну... Был ли он сталинистом после того, как Берия лично сломал ему три ребра при пытках? Впрочем, разве христиане не захватили на восемнадцать веков в заложники сначала Римскую империю, потом Европу? Правда, здесь я намеревался писать не о зверствах тех и других, а о том, как одинаково они переписывали Учение и историю. Мое поколение училось по «*Диамату для домохозяек*», предыдущее – по знаменитой 4-й главе Истории ВКПБ, написанной лично Сталиным. Чтение даже Капитала не поощрялось – вот также не поощрялось знание Библии (не потому ли Л.Л. проповедует, что не надо читать ни Библию, ни Пушкина, справедливо опасаясь, что как бы чего не вышло? Кстати, Лесков пишет, что в его губернии был только один экземпляр Библии (у епископа), и семинаристы Библию не читали, были «Служебники»).

Но главное – тексты Заветов (Христа и Маркса). В чем смысл этих Заветов, сегодня, после бесчисленных переписываний и перетолковываний, сложно изъяснить даже математику.

2. Христианство **разделилось** на тысячу течений, протоков и **ересей** (это их собственный термин), как дельта Нила – ну а социализм не дельта Волги?

3. Инквизиция беспощаднее всего боролась против «**своих**» **еретиков** (не забывая правда гонений против евреев в Испании и против всех остальных подозрительных и как бы не опасных?), террор 30-х годов (о котором только и льют слезы интеллигенты) ударил по закадычным друзьям Сталина: вчера он с ним «кахетинское» пил, сегодня подписывает смертный приговор. Да ведь и **пытки** – одно и то же родимое пятно тех и других. В Римской империи для римских граждан телесные наказания были запрещены – смотри эпизод в Деяниях апостола Павла – кстати, у него же я узнал, что римское гражданство многие богатые покупали за большие деньги – но какие же **пытки** ввело в Священной римской империи христианство для всех без исключений! – превзойдя даже китайцев, о чем пишет французский писатель... да бог с ними, ссылками, имеют ли они значение для влюбленных и верующих!? Я и сам через 50 лет узнал от одной девчонки, что она якобы носила мои письма *другой* – разве она переставала меня любить из-за того, что кто-то справедливо меня укорял? Хотя я все же покался в этом – хотя и через 50 лет – покаемся ли мы в сталинизме? Правда, впрочем, **дело и не в нем...**

4. Дело в **Учении Христа**. Только в чем оно состоит? В том ли, что именно он закончит Ряд кровавых жертвоприношений и искупит грех человека – в чём?! – и это самое удивительное и непостижимое – за что же все таки Бог и История нас казнят вот уже пять тысяч лет, с того неудачного сотворения нас Богом, когда этот незадачливый Творец не смог предугадать и предотвратить поступок его уже склонной к пороку дочки? – и искупил ли Искупитель наше преступление, перестали ли нас казнить? – нет, после Страшного суда перестанут, и то только для ничтожной части **избранных...**)

С социализмом проще... Как будто... Это учение о построении справедливого общества – через беспощадную тайную и лживую Революцию, беспощадную кровавую Гражданскую войну, голод в Поволжье и Голод на Украине, Коллективизацию, тридцатилетний Террор-Гулаг, Вторую Мировую войну... А разве она большевикам была не нужна? Они сами увидели, что они абсолютно не способны ни к чему кроме убийств, что они абсолютно бездарны, почти без жертв захватив власть, они вдруг столкнулись с тем, что все стало разваливаться, немцы наступают, заводы останавливаются, дрова в Петрограде пропали, хлеб тоже... или **это планировалось заранее?** Надо было поставить на колени великий народ и принести его в жертву ... и **не для этого ли и была затеяна революция?** Вот посмотрите, в девяностые годы, БЕЗ революции и Гражданской войны остановились все заводы, пропал хлеб, его стали присылать, вместе со спиртом, с Запада, пропало мыло, пропали деньги (правительство перестало их печатать), **ОБОДРАЛИ ВСЕ СТЕНЫ ВСЕХ ЗАВОДОВ** страны, выдрали все провода, выключатели, лампочки, все вывезли, например, гигантская территория Красного треугольника стала выглядеть хуже, чем Сталинград во время войны, я бродил там между разрушенными корпусами в соседстве с беглыми крысами...

Рабочие и крестьяне захватили власть и перебили большинство образованных людей, истребляли и жен и детей, священников, дворян, купцов, предпринимателей, офицеров, казаков...

По ориентировочным данным исследователей общая убыль населения России от неестественных причин в 1917-1922 гг. составила от 11 до 15 млн. Считая более достоверной среднюю цифру, получаем, что потери населения составили **12 миллионов** человек. Вероятнее, что бежало за пределы страны на восток и на запад около трети, то есть около **4 млн** человек. Возможно, что от военных действий, эпидемий, террора и голода противоборствующие стороны теряли поровну, тогда привилегированные классы потеряли внутри страны еще **4млн.человек**. В эти цифры, однако, входят и казаки, евреи, казахи, мусульмане... Несомненно одно – страна, завоеванная большевиками, лишилась большинства своего образованного класса – вот почему, начиная с 1922 года, когда правительство попыталось направить ее на путь хозяйственного развития, развитие это или никак не происходило, или только за счет той самой прибавочной стоимости, в хищении которой Маркс обвинил буржуазию – однако, большевики отбирали у трудящихся вдвое или втрое больше, чем буржуа.

Разве наш спор о Сталине? **Революцию** совершили масоны, евреи, инородцы, русские интеллигенты, старообрядцы, даже часть кающихся дворян, а также **рабочие и крестьяне** – но банда Лениных, Троцких, Сталиных, Свердловых и Урицких была малоразвитой сравнительно с классом, который поставлял России поэтов, ученых, изобретателей и промышленников. Ну, я читал и Ленина, и Троцкого, и Сталина, и Дыбенко, и Хрущева... Читал я и «Капитал» Маркса, его Манифест и его «Критику критической критики», читал «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и его «Развитие капитализма в России»... и прочее... Пятьдесят лет назад оспаривать гениальность большевистских вождей было совсем невозможно, не в том

смысле, что мои оппоненты побежали бы доносить, а в том, что они были загипнотизированы всеобщим, то есть тотальным убеждением в гениальности вождей прогрессивного человечества, как мы загипнотизированы убеждением, что Христос – Бог любви. Но выдавал ли он себя сам за такого Бога? Не отрицал ли, когда постоянно утверждал противоположное, что он *принес не мир но меч, пришел не соединить, а разделить, и плач и скрежет зубовой принес в этот мир...* Он, Вестник Страшного суда, Вестник Конца света – Бог любви? Да вы не смеетесь ли надо мной и собою вместе?

Гипноз вдруг рассеялся. Вы не заметили, что в мире, в котором было издано пятьсот миллиардов томов классиков марксизма-ленинизма – этих томов почти не осталось? Никто их не читает, никто на них не ссылается, никто против них не спорит? Философские сочинения Ленина – пустое место, Революция, обещающая царство справедливости, не принесла ничего, кроме уничтожения русского народа и его теперешнего вырождения, **иссякания**, как реки, впадающей в пустыню.

5. Для чего приходил Христос, с какою целью? И большевики...

Я не могу утверждать, что я знаю, для чего он приходил, в то время как другие этого не знают, я даже не уверен, что в тексте Нового Завета эта цель высказана настолько определенно, что я мог бы объяснять эту цель тому, кто меня о ней спросит, не уверен, что о цели его прихода осведомлен достаточно ясно Павел или Достоевский. Я не знаю, Богом чего является Христос, сын ли он еврейского Бога Яхве, я не совсем понимаю, в каком смысле Ветхий Завет часть Священного Писания. Я, правда, убежден, что исторически христианство было средством соединения народа с государством в такой противостественный союз, в котором одна часть, малая, **беспощадно** и безмерно владела большей частью как рабочим скотом, с которым притом обращалась жестоко, в лучшем случае – как с собакой или лошастью. Принесло ли христианство нечто благое народу в целом, тем более что оно боролось против культуры, против науки и против медицины, да еще проповедовало противоестественное разъединение мужчины и женщины и **прекращение рождений**... И при всем этом я прихожу к выводу (к которому в том числе пришли и большевики, и Ленин и Сталин и Троцкий и тьма темь других, и подавляющая часть бывшего российского и русского и советского и всех малых народов), а именно, что **«Религии – это опиум для народа и средство его закабаления и эксплуатации»**.

Большевики естественно начали бороться с религией, как и с прибавочной стоимостью.

Я, хоть и с грехом пополам – но не хуже любого богослова объясню, зачем приходил Христос (если, конечно, он это знал сам) – но кто-нибудь из нас может *сам о себе объяснить*, зачем он посетил этот мир? И Тютчев на этот вопрос не пытается отвечать, он говорит, что *«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!»*, *«он их высоких зрелищ зритель»*. Но мне одного созерцания недостаточно, и чтобы оправдать *судьбу или случай*, требуется еще нечто более высокое, чем только зрелище, требуется результат, например, *«катарсис»*, *«встреча на седьмом небе»* или любовь с первого взгляда»...

Каков результат у *нашествия гуннов*? Разорение Европы и Италии. Каков результат у *нашествия большевиков*? К смерти Ленина – уничтожение дворянства и сожжение ста тысяч поместий вместе с библиотеками, роялями и клавиринами, уничтожение духовенства и разрушение ста тысяч храмов и монастырей вместе с библиотеками, утварью, иконами и попами, уничтожение купечества, уничтожение офицеров и армии, уничтожение флота, **разруха и голод...** Возможно ли всем этим гордиться нормальному человеку (хотя обезумевший народ и пел в безумном упоении *«Весь мир насилия мы разрушим!»*) – и иконы, поместья, книги, рояли, кресты и храмы, скрипки и живописные полотна – все это было для него только символом насилия, и их требовалось разрушить! *Что народ получил взамен?* Некоторые школьницы уверяют, что за это они получили *право учиться в школе* – в Японии во все советское время было на тысячу населения в три раза больше студентов, чем в СССР – без сожжения монахов, икон, храмов и капиталистов.

Человеку нужны положительные символы более, чем даже еда и одежда – и этим символом стала победа в войне с Германией, обескровившая страну и народ, но нуждающимся в утешении за бесцельность бытия детям предъявившая Сталина как символ одного единственного положительного результата большевизма – Победы. Ну, будет вас этот символ утешать еще десять лет – что дальше? Или утешит вас ожидание Конца света?

Я не дворянин, я крестьянин – но не утешает меня то, что перебили дворян и попов, а некая безумная дура *грохнула* даже *сорок первого* офицера, в которого влюбилась – тем более что ходом их же марксистской истории *грохнули* и крестьянство в целом вместе с деревней. Надо оправдывать не величие Сталина, а величие той революции, которую он совершил вместе с подельниками, которых потом всех *грохнул* – но ведь ходом их же марксистской истории грохнули не только *русский* народ, но и *советский*!

6. Какие силы совершили революцию? И с какой целью?

Тайные общества (в том числе масоны), *евреи, инородцы*, интеллигенция, рабочие и крестьяне, староверы, буржуазия, высшее офицерство, немцы и Антанта. Я не осуждаю только инородцев и евреев – первые стремились к *национальной свободе*, вторые к *гражданской свободе и религиозной*. Чего не хватало интеллигенции? Розанов писал всё, что хотел, а я сегодня боюсь его цитировать, особенно когда он рассуждает о том, что Христос получил власть над миром – даром... К чему стремились крестьяне? Возможно, они надеялись, что займут господские дома и заставят землю пахать помещиков? Или им не хватало земли? Во владении дворян оставалось только десять процентов всей пахотной земли, отобрав ее у помещиков, народ только проиграл. К чему стремились рабочие? Может быть, советская власть их сделала владельцами заводов и фабрик? Витя ...нин, казак, которого не успела советская власть расказачить, мой покойный товарищ, часто мне звонил по ночам и заливаясь пьяными слезами, говорил: *Мало вас Сталин расстреливал!* Ну, расстрелял бы он нас еще больше – что бы это дало всем остальным?

7. А, кстати, что дала нам революция и большевизм? Даже наша Победа – это **не** результат большевизма, тем более Сталина или **его** генералов, особенно таких, как его любимчик Власов, и не заслуга **советской власти**.

Простите меня за этот спор! – я просто пытался понять, о чем он? Это не спор о Сталине, это **семинар по философии истории**, поэтому о Сталине я больше совсем говорить не буду, надеюсь, высшие силы не допустят его *реинкарнации*, в остальном же он мне мало интересен. Лично меня теперь все больше волнует, почему при достаточно больших задатках, которые у меня отмечали мои учителя, из меня все таки ничего не вышло? По-видимому, личность не слишком большое влияние имеет на свою судьбу, и судьба человека определяется чем-то еще, кроме наших собственных мечтаний, надежд и усилий. Разумеется, меня волнует еще, почему так обидно печальна судьба моего народа. В отличие от многих, я меньше связываю свою жизнь с государством и обществом, но ощущаю кровную связь с **народом** и его культурой, историей и языком, причем, я сочувствую всем слоям народа, не только крестьянам, но и ямщикам, дворянам (особенно после того, как они нас отпустили, наконец, на волю – может быть, все таки, революция была для них **расплатой**? Страшным судом?) Сочувствую и священникам, и купцам, не все они самодуры, хотя не все и Прянишниковы, Третьяковы, Сытины и Сабашниковы – а я ведь собирал разоренные дореволюционные книги, и вообще склонен сочувствовать всему тому, что несправедливо гонимо.

В последние два года я пишу **Исповедь**, и хотя называю себя «пасынком века», но вспоминается из прошлого даже чрезмерно много светлого, радостного и счастливого – и вот что удивительнее всего – много было счастливых мгновений и во время заключений, коих всего было три, хотя последние два были короткими: второе продолжалось месяц, а третье – пять месяцев с небольшим.

В последний день отсидки (в **2004** году) случилось целых четыре счастья: сначала на Заседании Городского апелляционного суда председательствующая огласила письма в нашу защиту и, вздохнув, добавила: *Если бы обо мне написали такие письма, я бы считала, что моя жизнь оправдана*. Потом, после небольшого тайного совещания, она зачитала решение о нашем освобождении за недостатком улик (я не возражал). Потом мы вернулись в тюрьму и на Круге встретились с рабочими хозбригады. Узнав о том, что нас освободили, они с ликованием бросились нас качать. Потом нас повели в камеру, корпусная (девушка лет 25, студентка вечернего отделения), узнав, что мы через час освобождаемся, схватила меня в объятия и мы с нею расцеловались! Грешным ли был наш поцелуй, но *самым сладким!*

Вышли из камеры мы около пяти часов, уже начался вечер (в декабре), стоял мороз – и оказалось, что нас ждет машина, встречала нас моя подруга с мужем (*просто подруга*), они, бедные, не знали, когда нас отпустят, и сидели в машине, временами бегая около нее, пять часов. *«Теперь я понимаю, каково это – сидеть!»* – воскликнула подруга.

А накануне мы закончили строительство сауны (для служащих тюрьмы), и нам *велели* ее испытать, у нас на «закусь» были горячие булочки нашей пекарни и пиво! – и трое заключенных, два бригадира (а это чуть ли не самые главные в тюремной жизни, оба **не** урки – и я с ними дружил), и я. (Васька! – вскричали они, – брось ты свою *апелляцию*, мы же здесь как сыр в масле будем кататься, к нам даже "девочек" будут пускать! Ну как же ты нас бросаешь?!»

Простите, братья, меня – и те, и эти! *За то, что я стал хуже*. Я ведь это сам лучше всех чувствую... Еще пять лет назад даже мужики в нашей новгородской деревне называли меня *Васенькой*, а нынче только Инночка и В.

Началось моё растление с того, что я захотел всерьез спасти свою Русь, и выдвинулся в президенты. Ректор института Кинематографии сидел за своим столом и читал мои стихи, когда об этом услышал, он тут же послал своих подвластных студентов (ну, тех, кто его любил и в него верил, а я его тоже весьма уважал) и наказал им всячески пропагандировать народ, чтобы они за меня **НЕ** голосовали – ведь *последнего хорошего человека лишимся*, сказал он студентам, ведь все уже почти поразбежались, кто за границу, кто в бизнес, кто «во власть» (как написал Собчак), кто в вору, кто на нары, кто в славу, кто во *властители дум*... И мне позвонил и объяснил, как он меня любит и меня пытается спасти, и даже мои стихи мне прочитал, в доказательство (а я тогда еще писал посредственные стихи, теперь хоть чуть-чуть подучился...)

Я часто его вспоминаю, и думаю, что хорошо, что меня **не** избрали...

И так же вот я ругался-ругался, «за Сталина», и понимаю, что это что-то не то, все равно я никого не переагитирую, а только расстрою...

А.В.М. про меня написал, что я скрытный христианин, на том основании, что я на самом деле якобы к людям отношусь гораздо лучше, хотя и ругаюсь. Но вот я читаю у Ник. Ник. Страхова, как он хвалит настоятеля Афонского монастыря, за то, что тот **всех любит**, но **всех одинаково**, и что это и есть божественная любовь – и не хочется мне его больше читать, и его знаменитую книгу «Мир как целое» (потому что мир вовсе **НЕ** целое)... умников стало сильно много, иногда так и кажется, что надо читать Николая Федорова «Письмо от неученого к ученым» – но начинаю читать – нет, такую *пургу* несет про это воскрешение предков, что даже кажется, что христианские проповеди с их собственным воскресением – вроде как *затишье* ... Хотя надо все таки **не** становиться хуже.

Я – русский народник, этим я никого не хочу обидеть. И как ни удивительно, но я отчасти и *советский*, даже за *советскую власть*, которая, конечно, была задумана, *чтобы уничтожить Россию*, но не все в ней было **онтологически плохо**, и конечно дело в **большевиках**, и не будем о «нём» больше спорить. Я уже и сам не хочу быть властью, потому что и в самом деле *абсолютная власть портит абсолютно* – даже святого и даже бога, но послал я как-то свои театральные заметки о «**советском**» товарищу, и вот что от него получил в три часа ночи: «*ВИ, я Вас люблю. За что же эти гады выбрали Президентом Горбача, а не единственно достойного, понимающего Великий Советский народ кандидата? Спасибо за статьи. Отличные.*»

Можно было бы писать и еще, но надо насильно остановиться, и писать уже о «Пустом множестве» и о **расширении Логики** – для преодоления *невозможности хоть что-нибудь доказать*. Я вас всех тоже люблю, но «не могу поступиться принципами» (хотя как раз на принципы мне наплевать, *сочувствие к человеку дороже всего*). Будем считать, что эти мои «Записки по поводу» – просто очередная глава моей Исповеди, а вы можете верить, что в Кремле должен сидеть царь и за всем надзирать, и судить и миловать, – *только бы он не миловал по большей части злодеев*...

25. О чем мы спорим? Какие общественно-политические идеи, события и векторы духовно-исторического развития связаны с фигурой Сталина?

1. До 1917 года существовала Российская империя, русский народ возрастал численно, малые народы также возрастали, в том числе и евреи, по отношению к которым существовали, впрочем, некоторые ограничения. Но существовали ограничения и в отношении не привилегированных сословий, существовал имущественный ценз, ограничивающий право избирать и быть избранным в Государственную думу, да и к тому же Россия была монархией, и *полнота власти* принадлежала императору, которого никто не избирал.

Существовали цензурные ограничения в литературе и искусстве, в журналистике и политической деятельности – но, положив руку на сердце, не будучи чрезмерно искушенным в законодательстве и в правоприменении в дореволюционной России, я не сомневаюсь (и со мною согласятся все грамотные люди), что не только при ленинском и сталинском режимах, при которых было запрещено даже свободно дышать, перемещаться, говорить, писать, мыслить, но и при всех последующих советских и даже при нынешнем антисоветском прав у граждан неизмеримо меньше, чем при Николае Втором. Зачем же было устраивать столь кровавую Революцию? Зачем искать **заслуги** у нацистов, если этот режим признан нормальными людьми людоедским, если учение Маркса **«О диктатуре пролетариата»**, **Революции и экспроприации** состоятельных классов сегодня весь мир отверг и во многих странах оно запрещено, как запрещена практика Террора и насильственного захвата власти и их пропаганда (впрочем, в современном российском государстве только за разговоры об изменении существующего строя судят и сажают в тюрьму подростков на срок вдвое больший, чем за жестокое убийство или за воровство миллиардов долларов). Искать заслуги у Сталина при том, что большевистское правительство при его участии осуществило оккупацию Российской империи – это то же самое, что реабилитировать гитлеровских преступников.

Следовательно, спор у нас не о том, достоин ли Сталин, чтобы на него молились и чтобы он стал *«имя-Россия»* (Господи, не в конуре ли они учились русскому языку?) – а достойна ли поклонения Советская власть, Октябрьская революция, уничтожение интеллигенции, уничтожение Церкви и России?

Что мы выбираем – Россию или большевистскую революцию с Лениным, Урицким, Троцким, Сталиным?

2. Являлась ли Советская власть **народовластием** в России?

В январе 18 года разогнано Учредительное собрание, подавлен Кронштадтский «мятеж», после кровавой провокации изгнаны из Коалиционного правительства левые эсеры и анархисты (и никогда больше представители каких либо других даже социалистических течений не допускались к власти даже на каплю!), развязана Гражданская война, преступными и беспощадными мерами подавлено Тамбовское восстание, началось уничтожение Церкви и храмового одеяния России, физически **уничтожена** лучшая часть **крестьянства** (при так называемом *раскулачивании*) – и мы его до сих пор защищаем? Да хоть бы Рахиль была среди наших пращуров – хоть она бы оплакала своих погибших детей!!!

3. Может быть, нам дорог **социализм**, мечта «прогрессивного человечества» о лучшем будущем для наших детей?

И были ли недостатки у Сталина, это не важно, ибо он охранял и сохранил вот эту самую *мечту*, для сохранения которой и был поставлен, сохранил *социалистический строй* как самый светлый, самый прогрессивный строй в мире, для революционного поставления которого и были принесены и оправданы любые жертвы, и воистину можно было не стоять за ценой? Но, как я вижу, Сталин важен и дорог сам по себе, а не как символ социализма, марксизма, советской власти. Народы притягиваются к **демонической личности**, и оправдывают ее независимо от ее мировоззрения, независимо даже от конечных результатов ее деятельности.

Существует столько же разновидностей социализма, как и конфигураций обеденных столов – существуют и "шведский стол" и "шведский социализм", и египетский, и маоистский, и "социализм Келькацатля", при котором сбрасывали в пропасть в порядке жертвоприношения сразу по двести тысяч молодых людей – ну, мы со Сталиным сильно отстали!

Но если с *социализмом* связывать хоть какие надежды на лучшую жизнь – или на светлую, на возвышенную, на романтическую – а именно это меня и волнует, ибо мне не интересно всю жизнь пилить сибирский лес для обустройства богатого Запада, а самому книжный стеллаж строить из опилок! – то ни сталинский социализм ни маоистский меня не устраивают, хотя **эффективность всякого социализма**, как показала история, оказывается чрезвычайно низкой, увы - такова участь казармы, ходьбы строем, строгого учета и контроля и планирования производства гвоздей (вместо того, чтобы сразу эти гвозди делать из этих людей, как завещал Маяковский). (Правда, многие и сегодня уверены, что Россия была отсталой, а при социализме сильно развилась, и я боюсь, что с мифом о том, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой, мне не справиться, нужно будет написать еще 700 страниц текста. Народу невдомек, что хотя при большевистской Разрухе заводы остановились, но и станки и стены и оставались целы, и подъездные пути, вагоны и вагонетки и железные дороги, которые практически ВСЕ были построены до Революции (если случится проехать по России, обратите внимание на железнодорожные вокзалы и мосты и на время их постройки – да хотя бы на внешний вид – не только мост, построенный *при советской власти*, отличишь мгновенно, но и любое здание, **в том числе промышленное... Но договору о стенах заводов и фабрик – в 90-е годы их обглодали за несколько дней словно рыбы-пираньи, ободрали ВСЁ!!!!!! Я ходил по заводу в Красноярске, а вы прогуляйтесь по Красному треугольнику...** И все же при разрухе стены не обдирали, понадобилось 70 лет усиленной выделки человека, чтобы выделывать такого, который даже гвозди был бы способен выдрать из бетонной стены, как в 90-е годы...Мы этого не делаем – так мы и вымираем! Меня судьба столкнула с сотнями изумительных людей, но они все уже поумирали, мы, живые, гораздо хуже.

А что Россия не была нищей и недоразвитой, и это поздний коммунистический МИФ, показывают цифры из советских источников:

В томе 12 БСЭ 1-го издания в статье *Война* приведена обобщенная цифра боевых потерь *убитыми и пропавшими без вести* в Первую мировую войну: 775 тысяч человек.»

Не было ни битвы под Москвой, ни Сталинградской битвы, ни Блокады Ленинграда.

После Великой Французской революции (кстати, забыл, положен ли этой революции эпитет Великая?) естественными чувствами интеллигентного человека (в России и в Европе) по отношению к буржуазии была нелюбовь и презрение. Естественно, что и я отношусь к капитализму примерно так же, как и советский человек. Но при этом я не разучился читать и по-прежнему читаю и мыслю. Эти проклятые капиталисты постоянно дают деньги ученым и промышленникам на их нововведения, даже Форду, и даже еврею (несмотря на антисемитизм Форда). Изобретатели переживают, конечно, массу трудностей (перечитайте Дудинцева «Не хлебом единым»), но даже русские изобретатели на чужбине строят самолеты и вертолеты (Сикорский), развивают телевидение (Зворыкин). А в СССР приличный грузовой автомобиль был даже в конце пятидесятих годов американский студебеккер (по Ленд-лизу). Я путешествовал по Московской области в 68 году, многие деревенские дома были крыты соломой. Может быть наша экономика сегодня эффективна? Если и эффективна, то за счет распродажи естественных богатств – но я не уверен, что наши дети будут ходить на наши могилы, я вижу, какой мы им оставляем Россию: заросшие лишайником поля, дуреломы в лесах, свалки на окраинах городов и деревень, грязные реки и даже грязный Байкал...

Но вернемся к социализму. В эпохи, когда его вводили обезумевшие императоры в древности (из книги Шафаревича), в Двуречье обмелели каналы и возникли пустыни, в Ираке появились болота... И все же – разве не возможен **социализм с человеческим лицом**? Только советский социализм дискредитирован до такой степени, что даже при отвращении к капитализму страшно оказаться при новом Сталине или Мао Цзе Дуне или Пол-Поте... Не для того ли Бог и послал на землю Сталина, чтобы и к социализму у человека появились отвращение и ненависть. А ведь был и Русский социализм, и Герцен, и Бакунин, и Кропоткин, и Иванов-Разумник, и даже Блок и Есенин, было потрясающее движение **народничества**. Но нам подавай западных Марксов, Бернштейнов, Каутских! Семьдесят лет советской власти вытравлялось все русское, воспитывалась ненависть к нему, ни одного русского мыслителя не преподавали даже в нашем университете – и с чего это мы, советские люди, созданные в Инкубаторе по западному образцу, вопим о **либералах**? А есть ли в нас что-нибудь русское? И все эти Ельцины, Гайдары и прочие разве с Западу к нам присланы, а не в наших институтах марксизма-ленинизма зародились и выпестованы?

На этом я и закончу. *Я русский. Отчасти советский. Не коммунист и не комсомолец (и таких как я, было немало.)* Откуда вдруг 9 из 10 полюбили Сталина? Врут. Разве мы уже не жили по лжи (хотя иначе нам было нельзя)?

Русским есть чем гордиться: в науке был великий Менделеев, издал в 1905 г. (?) книгу «К познанию России», в которой, в частности, предлагал дать социал-демократам (большевикам) сначала остров для экспериментов. (Заглядывая в Интернет, я вижу, сколько океанов мерзости бушуют в его недрах, проклиная авторы либералов, масонов и антисоветчиков, оглушая нас мегатоннами сведений о ежегодных голодоморах в **царской России**, о несуществовании ни татаро-монгольского ига, ни Куликовского побоища, ни сожжения Москвы Тохтамышем ни разорения Руси Батыем и Мамаем – а я всосал русский язык с молоком матери, и слышу шопотом: *спи, маленький, а то смотри, придет Мамай и тебя съест!* Или: *Малюты на тебя нету, он бы тебе поотрубал руки-ноги* (это не мне, это взрослым) – а вон Ю.А. в здравом уме и твердой памяти заявляет, что Грозный никого не мучил и не казнил и не разорял Ливонию, это его западные либералы *оболгали*... Будто не Курбский взял Казань и разбил Литву, когда Ивану было только 17 лет! Чем он плох русским? Только гордостью и непокорством – вот большевики и провели селекцию, вывели из нас новый сорт, и нашу историю переписали. Но вся русская история уже содержится в языке, в каждом его слове мы слышим отзвуки битв, надежд и обманов...

Кому принадлежит Россия? Прежде всего **пятидесяти поколениям**, сменявшим друг друга за тысячу лет и ее создававшим, и всем тем поколениям, которые мы нарожали или нарожаем и кому передадим наши чаяния (и это, конечно, не одни только русские, но и все те, кто любит Россию и ею гордится и входит неотъемлемой частью в русский народ). А русским можно гордиться и великими полководцами, которым ребра не ломали и не выбивали зубы незаконнорожденные генералиссимусы: был великий Суворов с его «Наукой побеждать» (но имя «Россия» присвоил обезумевший русский народ совсем другому). Среди нас были Сикорский, Рахманинов, Шалапин, Варя Панина, Георгий Иванов, Стравинский, ...даже Нансен был среди нас, потому что он действительно спасал умирающих от голода русских крестьян, когда красный Тухачевский морил их газами... тысячу имен можно назвать, и все великие, и ни одного из них не избивали в пыточных застенках ...всемирно гениален Николай Иванович Вавилов, но его как раз у нас избивали ... так что не будем спорить о миллионах, достаточно поговорить о единицах. Теодор (Тадеуш) Адамович Шумовский, друживший с Л. Н. Гумилевым, вместе с ним лежал под нарами и с ним стоял трое суток в камере на Шпалерной – не было места *сидеть* (мне там как раз тоже позже посчастливилось посидеть, за что я советской власти как раз благодарен – но в камере я был один, перебиты уже были враги) вместе с всемирно известными академиками – талантлив русский народ, на все камеры мира его хватит!

Валентин Иванов, автор романов «Русь изначальная» и «Русь великая», составил конспект книги академика Веселовского «*История опричнины*» (она издана, тиражом в 1000 экземпляров – при моих тиражах в 4 и в 8 это неплохо) – Конспект же посвящен параллельно двум самым жестоким русским тиранам. «Конспект» гениален – как и великий писатель, с которым, конечно, я тоже пил водку. И я его издам, надеюсь, осенью, после Н.И., одного и другого, которым я тоже клятвенно обещал их издать...

Да, я все хвастаюсь «мгновениями» счастья (которые во мне словно бы *остановились*) – но были ли мгновения, которые исходили *от меня*, сделал ли я что-нибудь хорошее другим?

Конечно, я постараюсь чем-то похвастаться, но моя малая заботливость о других меня, увы, удручает. Часто я просто жил, иногда беспутно, спорил с христианскими аскетами, призывавшими не прикасаться к женщинам – и чего это они из-за этих несчастных женщин взбесились, уму непостижимо! – но что я все же весь пыл своей души тратил на женщин, и мало уделял внимания сильному полу (гораздо иногда более слабому, чем слабый) – это было моей слабостью (вряд ли грехом, прикасался я к женщинам все же почти неощутимо).

Я просто жил, но при этом мужчины иногда тоже считали меня хорошим другом, и как бы то ни было, пусть и в четырех экземплярах, но Володю Алексеева я издал, сначала в двух томах, потом в толстенных трех, я выложу их осенью на своем сайте, когда на нем создам *Библиотеку русских писателей* (на что у меня не хватает не миллиардов, которых нашему пламенному государству даже на своих олигархов иногда не хватает, а только сотни старых советских рублей). Но Володю я напечатал и существует даже электронный вариант его Полного собрания сочинений. Правда, однажды я не пришел к нему есть его знаменитый борщ – пришел на следующий день, когда вся посуда в доме была уже перебита и устилала толстым слоем пол в комнате... Но мы помирились. Он меня простил. Зато я уговорил еще и его старого товарища (тоже придурка) ему позвонить и помириться, и на следующий день Володя умер...

Толю Степанова я спасти не сумел, не хватило душевных сил, но я к нему приходил во время последнего запоя, а больше к нему никто не ходил. Мы одиноки, потому хватаемся даже за монстров, за мифы, ... я хватаюсь за детей и за женщин, но дети не всё во мне понимают, вот Паше уже шесть лет, но про Натуральный ряд и про Пустое множество он не хочет слушать, играет с бабушкой в пиратов... Надо его отвести в филармонию слушать Полину...

В новгородской деревне моя соседка Оксана Дмитриевна иногда наливала мне полстаканчика самогонки (такой самогонки не гнали даже в моей родной деревне Корневище), иногда протапливала зимой наш дом, когда мы собирались приехать. Ей было **16 лет** после войны, когда ее погнали на восток Новгородской области на лесоповал, подлежала она тяжелым работам за то, что войну провела в оккупации. Были у нее три козы, с ними она разговаривала на таком русском языке, которого я даже в Сибири не слышал, живя у колючей проволоки. Любила она и меня и мою жену, деревенские нас все любили, хотя ничего хорошего я им не делал... Но все они уже поумирали, и в деревню наезжают летом их внуки, все городские.

Я помог двум праправнучкам *декабристов* отредактировать и издать *Антологию* статей, посвященных их предкам. Наше странное время создало хаос в умах и душах: *любовь к России и к ее героям мы подменили любовью к ее правителям* – тогда надо полюбить и **Батю!** Но в России достаточно тех, кто соединил в себе и *слабость и величие духа – таковы декабристы*. Как низко мы им вдруг изменили!

Любить – возвышеннее, чем быть любимым. Вчера я был на концерте, Прекрасная М. оглядела зал, увидела меня и нечаянно улыбнулась такой бесовско-божественной улыбкой, что я понял, почему Розанов решил, что Мессия – это Денница: *не всегда одного можно отличить от другого, оба они обольстительны.*) Но М. сразу же после концерта от меня убежала, а я принес ей свой толстенный Сборник «Рассказов о любви» – и не успел передать. *Поэтому мне плохо и писать я больше не буду.*

26. Неокончательные выводы. Намеки на будущее

1. Я не христианин - по крайней мере в том смысле, что **я не принимаю аксиомы, установки, мифы, цели этого учения.**

Я не верю в *Миф о порче мира*, случившейся в силу легкомыслия Евы. Я нахожусь в здравом уме и **знаю**, что никакой Змий не давал Еве яблоко с Древа познания добра и зла, которое она из любопытства съела, и не лишился человек в силу этого бессмертия, следовательно, не за что было приносить Христу кровавую жертву ...И кому он ее принес, каким силам? Своему батюшке что ли? И что изменил он к лучшему?

О знании. В основаниях Логике и Математики содержится возражение многим глупостям, но Логика не содержит аксиом, исключаящих невероятные события во вселенной – естественнее просто спросить сочинителей таких историй: Откуда вы это взяли? Кто вам это сказал?

Я представляю себе историю человека и мира довольно туманно, историю моего народа вижу тоже туманно, но при этом среди моих близких знакомых и даже друзей множество тех, кто этот туман вокруг меня сгущает еще больше – что мне делать? Я устал от *сгустителей мрака*...

Один говорит, что Русскую историю Карамзин извратил по заданию английской разведки, русичи уже пять тысяч лет тому назад умели летать к звездам... Другой говорит, что весь вред в «хитрых грехах». Третий советует не прикасаться к женщинам и спрашивать как жить, либо у секретаря парткома либо у батюшки... Но мне не интересно спорить о воскресении. Дело в том, что хотя я устал от всех этих bestолковых людей, которые меня окружают, но сам План воскресения кажется мне еще bestолковее. В. мне очень нравилась, потом ее следы затерялись, вдруг мы воскресли: продолжим ли мы нашу дружбу с того момента, когда мы расстались, или с того момента, когда мы умерли? А если она умерла молодой, а я умру столетним старцем? И как расположить белых и красных, русских и немцев, эзков и следователей, которые ломали им ребра? Атеистов и христиан, инквизиторов и еретиков?

Сев в случайную электричку, я окажусь в вагоне среди случайных людей – но по крайней мере в привычной эпохе – а если мы воскреснем через две тысячи лет среди людей, к тому времени уже разучившихся читать?

Куда помещать Архимеда и Аристотеля, хорошо, если они окажутся в одной камере со мною – ну а если рядом с Павлом и другими апостолами, которые ненавидели античную культуру и всякую культуру вообще? Или даже с Христом, «не заботящимся о завтрашнем дне» и не только смутно представляющим собственное учение, но по существу не объясняющим (как и современные христиане), ЗАЧЕМ надо тащиться с крестом, зачем любить бога, который от нас, вероятно, устал и нас **не** любит, зачем **спасение** и в чем оно состоит? Серафим Саровский верил, что тысячи вокруг него *спасутся* – но в чем состоит их спасение, он понимал? Я верю в *сочувствие, которое нам дается*, и хочу, чтобы человек очеловечился, стал грамотнее, культурнее, добрее, я верю в *гуманизм* (человечность) и в человека как в меру всех вещей, но для христианина *гуманизм и просвещение – это зло*, Европа погибла, когда мрак средневековья рассеялся под их лучами, полагают они. Вчера я с таким беседовал – смысл христианства состоит в отчуждении от человека, от

плотской любви, от плоти, от мира, от театра, от музыки, от рождения детей (ибо хотя боги иногда и рождались, но – от *девственниц!* – поднял он палец к небу). Пришлось мне вчера с горя выпить, хотя от питья мне плохо ... но от христиан еще хуже. **Народничество** – это ощущение связи с семьей, с родными, родом, с *русским народом*, даже с **советским**, только бы мы говорили на одном языке, это **ощущение себя как личности, симпатии к миру, чувства долга, потребность заботиться о тех, кто нуждается в нашей заботе**. Христианство противоположно такому *народничеству* и такой эмпатии требованием самоумаления, смирения, **борьбы** с гордыней и с **личностью**; требованием ненависти к миру, христианство умаляет и долг человека по отношению к миру, народу, культуре, природе, человеку – противопоставляя долгам, перечисленным мною, любовь к богу и церкви и смирение.

Не говоря уж о том, что и история христианства и история социализма – это **бесконечная война** на истребление: христианин или коммунист – это воин с мечом, отвоевывающий гроб Господень, истребляющий сарацин, язычников, еретиков, троцкистов, уклонистов, капиталистов, меньшевиков, эсеров, баптистов, сионистов, фашистов, националистов, ведьм, изменниц, распутниц, изменников родины, агентов влияния, космополитов, либералов... и еще тех, кого надо было уничтожить, но до кого мы еще доберемся. При этом, как ни странно, даже злодеи находят защитников, мой товарищ ввел термин «*наши бандиты*», это те, которые "**спасают**" нас от «*ненаших*» бандитов, - наши сеют зло на чужой стороне... Благотворны и олигархи, и политики, и жестокие Ксерксы, Нероны, Тиберии и Калигулы, Гитлер для немцев и Сталин для русских, а *обличение даже известного зла бесполезно...*

Тирания и Террор создают так называемый **стокгольмский синдром**, когда жертва отождествляет себя с насильником и стратегию собственного спасения встраивает в стратегию защиты насильника от внешней силы.

А что за синдром, когда народ убежденно, с готовностью умереть за царя, вопиет: *но если не он, то кто?* Когда, как в случае с маньяками (Грозный, Макбет, Дон-Карлос), справедливо, что *кто угодно, хуже не будет!* – но следует ответ – Он же велик – *ибо он властвует!* Как можно равнять себя с ним? «Нюрнбергский трибунал» не сломал сакральную коросту, предохраняющую тирана от кинжала Брута или Шарлоты Корде, убившей Марата и казнённой якобинцами, сочувствие к тирану (пост-стокгольмский синдром) осталось. Что делать? Воспитывать и учить! Только **культура и образование** созидают из *одномерного человека* свободную личность – университет, театр, музеи, музыка, *Новый русский журнал...*

Прошло **70** лет по смерти тирана. Нелепо спорить, мало или много убито, когда *видят в мире* только **войну** с Сатаной, **Диаволом (который рыщет, ища погубить)**. Если они сумасшедшие, то **почему именно они легче всего приходят к власти?** ...Но мало *вас* еще Сталин расстреливал, мало сажал в психушку, отвечает мне талантливый поэт, не злой человек... *Это твердь под ногами расселась*, так бывает когда растает болото. **Как же они несчастны, живущие на тверди из зла!**

Народ защищает тирана трижды: во время его правления, во время его осуждения, и в смутное время, когда ищет, на кого опереться.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПУТЕШЕСТВИЯ во ВРЕМЕНИ

(РАССКАЗЫ о ЛЮБВИ)

"ГУНКА", или «встреча в вагоне»

Кажется, это было в 1998-м году, мы с сыном возвращались из Москвы в Петербург, наши издательские дела были уже в самом худшем положении, все развалилось и разорилось, что только можно, сотрудники разбрелись кто куда, имущество протекало в дыры, из которых состояло издательство, офиса, кажется, в Петербурге уже не было, надежд на будущее – тоже, ни соратников, ни сотрудников, ни идей, ни энергии к жизни... Но что-то, все же, еще оставалось, наша жизнь пока еще не стала хаотическим блужданием молекул, и хотя воли к направленному взаимодействию с миром уже не было, но молекулы чему-то еще подчинялись и не слонялись абы как. Жизнь была еще жизнью и куда-то двигалась и куда-то стремилась. Мне было в это время 56 лет и я чувствовал себя относительно здоровым, хотя время от времени возникали приступы аритмии.

Если и личное бытие представить как сосуществование двух вселенных, организованной, одухотворенной вселенной, имеющей смысл и цель – Космоса, и неорганизованной вселенной, без смысла, цели, направления, ничему не подчиняющейся, никуда не стремящейся, или подчиняющейся только случайности – Хаоса, то что же еще оставалось от Космоса? Мы двое, севшие в скорый поезд Москва – Петербург около полуночи с уверенностью, что в девять часов утра мы выйдем из вагона на Московском вокзале и поедем домой в городскую квартиру (а тогда у меня был уже и старый деревенский дом в Новгородской области, куда я иногда сворачивал по дороге из Москвы), наши домашние, которые нас ждали, возможность еще купить билет и путешествовать с относительным комфортом, существовал офис на Новом Арбате на 21-м этаже, и существовали относительные минимальные средства (не помню уже, откуда мы их добывали), позволяющие путешествовать на поезде, обедать, платить за квартиру и офис, даже иногда ходить в театр и филармонию. Нищета еще не наступила, хотя уже через год я ехал из Москвы в Новгородскую деревню в электричке, возвращаясь из Сибири с двумя стеклянными сервизами, купленными на станции около Казани (зачем? Уму непостижимо, один сервиз я подарил потом Володе Алексееву, а он подарил его девушке-путане...), а еще через год я ехал в электричке из Москвы, продав Библию 1812 года главе какого-то православного братства за 50 рублей, с рюкзаком, полным пустых бутылок, их я по дешевке продал в Окуловке и на вырученные деньги купил билет в автобус до деревни – иначе мне пришлось бы идти пешком 25 километров) – но сколько же во мне было еще жизненной энергии и силы, чтобы все же доехать из Москвы до деревни, а не идти оттуда пешком, побираясь по дороге?!

Что же еще тогда, в 98-м году, принадлежало моему Космосу?

Было главное: **телеология** – то есть *целесообразность бытия* (в частности, моей собственной жизни) и **энтелехия** – *его предназначение и жизненная сила*.

Поскольку моя личность была преимущественно явлением формы, постольку я сам был скорее литературным явлением, образом и воплощением, я был сосредоточен и проявлен и выявлен в Слове. Моя жизнь, как теперь я вижу, не составляется из хаоса событий, а представляет собою СЮЖЕТ – поиск и обретение **понимания**, и встречи с необходимыми личностями, в совокупности оправдывающими и жизнь как таковую и мою собственную жизнь. Это не обязательно самые приметные и самые выдающиеся – это только в совокупности необходимые и достаточные, чтобы оправдать и Народ и меня самого. Даже можно отчасти сказать, что не столько я сам существен, сколько те, с кем пути мои пересекались, с кем я целовался, разговаривал, пил водку. О них нужно написать, они того стоят. Но этот рассказ должен быть интересен, он должен быть судьбой и образом, сюжетом, приключением, загадкой и откровением.

Смогу ли? Музы, духи, силы небесные, мой собственный ангел или даймон должны мне помочь.

Ну так вот, осенью 98 года мы вдвоем с сыном вошли в купе, в котором сидела милая, изящная, красивая и притягательная девушка, в ее облике, взгляде, движениях были не только изящество, но и сильный ум и обаяние.

Разговор завязался сразу же, и мы непринужденно начали болтать о разных милых пустяках, как это обычно и бывает при начале знакомства.

– Вы, вероятно, приезжая? – спросил я. – Может быть, из Прибалтики?

– Разве я как-то не так говорю?

– Вы говорите на прекрасном русском языке, но слишком хорошо на нем говорите, нет некоторой неряшливости в произношении, которая отличает псковских русских, москвичей и питерцев, но еще больше деревенских. Такое впечатление, что родным языком у вас был другой, а русский – благоприобретенный. Так, родным языком Пушкина был французский, русскому он обучился в четыре-пять лет, и многие даже жалуются, что в большинстве стихов он тяжеловат, слишком литературный, слишком книжный, особенно в сравнении с Жуковским. Приведу пример. Мой друг Казимир не знал польского языка, поэтому я буквально навязывал ему русскость, хотя его родные все говорили по-польски (дома) и хорошо знали литовский язык (конечно, вместе с русским), их родиной была Виленищина. На первом курсе он стал изучать польский язык, выучил наизусть Мицкевича, но для его старших братьев он так и не стал поляком, хотя они Мицкевича наизусть не знали. Вот и про вас я думаю, что, возможно, вы все же урожденная русская, но жили в чужой языковой среде.

– М-да... – произнесла "гордая полячка" (но нет, она оказалась не полячкой) – А я-то гордилась своим произношением, я его *оттачивала*, я была уверена, что никто в мире меня не заподозрит в чуждом происхождении. Но так и быть, приходится *расколоться*. Я родилась в Германии, была немкой, и родным языком у меня был немецкий. Русский язык я изучала в университете и приехала в Россию, чтобы написать о ней диссертацию. Здесь судьба меня столкнула с «отбросами общества», изгоями, я познакомилась с жизнью *бомжей* и заинтересовалась их бытом и судьбой. Чтобы понять их изнутри, я даже вошла в их "*стая*", стала жить вместе с ними, как ни странно, среди них и мой русский язык и моя русскость только возросли.

— О вас писали в газетах, я о вас читал, как замечательно, что мне удалось с вами увидеться! И заверяю вас, что в вас всё безупречно, и язык, и поведение, и внешность, уверен, кроме меня никто не ощутит некоторый чуть слышный привкус, призывок обертонов, который присутствует почти неуловимо в вашем голосе. Так не всякий почувствует разницу во вкусе между лесной смородиной и садовой. Можно даже сказать, что я русский деревенский или городской, а вы русская с «Земляничной поляны». Или даже из реторты алхимика. Жаль, что это не я зародил в вас русский дух, хотя такое в моей жизни бывало... Но скажите мне честно, как же вам удавалось среди них жить? Разве сама обстановка, сами условия не были невыносимыми? Разве они не приставали к вам? Вот я жил и в общежитии, и на съёмной квартире, и в тюрьме, и в сумасшедшем доме, и даже в палатке у костра, но в грязном и холодном подвале больше двух дней я бы не смог выжить!

— Конечно, в необычных условиях одному всегда выжить трудно, но я ведь была не одна!

— Но в тюрьме мне в одиночке было легче, чем в общей камере, меня стесняли окружающие даже больше, чем несвобода.

— Это потому, что вы окружающих не любили. А когда любишь тех, с кем живешь, нет никаких невыносимых условий.

— И что же вы делаете теперь? Откуда, куда, с кем?

— Я только что была в Германии, встречалась с родителями и прошлыми друзьями, прилетела в Москву и возвращаюсь в Питер, который стал мне родным. Научная карьера моя сложилась великолепно, в Германии я защитила диссертацию, обо мне там тоже писали, я стала своего рода героиней, хотя многие меня осуждали, особенно после того, как я подробнее объяснила, почему я стала русской и отказалась от Германии.

— Если вам не тяжело об этом говорить, то расскажите, пожалуйста, о ваших чувствах и вашем решении подробнее, я тоже размышляю о родине, о духовной родине, даже написал статью «Я русский!», которую даже русские читатели не очень-то приняли!

— На родине за последние три года я была три раза, в этот раз по настоятельной просьбе родителей, они мне объявили, что если я не выкину эту русскую блажь из своей головы, то они от меня отрекутся и даже лишат меня наследства. Но как я могу оставаться немкой? Объясню это на примитивных примерах. Представьте, что навстречу друг другу идут два немца, и один другого спрашивает, нет ли у того сигареты. Тот достает сигарету из кармана и протягивает просящему, тогда первый достает два пфеннига, которые владелец сигареты без стеснения как должное кладет в карман. А в России? Тоже представьте, что на заводе после рабочей смены трое решили распить бутылку, сбросились на выпивку и закуску, поставили в углу заводского двора ящик, сели вокруг, откупорили бутылку... и вдруг один из них говорит: Ребята, простите меня, но сегодня я с вами не буду пить. Утром моя жена сказала, что если она услышит запах спиртного, то выгонит меня из дома, и я чувствую, что так и поступит. Пожалуйста, пейте уж без меня, а я рисковать не буду, я побегу домой.

И ушел, но долгу свою не стал забирать, ему даже в голову не пришло, чтобы они вернули ему его, условно говоря, *два пфеннига*.

Я думаю, что одного даже этого примера достаточно, чтобы понять, почему я больше не могу быть немкой. Да ведь и прежде такое бывало неоднократно, вы, может быть, не знаете, но среди русских юродивых бывали бывшие немецкие купцы, и один известный вологодский юродивый – ганзейский купец, и в Петербурге немцы быстро обрусевали, и Дельвиг, и Кюхельбекер, и Владимир Даль, и вот теперь часто приезжает в Россию внучатый племянник Достоевского барон Фальц-Фейн из Лихтенштейна, хотя он здесь и родился, и увезли его после революции пятилетнего, но он никогда не переставал сознавать, что он русский, *я читала его воспоминания в журнале Мера...*»

– ...который я редактировал и издавал! – закончил я.

Красавица *бывшая немка* вскочила и бросилась ко мне, вдруг схватила меня в объятия и прильнула в удивительном поцелуе!

– Ребята! – воскликнула она восторженно, – а не распить ли нам по этому поводу бутылку водки, у меня как раз с собой есть, купила в Москве, предчувствовала, что что-то должно случиться необыкновенное?! И ведь вам даже не надо входить в долю, я угощаю! – добавила она смеясь.

Конечно, поспать нам толком уже не удалось, разумеется, мы не ограничились одной бутылкой, и хотя я старался пить больше моих "собутельников" (я был закалённый боец и пил в эти безумные девяностые годы вообще бесшабашно, как только остался в живых?!), но и моей новообретенной ближней сестре досталось немало – а что она более подходит мне в дочери, об этом мы как-то не думали. Правда, сын смотрел на меня временами укоризненно, он был более строгих правил, чем я, все таки я его воспитывал на лучших литературных образцах – поэтому целоваться мы выходили в коридор, то под предлогом, что надо налить чаю, то ходили за водкой. Я ее окончательно утешил, я сказал, что целуется она совсем безукоризненно, как *самая русская из всех русских девочек*, и ничего немецкого в ее поцелуях нет. «И много ты с немками целовался?» «Всего только раз», – и она укорила меня, что я чистый гунн, а вовсе не культурный европеец... – «Но значит, я твоя *гуннка*, и ради этого мы и встретились, пусть только на одну эту чистую и безгрешную ночь, хотя мы оба и русские тоже, но "для этих немцев" мы варвары, гунны, и ты и я! Вот для чего, оказывается, я перешла в русские – чтобы поцеловаться с тобой! Жаль, правда, что мы больше встречаться не будем: нельзя, чтобы твой сын смотрел на тебя укоризненно. Прости меня, но *ребенок женщине дороже возлюбленного!*»

После в моей жизни было еще немало всякого, я и болел немеряно, и чуть не стал нищим, и были еще и другие встречи и очарования – не только врожденное возвращает во мне писателя, но и мои странные встречи из меня его пытаются сотворить...

САШЕНЬКА

И вот, наконец, расскажу об одном из таких побегов, случившихся на рубеже моей старой жизни, в которой я писал мало и еще кое-как, и новой, в которой писал уже лучше и много.

1. Знакомство

В сентябре 98 года меня, издателя Радзивилловской летописи, вместе с редакторами пригласили в Оршу на праздник Белорусской письменности за счет «Батьки», главы республики.

Приехали, вселились в гостиницу, сходили на прием в мэрию, вручили им в коробке издание в двух томах (весом в семь килограмм. И таких коробок у меня в рюкзаке было семь штук и я их носил за спиной), получили приглашение на торжественный обед на следующий день, погуляли, переночевали и утром уже сидели на центральной площади города на временных трибунах, а в центре был спектакль, происходило ристалище, настоящий рыцарский турнир со щитами, мечами и копьями, правда, специально затупленными. Однако, в конце турнира кому-то из рыцарей не повезло, даже тупое копьё пронзило его щит, свергло с лошади и он сломал два ребра.

Сцены представляли жизнь в средневековой Литве (которую тогда называлась собственно Литва вместе с теперешней Белоруссией, и в которой государственным языком был белорусский, а князь был из литовского рода).

Оглянувшись назад, я увидел сбоку за собой молодую и очень красивую девушку в белорусском стиле; она сидела, поставив ноги на переднюю скамью и подняв колени.

Через минуту я оглянулся снова, что-то меня задевало, действительно, между неплотно прижатыми ногами белели трусики, они-то меня и смутили.

Она была красива, но ведь влюбление происходит иррационально, одной красоты недостаточно, а иногда она бывает излишней. Позже, вспоминая первые мгновения знакомства, я к стыду своему (а я считал себя утонченно духовным, в отличие от грубых мужчин) понял, что белые трусики меня захватили в плен больше, чем даже ее красота).

– Девушка! – обратился я к ней. – Прошу вас сесть рядом со мною, так как иначе я буду оглядываться и мешать и себе и вам смотреть на турнир.

Она послушно пересела совсем рядом, не поодаль, что мне очень понравилось.

– Иногда я буду на вас смотреть, но изредка и не долго, чтобы не помешать и не смутить, а словно бы невзначай. Если Вы мне прикажете не смотреть на Вас, то это будет слишком мучительно, я тогда в отчаянии могу броситься навстречу какому-нибудь разъяренному рыцарю, чтобы погибнуть от его копья, а не от отчаяния.

Она мило улыбнулась и добавила, протянув руку:

– Меня зовут Сашенька!

– А меня хотя и называют многие Василием Ивановичем, но для прекрасных дам и девиц я тоже предпочитаю быть, подобно вам, Васенькой.

(Мне потом хотелось спросить ее, догадалась ли она, что я смотрел на ее голые ножки, но так и не оказалось подходящего случая).

Ресторанище закончилось в половине третьего, ко мне подошел кто-то от телевизионщиков и спросил, не хочу ли я поприветствовать публику от имени гостей из Петербурга. Я, разумеется, хотел, тем более что и речь свою заранее уже продумал. Сказал о красоте Белоруссии, о радушии народа, поблагодарил правительство страны и власти города за столь изысканный и красочный праздник. Сашенька смотрела на меня во все глаза, и я заметил, что теперь ей уже льстило мое внимание.

Обед был назначен в банкетном зале мэрии на четыре часа.

– Мне надо подойти к своей группе, – сказала она.

– Хорошо, а потом я предлагаю пройти пешком по городу и отправиться на банкет к четырем часам в мэрию, они сегодня приглашают.

– Но меня никто не приглашал.

– Это упущение. Я скажу мэру, чтобы он извинился перед вами и настойчиво пригласил почтить нас всех своим присутствием. Сидеть Вы будете рядом со мною в центре зала на лучшем месте.

Она засмеялась.

– Я согласна поймать Вас на слове, мы подойдем к мэрии, но если мэр не обратит на меня внимания, мы сходим в кафе неподалеку.

Без пяти минут четыре мы были у ступенек, ведущих ко входу. На верхней ступеньке стоял мэр, многим пожимал руку, всем улыбался и оглядывал подходивших. Увидев меня, он замахал мне рукою.

Оставив Сашеньку на минуту, я подошел к нему и шепнул: Посмотрите на красавицу, с которой я пришел! Если вы пригласите ее на банкет со средневековой изысканностью, то и она и я будем счастливы.

Он тут же направился к ней, почтительно склонил голову, взял ее руку и поднес к губам.

– Сударыня! Для нас всех высокая честь, что вы смогли к нам придти. Прошу простить моих distinguished сеньоров, отвечающих за торжество, что они Вас не успели еще пригласить. Надеюсь, Вы нас простите, иначе мне придется вымаливать Ваше прощение, стоя перед Вами на коленях.

И он сам повел ее ко входу, а затем усадил нас рядом с собою.

На банкете, пользуясь тем, что он был дан в нашу честь (напоминая, пригласил нас на торжества лично батька Лукашенко и об этом были извещены все официальные лица), я попросил слова после всех официальных торжественных выступлений. К тому же, кроме Сашеньки, я еще успел влюбиться в двух девушек в славянских нарядах, исполняющих роли официанток – излишне добавлять, что они были тоже красавицы.

Попросив их встать около меня и присоединив к ним Сашеньку, я произнес небольшую речь, в которой сказал, что объездил множество стран, но самые красивые девушки именно в Белоруссии, и самый гостеприимный и хлебосольный народ тоже здесь, и больше я ездить никуда не буду, а построю шалааш где-нибудь в лесу и буду приходить в города и села, чтобы любоваться красавицами, а теперь предлагаю за них выпить.

Девушки были пунцовыми, посылали мне молниями гневные взоры, но были, тем не менее, счастливы. Все собрание встало и под крики ура мы выпили, многие подходили и к Сашеньке и к другим красавицам чокаться, хотя те пили только минеральную воду: у них продолжалась работа.

2. В Минске

В полночь их автобус отправился в Минск, я же продолжал путешествие поездом, договорились встретиться в четыре часа дня на площади около памятника.

После трех дней пьянства у меня обострилась аритмия, дойдя до середины площади, я прислонился к памятнику. Когда появилась Сашенька, я схватился за нее, как за спасительницу.

– Ангел мой, – сказал я ей. – Держи меня крепче за руку и выводи в какой-нибудь переулок. У меня аритмия, самостоятельно мне не выбраться.

– В первый раз вижу кавалера, который ухаживает за девицами, а сам уже даже ходить не может.

– Зато тебе повезло.

– В чем же?

– Я не смогу убежать к другой. Пока ты меня будешь водить, я буду оставаться с тобой, если же убежишь, то и догнать не сумею.

На пять часов я был приглашен в общество им. Адама Мицкевича, условились, что Сашенька будет меня ожидать в половине шестого на углу неподалеку, если в обществе будет интересно, то мы вернемся туда вместе.

Ровно в пять началось торжественное собрание, я произнес краткую приветственную речь, подарил экземпляр Радзивилловской летописи, еще один экземпляр у меня купил английский славист, и тоже произнес краткую речь, на этом официальную часть решили закончить, и все остальные речи произносить уже в неофициальной обстановке. Принесли из соседней комнаты два стола, придвинули к третьему, накрыли, и начали откуда-то носить бутылки темного стекла с чем-то булькающим. Я понял, что это белорусская самогонка, изготовленная из «картопли», и побежал за Сашенькой.

– Все ждут тебя, мой ангел, – объявил я ей, – там собрались ученые, им нужен хотя бы один простой слушатель, поклонник Мицкевича.

– Можно, я им что-нибудь из него прочитаю на память?

– О, они будут счастливы!

Ах, какой я был крепкий всего пятнадцать лет назад, никакая *хвороба* меня не брала, не брала даже самогонка.

Среди гостей был знаменитый белорусский баритон, певец Минской оперы, я подошел к нему с рюмкой, высказал восторг, мы выпили: «Мой дорогой, если бы я был девушкой, я был бы вашей поклонницей, у вас красивый голос, но и сверх того артистизм, культура и внутреннее благородство. Я слушал почти всех выдающихся певцов мира, в записи, и вами я восхищен. Но у меня к вам просьба, как у мужчины к мужчине. Со мною юная красавица, чем я могу ее покорить кроме того, чтобы показаться значительнее, чем я есть? Если бы вы в ее честь исполнили романс или песню, она переносила бы капельку восхищения вами и на меня.

– Не приbedняйтесь, мой почти юный друг! – со смехом ответил певец. – Вы не умеете петь, а я не смог бы издать Рукопись, гордость трех народов, а только ее изданием вы уже вознесены на вершину культуры. Для вас я сделаю все, но с одним условием.

– Каким же?

– Я ее поцелую. Это ритуал. Девушки, для которых я пою, меня непременно целуют.

– Хорошо. Разрешаю. По братски...

– Ну, это уж как получится!

Я немного описывал эту историю в «Поисках длиною в жизнь» в очерке «Любовь», полностью повторять ее не буду, но несколько слов скажу.

«– Господа! – обратился к сидящим за столами народный артист. – По просьбе моего друга и в честь очаровательной Сашеньки, почтившей нас, седовласых мужей, своим присутствием, я спою вам знаменитую песню, но не так, как она поется, а как была написана.

– Я вам спою полный текст этой трагической баллады, и на польском и на русском языке.

И он запел.

Ах, какое это было великое пение.

Сашенька плакала, у меня скатилась слеза по щеке, многие плакали тоже.

Сашенька подошла к певцу, обняла его и поцеловала.»

После банкета мы еще немного погуляли по ночному городу, а около полуночи Сашенька провожала меня на вокзале, на платформе мы постояли около вагона, когда велено было заходить, мы бросились друг к другу и стали целоваться, проводница с трудом меня оторвала от нее и затащила в вагон.

Но расставались мы не надолго, я отправлялся в Калининград, через неделю на обратном пути мы должны были встретиться снова. Договорились, что Сашенька закажет мне номер в гостинице на одни сутки.

3. Роковая ночь

Сашеньке было 23 года, за год до этого она окончила университет и работала в издательстве, занималась оформлением книг. Так как я тоже был издателем, то интересы наши во многом совпадали.

Через несколько дней я вернулся в Минск, мы полдня гуляли по городу, вечером вернулись в гостиницу. Служительнице я протянул бумажку с изображением американского президента, она ее взяла и отвернулась, и мы прошмыгнули в номер.

Я не сомневался в ее любви, да разве я не бросил в бой все свои силы на ее завоевание? Конечно, я ее обольщал, играя на тщеславии, расцвечивая себя разноцветными свойствами, используя сложившиеся обстоятельства, Турнир в Орше, Банкет, телевизионное выступление, Вечер, посвященный Мицкевичу. Литературные достижения у меня были еще скромные, стихи, повести и рассказы, но гораздо значительнее было то, что мне удалось как Издателю (совместно с сыном).

Кроме Радзивиловской летописи, издание которой (по мнению многих знаменитых ученых, например, академиков Лихачева, Рыбакова и Шмидта – а с последними я по этому поводу встречался, бывал у них в гостях, и немало выпил водки) уже оправдывало мою жизнь и вводило самого в сонм великих – а меня вместо почестей за нее посадили в 2004-м году – удивительна страна Россия! – впрочем, не расстреляли, и этим Россия меня тоже удивляет! – итак, кроме факсимильного издания летописи мы с сыном издали еще 70 книг, в том числе «Россию и Европу» Данилевского (и о ней речь еще будет идти в следующей главе).

Так что не совсем неоправданной была тога героя, в которой я перед Сашенькой щеголял. Хотя иногда я мысленно укорял прекрасный пол за то, что мужчина в их глазах часто возвышается не за счет своих действительных достоинств, а в связи с внешними обстоятельствами, например, вниманием общества или славой в искусстве и литературе. Ах, какое количество хорошеньких дурочек летит на этот бенгальский огонь, пополняя ряды поклонниц известных певцов или рок-музыкантов!

Но это было тогда. Сегодня я прекрасный пол ни в чем не укоряю, я принимаю с любовью в них всё, и тщеславие, и наивность, и умение мучить тех, кто в них влюбляется. С ужасом думаю о том роковом дне, когда они меня перестанут мучить. Утешает меня лишь то, что я надеюсь умереть раньше, не зря же я заболела в роковые времена моей жизни, когда пишу новую книгу или влюбляюсь.

В номере мы не бросились целоваться, как ожидает читатель, а занялись приготовлением ужина (мы зверски проголодались, пока бродили по улицам); впрочем, все было закуплено, оставалось только вскипятить чай с помощью кипятильника, остальное достаточно было разложить по тарелкам; ну и наполнить бокалы.

С напитками мы перестарались, у нас была и горилка, и шампанское, и вино. И обилие напитков было не случайно: дело в том, что несмотря на мое собственное представление о самом себе как обольстителе, женщин и девушек я боюсь, они мне кажутся старше меня, а я словно подросток, которого вдруг подпустили близко, а что дальше делать... теоретически я это знал, но мне всегда казалось, что я этого еще никогда не делал. А, впрочем, может быть, и в самом деле? Так именно поэтому я пью для храбрости. После первой рюмки я осмеливаюсь поднять на нее глаза. После второй придвигаюсь ближе. Потом идет третья рюмка, четвертая...

Что бывает дальше, об этом говорить я не буду, страх, смешанный с алкоголем, в лучшем случае обращает меня в паническое бегство.

Итак, мы выпили по бокалу шампанского, но нам все еще было страшно. Запили шампанское горилкой, Сашенька поперхнулась и стала запивать ее сухим вином, я выпил еще полстакана водки. Съев по бутерброду, робко придвинулись и чуть-чуть поцеловались. Прежние поцелуи были не в счет, тогда мы не ждали ничего, что могло за ними последовать.

– Давай еще выпьем! – храбро предложила Сашенька.

Мы выпили. Сидели мы на кровати за столиком, на столе горели свечи, которые я предусмотрительно купил, вдруг свечи погасли, стало темно и не так страшно.

Я осмелился и начал ее раздевать, дрожащими руками она мне помогала.

Раздевшись, мы легли и прижались друг к другу, я стал осыпать ее поцелуями. Она повернулась на спину, я лег на нее, вдруг она вскочила.

– Мне плохо, меня тошнит.

Пришлось включить свет, ее качало, я поддерживал ее и проводил в ванную, там ее оставил. Вернулась она бледная и мокрая, но уже почти не пьяная.

– Зачем же ты столько выпила, если плохо переносишь спиртное?

– А зачем ты пил сам?

– Затем, что я боюсь. Я не смею...

– Ну а я тем более не смею!

– Почему?

– Потому! Дурачок, у тебя уже наверное есть опыт, а у меня его нет.

– Такая прелесть и ты еще безгрешна?

– Да. Возможно, именно потому, что прелесть. Ко мне никто и не подходил, а мне самой никто не нравился.

Ну, надо прыгать с трамплина с закрытыми глазами. Выключай свет.

– Знаешь, что? Давай сначала немного поспим, привыкнем к тому, что мы в одной постели. Ночь ведь впереди еще длинная!

Мы прижались друг к другу и провалились не то в дремоту, не то в блаженство.

Но я уже решил, что будить ее не буду. Если она проснется и бросится с трамплина, то... Но подталкивать ее я не буду. И вскоре заснул сам. И мы сладко проспали до самого утра, когда стало светло и снова вернулись вечерние страхи.

– А, может быть, это и замечательно? Все самое прекрасное у нас по-прежнему впереди. Ты ведь скоро приедешь в Москву и проживешь два дня у меня в офисе, и будет время еще раз взвесить, прыгать или нет...

4. Роковая Москва

Через два с половиной месяца, в конце декабря, Сашенька приехала в Москву. У меня был офис на 22-м этаже высотного здания на Новом Арбате, в офисе я и ночевал, что было не положено, но у меня тогда была сверхсчастливая способность сблизиться с разнообразными людьми, я подружился с комендантом Государственной Думы и ходил туда обедать, даже продавал свои книги, только депутаты предпочитали, чтобы я их им дарил. Зюганову я подарил «Россию и Европу», и он потом защитил по этой книге диссертацию. С Петей Романовым, заместителем спикера, мы учились когда-то в одном классе, он за мной бегал как за школьным кумиром и сохранил ко мне дружеские чувства. С знаменитым чуть ранее Николаем Ивановым (который «Гдлян-Иванов») мы однажды напились и их связка на два дня распалась. Знаком был с олигархами (и один из них сыграл

судьбоносную роль в моей жизни), губернаторами, политиками, учеными и писателями (дружил с известным поэтом, но... пути наши разошлись...). «Жирик» инстинктивно меня сторонился. С одним молодым политическим деятелем я даже дружил, его не называю, чтобы знакомством со мной он не был скомпрометирован.

Дело в том, что тогдашний я и теперешний – во многом два разных человека. Тогда я еще ничем не болел, ни легко ни смертельно, умирать не собирался, но собирался стать Наполеоном. Но у Бога были на меня другие виды (быть может, те самые, что в раннем детстве, когда ко мне явился Его ангел). «Дурак ты, Васька! – сказал мне мой Бог. – Это все временное, а я тебе приготовил вечность. Но для этого придется пострадать!»

В связи с приездом Сашеньки я устроил торжественный прием, на котором были и знаменитые следователи, и писатели, и атташе по культуре американского посольства, с которым мы тоже подружились и я учил его – пить много и пьянея.

В полночь гости разошлись и мы с Сашенькой снова остались одни.

Но уже провожая гостей, я почувствовал, что со мною что-то происходит, я стремительно заболеваю. Вернувшись, я лег на диван, сказал, что мне плохо, надо полежать.

Сашенька вызвалась мне помочь, так как у нее бабушка была колдуньей. Она расстегнула мне рубашку, послушала сердце, положила на голову мокрое полотенце и начала нажимать на теле разные точки. Возможно, именно из-за ее магии я и остался жив.

Так мы промучились всю ночь, днем она съездила за билетами, себе в Минск, мне в Петербург, и вечером мы, как две тени, пошли к метро. Поскольку поезда уходили примерно в одно время, я сядил на вокзале сам, кое как вошел в вагон, залез еще на третью полку, утром шел от метро домой и пописал у березки, которую я у дома посадил (это типично мужская хохма, писать у дерева, а я еще загадал, что если до этой березки доеду и дойду, то останусь жив).

(В скобках замечу – повторяясь, – что издательской деятельностью я занимался с 92-го по 97-й год, и в декабре 97-го, возможно, во искупление накопившихся вин, мы врезались в финский трейлер со скоростью 110 км по дороге из Москвы, машина трижды перевернулась, съезжилась в гармошку и вылетела в канаву с двухметровой высоты. Но на нас не было ни одной царапины, хотя вылезать пришлось через багажник. Если издание Радзивилловской летописи, памятника трех народов, кто-то посчитал за грех, то за него я доплатил еще и в 2004-м году, оказавшись на тюремных нарах).

Разумеется, начало 99-го года (в продолжение роковых предновогодних дней) тоже ознаменовалось трагическими приключениями – трехмесячным пребыванием на краю жизни: отчасти в наказание за собственные грехи, отчасти во искупление романа «Боль и любовь», который я в результате болезни написал.

5. *Любовь – не грех*

Но что же тогда является грехом, и за что мы расплачиваемся?

С Сашенькой мы расстались. Я написал ей еще несколько писем, в середине апреля, почти поправившись, и хотя врач мне сказал, что мне пока нельзя ни пить ни целоваться, ни девушек носить на руках, я на радостях, что жив, поехал в Калининград к товарищу, по дороге сошел в Минске, и мы провели вместе почти весь день, гуляли по улицам, заходили к ней на работу.

Я ей сказал сразу же, как только мы встретились, что мы расстаемся.

«Тебе надо выйти замуж, родить детей, а что будет, если мы продолжим наши встречи? Мы начали прорастать друг в друга, по-видимому, хотя и с опозданием, я теперь попытаюсь предотвратить худшее.»

Она провожала меня на перроне, мы пили вино и целовались.

– Наверное, у меня будут и другие возлюбленные, но такого необыкновенного у меня не будет, я это знаю, – сказала она на прощанье, горестно разрыдалась, повернулась, отошла на несколько шагов, сжала руку в кулак, вдруг подбежала, поцеловала крепко и воскликнула: – Я сожалею только об одном, надеюсь, ты догадаешься.»

Через десять лет в Интернете я прочитал заметку белорусского «диссидента», он писал о своей поездке в Лондон, там он встречался с Сашенькой. Она работает в английском издательстве, живет одна.

Теперь ей 39 лет, она еще может меня послушаться, выйти замуж и даже еще родить детей.

Моя старинная подруга, с которой я дружу 35 лет, и которая когда-то меня отвергла сразу же, как только я начал ей говорить о любви (ну, даже если не сразу, то по крайней мере мы ни разу не целовались), и которая меня любит теперь совершенно безгрешной любовью и во всем оправдывает, утешает меня, доказывая, что я вел себя благородно.

Но я знаю, что это не так. Любовь – не грех, она освящена небом, и языческие и христианские и иудейские пророки и боги ее благословляют.

Грехом являются только наши поступки.

Человек, посадивший семечко и забывший о нем, не ухаживающий за ростком, грешен. Тот, кто не сочувствует, не заботится, не помогает хоть некоторым, ближним или дальним, привязанным или случайным встречным, человек плохой, его и в грешники трудно отнести, ибо грешниками являются люди достаточно хорошие, но оступившиеся.

Надо жить так, чтобы другим было радостно от того, что ты рядом с ними. Мне казалось, что я так и живу.

Я люблю природу, Россию (ненавида ее), русскую и европейскую культуру, люблю друзей и близких. Ненавижу только тех, кто делает зло людям, моей родине, культуре и природе. Каких-нибудь провинностей передо мной у частных лиц я не помню, только когда они слуги государевы и поступают неправедно.

Но и не совершая зла, мы часто поступаем неправедно.

Я поступил неправедно, когда оглянулся, когда велел ей ко мне переселиться, обольщал ее, обольстил, хотел, чтобы она стала моей любовницей. Да, я опомнился – но слишком поздно.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ, или оправдание последующего рассказа

31 августа 20. Природа, поэзия, литература, **искусство**, Россия, родные и друзья, девушки и **любовь** – все это в моей жизни взаимосвязано, трудно понять, что из чего происходит. А влюблялся я часто, и в героинь романов, и в девушек, которых встречал на улицах, и даже в их фотографии (как князь Мышкин), и в актрис... Когда мне было плохо, я еще чаще пытался сбежать в воображение, в мечту, в придуманную или в действительную любовь. И жил как будто в двух мирах сразу: в придуманном и в действительном. Я был человеком верным, старался не обижать ни близких, ни дальних, не рвать зазя цветы и не протаптывать лишние тропинки на полянах, мне хотелось всех сберець и всем помочь, и уж тем более я не хотел обижать детей и девушек, своих родных и друзей, однажды даже подумал, что не надо сдружаться с новыми друзьями, так как тем самым я меньше буду принадлежать своим старым друзьям... но вскоре я увидел, что такое насильственное регулирование человеческих отношений еще хуже, чем хаос, и лучше жить отчасти стихийно, отчасти расчетливо. Сегодня, оглядываясь на прошлую жизнь, за иное я начинаю себя укорять. Ну, например, я ведь не только влюблялся в девушек, но и сдружался с ними, а они влюблялись и начинали страдать, и я вспоминаю с грустью, что был невольной причиной их страданий. Я не стремился к тем отношениям, которые называются «близкими», дружба с девушкой, подобная школьной дружбе, мне была хотя *необходима, но и достаточна* (как в математике), и большинство моих подруг понимали нашу дружбу как и я (женщина – существо идеальное, что бы о них ни говорили разочарованные мужчины). После школы я поехал учиться в Ленинград, моя одноклассница – милая и талантливая – пригласила меня ехать вместе, и велела остановиться у ее тети недалеко от Летнего сада; правда, я поспешил поехать чуть раньше. Когда же она приехала, я тут же съехал от тети в общежитие на Васильевском острове – бедная подруга рыдала, обвиняя меня в вероломстве. Я поступил в университет, подруга училась в провинции в Институте культуры, писала мне письма, позже танцевала в провинциальных театрах, но меня не забывала вопреки моей холодности.

Через год она приехала ко мне в гости, и отчаянно признавалась в любви, обещая любить верно и нежно. Я был неумолим – но что было делать? А ведь она помогала мне в выпуске знаменитой школьной стенгазеты, *воспитывала меня*, защищала от нападок (так вели себя и другие, и я постоянно помнил, что я дитя многих наших удивительных школьников) – она была моим оруженосцем, производя меня в рыцари, но ведь и другие девушки тоже! И дух нежности и благородства и небесной любви принадлежит женщинам несравненно более и чаще, чем мужчинам. Несколько лет назад вышла Книга воспоминаний, посвященная нашей школе, я принимал некоторое участие в ее издании, в ней напечатан отрывок из моего романа и страничка воспоминаний обо мне другой школьной подруги, с которой я все таки встретился через

несколько лет в Питере – я надеюсь, что ей не приходилось грустить обо мне, а только вспоминать тепло дружбы. Но удивительнее всего, что случилось в моей жизни, можно считать встречу с женщиной, которая видела меня один раз в жизни в шестилетнем возрасте, когда я уезжал в университет и ее родители пришли проводить меня. Через пятьдесят лет она была в Ленинграде, позвонила и пришла в гости и рассказала о ее тогдашних впечатлениях, а потом я даже, тщеславный сумасброд, пригласил ее в наш писательский кружок, чтобы она этот рассказ повторила (но дети "смотрят на меня хорошо" даже до сих пор), оказывается, она меня запомнила как *прекрасного юношу словно бы одетого в сияние...* И вот, эти цветы жизни, эти удивительные создания – девушки и женщины – это мое второе звездное небо, и я часто к нему устремляюсь и влюбляюсь в них я сильнее, чем позволяют строгие нравственные правила.

Однако, меня охраняет от неверных поступков (тем более от *греховных помыслов*) та самая **любовь к женщине**, которая эти помыслы должна бы производить. Однажды по какому-то поводу мой старый товарищ (к которому я, однако, был не слишком внимателен) сказал мне, что я «идеальный друг». Но так как дружба к девушкам меня притягивала еще сильнее, увы, и любовь, то я поселил себя в "*запретной полосе*", которая отделяет тюрьму от воли (кстати, однажды мне пришлось эту запретную полосу даже вскапывать, когда я сидел на Арсенальной). Эту "*запретную полосу*" я называл "**влюбленной дружбой**"... И старался не перелезть через колючую проволоку – и не перелезал, потому что в крайнем случае, когда я сходил с ума, начиналось (по неизвестному мне промыслу) землетрясение, революция, война, буря – и стихия меня или ее уносила далеко от соблазна.

Моя одноклассница была от меня *спасена*. Была ли спасена девушка из Минска, мы встречались почти на бегу, когда я проезжал через Минск, иногда нас носило и далее, я о ней написал почти повесть – но ведь я перестал с нею встречаться, когда она мне сказала, что *будут, возможно, в ее жизни и другие мужчины, умные и интересные, но такого удивительного не будет*. Или я *самый неверный среди верных, или самый верный среди неверных*, но когда она пришла ко мне в гостиницу, я открыл дверцу клетки и сказал ей: *Беги!*

Удивительна жизнь! Однажды мы праздновали какой-то семейный юбилей в кафе, я танцевал с посторонней девушкой, к ней подошла моя семилетняя внучка, дернула ее за рукав и сказала: *Девушка, не верьте ему, это мой дедушка, он женат, и рядом за столиком сидит его жена...* И эта же моя любимая внучка однажды сказала: *На месте бабушки я бы тебя давно убила!*

Хорошо, что я не родился в пуританской Англии, там меня бы убили...

Конечно, в рай я не попаду, хотя бы за то, что я женился и породнился к тому же с математикой, «внушенной бесами», по словам Оригена, да еще даже увлекаюсь театром, искусством, литературой и философией.

Вспомните, что рассказывает Розанов о своем разговоре с монахами, поставленными Синодом *смотрящими* к Русскому религиозному обществу Мережковского. В.В. приглашает их в театр смотреть невинную драму Ибсена на тему религии, они отвечают смущенно: *Ну, что вы, нам это не можно!* Или в христианстве произошла революция, и теперь это *можно*? Или

(что вернее), по мнению Кьеркегора, параллельно христианству существует система общественных отношений, сторонники которой считают себя христианами, но живут той же самой "антихристианской" жизнью, что и я (если не дальше еще от признанных ими заветов), не читали ни Священного писания ни даже только Нового Завета, тем более Кьеркегора, но... В том-то и дело, что «улицы Афин уставлены идолами», как говорится в «учении о том, как надо жить, чтобы воскреснуть», но мы играем в игру, притворяясь, что ничего не изменилось с 15 века, пишем симфонии, играем в пьесах Шекспира о любви совсем не к ближним, а к дальним, играем на рояле или на флейте (как Машенька) и хорошо понимаем, что **воскресения нет**, ибо верящий в воскресение не может ведь не задуматься, что *для воскресения надо воскреснуть самой жизни, ее времени, ее пространству*, тем, кто был в то время, когда мы жили или когда умерли... Какое **бытие** мы продолжим, когда воскреснем, и с кем? А я пишу об искусстве, о театре (Вл. М---в хотя бы понимает, что музыка в театре совсем не такова, как музыка в храме... да притом в православном храме никакой музыки быть не может, в нем песнопения). Но какого воскресения ждет верующий? Воскресения тела? Воскресения души? Даже "пшеничное зерно", умершее в земле, то есть уже прорастающее – не может воскреснуть во времени – но только вне времени. Христос вернулся к своим ученикам, потому что прошло лишь несколько часов после распятия, может ли он сегодня вернуться к своим ученикам? Даже он? Или он вернется в ту эпоху, две тысячи лет назад...

Христианство – это система скреп и ограничений, созданная для феодального общества, для сохранения отношений крепостного крестьянина и помещика, образованный верующий разговаривает со мной на другом языке, нежели Новозаветная речь, он играет мне Скрябина и спорит о полноте или неполноте аксиом арифметики, или доказывает, что мораль не совместима с верой – но в гражданской жизни автоматически переходит на другой язык, и только я пытаюсь не перескакивать через линии разрыва, и говорю, что *Россия – это Византия эпохи расцвета* или Италия эпохи Борджиа, и Французскими императорами не становятся евнухи... все же сегодня, пожимая руку королю, мы не боимся уколотся о его перстень с ядом, ...

Но я жил той единственной жизнью, которой мог жить, ибо я не был актером, не играл в театре, не был даже музыкантом – я был поэтом, а поэзия не совместима с религией, она предполагает, что мы иногда смотрим на красивых женщин, потому что иначе не напишем ни «*вечер, робкое дыхание...*», ни «*О, как на склоне наших лет Сильней мы любим и суеверней!*» – или по крайней мере, я не смогу слушать с упоением русский романс... Театр и жизнь существуют в разных пространствах бытия, и сцена не принадлежит жизни...

Просматривая то, что я написал о театре, я наткнулся на письма, которые соединил когда-то под именем "театрального романа". Возможно, эти письма придуманы, написаны разным женщинам, думал я... Но недавно я вновь попал в драму, и увидел актрису, с которой был когда-то знаком, и это ей я писал эти письма. То было время лет 17 назад, жизнь меня тащила по кочкам, как бывает с всадником, упавшим с лошади и запутавшимся в поводьях.

Поэтому я нуждался в утешении... и так я попал за кулисы...

ПИСЬМА ЗА КУЛИСАМИ

23 января. Ночью я проснулся, думал о Вас, вспоминал наши встречи, и почувствовал, что должен написать Вам письмо.

Потом проснулся еще раз перед утром, и – словно ветер в лицо бросал брызги дождя или хлопья снега, хлынула вдруг сумятица мыслей и чувств... я думал о письме, представлял Вас на сцене... не то спал, не то бодрствовал, и вдруг неожиданно понял, что сочиняю пьесу. Словно остановилось время, или если и текло, то совсем другое, не то, что обычно.

«Кайрос, или время судьбы» – так называется драма, которая явилась мне ночью, и быть может когда-нибудь я буду ее писать, если будет на то воля непонятных мне высших сил. Но *время ли судьбы* – та жизнь, которую мы проживаем сегодня?

Необычно все, что послужило причиной письму.

Встречи, происшествия, мысли и чувства соединились единственно возможным способом, чтобы письмо могло родиться и существовать.

Наша встреча не принадлежит действительной жизни, она – не часть реального мира, потому что... мы ехали в разных поездах.. и чуть ли не в разных эпохах...

И все таки она не только сон, мечта, греза, потому что я даже прикоснулся к Вашей руке, и время существовало тоже, был поздний вечер за два дня до Нового Года, когда положено совершаться чудесному.

Следующая наша встреча случилась на Рождественской неделе, Вы меня вспомнили и обрадовались мне. Если судьба приведет меня на эшафот, я вспомню Вашу радость и улыбнусь, торжествуя. Разве о чем-нибудь надо будет жалеть?

Но что это за мир, что это за пьеса, герой которой пытается произнести невнятные слова о судьбе? Если она еще не написана, то существует ли этот мир хотя бы в слабой степени?

Да, существует, но он не находится ни в действительной жизни, ни в воображении, он – посередине, он – на границе, связывающей и разделяющей два мира.

Как и полагается пьесе, действие ее началось в театре, на сцене, а продолжилось в скрытой глубине, за занавесом, в тесном закутке, куда поднялся я по ступенькам, то есть еще в театре, но уже близко к вратам Рая.

Произошло мистическое преображение бытия, из реальной жизни я перешел в пространство, существующее, казалось бы, только внутри книжного текста, я превратился в персонаж повествования, и встретился с той, которую любил, которую бредил, к которой, тоскуя, неслась моя душа.

Уже при первом свидании время стало судьбой.

Не было ничего случайного. Ничего лишнего. По Вашим щекам катились слезы, Вы были и актрисой, и той маленькой девочкой, которая так страдала, и которой никто не смог и не захотел помочь. Вы уже были собою, но оставались еще и ею, Вы существовали на границе Бытия и Инобытия, и в Вас

они соединились. Вы – волшебная музыка. Каждый звук ее безупречен, словно в идеальном сне слова и движения соединились в Вас в неразрывное целое.

Но если Вы – сон, то нельзя ли продлить его на несколько минут? Вообразим, будто мы сидим после спектакля на скамейке в таинственном садике недалеко от театра, уже почти полночь, воеет февральская вьюга, и не существует времени, не ходят поезда, спят пассажиры, только два сновидения улыбаются друг другу.. «Ни о чем не беспокойтесь! – говорите Вы своим подругам. – Это заблудился мой сон, и если он начнет шалить, я его живо утихомирю, открою глаза, и он растает».

Все безупречно в нашей случайной встрече. Мой поезд пытается сойти с рельс, и поэтому оправдано, что во сне смею я жаловаться и надеяться на сочувствие.

Во мне звучат слова героини пьесы, которые она произносила протяжно, жалея несчастных – *Миленький ты мой!*

Я слышу ее голос, он во мне звучит, и этими же словами хочется мне позвать и Вас – *Миленькая моя!*

... Я собирался пожаловаться, отдернуть занавеску – там, за окном, всякая неприглядная всячина... но, может быть, всё пока образуется, а мне вполне достаточно времени «пока».

У меня есть еще две книги, которые я хочу Вам подарить, а значит, еще дважды будет у меня предлог прийти к Вам.

А потом... я не знаю... но если наступило время *судьбы*, то оно само определит, что будет *потом*...

Я принесу Вам стихи и конфеты. Войдя в мою жизнь, Вы принесли мне столько прекрасного, что только стихами и конфетами смогу я выразить Вам свою признательность и свое восхищение.

Сейчас я заканчиваю письмо, чтобы взяться за учебник математики, но Вы со мной остаетесь – среди дифференциалов и частных производных я вижу Ваше лицо; среди асимптот и касательных – Ваше платье и прикосновения нежных рук; среди дифференциальных уравнений слышу Ваш милый голос.

Раннее утро четвертого февраля. У физиолога Ухтомского есть тема "*достойного собеседника*".

В *достойном собеседнике* я постоянно нуждался, мечтал о нем и искал его, но ведь и сам я должен стать для него достойным, тем более для милой и тоненькой как тростиночка собеседницы!

Чтобы не стыдно было говорить с Вами и смотреть на Вас, я должен очистить себя от дорожной грязи... Ради Вас я должен стать лучше всех!

Если Вы разрешите писать Вам письма, и сочинять для Вас стихи, и существовать в том мире, который не совпадает с реальностью, но подчиняется – если подчиняется – только воображению, законам композиции, чуду и женским капризам – я буду счастлив.

Не может быть, чтобы мы ехали в разных поездах, только случайно встретились и скоро расстанемся.

Может быть мне удастся написать стихи, которые... нет, на этой фразе я застрял безнадежно.

Я напишу Вам письмо, которое Вам понравится. Если оно Вам не понравится, я напишу другое письмо, которое Вам понравится.

Как я живу?

Не нашел еще, в чем смысл жизни, но не могу смириться с одичанием страны, с тем, что ничего не могу сделать, чтобы что-либо изменить в мире, не могу смириться и стерпеться с миром, который мне не нравится, который существует для низких целей, не могу смириться... да и ни с чем не могу смириться, но меня судьба ни о чем не спрашивает, как конвоир не спрашивает заключенных, куда их вести.

Но надо жить, надо надеяться, надо писать.. Вдруг удастся издать и вторую книгу, и хотя вряд ли что либо изменится к лучшему, но по крайней мере я стану свободен. Может быть, тогда и умереть будет не слишком некстати.

Пишу Вам письмо-стенание, жалобные всхлипывания, закрываю глаза и вижу, что Вы гладите мои волосы и приговариваете – *миленький мой, не плачь, все образуется, я с тобой!*

Мало вероятно, что я передам Вам это письмо, позже напишу что-нибудь другое, нежное, как паутинка..

Здравствуй, мое солнышко, я о Вас думаю и улыбаюсь Вам. Я Вам жалуюсь на жизнь, которая... Почему я жалуюсь именно Вам?

Но кому же?

Только женщина может понять и посочувствовать, только она может положить голову мужчины себе на колени и прошептать: *Миленький, не страдай, я с тобой!* – или, по крайней мере, та женщина, которая хотя бы в воображении, во сне, в некотором душевном порыве является близкой – вот так поверяешь свои горести попутчице в поезде, стоя у вагонного окна, а она поверяет свои – и мы словно принадлежим друг другу – только внешние обстоятельства нас разъединяют – вагон, общество, наступающее утро *и своя жизнь у каждого*.

Стоит только режиссеру таких мгновенных сближений укрыть сцену, на которой исповедуются друг другу две вырванные из привычной упряжки души, от остальной жизни, как они могут броситься навстречу друг другу в жадном порыве, и забыть все – семью, общество, приличия, будущее... Был ли это только сон, видение наяву, спрашивают они потом себя в вокзальной суете, и расходятся не попрощавшись. Но этот порыв – не падение, не грех. Человек принадлежит не только семье и обществу, традициям, правилам и приличиям, он еще – часть *высшего* бытия, и принадлежит себе...

13 февраля, второй час ночи. Все еще живой, но сердце болит. Снег поспешно тает, но трава не зеленеет, цветики не растут, нё к кому идти за утешением.

Может быть, как раз хорошо, что так плохо? – и потому отчасти оправданы мои «приставания» к Вам.

Сегодня около шести утра словно вызывали меня на допрос, или вели на расстрел, ставили у стенки и о чем то раздумывали... Мне было тяжело и страшно, оставалось сил только звать на помощь. Сегодня я как будто начинаю поправляться...

... Возвращаюсь с концерта Брукнера в Актовом зале университета.

– Зачем жить? – спрашивал я себя, и отвечал:

– Если не удалась жизнь для идеи, для Бога, для народа, для России, для литературы, то разве нельзя посвятить свою жизнь Прекрасной Даме, как это делали рыцари средневековья, и самый возвышенный и сумасшедший из них – Дон Кихот?

Жизнь для возлюбленной всегда удастся, потому что для своей удачи не требует она ни богатства, ни славы, ни власти, а только любви и преданности – но недостаточно мне, чтобы я только смотрел на Вас, мечтал о встречах, сочинял стихи и письма, видел сны, вздыхал, замирал блаженно, прикасаясь к Вашим рукам, наслаждался спектаклем, был счастлив, уже подходя к зданию театра – нет, мне нужно, чтобы Вы тоже радовались мне при встрече, чтобы я играл в Вашей жизни хотя бы такую же роль, какую играет прохладный ветер в жаркий летний день, или весеннее солнышко после зимнего холода.

Я напишу для Вас стихи, как и полагается влюбленному, но мои стихи будут самыми лучшими; я напишу Вам письма, но если Вам покажется, что кто-то может написать лучше – сожгите их, а я напишу ещё. Судьба предоставила мне единственный шанс не только видеть волшебный сон посреди грустной действительности, но саму действительность превратить в сон, сбежать в него из мира реальности. *Включен ли театр в нашу жизнь? Является ли спектакль одним из ее событий?*

Конечно, мы ходим на концерты, читаем книги, смотрим спектакли, слушаем оперы – но не включены в нашу жизнь ни романс Лизы и Полины, ни страстное признание самозванца в любви к Марине Мнишек, ни прощание Лознгрена с Эльзой... Жизнь на театральной сцене независима от нашей жизни, а я пытаюсь сбежать в "Театральный роман". По-видимому, это то же самое, что назначать Вам свидания во сне.. Правда, если бы мы смогли видеть одни и те же сны, я предложил бы Вам в них встречаться.

А пока... пока я встречаюсь с Вами тоже в странном мире, отличающемся и от яви и от сна, и от реального мира и от театральной мистерии – на ничейной полосе, на границе двух миров – придуманного Богом и придуманного человеком.

Пока Вы не стерли грим, пока дышите еще воздухом прошлых столетий, пока еще любите или ненавидите, обнимаетесь и целуетесь с теми, кто тоже вне реального мира – Вы принимаете и меня. Я не претендую на то, чтобы стать хотя бы малой частью Вашей подлинной жизни, но на границе двух миров мы принадлежим друг другу.

Если мне удастся стать знаменитым (что маловероятно), или богатым (что еще невероятнее), я построю для Вас волшебный замок.

Стены его будут из шоколадных плиток, пол из карамели, потолок – из леденцов. На крышу пойдет сахарная соломка, окна и двери будут из шерbeta и халвы, портьеры на окнах и дверях будут сотканы из сушеных фиников и

золотистого изюма, ковры и циновки – из виноградной лозы и дикого хмеля. Фонтан в главном зале будет расплескивать шампанское, на янтарных столах уложу я гроздья винограда, фрукты в хрустальных чашах, мед в берестяных туссах, мед в сотах, варенье и моченую бруснику...

Жить Вы будете в деревянном домике, и золотистым утром будете приходить в волшебный замок пить шоколад с молоком и медом – а вокруг будет простираться волшебный парк, населенный дикими скульптурами, экзотическими деревьями, кустарником и цветочными клумбами.

Каждое утро я буду приносить к крыльцу свежие цветы, вечером – молоко, сливки и фрукты. Встречаться мы будем в театре после спектакля на границе между волшебным театральным сновидением и реальностью...

Вас послали мне высшие силы на помощь, и я без спросу прикасаюсь к Вашей одежде, как самаритянка к одежде Христа.

Перед сном я разговариваю с Вами – так маленький ребенок заставляет ему петь на ночь песенку, и в воображении держусь за Вашу руку; наверное, так и усну, не отпуская ее.

Жаль, что на премьеру я не попаду. А когда же я Вас увижу? Какого-то числа в марте... Я буду счастлив, а после спектакля приду за кулисы, и вот Вы, радостная, бежите мне навстречу.. а потом – несколько блаженных минут... Ваше лицо совсем близко, и я Вам скажу: *спасибо Вам за то, что Вы есть, что нас судьба столкнула, что в воображении я прикасаюсь к Вашим губам!*

...Написал уже не одну страницу, но перечитываю, и большей частью написанное зачеркиваю – слишком уж я пал духом, пишу только о горестях и болезнях, Вы прочитаете, вздохнете и скажете – «Ну, что за ухажер мне попался! Пора ему уже на переплавку, а не за девушками бегать!»

До свидания, мое солнышко, простите меня!

19-го февраля. Думаю о любви, и даже сочиняю стихи.

Конечно, ничего нового я о ней не могу придумать, да и слава Богу, пусть уж она остается непостижимой, как и сама женщина.

Если бы мы знали, сколько драм стоит за каждой строчкой Правил по Технике безопасности, какую кровью они оплачены, мы бы относились к ним менее легкомысленно, сказал мне старый преподаватель.

А что стоит за стихами? Можно ли относиться легкомысленно к ним?

За многими из них так же стоят судьбы и драмы, иногда кровь, а уж слезы – совсем не редко...

Однако – жалеть поэтов не надо. Пусть для нас *"любить или болеть – одно и то же"*, и часто даже кажется, что *"душа больна неизлечимо"*, но – *"лекарство нам – перо!.. И в форму превратив слепое наваждение, [мы, все таки] блаженствуем... (до нового падения)"*.

Если средневековые монахи умерщвляли плоть, борясь с "греховными помыслами", – одевали вериги, бичевали тело, морили себя голодом и молитвами, то влюбленные временами испытывают тяготы и страдания даже большие, чем муки голода или неудобства от ношения вериг – иначе почему они от несчастной любви топятя и стреляются почему зря?

Мучает *любовь* и меня, потому что и я *"и на ошибках не учусь, и обречен на повторенья"* – при очередной встрече со мною *она* сначала смотрит на меня удивленно, словно спрашивает – как, тебе еще мало? – потом задумывается и решает – ну, ладно, в этот раз я тебе так задам, что долго будешь меня помнить!

Наконец, доведенный до отчаянья, весь в синяках и ссадинах, я спросил себя – неужели на *любви* свет клином сошелся?

Вот ведь есть ещё прекрасное чувство – *дружба* – доставляет оно немало радости, с ревностью почти незнакомо, без взаимности невозможно... вот только между мужчиной и женщиной оно как-то редко водится.

Правда, мне удавалось дружить и с женщинами, и дружбу с ними я высоко ценил, но было это в раннем возрасте, а лет с десяти дружба перерастала в любовь, словно казалась сама себе в чем-то не полноценной.

И, наконец, меня осенило – надо придумать новое чувство, обладающее всеми достоинствами дружбы и любви, более горячее, чем дружба, менее опасное, чем любовь. Я его придумал и назвал *"влюбленная дружба"*.

Я даже его испробовал в отношениях с одной особой.

Злоключения, выпавшие на мою долю от этого "не опасного" чувства, описывал я в стихах и рассказах, но, однако, пока еще жив. И все еще верю во "влюбленную дружбу". И надеюсь с ее помощью обмануть *мучительницу-любовь*.

29 февраля, Касьянов день, воскресенье, после полуночи.

Поэтому буду любить я и тех, кто *пролетает мимо меня как пуля...*

Я переживаю женщину, как лунатик переживает пепельный лунный свет, впитываю ее, как впитывают форму и запах цветка.

Но *красота не спасает*, она может только погубить, *красота – трагедия!*

14 апреля, воскресенье. Я все еще в унынии, болен, разочарован, устал от бесплодных ожиданий чуда, вторая книга почти закончена, но главного я не знаю – закончить ли ее надеждой или отчаяньем?

Если судьба будет ко мне благосклонна, и вторая книга выйдет в свет, я приеду к Вам с нею (почти на белом коне!).

Надеюсь, это случится к следующему сезону, а пока Вы от меня отдохнете и, может быть, соскучитесь?

Прекрасно то, что Вы играете роли разных жанров. Кроме страсти, Ваши героини наделены особой трагичностью бытия, которую невозможно сыграть, она присутствует в них как склад Вашей натуры.

Сами не зная того, Вы были моим доктором, а для мен, по-видимому, и не могло быть лучшего лекарства, чем театр и музыка...

Спасибо, солнышко, что Вы так доверчиво отнеслись к случайному знакомому; если судьбе будет угодно, я еще явлюсь – воскресший и с новой книгой.

А Вам – новых ролей и новых поклонников...

ЭПИЛОГ (Через 17 лет).

Жаль, что нельзя прожить несколько жизней в одной. Или, быть может, иным это и удастся, но если таким образом удастся умножать счастливые минуты, когда они происходят, то ведь и несчастливые умножаются, притом в еще большей степени. Но когда задумываешься о **геронниях** "романов", то счастливым стать уже не удастся.

Я не могу сказать, что на мою долю выпадало много бедствий, читаю воспоминания Георгия Жженова или рассказы Варлама Шаламова, становится стыдно жаловаться. Бывали, конечно, тяжелые минуты, и грустные, но – не слишком ли много мне внимания, когда более достойные его не получали? В школе меня любили и баловали, в семье тоже (хотя матери приходилось очень несладко, но она все ждала, что вот-вот я стану знаменитым – так и не дождалась, хотя она мной гордилась, потому что, несмотря на преследования государства, она никогда не слышала обо мне худого слова.)

В университете меня любили и защищали, друзьями меня, можно сказать, судьба осыпала, как иных осыпали царские милости

Удивительно, но даже в тюрьме меня любили и утешали, хотя и я старался утешить тех, кто нуждался в моей помощи. По прошествии времени я даже не могу вспомнить, терпел ли я от кого-нибудь хоть незначительное зло?

А добро терпел часто. Как-то сидел месяц с разбойниками, и хотя мы вели философские разговоры, но я чувствовал себя утомительно, как на тяжелой работе. Потом попал в камеру к бытовикам, они в этот день *знали самогонку*, и вечером меня угощали, налили ПЕРВУЮ рюмку (нарушая даже правила). И я произнес речь, и сказал, что если когда-нибудь получу Нобелевскую премию, то в своей речи скажу, что гораздо *большую* награду я уже получил в тюрьме. И мы обнимались и плакали: я, человек, пытающийся стать писателем и философом, и мои товарищи по камере, многие из которых попали туда по несусветной глупости (ну, например, один стащил в магазине бутылку водки, а другой на чужой машине прокатил свою девушку, машину просто бросил около ментовки). Но, конечно, они не святые. Только, я думаю, наше государство, посадившее их в тюрьму, на три и на пять лет, неизмеримо хуже их, просто до мерзости.

Но к театральному роману следует приписать один эпизод. В тюрьме я присидел всего пять месяцев, но в театр попал не сразу, сидел я в первом ряду и в спектакле она меня увидела. В следующей сцене она скрывалась за каким-то окошком, и вдруг окошко открылось, и она выглянула. После спектакля, придя за кулисы, я спросил, почему она выглядывала, и она ответила, что хотела удостовериться, что это точно я. И спросила, почему меня долго не было. Я рассказал, что сидел в тюрьме. И она заплакала. Не жена. Не любовница. Даже не возлюбленная. И конечно, если бы меня расстреляли, я бы не спорил, что расстрел не заслужен. Тем более что и при следующем воплощении я все равно буду влюбляться, морочить девушкам головы, писать им стихи и письма, целовать руки, гнать от себя и от них «преступные помыслы» – потому что хотя я и грешник, но они то святые! И любить их, даже если они от меня отвернутся... **Простите меня за всё!** ...

Глава первая

ЗАПИСКИ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ

ИЗ ДНЕВНИКА

30.10.2000. ...Сегодня выпал снег, красиво и мокро.

Мы с Никушкой гуляли и из снега лепили куличики. У нее скоро промокли ножки, и мы пошли домой. Мальчишки кидались снежками, девочки лепили снежную бабу, и все съезжали с горки.

Маму вчера показывали по телевизору. Она ездила в Левашово, там поминали жертв, выступал священник, и все снимало телевидение, как и в прошлом году и всегда 30 октября.

1. 11. 2000. Приходил В. И. Пили водку, закусывали маринованными огурцами и гречневой кашей, разговаривали. Ника сначала боялась, прижималась ко мне, потом потихонечку привыкла и занялась игрушками. У Васи пока по-прежнему, похвастаться нечем, но, слава Богу.....

Буду понемногу ему пока дома помогать.

... июля 2001. Васенька, я тут сижу на даче, в раю, читаю твои сочинения, и не перестаю тобой восхищаться.

Тебя Россия на руках должна носить, но ты был прав, сказав, что не испытал несчастий, что выпали на твою долю, не смог бы написать так.

Желаю Ельцину долгой жизни (вместе с тобой), чтоб дожил до суда; и тебе, чтоб дожил до признания, известности и славы.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПОЛЯХ РОМАНА

Отстоять свой кошелёк и свою честь, погибнув, – осиротить детей, внуков, жену, (мать, отца) и близких людей...Спроси у них – нужен ли им "доблестный" мертвый вояка, бросивший вызов четырём разбойникам или "уклоняющийся" живой, родной ты... И "смело" уклоняйся, души слезы и береги себя ради них – **это важно!**

Надо по другому закончить роман. У тебя такие есть гениальные места, что можно бы ими закончить.

Вася! Не спеши, подожди, отдохни, и снова возмись. Ты способен на большее. Ты – великий писатель, не опускай здесь руки.

Целую, В.

Вася, весь предыдущий длинный кусок я бы убрала, по-моему, ни к чему эти раздвения и рассматривания самого себя. Ты и так многое объясняешь и объясняешься.

Васенька, буду зачеркивать волнистой линией то, что можно и оставить, а зачеркиваю только с целью максимально сократить.

Здесь замечания опускаю, потому что над этим куском надо тебе, Васенька, еще подумать... Целую.

Ужасно слащаво. Это надо в одно предложение вставить, и без приторности, тогда это тронет.

Так, как ты пишешь, разговаривают на лавочке под луной, а не через тюремные доски под «вертухаем».

«Так похожа ли наша власть на пастуха овечьего стада, радеющего о своих интересах, но и о приумножении овечьего стада? Нет, не похожа!»
Читатель сам ответит!

«Так даже с этим тупым и придурковатым народом...»

Съедят тебя патриоты за эти слова!

«Я не скажу всего про предпринимателей – жадных, предприимчивых только в "прихватизации" воров и казнокрадов...»

Меньше желчи, это лучше воспринимается.

«А Священное Писание не противоречиво? Да ты и сам знаешь не хуже меня, что несовместимо с жизнью почти всё, чему учил Сын Божий. Да и жертву Он требовал только Богу, но никогда не говорил, что надо жить во имя человека, что надо приносить жертву, чтобы сделать счастливым того, кого любишь.»

Гениально!

«Тогда только хохот из канавы способен поколебать незыблемое.»

Не поколеблет.

«В пяти миллионах русских девок, наших же дочерей, вчера еще беспорочных, ставших проститутками в борделях Турции, Франции, Германии, Египта?» – *А на Тверской их, что ли, мало?*

Соотечественники, вооружайтесь!

Вася, это все пустые слова! Как мне вооружаться? И так думает каждый, кто думает. (Если есть ответ – скажи. Если нет – не надо лозунгов, их и так достаточно).

Всяк русский на нашей земле... *Совсем не всяк!*

Вернемся к языку русскому – воскреснем... *Сказка! Не так просто!*

...истратил столько слов.. *И не надо тратить!*

Но надо ли оправдываться? *Умоляю, не надо!*

Но я люблю слушающую меня, и ей посвящаю слова мои.

Эту фразу хорошо бы в завершение этого бесконечного предисловия.

... женщина же отзывчива к слабости.... *но не к слабым мужчинам!*

Женщина поклоняется успеху, он ее единственный царь и Бог...

Женщина думает об отце своих детей, о детях, а не о себе. Не надо бросать камень в женщин, они – правы.

Если хочешь для тупого читателя сделать свою мысль еще яснее, то обойдись тремя предложениями (хотя нормальному читателю, по моему, уже давно все ясно).

Ты слишком стараешься быть понятным, думаешь, что читателю нужно привести десять примеров, чтобы он уяснил простую мысль?

Опять эту чепуху пишешь, я даже читать не стала..

Весь предыдущий текст звучит как: *слава! слава, слава мне!*

Высокопарно.

Длинно.

Напыщенно.

Некрасиво.

Это уже было.

Это было, хватит!

Самовлюбленно.

Это уже было. Короче!

Читать тяжело, длинно и напыщенно.

Хватит причитать и хныкать!

Ужасно!

По детски...

И так понятно...

За-му-чил!

Замучил! Пощади читателя, не надо столько прекраснотушия, сократи его до одной страницы. Целую. В.

(Примечание через 20 лет. Читаю ее «критику» с восторгом и наслаждением. Каким замечательным редактором она могла бы стать!!!)

ДРУГАЯ ЛЮБОВЬ

СПУСТЯ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

ПРЕДИСЛОВИЕ

к противоположным временам жизни.

Перечитал свои прежние сочинения, перечитал и любовные письма, писанные мною на протяжении тридцати лет. Часто в унынии, иногда в негодовании вспоминал я свои слова, свой эгоизм, самовлюбленность, невниманье к несчастным, которых злой рок сталкивал со мною. И все же – я многому научился, я стал лучше.

Что такое мир, каково в нем место Бога, в чем смысл жизни – неизменная тема моих сочинений. Естественно, что должен был написать я и о любви, ибо если *вначале было чувство*, то *потом явилось слово*; обе части духовного опыта теперь необходимым образом соединяют и завершают и мои любовные терзания, и мои поиски истины.

То, что мучило меня тридцать лет назад, когда еще казалось, что «вся жизнь – впереди», вдруг стало частью жизни сегодня; *прошлое стало настоящим*, а настоящее отозвалось прошлому. Вот поэтому, словно продолжение «Жизни на краю» – и те прошлые любовные письма, и их сегодняшнее продолжение.

Перечитывая старые письма, будто брожу по городу, в котором не был целую жизнь. Стоят ли они того, чтобы их прочли и другие – не знаю. Быть может, только мне они и ценны; но жаль их снова прятать, поэтому я решил обойтись с ними как со старыми стихами – выбрать самое выразительное, и расположить так, чтобы производили они впечатление законченной любовной истории, которая случилась то ли наяву, то ли в воображении.

Пользы, конечно, читателям от них нет, любовный роман всегда *уникален*, и ни свой, ни чужой опыт ничему не учат. Но разве живем мы для пользы?

*Будь прилежен, беззлобен, послушен,
В Коломаги с другой не ходи,
От соблазнов ее огради,
И своих возжелений не слушай!*

8 августа 2004 г. Дорогой Василий Иванович!

В христианстве есть, по крайней мере, одна несомненная истина: тяжелые испытания могут выпасть на долю каждого, но на долю *лучших* они выпадают *непреренно*.

Что сказать, как поддержать Вас, не кривя душою, без фальшивого оптимизма? Зная Вас, скажу следующее: то, что Вы предлагали сделать для возрождения философской культуры – все-таки делается, никто не "ушел в тень", узнав о том, что произошло с Вами. Значит, что-то в людях все-таки изменилось; значит, стремление сохранить свою духовную личность вытесняет опасения за свою "животную особь".[...]..

Крепитесь, продолжайте мыслить так же глубоко и честно, как Вы всегда мыслили.

... Ваш Н. И-н.

7 сентября, вторник. ... Несомненно, что на свете много хороших людей, и умных, и самоотверженных, и честных, и Иисус Христос, и Жанна д'Арк, и Михаил Лермонтов – но Иисуса Христа распинают, Жанну д'Арк сжигают на костре, Лермонтова убивают на дуэли тщеславное ничтожество, и завистники заявляют над его гробом – «собаке собачья смерть».

Конечно, достойных людей немало, еще больше тех, кто хотел бы *стать достойным* – но подавляющее большинство людей – недостойны: раболопны, трусливы, невежественны, имеют дурной вкус, не любят Родину (но любят царя), тщеславны, корыстолюбивы, жестоки, похотливы, не умеют рассуждать и здраво оценивать, руководствуются инстинктами, а не умом и добродетелями, не воспитаны, грубы, не любят и не жалеют природу, не любят и не жалеют прекрасное, жаждут низкого, наслаждаются вульгарным...

Но и хватит о большинстве. И Аристотель, и философы того же мнения. И когда властвует чернь – унижается высокое; и когда властвует тиран – на поверхности та же чернь. Тирания и охлократия – это две стороны одной медали.

Впрочем, далеко я ушел от своего насущного. Но еще есть время о нем поговорить.

Человек содержит в себе духовное так же, как стакан с морской водой содержит соли. Дух лежит в основании мира, он пронизывает собою мир, он все то в мире, что позволяет переживать и оценивать его как добро и зло,

красоту и безобразие, истину и ложь. Человек – лишь частица этого безмерного *всесущего* – но при этом **человек больше духа**, ибо он – личность, наделен волей, судьбой и трагедией; он больше духа, как цветок и семя в определенном смысле больше растения, ибо являются его завершением. Когда говорят, что человек – ничтожество в сравнении с Богом – который бесконечен, всеблаг, всеобъемлющ и т. п., допускают логическую ошибку, ибо стакан с водою содержит в себе свойства воды в той же степени, в какой содержит их океан, и поэтому все свойства духа содержит человек, ибо *иначе дух и человек не соотносились бы друг с другом*. Но дух преодолевает свою неполноту в Боге, который тоже личность, как и человек, обладает волей, стремлениями, жадной творчества, да и переживанием трагичности бытия, ибо иначе Бог в чем-то уступал бы человеку. Но – может ли Бог пережить любовь, связывающую мужчину и женщину? Обладает ли Он тем, что есть у человека – семья, общество, народ, культура? Бог должен был вочеловечиться, *опуститься* до человека, чтобы подняться до него.

Так действительно ли человек – творение Бога в таком же смысле, в каком роман – творение человека, если у человека есть то, чего **нет** у Бога – не только **я**, *единичность*, но и пол – *двоичность*, и народ – *множественность*? Преодоление Божественного одиночества возможно лишь в той степени, в какой Бог будет соучаствовать в человеческой истории.

[М-не.] **20 сентября, понедельник.** Здравствуйте, наши дорогие!

Вчерашний день был хорош – сначала нас вывели на прогулку, потом пришла передача...

... За нас не волнуйтесь, не печальтесь; хотя наши приключения не из самых приятных, но смягчает их уверенность в скором освобождении... (о неудаче *не пишу* – если она придет, то "сама о себе *напишет*").

... Несвобода – утомительна. Все же остальное в нашей жизни не так плохо – у нас есть вы, бумага, книги, иногда очень милые сны, свидания, письма... Чего не хватает нам для счастья?

[от А.] **20 сентября.** Здравствуйте, В. И.!

В-ка рассказала мне, что Вы попали в беду. Вряд ли я чем-либо могу Вам помочь, кроме своего горячего сочувствия.

Письмо я хотела написать еще летом, когда в своей заброшенной деревне, где и поговорить не с кем, я читала Вашу книгу, думала о ней, соглашалась и спорила, и ужасно жалела Вас, себя и эту несчастную деревню...

На фоне чудной природы, идиллии – поля, коровки, озера – какие-то искаленные людские судьбы. И там, где нет зияющих ран – убогая серость какая-то.

Ну, в общем, хочется напиться и забыться. Особенно теперь, когда детям наступают пора идти в армию, а ведь у меня почти все мальчишки...

Меня постоянно преследует ощущение безвыходности. Вот и сейчас перед моим окном на ветке висит ворона кверху ногами, срывается и летит вниз. И для нее это нормально, а я так не могу.

Вот если бы мы могли сидеть на ветке вверх ногами... а этого, если не в прямом, то в переносном смысле, от нас требуют каждый день.

В. И., пока я читала Вашу книгу, я просто прочитывала с Вами Вашу жизнь. Вы стали моим другом (так же как Пушкин, Тургенев или Толстой), но нет, гораздо ближе! И я ужасно рада, что могу написать Вам об этом, и воздать Вам хвалу. Тем более, что в трудную минуту всякое дружеское слово...

Ах, тут дети бегают... на Машу упала складная парта, а Мишка носится с куском булки – белые волосы дыбом, два синих глаза...

Сейчас я думаю о душевном одиночестве каждого, кто мыслит. Ведь полно людей, которые этого и не делают.

В деревне у меня никого нет знакомых, а в городе нет времени для общения. Встретишь кого – он сразу несет тебе мешок "сэконда" (поношенной одежды) и говорит: ради Бога, быстрее, мне некогда...

Почитаешь классиков – люди имели свободное время, ходили в гости... почти не верится!

Чем я могу помочь Вам, В. И.? Я восхищаюсь Вашими книгами, и вообще Вашей жизнью! Я горжусь тем, что была и есть Ваша современница, могла разделять Ваши чувства и мысли.

В. И., я Вашу книгу местами со слезами на глазах читала...

И про *Коломаги* я отлично помню. Эта дорога, она просто согрета Вашими (и не только) шагами.

Кстати, моего старшего сына зовут Вася...

Я помню, как мы с В-кой в филармонию в первый раз ходили, как Вы нам билеты покупали.

В. И., я считаю, что если человек (особенно творческий) не влюблен, то он болен. И возраст тут значения не имеет.

Еще меня утешает то, что мы с Вами живы. Ведь... ну, не будем о грустном.

Не буду извиняться за сумбурное письмо, у меня вся жизнь такая.

Тут как раз пришла В-ка. Поэтому еще раз передаю приветы от нее и И-ны...

... В-ка хочет узнать подробности о Вашей жизни, но она все-таки кормящая мамаша, может ей и не надо? [...]

До свидания, А.

[от И.] **20 сентября.** Дорогие бедные наши Васенька и Митя!

Примите наше сочувствие и душевную поддержку. Ничего несправедливее того, что произошло, невозможно даже представить. Но это должно скоро исправиться, тем более что ... все *люди доброй воли* болеют за Вас.

... А я передаю свою помощь натурой. (Думаю, взять слово *натурой* в кавычки или нет?)

....[...] .. а Валя, когда узнала, что я иду к Васе в тюрьму, спросила: «Его что, уволили?» Так что мы вам желаем, чтобы вас как можно скорее восстановили и больше никогда "не увольняли".

Целуем крепко.

Сообщите, что бы вам хотелось получить в передаче вкусенького?

И-на и все остальные.

... Когда выйдете – напьемся!!!

Р. С. Сегодня все утро собираюсь в тюрьму. Это для всех нас что-то новенькое. Миша пытается петь блатные песни, я тоже пытаюсь вспомнить что-нибудь в тему, но кроме слов "Владимирский централ" ничего выжать из себя не смогли. ...Когда напьемся – споем!!

До скорой встречи!

[от В.] **20 09. 04.** Мой дорогой!! Золотой! Васенька, Васенька...

Держись!! – что еще сказать?

Думаю о тебе постоянно. Если бы это как-то тебе помогло...

Тяжело осознавать, что это не сон.

Но ты все выдержишь, и мы увидимся. Копи, собирай "матерьял", пиши. Приноси, и будем печатать новую книгу.

Целую тебя, обнимаю. Держись, и возвращайся поскорей!

... Целую! В-ка.

[А-е.] *Вторник, 5 октября 2004 года.* Здравствуй, дорогая А-а! Сегодня – удивительный день, долго не было писем, и я уже приуныл, и вдруг – сразу три письма в одном конверте – от тебя, И-ны и В-ки.

Читал твое письмо со слезами на глазах, пишу ответ сразу же, перечитывая то, что ты мне пишешь.

Детали быта передаю скупой, так как Бог его знает, о чем **не** разрешается писать.

... Так, например, мы с Митей на "пальме" (так сказать, на соседних ветках) устроились как две обезьяны, боюсь, как бы у нас и хвосты не отрасли. Какое-то время мы провели в разных "хатах", и теперь оценили преимущества совместной посадки; я думаю, что садиться надо семейно, а если семья большая, то ее как раз могут вселить в отдельную "хату".

Читаем Аристотеля, Бердяева, Шафаревича, и удивительную книгу о судьбах обездоленных людей, читал ее со слезами на глазах, и понял, что у меня еще – райская жизнь! Теперь читаю второй том Нового Завета, сопровождая чтение своими комментариями.

К сожалению, эта книга не поучительна для семейного человека, она рассказывает только о "людях лунного света", посвятивших себя всецело служению Идее – заговорщик, монах, миссионер, фанатичный ученый: Бакунин, апостол Павел, мать Тереза.

Со своими вопросами не мог обратиться к ней Розанов, обремененный семьей, ничего не найдешь в ней и ты, да и мне она ничего не объясняет в тревожностях мира, потому что она проповедует покорность власти (а у меня с нею постоянные разногласия); благоговение и страх Божий (а я с Ним спорю); неприязнь к культуре (а это воздух, которым я дышу); отчуждение от женщин (а в них для меня музыка мира); равнодушие к непосредственной жизни и этому миру – а в них для меня цель и смысл бытия; равнодушие к семье – а в ней для меня одна из наибольших опор.

Чувство трагичности бытия является следствием того, что в нашей стране ничего не возможно изменить к лучшему, тлетворный дух пронизал все – государство, общество, быт.

... В деревню убежал я от города и житейских проблем, а ты и туда уезжаешь с ними... вообще говоря, для тебя наибольшей из них является – выжить! В нашей России, где поля не засеяны и на них ничто не растет, и где воистину исполняется ожидание апостола Павла – *жизнь не для жизни* – в нашей России, где (прости за метафору) *и женщины, как правило, не засеяны, и в них ничего не растет*, на таких как ты надо молиться, общество должно помогать Вам изо всех сил! – но эгоистичное общество живет только для *похоти плоти*, и у многодетных женщин, брошенных Россией на произвол судьбы – все проблемы сливаются в одну – выжить!

Но мы еще победим козни врагов, тем более что еще не висим вверх ногами.

... Спасибо за теплые слова, и за похвалу – мне и на воле она была нужна, тем более что тяжело быть писателем без читателей.

Читая твое письмо, я говорю себе – нет, еще не пропала Россия! Хотя, слушая телепередачи, целью которых является растление народа, я начинаю ненавидеть не только этот омерзительный ящик, но и ученых, которые его изобрели. Вот и исполнилась мечта древнеримской черни – хлеба и зрелищ! [...]

Обнимаю, твой В. И.

[В-е.] *Вторник, 5 октября, полночь, пальма.* Здравствуй, В-шка! Сравниваю слова, которые я мог бы написать в ответ на твою записку, и понимаю, насколько мужчина проще, "умственнее", чем женщина (да еще и кичится своей "умственностью").

... Мне остается только стараться изо всех сил быть достойным Женщины, переживающей и сочувствующей моим невзгодам, стараться согреть этот мир любовью. Спасибо тебе, мое солнышко, за поддержку, горячий привет моему семейству.

[А-е.] *Воскресенье, 10 октября.* Здравствуй, А-а!

Перечитываю твое послание "во глубину сибирских руд" и не храню "гордое молчанье", хотя и втуне "скорбный труд" одиночек. Всю жизнь я спорил с христианской идеей об изначальной греховности человека, и перестаю спорить, ибо убеждаюсь, что пошлость – самое естественное его состояние, а следовательно он и воистину греховен уже до рождения. На

свободе я редко смотрел телевизор, выборочно читал газеты, пренебрегал бульварным чтивом – и вот дьявольский телезящик взял меня в плен. Иногда кажется, что лучше быть расстрелянным, чем обреченным на такое соседство.

Слушая то, что мужчина говорит о женщине, я убеждаюсь, что он действительно произошел от обезьяны – дело не только в том, что десятки миллионов смотрят, но ведь десятки тысяч сочиняют; и кажется, что уже никто не пашет землю, не сеет и не жнет, а только в маниакальном бреде думают и говорят об одном – а как думают и говорят, не возможно точно передать даже на языке обезьян.

... Но вот я дошел до строк, в которых ты вспоминаешь филармонию. Да, жить надо хотя бы для того, чтобы дожидаться блаженной минуты, когда в Актовом зале университета я буду слушать божественную музыку Скрябина или Гайдна, или Шопена, и заполнен этот зал будет так, как в июле заполняет лесную поляну благоуханье цветов. [...]

Обнимаю, В. И.

[от А.] **05. 11. 04.** Здравствуйте, дорогой В. И.!

Как Вы там? Догадываюсь, что Вам не сладко, и молю Бога, чтобы испытания поскорее остались позади.

Мы Вас очень любим и все время за Вас переживаем.

Я часто думаю, что бы делала на Вашем месте, и ничего не могу представить. Меня все время теребят дети, муж, родители, учителя и врачи. Они мешают мне выработать свою философию. И я про нее ничего не знаю. Но по утрам я придумываю, какие прекрасные вещи я могла бы слепить, сшить, сотворить. Вот сейчас я увлекаюсь керамикой. И это меня примиряет с окружающим.

В. И., я бы хотела Вас утешить, и написать какие-то особенные слова, и что-нибудь сказать такое простое, но необыкновенно милое.

Например:

«В.И., Вы какую кашу любите?»

В.И. (допустим): «Манную».

Я: «И я тоже. А с каким вареньем, клубничным или вишневым?»

В.И.: «Вишневым».

Я: «И я тоже...»

И так далее.

И мы бы с Вами подружились, *и дружили долго и счастливо.*

Ну, вот и все. Жму руку. Целую, обнимаю. А-а.

[от А.] **06. 11. 04.** Здравствуйте, дорогой В. И.! Вы меня, конечно, узнаете при встрече, ведь *двадцать лет – это не срок!*

А Вы помните, как увлекались то индуизмом, то Дзен-Буддизмом, то Вас прельщали хиппи? А я-то помню, и слышала о них я именно от Вас.

Телевизор я не смотрю, мне показалось, что и муж и дети к нему пристрастны, вот я его и выбросила. И теперь мы слушаем радио, и развиваем воображение: как они там стреляют, взрывают, с какими лицами врут... [...]...

Я тоже думаю о религии и вере, и вот что мне кажется. Религии – это обряды, тексты, традиции, а вера – это когда подойдет к тебе тихий ангел и от чего-то дурного отведет. Или, наоборот, подарит красоту и блаженство.

Вот мы были зимой в Толгском монастыре, и одна въедливая тетенька спрашивает: А кто ваши "спонсоры"? А монашенка ей отвечает: Иисус Христос и Божья мать наши главные "спонсоры"!

И действительно, как ни посмотришь, живая вера делает чудеса. Причем эта вера у каждого своя, и каждый ее под свою жизнь устраивает. И у Толстого и Достоевского были свои веры, и трудно назвать их безбожниками, хотя церковные люди называют их веру ересью.

Вот, например, я не верю в вечную жизнь, и не понимаю, зачем она, и эту-то прожить трудно, и найти в ней смысл, а что делать с вечной жизнью? Вот есть дети – они и есть наша жизнь вечная.. [...]...

Я была уверена, что Вы там будете заниматься творчеством, характеры там колоритные, мой папа говорит, что все лучшие люди тоже там, но, возможно, он преувеличивает...

Мыслей много, но дети вырывают ручку и мешают писать. Ох, уж эти цветы жизни!

... Жму руку, целую, обнимаю, А-а.

28. 11. 04. Дорогой В. И.!

Получила Ваше письмо и написала ответ, но найти его не могу. Так обидно, Вы меня вдохновили, и я написала, кажется, кое-что интересное.

А сейчас на улице мороз, а у меня депрессия в голове. Пытаюсь думать, но ничего не лезет в голову.

Прочитала, что Вы пишете про апостола Павла, и думаю, что он прав... и Вы правы. В его время ради постижения Божественной истины надо было отречься от всего мирского, а теперь – нужно припасть к роднику любви и нежности и ощутить узы родства как страховочный канат у альпиниста.

Ругайте меня, я потеряла письмо, где восхваляла Вас, перевозносила свою любимую В-ку, очаровательных И-ну и их маму, и их милую квартиру на Екатерининском канале...

... Пыталась читать Вашу "Азбуку математики", а потом пере-доверила ее своему ученому супругу, он там нашел что-то, что Вы обещали и не исполнили, что-то вроде непрерывной функции без производной... или в этом роде...

[от А.] 06. 11. 04. Дорогой В. И.! Сегодня получила Ваше письмо и почти прочитала.

... Утром с моей учительницей по керамике мы разбирали наш первый большой обжиг за три года. [...]... Может, Вам не интересно, но у меня сердцебиение от того, что Андриюшин бегемот высох как сухарь и покрылся пятнами, у кого-то укоротились ноги, а у бегемота выросли как у балерины. Но некоторые вещи вышли неплохо.

... Если описывать мою керамику как я ее вижу, то это такие грустные изящные птички, рыбы с человечьими глазами и туманные девы с развивающимися волосами.

... А потом я беру кусок глины и борюсь с ней и иногда побеждаю, она начинает выражать то, что я хочу. И мне так хорошо, что я начинаю понимать, что такое дар Божий.

... Утром я поехала к своей подруге Оле, и там лицезрела ее третьего ребенка, девочку Катю четырех месяцев...

... Маше моей подарили несколько платьев, и мы отправились домой. По дороге встретили знакомого обжигальщика, который отдал нам грудку горшков для школы – бесплатно. Как только у меня руки не отвалились?!

Вообще-то я женщина слабая, и второй раз на пятый этаж эти "кирпичи" поднять бы уже не смогла.

Только я в себя пришла, М. П. позвонила. Вот и все.

А еще я на днях сходила на балет, и подумала – неужели можно 10 лет не видеть на сцене настоящий балет? Какой ужас!

[от В.] **06. 11. 04.** Дорогой Васенька! Во-первых, я тебя люблю! Во-вторых тоже! В-третьих, жду декабря, чтобы узнать, что ты свободен.

Думаю о тебе, и мечтаю о том, чтобы Бог – был. Тогда им всем достанется.

У нас происходят разные события. Но самое главное, мы тоже купили деревенский домик, у озера! Там лилии растут. Сам увидишь. Старый дом с большой печкой и яблонями. Скорей бы лето!

А пока мы все болеем. Выздоровливаем и снова болеем. Целуем тебя крепко. Возвращайся скорей! Твои В-ка, В-ий, Н-ка, А-шка.

[В., А., И.] 08. 11. 04. Здравствуйте, милые девочки!

Сначала я намеревался написать одно горячее влюбленное письмо вам вместе, боясь, что любовного напитка не достанет на каждую порознь (не потому, что я засох как смоковница, а потому, что в некотором смысле живу словно на вершине вулкана, трясет и качает, и выплескивается текучее за край души – да и в самой душе постоянно образуются трещины, через которые вытекает текучее, поэтому я и боялся, что буду разливать по стаканам и пролью половину, а следовательно не лучше ли налить его в одну чашу и пустить по кругу?) – но теперь чувствую, что хотя и в одном конверте, а все же напишу каждой из вас, мои милые, порознь. Но я не буду измерять крепость и количество напитка, потому что удивительным образом в соединении душ конечное обращается в бесконечное, поэтому хватит всем. Кто сколько захочет, столько и выпьет. [...] когда бы я переводил счастливый и восхищенный взгляд с одной на другую и поднимал тост за любовь.

Я вас люблю – и вместе и порознь, я вам еще скажу об этом не раз, а пока будем разговаривать мысленно.

И я уже думаю, что стоило сесть в тюрьму хотя бы для того, чтобы Вы мне так сочувствовали и утешали.

Милая А-а, светлое солнышко!

Вчера получил я передачу, а с нею три послания в одном конверте, перечитываю их одновременно с первым посланием апостола Павла к Коринфянам. Но 13-ю главу комментировать невозможно, в ней 13 строф, а в целом это *поэма о любви*, ее надо выучить наизусть и вспоминать ежедневно, приведу из нее несколько стихов:

«2. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто.

4. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится, ...

7. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

8. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

13. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.»

О какой любви пишет апостол? Хотя и в Евангелиях, и во многих посланиях говорится то о любви к Богу, то о любви к "ближнему", но не будем противопоставлять человека Богу. Евангелист Иоанн в первом послании пишет «Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает.» – следовательно, нет отдельно любви к Богу, а есть только любовь к человеку.

Так о какой же любви пишет апостол? Евангелист Иоанн говорит перед тем: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что *Бог есть любовь*.» – но так как «Бога никто никогда не видел», а любовь испытал всякий, то лучше сказать, что *любовь и есть Бог*.

Однако, все же, любовь ли это к ближнему, проповедью которой пронизан Новый Завет?

Чтобы не спорить с христианством и по этому поводу, попробую высказать свою точку зрения примирительно с другими, а именно: Возможно, "любовь к ближнему" существует, если существует "Благодать Божия", "Преображение", "Пробуждение", "Нирвана" – но уже в Средние века на процессе над Жанной д'Арк утверждалось, что человек не может знать, находится ли он под действием "Благодати Божией", и испытать ее, по видимому, довелось лишь немногим, так, может быть, и евангельскую "любовь к ближнему" как особое состояние, сравнимое с "Благодатью Божией", также испытали немногие, и даже апостол Павел применительно к себе неясно о ней говорит; следовательно, говоря о любви, он говорит о той любви, испытать которую в состоянии всякий, ибо проповедь апостола обращена не к избранным, но ко всем, кто имеет сердце.

У любви много свойств и много разновидностей. Знание о том, как чувствует человек, дано нам культурой, и мы видим, что даже самые возвышенные любил вполне по-человечески – так, в романе Достоевского "Братья Карамазовы" старец Зосима, казалось бы, образец христианина, но он

любит Алешу не как "ближнего", а как *избранного* ученика, как сына; и Алеша любит старца как Учителя, как отца – и нет ничего в их любви от недостижимого и ненужного христианского идеала любви *всеобщей*, не отличающей одного "ближнего" от другого. Любовь же, в действительности, *избирательна*. Каковы же те ее разновидности, которые порицает (или, по крайней мере, не восхваляет) Новый Завет и Учение в целом? – почти все они связаны с Родом, с "первородным грехом", и потому если и признаются, то с неохотою. Вот ведь апостол Павел пишет: «Хорошо человеку не касаться женщины. Но во избежание худшего каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа... Если не могут воздержаться, пусть вступают в брак – ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.»

Способно ли было христианство понять и возвысить любовь Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды? А тогда способно ли оно во главу угла, в основание камня, на котором стоит человеческий род, поставить любовь между родителями и детьми, истекающую из того же источника, любовь к Отечеству, к *народу*? Потому-то Апостол и говорит, что "несть более ни еллина ни иудея", и потому-то для христианина нет любви к Отечеству и народу.

Но напрасно я увлекся. Надо было остановиться на той поэме, которую вопреки своей же идеологии Апостол посвятил любви, которая "не радуется неправде, а сорадуется истине"...

Возвращаясь к твоему письму, мой ангел, перечитываю его, и отвечаю на вопросы и предположения. Ты пишешь: "Догадываюсь, что Вам не сладко". Отчасти, конечно, это так, но есть многое, что поднимает над непосредственным переживанием и дополняет горечь его сознанием многих милостей, которые на меня проливаются как дождь над пустыней.

И столько изливается к нам сочувствия и любви, что уже и умирать не страшно.

Но все ли исчерпывается любовью? Вся ли истина в нее вмещена, и вмещен ли Бог в любовь так, что она выше чем Бог?

Я тоже не знаю ответов на многие вопросы, по существу не имею своей философии. Возражая Марксу и апостолу Павлу, я сам не создал своего учения; единственное, чему я не *возражал*, это *любовь и свобода*, и хотя сегодня *свобода* сама мне насмешливо *возразила*, но чудо по-прежнему ко мне благосклонно, и оно состоит в том, что любовь не *возразила* мне ни разу, даже тогда, когда мне так казалось – просто вместо узкой любви мне даровалась более широкая... [...]

Неизвестно, кто мне *мешает* выработать мою философию, но я про нее тоже ничего не знаю. Впрочем, возможно, что она у нас есть, и у меня, и у тебя, и у В-и, только она такая простая, что мы не отдаем отчета в том, что живем в согласии с нею. Итак, мы верим в добро и любовь, руководимся голосом совести, и живем так, чтобы было хорошо тем, кого мы любим – заботимся о детях, о близких, друзьях, о сохранении и преумножении культуры и *преображении мира* – вот, кажется, в эти немногие слова можно вместить нравственное содержание нашей философии; можно сказать и несколько иначе – любовь, сострадание, долг, свобода и творчество.

Но что-то есть и еще, что мы ищем сверх этих великих идей, иначе мы бы не создавали религий, не устраивали революций, и не искали нечто таинственное, что мы называем истиной...

Правда, я догадываюсь, почему я не создал философию, которую противопоставил бы философии Маркса или апостола Павла – конечно, мне не хватило и таланта, не помогало мне небесное вдохновение – но главное, может быть, в другом – всякая философия дает одностороннее представление о жизни, она ее формализует – потреблять философию *вместо* жизни, это то же самое, что читать поваренную книгу вслух, не приготовляя обеда (или еще хуже). Мои современники питались марксизмом – к счастью, именно они не приняли его всерьез, Европа в течение столетий пыталась подменить жизнь христианской мифологией, и сегодня мы тоже от марксистских мифов вернулись к мифам христианским.

Итак, прежде чем заговорил я о философии, разговаривали мы о любви, и я усомнился в ее всеобщности – но дело не в том, является ли она главной скрепой человеческих отношений, настолько прочной, настолько значительной, что даже главный идеолог христианства – религии, основанной на *вере* – поставил любовь выше *веры*. Слова, сказанные им о любви, очень поэтичны, и я сомневаюсь, что можно сказать про любовь возвышенное – однако, похоже, та любовь, о которой он говорит – безжизненная абстракция, и его слова – поэма о несуществующем чувстве.

Из близких тому времени сочинений известен диалог Платона "Пир (или беседа о любви)" – вызывающий у русского человека чувство неловкости и недоумение, ибо идеалом любви там называются отношения между философом и юношей.

Подобные отношения, распространенные ко времени Христа в античном мире, возможно, вызвали такую ярость у апостола Павла, что он даже о женщине написал, что «Хорошо человеку не касаться женщины.»; и если далее написал «Но ... если не могут воздержаться, пусть вступают в брак – ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.», то, даже дозволяя человеку *касаться женщины*, допускал ли апостол, чтобы эти "*касания*" были страстными (то есть *любовными*)? В стихе 29-м он говорит «Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть как неимеющие». [А если принять во внимание всю историю христианства, когда *женщина* постоянно обличалась как "нечистая", источник греха, "сосуд дьявола", то о какой любви могло проповедовать христианство? В их любви не было места любви между мужчиной и женщиной. А если вспомнить "Письма о девстве" Блаженного Иеронима, или даже "Письма Оптиных старцев" о мирских соблазнах, писанные уже в середине 19-го века, то очевидно, что *естественные* любовные отношения мужчины и женщины вызывали у *подлинных* христиан (вероятно, и у апостола Павла) ненависть не меньшую, чем *отношения противоестественные*, обличения которых постоянны и в Ветхом и в Новом Заветах, и ради которых Бог уничтожил в праведном гневе Содом и Гоморру (вместе и с младенцами, еще ни о каких грехах не ведающими, но коих христиане все же уличают в грехах, дабы оправдать неразумный гнев Божий – даже и апостол Павел смутился, и указав грех и возмездие за него «Не станем

блудодествовать, как некоторые блудодествовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи», далее добавил «все это происходило с ними как *образы*; а описано в наставление нам, достигшим последних веков»).

Если любовь между мужчиной и женщиной очевидно не является ни *образом*, ни частью той любви, о которой поэму сложил апостол, то справедливо думать, что и все *последствия* такой любви не относятся к тому, что прославил апостол – ни любовь материнская, ни любовь ребенка к родителям, ни любовь к *родине* и *народу*. Но и в подтверждение этого сошлюсь на то, что в Новом Завете ни разу не говорится о такой любви, не приводятся примеры отношений между родителями и детьми, и нет *детского смеха*. Да и вплоть до девятнадцатого века христианство смотрело на детство не как на самую светлую пору в жизни человека, а как на недоразвитие, недовоспитанность, неполноценность, и даже детские игры и сами игрушки осуждались как бесовские произведения. Все светлое в отношении к человеку было выработано великим 19-м веком, и через него мы воспринимаем и христианство; и Бетховен, Вагнер, Чайковский – это христианская музыка, которой в христианстве не было и не могло быть, ибо христианство было религией ожидания конца света; 19-й век создал новую мифологию, и ею заменил идеологию апостола Павла.

Возможно, апостол, говоря о любви, которая «не безчинствует, не раздражается, не мыслит зла», имеет в виду любовь человека к Богу... или Его любовь к нам?

О последней нас уже утопили в патоке бродячие христианские проповедники, да и телевизионные тоже, утверждая, что Бог нас так любит, что.. что... и далее заходятся в патетическом словоблудии – но в Послании к Римлянам говорится «Не превозносись.. Если Бог не пощадил *природных* ветвей [иудеев], то смотри, пощадит ли и тебя... и ты будешь отсечен!»

Любовь милосердствует, говорит апостол, но в Библии милосердия мало; а уж совсем не встретил я в ней того, что для меня составляет сердцевину любви – не встретил я *нежности*.

Да и о любви ли человека к Богу говорит апостол? Священное Писание постоянно твердит о страхе Божием, и всякий христианин называет себя рабом Божиим – это ли любовь? Нет, рабство любовью называть я не стану.

Любовь нежна. Даже любовь Тараса Бульбы к своим сыновьям. Даже его суровая любовь к своим верным друзьям-казакам. И образец истинной любви и дает нам именно Гоголь, называя ее "товариществом".

[Однако отвлекусь я от любви на *ненависть*, ибо иначе не буду правильно понят. Слева от меня внизу – а я сверху на "пальме" – вот уже пятый месяц вопит телевизор, каждое второе слово оттуда – "секс", каждое третье – "любовь". Маньяки из "Дома-2" ежедневно "строят" любовь, вопят о ней Прасковья и некто "черный", сахарная "зараза" и даже "звери" – мало в назидание им Содом и Гоморры, а необходимы "последние дни", когда "только остаток спасется", как пишет апостол Павел... Все, что со мною произошло, всего лишь мелкие неприятности; но сатана сидит в телевизоре, а тот слой народа, характерные представители которого и составляют

население "Исправительного дома", является основным потребителем "шоу-любви". И вот, книги никто не читает и не будет читать, а имена "шоу-развлекателей" известны даже фонарным столбам, и именно они строят себе виллы и купаются в песке на лазурном берегу, а я сижу в тюрьме.

Да, я буду неправильно понят, если не выскажусь и **против** любви. (Ибо за нее лучше сказало бы молчание, *когда мы будем есть манную кашу.*)

Возможно, главнейшей скрепой мироздания является Долг – идея, чувство, инстинкт. Долг проявляется даже в поведении лебединой стаи, которая делает неожиданную остановку в своем перелете из-за ослабевшего товарища. И если им приходится его покидать, то они долго над ним кружат, курлычут (словно плачут, прощаясь).]

Философии пишутся мужчинами, и *философия* любви тоже, а они в любви ищут наслаждение и их *философия* односторонняя.

Женщина тоньше и целомудреннее мужчины, поэтому жаль, что она не создала свою собственную философию.

Мужчина ограничен и прямолинеен. Создавая концепцию мира, в основание его он естественным образом полагает какую-нибудь одну причину, симпатичную ему лично, например *необходимость*, как Маркс; *волю*, как Шопенгауэр и Ницше, *Бога*, как Моисей и пророки; *любовь*, как учат Христос и апостолы, *инстинкт*, по мнению Дарвина и Фрейда; или *свободу* (то как разнуданность, то как отсутствие свободы).

Затруднение для мужского ума представляет идея *долга*, ибо в ней и необходимость (как в воинском и гражданском долге) и любовь (как в долге детей перед родителями), и свобода (как творчество и потребность в преображении мира), и послушание – в монашестве, в молитве, в посте...

Если любовь и *долг* не соединены, то... справедливы слова цыганки Кармен, воспетой романтиком Мериме (а романтики чувствовали *необходимость свободы*, но не понимали *необходимость долга*). Равновесие – в любви Анны Карениной. Потому-то она и пожертвовала собою, что мужское общество отказало ей в любви, требуя одного исполнения долга как необходимости, но не любви.

Ах, да когда же, наконец, по человечески поговорю я о том, что ты мне вдруг написала письма, не видя меня уже двадцать лет, и письма эти удивительны – а меня затянуло в омут философствования, и я никак не вернусь к подлинной жизни и подлинной любви?!

Мы не в мире абстракции, конструируемой в Новом Завете, и поэтому нас не двое, но от этого утешение возвышеннее и полнее. [...]

... Вот только что в Послании к Коринфянам апостол напоминает завет Христа есть и пить в воспоминание Его; и когда мы едим пряники и пьем чай с лимоном, мы помним не только то, что вы, наши дорогие, поддержали нас духовно, но и что питаете плоть нашу. Как же мне отчитаться перед силами небесными, что я не только не оставлен милыми, но и одни из самых нежных, и другие, среди которых "суровые мужи" – все нас поднимают на руках своих

и несут. И хотя святым стать я не обязуюсь, но достойным буду всемерно стремиться стать.

Но пора уже написать про "манную кашу с вишневым вареньем" – теперь такую кашу будут есть и ангелы на небесах, но если удастся и нам, земным созданиям, ее есть, то будем ее есть как пьют вино, произнося тосты... А я помню, как угощала меня В-ка яблочным пирогом, который испекла для меня; кажется, ей тогда было еще только четырнадцать лет....

[В., А., И.] 10. 11. 04, среда. Здравствуйте, мои ласточки!

Как ни пытаюсь отвлечься от философии, удастся мне это плохо. ... Тем более, что продолжаю "душеспасительное" чтение...

... Евангельская любовь бесплотна, она не только невозможна, но и не нужна человеку, еще не научившемуся "жить аки умереть". В подлинной любви мы испытываем страсть, ревность, сомнения, отчаянье, иногда даже ненависть... Даже о нежной Джульетте не скажешь, что ее «любовь долготерпит»; тем более Отелло, леди Макбет, Ставрогин и Анна Каренина, да и сами Шекспир, Достоевский и Лев Толстой – любят совсем иначе, чем те, у кого любовь «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Мне скажут, что у апостола любовь истинная, а мы все любим неистинно (как недавно многие верили, что существует *истинный* социализм – у Фурье, Маркса, Прудона, в Швеции, Австралии, Бизании; и социализм *неистинный* – наш, советский, людоедски пожравший миллионы жизней).

Другие возразят, что у апостола говорится про любовь духовную, а не ту, которая связывает мужчину и женщину – но в чем же она воплощена? В отношениях родителей и детей, о которых можно было узнать по античным трагедиям; или в послушании, которое апостол поставил выше любви, и поэтому христиане насильно выдавали своих дочерей замуж, делая их несчастными?

Любовь – это жалость, сострадание, влечение, страсть; нежность, благодарность, забота; долг, утешение, ревность; радость, наслаждение, боль... это все есть в моей любви, о которой не знает апостол – а я лучше худших; даже лучше многих, имеющих упреки; более того, не многим хуже тех немногих, которые вне упреков.

Или апостол, описывая любовь *идеальную*, имел в виду любовь Бога к человеку? Так перечтите книгу Иова, которого Бог лишил имущества, жены и детей, а самого одел в струпы, чтобы проверить его любовь – возможно ли, чтобы мать вовлекла своих детей в нищету, болезнь, одиночество? Нет, Бог человека *не* любит.

... Но пора вернуться к "манной каше с вишневым вареньем".

Начну с того, что Толстой как-то заметил, что чувства крестьянки надо проверять по тому, как она *кормит*. ... Однажды мне в утешение одна женщина так и сказала: не жалуйся, что мы тебя мало любим, просто мы любим тебя по-другому, например, нам нравится тебя кормить... И действительно, я часто чувствовал, что трапеза – словно инобытие поцелуев. Так кормила меня В-ка

яблочным пирогом, и я его помню до сих пор. Да и христианское *причастие* – одухотворение плоти, и Христос оставил ученикам Своим в воспоминание о Себе не вечер нравоучений, а совместную трапезу, и только потом, многое напутав, христиане стали умерщвлять свою плоть, которую Христос пришел одухотворить, Сам воплотившись.

Вот так и с Сашей М-ым, встречаясь на задворках метро, мы покупаем пиво, горбушку хлеба, а иногда приносим с собой четвертушку самогонки и бесхитростную закуску, расстилаем на бетонной стойке газету, садимся на ступеньки, и ведем неспешную беседу о поэзии, о книгах, любви и женщинах – и вот это распитие, как и с Казимиром на парапете набережной, и с Володей Т-ым в Восточной Пруссии у ручья на рыбалке – вот это распитие и является сердцевиной наших любовных встреч, ибо наша дружба – тоже разновидность любви.

Итак, *моя женщина* назначает мне свиданье на кухне, готовит бутерброд с колбасой и кусочками малосоленного огурчика, и я поднимаю тост в ее честь (она – это В-ка, пока не готова еще манная каша с вареньем).

Особенность русского человека – мистическое отношение к совместной трапезе, в которой выявляется общность – не говоря о поминках и свадьбе, на которые собиралась вся деревня, устраивались вечеринки (вечёрки) то в одном доме, то в другом, на которых пили чай, пряли и рассказывали страшные истории, а чаще пели протяжные песни; или собирались, когда приезжали в гости друзья или родные...

Сравним русские домашние застолья, где собираются родные или друзья, чтобы они могли соединиться словно в одну семью, с среднеазиатскими неторопливыми беседами мужчин в чайхане, или с обычаем посиделок в кафе и ресторане в Европе, или с шумными гуляньями на Кавказе, куда приглашаются десятки или сотни гостей.

Наши застолья по духу любви напоминают последнюю вечерю Иисуса Христа, и не бывает так, что «всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден» (Послание к Коринфянам), хотя нередко «иной упивается» – по чрезмерной чувствительности.

И у Аристотеля рассказывается о многовековой традиции эллинского общения в городских совместных трапезах, на которые выделялись деньги из городского бюджета. Смысл этих трапез был не в том, чтобы накормить голодных, как ныне в ночлежках для бездомных, а в единении граждан. Европейцы идут в кафе и ресторан, чтобы утолить голод и жажду, русские собираются вместе на вечеринке, в пирушке, в гостях, вдвоем – чтобы *излить свои чувства*.

...Если человек не чисто природное явление, вроде свечения гнилушки, то магическое пронизывает большинство наших действий, кажущихся иногда только плотскими (ведь и в поцелуе можно видеть лишь механическое прикосновение губ, как и в трапезе – насыщение).

Справедливо, что человек жив "не хлебом единым", но и духом, но справедливо так же и то, что и в "хлебе" не только хлеб, но и дух. Ибо дух не только мысль, но и чувство, поэтому, преломляя хлеб на двоих, мы можем

преломлять его равнодушно, а можем в нем вместить нежность, почтение, сострадание, восхищение, радость, горечь и т. п.

Хлеб не только хлеб, но и символ, и как по отношению к человеческому телу невозможно сказать, что оно только тело, или что в нем одно более телесно чем другое, так и по отношению к пище нельзя сказать, что она насыщает только тело, но не насыщает нашу душу, и по отношению к любви нельзя точно определить, в каких формах, ритуалах, действиях она проявляется.

Правда, вопреки христианам, изгоняющим плотское из жизни (а с плотским неведомо для себя изгоняющим и *духовное*), я настаиваю, что и духовное *не бесстрастно*, что духовное является *переживанием*, связано с ощущением и напряжением чувства, в нем присутствует страсть, волнение, наслаждение. Разве два товарища, хлопающие друг друга по плечу (а то и смахивающие слезу, встречаясь после освобождения из плена), связаны менее чувственно, чем Ромео и Джульетта?

Но апостол пишет о другой любви, о "возлюби ближнего", и в этой любви не может быть страсти. Существует ли она вообще, переживают ли ее хотя бы избранные, мне неведомо.

Я могу сочувствовать несчастным, помогать нуждающимся, прощать и уступать – но я не понимаю, что значит любить *неопределенного* человека. Мы все любим – по воле случая, в силу сходства интересов или темпераментов, или неведомо почему – родных, друзей, женщин; к прочим относимся (или должны относиться) так, чтобы не причинять им зла, не бросать в беде – но *любовь избирательна*, она – сближение с немногими, которым человек отдает себя, свое время, мысли, чувства, жизнь.

Теперь я понял полнее – вспоминая некоторые из рассказов о монастырской жизни, например, об Оптиной Пустыни, или воспоминания Страхова об Афоне, я заметил, что об образцовых монахах говорится так: он со всеми был ровным, все были ему близкими, и никто не был ближе других.

Следовательно, любовь в том смысле слова, которая известна европейской культуре – не христианское чувство; да любили ли и Христа Его близкие любовью "возлюбления *ближнего*"? Этой ли любовью любила своего сына Его мать, этой ли любовью любила Его Мария Магдалина и ученики? Во всей европейской культуре такая любовь встречается только однажды, в романе Гюго "Отверженные", других примеров мне на ум не приходит.

... Однако, опять я отвлекся от "манной каши с вишневым вареньем".

Здравствуй, милая ласточка!

Хотя и нуждаюсь я в утешении, но думаю, что судьба ко мне благосклонна, и возникающие влияния темных сил кратковременны. Я верю, что удача скоро вновь улыбнется нам, и мы менее сбивчиво расскажем о том, как нежно и благодарно мы вас любим... [...].

А пока – миллион поцелуев, и – до встречи.

[В.] *Воскресенье, 14 ноября, поздний вечер.* Здравствуй, солнышко! На улице поздняя осень, но и в душе – тоже. Увы, вдохновение упало, Новый Завет призывает меня "умножить скорбь", ибо якобы тогда умножатся и утешения, и только письма милых удерживают от "умножения скорби" – но энергии на философствование уже не хватает. Поэтому, прости меня, дорогая, что писать я

буду уже не так длинно, и задача моя теперь более прозаическая – не полеты на небо, а старание удержаться на земле и не упасть еще ниже. ... [...].

В чем же я разочаровался? Увы, список этот не короток: я разочаровался в своем литературном даре, в способности философского понимания, разочаровался в том, что истина всегда привлекательнее заблуждения, и что сострадание и милосердие способны доказать, что они выше истины... я разочаровался даже в разочаровании.

Ты – мой доктор, и я перечитываю твое небольшое письмо словно пью лекарство, поэтому и в моем письме, надеюсь, еще появятся новые строки, доказывающие, что я еще жив, и что уныние меня еще не до конца поглотило. [...].

Спасибо, моя радость, за поддержку. Засыпаю, надеюсь, что ночью приснятся светлые сны.

Понедельник, 15 ноября, середина дня. Я болен, и отлеживаюсь в "хате". До кассационного суда осталось всего три недели, и надо сопротивляться проидам всякой нечистой силы, от вирусов до темных сил, заложенных в нас еще с грехопадения Адама (или Евы?). [Да и вирусы, будто бы, проникли в нас именно тогда, ибо, как пишет апостол Павел, «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть», а следовательно, именно тогда в человека проникло *тление*, то есть проникли в человека бактерии и вирусы. Следовательно, хвори мои – следствие духовного падения. Душа больна, поэтому и тело немощно.]

Как еще Адамово грехопадение предопределило (будто бы) все последующие бедствия человечества (и грехи, и слабости, и пороки, и преступления и болезни), так должно бы и мои бедствия предопределить какое-то мое главное исходное падение, и я искренне ищущего, чтобы на его преодолении построить свою жизненную философию.

Впрочем, я уже давно доказал, что не могу быть слишком плохим, ибо *ангелы меня любят*. Меня *любит* Ника, не-оспоримый *ангел* (смотрю на её рисунок, где нарисовано солнышко и на нем написано "Вася", и умиляюсь); *меня любят* В-ка, И-на и А-а – тоже *ангелы*, только слегка разбавленные *человеческим* (впрочем, женщины все имеют в себе от *ангельского* рода, ибо в детстве играли в куклы, проповедуя жизнь, а мужчины все имеют в себе от *демонского* рода, ибо не только играют в войну, но и воюют).

Правда, я пал духом, и немощи одолевают, и музыка мира прерывается дьявольской какофонией, и гармония бытия прорастает хаосом. И все же, когда окажемся мы на свободе, я воскликну: наши невзгоды были столь незначительны, что не стоит о них вспоминать...

... Перечитываю твоё письмо. Ты пишешь «...мечтаю о том, чтобы Бог был. Тогда им всем достанется.»

Ах, моя нежная ласточка, твоё сочувствие меня согревает, но чего ожидать от Бога, сочувствия ли? Ибо ревностный ученик его пишет: «... по мере того, как умножаются в нас страдания ... умножается ... и утешение наше».

Отчего в христианском учении так умалена женщина, и «лучше человеку не прикасаться к женщине»? Да оттого, что мужчина несет в мир насилие, а женщина – милосердие, сострадание, нежность – и в материнской любви, и в любви возлюбленных. Поэтому я себе говорю: если *женщина* меня не оставит, то вот тогда-то точно **им** всем достанется"! Поэтому в трудную минуту обращаюсь я к Богородице, но не к Богу-Отцу, грозному устроителю мира, изгнавшему из дому своих детей только за то, что они посмели поцеловаться (а, может быть, еще только помыслить о поцелуе).

И действительно, я вижу, что самые милые и женственные из женщин на моей стороне, начиная от домашних и родных, и кончая подругами, и любовью-нежностью, любовь сестринская и та любовь, которая «словно бы во сне» соединяет нас независимо от видимой жизни.

... И-на предполагала принести нам в субботу небольшую передачу; вкушая ее дары, мы будем к вам причащаться. Хотя вы и *раздельны* (в отличие от Божественной Троицы), но одновременно вы отчасти *слиянны*, и существуете словно одна моя подруга.

Вот так же и я сам бываю то раздвоен, то расстроен и чуть ли не четвертован, как и революционер Герцен был двойствен, и даже западник Чаадаев; можно сказать, что раскол внутри русского человека является чуть ли не сердцевинной русской идеи. [...]

[И-не.] **16 ноября, вторник.** Здравствуй, миленькая И-чка! ... стараюсь укрепить свой дух, который был ослаблен в последнее время, пишу письма, спорю с "божественными" переводчиками (ибо Бог говорит на языке, неясном для большинства, поэтому те, кто понимает Его язык, пересказывают речи Его остальным – вот только правильно ли и полно они сами Его понимают?).

Впрочем, спор с "божественными" переводчиками не помогает, и оттого что я более прав, чем апостол Павел, мне не легче; пока они живут в своем "божественном" ослеплении, они счастливы, как и все пророки и проповедники, воины и революционеры, монахи и святые – они посвящают жизнь свою Богу, и даже если умирают в тюрьме или на эшафоте, с Богом их разлучить никто не может.

Но мы, люди эллинской и европейской культуры, для которых на первом месте семья, друзья, история и культура, свой народ, призвание и цель бытия – не можем быть счастливы, когда болеют дети, когда болен народ, унижен дух и отнята свобода. Увы, мне не помогает не только спор с апостолами, но даже диалог с Богом – и только любовь близких мне помогает, и я верю, что преодолю болезнь и плен, и скоро мы встретимся на свободе.

Но опущусь от философской патетики на нашу хотя и грешную, но

милую землю... Твою помощь "натурой" мы получили, и я понял, что "не духом единым жив человек", но и всяким приношением, которое не только для питания плоти, но и для причастия любви.

Что же до кавычек в слове "натура", то разрешение этого вопроса требует специального семинара в уютной обстановке с красным вином в хрустальных бокалах, и яичницы с ветчиной, помидорами, сыром и зеленью. Вино за мною, а яичницу придется жарить тебе. [...].

Валюшке посылаю нежный привет, обещаю, что меня скоро "восстановят" и впредь я буду вести себя хорошо, чтобы меня больше не увольняли... Песенник постараюсь раздобыть к нашей встрече, но сам, увы, смогу лишь подпевать. Какие мы будем счастливые, когда слегка напьемся (но не в полную силу)!

[...].. Были ли вы в этом году (30 октября) на кладбище, где покоятся жертвы безжалостного режима? Вот он! – подлинно мученики, а мы – баловни судьбы.

Целую и нежно и крепко, преданный и любящий Васенька.

[от А.] 20. 11. 04. Дорогой Василий Иванович! Вообще-то надо варить картошку. Но Вася купил ручки. Прежние растерялись. И я давно ничего не писала. Пока искала чистую бумагу в кладовке, нашла свою записную книжку с романсами, а в ней *роман*, причем мой собственный в 2-х письмах; одно из них (неужели это я писала?) полно признаний и т. п., а другое уже с одним признанием, что любовь не вышла. Даты нет. Кому – можно только догадываться. Сколько слез сердца упало на песок!.. И ничего...

Пока шла с Машиных занятий, пришла в голову мысль о Вашем романе для гимназисток. Забудьте мои советы. У меня у самой есть приятель, который, увидев моих дев с растрепанными волосами и чувствами (на вазах) сказал, что надо наделать из глины горшков по 10 рублей, обжечь и выгодно продать.. Буду ли я склонять Вас к "литературным горшкам"? Пишите власть Ваших растрепанных дев, чувства и т. д., ибо только так Вам станет легче и только это Вас удовлетворит. А бедным читательницам останется только догадываться: по каким улицам вы шли, какие львы завистливо смотрели вам вслед и что *на ней* было надето (и что тогда носили?), что она любила больше всего и с каким вареньем, была близорука или видела за версту, что ее волновало (кроме запудриванья мозгов)...

Милый мой Василий Иванович, я дама бедная и вкус у меня не велик, но когда я вижу какую-то особенно удачную тряпку, мне хочется присочинить к ней какие-то приключения, встречи и т. д. Да только ли тряпки (отрада жизни), брошки и булавки, прикалывающие мужские сердца и заставляющие женские мучиться ревностью?

Теперь плавно переходим к В-ке, ибо рама вещей необыкновенно подходила к ней (если мы примем В-ку за картину). Вспомним, например, их огромную с И-ой комнату. С двумя огромными окнами на Канал и Собор. И зеркало старинное во весь простенок. Несмотря на хаос вокруг,

все тропинки в этой комнате вели к нему, с ним советовались, ему доверяли, в нем отражались две похитительницы сердец, несравненные. Что им до мрачных колонн или до серой воды решетки, где бродит тень Настеньки из "Белых ночей"? Они вечно куда-то собираются и у них всегда праздник, неожиданные и ожидаемые гости.

Но это только зеркало, а лампа на кухне, а Ваш уголок у окна, и количество стаканов чая, которые Вы выпивали!.. (для западных читателей не указывайте).

А еще там пахло душистым перцем, особенно при входе, а может еще за дверями. У нас дома перец не употребляли, и я думала, что это особенный запах их квартиры.

Ну, вот пока и все. Еще я подумала, что все придумывают себе идеальных возлюбленных. И чем возвышеннее их черты, и чем слабее наше умение разбираться в себе и других, тем больше падать с заоблачных высот, и синяки и шишки хуже заживают. Но если мы сознательно хотим себя обманывать, то тут уж чем возвышеннее и причудливее творение нашего воображения, тем лучше. Но если мы хотим этой иллюзией заразить, заставить их поверить в благородство, изящество, небываемые чувства, события, страсти, нужен маленький мостик в реальность. Мы же не Золя какие-нибудь. Он, пожалуй, подробно описал бы устройство паровоза, который задавил Анну Каренину...

Я бы написала о том, как она завязывает шарфик (сама никогда так не научилась). Про улыбку (это уже не выдумки). А про ее глаза! (через строчку). Вот ведь где собака зарыта, вот где начало начал! Все дело в глазах. А как она спокойна! Стоит вот так, и всё!!

Еще милые истории: «Я болела, а он приходит в больницу, а я выхожу вся желтая (желтуха)»; или – «он такой милый, а у меня ячмень на глазу, и глаз заплыл совсем, а он такой милый, апельсины принес». Они все жутко милые. Со стороны – ничего особенного. Да, она близорука и мечтательна. Но рядом с нею они вдруг становятся рыцарями хоть на час, и на колени становятся, и цветы несут, и ее саму на руках носят. Вот это жизнь! Я еще до сих пор ей слегка завидую. А вот если бы это был роман, то я бы думала так: у нее шарфик, и у меня шарфик, у нее глаза, и у меня (надо только получше покрасить, и все графы и бароны – тинэйджеры, хиппи, пánки – у моих ног.) Ведь и Ариадна и Лика – редкие явления, а мы до сих пор упиваемся и будем упиваться – «кукуруза души моей», «крокодил моего сердца»...

Чего нам не хватает – любви, поклонения, страсти? Но любовь проходит, поклонники надоедают или уходят поклоняться другим, а страсти (но об этом лучше не надо)...

Нам не хватает вечных страстей и вечной любви, – того, что есть на любой книжной полке, а наскучит – рядом еще более нестареющая и возвышенная драма и мы ее герои, путешественники во времени и пространстве, молодые и красивые...

По радио передают Тургенева. Как часто он восхвалял чужих возлюбленных! О, классик, как я тебя понимаю!

* * * * *

В. И., а помните, я прихожу к своей любимой В-ке, а Вы сидите у нее перед дверью и воркуете как голубь – оказывается, её мама запретила вам встречаться – учителю и ученице – а чтобы запрет был действенным, уходя на работу, закрыла дверь квартиры на ключ? А потом приходит И-на со своим кавалером, им запретили встречаться тоже, и мы вместе с пленницей составили клуб заговорщиков... Вообще-то И-на не одобряла Ваш роман, но так как и сама нарушала мамины запреты, то смотрела на Ваши приставания к В-ке сквозь пальцы, тем более что и не принимала Вас всерьез, а так, вроде голубя в человеческом облике. Я потом, прочитав Ваши безумные письма к неверной возлюбленной (а не было ли ей тогда всего четырнадцать лет? – да она же ничего и не понимала в Ваших страданиях, ей это все казалось игрой, я думаю!), очень удивилась, хотя и сама писала письма тоже... Ну, о них никто не узнает...

Странно всё это, и воистину, жизнь не вместишь в формулу, хотя Вы и математик.

Удивилась я еще и тому, когда узнала, что их мама, В-ки и И-ны, познакомилась с Вами еще в пору Ваших первых приключений в овладении социалистической премудростью – и несмотря на это, продолжала с Вами знакомство, и даже разрешала Вашу дружбу со своими дочерьми (хотя и закрывала благоразумно дверь квартиры на ключ).

Хорошо, что жизнь не кончается, а может быть она даже вечна... как и роман...

Ваша А., ноябрь 2004 г.

ЖИЗНЬ КАК ЛИТЕРАТУРА “СЛУЖЕБНЫЕ РОМАНЫ”

Разбирал папки со старыми рукописями и письмами, и две привлекли мое особенное внимание: на одной было написано – “Другая любовь”, на другой – “Другая математика”. В ней хранились сочинения, письма и записки моих студенток.

Возможно, если бы я просто переписал эти письма, и снабдил их примечаниями, то они составили бы совсем другой сборник рассказов, нежели нынешняя “Метафизика любви”; а, впрочем, романтические отношения с моими милыми слушательницами разве и не были подлинной Метафизикой?!

Отношения “учителя и ученицы” сопровождали меня всю мою жизнь, только в них я влюблялся, находил ли я их в классе, в аудитории, в вагоне электрички или на улице, влюблялся ли я с первого взгляда или со второго, была ли она красавицей или дурнушкой. Если она начинала меня слушать, она преображалась, и я с изумлением видел превращение золушки в принцессу.

Сначала я влюблялся в одноклассниц, они были наивными девочками, а я «подавал надежды» и на поприще литературы (в нашей глухой провинции, где, однако же, лучшие свои годы провели и “принцесса датская”, и племянница греческой королевы, и знаменитая певица, и будущие ученые и поэты), и на поприще математики – посему естественно, что я учил их литературе и математике, а они меня учили вздыхать и краснеть...

Ну а уж когда я стал преподавать математику в школе, я окончательно превратил ее из цепи силлогизмов в «струящийся поток признаний», по выражению Саши Михайлова...

Сначала я был самонадеян и молод, и может быть за это меня любили. Самой юной возлюбленной было четырнадцать лет; блюстители нравов не уловили нас в свои сети только потому, что наша любовь была квадратурой круга и трисекцией угла, она была подобна корню мнимой единице или треугольнику, каждая сторона которого была больше суммы двух других сторон.

Уроки математики заменяли нам «прогулки при луне», вздохи и обьятия. Мы устраивали целые представления из наших любовных встреч и признаний: я садился за парту, а *она* выходила к доске, вызывала отвечать своих товарищей, ставила им отметки и обьясняла задания. О, она была строгой учительницей, и ее одноклассники облегченно вздыхали, когда я сам возвращался к доске.

Постепенно мои ученицы выросли, понемногу выросел и я, но вел себя все так же безумно. Как мне всё это сходило с рук? Возможно, причина моей безнаказанности состояла в том, что и начальство меня любило...

Впрочем, наши романы были невинны. Если моей возлюбленной было четырнадцать лет; то я был не старше семи. Как жаль, что я не стал музыкантом, потому что даже стихи слишком грубы, чтобы передать невесомое притяжение наших душ.

А что об этом думали и писали мои студентки?

«...А Вы знаете, почему я иногда несусь на лекцию по математике сломя голову? Конечно же, Вы знаете, ведь это происходит по той же самой причине, по которой и Вы так же спешите на эти уроки.

Вы – удивительный человек и для нас не просто преподаватель. Может быть, Вы и не вложили в наши головы какие-нибудь безумно сложные формулы или теоремы, но это ли важно? Вы дали нам гораздо больше...

А любовь... любовь единственное вечное чувство, единственный смысл жизни и единственное спасение.

... И если когда-то память о нас износится и исчезнет, то останется любовь.»

«Дорогой В. И., мне очень жаль, что Вы так несчастны. Конечно, я могла бы Вам рассказать о своих горестях, но это займет много времени и вряд ли Вас сможет утешить. Любовь играет нашими сердцами и душами: Вам кажется, что Вас не любят, а я страдаю от Вашего равнодушия. Почему Ваше внимание обращено к жестоким и неблагодарным особам? Я не упрекаю Вас... Но я храню фантики от конфет, которыми Вы нас угощали... Вот пример безответной, но искренней любви. Оцените ее.»

«В. И.! Вы ни в коем случае не должны бегать за девушками, даже за самыми колдовскими ведьмами или самыми милыми феями. Такие мужчины, как Вы, появляются в жизни любой женщины только один раз в жизни. ...они сами за Вами побегут, станут бросать Вам под ноги цветы и свои молодые горячие сердца.

Я люблю Вас бескорыстно, но все же поставьте мне хотя бы четыре за мою преданность и старания!»

«Никто не сможет ответить на вопрос, что такое любовь. И я уверена, что это замечательно.

Я люблю Вас просто за то, что я Вас люблю...»

«Васенька, я тебя люблю!»

«Разрешите поблагодарить Вас и за прекрасные лекции, и за то удивительное чувство любви, которое Вы к нам испытываете. Мы отвечаем Вам взаимностью.

Без Вас мы будем очень скучать. Не забывайте нас!»

«Я всегда относилась к математике равнодушно, но благодаря Вам она на глазах превращается в науку парадоксальную и не предсказуемую.

Желаю Вам удачи во всем. Влюбляйтесь еще и постарайтесь не страдать.»

Не помогла мне математика избежать столкновения с финским трейлером, когда я чудом остался жив, растеряв на стометровом пути столкновения книги и закуску, хотя и с невредимой бутылкой водки в одной руке и хрустальной вазой в другой! Не помогла разбогатеть, стать известным или приобрести власть... Конечно, нет! Но зато благодаря математике мне легче было стать человеком, и уж по крайней мере, она помогает быть глубже, оригинальнее и, как видите, даже привлекать сердца, чему подтверждением может служить еще и следующее стихотворение (хотя и критическое по отношению к математике):

В. И. от любящей студентки

Какая скука эти векторы и функции!
Они не весят на весах души ни унции.
Не лучше ли, крылатый друг Пегас,
Нам поскакать немедленно на Парнас?
Там любоваться ножкой стройной музы,
Служить ей весело, не видя в том обузы,
Вкушая с негой страстных рифм симфонию,
И поверяя алгеброй гармонию?

Да, некоторые девочки присылали мне стихи, одна представила развернутое сочинение с анализом моих «Волшебных историй»... Но я слишком бы отступил от настоящего сборника, если бы поместил в нем ее сочинение. Возможно, когда я совсем откажусь от придуманной литературы, то вернусь и к письмам моих учениц, и к ее рецензии на мои писания. Пока же сообщаю только ее вывод (сквозящий между строк) – хотя я и люблю В. И., [и он мой друг], но подлинная жизнь мне дороже литературных выдумок.

Надо сознаться, конечно, что мои правдивые рассказы – не более чем фантастические истории, в которые вмонтированы крупницы действительности. Литература, конечно, не должна копировать жизнь, но не может ведь она совсем отречься от жизни?

Так что подлинная «Метафизика любви» еще впереди.

Многое, о чем я и хотел написать, мне еще написать не по силам. Разве в «Любви под открытым небом» все было только бесплотное? Разве не страдала и не безумствовала в нас плоть? Но я не смог о ней написать.

Тканью повествования являются *события*. Но и то, что происходит в воображении, разве не должно быть частью повествования? Наши сны, которые являются к нам не случайно ... Наши мечты, которые мы сочиняем себе, засыпая... Наши желания и наши надежды...

И еще на прощанье история, совершенно правдивая.

9 июня 199.. г. С утра был экзамен в группе первого курса, где почти одни только барышни. Шел мелкий дождик, у выхода из метро стояла Саша в ожидании подруги, я уверил ее, что подруга уже в институте, и мы под зонтиком вдвоем пошли на экзамен; потом и с экзамена тоже шли под зонтиком вдвоем. "Спектакль" продолжался с одиннадцати до часу.

(Ах, какие великолепные розы в черном кувшине на письменном столе! Пунцовые, громадные, благоухающие!).

Экзамен описать невозможно, его надо увидеть. Словно незримые нити связывали нас, и мои *ученицы* решали задачи, бросали *взоры*, волновались, надеялись, сомневались и верили, и были такие милые!

Разве я заставлял их отвечать по билету? Они старались, что-то писали, а я раздавал им отметки как конфеты. А потом поехали ко мне домой, и сидели у самовара, и объяснялись в любви, и даже целовались. А в лифте не со мною ли целовалась одна из учениц – и что она теперь думает и обо мне, и о поцелуях? Кажется, любовь наша была взаимна, и я хотел обнять их всех и замереть в восторге, и они, чертовки, обнимали меня тоже. И даже мальчишки говорили мне комплименты. (*А розы, громадные пунцовые розы смотрят на меня и благоухают*).

Если бы я ухаживал за одной из них, и пользовался ее расположением, я не удивлялся бы теперь так сильно, и не восторгался бы так – но я ухаживал сразу за всеми, и как вино в бокалы, каждой наливал внимания, улыбок, симпатии, и каждая отдала внимания мне – и вот это-то и удивительно и прекрасно, что оказались соединены в поэтическом порыве мы все. Мы слушали музыку. Читали стихи. Разговаривали. Я подарил им свои книги. Рассказывал о необыкновенных людях, с которыми был знаком... Мы были в веселом ошеломлении, и пережили сегодня счастливые минуты... "Я вас всех люблю, и как жаль, что мы уже расстаемся!" – сказал я им на прощание. И я уже скучаю без них.

СМЫСЛ И СОДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня, завершая некоторую эпоху в своих попытках понять смысл и содержание окружающего мира, я пребываю в горестном недоумении. Не вертихвостки тому виною, хотя по-прежнему Любовь в центре моей жизни – о, насколько я был счастливее, когда только в них сосредоточивалось счастье мое или страдание!

Смысл моей жизни состоит и сегодня в любви, и не во всем она изменилась, и не могу сказать, что девушки меня уже не привлекают, или не так, как сорок лет назад – нет, почти все так же и то же, как и тогда – и все же я изменился... хотя и тогда я вмещал не одно "человеческое, только человеческое"... и тогда восклицал я подчас: подожди с поцелуями, я сначала прочитаю тебе кое-что из Фихте... и тогда, когда мне было двадцать, мы встречались иногда лишь затем, чтобы я объяснил ей понятие равномерной непрерывности или особого решения в уравнении Клеро... да, разве и тогда не пытался я объяснить своей возлюбленной, что поцелуи греховны, ибо "Бог есть любовь", и посему нам следует перестать целоваться? Да, тогда я был эгоцентричен, я находился в центре любовной вселенной, планеты и девушки должны были вращаться вокруг меня.

Я словно всходил в течение десятилетий на некую высокую гору, но при этом держал за руку доверчивую слушательницу; она мне помогала всходить. Я закинал:

До последнего вздоха:

Бог, Россия, любовь! –

но, увы, чувствовал, что

Ни России, ни Богу

До меня дела нет.

Женщина меня любила гораздо больше – было ли ей шесть лет, шестнадцать или она уже не помнила возраст. Что же до России, то:

Семнадцать лет тащусь то сбоку, то по краю.

Россия, жизнь моя, гуляет или спит.

Чем жив человек, что наполняет его жизнь, в чем состоят его главные переживания и устремления?

Ответить на этот вопрос легко, надо лишь взглянуть на то, что лежит в центре культуры, что ее скрепляет, как позвоночник скрепляет тело человека.

В центре романа и трагедии – *любовная драма*, таков театр Шекспира, Лопе де Веги, Кальдерона; любовная драма лежит в основе эпических Сказаний о Гильгамеше, эпосов Рамаяны и Махабхараты, Одиссеи и Илиады Гомера, Песни о Нибелунгах, древнегреческих трагедий, она – источник лирической поэзии, стихов Байрона, Пушкина, Лермонтова, Эдгара По, великой русской поэзии 19-го и 20-го веков.

О любви – русский романс и русская песня, да, вероятно, и европейская песня от средних веков до наших дней, и образы Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Эльзы и Лознгрена, Манон Леско и "Дамы с камелиями" знакомы каждой девочке уже со школы.

Это главное и основное чувство, одухотворяющее человека – таково общее убеждение почти каждого из нас сегодня.

И конечно, говоря о любви, мужчина и женщина подразумевают прежде всего свои взаимные отношения, особое притяжение, которое существует между полами.

Но разве мы только вдвоем, разве вся любовь сосредоточена лишь в той полосе, где *он* и *она* существуют только друг для друга?

Нет, и наши взаимные отношения продолжаются и упрочиваются лишь с появлением третьего, и каждый из нас – не сам по себе, а часть того целого, которое является результатом любовного помешательства двух.

Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда – словно бы законченные в себе мироздания, в которых время начинается и заканчивается, но эти миры не входят в жизнь как часть целого, они самодовлеющи, они – инобытие исторического существования. Жизнь продолжается там, где они уже преобразенны, где река любовной страсти впадает в море, образующее семью и национальность, Род и Народ.

Разнообразные формы любви, скрепляющей семью, соединяющей человека с Родиной, истекают из того же "особого притяжения", которое существует между полами.

Вот так же Волга, протекающая мимо Астрахани, та же, что течет и мимо Твери.

Но текут и другие реки, например Иртыш, где мой предок сражался бок о бок с Ермаком. Их соединяло *товарищество*, или дружба – не то же ли это чувство, которое соединяло Христа с его учениками?

Всякая земная *привязанность* (товарищество или любовь) *избирательна*, и только *жалость* всеобща.

Христианство, устами апостола Павла воспевшее *небесную любовь*, противопоставило ее всем разновидностям *земной* любви, которые нас возвышают, подвигают на жертвы, вдохновляют на творчество, иногда мучают, но приносят полноту жизни.

"Ты меня любишь?" – спрашиваю я маленькую Юлечку, которую ее мама сдала в приют, и кроткое дитя робко кивает мне в ответ – но не потому, что я испытываю к ней бесплотную "любовь к ближнему", а потому что я ее *жалею* и о ней (хотя и немного) забочусь.

Жизнь бедна и пустынна, если отдельный существует сам для себя, отдельно от "рода", "товарищества", народа и культуры. Следовательно, именно они наполняют жизнь, в них состоят главные переживания и устремления человека. Но только через любовь они становятся одухотворенны. Только что же это за Любовь?

Вчера в театре я влюбился. Она сидела в маленьком проеме гардероба на стойке, прижав колени, и я рассказал ей историю о десятилетней девочке, которая поразила меня восемь лет назад на небольшой станции в Сибири. Наш поезд стоял пять минут, она подошла и сказала: *дяденька, дайте денежку на хлеб!*

Я дал ей десять рублей, потом спохватился, что дал слишком мало, стал ее искать, но ее уже не было. Поезд тронулся, и я увидел, что она сидит в проеме ларька, поджав колени. Через год я проезжал, ее не было, но торговкам на платформе я передал пряники, конфеты и деньги. Еще через год я познакомился с начальником станции и прислал поездом ему посылку для Жанны. Затем я писал ей письма, вкладывая «денежку» в конверт, и она ответила, что родители эти деньги пропивают, и не надо их посылать. Потом я послал ей еще посылку (ей уже было 14 лет), в том числе джинсы, и она была СЧАСТЛИВА, так она мне написала. Какая любовь может сравниться с той пронзенностью сердца, когда дитя попросило у меня соучастия?!

Вот в чем дело: меня наполняет не любовь, а – сострадание, нежность, восхищение красотой, уязвленность несправедливостью жизни. Преображение мира – вот моя мечта, для этого я ожидаю шестикрылого Серафима, для этого требую у Бога гениальности.

И я еще напишу КНИГУ, которая поможет защитить «униженных и оскорбленных».

Любовь, даже та, о которой пишет так вдохновенно и возвышенно апостол Павел, меркнет, когда душа уязвлена *состраданием*.

Но, быть может, у читателя свои представления о любви, своя МЕТАФИЗИКА...

Я все удивлялся, сколько чепухи в литературе! – ну а жизнь не состоит ли и сама по большей части из чепухи? Я не говорю о ежедневной рутине – труда, быта, вынужденного общения с ненужными людьми, т. е. не говорю о том, что от нас почти не зависит – но и помимо этого, и в том, в чем мы свободны, не тратим ли мы и эту малую свободу зазря? Поэтому-то, может быть, глубоко-мысленные люди – писатели, поэты, теоретики – впали в

серьезное заблуждение – стремясь как будто к правде, помнили, что литература должна наблюдать и *отражать* жизнь как зеркало, и раз жизнь почти вся из чепухи, то и литература должна быть такою же, и состоять из необработанного сырья – потока мыслей, слов, ощущений.... Но ведь сады и парки не копируют лес, а являются его *преображением*; человеческое жилище не повторяет нору и гнездо; скульптура, живопись, музыка – *преображены*. Даже такой неотесанный поэт, как Маяковский, не просто брал палку или камень, чтобы глушить "контру", а корпел над ними (*из руды добывая радий*), чтобы палка и камень в гораздо большей степени отвечали его намерениям – ломать, бить, крушить. Творчество как преобразование – мучительно! Как будто участок леса, да еще усыпанный валунами, готовишь под пашню. Конечно, бывают мгновения сверхъестественной легкости, называемые вдохновением, но, быть может, и они – результат усилий – как самородок, явившийся старателям? Кое-что мне удалось написать за много лет, но... честно говоря, от большей части написанного мне неловко... Правда – тщеславный человек – не могу и отказаться от хотя и не всегда вдохновенных, но мучительных стараний своих. Если в литературе, быть может, и ничего не удалось, что было бы подобно преобразению каменистого пустыря в пашню, то в жизни такие мгновения все же случались – но как трудно перетащить их из временного во вневременное! И мучаюсь, и десятилетиями помню – улыбку, преобразившую дурнушку в красавицу; мимоходом сказанные слова при встрече "Здравствуй, учитель!"; взгляд из окна проходящего навстречу поезда...

Жизнь состояла, быть может, совсем из другого, гораздо более весомого – как гранит, а эти не уходящие из памяти мгновения совсем ничего не значили... Так значимы хлеб и вино и незначимо ожерелье на шее или колокольчик, вплетенный в волосы...

ПИСЬМА ОТ ТАЙНОЙ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ

3 ноября, четверг. В. И.! Мое письмо, надеюсь, будет если не первым, то последним в нашей НЕВЛЮБЛЕННОЙ переписке.

Вы любите только себя! – вот главный вывод из нашего не слишком продолжительного, к счастью, знакомства. Правда, я не буду читать Ваши книги, того, что я узнала, мне достаточно. Да и другим они не нужны, ни юным, ни умудренным жизненным опытом. Что Вы можете предложить? Вы скажете, что и Дон-Кихоту нечего было предложить миру, кроме безумия, и Дон-Жуану, кроме неумейной страсти – но мир их и не принял, это предложили Сервантес и Пушкин (хотя не он первый). *Ни власти, ни богатства, ни признания?* И этим Вы хотели купить девушку? Нет, как раз напротив, если бы вы попытались меня купить, или взять силой, или обольстить мишурой славы, возможно, Вам что-нибудь бы и удалось. И напрасно у Вас нет ни того, ни другого, даже *просто* читатель не раскроет Ваших книг. Зачем? Чтобы чему-нибудь научиться? Самолюбованию? Если бы Вы написали о том, как покоряли космос, или поднимали восстание с горсткой храбрецов, или строили монастырь, книги Ваши были бы интересны, даже если бы Вы себя восхваляли, даже если бы они были хуже написаны, чем, якобы, пишете Вы, читатель бы тоже нашелся!

Жизнь Ваша и Ваши мечты потерпели фиаско, Вы никому не нужны. И новые книги будете писать зря, их никто не прочитает ...

Вы гений? А нужны ли *просто гении*, вне физики или математики?

И последнее. Вы дерзаете учить других, а сами еще в поисках. Вы дерзаете лечить больное общество, а не можете избавиться от собственных болезней. Что покоряет девушку? Молодость, красота, дерзость, деньги, или хотя бы надежды на будущее. А что есть у Вас?

Вернитесь *на белом коне*! Тогда, может быть, и я выбегу Вам навстречу.

И все-таки я Вам пишу. Пусть и признание в НЕ! Возможно, маленьким девочкам снятся иррациональные сны, возможно, их осколки и в юности задевают за сердце... Что никто до конца себя не знает, в этом Вы правы. Не буду уверять, что не хотела Вас обидеть. Думаю, мы не увидимся больше. Да и зачем? Я Вас не люблю, не жалею... Вы даже вызываете во мне ярость.

4 ноября, пятница. Я все же прочитала вашу третью книгу, и ярость меня наполняет еще больше, так что хотя и поклялась я больше не иметь с вами дела, но не выдержала... Мои обличения вряд ли изменят ваши намерения, и вы еще вставите в эту книгу и мои письма, с вас станется. Но да черт с вами!

Чтобы быть убедительной, буду искренней, более искренней, чем вы. Конечно, одна из причин моей ярости состоит в том, что вы исключили меня из числа своих друзей, и это задело мое самолюбие. Ну, конечно, как вы могли написать обо мне, если наше знакомство портило ту икону, которую вы из себя состряпали? Разве вы были ангелом? Разве не стремились и вы к тому же, что и другие, и, возможно, только к тому же?

Нет, мой милый, меня вам обмануть не удастся! А ведь только я и могла бы стать вам ближе, гораздо ближе других – но мне не достаточно вздохов и снов, я и сама умею мечтать. Я была душой, я вдруг стала надеяться, что вы и вправду гений, и будете знаменит, и я вместе с вами! Но ваши книги все больше и больше меня разочаровывали, а эта – привела в бешенство. Кто ее будет читать? Сегодня и четырнадцатилетние девочки видят сны совсем о других похождениях, и к другому стремятся, и мечтают не в кибитке в Сибирь за неудавшимися Бонапартами, а в золоте и в парче и в окружении поклонников!

Но дело даже не в содержании книги, а в том главном, что и является критерием литературности, то есть в форме.

Что у вас получилось? Дневник гимназиста, Надсон двадцать первого века, скучно и бессюжетно. Нет ни фабулы, ни развязки, нет даже философии, как в вашей выпрненной Металогике! Говорить вы умеете лучше, обольщаете как соловей, в пору заслушаться и голову потерять...

Тургеневские письма печатают и читают потому, что он перед тем написал «Записки охотника» и «Вешние воды», и стал знаменит, и не только в России. И даже Есенин, при всей талантливости, привлекает сердца еще и своими скандалами, своей танцовщицей и трагической смертью! Лермонтова и Пушкина убили, и хотя их гениальность в них главное, но в вас нет ни гения их, ни их трагедии.

Боже мой, вы даже до сих пор живы! Как вам не стыдно!

Я не пытаюсь оценивать вас и ваше поведение с позиций нравственности, вы, возможно, и вправду лучше многих (как я их теперь узнала), но вы претендовали не на святость, а на литературный талант – где же он? Вы ухлопали три года жизни на *жизнь как литературу* – но не получилось ни того ни другого. Мне жаль. Если и вправду когда-то небесные силы вас избрали, то – опомнитесь! Еще есть время. Напишите! Но не письма девочкам, которые их не читают, а ... не знаю что, ведь это не я должна писать, а вы! Вы и действительно талантливее других, но вам нужно сжечь большую часть написанного, и начать почти с чистого листа. Тогда, возможно, что-нибудь и получится.

Тогда, возможно, и я еще ... Хотите меня завоевать? Я даю вам последний шанс...

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Закончить все три книги «Метафизики Любви» следовало бы, кажется, стихами, в них – последняя попытка оправдаться – перед собою, перед друзьями, перед родными, перед... Но:

Прощаюсь с стихосложением. Ветер,
Вздывавший волны стиха, стихает.
Опадают листья октябрьского леса.

Да и недостаточно одних стихов, нужна еще «философия». Друзья и родные – а именно из их круга мои читатели – мою Метафизику не принимают потому, что я уже давно, по их мнению, должен был «перебеситься» и остепениться, любовные страсти, думают они, удел юности, а позже они предосудительны. Ну а другие писатели и поэты, хотя бы Тургенев? Возможно, Тургенев писал не про себя, а придумывал своих героев и героинь – но оправдывает ли маститого писателя, что он воображает так живо вздохи и поцелуи (и, возможно, что-нибудь и еще), как будто они происходят с ним? Христианин и в молодости не должен бы писать о любви к девицам, ибо «истинно человеку не прикасаться к женщине» и не воспаляться – а чем же является литература как не воспалением страсти? Литература – уже *антихристианка*, любовь между мужчиной и женщиной – ее основная фабула, а не смирение, покаяние, молитва, и даже когда герои встречаются в церкви, соединяет их не религиозный экстаз (в Красном и черном Стендаля). Нельзя меня одного обвинять в порочности, обеляя любого «деятельного» человека, влюбленного или нет, ибо «деятельность» – это и есть отступление от завета отряхнуть прах мира от ступней своих.

Я не христианин – ну а вы, те, кто не ушел в монастырь? Надо отрешиться от страстей, не пытаться переделывать мир, а вы?

Да отрешился ли от страстей сам Иисус Христос, был ли он бесстрастен, разве не пришел Он в мир спасти его, то есть *переделать*, разве же бесстрастен и любил одинаково всех, избрав Учеников и не выйдя на встречу даже с матерью, ибо Его ученики заменяли ему родных, как Он сам сказал? Последователи его учения не уподобляются Христу, ибо тот и лечил, и

проповедовал, и спасал, и обличал, и вступил в распрю с иудаизмом и государством, то есть был полной противоположностью законопослушным христианам, и хотя говорил, что пришел не нарушить закон, а лишь подтвердить его, но ни от закона ни от государства не осталось ничего кроме воспоминаний, там, где христианство восторжествовало. (Правда, потому, что не все христиане *удалились* от мира). Впрочем, об этом учении, смысл которого в любви только к Богу и к своей спасаемой душе (ибо чем еще должен заниматься истинный христианин?) говорить в моей Метафизике, пронизанной любовью не только к девицам, но и к поэзии, языку, России, пронизанной ненавистью к шайке узурпаторов власти и богатств – не уместно.

Зачем написаны книги Метафизики? Они писались целую жизнь. Я их соединил в целое (хотя в них не все едино), потому что главным чувством в них является влюбленность в женскую красоту и изящество, в женскую привлекательность. Опыяние женщиной – двигатель моей жизни и моей поэзии и поэтической прозы. Чем я отличаюсь от остальных мужчин, из коих большинство – тоже пьяницы, как и я? Тем, что я ощущаю и воспеваю вкус и аромат вина, тем, что именно во мне вино достигает своего подлинного и полного предназначения! И даже когда я предложил восхитительной пить в *подворотне* шампанское (впервые столкнувшись с нею на лестнице и ошеломленный ее красотой) – я пел песнь женщине!

Но, увы, и книги Метафизики – лишь малая часть того, что во мне кипело и сверкало при соприкосновении с женщиной. А мои юношеские влюбленности? И более поздние безумные романы? О них я не написал, а в них все то мое, что не вместилось на этих страницах. Не надо себя обструивать под какую бы то ни было теорию. Надо жить полно, всходя на вершины духа. А что будет потом, мы все не знаем. И я не знаю, зачем я написал Метафизику. Возможно, лишь затем, чтобы доказать хозяевам жизни, даже когда они сотрут меня в пыль, что их возвышение в ничтожном обществе и вся их власть и все их деньги – ничто в сравнении с тем, что меня, нищего и бесславного, *любили прекрасные девушки* – и поэтому я *выше* возвышения «хозяев жизни», ибо меня – *Любили!*

21 сент. 20. Замечание при редактировании. В искусстве присутствует увлечение, страсть, притяжение, то есть любовь. Я мало уделил внимания тому, что в любви присутствует искусство, и часто трудно что-то определить как любовь (страсть) или как искусство, например, таковы искусство **поучения**, преображения, **обучения**, **проповеди**, критики и редактирования (то есть искусство Учителя, Проповедника, Священника, Критика и редактора). Но будучи учителем, я непременно влюблялся в своих учениц, и мое учительство соединено с любовью. Увы, моя мученическая любовь к Родине – одновременно **обличение** ее, я хочу, чтобы Россия была праведной, была святой, а она ведет себя как шлюха, и во мне клокочет ненависть!

О ДЕВУШКАХ

24 октября 2012, среда, 12-27. С десяти лет я уже жил «в людях», сначала, в пятом классе, учился в поселке в 12-ти километрах от нашей деревни и жил на квартире. Вскоре к хозяйке стали ходить молодые подруги, женщины и девушки, играть в лото, усадили и меня за игру, смеялись, лузгали семечки, разговаривали «о своем» и даже примеряли наряды, меня не стеснясь.

Это меня еще, может быть, и не разожгло, но стало уже подсушивать.

Позже, в середине учебного года, отправили меня в санаторий в сибирскую Швейцарию, там я провел восемь месяцев, общался и с девочками-ровесницами, и с девушками, в одну, двенадцатилетнюю, влюбился, и уже начал гореть.

Так как я был на виду, играл в шахматы со взрослыми и стал одним из трех самых сильных шахматистов, участвовал в турнирах, пропадал в библиотеке, участвовал в самодеятельности, то удавалось поговорить со многими девушками, причем почти на равных – как-то уж не по годам я был начитан и развит, и со мною разговаривать любили и взрослые, почти как с товарищем.

После этого я учился уже в Решетах, в «столице» Красноярских лагерей, жил на квартирах и в общежитии, и больше дружил с девочками, чем с мальчиками, а с пятнадцати лет и вовсе ударился в юношеские идеальные романы, но уже пьянел от поцелуев.

В семнадцать лет я приехал в Ленинград, поступил в Университет, жил в общежитии, любимым моим занятием было приходить в какую-нибудь женскую комнату (вероятно, предварительно познакомившись с одной из их обитательниц), пить с ними чай, разглагольствовать подолгу – а они меня не прогоняли, а потом я возвращался в свою мужскую комнату, где нас было четверо романтических юношей.

Мои товарищи вовлекали меня в математику, в театр, в философию, и это было потрясающе интересно, но все же РОМАНТИКА была сосредоточена в девушках.

Я не был ни Дон-Кихотом, ни Дон-Жуаном, ни даже князем Мышкиным, хотя иные из них и примеряли на меня одеяния разных литературных героев, и совершенно точно я не был героем-любовником, в которого могли влюбиться мои подруги, в которых начинал бродить весенний «березовый сок», к тому же я был человеком нерешительным, и не мог осмелиться на какую-либо "дерзость", включая объятия и поцелуи.

И вот что я вижу, глядя в прошлое: мою жизнь заполняли девушки, я любил с ними разговаривать, а они любили меня слушать. Это, конечно, удивительно, но еще удивительнее то, что и сегодня, через пять десятилетий после описываемых событий, я продолжаю знакомиться с девушками, встречаюсь с некоторыми из них, смотрю в их милые лица, – и что-то говорю... а они слушают... и приглашают приходить еще!

Надо мне дописать, наконец, мои книги и совершить сверх них нечто сверхъестественное, что поможет разрушить новое «татаро-монгольское иго», раздавившее мою страну, а потом уже умереть, хорошо бы быть расстрелянным на берегу Байкала, как Колчак, и глядя на разгорающуюся зарю, воскликнуть: Я достиг всего, о чем мечтал! Богатство, власть, слава – излишни, они бы меня отвлекали от сосредоточенной ЛИЧНОЙ жизни, наполненной математикой, литературой, философией, поэзией, музыкой, трудом, заботой о семье и друзьях, поисками Бога и истины и любовью к сверхъестественным созданиям, подобным цветам, морю и музыке.

Это все – нечто вроде введения к Запискам, в которых я попытаюсь подвести некий итог моим поискам и литературному творчеству. Нет, это не Итог жизни, в чем ее итог, я не знаю, и кто его будет подводить, не знаю тоже.

Но почему мне не удалось своим творчеством заинтересовать общество, хотя бы его мыслящую часть? Не удалось так глубоко объяснить мир, чтобы в этом объяснении, как в учебнике математики, я и другие находили ответы на свои частные вопросы?

Я как будто разбираюсь в том, что хорошо и что плохо, временами мне кажется, что я проницателен, но почему мировоззрение Обыденного Человека наполнено криволинейными послылками и ложными умозаключениями, я не могу понять. Почему этот человек бежит или ползет то вслед за Мамаем, то вслед за невежественными попами и политработниками, то за гениальным апостолом Павлом, то за дьявольски умным апостолом Марксом, за фанатиком ненависти мало-образованным Лениным, холодным маниакальным убийцей Сталиным, горячечным убийцей Гитлером – но всегда при этом принимает страшное СУЖЕНИЕ жизни, в которой либо Человек уничтожается, либо Общество, Народ, либо Культура, либо Природа, либо все вместе? Этот человек в детстве и юности внимал природе, любовался цветами, сверкающими от росы и залитыми сиянием зари, слушал пение матери, ее сказки, любил своих близких и своих друзей, восторгался добрыми феями и светлыми героями, сочувствовал добру и страданию и ненавидел зло и верил, что когда он вырастет, то будет жить во имя добра.

Видеть правду несложно. Это как чувствовать кожей холод или тепло, сырость или сухость.

Разве нам надо читать в газетах, что идет дождь, чтобы в этом не сомневаться?

Но вот уже целую жизнь пытаюсь я объяснять очевидное, и никому его не объяснил.

Мы делимся на две неравные части, одну из них я называю Большим народом, приписываю ему множество пороков, прежде всего, глупость, и этим объясняю отчасти нелепость происходящего, когда, например, наш царь велел определять, пьян ли человек, по незначительному отклонению стрелки в приборе – а эта стрелка дрожит и отклоняется даже в том приборе, на который мы не дышим, ибо и весы, на которые еще ничего не положено, отчасти трепещут. Казалось бы, и царь это должен понимать, если он не дурак... и даже менты, но они предпочитают втапывать проезжего в

дорожную пыль, и с этим ничего не поделаешь! А Большой народ отдает голоса царской чете и не слушает увещаний умных.

И я объяснить ничего не могу, вот почему пишу свои книги, в которых я спрашиваю: почему я ничего и никому не сумел объяснить?

Впрочем, и Христа распяли, а Он даже и не пытался оправдываться. Пока не схватили, ходил и разговаривал, а потом уже покорно нес Крест на Голгофу.

Но ПОЧЕМУ это так?

Почему я мог объяснить сложнейшие математические теоремы самым бесталанным своим ученикам, а очевиднейшие, простейшие жизненные вещи не могу объяснить самым разумным?

Этому ПОЧЕМУ и будет посвящена моя книга, а заодно я снова повторю рассуждения о тех вещах, о которых уже до оскомины я писал: о культуре, народе и национализме, о талантливых феминистках, о культурном Российском наследии, которое надо защищать и любить, о природе, которую надо возродить, о наших лесах, лугах и полях, реках и озерах... О хозяйственной жизни, о смысле жизни, о рождении детей и необходимости спасения народа от вырождения и убывания, о медицине, которая должна лечить, и об образовании, которое должно учить...

22-37. Встречался с писателями и художниками, ни в чем не нашли понимания, словно говорили на разных языках или выросли в разных странах.

Отсутствие убедительности я компенсировал тем, что кричал на своих оппонентов, и готов был уже не сам идти на берег Байкала как Колчак, а их туда отвести под конвоем.

Инженеры человеческих душ...

Действительная жизнь, загнивающая или выкипающая, бурлящая или взрывающаяся в тысячах отвратительных происшествий, чаще всего им безразлична. Я страдаю от того, что деградирует образование, сносятся памятники архитектуры, совершается беззаконие в судах... страдаю, потому что вижу и чувствую, потому что живу действительной жизнью, знаком с людьми, преподающими в университете биологию и математику, филологию и историю, хожу на университетские концерты, хожу в театры, езжу в электричках, живу в городе и деревне, изучаю документы в Военном архиве, встречаюсь с ветеранами, бываю в провинциальных городах в Карелии и в Сибири... я пропитан жизнью с ее вопиющими бедами, с ее брошенными детьми, которым я привожу одежду, с маленькой Аней, которую пою чаем, с маленькой Юлей, которую кормлю кашей, встречаюсь с чиновниками, ментами, политиками, пьяницами, лентяями, бомжами, ворами и уличными девками... да, я внутри народной жизни! А что же писатели? Они встречаются с другими писателями, смотрят телевизор, интернет им уже недоступен по старости, девушки их обходят, почта, пенсия, гастроном... а с голубого экрана вождь вымирающего народа днем и вечером и утром и ночью, прогноз погоды (на улицу они уже не выходят), агенты империализма, американские ковбои и воспоминания о счастливой коммунистической молодости...

Кому и что я могу объяснить? С кем поговорить? С какими «инженерами»?

Молодежи, впрочем, тоже не до меня, надо и за девушками *бегать* и на жизнь зарабатывать, тут и на бутылку времени не хватает, не то что на метафизическую «фигню»!

Вот почему я пишу для себя самого и двух или трех красоток, которые по непостижимой милости господней мне внимают, а с одной я даже целуюсь.

Бог, правда, попустив мне свидания с красотками, сам разговаривать со мной не хочет, поэтому не у кого мне искать ответы на мучающие меня вопросы, не с кем обсудить и те ответы, которые я нахожу в себе.

Ну, ладно.

Напишу про национализм, про феминисток, про месть девушек их кавалерам, про то, что истину нельзя сформулировать, а когда она формулируется, как в марксизме или в учении апостола Павла, то это приводит к духовной несвободе, к отсутствию деятельной работы сознания, к тоталитарному, то есть однообразному видению мира, когда шаг влево, шаг вправо, конвой стреляет без предупреждения.

Если Машенька прочитает мною написанное с восхищением, то это будет мне достаточной наградой. Даже если я пишу и умнее всех, но не ободряюсь: никто, кроме нее, меня не читает. Ну да и то прекрасно, спасибо, ласточка, что я пусть только для тебя одной умный!

Зато я буду сидеть напротив тебя и смотреть на твои сладкие губы и в твои восхищенные глаза. Имеют ли такую награду другие писатели?

Но теперь пришла пора объясниться с коллизией писатель-читатель. Читателей у меня нет, но в чем причина? Разве это козни Дьявола?

Так в коллизии, в которой нет второго члена, существует ли и первый? Нет глагола, так есть ли хоть подлежащее?

И вот, увы, постигаю я правду: Я НЕ ПИСАТЕЛЬ.

Дело в том, что писатель сочиняет рассказы и повести, развлекает читателя занимательными выдуманностями историями, в которых, правда, содержится и нечто нравоучительное и назидательное, вообще представляет читателю художественный текст, который является особым бытием действительности.

От этого особого явления письменности надо отличать рекламу, объявление, рецензию, письмо, листовку, донос, показание на допросе, диктант, критическую статью... Кстати, последнее явление тоже отчасти принадлежит литературе, но критическая статья при этом должна темой своего изложения иметь отдельные художественные произведения или художественную литературу в частностях или хотя бы в целом.

Я же не пишу критических статей, потому что и их писать не умею, тем более не пишу рассказов и повестей, поэтому совершенно не принадлежу литературе.

Чему же я принадлежу? Текст мой находится на экране компьютера, а временами на листах бумаги, отдельные его части имеют заголовки, иногда обозначаются как главы, и целое я предпочитаю соединять в взаимосвязанное

повествование, обозначая затем как «Письма о заблуждениях ума» (но при этом письма эти я никому не посылаю с целью получить ответ) или «Записки на пальме» (хотя это никакие не Записки о чем-то конкретном, как, например, «Записки об ужении рыбы» Аксакова), или «Побег из времени» (хотя я не только из него не убегаю, но именно всяческими способами хочу его остановить и в нем задержаться, продолжая посылать письма и тем девушкам, которые меня уже отвергли, и тем, кои вообще, неизвестно, существуют ли!)...

Нет, мои сочинения – это не литература, а я – не писатель, я именно обманом проник в Союз писателей, выдаю себя за сочинителя, прихожу на разные заседания и иногда получаю слово, а сам абсолютно уже не понимаю, что такое литература и какое отношение она имеет ко мне.

Может быть, то, что я пишу, нечто вроде школьного Дневника, какой я вел в седьмом классе и на первом курсе? Но и на Дневник писания мои не шибко походят, большую часть происходящего я не фиксирую, а пишу всякие рассуждения, посвященные задевающим меня происшествиям или идеям или общественным событиям – но полноты протекающей жизни в том, что пишу, настолько нет, что никак мною писанное не является Дневником.

Это не Научное исследование, не Доклад, не документ...

Отчасти это похоже вот на что.

Представим себе, что в трамвае меня обидели, я неловко повернулся, меня как-то обозвали, я не нашелся сразу, как ответить, по дороге домой про себя попытался выразить возмущение обидчиками...

Меня обижали немало (хотя и хорошего хватало тоже).

Меня обижало общество, девушки, Бог, судьба.

Судьба и Бог не дали того таланта, на который я рассчитывал. Девушки *не дали*. Общество оказалось ко мне равнодушно. И вот я высказываю письменно свои возмущения...

Но нет, и это не совсем так. Я ведь еще и обличаю, поучаю, призываю.

Значит, все сие – это мой разговор с самим собой, с русским народом, с Богом и с девушками. Я излагаю свои претензии и пытаюсь понять, ПОЧЕМУ то или другое не то и не так, что такое жизнь, почему она не сложилась не только у меня, но и у России в целом и возможно ли что-нибудь еще мне сделать или хотя бы предложить другим.

Отчасти мои записки похожи на попытки решить некую математическую задачу, отчасти на Письмо к неверной возлюбленной, в котором я пытаюсь понять, что же произошло и почему она меня бросила.

Жизнь меня еще не бросила, но некая духовная сила, которая наполняет всякого творческого человека и возвышает его, так что его творения привлекают внимание читателей, меня бросила. Или даже меня не наполняла, а я был и всегда только сам по себе. И поэтому я не сумел из стихии самодеятельного разговора перейти в пространство литературы.

Да, пишу я об этом. И не об этом тоже. И черт его знает о чем еще.

Поэтому продолжу писать дальше, опираясь не на некий план, которого у меня нет, а на некую интуицию, которая смутно мною движет.

Я хочу что-то ПОНЯТЬ. Что-то такое понять, что важно всем. А будет ли меня кто-нибудь читать кроме Машеньки, это уже и не настолько важно, чтобы совсем не писать. Важнее всего – понять, ПОЧЕМУ одно, другое, третье...

Вот об этом и будет та Книга, которая словно бы завершает весь этот род НЕЛИТЕРАТУРЫ, которому я посвятил свою жизнь.

Да, разумеется, продолжится в моих книгах и моя тяжба с Богом, я напишу о Евангелиях, о проповедях основателей христианства, о смысле их поучений, о религии как особой области духовного творчества.

Моя литература мало похожа на литературу в привычном для нас смысле, это скорее монолог, Письмо, которое Автор пишет, обращаясь либо к себе самому, либо к народу, либо к женщине, либо к Богу. Письмо это не имеет ответа, не известно, читает ли его кто-нибудь, ибо все они молчат.

Мне самому – нечего ответить на те вопросы, которые я себе задаю.

Женщина – предпочитает только слушать и либо одобрительно, либо неодобрительно качает головой (а читает ли она письма, даже неизвестно).

Народ меня не слушает вовсе.

До Бога же мои письма не доходят, а то, что я ему выкрикиваю, Он и слушать не хочет, Он слушает либо славословия, либо жалобы, либо просьбы, я же пытаюсь к нему обращаться как к собеседнику.

Итак, в течение последних тринадцати лет я пишу длинное послание, на которое не получаю ответа.

Некоторые из этих писем я собираю в сборники, печатаю их в четырех экземплярах и раздаю друзьям или девушкам. Один приятель мне честно сознался, что не читал у меня ни строчки, потому что и так меня насквозь знает и я ему надоел; другой дочитал до тридцатой страницы, но дальше я стал, как он полагает, писать всякую чепуху и он читать перестал; молодая деревенская женщина прочитала полторы страницы и сказала мне: написал бы ты что-нибудь для нас, для народа, а то пишешь всякую (неразборчиво)...

Исключение было одно, десятиклассница прочитала мои стихи и написала мне восторженное письмо. Ей было шестнадцать лет, мы стали переписываться и я сочинил множество стихов, посвященных ей.

Через год, повзрослев, она обличила меня во множестве грехов, еще через год обличила уже во всех возможных грехах, а по прошествии еще года заявила, что *даже в самом дальнем, самом пыльном ящике стола даже воспоминаний от меня у нее не останется.*

Кроме девушек, связывала меня литература с писательским кружком, но наше общение стало напоминать разговор глухонемых. Мы при встречах мычим, иногда выпиваем (чтобы не говорить), моргаем, улыбаемся, киваем головой и радостно, со счастливыми вздохами, расстаемся.

Остались философы, но наш философский журнал уже не выходит и вряд ли будет возобновлен.

РАССКАЗЫ о СТРАННОЙ ЛЮБВИ

ЛЮБОВЬ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

1.

Сегодня моросил первый апрельский дождь. После тоскливой гнетущей зимы душа моя словно очнулась от забытья, и я вглядываюсь в мир удивленно – *и я еще жив, и мир не до конца погряз в скверне* – а скоро трава зазеленеет, и цветы распустятся на полянах у ручья, и загудит тяжелый шмель, очнувшийся, как и я, от беспамятства.

Более тридцати лет назад, в апреле семидесятого года, вот также очнулся я после мрака, и на меня обрушились отчаянье и блаженство.

Мне тогда еще не было тридцати, писал я стихи, мечтал о великом будущем, в ожидании его пил, ругал несовершенную власть, себя мнил гением, сам "совершенствоваться" не хотел (да и не знал – *как* – разве только пить бросить?!), собирал книги, ходил в филармонию и в театр, но главное – о, главное мое занятие состояло в том, что я *влюблялся!* – На улице, в метро, в трамвае, в своих учениц, которым преподавал математику, в литературных героинь, в актрис кино, в замужних дам, босоногих девчонок, бесхозных девиц, в свои мечты, в ночные видения... да и во весь божий мир!

И вдруг посреди пира чувствительности и воображения, когда я словно в океане купался во взглядах и словах, случилось роковое, разверзлась твердь мира и в трещину я – ухнул.

24 марта семидесятого года, утром, прямо с урока, только прочитал я любовную записку одной черноглазой шалуньи, явился за мною "проводжатый" и *сопроводил* в Большой Дом на Литейном прямо на допрос, а к вечеру меня отвели в одиночную камеру.

Две недели после того никого я не видел, кроме стражников и следователя, и душа моя изнывала.

Утром и вечером разносили еду, обслуга была – как я позже узнал – из *пятнадцатисуточниц*, вероятно какие-нибудь спившиеся девки и бабы, разговаривать им запрещалось, я слышал только шаги и шорохи, скрип открывающихся "кормушек" (окошек в двери), просовывалась миска с ложкой и окошко захлопывалось, изредка раздавался смех, когда охранник, потеряв серьезную бдительность, вдруг ущипнет какую-нибудь из них... Но этот отзвук женского мира переживал я как щебет птиц.

Я трепетал от одного лишь знания, что там, по коридору, проходит *женщина*.

...И вот, после непрерывного женского половодья – две недели почти на необитаемом острове!

Но вдруг открылась дверь камеры, и в сопровождении целой делегации явилась *женщина-прокурор*, молодая, и с голыми коленями. Я ее так пожирал глазами, что она смутилась и, возможно, поэтому распорядилась о некоторых поблajках – велела перевести меня в *общую* камеру (впрочем, нас стало в ней только двое) и водить на прогулку.

2.

Через несколько дней, под вечер, отверзлась тяжелая чугунная дверь, меня с соседом повели вниз по железной лестнице и вывели во двор. Я-то думал, что буду гулять в большом весеннем дворе в толпе товарищей по несчастью, но оказалось, что для прогулок сооружен так называемый "прогулочный дворик" в центре двора, расположенного внутри четырехугольного здания тюрьмы, окруженного, в свою очередь, громадным *Большим Домом*, простирающимся одной стороной вдоль Литейного, а двумя другими вдоль Шпалерной и Захарьевской. Четвертой стороны, скрытой среди зданий, располагающихся вдоль проспекта Чернышевского, я не видел.

Дощатый прогулочный "дворик" представлял из себя следующее сооружение: в середине его был круглый цоколь, диаметром метра четыре, верхняя часть которого была окружена перилами. От цоколя отходили семь или восемь дощатых клетей в длину метров по пять, в каждую из них заводили узников из одной камеры и дверь закрывали на ключ. Пóверху вдоль перил ходил *вертухай*, кроме него видел я только соседа по камере и доски стен, а под ногами – утрамбованную гальку.

Приуныл я от такой прогулки и грустно стал вышагивать взад-вперед, да вдруг взглянул наверх.

А надо мною высоко простиралось темно-синее апрельское небо, по которому бежали сверкающие, краснеющие от заходящего солнца облака, и пролетали диковинные птицы, золотые, розовые, вишневые, как языки пламени, как всполохи северного сияния.

Я замер, потрясенный, и чуть не в беспмятстве увели меня в камеру. Но назавтра меня ждало новое потрясение, соединившее и птиц, и небо, и облака словно в небесную сцену, на которой разыгралась любовная драма.

Проходя вдоль дощатой стены (а в это время *вертухай* наверху стоял ко мне спиной), услышал я вдруг девичий шепот:

– Мужчина! Можно с Вами поговорить?

– Конечно! – пересекшимся мгновенно голосом пробормотал я.

– Вы за что сидите?

– Антисоветская агитация и пропаганда. А вы?

– *Террор и бандитизм*. Пыталась захватить самолет. Но мне семнадцать лет, обещают дать всего полтора года, хотя *подельникам* моим *угрожают даже смертью*.

Вертухай повернулся, мы отошли от стены, *соединившей* нас, и начали ходить взад-вперед в ожидании следующего диалога.

– У Вас покурить ничего нет?

– Я не курю! Но для Вас достану. Принесу завтра.

Сидел я с мрачным мужчиной пятидесяти лет, бывшим власовским контрразведчиком, во всех своих сокамерниках подозревавшим стукачей. Ко мне, однако, он проникся доверием и стал по-отечески опекать.

В камере я удивил его безмерно:

– Федотыч! Срочно нужны карандаш и бумага!

– Это зачем? В карцер захотел?

– Я должен написать ей письмо! К тому же, она просила сигарету... Да если бы ещё и конфет достать!?

Федотыч пощупал мне лоб, посмотрел зрачки, отошел на два шага и покачал головой.

– Федотыч, ты же все можешь, ты же на Колыме – и то выжил!

– Потому и выжил, что глупостей не делал... Хотя... правда, бывало всякое... Карандаш и бумага у меня, конечно, есть, но если поймают, возьмешь на себя – ты парень еще молодой, в карцер тебе в самый раз! Ладно, стой у двери, слушай, когда вертухай пойдет, а я попробую *постучать*!

Он отошел в угол, тихонько костяшками пальцев простучал несколько фраз. Через некоторое время где-то далеко застучали тоже, чуть слышно... Через полчаса из соседней камеры нам простучали ответ.

– Ну, какие новости, что ты спрашивал? Что ответили?

– Я передал так: *Поэт влюбился в террористку, нужны конфеты!*

– Ну и как?

– Подождем до утра...

Утром опять раздались "нежные шаги пятнадцатисуточницы" (но уже *террористка* затмила мне весь мир и всех женщин)...

Шаги замолкли у нашей кормушки, раздалось хихиканье, окошечко открылось, просунулась миска с кашей и затем другая, накрытая еще одной миской, и окошечко захлопнулось.

Контрразведчик хищно схватил вторую миску и умчался в свой угол. Мне это показалось подозрительным.

– Ну как, сердце не ёкает? – спросил он.

– Из-за каши, что ли?

– Поменяться мисками не хочешь?

– Ну, мне все равно, могу и поменяться...

– Тогда загадай желание! Чего бы ты сейчас больше всего хотел? Шампанского, чаю, сигарет... конфет?

– Сигарет?... – неуверенно спросил я.

– Больше ничего?

– Ну, и конфет?

– Посмотрим... Держи свою миску.

"Неужели чудеса возможны и здесь, где на каждого узника десять стражников?" – подумал я, открывая с надеждой крышку.

Сверху лежали синие куски "шрапнели", похожие на обломки базальта, а из-под них выглядывал уголок промасленной бумаги. Дрожа, развернул я бумагу – внутри было еще два маленьких пакетика, в одном из них лежали две сигареты, а в другом – три "Белочки".

– Ну что, старого Федотыча рано еще в расход пускать? Но мой тебе совет – *шрапнель* пока не ешь, судьба любит злые шутки, и вдруг перед прогулкой будет *шмон*? Так что припрятать гостинцы в миску и пиши письмо.

Знаешь, двадцать пять лет назад, в апреле сорок пятого года, и я "дурил", наша часть стояла в Альпах, и я побежал в горы за эдельвейсами... Представь себе, все рушится, будущее смутно – а я прижимаю к груди охапку цветов и улыбаюсь – вот как ты теперь.

Может быть, человек не смог бы оценить блаженство, которое иногда выпадает на его долю, если бы судьба не была к нему немилосердна, если бы предательство, смерть и боль не заходили к нему в гости как к себе домой.

Я знаю, ты видишь во мне немецкого пособника – и это тоже верно. Но в мае 45-го я участвовал в боях за освобождение Праги на стороне русских войск, и был ранен. Так что не все так просто...

Ну да ладно... Тебя, поди, тоже следователь обзывает изменником Родины, а штука в том, что Государство и Отечество – не одно и то же, и защищая Государство, можно бороться с Отечеством – и наоборот.

Через несколько часов нас повели на прогулку, я перебросил подарки и письмо через стенку, и был вознагражден таким вздохом восхищения, словно пообещал свободу.

– Ты красивый? – спросила она меня на следующий день. – Тебя я все равно буду любить, даже если ты не красивый. А за мной мальчишки бегали еще с детского сада... Ты сильно боялся после ареста?

– Да, было страшно... На ватных ногах на допрос шел...

– Значит, ты меня поймешь...

– Цветочек мой аленький, конечно понимаю!

– Я тебя во сне видела. Как мне было страшно все эти дни, я боялась, что сойду с ума! И вдруг такие письма, стихи... Теперь, если мне снова станет плохо, я о тебе буду думать. Да и так буду думать, ты не против?

На следующий день шел дождь, и на прогулку нас не водили. Мой контрразведчик сжалился над моим несчастным видом и простучал в стенку: *"передайте террористке, что поэт ее любит!"*.

Вечером нас повели в душ, а на следующий день состоялось четвертое свидание.

– Мой миленький, спасибо за весточку! – услышал я шепот, когда прижался к перегородке. – Я тебя тоже люблю!

3.

Неужели это было на самом деле? Апрель, яркое солнце, *тюрьма для двоих* – и я счастлив в тюрьме!?

А сегодня... Но, может быть, это только краткие отчаянные мгновения?

Я словно на каменистом склоне сползаю вниз, и иногда камешек брызнет из-под ног, и сердце обрывается от внезапного страха, что всё, падаю... Нет, ещё держусь, но тихонько сползаю... а долго ли еще, и где край – неведомо... Но ведь временами и всяческие радости меня посещают, и в баню хожу, и водку пью, хотя и нельзя, и к девицам пристаю не только *всё еще*, но – *по-прежнему!*

Я попал в удивительный мир зарешеченных снов.
По железным ступеням душа поднимается ввысь.
Останутся внизу коридор, две стены и окно,
И рыдающий голос за мною летит – Оглянись!
Я попал в удивительный мир, где звенит тишина,
Где меняются цены на все, чем вчера дорожил.
Где без края – печаль, и надежда дороже вина.
И где нет никого, кто надежду хотя бы на час одолжил.
О, как душно здесь быть, здесь стираются души дотла,
И бессильные слезы спекаются в горле как кровь.
Бесконечная ночь проседает под тяжестью зла,
Но у края мольбы неожиданно входит любовь.

Небо над головой было высокое и нежное, звезды сияли гроздьями, а еще выше звезд через Млечный поток был переброшен небольшой горбатый мостик, с обеих сторон шли по нему двое, семнадцатилетняя девочка, и все еще не повзрослевший мужчина.

Еле слышная музыка доносилась из-за звездных высей.

Господи, сделай музыку громче! Громче, громче сияйте звуки, грохотом и громом лейтесь в уши, небесным водопадом заполоните жизнь!

Но нет, не слышно *благую весть*.

Не так живу, но как надо жить, не знаю, и ничего не умею изменить ни в своей, ни в чужой жизни.

От прошлого я не отрекаюсь, и пил, и бегал за юбками, пил, как все, *вино плоти* – так отличался ли я от других?

Или бокал мыл чище, наливая шампанское? (*А чаще портвейн номер семь или цимлянское розовое за рупь двадцать*).

Или подворотню искал посветлее? (*А я ли не пил в подворотнях?*)

Но я любил всех тех девчонок, с которыми пил портвейн или розовое цимлянское, и даже когда жаждала плоть – жаждала и душа. Искал я женскую красоту, с чувством восхищения соединял сострадание, и не было прикосновения к женщине, в котором было бы одно только наслаждение, а не было восхищения или нежной жалости.

Арестовали меня в благодатную пору, среди радости и веселья, через два месяца должен был я защищать диссертацию, сегодня бы уже был профессором и зарабатывал столько же, сколько продавец пепси-колы...

Страх перед "органами" вбит в меня был с детства, хотя я и бахвалился перед друзьями. Но когда привезли в Большой Дом (а были со мною вежливы, и пальцем никто не тронул), ноги у меня сделались ватные и в горле пересохло.

Вечером привели в камеру, сняв перед тем отпечатки пальцев и отобрав брючный ремень.

Я не был уверен, что не будут меня бить или даже пытаться, я ожидал всего. Словно поезд слетел с откоса, и вдребезги вагоны, стекла, и вся прежняя жизнь – а новой уже не будет, все кончилось, навсегда, навечно, без воскресения – стиснутый в одну отчаявшуюся дрожащую точку, стоял я посреди одиночной камеры и боялся пошевелиться.

– Целых два месяца, и днем и ночью, думала и мечтала я только о смерти, – прошептала она при четвертой встрече, прижимаясь к доскам перегородки (а через каждые две фразы отскакивали мы от перегородки, потому что *вертухай* совершал половину пути вдоль перил и шел в нашу сторону, и мы делали вид, что бесцельно слоняемся по своим клеткам). – Я не хотела жить, я боялась будущего. Мысль о том, что буду я наложницей у конвоира или *вора*, или еще хуже, что *мною будут пользоваться, как вещью* – сводила меня с ума.

Я думала, что жизнь моя кончилась.

И вдруг с неба падает сигарета, три конфетки, письмо и стихи – и мне захотелось жить!

* * *

Что такое человек?

Конечно, в нем есть и душа и тело, но традиция аскетического христианства, хотя и не отрицала существования тела (или *плоти*), но объявляла его вместилищем всякой скверны и греха, и смысл жизни человека видела в *умерщвлении плоти*, в борьбе с ее нуждами и соблазнами.

Плоть следовало превратить в *мощи*, и лучше в *нетленные*; или совсем остаться и без плоти и без мощей, а стать бесплотным духом.

Впрочем, сказал бы я им, Бог с вами, *умерщвляйте* плоть, носите вериги, сидите на столпе или камне, делайте что хотите с собой – если только не превратите вы свою точку зрения в господствующую религию, государственную власть, так что другим станет нечем дышать.

Кабала фанатиков, или кабала *святош*, по выражению Мольера, еще хуже, чем власть лжецов и лицемеров.

Но лучше ли и власть так называемых *материалистов*, которые кроме плоти не хотят видеть ничего в мире, для которых и дух и душа не более, чем слабый свет, источаемый светящимися гнилушками, ток воздуха от теплого тела, электромагнитное поле, образующееся около янтаря, потертого кусочком сукна?

Что противостоит естественному порядку мира и, так сказать, его "круговороту веществ"?

Любовь к женщине!

Если бы я был талантлив и умел писать книги, я написал бы о каждой из тех, кто вошел в мою жизнь или только прикоснулся к ней, отдельный роман, и, быть может, это множество романов смогло бы в некоторой степени рассказать о тех чувствах, которые я к ним испытывал.

Но, сознаюсь, романы эти были бы противоречивы. Разве не испытывал я Страсть? Нежность? Вожделение? Но были состояния, в которых останавливалось время и не успевало вылиться вино из падающего бокала, хотя

и протекали миллионы лет, протекала – или пребывала – Вечность. В этих состояниях не было нужды в поцелуях и прикосновениях, как не нуждается в звуках и в инструментах, их производящих, музыка, звучащая в душе.

Да, может быть, любовь – это грех – но двое, помещенные, словно зверьки, в соседние клетки, разделенные досками перегородки, пережившие перед тем отчаянье, которое едва не раздавило их – о, как эти двое припали друг к другу!

– Миленький мой! Я почему-то думаю, что больше мы не увидимся.

До тебя ведь еще никого у меня не было... Я хочу, чтобы ты был первый...

– Но что мы можем сделать? Как?

– Я знаю, что это невозможно, но – все равно я буду только твоя...

Давай сегодня ночью представим, что у нас тайное свидание...

Ты хочешь?

4.

...Тюрьма спала. Приближалась полночь, и хотя часов у нее не было, она знала, что скоро прозвонят тайные полуночные удары, словно вздохнет и повернется на другой бок тишина.

Сегодня подобрала она под ногами в прогулочном дворике вещь непостижимую – крошечный обломок ржавого бритвенного лезвия. Вероятно, кто-то хранил его и либо выбросил, опасаясь обыска, либо обронил.

Она думала о нём, и нежное счастье наполняло ее душу.

"Любимый мой, я буду только твоя, даже тогда, когда ты забудешь про меня, я буду тебя любить!"

... Тише, мыши, кот на крыше!.. тише, тише...

Теплая слезинка скатилась по щеке и коснулась краешка губ.

Она начала вспоминать строки стихотворения, которое сочинила днем и нацарапала на стене. За это полагался карцер, но она уже ничего не боялась.

Внезапно я решила на побег. -

И так легко, так радостно мне стало!

Нас с милым вечность пустит на ночлег,

И в ночь я завернусь, как в одеяло.

Сминая время, хлынула судьба, –

Как в бурю берег разбивает море.

Как брызги слёз, как дождь – осколки горя.

Сзывает павших в новый бой труба,

В отчаянии с самою смертью споря!

Любимый мой, простимся до утра!

Ты только мой на том и этом свете!

Ведь я та самая, из твоего ребра!

Я буду ждать тебя тысячелетия!

Мы встретимся. Бегу, бегу... Пора!

"Ты не пожалеешь? – спросила ее ночь. – Впереди еще вся жизнь!"

"Я боюсь, что она меня оскорбит. Если бы ко мне пришел Бог – но Он молчит..."

Никто не приходит..."

Она подождала, пока затихли шаги в коридоре, и начала тихонько водить осколком лезвия по руке.

"Больно... Я не знала, что будет так больно и страшно. Но надо потерпеть ещё несколько минут, а потом будет хорошо. Любимый мой, я тебя никогда не покину, не покидай меня, хотя бы мысленно, иногда вспоминай меня!"

"Кажется, стучат часы... как будто секундная стрелка стучит. Мне уже почти не больно, только обними меня крепче!"

Тридцать лет не решался рассказать я о девочке, со школьной парты попавшей сначала в *захватчицы* самолета, потом в тюремную камеру, потом в клетку "прогулочного дворика", и там ступившей на мостик, переброшенный через поток Млечного Пути.

Что такое любовь? Скверна, как уверяют монахи? Пошлость, как думают многие? Или это таинство, в котором земное и небесное соединены так, что *небесное снисходит до земного, а земное восходит до небесного?*

Но что ей до этих споров, если не случилось еще у нее до тюрьмы ни светлой, ни пошлой любви, и какая она на самом деле, ей еще трудно было сказать – но силы и жестокости, которые могли в этом споре сыграть главную роль, она справедливо боялась.

Какого же числа в апреле состоялась наша последняя встреча?

Время стерло в памяти дату, но, быть может, я ее еще узнаю, когда историки Большого Дома напишут историю его внутренней тюрьмы.

И тогда прочитаю я о том, в каком году и кто ее построил, в каком году и при каком начальнике окна закрыли жалюзи, так что свет дневной в камеру проникал, но что было на воле, увидеть не удавалось, ни деревьев, ни тюремного двора, ни даже облаков на небе; в каком году и кто прогулки по тюремному двору заменил прогулками в деревянных клетках, построенных посреди этого двора; и, наконец, прочитаю я и о последнем ограничении свободы, введенном в апреле семидесятого года, и, быть может, там будет указано, какого числа это произошло. Тогда три дня нас не выводили гулять, а когда вывели снова, мы увидели, что поверх всех деревянных клеток натянута частая проволочная сетка, так что сквозь нее не пробросишь ни сигарету, ни конфеты, ни тем более любовное письмо со стихами.

Но там не будет написано, по чьей вине это произошло...

Мы отыграли нашу любовь еще под **открытым** небом – последние – а после нас если кто-то в этой тюрьме и влюблялся, то была их любовь уже под небом, закрытым стальной сеткой, и ни небесному было не снизойти до земного, ни земному не подняться было до небесного.

КАНУН СТАРОГО НОВОГО ГОДА

Новогодняя сказка для Юли

Как ни странно, Алексей Иванович Горемыкин редко бывал доволен встречей Нового Года, и утешал себя надеждой, что через две недели возьмет реванш, и уж в Старый Новый Год повеселится легко и беззаботно, радостно как во сне.

Но, увы, и эта надежда его обманывала.

Так наступило тринадцатое января, было уже четыре часа, а все еще не было никаких планов на вечер, никто его не приглашал в гости, и самому ему тоже ни с кем не хотелось встречаться.

Так и случилось, что в самом мрачном расположении духа из своего чулана на Николаевской улице, который он снимал у пропащего пьяницы (хорошо хоть, что тот не докучал, и приходил только раз в месяц за скромной платой) – Алексей Иванович отправился пешком по бывшей Чернышевой улице в свой роскошный офис на Морской.

«Если ничего не случится хорошего, сегодня же застрелюсь, – думал он. – Не всякое прозябание надо терпеть, в цеплянии за неудачную жизнь нет ни достоинства, ни мужества, ни ума; к тому же, никто обо мне не заплачет, кроме налоговой. За офис не плачено год, квартальный отчет не сдан, последняя сотрудница сбежала еще в декабре, у друзей почти у всех те же заботы, если не хуже, у иных жена, у других дети – а что меня может привязывать к жизни?

Мои сочинения? – Их никто не читает.

Моя деятельность в Благотворительном Фонде? – Так я теперь сам нуждаюсь в благотворительности, но никто не подает, даже по праздникам».

Из подворотни выскочил какой-то мужик бомжеватого вида, чуть не налетел на Алексея Ивановича и завернул за угол. Алексею Ивановичу показалось, что это один из тех двух бомжей, что ночевали у него вчера на лестнице, он еще отдал им остатки былой закуски, да бомжи и тому были рады.

В первом дворе, проходя мимо мусорного контейнера, он вспомнил, что выбросил вчера неудачный набросок стихов, а сегодня попытался их вспомнить – что-то в них все-таки было не ординарно, строка или слово, или хотя бы междометие... один язвительный критик так и сказал однажды Алексею Ивановичу в ответ на приставания, что стихи его не безнадежны, есть в них кое-что, что ему понравилось... «Что же?» «Союз "И" мне понравился!» «За что?» «За краткость».

Открыв крышку, Алексей сразу увидел листочки рукописи, но их прижимал какой-то бумажный пакет; он потянул его за уголок, пакет развернулся, и из него вывалился тяжелый армейский пистолет.

Рядом никого не было, тусклая лампочка у подъезда напротив раскачивалась, и казалось, что пистолет тоже движется.

«Это судьба. Бог все-таки есть, и Он обо мне вспомнил. Значит, так тому и быть».

Он сунул стихи и пистолет во внутренний карман куртки, и снова выскочил на Морскую – уход из жизни надо было обставить торжественно и красиво. Деньги экономить теперь уже не имело смысла, Алексей купил две бутылки шампанского, разной снеди на закуску, и букет цветов.

«Я застрелюсь не как прочие, а с улыбкой свободы, в одной руке пистолет, в другой – цветы. Стрелять буду прямо в сердце, так всего приличнее, и крови будет немного. На прощанье напьюсь, как Аполлон... Григорьев... "две гитары за стеной" занюхают жалобно... и все кончится».

Двор был перегороден милицейским узиком, контейнер перевернут, милицейский чин весело оглядел Горемыкина, и насмешливо сказал: "Тебя только не хватало с цветами! Да подожди, это не с тобой мы на Рождество выпивали?"

«Ну да... И ты потом меня бросил».

«Никуда я тебя не бросал, а ты сам упал, хорошо хоть, ребята патрулировали, нашли, а я тебя еще искал. Ты-то куда пропал?»

«Лучше не вспоминать. А что теперь-то случилось?»

«Авторитета одного замочили, минут двадцать назад. Охранник на выстрелы выскочил, видел кого-то, тот поспешно из двора убежал, как раз, говорит, на Горемыкина со спины похож... Ну, я уже по журналу проверил, что тебя не было сегодня. Ладно, иди, если задержишься, я тебе звякну, может быть забегу».

Алексей Иванович прошел во второй двор, вошел в проходную, дежурил Сергей, с ним тоже ему выпивать приходилось.

«Ага, главный благодетель страны пожаловал? Штаны-то поддерживать есть чем? Подают олигархи на реставрацию дворянских усадеб? Или только "вдовы жертвуют свои последние лепты"? А я тебя чуть уже не заложил сыщикам. Говорю, слышу выстрелы, выскакиваю во двор, смотрю, Горемыкин убегает. Ну, я, правда, подождал минут пять, чтобы ты подальше успел убежать, потом уже ментам позвонил. А ты и сам вернулся. Что, не всех олигархов еще замочил?»

«Да их, гадов, в одиночку не перемочишь, надо создавать особую отстрельную группу, ты-то пойдешь?»

«С удовольствием. Но не бесплатно. По бутылке за труп. Кстати, если задержишься, я к тебе зайду, у меня сегодня есть самогоночка, я же на праздниках был на родине, в деревне, привез оттуда целую четверть!»

«А хорошо, если так, – подумал Алексей Иванович, – я с ними напьюсь, а потом они найдут рядом со мной этот пистолет, и так и останется им неизвестно, я ли замочил того авторитета, а потом застрелился, или это, наоборот, мне за него отомстили?»

Поднявшись в офис на четвертом этаже, Алексей переоделся в рабочую одежду и взялся за уборку, протер пыль, собрал грязную посуду и вымыл пол.

И тут зазвонил телефон.

«Главный благотворитель страны слушает!»

«Тут к тебе дама за благотворительной помощью. Пропускать? Советую не отказываться, только смотри, будь настороже, может, она подослана? Ну, ладно, не пугайся, она еще совсем юная... Учти, в журнал я ее не записываю, с тебя за это причтется. Пока».

У Алексея забарабанило сердце, он оделся как жених, и даже завязал галстук. В дверь позвонили. Не удержав идиотской улыбки, он широко ее распахнул, и замер от изумления.

На площадке стояла совсем юная девушка ослепительной красоты и тоже улыбалась.

«К Вам можно?»

«Разумеется, милости прошу. Вы прямо с неба или уже залетали на землю?»

«Нет, я довольно давно на земле, и Ваши земные порядки, точнее, беспорядки, уже изучила. Кстати, с Глебушкой я тоже уже познакомилась, он Вас рекомендует как святого и бессеребренника, только, говорит, с сегодняшнего дня Вы встали на новый, более правильный путь, начали мочить разбойников и олигархов. Но я поняла, что он шутит».

Алексей Иванович усадил незнакомку в кресло и сел около нее на корточки.

«Юля», – представилась она.

«Мм... Алеша... Алексей...»

«А по отчеству?»

«Да зачем отчество? Я ведь еще совсем юный, просто давно не брился, а так даже и ста лет еще нет... Рассказывайте, какая нужда, сдохну, но помогу!»

«Вообще-то я собираю в помощь детям, сиротам чеченской войны, в частности, в помощь самой себе...»

«Ага, Вы – дочь лейтенанта Шмидта?»

«Нет, я попозже расскажу, если хотите, кто я на самом деле... Итак, я собираю добротные подаяния, но при этом помогаю и дающим, и даже спасаю их души. Короче говоря, я продаю новый Уголовный Кодекс, последнее издание. Так как Вы – президент Благотворительного Фонда (а я, как Вы поняли, тоже президентша, только бедная), то Вы имеете дело с деньгами. Раз Вы имеете дело с деньгами, то с Вами рано или поздно будут иметь дело соответствующие органы, и они Вас посадят. Чтобы этого не произошло, Вам надо заранее изучить Уголовный Кодекс, стóит он сто рублей, ну и плюс небольшой благотворительный взнос, сколько не жалко, лично мне».

«Ангел небесный, денег у меня нет, но ради Вас я займу у Глеба, я из него все вытрясу, я буду теперь собирать для Вас, я пойду на паперть, я даже готов пойти в разбойники, Вы станете скоро богатой, только у меня одна просьба – сегодня я собирался покончить с собой, и проститься с жизнью, у меня две бутылки шампанского, и шикарная закуска, я абсолютно безопасен, почти как котенок, Вы должны отпраздновать со мною встречу Нового Года».

«Ага, Вас посадят не за воровство и разбой, а за совращение малолетних. Вы знаете, сколько мне лет? Так вот, мне еще нет семнадцати. Впрочем, я почему-то верю, что Вы не только благонамеренный, но и подлинно *благо-творительный*, а так как я сегодня и вправду одна на всем свете, и никто меня не ждет дома, я снимаю угол вместе с одной девчонкой, она уже студентка, и сегодня уехала на два дня в какой-то поход со своей группой... Кстати, она меня учит всему, чему ее учат в университете, а я за это зарабатываю деньги для нас обоих, продаю книги, игрушки, лотерейные билеты... Ну, что ж, давайте, я помогу накрыть стол».

Работа закипела, через полчаса посередине офисной комнаты стоял веселый праздничный стол, посередине него стояла елочка, а под нею две бутылки шампанского.

Юля решительно собрала мусор в ведро и побежала выносить.

«Я уношу старую жизнь. Раз Вы начинаете новую жизнь, то и я тоже, за компанию. Только обязательно расскажете все о себе, кто Вы и что Вы, а я – о себе».

Юля убежала. Через пять минут раздался звонок, и с той же счастливой улыбкой Алексей Иванович широко ее распахнул, и замер от изумления.

На площадке стояли двое. Совсем юная девушка ослепительной красоты, и один из вчерашних бомжей в рваном ватнике с ножом в руке.

«Спокойно, хозяин, не делай лишних движений, если жить хочешь. Мы сейчас на цыпочках войдем к тебе в комнату, цыпочку я привяжу к креслу, потом ты отдашь мне свою одежду и деньги, я привяжу и тебя напротив твоей цыпочки, и тихонько свалю. Как говорится, и я сыт, и Вы целы».

«Да денег у меня только мелочь, вот, бери!»

Алексей Иванович сунул руку в карман, достал пистолет и взвел курок.

«Сначала пристрелить, потом вызвать охрану, или наоборот?»

Бомж затрясся, нож вывалился у него из рук, он бросился на колени и запричитал: «Прости, хозяин, детьми клянусь, я больше не буду, прости меня ради Христа!»

«Тогда кубарем катись вниз, и не забудь в церковь зайти помолиться и прощения попросить!»

Они вернулись в комнату, Юля бросилась на грудь к Алексею Ивановичу и зарыдала.

«Ну, не плачь, моя ласточка, теперь все будет хорошо». – Алексей начал целовать ее руки, щеки, и вдруг поцеловал в губы. Юля замерла. Потом выскользнула из его объятий, но осталась рядом. Несколько минут прошли в молчании.

«А что это мы как на похоронах? Открывая шампанское, президент, гулять так гулять, тем более, что случилось более важное событие, чем встреча Старого Нового Года – в первый раз в жизни меня поцеловали, а я даже не зарезала этого смельчака! Или ты думал, что я современная девушка, и ничто из человеческого мне не чуждо? Нет, мой рыцарь, я воспитывалась по правилам гор, хотя я и русская. Правда, сегодня, как мне кажется, только

начало, и чем дело кончится, предугадать трудно, может быть, я Вас еще и зарежу. Вы не возражаете, раз уж мы поцеловались, то перейдем на ты?»

«Конечно, моя богиня!»

«Как я уже сказала, я девушка строгих правил, хотя... если решаюсь пить с незнакомым мужчиной, то в этом я уже не уверена. Но на всякий случай разбавничий нож отдай мне, лучше, если мы будем оба вооружены».

Она выпила залпом шампанское и начала хохотать.

Алексей Иванович встал перед нею на колени и взял ее за руки. Да, более ослепительной красоты он не встречал. Она была и девочкой и женщиной одновременно, от нее исходило столько страстной женской притягательности, что у него закружилась голова и он чуть не потерял сознание.

Ее губы обещали и волновались, кофточка была полурасстегнута, и аромат молока, смешанный с тонкими духами, опьянял сильнее шампанского. Она была одета в короткую соблазнительную юбочку, которая и прикрывала и открывала стройные красивые ноги; тонкая талия, гордый изгиб шеи, длинные темно-каштановые волосы ложились на плечи как цыганский платок.

«Ты можешь подумать, что я влюбился в тебя с первого взгляда? Нет. Я был влюблен в тебя всю твою жизнь, я вымечтал тебя в снах и воображении, в потерях и бедах. Тебя создали небесные силы и прислали мне на границе отчаяния.

*Я хочу целовать твои губы,
И в глаза неотрывно глядеть.
Как Европою дикие гунны,
Так тобою хочу завладеть!*

– пробормотал он свои старые стихи.

«И я о тебе мечтала и видела во сне. С тобою я готова на все. Но сначала ответь мне на главный вопрос, который волнует каждую девушку: ты женат?»

Алексей Иванович помрачнел и чуть не заплакал.

– Был женат. И у меня была дочь, твоя ровесница. Пятнадцать лет назад они погибли при бомбежке, когда наше безумное правительство штурмовало Грозный, моей Сашеньке не было еще двух лет, как и тебе в то время. Я не смог с ними проститься. Я даже не смог их похоронить. На месте дома осталась одна братская могила.

Мне слишком тяжело вспоминать об этом, единственное, что удержало меня в жизни, это жажда мщения. Но мои обидчики слишком высоко парят, и имя им легион. Это дьявольское правительство, для которого мы все – только средство в их низких политических расчетах, в которых отдельный человек ничего не стоит, и даже сотни тысяч и миллионы. Это тупые и злобные генералы, это нерассуждающие пьяные офицеры и солдаты, это верноподданный и равнодушный народ... Как мне отомстить им всем?!

Только Бог, если захочет, сможет помочь мне.

Ладно, мой ангел, расскажи лучше о себе...

– Сашенька?... Алексей Иванович... Алеша.. давай, пока мы оба не заревели, начнем праздновать проводы Старого Нового Года, и о себе я расскажу позже.. чуть позже.. вот выпьем еще по бокалу шампанского, и что-нибудь съедим, а то я с утра еще и не ела, у меня ведь денег ни копейки не осталось, я Сашеньке все отдала, думала, заработаю, но не везет весь день, вот и приперлась с Уголовным Кодексом. Кстати, пока мы не напились, и ты меня еще не соблазнил, купи у меня его, хотя бы за двести рублей.

Алексей Иванович взял у нее книжку, отдал ей двести рублей и захохотал: "Ну, воистину, жизнь – это чудо. Только что ты была нищей, а я богатею, и вот теперь все наоборот, двести рублей у тебя, а у меня ни копейки, и в моем углу меня никто не ждет не только сегодня, но и завтра, и послезавтра... У тебя есть подруга, а у меня – просто приятели, сотрудники, знакомые... ну, иногда, бывает, что и *«одна, просто так знакомая...»*.. но я тебе обещаю, что отныне кроме тебя у меня никого не будет, я буду заботиться только о тебе, любить только тебя! Давай выпьем за любовь и чудо!"

Они выпили, и как-то так случилось, что снова оказались в объятиях друг друга, но Юлия прижалась лицом к его груди, он целовал ее шелковые каштановые волосы, потом взял ее руку и стал целовать пальчики.

– Все, хватит! – решительно заявила Юлия. – Если так дело дальше пойдет, ты меня соблазнишь еще до свадьбы, а законы гор за это строго наказывают – даже смертью! Кстати, ты ведь мне еще не сделал предложение, а я уже обнимаюсь... Ты – негодный Дон Жуан, а я уже превращаюсь в "даму с камелиями"... всё, больше никаких поцелуев... пока я не выйду замуж... за тебя или кого-нибудь другого... Ты что, думаешь, мне никто не предлагал руку и сердце? Мне даже один олигарх предлагал уже сто миллионов.. за одну ночь... я почти согласилась, но с условием, что он сначала напишет завешание, а потом... я его зарежу и уйду в монастырь... И вообще, давай поедим, у меня уже в животе кто-то песни поет.

И Юлия набросилась на еду со всем пылом здоровой деревенской девчонки.

– Моя королева! – торжественно обратился к ней Алексей Иванович. – Я тебя люблю – сегодня, и завтра, и всю жизнь! Выходи за меня замуж!

– Согласна! – закричала Юлия, и они потеряли сознание в безумном и страстном поцелуе, не заметили, как оказались на диване, и не понимали, как из одежд словно из пены морской появляется прекрасная нагая Афродита – еще прекраснее, чем в одежде.

– Сумасшедший... – шептала Юлия, – ты хоть закрыл ли дверь, кажется, она не закрыта на ключ, а вдруг, кто-то войдет? И ты ведь на мне еще не женился, надо же венчаться в церкви, или хотя бы зарегистрироваться в загсе...

– Нас не обвенчают, пока тебе не исполнится восемнадцать. Но мы ведь любим друг друга, а разве любовь ниже священника и чиновника? Говорят, что Бог – это любовь, а я понял еще более важное: именно Любовь – это Бог! Ты согласна?

– Да, мой миленький, я согласна на всё, даже если ты скажешь, что завтра бросишь меня, я уже не откажусь стать твоей. Даже если я узнаю, что эта ночь – последняя в моей жизни, я согласна и на это, пусть будет наша ночь даже ценою моей жизни.

– Нет, нет, теперь мы будем жить вечно, не говори о смерти, даже в шутку... – воскликнул Алексей Иванович, целуя ее нежную грудь, к которой не осмеливалось, возможно, прикасаться и полотно сорочки.

... И в этот момент в дверь забарабанили.

– Алексей Иванович, да ты жив ли? Телефон не работает, звонок не звонит, если не откликнешься, я взломаю дверь. Тут к тебе еще одна посетительница, через пять минут мы с ней к тебе поднимемся.

– Жив, жив, ждем, только не раньше, чем через пять минут, я должен э-э... приготовить салат.

Юля встала, оглядела себя и покачала головой: «Если бы мои родители были живы, они бы меня точно зарезали! По-видимому, это они велят мне повременить с брачной ночью. Но ты не переживай, мой миленький, не в этом году, так в будущем, но я все равно стану твоей! Ты ведь сможешь потерпеть еще четыре часа, пока не наступит Новый Год?! А если и мне будет невмоготу терпеть, выпрем нашего охранника пораньше. Да ведь к тебе еще какая-то дама? Может быть, у тебя я не единственная?»

– Нет, ты у меня одна на всем свете. А что случилось с твоими родителями? Если только не слишком тяжело тебе говорить об этом?

– Я не знаю, что вообще случилось, я жила в Детском Доме, как я туда попала, я не помню, там я подружилась с девочкой, у которой тоже погибли родители, мы с ней вместе и теперь живем, а в разных Детских Домах были до шестнадцати лет, нынешней весной получили паспорта и приехали в Питер, поступали в университет, экзамены сдавали по очереди, кто что лучше знает, чтобы наверняка поступить, а договорились, что документы сдадим на ее имя, мы похожи, и одевались так, что никто нас ни в чем не заподозрил. Со мною, когда я попала в Детский Дом, была детская книжка, я ее держала в руках, и говорят, что не хотела выпускать ее из рук, она и теперь со мною, я ее всегда ношу с собой, как реликвию, а в этой книжке на первой странице рисунок пером, мужчина держит на руках маленькую девочку, я думаю, что это мой папа и я. И подпись: моей любимой Юленьке на вечную память!

Юля открыла сумочку, достала книжку, раскрыла ее на первой странице и подала Алексею Ивановичу, и только тут на него взглянула. Ей показалось, что его накрыло какое-то облако, отчаяние, смешанное с надеждой, горе, смешанное с блаженством, свет и тьма вместе. По щекам его катились слезы.

Он уже знал, что увидит, но еще боялся взглянуть. Наконец, решился и взглянул. Тот день, тот час, когда он сделал этот маленький набросок на страничке волшебной детской книги, встал перед его глазами.

– Юленька, это не твой папа, это я подарил тебе сказки и нарисовал тебя и себя, а через два дня Вы все погибли, и твои родители, и моя семья... Я не знал, что ты чудом осталась жива, я попал в госпиталь, долго был без памяти, мне сказали, что никто не выжил из нашего дома.

В этот момент открылась дверь и вошел Петр Сергеевич с девушкой лет семнадцати.

– Саша, разве ты не уехала? – воскликнула Юля и, бросившись к подруге, схватила ее в объятия и сжала изо всех сил.

– Юлька, сумасшедшая, ты меня задушишь. Наш автобус сломался, мы вернулись, шли пешком десять километров, прихожу, на столе записка: «Пошла за деньгами в Благотворительный фонд на Морскую». Ну, я и захожу подряд во все подъезды, спрашиваю, нет ли здесь какого-нибудь Благотворительного фонда.

Зашла в соседний двор, там какой-то жуткий бомж сидит, я ему пирожок с капустой отдала, говорю, больше у меня ничего нет, а он, по моему, совсем тронулся, иди, говорит, в соседний двор, они там, скажи, что в церкви я уже был, Бог меня простил, и я ухожу в монастырь замаливать грехи. Я, конечно, ничего не поняла, только почему-то сразу догадалась, что это Юлька... А кто же, думаю, еще? На Рождество мы гадали, и выпало исполнение всех самых сверхъ-естественных желаний.

Она стала смотреть на Алексея Ивановича, и лицо ее все бледнело.

– Скажите... пожалуйста... Вашу жену звали... Лизой?

– Да...

– Отец! – закричала Сашенька и потеряла сознание.

ВСТРЕЧА НЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В вагоне поезда Москва-Владивосток, а точнее сказать, в ресторане, за одним столиком встретились три уже немолодых человека: двое мужчин и одна женщина.

Кирилл Афанасьевич, слегка за шестьдесят, был навеселе, еще почти не закусывал, ресторан был пуст, и случайного посетителя пригласил к себе широким жестом.

На столе стоял графин с водкой и огуречный рассол в банке, не считая разнообразной закуски.

– Как Вас по имени-отчеству?

– Игорь Иванович...

– Не волнуйтесь, уважаемый, нынче многие из нас *не при своих*, а так как это я Вас приглашаю, то выпивка и закуска – моя! Чтобы Вы не чувствовали себя неловко, можете заказать сок или лимонад.

– Жарко... Водку пить я даже побаиваюсь... Врачи, правда, и вовсе пить ничего не рекомендуют.

– А вот, кстати, идет и барышня! (барышня, кстати, была их ровесницей, но выглядела моложаво, хотя и печально).

– Что Вы предпочитаете, уважаемая, шампанское или сухое вино?

– Вы меня приглашаете? – с чуть заметным акцентом отозвалась дама.

– Не только приглашаю, но даже готов встать на колени, чтобы вы согласились составить нам компанию! Мы люди вполне приличные, в обществе не напиваемся, культурны и обаятельны.

– Да, я это уже успела заметить. Спасибо за приглашение, будем считать, что вы собрались распить "на троих", и в моем лице ждали "третьего" – не так ли?

– Что ж, можно считать и так, но у меня есть и более важный повод – ко мне возвращается жена.

– Значит, уместно шампанское. Кстати представляюсь, – добавила дама, усаживаясь, – Елизавета (если по-русски), а если неудобно звать просто по имени, то ещё и Петровна.

– Я слышу, что Вы говорите с акцентом, – заметил Игорь Иванович.

– Хотя когда-то я была русской и говорила без акцента, но вот уже почти сорок лет живу за границей, сменила гражданство, сменила мужа, сменила язык... Так что я *бывшая* русская, даже и не русскоязычная.

– Немного странно это слышать. Можно стать бывшей женой, бывшей турецкой подданной, но стать бывшей русской, мне казалось, нельзя!

– Все проходит, даже любовь, даже партийная или религиозная принадлежность, почему же не пройти и привязанности к народу?

– Ну, кстати о любви, – отозвался Кирилл Афанасьевич, разливая в бокалы шампанское. – Мы с женой любили друг друга, и расстались... налетела буря, разметала нас в разные стороны.

Я затеял амуры со своей студенткой, она строила глазки заведующему кафедрой. Но я держался. Ушла она. Так просто, внезапно, ничего с собой не взяла, оставила на столе записку: "Сбежала с проезжим офицером".

Потом мы встретились, объяснились, у нас установились прекрасные отношения, и оба мы были счастливы, каждый в своем.

И вот, почти в один год, у нее умирает муж, от меня уходит жена, мы встретились на похоронах, у каждого из нас нет никого ближе. Так и получилось, что сначала помогали преодолевать друг другу горе, а теперь – пытаемся еще и познать новую радость.

А сегодня она прислала мне сообщение: всё решено окончательно, во вторник я возвращаюсь к тебе. Целую, люблю, твоя Валушка.

Вот как оно бывает!

И он разлил всем еще по бокалу шампанского

– Кстати, не расскажете ли и вы какую-нибудь историю о любви, трагическую или смешную, но именно выпадающую из порядка вещей, как эта моя встреча после двадцатилетней разлуки?

Игорь Иванович задумался.

– Знаете, я поэт, и поэтому существо ветреное и любочливое.

Много было в моей жизни встреч и расставаний, и влюблялся я иногда в самых невероятных обстоятельствах.

Влюбился я даже в прокуроршу, обличавшую меня на процессе. Правда, объясниться ей в любви мне не удалось. Я начал говорить о том, что даже смерть из рук прекрасной женщины – награда – но меня лишили права голоса и пообещали вывести из зала суда.

Впрочем, есть одна история, которая стоит того, чтобы остаться в памяти хотя бы нескольких человек.

После тюрьмы меня перевели в тюремную психиатрическую больницу, с свободами и правами еще меньшими, чем в тюрьме, да и притом с неопределенностью срока. Больного освобождали лишь с условием, что он отказывается от своих общественно-опасных идей, в моем случае я должен был доказать, что я ЛЮБЛЮ Советскую власть. Дело в том, что осудили меня за то, что я её НЕ ЛЮБЛЮ – так было сказано в Приговоре.

В последний год моей неволи я пребывал почти в санаторных условиях – содержали меня в отдельной камере-палате, которая закрывалась только на ночь, а днем я ходил по коридору, и даже меня выводили на разные легкие работы на территории тюрьмы..

К тому же, персонал тюрьмы-больницы любил меня, и для меня было множество льгот, так как я считался "человеком необыкновенным".

Особенно близкие отношения установились у меня с молоденькой сестричкой, с которой мы часто выстаивали в доверительных разговорах.

Она, как оказалось, тоже была диссиденткой, в мое безумие не верила, да к тому же, как положено в романтических обстоятельствах, была красива, умна, обаятельна и обладала волнующей женской силой – короче, очень быстро свела меня с ума.

Я написал в ее честь множество стихов – именно стихами пытался я завоевать ее сердце!

К сожалению, при освобождении тетрадь со стихами потерялась ... помню я лишь отдельные строки, посвященные ей. Впрочем, стихи были слабыми, и поэзия не много потеряла от их утраты.

Стихи ли мои на нее действовали, или романтические обстоятельства, но так или иначе, постепенно и она начинала волноваться при наших встречах, и грудь ее трепетала, и дышала она... да, так сладко, так трепетно было ее дыхание, что голова моя еще сильнее кружилась.

Но мы не могли не только взять друг друга за руки, но даже придвинуться поближе.

О, как я мечтал оказаться с нею в других обстоятельствах, менее романтических, но где мы были бы только вдвоем! Я грезил о ней днем и ночью, я представлял ее своей возлюбленной, любовницей... короче, все больше сходил с ума, подтверждая диагноз советской системы.

Так наступило 31-е декабря, ей выпало дежурить в тюрьме в Новогоднюю ночь (и я думаю, что это она сама вызвалась).

Ближе к полуночи затих шум в больнице, затихли шаги охранников, и вдруг в камере погас свет (который горел днем и ночью), а через несколько мгновений открылось окошечко – "кормушка" – в двери.

Целоваться через это окошечко было страшно неудобно, но мы все же слились в поцелуе.

– Миленкий, я договорилась с корпусным, взамен обещаю ему кое-какие лекарства... Я пыталась уговорить его, чтобы он открыл твою дверь, но... он не согласен ни на какие условия... Кроме одного...

– Какого же?

– Сам мог бы догадаться! После встречи с тобой я должна была бы остаться на ночь с ним.

Мы целовались, я ласкал ее грудь, наконец получил неземной подарок, прижавшись к ее груди губами. Что мы только не шептали в порыве восторга, в каких словах не выражали нашу страсть и жажду друг друга – но все было тщетно, проклятая железная дверь нас разделяла! Быть вместе было блаженством, но оно было мучительно.

– Решать тебе! – сказала она, плача. – Или мы заплатим такую цену, или я сейчас уйду, я не могу больше терпеть эту пытку!

Игорь Иванович замолчал, затем добавил: Выпьем за величие и отчаянность женщины!

Все выпили, никто ни о чем не спрашивал, хотя история была недосказана.

– А что наша прекрасная дама? – воскликнул Кирилл Афанасьевич. – Не может быть, чтобы у нее не было какой-нибудь романтической истории, да может быть и под Новый Год?!

– Да, были и у меня в жизни разные приключения, не скрою, – низким бархатым голосом отозвалась дама, сняла очки, протерла глаза платочком. – Но, к сожалению, через 20 минут моя станция, а мне еще надо собрать вещи. Могу добавить к вашим рассказам две-три фразы.

Ну, вот, например, из Апухтина:

Она была мечтой поэта,

И слава ей венок плела!

Затем решительно встала из-за стола и, не прощаясь, вышла.

1977 – 9 июня 2012

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

ПРОЛОГ.

В канун Нового, две тысячи тринадцатого года в Петербургской филармонии давали праздничный концерт.

– Ты не знаешь, зачем я приехал в эту страну? Нет, ты не знаешь.

В Европе каждый день предсказуем, все дела расписаны на неделю, на месяц вперед, точно известно, всем, не только спец-службам, когда и где ты проснешься, когда и где ляжешь спать.

Здесь же ни в чем нельзя быть уверенным. Если тебя не ограбят и не убьют бандиты, значит ограбят и убьют менты, или правительство, или конкуренты.

Здесь мы боимся собственной тени, но зато, доживая до вечера, счастливы. Вот за этим счастьем мы сюда и едем! – горячась, говорил привлекательный мужчина лет тридцати пяти своему спутнику, мужчине уже в летах, но стройному и поджарому, с цепким взглядом юриста или сыщика или телохранителя.

Впрочем, он был и тем, и другим и третьим.

Импозантно одетая пара прогуливалась в фойе, давали вторую симфонию Малера, дирижировал сам маэстро.

Вдруг говоривший остановился и замер, восхищенный: мимо прошла другая пара, моложавая привлекательная мама и ее дочь, совсем юная девушка с распущенными длинными волосами. Она была не только красива, она была очаровывающая, на бледном лице сверкали, иначе нельзя было сказать, темно-синие очи, взгляд ее был высокомерен и презрителен.

– Друг мой, второе отделение тебе не удастся дослушать, узнай, кто она, это вопрос жизни и смерти. Если узнаешь, я поверю, что это ты выкрал у ливийского диктатора его самую красивую наложницу.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин! – шутливо, однако с некоторой долей подобострастия произнес телохранитель.

Когда концерт окончился, он уже был одет и ждал своего хозяина с его меховым пальто. Они немного отошли от гардероба, но недалеко, Петров ждал пару, которая привлекла его внимание.

– Маме около сорока, она пробовала себя и в театре и в кино, в поэзии и в прозе, но с Одинаковым успехом, то есть безуспешно, – докладывал сыщик. – Дочери шестнадцать лет, вышел сборник ее стихов, прекрасно изданный, и немалым тиражом, вероятно, кто-то ей спонсировал.

В составе поэтической группы выступала на концертной площадке, пела под гитару песенки собственного сочинения, ее заметили, уже есть и поклонники. Говорит по-английски и по-французски, знает древне-греческий и латынь. Играет на фортепьяно, виолончели и скрипке.

В это время мама и дочь получили студенческого покроя куртки и отошли к зеркалу. Петров оказался рядом.

– Мадам, разрешите Вам помочь?! – обратился он к матери по-французски.

– Ах, может быть, месье знает английский? Я недостаточно хорошо говорю по-французски, не говоря уж о древнегреческом...

– Разрешите представиться, – ответил он по-английски, – граф Петров, кавалер мальтийского ордена, владелец «заводов, яхт, пароходов», гражданин Монако.

Небрежным движением он водрузил на плечи даме ее куртку и отобрал куртку у дочери.

– Надеюсь, Ваша юная дочь разрешит мне поухаживать и за нею?

– В отличие от мамы, я хуже говорю по-английски, но мы могли бы продолжить беседу на древнегреческом! – с вызовом ответила дочь.

– Лучше уж по-японски...

– Вы знаете японский?! – воскликнула красавица по-японски.

– Нет, к счастью, нет! Но я зато не забыл еще русский, и буду рад, если мы продолжим беседу на нашем родном языке. Я ведь не всегда был монашкой. Что до яхт и пароходов, то это истинная правда, в списке Форбс я на почетном семьдесят третьем месте.

Он протянул дочери буклет, где и впрямь на седьмой странице жирным шрифтом был означен граф Петров.

– Вы, сударыни, произвели на меня неизгладимое впечатление Вашей образованностью. Может быть, Вы знаете, какая звезда благоприятствует влюбленным на смене нынешних эр?

– Кассиопея! – ответила мама. – Но зато моя дочь – победительница международной математической олимпиады...

– и она знает, что дифференциал с интегралом не пересекаются... или в бесконечности... – добавила дочь.

– Сударыни, меня и моего спутника ждет автомобиль, я приглашаю Вас закончить беседу за чашечкой кофе в уютном ресторанчике здесь неподалеку, и затем мой шофер отвезет Вас домой. Тем более, что у меня есть к вам небольшое деловое предложение, оно отчасти имеет отношение и к Вашим стихам, мисс, – поклонился он дочери.

Только храните нашу встречу в тайне, я в России инкогнито, так как ваше правительство вынашивает планы меня выкрасть. К счастью, они не знают меня в лицо.

– Как романтично! – иронически протянула дочь. – Впрочем, мы, кажется, готовы уже согласиться, не так ли, мама?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

В баре в гостинице Европейская в затемненном уголке на маленьком столике стояла уже блестящая новогодняя елка с настоящими свечами, официант зажег их, стало светло и по домашнему уютно.

Тонкий аромат кофе приятно щекотал ноздри. Надо сказать, что мама с дочкой за хлопотами забыли пообедать, к тому же эти билеты в филармонию не вписывались в их скромный студенческий бюджет.

Кстати, дочь училась уже на первом курсе в университете, и Вы будете недалеко от истины, если предположите, что ее специальностью была астрономия. Или математика. Или и то и другое. Впрочем, стихи она сочиняла и на лекциях, и между ними, и даже в метро. Она сочиняла их с пяти лет. С тех пор, как познакомилась с Пушкиным и решила его превзойти.

Заметив голодный блеск в глазах подруг (а мама и дочь были настоящие подруги, и все делили между собой, кроме кавалеров), граф велел принести маленькие бутерброды с икрой и мороженое. То и другое было принято с благодарностью.

– Ну-с, а теперь приступим к делу! – обратился к дамам граф по-французски.

Сначала замечу, что мое предложение покажется вам экстравагантным или оскорбительным, но я высказываю его со всей серьезностью и почитательностью.

На всякий случай, чтобы предупредить ваши сомнения о возможном моральном ущербе, который вы вправе усмотреть в моем последующем предложении, я выписываю вам чек на сто тысяч долларов. Формально будем считать, что это деньги за право издать Ваши стихи в переводах, – поклонился граф дочери и послал очаровательную улыбку маме, передавая ей чек.

– Чек, как вы видите, на предъявителя, вы можете подойти к стойке банка справа от нашего столика и проверить его подлинность, это даже необходимо, вы будете чувствовать себя более по-деловому.

Лука, проводи наших спутниц!

Дамы в сопровождении телохранителя отошли к стойке, через несколько минут вернулись.

– И что нам теперь делать с этим чеком?

– Спрячьте его в сумочку, мадам, мой телохранитель проводит вас домой и даст вам еще тысячу долларов, чтобы у вас были деньги на карманные расходы.. Что до чека, то будем считать, что это – Новогодний подарок, независимо от того, примете ли вы мое предложение, с которым я вас сейчас познакомлю, или нет. Если предложение будет принято, завтра мы улетим в Париж, если же нет, в Париж улечу я один, а вы останетесь в нищей России жить и, как говорится, и добра наживать.

Ну-с, приступим к делу!

Да, я волнуюсь как мальчишка. Если бы я был теперь в Монако, я бы не волновался. Там ко мне все отнеслись бы с пониманием. Но эта Россия... Знаете, народ здесь все таки гордый. Почти как в Польше. Или на Каймановых островах...

– Вы были на Каймановых островах?

– Легче сказать, где я не был. Я не был в Антарктиде. Но мы туда поедem послезавтра, если решим наше маленькое дело.

Итак, небольшое предисловие. На Западе (и даже в Занзибаре), словом везде, кроме России, отношения между мужчиной и женщиной имеют характер сделки. Заключается контракт, форма его уже разработана, вставляются только имена и сумма, которую получает слабая половина в случае его расторжения. Словом, мужчина, предлагая женщине совместное

проживание, ее покупает. Но я более справедлив. Я выплачиваю стоимость покупки сразу, а при расторжении контракта – неустойку не меньшую первоначальной цены, независимо от причины расторжения. Но, предупреждаю, никаких прав на мои баснословные богатства. Только та сумма, которая будет обозначена при заключении нашей сделки. Иными словами, речь идет о купле-продаже.

Цену назначает покупатель. Какую вздумается. Если цена мне покажется слишком высокой, я предложу свою. Но слишком можно не стесняться, я достаточно богат.

Итак...

Граф встал. Встали и дамы. Встал телохранитель. Все оглянулись. Рядом больше никого не было. Даже официант замер в отдалении.

– Мадмуазель! – продолжал граф по-французски. – Имею честь предложить Вам стать моей спутницей жизни на ближайший год. Вы посетите Монако, Антарктиду и Каймановы острова, и любые другие места на планете, где Вам захочется побывать.

Я не спрашиваю, любите ли Вы меня и готовы ли полюбить. Это не имеет значения. Я Вас просто покупаю. Если Вы согласны, назначьте цену. Считаю до семи. Если не согласны, телохранитель Вас проводит.

Итак. Один...

– Это неслыханно! – воскликнула мама.

– Два...

– Нормально, – парировала дочь. – Они только на это и способны.

– Три...

– Не трудитесь дальше считать...

– Четыре...

– Я же вам сказала, что я...

– Пять...

– Согласна. Миллион долларов. Мне. Я девушка скромная. Я еще заработаю. Пять миллионов маме. Она прожила трудную жизнь. Она имеет право на небольшие радости. К тому же ей надо устроить свою личную жизнь.

Но... У меня есть особое условие. Я думаю, что я не менее красива, чем Клеопатра. Но я не требую взамен Вашу жизнь. Только – как и Клеопатра, я продаю только одну ночь. Не более.

– Контракт действует в течение года, – холодно заметил граф. – Я готов согласиться с тем, чтобы Вы принадлежали мне только одну ночь, но в течение года Вы будете жить в моей здешней квартире (за исключением того времени, когда мы будем путешествовать, с Вашего согласия). Там две половины, они и раздельны, но между ними дверь, она не должна закрываться. Мы все таки должны хотя бы проживать вместе. Входя к Вам, я буду стучаться.

– Учтите, если Вы будете ко мне приставать, я Вас зарежу. Я каждый день хожу на занятия в школу восточных единоборств, там же я изучаю японский язык. Небольшой клинок спрятан здесь, в браслете, окаймляющем мое запястье.

Она нажала кнопку, и выскочил изящный клинок.

– Ну, что ж, будем считать, что мы обо всем договорились.

Тогда перейдем в главный зал ресторана, там сегодня Новогодний вечер, будет и посол Монако, я вас познакомлю. Переодеться можно будет в моем номере, портье проводит вас в костюмерную, вы выберете себе подходящую одежду. Телохранитель оформит контракт. В полночь вы его подпишете. Более того, я иду Вам на уступки. В последний момент Вы сможете отказаться. Если захотите, вы сможете остаться на новогоднем балу до утра, но я откланяюсь и исчезну.

Итак, разрешите Вашу руку, мадмуазель.

Лука, предложи маме руку!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Граф был не в духе. Он хотел прилететь в канун японского Нового года и нагрязнать неожиданно к жене-наложнице, но из-за сильных снегопадов самолет задержали, и домой он попал только в пятом часу утра. Из половины жены доносилась легкая музыка. Сбросив пальто и пиджак на спинку кресла и сняв ботинки, он подошел к двери, прислушался. Было тихо, только звенела в полутон музыка. Граф постучался. Дверь немедленно отворилась, словно его ожидали, за порогом стояла Ксения, с распущенными длинными волосами, в которые была вколота жемчужная диадема (подарок графа), с неизменным браслетом на запястье и... Больше ничего не было. Она стояла как Афродита, вышедшая из воды, только еще красивее.

– Вы не замерзнете, мадмуазель? Разрешите, я отнесу вас в постель, а то можете простудиться.

Не ожидая ответа, он схватил ее на руки и понес в спальню. Постель была разобрана, но простыни не были смяты, следовательно, Ксения еще не ложилась спать.

– Вы что же, спите без ночной рубашки? Это мило, я не знал...

– Нет, сплю я обычно в ночной рубашке, – невинно ответила Ксения, но сегодня ночью мы с друзьями праздновали наступление японского Нового года, у нас был небольшой костюмированный бал, и это мой новогодний наряд. Я изображала японскую ведьму... или гейшу... или кого-нибудь еще, я не помню. Мы пили саке и шампанское, и у меня кружилась голова...

– И много у тебя было друзей?

– Трое. Мои товарищи по Школе восточных единоборств.

– Мужчины?

– Ну конечно же!

– А больше никого не было?

– Точно не помню... Кажется, была еще моя подруга. Да, точно.

– Ну, вот что... Сегодня я раздражен, у меня депрессия, мне нельзя оставаться одному. Я ложусь к тебе.

И он плюхнулся, как был в одежде, на кровать, и грубо схватил ее тело и прижал к себе. Ксения вывернулась как змея, в последнее мгновение граф выставил перед собою руку, клинок полоснул его около локтя. В следующее мгновение она выхватила из-под подушки пистолет.

– Он заряжен и снят с предохранителя. Неосторожное движение – и я нажму курок, я тоже на взводе.

Граф был человеком умным и осторожным, несмотря на экстравагантность своих поступков. Он предпочел с позором ретироваться, нежели мужественно лежать у ног Ксении с простреленной грудью.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Прошло полгода. «Супруги» уже успели слегка помириться, ездили вместе в Южную Африку, замерзали на Байкале, шли пешком по Гренландии, купались в Тихом океане, только попыток оказаться в одной постели ни та ни другая сторона не предпринимали.

Стояла золотая осень, вдруг разразился шторм, по дороге в Токио из Берлина самолет совершил вынужденную посадку в Пулкове, погода испортилась, ожидание в аэропорту наскучило, и граф приехал домой. Был поздний вечер, на половине жены звучала музыка, доносились приглушенные голоса.

С бутылкой шампанского в руке и тремя бокалами граф постучал в дверь.

Через несколько секунд она открылась, словно его ждали.

– Шампанское? Как мило? А почему три рюмки?

– Но ведь ты не одна? Я слышал голоса...

– Да, у меня гость, Петр Сергеевич, бродячий философ, вроде Диогена. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

– Тогда я схожу за водкой.

– Не надо, у меня есть, мы тоже отмечаем.

– Он твой любовник?

– Нет, что ты, я ведь девушка строгих правил! Он мой учитель.

Они прошли в столовую, философ был худой и выглядел и впрямь как бродяга. После трех рюмок, после тоста на брудершафт и «ты меня уважаешь?» граф заплетающимся языком сказал:

– А я ведь не представился. Граф Петров, мультимиллионер. У меня к тебе деловое предложение.

Я тебе даю миллион долларов и ты валишь куда подальше, хоть в Америку, но Ксению больше ничему не учишь. Идет?

– Нет, – серьезно ответил философ, словно бы и не пил. – Я ищу смысл жизни и пытаюсь стать человеком, деньги тут ни причем. Они даже мешают. С ними человеком стать трудно. Почти невозможно.

– Тогда я дам тысячу долларов бродяге в ближайшей подворотне, и он тебя зарежет.

– Твои проблемы это не решит. Только мои. Причем, ты не оригинален. Два месяца назад Ксения нашла меня умирающего в подворотне, она услышала, что мяукает кошка, пошла спасать бедняжку, а спасла меня. Судя по всему, второе убийство будет тем, что мне недостает, чтобы завершить свой путь. Я ведь не ищу счастье, не ищу блаженство, даже не ищу истину. Я ее уже нашел. Она состоит в том, чтобы стать достойным человеком, чтобы достойного человека видели во мне другие, и худшие завидовали. Если ты меня зарежешь и я умру и не воскресну, то я окончательно вочеловечусь.

У тебя много денег, но нет Ксении, а она у меня есть. Она мне не любовница, но мы любим друг друга, и я твердо уверен, я это чувствую так, как свое дыхание, что недостойного она любить не будет, сколько бы у него не было денег.

– Отчего же она мне продалась?

– Она была в начале пути. Человека подстерегают искушения. Ты ее искусил. Точнее, ты оказался орудием той жестокой силы, которая испытывает человека на прочность. А она ведь была хрупкой, почти ребенок, и теперь на тебе лежит тяжкий грех – ты испортил сразу две судьбы, и свою, и ее.

– Что ж, значит, деньги и достойная жизнь не совместимы?

– Все возможно на свете, но одно бывает легко, а другое... Возьми огонь и воду. Можешь ты их соединить, чтобы они были одним, как двое влюбленных? Ты можешь вскипятить чай в чайнике на костре, но каждый из них будет сам по себе.

– Я не удивлюсь, если окажется, что ты тоже пишешь стихи!

– Писал. Но уже бросил. Последнее стихотворение я сочинил сегодня ночью.

– Так что же мне теперь делать?

– Стать человеком.

– Но пока я им стану, мы уже успеем состариться, Ксения увянет, а я ведь полюбил в ней молодость, красоту и очарование.

– Надо довериться судьбе и чуду Преображения. Иногда и тысячи лет не хватит, чтобы дойти до вершины, а иногда для этого достаточно семи мгновений, как и для того, чтобы упасть в пропасть.

– Прочти свое стихотворение.

– Слушай...

Дождь льет в небесные дыры,
И в них проникает свет истины.
Счастливый иду я по мокрой улице,
Глядя на крыши домов.

– Дай мне руку. Закрой глаза и представь, чего тебе больше всего хочется: богатство или Ксения, выбирай. Вместе они почему-то невозможны. Не знаю, почему, вероятно, она слишком хрупкий цветок, чтобы его можно было привить к нашей грубой жизни.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

– Моя дорогая, ты молчишь уже семь минут, а обещала ответить сразу же. Владимир Игоревич ждет твоего ответа. Он сделал тебе лестное предложение, мне кажется, раздумывать нечего. И его босс...

На нее с улыбкой смотрел мужчина уже в летах, но стройный и поджарый, с цепким взглядом финансиста или разбойника. Впрочем, он был и тем и другим. Его спутник, лет тридцати, смущенно переминался с ноги на ногу.

Ксения встряхнула красивой головой и пронзительно на него посмотрела.

– Так Вы уже не граф? И не мультимиллионер?

Парень покраснел.

– Я сопровождаю графа в его поездке в Петербург и приставлен к нему от археографического общества. У графа есть ценные рукописи русских поэтов и он обещал их подарить России.

У меня к Вам два предложения, Вы хотели дать ответ через семь мгновений, а прошло уже семь минут.

– Да? Со мною что-то случалось, как будто я переносилась в будущее, и из него вернулась, но совсем не туда, откуда взлетела. Вы что, решили переиграть свою судьбу?

Парень покраснел снова.

– Возможно, что-то случилось и со мною, я словно бы видел странный сон... Но я уже все забыл.

– Покажите Вашу руку, около локтя. Поднимите выше рукав.

Владимир Игоревич подтянул рукав, около локтя белел шрам.

– Вы не помните, откуда он у Вас?

– Нет.

– А что Вы мне предлагаете?

– Во-первых, зайти в ближайшее кафе и выпить по чашечке кофе...

– А может, и по бокалу шампанского? – добавил босс по-французски. – Я угощаю! Ведь сегодня же Новогодний вечер!

– А во-вторых, босс летит в Японию, и я его попросил взять с собой нас обоих. Вы ведь изучаете японский, а я его почти не знаю. К тому же, наш институт будет Вам платить командировочные. И вообще, я мог бы устроить у нас Ваш вечер, Вы бы читали нараспев свои стихи, а я бы играл на гитаре...

– Уж не влюбились ли Вы в меня?

– Вот еще! У меня большие планы по научной работе, в ближайшие годы глупостями заниматься мне некогда.

– И что, Вам совсем не жалко Ваших миллионов?

Молодой человек покраснел снова.

– Так Вы согласны или нет?

– Сколько времени Вы готовы ждать ответ?

– Вечно! – прошептал Владимир Игоревич еле слышно.

– Тогда я согласна.

27. 12. 2012.

ВЕСЕННИЙ ЧЕЛОВЕК

Сегодня ночью я заболел ангиной. Проснулся в четвертом часу, долго полоскал горло, спать было тяжело, вспомнились вдруг школьные годы, время, когда я сочинил свой первый рассказ и прославился. С тех пор, вот уже пятьдесят лет, рассказы я почти не писал, и вдруг захотелось снова окунуться в действие, а не только в размышление, как все последние годы моей умозрительной литературы.

Воспоминания протекали во мне, как весенние облачка на сквозящем небе, я видел юные лица, слышал чарующие голоса, и сам я был и юн и чарующ.

Прошлое пришло ко мне не случайно, давила и болезнь, и окружающая жизнь, и все то, что вычитывалось в газетах: а хотя телевизор я не смотрю (да его у меня и нет), но газеты еще читаю.

А прочитываю я ужасные вещи, например, приехала в вымирающую деревню съемочная группа кино. В деревне работы нет, есть только самогонка и закуска, и последние старушки и последние вымирающие их дети. Режиссер собрал народ, оглядел, я, говорит, вас всех осчастливию. Три месяца вы у меня будете как короли зарабатывать. На всю оставшуюся жизнь заработаете. Плачу по тыще рублей в день! (А они тыщу-то и видом уже не видывали). Работы много, и для плотников, и для столяров, и для землекопов. Будем снимать и батальные сцены.

Проработали так мужики два дня (а он платил им поденно), получили две тыщи, на третий день на работу не вышли.

Что такое?

Устали. Нам пока хватит. Езжай в другую деревню, там мужики еще свежие, еще не уставшие.

1.

Стояли прелестные дни конца апреля, когда небо было бездонно, солнце припекало, все вокруг словно было напоено музыкой. Но с утра было прохладно, и я одел куртку. К тому же продралась сзади мои единственные брюки, а куртка скрывала изъян.

День был воскресный, утром я сделал что-то по обязанности, а потом встречался с Алей, по ее просьбе.

Я кончал восьмой класс, мне было пятнадцать с хвостиком, а Аля заканчивала школу, у нее впереди оставались выпускные экзамены и начиналась взрослая жизнь.

Аля была самая первая, самая необыкновенная красавица в школе, да и в нашем городке, да, возможно, и во всей нашей Восточно-сибирской России, в которой красавицами трудно было кого-нибудь удивить.

Не только приударять за нею никто не решался, но даже смотреть.

Я был смущен, не столько от самой Али, сколько от проклятой дырки в брюках, а обнаружил я ее уже утром и зашить не успел.

– Идем на речку! – приказала Аля. – Да сними свою куртку, жара начинается!

Сама она была в весеннем платье, рукава были длинные, но на груди был небольшой прямоугольный вырез, который не столько открывал, сколько намекал, а намеки на меня действовали иногда пуще, чем самые откровенности.

Я шел, стараясь не поворачиваться к Але спиной, и курткой прикрывая себя сзади, поэтому был не так разговорчив, как обычно.

– Я вот о чем хочу поговорить с тобой... Ты всех с толку сбиваешь, вот что. Себя-то ты уже давно сбил, ну, тебе это, возможно, нипочем, но и самых толковых ребят из моего класса, мы собирались с ними вместе ехать учиться в Красноярск, в крайности в Новосибирск, а теперь они решили податься в Москву, им теперь ФизТех подавай! А мне что делать? Я теперь одна с девочками остаюсь?

– Да это они мне сами про ФизТех напели, я тут ни при чем...

– Не оправдывайся, ты всегда при чем. Сейчас еще всю школу взбаламутил какой-то необыкновенной стенгазетой, дескать на весь край прославимся, уже корреспондент из Красноярска приезжал. Что десятиклассников от газеты отставили, это хорошо, но что моя Анька целый день вчера возле тебя делала? Учти, она еще в седьмом классе, голову ей не дури! Это она по виду такая большая, внутри она махонькая! Ей, может быть, еще рано читать Есенина? Да и тебе стоит ли, ты сразу под его влияние попал, ну что ты пишешь: «Неустанно брожу по дорогам.» По каким дорогам ты бродишь? И почему неустанно?

– Но мы же идем?!

– По тропинке. К речке.

Речку нашу взрослый мужик перешагивал, а я, разбежавшись, мог перепрыгнуть. И все же там было хорошо. Росли кусты черемухи и акации, была запруда, в которой летом купались, а далее начинались совсем дикие заросли кустов, в которых прятались парочки.

– Постой, дай я с тобой померяюсь! О, да я тебя выше!

– Я еще расту. Не успеешь оглянуться, станешь мне по плечо.

– Вряд ли... Но не расстраивайся, я не в укор про рост сказала, не к тому, что, мол, ты еще не дорос, я тебя очень ценю, только оберегаю. Надеюсь, сама я больше расти не буду, сейчас у меня античные пропорции, на заключительном спектакле я буду играть Пенелопу.

А ты читай Блока, он тебе полезнее. И меньше про любовь, рано тебе еще. А тем более Аньке. И из драмкружка не перетаскивай таланты в свою стенгазету, театр важнее! Да не дергайся, нужно мне на твою спину смотреть! Приходи к четверем, бабушка борщ сварила, велела тебя пригласить, я, собственно, за тем и пришла. И Блока у меня возьмешь. Да кстати, если что-то новое сочинил, тоже принеси. А пока будешь борщ доедать, я тебе брюки заштопаю!

(Хранил я эти брюки, хранил, даже уже когда у меня и новые появились, без дырки).

2.

В девятом классе жизнь закипела с утроенной силой. В сентябре нас посылали на картошку, я там влюбился в председателёву племянницу, синеглазую девочку с модной городской причёской: она училась в районном центре и уже начинала форсить.

Чтобы привлечь ее внимание, я сочинил рассказ, редактору районной газеты он понравился, напечатали его в двух номерах, на разворотах – рассказ получился длинный.

Начался скандал чуть не всероссийского масштаба. Редактора от работы отставили. Меня вызвали на какое-то расширенное судилище, где заседали чины чуть не с генеральскими лампасами. Завуч школы, Мария Андреевна, испуганно меня уговаривала: Я поставила в обсуждение тему «Границы вымысла в современной литературе. Влияние попутчиков». Ты должен будешь признать, что в рассказе большая часть нетипична для советской действительности, мы тебя пожурим, пообещаем провести общешкольное обсуждение, а ты пообещаешь рассказ творчески переработать, дескать, на ошибках мучимся...

Я так и пообещал, но один там запел про оппортунизм, я ему и врезал, дескать, сегодня на повестке дня борьба с догматизмом, догматики свою уозсть и скрывают за старыми песнями.

Кончилось тем, что меня исключили из школы.

Впрочем, это было не впервой, в седьмом классе исключали за Дневник, тогда это переживал я трагически, а теперь в дни неожиданных каникул я бродил свободно по городку и пожинал плоды славы. Все почти были на моей стороне. Седовласые старцы переходили улицу, чтобы пожать мне руку.

В один из солнечных дней середины октября побежала через улицу ослепительная красавица в том же весеннем платье с прямоугольным вырезом.

– Ага, упиваешься славой? Скоро в кабаках начнешь стекла бить, как Есенин? Кстати, моя бабушка его притязания отвергла, вот так! Хотя он и посвящал ей стихи. А ты мне всего одно, да и то, может, Аньке...

Читали мы в общежитии твой рассказ, я думаю, что это все чепуха. Начинаешь с того, что, дескать, водка полезна, потом ты со своим беспутным дядей пьешь эту гадость, идете в музей и разглагольствуете, что обнаженные девушки привлекательнее, поэтому, мол, у греков скульптура и была на высоте. Ну где тут политика? Чепуха есть, а политики нет! Я вчера приехала, встречалась уже с Артемом, он теперь освобожденный секретарь, собирал бюро, поставил вопрос об исключении тебя из комсомола. Я ему и говорю, как же вы его исключите, если он никогда не был комсомольцем?

Посмотрел на меня безумными глазами, говорит, ничего, мы его сначала заочно примем, а потом исключим, чтоб другим неповадно!

Это, говорю, ты Василёчкиного Дневника начался? Тебе бы в монастырь пойти, грехи отмолить, а ты упорствуешь! Революционная бдительность все никак не уgomонится!

– Узость и догматизм. Парень он не такой уж плохой, но догматизм его съел.

– А ты откуда такие слова знаешь? Ах, да, ты же с семи лет газеты читаешь, я и забыла!

– А сама ты откуда знаешь про газеты?

– Анька рассказывала. Узнаю, что ты ей стихи посвящаешь, убью! Обоих. Я, может, народоволка...

А кстати, как тебе мое платье?

– Да ведь это то самое, в котором ты весной щеголяла.

– Я его перешила. И вырез сделала больше. Пстой, давай примеримся. О, мы уже сравнялись! Это ты не меня ль догоняешь? Только смотри, не перестарайся, чтоб не перегнать!

Тут, отчего-то, мы смутились оба.

– Приходи к четверем на борщ. Я ведь в Москву перевожусь, представь? Дядю реабилитировали, и квартиру вернули, буду к нему на лекции бегать, учиться в университете. До лета уже не увидимся. Вот так. И, наконец, по секрету. Я с Марией Андреевной разговаривала, исключение твое отменяют, завтра будет решение Роно, и во вторник возвращаясь в школу. И даже редактором Стенгазеты остаешься. Ты у нас теперь всенародный любимец, не только отдельных... Ладно, ждем на обед...

3.

Прошло двадцать лет! С Алей мы не виделись ни летом ни зимой, потом я сам уехал в Питер учиться, потом закружил и меня новая взрослая жизнь.

В Питере апрель тоже бывает чудный, с необыкновенными запахами, струением воздуха и света и каким-то таким сдвигом всего бытия, когда головокружение мира начинается с утра и не кончается даже к ночи.

И вдруг в такой ясный апрельский день (а я, по счастью, был дома) раздался телефонный звонок.

– Вася, это ты?

– Да, я.

– А мы звоним с Невского, из автомата. В справочном дали твой телефон. Ты представь себе, я иду по Невскому, думаю о тебе, а навстречу Аля! Такая же, как была. И тоже, ты не поверишь, в этот момент о тебе думала. Она предлагает встретиться. Ты не против?

– Я встречу вас у метро через полчаса, приезжайте.

Они привезли с собой бутылку коньяку, с помощью Али я приготовил закуску, сели, налили рюмки.

– Ну, что, за встречу? – спросила Аля.

– А можно, я первый скажу? – попросил Артем. – Мне Аля сказала, чтобы я тебе смело звонил, что ты ничего, дескать, не помнишь из прежних детских обид, к тому же на твою долю выпали испытания, которые заслонили, как она думает, все прежнее. Мы ведь знали, что ты сидел, и где ты сидел, и все, кто тебя знал, за тебя переживали. Видно, у тебя такая судьба, все время попадать в передряги.

А помнишь, в десятом классе тебя опять исключили, теперь уже за любовь? Даже не верится... Ты встречался с практиканткой...

– Конечно, помню.

– Я уже учился в институте, но тобою по-прежнему интересовался. Между прочим, я звонил в РОНО, там у меня родственник, может быть, и мое заступничество тебе в тот раз помогло.

А еще я тогда вышел из комсомола, был большой скандал, меня исключили из института, не помогло даже заступничество родных.

Ну, ладно, постараюсь короче.

Так вот, короче говоря, язва прошла через мою душу, и до сих пор. Ты что-нибудь помнишь, что тогда было?

– Конечно помню! Я не такой хороший, как обо мне думает Аля. Царапины и во мне не зарастают. В тот год, когда я учился в седьмом классе, мы ведь с тобою жили в одной комнате в общежитии...

– Не знаю, простишь ты меня или нет, но я пришел попросить у тебя прощенья. Даже если ты меня не простишь, мне уже будет легче, я повинился.

– Дружище, я ждал тебя двадцать лет. Молодец, что ты пришел. Это самая счастливая минута в моей жизни! Если ты хочешь выпить за забвение, то я согласен. Представь себе, я часто переписываю свои стихи и рассказы, почему бы не переписать одну страничку из жизни?

– Нет, я ее переписывать не буду. Она меня учила жить. И я ей благодарен. А за то, что ты меня простил, спасибо!

Когда бутылка была выпита, Аля повела меня на кухню поговорить наедине.

– Нам уже пора убегать, через два часа поезд. Поэтому моя исповедь будет тоже недолгой. Помнишь наше знакомство? Тебе было одиннадцать лет, ты стоял возле кабинета директора и безутешно плакал.

– Меня не хотели брать в эту школу...

– А я была тринадцатилетней девочкой с большими глазами и розовым бантом. Мне тебя стало так жалко, что я решила, что буду тебя защищать. Как оказалось, в первую очередь от себя самой.

Через год моя сумасшедшая тетя, она работала в бухгалтерии машинисткой, начала на машинке перепечатывать твою детскую повесть, ни больше, ни меньше, как о войне. Я ее читала. И она даже произвела на меня впечатление. Потом один раз мы играли с тобою в спектакле, ты играл девочку, и мы должны были с тобою поцеловаться. Но мы оба смутились и целоваться не стали. Вот уже и юность почти вся прошла, не знаю, встретимся ли, а мы с тобою так и не поцеловались. Я тебя как-то не так любила, как надо, не как мальчишку, а скорее как ту девочку из спектакля... или того маленького плачущего мальчика, которого встретила в первый раз. Если бы ты знал, сколько раз я сама проплакала из-за тебя! Закрой глаза, я тебя поцелую. Так, как хочу!

4.

После этого прошло еще двадцать два года, я был без работы, в школе вакансий не было, научные учреждения закрылись, я продавал постельное белье, картошку, разгружал даже вагоны на товарной станции. И вдруг мне предложили поработать полтора месяца в школе, в группах учащихся, готовящихся и к выпускным экзаменам и к поступлению в вуз. Работа была ежедневной, по четыре часа подряд. Предполагались между уроками перерывы, но школьники не давали мне перерываться.

Однажды после уроков одна из учениц попросила меня задержаться и объяснить, почему ее решение не совпадает с ответом. Она взяла мел и написала на доске свои действия, держа тряпку в левой руке.

– Дай мне мел, я зачеркну лишние действия.

– Нет уж!

– Ну дай тогда тряпку! – и я начал отбирать тряпку. Невольно наши руки соприкасались, и вдруг мы оба замерли. Я словно бы поскользнулся и упал в ее сине-голубые с рыжиной глаза. Поскользнулась и она.

Я попытался обратить все в шутку и сказал: – Вот в чем дело, я уже начинаю видеть сны наяву.

– А я их уже вижу давно! – ответила она.

Ни слова не говоря, я быстро собрался и пошел из класса, но на пороге обернулся.

Девочка помахала мне рукой и подняла выше голову, словно говоря, что она выше судьбы.

На следующий день после уроков я уже пошел домой, как на улице меня догнал какой-то мальчишка и попросил срочно вернуться в школу, якобы меня вызывают к директору.

Около школы, у небольшого садика с кустами черемухи и большой белой березой стояла она.

– Не спешите, никто Вас не ждет, кроме меня. А я улетаю в далекие страны... – она пропела последние слова. – Нет, правда, я улетаю завтра утром. В Аргентину. Надолго. И, возможно, мы больше не увидимся. Вот видите, ваша жизнь складывается по-прежнему трагически, а теперь еще и моя.

Я смотрел на нее недоумевающе.

– Я читала Ваш роман, так что почти все о Вас знаю. Я вымечтала вас еще до знакомства. Кстати, вот эта береза называется Исполнительницей желаний. Надо только взяться за руки и обойти вокруг нее три раза.

Пойдемте?

Как во сне, я повиновался

– Может быть, меня уже пора расстрелять?

– За что?

– За то, что я внушаю неправильный образ мыслей и чувств своим ученицам, а, возможно, и себе самому. Конечно, я просто сплю, а во сне человек не всегда отдает себе отчет в том, сколько ему лет и кто он такой.

– Я тоже сплю, но все прекрасно сознаю и вижу. Передо мной мужчина неопределенного возраста, скорее старый, чем молодой, но улыбающийся, как будто ему шестнадцать лет. Сознайтесь, вы себя именно таким ощущаете?

– Да, верно...

– Ну, вот. К тому же, я вас воспринимаю как некий образ из сна.

Мы обошли вокруг березы один раз и тут она резко остановилась.

– Я умру. Поддержите меня, я теряю сознание...

Я взял ее сильно сначала за локоть, потом за талию и почти прижал к себе, чтобы она не упала.

– И на Страшном Суде я покажу, что Вы ни в чем не виноваты. Наступила эпоха безвременья, теперь после зимы сразу приходит лето, весны больше нет, и только Вы – человек-весна. Вы – апрель. Или май. В Вас, может быть, тоже все пороки, как и в других, как и в земле черт его знает что, и щепки, и кора, и камни, и перегной, и глина и песок. Но из земли растут цветы, а из Вас растет головокружение. И мне наплевать, сколько вам лет, пусть даже сто пятьдесят. Мне ведь хочется влюбиться, но не в кого. Кроме Вас никого нет. Это не значит, что Вы такой хороший, вы довольно плохой. Но другие еще хуже.

Я остановилась не потому, что мне жалко себя. Мне показалось, что если мы сделаем еще два круга, сбудутся все мои желания, а я не выдержу этого. У меня болит сердце, я изнемогаю, я не метафорически, а буквально умру. Я остановилась, потому что защищаю Вас, как сказала бы сестра моей бабушки тетя Аля. Что Вы будете делать с мертвой девочкой на руках? Или умирающей? Или еще живой, но готовящейся к смерти? Я знаю, что я не первая прыгнула с карусели, которая нас вертит в круговороте жизни, чтобы подойти к Вам. И я знаю, что Вы спуститесь за мной в пропасть, в которую я Вас поведу.

Но мы расстанемся. Давайте только на прощанье посмотрим друг другу в глаза, и сразу же уходите.

Она взяла меня за руку, приблизила лицо, так что наши губы почти соприкасались. Мы начали падать. Два чувства я испытывал одновременно. Безоговорочную необъяснимую катастрофическую любовь маленькой шестнадцатилетней девочки, губы которой почти не трепетали, но я словно бы слышал, что она кричит: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

И такую же разрушительную, как камни в землетрясении, мою собственную любовь, надземную и земную, или даже подземную!

Святую и порочную вместе. К ее взгляду, дыханию, словам, трепету губ. И к ее безгрешной еще плоти, которую мне хотелось сорвать как цветок и владеть безраздельно.

Переселение душ?

Порабощение тел?

Или та райская чушь,

Которой человек не хотел?

Которой не хотели вдвоем...

А собственный нам не построить дом...

Последняя заря

Наступили, наконец, и такие времена, когда Юрий Федорович начал размышлять о смерти. Надо привести в порядок свои сочинения, решил он, просмотреть их, что-то исправить, *одно оставить грядущему*, другое увезти в деревню на растопку. Собрав все свои сочинения, он ужаснулся: написано было шестнадцать увесистых томов мелким шрифтом! Нет, *грядущее* с этим не справится!

Он стал читать и перелистывать свои книги, начиная с первой, это была повесть о чеченской войне, драматическая судьба молодого русского офицера, романтика, которого не поколебала даже смерть и кровь, и юной чеченской красавицы, воюющей за независимую Чечню. Судьбы их автор прослеживал чуть ли не от рождения, у чеченской девушки только мать была чеченкой, отцом ее являлся инженер-нефтяник, из Москвы, пьяница и бабник, может быть, он даже и не был русским, бросил семью, когда ей было пять лет, и сгинул, с тех пор она ненавидела всех русских, и когда полыхнуло крушение СССР и опьянил вкус свободы, ринулась в мщение. У героя все было более стандартно, но автор попытался объяснить, как в суровых условиях казармы можно стать романтиком. Объяснил ли? Нет, вздохнул Юрий Федорович. А тогда зачем двести страниц никому не нужных придуманных событий скучной жизни? В печку! Правда, конец... да, заключительный эпизод был эффектным, его Юрий Федорович решил оставить. Оставалась одна страница...

Итак: раненый офицер попадает в плен, чеченский отряд отступает, пленного с собой тащить невозможно, девушка (а она была у них разведчицей и снайпершей) вызвалась его расстрелять.

- Как тебя зовут? – спросила она.

- Максим.

- Послушай, Максим, ты такой молодой и привлекательный, что я хочу дать тебе шанс. Беги! Я считаю до семи и только потом стреляю. Но учти, что я стреляю без промаха, так что вряд ли тебе поможет моя блажь.

- Я тоже так думаю. Прямо за тобой расцветает заря. А я подростком видел сон, будто меня расстреливает красавица на фоне зари, и вот тут все сходится. Я ведь все равно умру, а лучшей смерти мне не встретить. Я буду смотреть на тебя, а ты сосчитай до семи и потом стреляй!

В ближайший военный госпиталь в середине дня доставили раненого офицера, рана его была не так опасна, но он потерял много крови.

«Там привезли еще девушку, услышал он, ее надо срочно оперировать, она умирает.»

- Хирург! – обратился офицер к врачу. – я вас очень прошу оперировать сначала ее, это моя жена!

Госпиталь был переполнен, поэтому на следующий день, очнувшись, офицер увидел, что он лежит в коридоре, а рядом – та самая чеченская девушка, и она на него с удивлением смотрит.

– Как ты попала сюда? – спросил он.

– Меня расстреляли тоже, свои, кто-то из них увидел, что я в тебя не стреляла. Они нас расстреляли обоих, но в спешке не дострелили, или нам было не суждено умереть.

К счастью, я осталась жива. Подошли ваши, завязался бой, наш отряд отступил. Всех раненых увезли в госпиталь, и меня тоже. Я видела, как тебя уносили, и солдатам сказала, что ты мой муж. А утром, проснувшись, попросила, чтобы меня положили рядом с тобой, и хирург мне ответил, что ты меня спас, сказал, что он твой муж и попросил оперировать раньше, еще бы несколько минут, и я бы уже умерла. Правда, добавил он, я о тебе все знаю, но буду молчать, если вы меня оба позовете на свадьбу.

Счастливая встреча

Декабрь в Питере обычно темный, и чтобы себя утешить, я вспоминаю что-то светлое и радостное, что случилось в этом месяце в прошлом. Обычно вспоминаются детство и юность, но вчера я вспомнил то, что случилось всего несколько лет назад и заставило чуть-чуть погрустить, но и умилило.

Более сорока лет назад, еще в студенческие годы, судьба занесла меня на берег Ладоги около речек, впадающих в нее, Свири и Пашу́, там я в деревне зиму проработал учителем, когда из университета меня временно отправили на «практикум по марксизму-ленинизму», как шутил мой старый товарищ. На воскресенье я возвращался в «город на Неве» – так, вероятно, предпочитали его называть скрытые диссиденты, а в ночь на понедельник ехал поездом до Пашу́ и оттуда в четыре часа ночи шел пешком до своей деревни (всего-то 18 километров). Ту счастливую жизнь я вспоминал часто, поэтому мы с женой иногда наведывались в эту деревню, обычно в конце августа, но от Пашу́ уже ехали автобусом по мало проезжей дороге

Впрочем, от Загубья на Ладожский берег добираться было еще труднее, сначала 4 мало-проходимых километра вдоль Старо-Ладожского канала, построенного еще при Петре (Ладога вдоль берега опасна для судоходства), затем два с половиной километра перпендикулярно к берегу по Немецкой дороге, построенной немецкими военнопленными сразу после войны – а по ней пройти мог только ладожский волк или Василий Иванович. Кстати, я ходил за клюквой на болота за Лугой, и шел однажды по великолепной дороге, построенной русскими военнопленными во время войны – вероятно, строилась она под руководством инженеров еще царской выучки...

...

Приехали мы в Загубье в конце августа в шесть часов вечера, надо было спешить, чтобы на берегу моря развести еще костер хотя бы в сумерки при вечерней заре и поставить палатку, но все же зашли в магазин – как тщательно ни собирайся в дорогу, что-нибудь да упустишь.

За прилавком стояла женщина, укутанная в платок, блестели глаза, но возраст ее определить было трудно. Сорок лет назад я здесь работал учителем, школа стояла на пригорке в пятидесяти метрах от селы.

– Водки нет! – приятным голосом радостно сообщила продавщица.

– Да я не за водкой, я как раз вчера пить бросил. А нет ли у вас свечек?

– Свечки есть.

– Знаете, ваш голос мне напоминает давно минувшие времена, может быть, это голос вашей матушки.

– Нет, это моя бабушка, а я ее внучка.

– Значит, она вам рассказывала обо мне?

– Нет, о Вас не рассказывала. А что какой-то приезжий молодец, притворяющийся учителем, вlepил ей двойку по контрольной работе ни за что, рассказывала.

– Во-первых, я у неё потом даже письменно просил прощения, рискуя репутацией, во-вторых, контрольная была не по теме, а в третьих, она ее списала у соседки, у них обеих оказался одинаковый текст...

– Во-первых, тема была раскрыта полностью, сочинение называлось «За что я люблю математику», вот моя бабушка и написала, что за то, что она влюбилась, дура, в Василия Ивановича; во-вторых, это не она у Люськи списала, а Люська у нее, а в третьих, я в вас вовсе и не влюблялась, это вы себе вообразили неизвестно зачем...

... Да, мы постояли немного, глядя друг на друга, потом бывшая Любка достала из-под прилавка две рюмки и налила вина: *Ну, что ж, за встречу!*

Жена моя уже устала меня ожидать на улице и зашла в магазин. Увидев рюмки, она обо всем догадалась, зная многое по моим рассказам, и не отказалась выпить за то счастливое прошлое, которое уже не вернуть.

– Ну и как, не жалеете о том, что вам тогда повезло? – спросила Люба.

– Нет, не жалею. Но ведь в мужчинах, как говорил какой-то умник, *единство противоположностей*, поэтому, как посмотришь на вторую противоположность, то и понимаешь, что и той, которой не повезло, повезло не меньше.

– Ну конечно, я это хорошо знаю. Мне тоже когда-то повезло, поэтому я теперь уже бабушка, у меня три внучки, вот вышла на пенсию и вернулась в родную деревню, работаю иногда продавщицей, а до этого, как ни странно, преподавала математику в Вузе. И вот согласно одной противоположности мы с дочкой обе счастливы, хотя согласно другой... Ну да ладно, выпьем еще по рюмочке!

Взаимно-однозначное соответствие

Семнадцатого января 196.. года я летел из Ленинграда в Ростов. В аэропорту меня проводил товарищ и, помахав взлетевшему самолету, отправил телеграмму встречающим, что я уже в небе.

Уже подлетали к Ростову, но аэропорт нас не принял, и мы полетели к Нальчику, потом покружили еще над двумя аэродромами и отправились назад. Но Ленинград радировал, что и он нас не примет, мы сели во Внукове в Москве. Потолкавшись немного в зале ожидания, я понял, что здесь ничего нам не светит, сдал билет и уехал в Москву на Курский вокзал. Двери вокзала были открыты, но попасть в вокзал было сложно, к тому же я был человеком не крупной комплекции, хотя и не слабый. Не унывая, я решил вернуться во Внуково на последней электричке, была не то пятница, не то суббота, все уже разъехались по домам, в вагоне народу было немного и я спокойно переглядывался с зеленоглазой шатенкой, такой милой, нежной, уютной и домашней, что даже ее красота растворялась в этой домашности – хотя она была изумительно красива, обволакивающей красотой, в которой хотелось раствориться и перестать существовать самостоятельно. Я на нее смотрел и все время улыбался.

Наконец я набрался смелости и сел около нее, мне надо было узнать, доеду ли я до Внукова и когда. Оказалось, нам через 15 минут выходить, она тоже ехала до Внукова, но она жила около станции, а мне надо было идти по зимней дороге еще пять километров. Оказалось, что она учится на 3-м курсе Мехмата в университете, а я окончил Матмех и уже преподаю математику первокурсникам. Общая профессия нас мгновенно расположила друг к другу. Когда мы вышли, было около полуночи, небо сияло от звездного пожара, было морозно, но мы оба были молоды и горячи, по крайней мере снег скрипел радостно, и лица не приходилось закрывать варежками.

Ирина предложила зайти к ней и выпить горячего чая, прежде чем мне отправиться в аэропорт, тем более что жила она в собственной комнате в коммунальной квартире, правда, с вредными соседями.

На крыльце она предложила задержаться и обсудить условия вторжения, как она сказала, в ее крепость. Мы разговаривали почему-то шопотом, но ее переполнял восторг, который звенел даже в шопоте.

– У меня такое чувство, – сказала она, – что это мое первое настоящее любовное свидание. И даже если мы больше никогда не встретимся – а мне представилось, что ты будто уезжаешь утром на войну, – все равно эта ночь продлится столько же, сколько целая жизнь. Ты помнишь примеры *взаимно-однозначного соответствия*? Если точки числовой оси от нуля до бесконечности поставить в соответствие точкам конечного отрезка $(0, 1)$, символически изображающим ночь, так что нуль будет соответствовать полуночи, вот она как раз прошла, а единица будет соответствовать утру, по формуле $G = 1 / (1 - x)$, где x будет произвольная точка ночи, от 0 до 1, то есть от полуночи до утра, а G – точка жизни, то по мере приближения к утру мы будем приближаться к бесконечности. Так как бесконечность никогда не наступает, то и утро никогда не начнется, следовательно, ночь никогда не закончится. Так что даже если у нас с тобой будет всего одна ночь, то это то же самое, что целая жизнь. Ты все понял?

– Я все понял, – так же звенящим шопотом ответил я.

В коридоре мы не включали света, чтобы не разбудить соседей, и мне даже пришлось снять ботинки и идти за Ириной наощупь, время от времени натываясь на ее спину. Так как пальто она оставила на вешалке, то я, прикасаясь к ней, обжигал пальцы.

В комнате свет мы уже включили, включили электрический чайник и она достала стаканы и бутылку вина. Затем я торжественно ей поклялся, что отдаю ей себя на эту ночь в рабство, потому что мы, мужчины, всегда стремимся властвовать над бедными женщинами, а им удастся нами властвовать редко. – *Ты ведь хочешь, чтобы я чувствовала себя на седьмом небе?*

Конечно, я этого хотел, к тому же я всегда подчинялся женщинам и никогда не стремился их себе подчинять.

...Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Эта моя книга, которую я назвал **Исповедью** (вместо **проповеди**), оказалась слишком сердитой, подчас даже злой, я негодовал на народ, хотя и справедливо, но как то безжалостно. С моими товарищами, прочитавшими книгу в черновике, я осуждал мою мизантропию, и поэтому решил на последних страницах написать про любовь, про тот легкий теплый ветер, который вдруг в последние два дня в середине апреля начал поднимать меня от земли к небу и наполнять потихоньку легким восторгом, против всех обстоятельств нашей русской жизни, и общественной и даже моей личной, из-за болезни несколько приунывшей.

Вот поэтому я решил, что закончу злую книгу словами, которые рождает очарование любви, и не буду пока никого проклинать и ни для кого не буду требовать *ни вара ни смолы*...

...Но вернемся в жаркую комнату морозной февральской ночью. Кровать была только одна, и только два стула, да и нечего было постелить на пол, поэтому я перестал спорить и мы легли вместе в душистую девичью постель и провалились в шквал поцелуев, в котором почему-то и плакали и смеялись.

Утром я дошел до аэропорта очень кстати, наш самолет вдруг отправили в рейс. И хотя я свой билет уже сдал, но стюардессы меня успели запомнить и впустили без билета (ах, и что же это было за время!), да нас осталось всего несколько человек, куда-то остальные пропали. Природа бушевала. В Харькове мы пытались упасть, но все же сели, и всей компанией целую ночь пропьянствовали в ресторане, оттуда потом до Ростова я ехал целые сутки поездом. Меня уже родные чуть было не похоронили...

... Первый бокал вина с Ириной я пил за то, что исполню ее два желания, ни одно из них я не исполнил. Через месяц после нашей *ночи, равной жизни*, я позвонил ей, как обещал, оказалось... начал писать, но заплакал ... Жизнь моя удивительна, и она продолжается. Но я хочу вставить в нее и тех, кого нет.

ЛЮБОВЬ, ВСПЫХНУВШАЯ В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Позавчера встречался с Наташей, жаркий день, словно июльское марево, мир сам словно добродушный шмель на цветочной поляне, меня пропитывают ароматы всех цветов мира, давай, говорю я ей, укоренимся в почву, прижмемся друг к другу и будем как два цветка!?

А что я писал вчера Ксюше? «О *«цветении... трепетании сердца и помутнении разума»* пишите, чтобы я был с мечом в руках наготове, но только не пишите конкретно. У таких прелестных девушек как Вы «трепетание сердца» словно трепетание лепестков розы. Девушки – часть природы, тает снег, бегут ручьи, корни пьют воду, льется березовый сок, происходит «цветение»... мне кажется, что я чувствую так же, я тоже девушка... но шмели пусть облетают Вас стороной. По крайней мере чтоб я о них не знал.

... Итак, я еду на днях в электричке, думаю о философии, о Платоне с Аристотелем, а прелестная барышня спрашивает, что делать, если будут проверять билеты... Оказывается, у нее вырвали сумочку из рук, вместе с деньгами и документами, и вот она села в электричку, а потом нам пришлось идти на шоссе (не из-за контролеров даже, а в Малой Вишере, которую она называла Вишэрой, отменили электрички до вечера) – и ловить проезжающие машины и проситься в наше коммерческое время проехать бесплатно. А денег наскребли на половинку черного хлеба, запивая его ключевой водой. В микроавтобусе она заснула, и когда лежала на спине, я бесстыдно любовался ее голым животиком, а когда переворачивалась на спину, взирал плотоядно на полуголую попку. Какая там бесплотная любовь, какой мне Платон друг и даже Аристотель? И вот при таком устройстве моей личности – как мне изображать из себя философа и писать не о той же бесстыдной любви, что у всех, а о ее якобы **мета-физике**?

Все равно ведь и я не вечен, а там уж за всё с меня спросят, так что, граждане праведники, погодите обличать! (Это я говорю своим братьям-писателям.)

Я звал ее переночевать в деревне, около Боровичей, и она на мгновение заколебалась. «А ты дашь мне честное слово?..» И я на мгновение заколебался, – и это мгновение решило нашу судьбу.

Да еще со мною была злосчастная коробка с одеждой, которую я вез брошенным деревенским детям, а то бы я поехал с нею в Москву. В Бологом (которое она называла Болегое) я посадил ее к водителю самому старому, самому дряхлому, и заставил его поклясться, что он на нее даже не посмотрит (а я немало поездил из Москвы в Петербург и даже обратно, и не обольщался насчет проезжающих.)

Ну, вот, стояли мы когда на шоссе с краюхой хлеба с водою, сияло солнце, неслись мимо суровые машины, хлеб был изумительно вкусен, ключевая вода еще вкуснее, и ... как тут мне стать праведником?

Я ведь не пристаю почем зря к пролетающим мимо меня красоткам, живу самой напряженной, самой праведной жизнью, – а вдруг врзается девица в мою слабую плоть, и я, разумеется, схожу с ума... *июль 2012.*

ДНЕВНИК ОТСТУПАЮЩЕЙ АРМИИ

11 октября 2014 г., суббота. Бегом, бегом!.. Уф, кажется, на время, на час или на два мы оторвались от противника, хотя снаряды его разрываются в нашем обозе. Надо освободиться от обоза, от вещей, от рюкзаков, от телег и постромков.

12 октября 2014 г., воскресенье, 16-15. Вчера (вероятно, сдуру) все же пошел в соседний батальон, там праздновали День рождения маркитантки. Мне сразу налили, я пытался пить чуть-чуть, но мне тут же доливали, а потом маркитантка стала меня обличать, что я *человек наоборот*, и Дон-Кихот наоборотный, а тем более Дон-Жуан, что девок я соблазняю, утаскиваю куда-то в их мечтах за семь морей, а сам в кусты.

- Может, ты *не можешь*?

- Если я правильно догадываюсь, что вы имеете в виду, то дело не в том, могу я или нет, но закон не велит, сказано же, что не пожелай жены ближнего своего даже мысленно.

- Вот-вот, ты всех девок моих перепортил, они уже тоже простые слова сказать стесняются, как и ты, а ты даже не можешь объяснить, что ты можешь, а что не можешь, всё метафоры да какие-то тропы. Гнать надо таких из армии, вешать на первой осине или отдавать на растерзание.

Еле спасся, артобстрел начался, армия побежала, и я вместе с ними.

Меня обличали, впрочем, не раз, одна дама вскричала, что таких, как я, надо расстреливать. Но и школьница, с которой переписывался я два года, обличила меня в том, что я пристаю к слишком юным – но разве я к ней приставал? Я не оправдывался на ее упреки, потому что не хотел ее обидеть. И вот она уже выросла, писем мы друг другу не пишем, вероятно, Бог только примеривался, кого мне послать в наперсницы, он спохватился, что дитя для этой цели не годится, и поступил мудро, я переписываюсь теперь с дамами, повидавшими людей, и они причислили меня не к самым худшим. Они меня, мне кажется, понимают.

А вообще-то я не придерживался запрета не пожелать ближнюю себе в наперсницы или подруги, так что я отчасти грешен, но все это были девушки, обреченные на страдания – они были слишком красивы, стояли на остановке в одиночестве в ожидании автобуса, автобусы со страху пролетали мимо, подбирая пассажирок попроще, и я подходил к ним, чтобы им не было так тоскливо. Я не собираюсь хвастаться, влюбленность была моим способом жить и дышать, а им, красавицам, просто больше не с кем было разговаривать. Такая полоса была в ранней юности, когда мне было шестнадцать и семнадцать лет, а им было двадцать, ну что нам с тобою делать, жаловались они, в мужья тебе еще рано, а любовницами красавицы если и становятся, то потом... потом, как Настасья Филипповна...

Это было второе чудо в моей жизни, что меня любили красавицы, а первое

состояло в том, что еще в детстве меня выделяли как человека, которому дано от Бога нечто особенное. Они в это так свято верили, что я теперь понимаю: еще не настала пора, когда я был бы достоин их ожиданий. Все, что я пока написал, это не более чем «примерка».

Потом я потускнел, стал не интересным и не талантливым. Так продолжалось несколько десятилетий. И вдруг после первых заморозков настало нечто особенное... нет, это не «бабье лето», поскольку я все же мужчина, вероятно, со мною настала «мужиковская осень»... или черт его знает что. Но это не то, читатель, что является камнем преткновения в жизни многих и гениальных мужчин. Из них я пишу больше всех о Толстом и Пушкине, и потому скажу о них по несколько слов еще. Толстой заповедей не придерживался, и если он не соврал в разговоре с Вернадским, то не был он примером нравственности, а скорее наоборот. Ну а в старости воистину его бес попутал, начал он проповедовать чуть ли не безбрачие, как и апостол Павел. Что-то есть все же особенное метафизическое или даже трансцендентное (то есть непостижимое, за гранью того что здесь) в отношениях мужчины к женщине, что не дает им покоя ни в юности, ни в старости.

Я к девушкам не приставал (?), ни раньше ни теперь. Мы сталкиваемся на лету как две кометы (как это было со мною в восьмом классе, когда я расшибся о пробегающую девушку и почти расшиб и ее. И мы долго стояли, глядя друг на друга, и потом уже сила тяготения не давала нам разбежаться). А через несколько десятилетий, расставаясь с ученицей после занятия, я стоял с нею у проема двери, который словно был нашим челном, и нам не хотелось покидать этот челн – но разве в конце концов не она первая поцеловала меня, первого среди всех? Я не слишком иной, не летаю меж звезд и сам не звезда. Я только чувствую, как стучит женское сердце. В нем стучит мечта и надежда встретить пришельца, а их очень мало, и они думают, что это я. Или это так и есть? Иначе возможно ли понять, что ко мне привлекало совсем юных, когда я уже был не моложе Фауста. Или дело в том, что мужчины слишком быстро занавешивают рыцарские латы, а женщину воспитывает сон о рыцарских временах?

Но я еще обещал сказать о Пушкине.

Действительно ли у него было так много «побед», как об этом говорят? Ведь если меня любили красавицы, а я все же никого из них «не победил», то почему к нему бог любви был так благосклонен? Или это то самое, что двигало нами, двадцатилетними хвастунишками, когда мы друзьям свои поражения выдавали за победы? (И я уже не помню, не грешил ли этим и я, хотя бы однажды?) Пушкин был влюбчив, безусловно. Он был очарован женской красотой и привлекательностью, нежностью, тонкостью, женщина была его богиней и одаряла его своим вниманием (и превосходнейшая среди них, Муза).

Но что-то мне доказывает (мне внутри, в моем сердце), что он, противоположный Толстому, не был ни циником, ни моралистом. Ни победителем, ни побежденным.

23-25. Раскольников хотел стать Наполеоном, но сломался из-за убийства зловредной старушки. А Наполеон в поражении на Березине доказал еще более, чем в победах, что он великий полководец – он бросил армию погибать а сам умчал в Париж и набрал новую армию: во Франции в то время бабы еще рожали, не то, что теперь (да и мужчины тогда еще были... не знаю, есть ли среди французов мужчины ныне, разве только кто из потомков русских эмигрантов). Управлять страной или армией легче, чем одним человеком: страна представляет слишком многое, что удастся использовать, не взирая на то, не в ущерб ли это стране. Вот и я полководец бездарный, я уже думал, что брошу все телеги и весь ненужный хлам при отступлении, и тем более брошу маркитанток, которые уж мне-то совсем не нужны! Но вот перешли мы Березину, и я вновь с теми же телегами, бабами, необходимостью носить воду для их стирок, рубить дрова для их костров, и ни в какой Париж я не могу убежать, и даже не могу, *усталый раб*, сбежать в деревню, как намеревался, в среду, даже в четверг, в тысяча семьсот семнадцатый раз надо перестирывать все то, что уже тысячу раз стиралось, и снова рукописи, печатная машинка, изношенный картридж... кстати, пока его чинили в мастерской, я попросил листок бумаги у очаровашки, и у другой, ее соседки справа, попросил авторучку, но она меня *отшила*... Ничего, я написал кровью, и вот что получилось.

13 октября 2014 г., понедельник, 6-52. Да, надо было все бросить к *чертовой матери* и бежать только с верной гвардией, без обоза и маркитанток, без чужих рукописей и их печатных машинок, с самыми близкими, с моей семьей (она у меня не шибко большая, но все же не из одной Лили Брик, как у Маяковского – несчастный человек, погрязший в половинке любовницы), с моими самыми близкими друзьями-подругами, и с теми, кто меня не мучает (а даже чужие дети меня не мучают, пусть бегут рядом с гвардией!)

А, кстати, кто такая *чертова мать*, которую мы поминаем часто?

Нет, я не Наполеон... Но когда же из меня перестанут пить кровь?

20 октября 2014 г., среда. Бегом, бегом!.. Уф, кажется, на время опять оторвались.

Ходил к интенданту, оказывается, в отступающих войсках мятеж, я уже давно не полководец, даже номинально, меня оставили от должности, всем заправляют комиссары из солдат и из каких-то еще пришлых. Меня уволили в отставку, зарплату платить не будут, не за что. Да и за Выслугу лет тоже платить не будут, говорят, что это именно я довел всех до такого бедственного состояния, и из-за меня разорена казна, так что мои положенные за выслугу лет будут идти в погашение разора. А как же мне питаться, спрашиваю? А *это меня не колышет*, отвечает интендант, только еще грубее, еще народнее.

Пошел было к себе, но тут меня перехватил дивизионный из бывшей соседней дивизии, говорит, что я будто бы обещал ему помочь построить повозку. Да я ведь уже ее строил?! Нет, та не подошла, жене неудобно, мы

ее разломали на дрова. Но я же потом и вторую построил, и третью, вот уже четвертый месяц строю, конца-краю нет, когда же это, наконец, закончится?

И как же мне теперь жить, мне ведь надо еще чем-то питаться, а мне не платят ни за Выслугу, ни за работу?..

А мне по фигу, отвечает, только еще грубее, еще народнее. И я, говорит, уже всем рассказал, что ты человек ненадежный, вообще даже негодяй несусветный, как только до первой осины добежим, тебя на ней и повесим.

А как же повозка? Помогут другие, если еще не успеешь ее построить, но теперь пошли, надо ее срочно построить!

Полдня провозились с повозкой, вернулся к себе, подогрел позавчерашние щи, хорошо стало...

Нет, надо бежать! Не только со всеми, но и ото всех!

Правда, есть и милые, добрые, отзывчивые, вчера ходил в гости в Особый корпус, там дисциплина и порядок, всем заправляет жена командира, никто и пикнуть не смеет, она мне тут же представила мои собственные грехи, я, оказывается, *самовлюбленный эгоцентрист*. Я во всем повинился, обещал исправиться, меня за это поили сухим вином еще из старых запасов. А какая у них красавица дочь!

Нет, не все еще плохо, может быть, я уговорю ее вместе бежать?! Хотя, впрочем, как же ее семья? Да она еще и не взрослая, ей только со всеми можно бежать, а не с отставными полководцами разгромленных армий! И то, что красотка, не будет для меня смягчающим обстоятельством...

21 октября 2014 г., вторник. Встретил вчера интенданта, спрашиваю, когда будет обед, раньше мне его приносили отдельно, потом я ходил к солдатам, но где теперь дают суп или кашу, я уже не знаю.

Всё, говорит, сняли тебя с довольствия, тебе больше не положено, покупай за свои.

Так мне же теперь и денег не платят, ни за что, вот даже третьего дня я рыл траншеи, целую ночь, не приседая, рыл, грубо прогнали и не заплатили ни копейки...

А мне это до лампочки, отвечает, только еще грубее, еще народнее.

Пошел не свши, встретил из соседнего дивизиона старого капитана, у нашего, говорит, полкового командира Юбилей, приглашают и тебя.

Не хотел пить, мне от вина потом плохо, кажется, вот-вот сердце выскочит из груди и я умру, да, ужасно плохо – но пошел, и командир мне всегда нравился, мы с ним иногда встречались, я и дома у него бывал, четверть века знакомы, и тещу его покойную звал, прекрасная культурная женщина, французского воспитания, да и поесть не мешало бы.

Несмотря на отступление и бегство, стол у именинника был превосходен и застолье было воистину грузинским (или французским?). Были маринованные огурчики и баклажаны, нежнейший шашлык, несколько салатов, сладкое вино и крепчайшая чача. Но поразило меня даже не хлебосолье, а радушие гостей и хозяев.

После того, как почти все ближние меня предали, все, кого я считал собратьями в ратном деле, и осрамили меня на всю армию из-за бесконечного строительства этой проклятой повозки, здесь даже те, кои не все были мне знакомы, были ко мне внимательны, обнимали и привечали меня, мужчины кокались, а дамы со мной танцевали.

Сидели за столом долго, каждый смог высказаться, дали и мне слово.

22 октября 2014 г., среда. Итак, с довольствия меня сняли, за выслугу лет я не получаю, ходил к интенданту, надеясь получить прежние задолженности передо мною, ибо я не получал ни премиальных, ни отпускных. Осрамили, кричали на всю дивизию, схватили за плечи и стали выталкивать, а во дворе поволокли копать снова траншеи, разумеется, бесплатно. Да пришел еще муж барыни, которая никак не поместится в коляске, требует, чтобы я шел ее перестраивать, а то они привлекут меня к суду офицерской чести и меня на осине повесят непременно!

Пришлось после канавы пойти к ней, колеса ее не устроили, круглые требует заменить на октаэдры, теперь, дескать, это модно.

Конечно, мне не хочется, чтобы меня как бродягу или разбойника или мародера вешали, но уже и не отказался бы, чтобы какая-то шальная пуля поразила меня в сердце, или же захватил и расстрелял неприятель...

Жизнь превратилась в пошлый анекдот, все мои достоинства против меня, моя готовность приходить на помощь другим, иногда даже довольно отдаленным, стала моим бичом.

15 декабря 2014 г., понедельник. Был в плену. Так как взяли меня в плен оборванного, изможденного, не евшего три дня, в лохмотьях, то никто не признал во мне полководца, посчитали за польского или австрийского солдата, определили в казарму для пленных, откормили.

В декабре вдруг объявили, что невыгодно нас держать на довольствии и отпустили по домам под честное слово. Пробирался к себе глухими дорогами, и надо же так вляпаться: взяли в плен уже свои. Но я не признаюсь, что бывший генерал и полководец, только, мол, похож на него, а то ведь кормить не будут да еще, может быть, расстреляют.

А так житье сносное, прибираю казарму, сплю на сене, на улице на редкость теплая зима, снега нет, в казарме тепло и сухо.

И самое главное, маркитантки не пристают... Ходит, правда, одна... но это так, для разговоров...

ПРОЩАНИЕ с N

Современное покаянное послесловие к прошлому

Перечитываю письмо, которое я написал той единственной, которую любил не самолюбиво, любил ради нее, то есть через сострадание и жажду помочь и утешить. И все же, когда она нашу дружбу отвергла, я не удержался, мой мужской эгоцентризм хлынул сквозь меня на страницы прощального письма. Увы, ее, несчастную, много страдавшую, я упрекал – в чем? В том, что она от меня отошла? Неважно, каковы причины, она живой и страдающий человек, и я вдруг посмел забыть, что я стремился в нашей дружбе только к тому, чтобы ей помочь – и не удержался на должном уровне своего к ней отношения, посмел ее упрекать. Все бывшее в нашей дружбе, в наших встречах было совершенно не так, как можно было подумать по письму, это была нежная привязанность словно бы к дочери, и хотя я и радовался ее нежности, но ничего от нее не требовал, не ждал, не мечтал, кроме ее равновесия. Вот она успокоится, придет в себя, взглянет на меня благодарно, и тихонечко отойдет в сторону – так я думал с самого начала... А когда так и случилось, и моя подруга сказала мне, что мы больше встречаться не будем (и мне надо было порадоваться за нее, что она больше не нуждается в моей опеке), я вдруг на нее обиделся... *Прости меня, мой милый ангел!* – пусть и с запозданием умоляю я тебя о прощении...

Прошлое прощальное письмо

Буря меня бьет о берега. Утром написал письмо ненавидящее, вечером слушал музыку, она меня единственная утешает, и письмо я переписал... [Но, увы, как теперь вижу, переписал недостаточно, и сегодня, через пять лет, переписываю в нем почти всё...]

... я примирился с вашим решением расстаться со мной, только задержался с прощанием, я тянул, ожидая, когда закончу собственную злополучную книгу, чтобы вам ее передать вместе с вашей – наконец их посылаю. Так я словно бы подул на рану в сердце, вздохнул и помахал вам рукой. [выбрасываю упреки, даже косвенные...] Я и теперь вас жалею.

Я не мог вас разлюбить сразу, поэтому о многом думал бессонными ночами и даже плакал. Мне приходится делать усилия, чтобы вас забыть и стать равнодушным, ибо любить без разрешения не следует. Я ведь в вас влюбился нечаянно, постепенно, и вы не были против того, чтобы я в вас влюбился. Мною двигали сострадание и забота, а любовь была следствием, она *проистекала из сострадания к человеку*, но не из любви к Богу, и это делает меня выше любого христианина. Человек мне дороже, чем Бог. Впрочем, и апостол Петр говорит: *как ты можешь любить Бога, которого не видишь, если не любишь брата своего, которого видишь?* Только из любви к человеку проистекает любовь и к Родине, и к Культуре, и к Миру, а, следовательно, к Богу, ибо Бог только в них и в душе человеческой, ибо Бог ведь не вещь, чтобы находиться вне человека, и Христос сказал: *«царствие Божие внутри вас есть!»* Христианин спасает только себя, даже если он спасается в пустыне, в мокрой пещере, в отказе от мира, от женщин (как Иероним Блаженный), от семьи и друзей. А я пытаюсь помочь тем, с кем меня соединяет судьба или случай. Христиане эгоисты, я не эгоист.

Мне жаль, что я стану **не** зависим от вас, только когда разлюблю. Зачем же тогда я вас любил? Бесстрастно любить я не только не умею, но скажу всем таким умеющим любить бесстрастно: Лучше уж вы страстно ненавидьте, потому что тогда будете больше угодны Богу, ибо он *«холодного и горячего приемлет, а теплого исторгнет из уст своих!»*

Я вами дорожу и теперь. Оглядываясь на прошлое, я думаю, что стереть его из памяти несправедливо. Женщина вправе, а у мужчины такого права по отношению к женщине нет, потому что любовь – прежде всего – это любовь к женщине. Пусть лучше останется в прошлом мучительная любовь, чем пустота. К тому же, даже нелепое расставание – все же не самая большая плата за чудные мгновения наших встреч. И я все принимаю и вас буду помнить прекрасной и нежной. вы были чудесной женщиной с прекрасными зелеными глазами, милой и милосердной!..

Я сожалею о расставании, но ничего уже не прошу и не ожидаю, примиряюсь с той жизнью и той действительностью, которые наступили. Я не гожусь для фальшивого и извращенного христианского мира, не гожусь для смирения и кротости, отторжения мира и отторжения подлинных чувств, ...

Я вас нежно и сильно любил – как дочь, подругу, возлюбленную.

Моя любовь была той, которая воистину *«всего терпела и ничего не искала своего.»*

Я думаю, что я был обречен изначально на то, чтобы остаться страдающим. Если бы Вы меня не оттолкнули, то пришлось бы когда-то страдать и вам, поэтому все случилось так, чтобы вы, наконец, «нашли то, что искали» – хотя я и не знаю, что именно.

...Увы, через мои письма, которые я пишу и стираю, все же сквозит раздражение, обида и негодование – но разве я имею право негодовать?

Уж если мужчина влюбляется, любить надо сколько есть у него сил, и такая открытая любовь благородна. ... а зависимость не связана напрямую с любовью, но с характером, волей и достоинством. Мужчина не должен становиться рабом ...ни при каких обстоятельствах, ибо, к несчастью, женщине не выдержать такую ношу. Она должна быть уверена, что любит взаимно, и что он принадлежит ей так же, как она ему.... [...]

Послесловие через пять лет

Предыдущее письмо я сократил и переписал, оно было странным, *смесь уверенней в любви с упреками.* Но на упреки имеет право только женщина, ее положение более уязвимое. Как нас любит солнце? *Солнце нам светит, нас согревает и ничего от нас не требует.* Так и мужчина должен дарить женщине нежность, заботу и сострадание и ничего от нее не требовать взамен. Так мы должны любить всех тех, кого мы любим. Так я ее и любил, согревая ее своей любовью и *исцеляя*, но у меня не хватило нежности до конца. Права была Ксения, называя меня самовлюбленным эгоцентристом.

... Однажды мы пили вино в электричке из бумажной коробки, я смотрел на ее расстегнутую кофточку, она это видела, но мы оба блаженно смеялись. Мы были счастливы по детски. Были и другие мгновения счастья.

Что бы она ни говорила мне на прощанье, каких глупостей я ей не написал в досаде, но *мы любили друг друга* – хотя ни разу не целовались. И я теперь думаю, что наша сдержанность была прекрасна, она искупила и наше «беззаконие», и мои прежние увлечения теми милыми очарованиями, которые были посланы мне небесными силами, мне симпатизирующими. Я упрекал и других, но отрекаюсь от всех упреков и сохраняю только благодарность – к каждой, которая около меня задержалась хотя бы на мгновение.

Отрывки из писем N

У меня благодаря Вашим книгам, письмам, советам, наставлениям на душе стало гораздо лучше. У меня появилось ощущение "благодати жизни", радости, счастья, волнующего, прекрасного, непередаваемого, будто путнику в темном лесу осветила путь сияющая звезда. У меня появилось ожидание чего-то светлого, непостижимого, что должно случиться, со мной теперь некое "чудо жизни", я чувствую, что направляюсь куда-то, где будет только лучше и лучше, будто я иду к костру вдаль, который становится все ярче! Даже родители спрашивают, почему я так изменилась, и передают Вам привет. Я раньше очень часто была мрачной, грустной и раздражительной...

Я Вас очень очень очень люблю!! Обожаю!!! Не могу без Вас жить!!! Просто я перенервничала из-за того случая, но я Вас так люблю, очень очень очень!!!! Хочу обнять по-дружески!

...мне все-таки кажется, что у нас НЕ дружба, это меня расстраивает, меня никто не утешал, кроме Вас, но я Вас искушаю, это очень плохо.

«Вы меня НЕ соблазняли. Но я и НЕ соблазнялся. Я просто пропитался Вами и дорожусь Вами как своим ребенком.»

Я счастлива, что вы любите меня несмотря ни на что...

...я Вас очень очень люблю!!! Не могу без Вас жить, только хочу, чтоб эта любовь была безгрешной!

...я Вас очень очень люблю, но я вообще стала любить весь мир, и Россию, и всех всех всех почти. Я как-то открылась миру. Я счастлива. Спасибо Вам за все!!!

Я не хочу, чтобы мы были ВЛЮБЛЕННЫ, но я не могу без Вас жить.

Васенька, миленький, любимый, люблю Вас очень очень очень!

Она права, что отвергла любовь, но лишь любовь исцелила ее от страданий. И как бы мы вместе не отвергали любовь, но мы любили друг друга и наша любовь была чудом!

Послесловие к Рассказам о любви

ВЫДУМКА ПРАВДЫ И ПРАВДА ВЫДУМКИ

Сочиняя рассказ, я выдумываю события и героев; ибо если описывать реальность, то для описания одного только чувства или мысли надо, быть может, всю жизнь мою описывать, иначе непонятно будет, почему я думал или чувствовал именно так а не иначе, следовательно, надо писать роман, а не рассказ.

Но если роман – зеркало, отражающее *все мое*, и вчерашний день тоже, а рассказ – всего лишь осколочек зеркала, то разве не может и в осколочке *все мое* отразиться, как в небольшой части обыкновенного зеркала отражается солнце и облака в причаду? Но здесь – новая проблема, ибо надо ли отражать праздного прохожего, остановившегося у витрины магазина... Почему современная живопись – только дым? Потому что у прохожего есть и тело, и душа, а воссоздает ли современная живопись хотя бы его тело? Снимите верхний красочный слой – под ним, как под кожей, должны открыться капилляры, а еще глубже и сердце и душа, ударьте по холсту или по дереву иконы ножом – и должна потечь кровь, положите срез под микроскоп – и не пустота должна обнаружиться между редкими неровными мазками, а плотность плоти, в которой нет пустоты, а только неисчерпаемость.

Вот, скажете, хватил! – кистью и краской создать живое тело и кровь алую?!

Но разве мой приятель Петр Афанасьевич не пил две недели кряду не закусывая, и разве перестала у него течь кровь? Так хуже ли простой древесной водки небесный сурик?

А еще скажу о душе: остановился глазающий у витрины, и поворот фигуры и выражение лица, и может быть даже чувство, промелькнувшее в это мгновение, может передать и фотография. Но живопись тщится изобразить не исчезающую грань между прошлым и будущим, не то, что живет только одно мгновение, а в следующее уже перестает быть собой, но именно и прошлое и будущее вместе.

Искусство, или поэзия, прикасаясь к преходящему, выявляют в нем неисчезающее, оно – гаданье цыганки, остановившей бегущую на свидание молодницу: *Постой, милая, не беги от судьбы, я объясню тебе, что – было, открою – что будет, и тогда узнается, на чем успокоится сердце. А были в твоей жизни легкие измены, но любви не было; а будет и измена и любовь несчастная; и сердце успокоится в сырой земле.*

Вот мое отношение к искусству и литературе, и теперь мне не надо будет оправдываться перед читателем за разбросанность мысли.

Я, видите ли, вроде того чудака, который сразу на все четыре стороны света бежит.

И я еще и тот чудака, который, о чем бы ни думал, чем бы ни занимался, что ни писал, думает и пишет только об одном. *Как и для чего жить, да и жить ли вообще?*

Сравнивая детскую жизнь с взрослой, видишь, что детская жизнь – игра, воображение, скаканье на палочке и возня с куклами, преувеличенное внимание у девочек к тому, что, кто и как сказал, раздувание обид и вымышленные обиды; шум и телесная возня у мальчиков, с беготней, потасовками, нелепыми выкриками – и ничего созидательного!

А взрослые большую часть сил затрачивают на созидание, делают жилища, одежды, хлеб выращивают, конструируют и производят машины и магнитофоны, да еще и театры устраивают.

Но живешь-живешь, на собственную жизнь пытаешься глубже взглянуть, и неожиданно приходишь к другому, парадоксальному выводу.

Если условно разделить человека на два существа, на физическое и на духовное, то и вся его деятельность разделится на две части – физическую, вроде вспашки земли или стоянья у доменной печи, и духовную, включающую переживание обид, влюбленье-разлюбленье, познание и размышления, восторг и разочарование, и главнейшее из всего – усилие понимания – *зачем живу и как жить надо*.

Детская игра есть и у взрослых в форме театра или чтения книг, но вот самого главного – усилия понять, зачем и как жить, – то есть того единственного, что только у человека есть, а у птиц небесных, и то нет – этого то нет у взрослых. То есть было – да сплыло! Устали понимать, сделали вид, что поняли, или в сутолоке все потеряли, кроме того, что есть и у птиц – то есть сначала летать туда-сюда искать подругу, чтоб вместе гнездо вить, затем носить веточки на это гнездышко, яички откладывать, высиживать птенчиков, комариков ловить, себя и деток кормить, от ястребов отбиваться, гнездо чинить, деткиных деток кормить – а там уже и крылья носить перестали и в гнезде места мало.

Значит, начальные годы жизни, с игрою в куклы и разбойники, с бросаньем за шиворот девчонкам лягушек и тяганием их за косички, с неведением житейского, – и есть подлинная жизнь Души, а вся последующая, когда гнездо, и птенцы пищат, и червячки в клове – прозябанье.

Правда, взрослые противопоставляют безмятежности и неведению Детства свое Ведение, приобретение знаний и житейского опыта. Что до последнего, то каждую новую частичку опыта я бы сравнил с ожогами, царапинами, потертостями и заплатами. Вот на мне свежая белая рубашка и свежий цветок в руке – это символ моей наивности, неопытности; а вот уже я в испачканной рваной рубашке, с синяком под глазом, с запахом вина и табака, с недоверием в глазах, избитыми мудростями на устах, осторожностью в мыслях и вороватостью в движениях – это уже я, умудренный житейским опытом. А о чем разговаривать? Вокруг нас сиянье солнца, душистые запахи трав и цветов, щебет птиц, синее небо и белые облака, алая заря и чистая радуга – разве взрослый, несущий свой крест на плече, видит это, и имеет силы говорить? Уж разомкнет уста и распрямит спину, – так цены на масло и повышение зарплаты, завтрашние болезни и вчерашнее похмелье, неисправный кран на кухне – и снова крест на плечи и ползти, ползти, а крест все тяжелее и гора круче!

СЦЕНЫ НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

Не так ли ты над самой **бездной**,
На высоте **уздой железной**.
Россию вздернул на дыбы?

Болель и усталость с одной стороны, окружающее общество (из превосходящих людей, но тоже уставших, присевших на пригорке передохнуть, прежде чем продолжить трудный путь) заставили меня остановиться и оглядеться, многое увидеть иными, более спокойными глазами, для общей пользы и пользы моего романа, а во многом сдаться, уступить, присесть на телегу медленного обоза житейской рутины. Хватит злиться, хватит обличать народ, и сам не во всем хорош, и люди не так плохи, как ты их представил, примиришь больше с жизнью, рассмотри, так ли виноваты люди в том, что **не всё хорошо**?! И я огляделся, и сдался: правительство дурно, но не народ его выбирает; рожать бабы перестали, но в деревне детей кормить нечем, потому что работы нет, а в городе или квартиры нет, или детского сада, да и не растет даже трава в заасфальтированном городе, не то что цветы, коими считаются дети!

Пиши про любовь! – сказал мне внутренний голос. Я и написал.

Пойми, из-за чего этот миф о Сталине в дурном народе – он сам чувствует, что во всём дурен, но у него сил нет взяться за ум, и он мечтает о властной руке, которая бы его самого заставила образумиться, стать лучше, и ты сам понимаешь, что без *праведной и умной деспотической руки* (конечно, не руки конопатого бандита) ничего хорошего в стране не будет, окончательно истлеем и загниём, народ это понимает стихийно тоже, но еще услужливые негодяи ему этого большевистского негодяя плещут и плещут – чего ты еще от народа хочешь? Возьми власть в свои руки, в конце концов, или найди умных, *умеющих Россию вздернуть на дыбы*, властной рукой и народ направьте к истине и справедливости, вплоть до того, как Петр стрельцов и Тарас Бульба своего непутёвого сына Ондрия – время уговоров кончилось, да, идет война, исподволь, против ума и характера, идет зараза, тиф или холера, или чума, и эта чума во всех мозгах... Народ не сядет за парту, не впряжется по доброй воле в плуг, не побежит в атаку на пулемет – а все это необходимо, чтобы спасти страну. Поэтому книгу пиши для тех, кто ее в состоянии прочесть, не раздражаясь на тех, кто читать разучился, а этих – да, этих потом посадишь за парту, этим розги, горох, крапива, даже, может быть, снова крепостное право! А разве "не крепостное право" царствовало, когда будущего Вагнера отец усаживал властной рукою за пианино, да и тебя самоё, читатель, учительница ставила в угол за невыученные стихи, а отец снимал ремень, чтобы выпороть? России нужна сегодня сильная, но разумная власть – но, самое главное, власть эта должна быть абсолютно праведной, *беспощадной к вора и казнокрадам*, опирающейся на людей, поставивших себя на службу Родине! Никого из тех, кто был хотя бы знаком с властителями предыдущего столетия, кто хотя бы одним воздухом с ними дышал, кто имел знакомых среди коммунистов, либералов, космополитов, чекистов, агентов Запада или среди воровской российской банды чиновников и аллигархов! *Своего рода новое монашество вкупе с новым русским народничеством! И русский Бог!*

«Народ историю не делает. И не он виноват в назначениях царей и цариц» – перелистывая страницы, прочитал я у себя. Но тогда я вправе спросить: «Если нельзя говорить об ответственности народа за русскую историю, если от него ничего не зависит, то какого черта он претендует на место в истории, бросает какие-то листочки в какие-то урны, рвет глотку то за царя Бориса, то за нового Владимира Мономаха, не помнит и не знает ничего из русской истории, все перевирает, ничего в России не любит, русских песен не поет, но спорит с поэтами и философами, защищает почему-то самых бездарных правителей, и оправдывает всякое зло, вырастающее на пепелище, оправдывая и возвеличивая его за то, что предыдущее зло было хуже?

Я ему говорю, что русский народ вымирает, а он умиленно мне в ответ: *но зато теперь мы едим каждый день, а при царе Борисе не ели!*

Вот в чем трагедия моей книги и моей жизни: я ведь и сам родился среди чертополоха, среди не умеющих читать – правда, *какие песни и как они пели!* – *их песни оправдывали всё!* – и я единственный среди писателей, который пытается разговаривать с народом; я его обличаю, потому что ищу ему оправдание. Разговаривал ли Пушкин с *чернью*, которой велел *судить не свыше сапога?* Нет, даже Мережковский и Иванов-Разумник не разговаривали с *мещанством*, которое обличали. Никто не вочеловечился, как я, все были отгорожены от простонародья, я с ним единственный в одной загородке, в общей камере размером три на четыре, в которой нас было 16 человек, три четверти квадратного метра на человека, или полтора куба. Но продолжаю обличать. Ныне даже среди простонародья появились новые верующие, взыскующие царствия небесного – и все они говорят о любви к Богу и о любви к ближнему, о зарплате и пенсии (как при усатом «было время, и цены снижали», и они любили за это усатого, а тогда даже в такой камере, в какой я сидел, стоймя размещалось по сорок человек!) И мой последний упрек моему «простому народу» – он хам и безобразник, сволочь и хам, потому что не только никогда не подумал он о тех, кто заполняет наши тюрьмы – а через них проходит треть народа, – но даже в ответ на мои упреки, что важнее пенсий и зарплат **экология человека**, состояние российской природы, лесов и рек, и воздуха, которым мы дышим, а еще прежде положение страдальцев, которые сидят в наших тюрьмах, их человеческие права, что **надо бороться прежде за их права, а потом уже за свои**, и грош цена вашему православию, и вашей народности, и вашему самодержавию, пока вы относитесь к несчастным, лишенным свободы, как к презренному скоту! Так же, как вы относитесь к ним, имею право и я относиться к вам – но мне жалко и тех и этих. И не думайте, что вы, *сидящие на свободе* (или стоящие на коленях), намного лучше тех, кто в тюрьме. Часто вы хуже. Вы не свободные потомки русичей, вы не вольные потомки вчерашних мещан, вы – *вольняшки*, как припечатал вас Солженицын (и за правду о вас вы его и не любите). И я перестану разговаривать с вами, это бессмысленно, у меня собственные собеседники, из разных слоев населения, из учителей и рабочих, из мелких предпринимателей, из бывших путан и нынешних поэтов... *Может быть, мы еще отвоюем свою родину у тех, кому вы ее продали за чечевичную похлебку сытой жизни, отвоюем без вас, вопреки вам, с помощью магии и собственного Бога.*

Возвращение к отрочеству. Общество заволновалось скандальной перепиской Страхова с Толстым по поводу Достоевского. Я Страхова люблю, и какой черт дернул его увлечься обличениями Достоевского, не знаю, возможно, причина в его православности, что-то в православных есть подспудно плохое, что иногда проявляется чем-то неприятным и зловредным. Страхов ездил на Афон, прославлял монаха, поселившегося для достижения святости в мокрой пещере (вместо того, чтобы, как Николай Федоров, увлекшийся воскрешением людей, питаться калачиком и чаем, а плату за службу в библиотеке отдавать бедным студентам) – да и вообще христианские святые достигают святости самыми бессмысленными деяниями, не приносящими никакой пользы людям, то посыпают голову пеплом, то бичуют тело бичом, то сидят на столпе, то перестают есть, то перестают говорить, то *спят во гробе*, то перестают прикасаться к ближним другого пола, то отрубают себе руку за то, что прикоснулись... (И Лев Толстой одного такого прославил в "Крейцеровой сонате"). А в то же время люди, совершающие ратные подвиги, бросающиеся на пулемет, закрывая его своим телом; или совершающие подвиги материнства, например, берущие брошенных детей на воспитание (в нашей деревне я знаю четырех таких женщин); или совершающие важные научные открытия, например, создающие *Теорию о доминанте*, как академик Ухтомский, или совершающие подвиги в работе и строительстве, как строитель мостов академик Крылов, как прекрасные архитекторы, построившие Петербург, – христиан с точки зрения святости не интересуют. Вот и Страхова, возможно, дернул черт христианства обличать Достоевского. Но подлинники переписки, о которой все так шумят, я не видел, не уверен, что все это именно так и было, как говорят; я надеюсь, что и Достоевский ни в чем не виноват, и Страхов, и тем более Толстой, который в обличениях не участвовал. Слава О. сказал по этому поводу так: писателя часто его художественное воображение, особенно когда он погружен в важную работу, увлекает иногда так, что он примеряет образы своих литературных героев на себя самого и почти не в состоянии отделить воображение от действительности. Так, скорее всего, случилось и с Достоевским, и он мог говорить, например, о Свидригайлове или Ставрогине так, словно о себе. Во всяком случае, моя жена считает, что нам не следует уделять инвективам Страхова (если они были) много внимания, а к ним обоим относиться так, как всегда, то есть *читать их и почитать*.

Но сие скандальное происшествие подвигло меня на то, чтобы написать еще одно воспоминание о своих увлечениях прекрасными девами, и расставить там все точки, где надо, чтобы потомкам нечего было обо мне обсуждать (боюсь, правда, что и без этого они ничего, касающегося меня, обсуждать не станут, а тут уж совсем разочаруются, уж слишком я без червоточин).

Правда, меня считают человеком чуть ли не развратным, но в крайнем случае, до неприличия легкомысленным. Жаль мне совлекать с себя покрывало таинственности, лишать мою фигуру хотя бы той тайны, о которой нам нравится думать больше, чем о тайне трех карт в «Пиковой даме», тем более что я страшно люблю смотреть на красивых девушек, даже и неприлично юных, но, увы, возможно, я *блаженный*, но отнюдь не свечусь адским пламенем.

Увлечений у меня было множество, к тому же я нравился девушкам, да и увлекаться начал еще в десять лет – в общем, я не образец для подражания. Но при этом образ Дон-Жуана я все же никогда на себя не примеривал, коллекционирование предметов любовной страсти мне казалось всегда чем-то крайне отвратительным, *я и жил как дышал, и влюблялся так же*.

Как ни странно, я считаю себя человеком не только не порочным, но совершенно идеальным. Как то в августе мы с подругой две недели спали в одной постели, потому что было холодно... вот с другом мне бы это показалось чем-то неловким, а с девушкой было вполне прилично, и нашим друзьям даже в голову не приходило усмотреть в наших таких ночных "похождениях" что-то близкое к родовому (или половому) инстинкту. Завет Павла не прикасаться к женщине я исполнял неуклонно, потому что у этой особы были холодные ноги и от случайного прикосновения я вздрагивал как от ожога.

Но не ко всем я был холоден. Я ведь уже говорил, что почти совершенно вочеловечился, поэтому многие девушки меня *волновали*, как и положено. С некоторыми из них я целовался. Но... в христианском завете отчуждения полов что-то действительно есть трансцендентное, непостижимое, роковое, некая тайна, некий даже *смертный ужас*. Я знал, от чего рождаются дети, но мне казалось и страшно и стыдно даже думать об этом. Смотреть и целоваться – это было почти то же, что вместе слушать прекрасную фортепианную сонату, но за поцелуями лежала некая граница, к которой не только прикоснуться было нельзя, но о которой было нельзя знать. Я даже взглядом боялся намекнуть на то, что я способен о чем-то таком подумать сам или что я допускаю, что *она* о существовании *этого* знает.

Переход через границу был связан с *совлечением одежды* ... здесь была какая-то таинственная метафизика, определяющая мою личность. Дело в том, что я боюсь высоты. Представим себе, что мне надо было бы подойти к обрыву и взглянуть вниз – все равно, что взглянуть в лицо смерти. Я бы не упал. Я бы умер, чтобы не допустить того, что я могу переживать падение.

Прикоснуться к одежде девушки для ее *совлечения* я не мог, как не мог заглянуть в пропасть. В моей жизни было три происшествия, которые можно было бы считать причиной вот этой своего рода *непереносимости*, но думаю, эти происшествия сами являются ее следствиями. Непереносимость – встроена в метафизику человеческого бытия (что отличает человека от животного царства), не все эту метафизику ощущают, но она существует, иначе невозможно объяснить истоки христианства. Если бы запреты его не имели оснований в человеке, они бы не нашли в нем отзвука.

Итак, происшествие первое (о двух других рассказывать не буду, достаточно одного).

Представьте себе лето в деревне, мне 15 лет, я подружился с двумя девочками чуть-чуть старше себя, мы вместе гуляли по вечерам, ходили за ягодами, однажды они мне сказали, что хотят предложить мне романтическое приключение, у них есть шалаш в укромном месте, где нас никто не увидит, и туда они меня повлекли. По дороге они продолжали меня будоражить откровенными намеками на райское блаженство, которое меня ожидает...

Наконец, мы туда пришли, там было не только уютно, но таинственно, и все пропитано очарованием женственности. Они мне велели закрыть глаза и начали раздеваться. ...Я совершенно уверен, что ничего особенного бы не произошло, даже и раздеться бы они не сумели, к тому же было светло – и они были дети, и я был дитя, и мы бы детьми так и остались. Но мой ангел-хранитель перепугался и прибег к крайним мерам, и я *потерял сознание*, причем так основательно, что им пришлось меня чуть ли не нести к дому.

Следующей зимой я влюбился, никакие искушения нам не грозили, мне больше не надо было терять сознания, к тому же, ни о каких поцелуях мы тоже не думали. Познакомились мы, столкнувшись в коридоре, я бежал, а она внезапно выскочила из-за угла, мы столкнулись и чуть не расшиблись. Я ее раньше видел и уже волновался при взгляде на нее, а тут мы даже прикоснулись друг к другу и влюбились. Я учился в девятом классе, она в десятом, я даже случайно познакомился с ее подругой, все девочки в ее классе знали, что мы потеряли голову – но я боялся к ней подойти, а она при случайной встрече вспыхивала и спешила пройти мимо. Девчонки решили нам помочь, их классная руководительница была не намного их старше и примкнула к заговору, и однажды девочки устроили собрание (без мальчишек), на котором спросили ее, *да или нет?* Она опустила голову и прошептала: *да!*

Наступила весна. Я провожал ее домой, ее родные знали о том, что мы дружим, и я стал своим в их доме, к тому же предстояли выпускные экзамены, и она стала моей первой ученицей, с которой мне пришлось заниматься больше всего математикой, но отчасти и физикой. О, какие это были блаженные минуты, когда мы сидели за столом, чертили, считали, рассуждали, и она слушала мои длинные речи, в которых я отвлекался от математики и до пределов Млечного пути! Однажды погас свет. Мы подошли к печи, спустились на корточки и начали подкладывать в печь мелкие поленья, чтобы огонь разгорелся и немного осветил комнату. Когда наши пальцы соприкасались, мы на несколько мгновений замирали. Ученые нам говорят (особенно Шопенгауэр), что это инстинкт, благодаря которому происходит возобновление рода человеческого. Какие они все же бывают глупые! Инстинкт, который я называю *всемирным притяжением*, существует, и те замирания, которые происходили у нас при соприкосновениях, происходили тоже – но я уверен, что они противостояли друг другу. *Замирания* не были следствием инстинкта, потому что мы так могли замирать еще вечность, нам больше ничего не было нужно, мы даже ни разу не поцеловались. Чтобы предполагать в том, что мы переживали, *«похоть плоти»*, надо было быть уже развращенным, и я однажды, размышляя о христианстве, понял, что это *религия развращенных людей*, не знающих, как с своей развращенностью справиться, и объявившей войну всему, что им казалось причиной тяготения полов: войну культуре, в частности, музыке, поэзии, живописи, ...

Учительница моей подруги однажды сказала мне: Только не надо в нее влюбляться. Ты ее превосходишь, существуя *над временем жизни*, и вы никогда не станете равными, как это должно быть в любви. ...

Многое можно еще рассказать, но надо остановиться...

НАД ВРЕМЕНЕМ ЖИЗНИ. Хаос рассуждений и МИФ (Инверсия инверсии)

20 октября 2019г., воскресенье. Начиная свою Исповедь, я не имел никакого определенного плана ее создания, и первая книга написалась почти наобум. Такие же «затруднения историка-антихристианина», даже еще пушище, сопровождают меня и при попытках написать вторую книгу, я ее пишу уже почти год, написал почти четыреста страниц, наконец, выяснилось, что это не воспоминания, а своего рода «Философия народности» – или «Философия почвенничества»? (что не одно и то же: в первом случае субъектом... или объектом?... моей книги... ну, по крайней мере, героем ее, является *русский народ* – или совпадающий с исторически существующим, или *общиерусский*; во втором случае героем является Россия, многострадальная страна и Земля, государство и родина, вместилище богов, героев, злодеев и идиотов...) но теперь эту книгу, почти уже пролитую, хотя и бесформенно, на бумагу, я отодвинул в сторону, вернулся к воспоминаниям и к истории собственной личности, к становлению себя самого. Вначале должен появиться Я, потом появится и Россия. Вот теперь я и приступил к собственному жизнеописанию, будет ли оно пространным и обширным, я еще не знаю.. потом начну писать о тех героях, то есть выдающихся людях, с которыми меня соединила судьба. Возможно, все мои воспоминания влезут в одну книгу, и третьей книгой Исповеди будет Философия, как словно бы вывод из моей жизни.

Но, быть может, несколько десятилетий молодости – а она у меня затянулась и все еще никак не окончится – составят именно Книгу воспоминаний (или Исповеди) в собственном смысле этого слова, а потом я напишу отдельную книгу о замечательных людях, из которых составилась как личность я сам, и выводом из них и их коллективного творения окажется моя философия. Пока это еще не ясно и прояснится при создании книги.

Два важных замечания по её характеру.

В большинстве случаев, рассказывая о себе, мемуаристы лгут, нечаянно или нарочно, пытаются создать портрет более привлекательного человека, нежели тот, каким он являлся. Но клянутся, что пишут правду и только правду. Клянусь писать правду и я, но... Вопрос в том, что именно я пишу? Если это показания на следствии, то я должен постараться написать их так, чтобы моих родных и друзей наш русский суд, скорый и неправый, не упёк куда не следует, поэтому... ну, я буду обдумывать свои показания, касающиеся моих друзей, во всяком случае, живых. К тому же, что о них будут думать те, кто их знает, тоже важно. Итак, я пишу НЕ показания и не правдивую историю, я пишу **Роман**, по отношению к которому *мои друзья и родные* – это *прообразы литературных героев моего романа*, и не ищите в них ни абсолютного совпадения, ни матерьяла для воссоздания действительных жизнеописаний. Более того, я пишу даже не роман, – если иметь в виду главного героя моего повествования, то я создаю **МИФ**, настолько же правдивый (или настолько же выдуманный) как МИФ об Иисусе Христе, о Будде или Заратустре.

Итак, мои воспоминания, моя исповедь – это Миф обо мне. Отчасти он правдив, отчасти он представит меня более определенным, более цельным. Но еще важнее – более превосходным и более героическим, чем каким я был на самом деле. Следовательно, и главный герой моей Исповеди – это литературный герой, для которого я, автор, являюсь только прообразом. Не только значительная, но наибольшая часть моей жизни, почти вся она, если говорить откровенно, в этот роман не входит, так что и по отношению к полноте рассказа это не воспоминания о моей жизни, а именно Миф о ней.

Некоторые люди, которых я знал десятилетиями, даже не упоминаются на страницах книги, другие, с которыми встретился на легу, занимают в ней важное место. Многое я не помню совсем, многое помню плохо, так что чаще я не нарочно искажаю реальность, а по забывчивости. Но есть и несомненные, абсолютные истины, такие же, как улыбка ребенка. Например, Игорь Ростиславович Шафаревич именно тот и таков, каким он был в наших кратких встречах и разговорах, каким он существует и останется в сердцах и умах читателей. Я познакомился с ним по собственной инициативе, пришел к нему в институт, послал записку, дождался его у турникета, проводил до трамвая, сослался на то, что являюсь прилежным читателем и его сочинений и сочинений Солженицына, что с Солженицыным немного знаком, и передал ему мой роман «Боль и любовь». Доверие ко мне установилось у Игоря Ростиславовича с первых моих слов и сомнений в том, кто я и каков, не возникало. По поводу романа он сказал вскоре, что не будет судить о его художественных достоинствах, но что для него несомненно, что в нем каждое слово – правда. И еще он заметил, что видит с его страниц мою мать так, словно бы ее всегда хорошо знал. Благодаря моему товарищу Казимиру я сумел передать И. Р. привет от Питера Клауса, его друга из Германии, с которым прекратилась переписка, и уверения в том, что дружба их незыблема (об этом я уже писал). И. Р. внимательно относился и к моим новым книгам, хотя я часто ему возражал. Мы встречались редко, но я уверен, что И. Р. относился ко мне как к своему младшему другу.

Так же относился ко мне и Юрий Борисович Перепелкин и Теодор Адамович Шумовский, и многие другие, о которых я уже упоминал в своих воспоминаниях, наша дружба продолжалась несколько десятилетий и составляла самую важную часть моей жизни.

Другой важной частью моей жизни и личности была моя семья и родные, и о них я пишу мало, хотя они составляют мою жизнь, – но в Романе представлен Миф – а это нечто иное, нежели частная жизнь частного человека, такого же, как все. В Мифе же я не таков, как все. Если это представляется смутно, то надо помнить, что многое смутно и помимо Мифа, и Инобытие, и вечность, и любовь. Мой отец является частью моего Мифа, хотя я никогда его не видел – но я нашел его могилу и еще поставлю ему памятник на Безымянной высоте, где он погиб.

Третья часть моего Мифа – девушки и любовь, некоторые из них даже мимолетны, иногда я видел их только мгновение, как мы видим падающие звезды августовской ночью – но и звезды входят в нашу жизнь не менее ярко, чем близкие земные предметы.

Вторая книга Исповеди посвящена любви и женщине... Такова ли действительная женщина, как на страницах романа, такова ли действительная любовь? Но мы не скажем ведь, что Тристан и Изольда не действительны, или Жанна Д'Арк не действительна, потому что якобы тысячи реальных девушек и их чувства не таковы, как эти? Точка разрыва гиперболы является главной ее точкой, хотя не принадлежит гиперболе и даже в каком-то смысле вовсе не существует, так как гипербола через нее **не** проходит. (Кстати, это показывает, что наша жизнь более странная, чем нам кажется. Но так же и солнце не является частью Земли, но все самое важное на земле определяется не ею, а солнцем.) И можно даже сказать, что все самое существенное в нашей жизни и во всеобщем бытии определяется не тем, что *существует*, но тем, что **не** существует. И рождение еще не часть нашей жизни, и смерть уже не часть ее... Даже и народ связан с нами как-то странно, а что уж говорить о несуществующем (или невидимом) Божестве?

Я влюблялся во многих, не обо всех пишу, но все достойны воспоминаний, и я их всех вспоминаю. Чаще всех я вспоминаю свою жену, о ней я не пишу в книге о любви, но пишу на страницах своих книг «Жизнь на краю» и «Жизнь в литературе», и я не знаю, как оправдаюсь перед нею за то, что не принадлежу только ей. Поэтам оправдаться трудно, и они если не влюбляются в других, то во всяком случае ими восхищены и о них пишут стихи. Хорошо, что не всё хорошо в моей жизни, многое даже мучительно, и болезни, и смерть, и безвестность, и нищета, и недостижимость совершенства – отчасти я и оправдываюсь тем, что мне уже теперь плохо, а страх смерти я ощущаю чуть ли не каждую ночь. (Но мне важнее всего успеть все существенное доделать, связанное с литературой, и помочь семье хоть в чем существенном, тогда уж я попытаюсь как-нибудь и перетерпеть "*разрыв своей функции...*")

Не знаю, прав ли я, что целый том Исповеди посвятил любви. Но почти никто ничего не хочет читать, может быть, хоть любовные истории привлекут внимание читателя? А в них содержится и судьба человека, и судьба философии, которая тоже является любовью, содержится и моя судьба...

Попытаюсь объяснить самого себя из лет предисловия к жизни (которые, возможно, важнее самой жизни), то есть из *детства и ранней юности*.

Я родился во время войны, и мое рождение и становление сопровождалось серьезными болезнями, так что я постоянно существовал на границе существования и несуществования. И развивался я какими то порывами. В шесть лет пошел в школу, и вдруг застопорился, не мог освоить азбуку и чтение, а через полгода научился читать самостоятельно, почти мгновенно (как Сергей Радонежский), и говорить начал литературно безупречно – и это произошло как-то само собою. Родные меня жалели и любили (так как я рос без отца, а отца моего тоже все любили), но и в дальнейшем меня чаще всего любили. Любят меня многие и теперь, возможно и потому, что я сочувствую окружающим и иногда пытаюсь им помочь. Возможно, не совсем равнодушна ко мне даже теперь одна совсем юная девушка... как это может быть, я не знаю конечно, это вроде тех чувств, которые она могла бы испытывать к подруге...

Летом 45 года, мне не было еще и трех с половиною лет, возвращались через нашу деревню солдаты с войны, я бегал их встречать и к некоторым подбегал с надеждой и с криком: *Папка!*

Через год мама вышла неудачно замуж, муж ее избивал, даже беременную, сапогами, и я бросался на ее защиту, обхватывая руками его сапог. Как он меня не изувечил? Почти ничего из того времени я не помню, но ощущение страдания было постоянным. Еще из времени, когда мне было четыре-пять лет, помнятся несколько мгновений 46 года, с ребяташками мы из песка делаем куличики, меня зовут обедать и я иду к столу с каким-то ужасом перед отчимом; осень 46 года, идут дожди, я в огороде, вдоль него несутся потоки воды; апрель 47 года, ночной кошмар, отчим избивает мою мать, она на последнем месяце беременности. В мае, родив ребенка, мать бежит из жестокого дома в деревню к деду, нам надо было пройти 12 километров, я ясно помню, как мы шли, как было зябко росистым утром, потом все выше поднималось солнце и начинало припекать...

Влюбился в первый раз я в десять лет в пятнадцатилетнюю девочку и написал ей стихи, которые почему-то стали известны и нас ребята начала донимать насмешками. После первого курса, возвращаясь на лето из Ленинграда, я сошел с поезда на ее станции (чуть-чуть не доехав до дома), она уже успела побывать замужем и развестись и жила у матери, идя с поезда, я увидел ее у колодца с ведром воды. *Я всю жизнь мечтал тебя поцеловать*, сказал я ей – и вот теперь настала пора – и мы поцеловались! Позже я поцеловался и с Нэлей, в которую влюбился в шестом классе, а она училась в десятом – но удалось дорасти и до нее. Вообще тогда я влюблялся чаще всего в девушек старше себя, и почему-то им нравился тоже, и нас соединяли целые бури страстей – в любви я искал утешения за те слезы, в которых тонуло мое раннее детство.

Осенью 59 года, в 17 лет, я приехал в Ленинград, поселился у тети одноклассницы, которая была в меня влюблена и вскоре тоже приехала, поступил на МатМех, переселился в общежитие; девочка эта плакала, но я никогда не обещал ей ничего кроме дружбы... конечно, мне было ее очень жаль, и даже через 60 лет я вспоминаю ее с большим участием – но влюбился я в Галочку, которая работала продавщицей в университетском книжном магазине, ей было 20 лет и весь университет, казалось, был в нее влюблен, она была не только поразительно красива, но она была очаровательна! Я поспорил со своими друзьями, с которыми жил в одной комнате в общежитии, что она придет ко мне в гости, Галочке об этом рассказал, мы ехали от Университетской набережной в Гавань на автобусе или троллейбусе, и вот вошли в комнату – словно само солнце сошло с небосвода и пришло к нам в гости – что эти девушки находили во мне, еще мальчишке? Хотя я и писал (плохие) стихи, много читал и умел разговаривать обо всем на свете... Я ее провожал и она меня поцеловала, чтобы я не страдал (так она сказала). Вскоре она уехала. На третьем курсе подружился с 16-тилетней Танечкой О., она восхищалась моим умом. Да, еще на первом курсе «крутил роман» с Ритой, учившейся на пятом курсе, хотя эта Рита была еще большим ребенком, чем я.

Окончив университет, она получила распределение куда-то в область, а я на лето уезжал в Сибирь, но осенью она ко мне приехала. Ею овладела одна безумная идея, что я ее первая *настоящая любовь*, и так как ей вскоре придется выйти замуж за другого (потому что я еще слишком юный), то она должна себя **подарить** мне, прежде чем со мною проститься. Она мне это даже объявила и мы дважды встречались наедине в самых романтических условиях, с шампанским и свечами. Притом мы перед этим всю зиму страстно целовались, оба были страстными и ходили с распухшими губами. И вот – "подарок"... Ну это же было совершенно невозможно! Мы теряли сознание даже от самой мысли, что... Легче было взойти на эшафот и самому накинуть петлю на шею. Мы испытывали такой безумный страх перед предстоящим *полетом на небо*, что не могли даже говорить и пошевелиться, мы застывали и смотрели друг на друга, думая, что вот сейчас сердца наши перестанут биться. (И за пролетевшие после того десятилетия я не повзрослел).

Я не уверен, что наш "роман" был именно любовью – нет, мы испытывали чувственную страсть, притяжение плоти, нас плоть притягивала друг к другу и в поцелуе мы растворялись – но *далее* пойти было **стыдно**.

Через несколько лет мы увиделись и умилились, и поняли, что мы были блаженны как дети, и вознаграждены были невинностью детства даже в страсти. Впрочем, и про любовные истории на предыдущих страницах я скажу, что и все они были такими же *историями о беспорочной любви, в которую христиане совершенно не верят*. Точно то же было и пять лет назад, когда я обещал своей «возлюбленной» (по ее настоянию), что не только мы не будем обниматься, но и мимолетных даже мыслей об объятиях и поцелуях у нас не возникнет. Но, жертвы диалектики, мы *смотрели* друг на друга и *признавались в безумной любви* – а разве признание в любви меньший грех, чем прикосновение?

Но, может быть, и меньший... тогда, значит, мы не грешили... Тогда, значит, я все же остался *верным* всем тем, кому в верности клялся прежде.

И все же, если я пишу философскую Исповедь, зачем я включил в нее эти любовные истории, которые, конечно, не относятся ни к житейской реальности, ни к физике любви, ни даже к ее философии (или метафизике)?

Но Исповедь ли я пишу? Я ее так назвал, но это, как я уже сказал, в некотором смысле Миф – но и то не совсем. Это особый жанр литературного произведения, и подобно тому, как есть сказки, пьесы, "мениппеи", критические статьи, новеллы, Записки Золушек и пасынков, есть даже *«Записки приемных божьих сыновей»*, писанные, правда, не самими детьми, а свидетелями их рождений... а я пишу **Литературную симфонию**, в трех или четырех частях. Эта вторая часть симфонической Исповеди посвящена любви – «обычно симфония имеет форму вариаций, рондо, рондо-сонаты, сложной трёхчастной, реже форму сонаты...» Но, представив слушателю свой потный любовный свиток, в дополнение я расскажу о своих друзьях юности и о дружбе моей с Казимиром, с которым мы подружились при поступлении в 59-м году и дружили до его смерти в 2002-м году, сорок три года. А пока еще немного философии...

Шестьдесят лет назад (если бы я серьезно воспринимал эти слова, если бы я их услышал при пробуждении, то ужасом бы на меня повеяло – но мне кажется, что это просто фигура речи, метафора, и временного ощущения я не испытываю, как будто я говорю, что вот года три назад было то-то и то-то... Ну а тут шестьдесят лет назад, уже гораздо позже Куликовской битвы и даже позже сожжения Москвы, то есть не так уж и давно! – судьба столкнула меня с Казимиром, мы оба поступали на Матмех, жили в общежитии, умывались в умывальнике, я спросил, нельзя ли мне воспользоваться его мылом (собственного мыла у меня как-то еще не было, так как в деревне, где я родился, стирали белье в щелоке, им же мыли и руки при крайней необходимости...) – и вслед за этим я переехал к нему в комнату... и оказывается, что все это продолжается уже шестьдесят лет.

Ссорились ли мы? Однажды, еще в самом начале, повздорили из-за пустяка... не разговаривали два часа... я уступил (он был более упрямым, хотя я вижу, что и я иногда ссорюсь с женой и не сразу преодолеваю это дурацкое состояние, хотя и стараюсь и зарекаюсь в него не впадать...). Но мы помирились и больше не ссорились никогда.

Но я его огорчал. В начале девяностых годов я ездил в Польшу два раза, встречался с его родными, встречался с множеством случайных и не случайных людей, продавал на базаре молотки и гвозди и черт его знает что еще (мы все волокли из России кто что мог, потому что все вдруг обнищали), и вот все эти случайные люди мне не понравились. Не понравились вагоны, железнодорожные вокзалы, не понравились поляки (а Достоевский встречался с ними в игорных залах в Швейцарии и тоже их не взлюбил – и все это глупо, я вон с русскими живу в России столько, сколько уже не живу, и пока не знаю, нравятся они мне как окончательное следствие мировой истории или нет... часто очень **не нравятся**...)

В путевых заметках я о поляках отозвался не лестно, хуже, чем о евреях, Казимир мои Записки читал и расстроился, но ничего не сказал мне.

Что он вообще обо мне думал? Как меня формулировал? Вот Володя Н. однажды сказал, что я человек не определенный, словно бы даже без оси в голове и теле, одним словом «кисель» (и отчасти это справедливо), но Казимир, вероятно, меня не характеризовал никаким понятием, образом, символом. Он даже в те времена, когда во мне многие разочаровывались, утверждал, что *я еще себя покажу* и даже всех удивлю. Не знаю... Уже и я начинаю в этом сомневаться.

Но какой я?

Вот в последнее время я размышляю о взаимоотношениях личности и народа, думаю, верно ли, что цыган или еврей или таджик – кусочки своего народа, как ведро воды из колодца – ведро колодезной воды? По отношению к цыганам или таджикам это, может быть, и верно, ну а всякий ли еврей – часть *общееврейского*, а тем более русский? Ну а уж я и подавно? Можно ли даже обо мне сказать, что вот мол, ВИ мужчина? Ну, мужчина, конечно, но **не только**. Отчасти я и сибиряк. Отчасти во мне есть что-то женское. Отчасти я антихристианин – но и это для меня не полная характеристика, как и то, что я

антикоммунист, антикосмополит, не люблю Америку, временами и Европу, часто Россию... и так далее...

Сегодня у метро сидел парень с плакатиком, на котором было написано: помогите мне на еду и на хостел (кстати, я точно не знаю, что это такое, ночлежка, что ли?). Я дал ему пятьсот рублей. Но чаще я не даю ничего просящим, иногда только пятьдесят рублей... У меня нет *принципов* на этот счет, к тому же, и денег мало. Почему-то показалось что ему надо было помочь чуть больше, чем другим....)

Итак, кто я, каков я? Как о другом человеке часто очень мало говорит то, что он христианин или коммунист, так и обо мне говорит недостаточно мое *анти* (или *contra*), как и о них ничего не говорит их *про* (хотя иногда говорит почти всё). Мы уже увидели и цену и значительность взглядов советского человека восьмидесятых-девяностых годов: одни не заметили, что их взгляды и их кумиры изменились на противоположные, другие не придали этому значения, третьи изменились и заметили, что изменились, но их было меньше всего. Появились вдруг христиане (не те ли это, которые вчера над христианством смеялись?), появились предприниматели, воры и бандиты, олигархи, – но еще больше появилось тех, кто вдруг полюбил советское прошлое и с ненавистью говорит теперь о вчерашних властителях дум, писателях-почвенниках, писателях-оппозиционерах, особенно ненавистен стал им вдруг Солженицын, гораздо более, чем Ельцин. Но странно то, что эти же люди в целом без ненависти относятся к коррумпированному антисоветскому правительству и к новой буржуазной форме существования, но тех, кто был тогда противником марксизма и большевизма, ленинизма и сталинизма – ненавидят (а аллигархию любят)!

Но разве я пишу для одних, других и четвертых, пытаюсь одних обличить, других вразумить? Нет. Пишу я для катастрофически немногих, для одного из ста тысяч – следовательно, я пишу для тысячи человек, метафорически выражаясь, мои читатели – это **триста спартанцев**, смутно, то в надежде, то в отчаянии размышляющих о спасении России. Каждому из них кажется (как теперь кажется мне), что он одинок, что нет больше ни одного еще такого же, моя книга поддержит его в его отчаянии.

Есть и еще читатели или, скорее, *нечитатели*, которым я свою книгу навязывать не хочу – по разнообразным причинам – это мои знакомые или товарищи, которых мои книги и мои взгляды задевают или даже обижают, но в то же время я им сочувствую и не хочу их обидеть. В частных разговорах я уклоняюсь от обсуждения их кумиров, от критики или противостояния их взглядам, нисколько не стремлюсь к тому, чтобы их изменить – люди они не только вполне приличные, но часто превосходнейшие, часто лучшие, чем большинство других, часто лучшие, чем те, кто имеет взгляды общие со мной – но их огорчает и задевает то, иногда даже оскорбляет, что я не коммунист, или не христианин, или не еврей, не мусульманин, не антисемит, не ненавижу неверных, терпим к инакомыслящим, не поклоняюсь Сталину, не пою Марсельезу, не вступил в ряды верных ...утинцев...

Многие из них среди моих самых близких, думаете, наш идейный раскол для них ничего не значит, им не больно? А поэтому больно и мне.

Я о некоторых из них уже писал, но повториться все же вынужден.

Умер полтора года назад Витя Гарнин, он дружил и с Сашей Михайловым, и с В. Б...ым, и с Ю.С. И им, как и мне, он звонил по ночам, иногда на сон грядущий выпив *маленькую*. Тогда основная тема его речей была, что Кормчий не всех расстрелял, слишком мало, был мягкотел, особенно мало расстреливал Пятую колонну, интеллигентов, троцкистов и "старых большевиков" (да, этих, конечно, надо бы расстрелять поболее). Витя был одинок, семьи у него не было, взгляды его установились еще до «осуждения» культа личности Кормчего» (и хотя он был всего на два года старше меня, но все же в 56-м году ему было уже 16 лет, и осуждение культа личности он не принял). [А *адмирал*, с которым мы были в одной связке офисных сторожей, был и вовсе оголтелым сталинистом, носил партбилет в кармане, ненавидел евреев и либералов и всю эту, как он выражался, вшивобуржуазную мразь, но он к тому же был националистом, любил русский народ, читал мои книги и страдал из-за моих нападок на простонародье, на «чернь», как выражался Пушкин. Человеком он был выдающимся, делал много добра и на своей адмиральской должности и даже теперь, больной и в отставке... Мы с ним не раз выпивали, сменяя друг друга на «боевом» посту, я даже смягчал некоторые из выражений в своих оголтелых сочинениях...]

Вспомнил про «гуннку», как она сказала, что *ребенок женщине дороже любовника*, и поэтому она со мною встречаться не будет, чтобы не причинить боль ни моей жене ни моему сыну – все девушки, с которыми у меня завязывалась «интрига», были таковы же, им жаль было со мною расставаться, но они не хотели переходить границу, за которой начиналась подлинная моя неверность, и все они жену мою ставили на ангельскую высоту, а меня... возможно, туда же, куда Дант поместил Аристотеля и античных поэтов, то есть в чистилище, в Круг Первый (и где в *шарашке* сидели Солженицын и его друзья «умники», получается, по праву... и я сидел свои «вегетарианские» трижды, выходит, тоже по праву...) Ну а внучка выразила их общее мнение, когда сказала, что «на месте бабушки она бы меня давно убила!» – но все же внучка меня любит, и другие любят, хотя я этого не до конца достоин. Но, пожалуй, поставлю здесь точку. Я сам знаю о своих слабостях, и их не защищаю. Но не надо поэтов ни оправдывать, ни осуждать, и ни умиляться придуманным христианством Пушкина, ни лживой порочностью его и Лермонтова, более уместно хвалить их или порицать именно мне, они оба могли быть в рядах декабристов, оба были «свободы сеятелями пустынными», дуэли их с Дантесом и Мартыновым были абсолютно вынуждены, и нечего лезть Владимиру Соловьеву в их судьи со своим паточным христианством, ну а с Кюхельбекером Пушкин стрелялся напрасно, есть за что порицать и его и Лермонтова... впрочем, меня можно порицать и больше, но лучше я останусь таким, каков я есть, нежели посунусь в христианские святыне. Поэт – в своих стихах, писатель – в своих книгах. Надеюсь, что **я напишу еще лучшие книги и ими буду оправдан!** Пушкин не хотел менять свое отечество, и моя жена, как Пенелопа, верна своему Одиссею. Да и не одна ли из фей, посланных во искушение мне, воскликнула: **Ты – лучший!**?

СТИХИ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ

Последнее Прощание с N

Старость в дверь постучалась, ее я не звал,
 Годы словно столбы верстовые бегут.
 Заржавела вода вдоль дорог и металл
 Постарел, и морщины не лгут.
 Мы с тобою встречались лет восемь назад,
 Не просили любви, чтоб не спорить с судьбой.
 Я как старый солдат: жив – и этому рад!
 И не ради наград отправлялся я в бой.
 "Рада ль встрече? Не скучен семейный уют?"
 "Да, спасибо, все так же!" – сквозь слёзы в глазах.
 Хорошо, что в стихах даже рифмы не лгут,
 И последнею рифмой прощальное «Ах!»
Осень жизни. Тоска как томленье в груди.
 Обещал бесконечность и негу другой.
 Ну, конечно, победа нас ждет *впереди!*
 Только пуст мой колчан. Лук чрезмерно тугой.

* * *

*Дождь промочил мою голову,
 Истлели дела и одежды.
 Так, может быть, жить теперь голому,
 Не прячась в пустые надежды?*
*Боюсь, упрекнут: некрасиво, мол,
 Без лампы и даже без бочки
 Философу невыносимому
 Ставить последние точки...*
*Поэтому буду смиреннее:
 Есть посох, есть рубище, вервие,
 И труд, и юдоль, и парение,
 Отставшие, ставшие, первые...*

ПРЕДИСЛОВИЕ к следующей книге

День вновь не тот уже с утра:
Где опоздал, где слишком рано,
Где – не нальют, где нет стакана...
Жизнь умоляет встреч вчера,
Лекарства ждет на сердце рана
И новой прозы дрожь пера...
Но знаю: жизнь течет как надо
И обольщения не жду.
Мы все идём кругами ада,
Лентяй, поэт, герой и мот...
Не ждет признание, награда,
Лишь в ожиданьи лжи и лада
Я снова – тот или не тот,
Но утираю кровь и пот...
Бессильны знанье, наважденье,
Сны алхимических химер,
Вся трезвость меры, полумер,
Глубокомысленность сомненья...
Тот слишком пёстр, а этот сер...
А большинство не стоит мненья...
Ах, эта жизнь! Тоска, зараза,
И свет и тьма... *Зеленоглаза*
Моя попутчица. В раю
Мне лучших снов уже не надо,
Жизнь вновь единство лжи и лада,
Блаженства, боли, света, ада,
Химер у жизни на краю...
Не говорите: это поза!
Я напишу вам новых книг
Не о любви. Иная проза
Меня прельщает. Только миг
Смешаю с нежностью всезнанья,
С блаженством разочарованья...
Свобода ига, иго иг!
И день заладится с утра...
И пусть кричат мне зло и грозно:
Так не бывает, слишком поздно!
О, встречи – завтра и вчера!
С тем выпивал, а с той постился,
Те говорили, я внимал,
Ни с кем из них я не простился,
Ни с кем я **в жизнь не опустил**ся...
Дорога встреч. Я в Бег пустился –
...и Бог меня поцеловал!

СТАНСЫ

- 1 -

Мне плохо, я соткан из слез,
Из слов, междометий, метафор,
Я дольная лóза средь трепетных лоз,
И жизнь моя вовсе не сахар.

Мне плохо, ночные часы –
Одно наказание без права.
Я брошен на жгущие ада весы,
Нет ветра, восхода, небесной росы,
Нет лёгкого ангела справа.

И что же мне снится? Ни суд, ни совет,
Нет серого утра, рассвета.
Мой бог не родился, кумир не воспет,
Не слышима музыка, чаянья нет...
Моя ли то песенка спета?

Дождусь ли? Вдруг звякнет засов,
Дверь стукнет, и ветер подует.
Я соткан, как все, из затасканных слов,
Из детства, деревни, отчаянья, снов –
И скажут и мне – Ну, пошли! Ты готов? –
Но вдрúг меня чаша минует?

- 2 -

Да, соткан и я из нечаянных слез,
Из воли, неволи, из случая,
Из желтой листвы белокурых берез,
Касаний руки к лепесткам алых роз...
А ты – моя песня тягучая...

Зачем же бросать нам томительный плен
У плоти, у чувства, у радости,
Зачем этой длинной дорогою мен
Искать наивысший наследственный ген,
Ведущий к божественной сладости? -

Когда перед нами дорога проста:
Прижаться друг к другу, сливая уста?!
И время погаснет как будто во сне,
Ведь ты не забудешь? И я тебя не...

8 февраля 19 – 23 октября 22

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНВЕРСИЯ

ИНВЕРСИЯ [лат. *inversio* переворачивание, перестановка]

Инверсия — драматургический приём, в котором перед началом пьесы показывается, чем закончится основной конфликт в данной пьесе. Задача инверсии — с самого начала увлечь зрителя, держать его в дополнительном напряжении с помощью заранее выданной информации о том, к какому концу приведёт изображаемый конфликт.

Инверсия, анаколупф, антитеза, анафора, эпифора
Наталья Вадимовна Гурева

Изменение обычного (чаще используемого) порядка слов в предложении

Процесс и результат перестановки или переворачивания (замены) вплоть до противоположности мотивов, установок, желаний, реакций, поведенческих актов и пр.

инверсия времени

смещение охлажденных слоев воздуха вниз и скопление их под слоями теплого воздуха

Причина инверсии температуры на склонах и вершинах заключается в том, что ночью холодный воздух, как более тяжелый, скатывается вниз и вытесняет теплый воздух вверх

В математике. Инверсия плоскости относительно окружности по формуле $OA^* = R^2 / OA$, — это преобразование, переводящее произвольную точку A в точку A^* , лежащую на луче OA на расстоянии OA^*

Прямые, проходящие через O , преобразуются в те же прямые
Прямая, не содержащая O , переходит в окружность, проходящую через O .
Окружность с центром в M , проходящая через O , переходит в прямую, перпендикулярную OM .
Окружность, не проходящая через O , переходит в окружность, не проходящую через O .

И т.д.

.

Еще о несправедливой русской жизни

Начну, увы, НЕ с себя (вопреки заклинанию христиан *начать с себя*.)

Как известно, исторические фигуры и события привлекают многих писателей. Алексей Константинович Толстой написал исторический роман «Князь Серебряный», в котором эпоха Ивана Грозного и сам царь предстают далеко не радужно. Многие авторы были привлечены фигурой царя-реформатора, начал писать о нем роман Александр Сергеевич Пушкин, тем более что он был допущен к историческим архивам, и во-вторых, и предка его когда-то обладал самодержец. Но выпало перо из рук поэта, не смог он о нем писать. Лев Николаевич Толстой разразился по поводу Великого Петра такой бранью, что детям до семидесяти лет ее лучше не читать, да и я, многое знавший о русских палачах-самодержцах, выронил лист с его строками и не смог их поднять.

Мережковский свой роман «Христос и Антихрист» смог написать, но, как пишет Иванов-Разумник, Мережковский соткан из льда, и сердце у него ледяное.

Историю государства Российского написал великий русский писатель Карамзин, много раз он швырял рукопись на пол и даже топтал ее ногами, но был связан договором с царем и не мог этот договор расторгнуть.

Я приводил отрывки из его Летописи в статье, посвященной Солженицыну, не получил никаких откликов, никто не упрекнул ни меня ни Карамзина во лжи, никто не возмутился кровавым мраком, сопровождающим русскую историю, в то время как на Солженицына за его упреки советской большевистской власти в жестокости спустили легион собак. В чем же дело? Может быть, меня никто не читает? Приведу отрывки из Карамзина еще раз.

Карамзин. Глава III.

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1569-1572 г.

«В Декабре 1569 года он с Царевичем Иоанном, со всем Двором, со всею любимую дружиною выступил из Слободы Александровской, миновал Москву и пришел в Клин, первый город бывшего Тверского Великого Княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги Московского Самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабеж, там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали Государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обливая их кровию бедных жителей, до самой Твери, где в уединенной тесной келии Отроча-монастыря еще дышал Св. старец Филипп, молясь (без услышания!) Господу о смягчении Иоаннова сердца: тиран не забыл сего сверженного им Митрополита и послал к нему своего любимца Малюту Скуратова будто бы для того, чтобы взять у него благословение. Старец отвечал, что благословляют только добрых и на доброе. Угадывая вину Посольства, он с кротостию примолвил: "Я давно

ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратов задушил Св. мужа; но, желая скрыть убийство, объявил Игумену и братии, что Филипп умер от несносного жара в его келии. Устрашенные Иноки вырыли могилу за оltарем и в присутствии убийцы погребли сего великого иерарха Церкви Российской, украшенного венцем Мученика и славы: ибо умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя История не представляют нам Героя знаменитейшего. Чрез несколько лет (в 1584 году) Святые Мощи его были пренесены в обитель Соловецкую, а после (в 1652 году) в Москву, в храм Успения Богоматери, где мы и ныне с умилением им поклоняемся.

За тайным злодейством следовали явные. Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с Духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным Тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась над их предками. Многие Литовские пленники, заключенные в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги: Иоанн смотрел на сие душегубство! Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели Крымские, а в другой Ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна. Вышний Волочек и все места до Ильменя были опустошены огнем и мечем. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть тайною для России!»

Чем объяснить сию бессмысленную жестокость? Возможно, она объясняется тем, что русские люди преимущественно *общинные*, сторонники *единомыслия*, не случайно большинство думает и говорит, что «все **инакомыслящие** – это злейшие враги, все, *идушие общим строем* – друзья!»

Вот так же ненавидят Навального за его разоблачения воров и взяточников, дескать, он своими разоблачениями позорит Россию перед Западом, он их агент: ну, воры – но это наши собственные воры, наши собственные негодяи, и мы им в обиду чужим не дадим! Так говорят даже мои собутыльники, даже знающие, что я думаю иначе, значит, это их глубинное **я**. Возможно, и примеры из Библии у некоторых перед глазами, описания того, как Бог поступил с жителями Содома и Гоморры, истребив их вместе с младенцами, даже апостол устыдился за Бога, и добавил, что сие говорится как образ, а не буквально (но я думаю, вспоминая, что Бог даже камень метал с неба на филистимлян, помогая евреям, что все библейские рассказы буквальные).

Характер московитян передан в выражении «*Москва слезам не верит*», что не только означает, что Москву не разжалобить слезами, но что и к страданиям она безучастна, она символ жестокости и непреклонности.

Но в разговорах по поводу Грозного, Петра и Сталина мои оппоненты с жаром защищают беспримерную Российскую жестокость, прямо похваляются ею ну, значит, цари работают как селекционеры, выводя безжалостный тип человека, упивающегося жестокостью, и преуспели в этом значительно. А ведь Россия и русский народ могли пойти и иным путем, были у них и другие примеры, более мягкие и благородные, и Тверь, и Новгород, и даже Киев.

Ночью увидел во сне, что некий Демон подобно как на Содом и на Гоморру обрушился на Москву, и безжалостно ее испепеляет вместе с младенцами, женщинами и старцами (в том числе и с кремлевскими).

Были уничтожены дворцы, дома и улицы, и крепостные стены, и наконец скрыты сами холмы, на которых была построена Первопрестольная.

После же сего Демон осушил каналы и реки, и Язуз, и Москву-реку, водохранилища, озера и пруды, протоки и даже малые ручьи, уничтожил сады и парки и кущи деревьев, а все оставшееся предал пламени, из него же никто не мог спастись, ни грешники, ни праведники, и напрасно они вздымали руки к небу, слышали они одно: *Как вы поступали с другими, так и с вами теперь поступлено...*

О советской Истории писали многие, бесчисленные рассказы Варлама Шаламова не менее страшны разоблачений Солженицына, книга Владимира Солоухина «Ленин» еще страшнее, Бунин, Гиппиус, Солоневич, Деникин, Иванов-Разумник – сказал ли кто-нибудь из них хоть одно доброе слово о рабоче-крестьянской власти? НЕТ!!!!!!!

Такое впечатление, что из остальных авторов никто ничего не читал, и всяк думает, что весь мир восхищался красной Россией, ставшей СССР, даже и Рузвельт, и Черчилль, и Гитлер – а нашелся только один, посмеявшийся идти не строем и клеветать – но ужо ему от нас и нашего праведного негодования! Увы, оно не праведное, оно просто невежественное. Нет ни одного буквально защитника СССР, который хотя бы в общих чертах представлял контуры Российской империи накануне Первой мировой войны, ее науку, культуру, промышленность, ее армию и флот, сеть железных дорог (не увеличившуюся за 70 лет советской власти). Но что Советская империя была воистину империей зла, это, к сожалению, стало штампом, и только благодаря этому двенадцать народов, входивших в СССР, оказались так отвратительно не памятливы к цивилизационной роли России и СССР в их исторической жизни. И когда наступил развал СССР, бежали недавние цивилизаторы из «братских» республик, но Москва им даже отказала в гражданстве.

И при этом характернейшие приметы нашей жизни: Бесы украли 11 триллионов долларов, имена трех тысяч бесов известны, но уголовные дела разрешено открыть только на сорок бесов, остальных трогать нельзя. При этом мы прозябаем на следующем фоне мировой жизни: США производят 25 процентов мирового продукта, Китай – 11 процентов, Россия – 1,7 процента.

Горестные Заметки при расставании

4 ноября 19, понедельник, 9-23.. Вчера вернулись из деревни...

Во-первых, болит правая рука, особенно при работе на компьютере, вторых, болит еще многое, да и вообще *со мною болезнь*. Так как с болезнью жить утомительно, то я уже думаю о расставании. Когда был сильнее, думал уехать куда-нибудь в глушь и там просто умереть от голода, в балагане, но меня мучило представление о том, что дикие звери растащут, сам же себя я похоронить не смогу, превратить себя в пепел после смерти – тоже.

Оставлю завещание, чтобы родные похоронили на сельском кладбище, навещать меня можно раз в десять лет, а то и вовсе не надо, на могилках своих родных в Сибири я тоже не был семь лет, надо будущим летом съездить.

Итак, что я вижу?

Россию мне не спасти, русский народ спасти ее не хочет, да и сам спастись не хочет тоже. Вернуться к православию хотя бы ради спасения по православному обетованию? Но христианство проповедует идею личного спасения, дескать, сам спасись, другие, возможно, последуют твоему примеру, а пытаться изменить общество и государственную жизнь – нельзя, святотатство, не нами поставлено, не нам ломать...

Правда, пришли большевики вкуче с инородцами и евреями (революционного толку, из нечистых колен Израилевых), старых русских почти всех перебили, а кои сами смогли убежать, но так как без насилия и ужаса ничего не умели (у них и *сталь закалялась* только в жуткий мороз, когда начал вымерзать Киев, летом узкоколейку они построить не догадались) – то началось истребление и вымирание от голода всяких русских вместе с другими, но так как бабы еще рожать не разучились, как то перемогли то время, теперь оставшиеся его восхваляют.

Спустя семьдесят лет опять катавасия, большевиков свергли, начали распродавать Россию на Запад и строить дворцы (я было вздумал что-то писать против, интеллигенты и православные возмутились: не тобою свергнуто, не тебе исправлять! Сиди и молчи! Либо вон умирай...

Пришел новый царь. Каждый десятый с двойным гражданством. У окольных по три жены и у всех дети, все они за границей, там и *бабло*. Здешные воруют миллиардами, спешат, вдруг не успеют. Ученые и молодые умные все за границей тоже. Я было хотел вякнуть, истинные православные меня осадили: А чего ты хочешь? Чем тебе царь не хорош? Он один, а их много, одному ему со всеми не справиться, сил не хватает, а мы ему чем помогаем? Вот то-то!

Я живу в незнакомой стране... да я в ней и сам *незнакомец*... Кому я дам прочитать эту книгу? Одни уже не читают, другим меня читать не интересно. Да захотят ли меня читать друзья и родные? Я вот всё похваляюсь, что меня, дескать, любят и я даже в центре некоего кружка – но так ли это?. Правда, в семидесятые-восемидесятые годы у меня собирался народ, они меня и правда любили... Не то чтобы как Джульетта любила Ромео или как христиане любят Христа а сталинисты Сталина, но все же... Но они по большей части все умерли.

Умер мой друг Казимир, 17 лет назад. Перепелкины, Юрий Борисович с Тамарой Андреевной, Гневушевы, Михаил Андреевич с Музой Михайловной, Горбацкие, Виталий Герасимович с Надеждой Николаевной – умерли еще раньше, и мои вечера на улице Ушинского прекратились. Но это все были люди старшего поколения, почему-то среди них я был более я, чем среди своих собственных. После них умерла Людмила Петровна Жукова, и вечера на Кронверкском, где блистали и Юрий Борисович и Владимир Иванович Мусатов (и Нина Николаевна Казаринова и Тейх-старший ... да и я с Казимиром), прекратились тоже. Поклонник Высоцкого умер тоже, прекратились и у него вечера. Теодор Адамович Шумовский держался дольше всех, в 2012 году умер и он, прожив 99 лет. Тогда же умер и Саша Михайлов, почти из моих ровесников. В прошлом году умер Маркиян с его Валечкой, чуть раньше Шиманский и Наташа Мартынова, почти с нею Валентина Ивановна, происходящая из Петербургских шведов – и то, что она была из моего собственного народа, показывает, что есть нечто более важное для личной *русскости*, чем славянство и русскость обоих родителей; но, конечно, и язык и культура для русскости должны быть русскими, память, предания и любовь к общей родине. Исключением является "гуннка", родиной ее была Германия, но она стала даже более русской, чем я. Жаль, что она от меня затерялась. Умер и Юра Алексеев (но жива его Инна, русская красавица еврейского происхождения, наша с женою подруга). Умер и Лёня Измайловский, **русский из евреев** – и это кой-что для меня доказывает тоже.

Из самого ближнего круга моих друзей ушли от меня девятнадцать человек, а старшие родные почти все, но они мои книги не читали. Впрочем, до шестидесяти лет я ничего и не написал, не считая журнала Мера, но был ведь центром маленькой вселенной?

Я – *незнакомец* в своей стране, которая как-то принизилась, после предыдущего поколения, они отдали этой стране все свои силы, некоторые и жизнь (как мой отец), но Россия о них обо всех забыла и сама быть Россией больше не хочет. Царствует в этой России *сброд*, а народ его любит и его восхваляет.

Но есть несколько точек разрыва, которые и меня с Россией разъединяют.

В 1917 году произошли две русские революции, оторвавшие народ и страну от ее истории. Миллионы бежали за границу и там растворились (в конце концов). Внуки и правнуки возвращаться сюда уже не хотят.

Нынешний правящий класс (или "элита") вне русскости, часть его уже за границей, оставшиеся доворовывают и дограбливают здесь то, что их отцы еще не дограбили. Но и достойные в большинстве за границей тоже.

Здесь уместно написать о том, в каком отношении я нахожусь по отношению к старой России и по отношению к новой.

Вырос я на русской культуре 19-го и начала 20-го веков, отчасти и на культуре 20-го века, на той ее части, которая не приняла большевизм (не говоря уж о Сталине). Но это была культура *прежнего правящего класса*, включающего в себя дворянство, аристократию, духовенство, купечество и зарождающуюся буржуазию. Воры были и среди них. Но и честные жили за счет рабов, крестьянин отдавал три дня барщины помещику, три дня работал

на себя, воскресенье посвящал Богу. Нынешние проходимцы три дня из недели наших трудов и богатств похищают (якобы незаконно), но эта государственная власть на том и построена, чтобы прежнее российское Рабство, процветавшее в 19-м столетии, сегодня торжествовало. А за границу ездили «они» и вчера, и Достоевский даже, совесть русской интеллигенции, проигрывал юбку жены в Швейцарии или Лихтенштейне. Вот Лев Толстой Ясную Поляну, построенную отцом, проиграл в карты в России (потом он ее отстроил – точнее говоря, крепостные).

И Революцию, как океанский вал смывшую класс богатых, я принимаю. Хотя и ненавижу все семьдесят лет хамской и тупой власти бывших бедных и угнетенных, угнетателями они оказались еще худшими для крестьян и рабочих и даже учителей.

Сегодняшнюю власть жуликов и воров я ненавижу, народ, обожающий эту власть, я презираю, когда-то, думаю, как и в 1611 году, когда трупы людей начнут есть на дорогах (а это время придет, уже Россию почти всю обглодали) новый Минин соберет оставшихся и возьмет истекающую от жира Москву, и тот океанский вал, который прокатится по России, я *благословляю*. Столичная интеллигенция, привыкшая раболепствовать (из-за трусости... да и не так ей плохо, как провинциальным русским), от меня отречется. А я от нее отрекаюсь тоже. Они убегут на запад вслед за хозяевами сегодняшней жизни, а мои кости будут лежать в родной земле. Правда, мне не поставят памятника, не издадут мои книги, и их никто не прочитает... Но разве не многие погибли в безвестности, более достойные, чем я?

Создается впечатление, что население состоит из разбойников-рабовладельцев и *сброда*, который не лучше своих господ. Но разве в 17-м столетии Франция не погибала? Жанна Д'Арк спасла Францию, *сброд* превратив в **народ**. Если русский Бог захочет спасти Россию, то он и пошлет ей на помощь новую Жанну, в женском ли в мужском ли обличье, но это, увы, буду не я. У меня не хватило таланту, воли, решимости, не хватило притягательной силы. Но самое главное, Бог не дал мне в помощь некую божественную силу, с помощью которой только и можно передвигать горы (а с Нечистым, который помог Ленину, Троцкому и Сталину, я не мог иметь дела, я принадлежу другой сущности бытия).

Мое время заканчивается, я устал жить... точнее, устал бороться с болезнью и смертью. Правда, я должен закончить и напечатать (в 4-х экз.) свою книгу, затем подготовить и напечатать третью книгу (Философию народности), возможно, стоило бы написать Историю философских идей – для себя самого, да еще я пытаюсь хоть чем-то помочь своим *близким* – но удастся ли мне заработать с помощью литературы?

Преобразование сброда в народ возможно, и Жанне удалось это сделать, и Христос вначале намеревался сделать сие, он и говорил, что пришел к негодным (к грешникам) а не к праведным, пришел спасти **свой** народ – Павел ли переиначил его учение, отменив и еллинов и иудеев, сам ли он отрекся от Иерусалима, но осталось после него космополитическое учение о покорности рабов, о надежде только на будущую смерть и неполноценное воскресение (без плоти, семьи и без любви). Нет, я предпочитаю не воскресать.

Кому я предложу читать эту книгу, когда я и сам за нее оправдываюсь? Или, может быть, зря?

Всё, хватит носить елей на Заповеди Моисеевы, когда подлинная жизнь человечества, и худших, и лучших, складывается совсем по другому, и не тем интересен Христос читателям Нового Завета, что он чурался девушек и не любил свою мать, но тем, что захотел пострадать за униженных и оскорбленных; и не тем интересны нам Мария Магдалина и Мария Египетская, что бросили свое ремесло, уверовав во Христа, но что ремеслом этим сначала занимались – ибо не только *запретный плод сладок*, но и грех притягателен не только грешнику, но и зрителю (не в этом ли, в том числе, причина притягательности трагедий, повествующих больше о преступлениях, чем о наказаниях?)

Да и грех ли – прикосновение к женщине? Вон Александр Дюма-младший влюбился в куртизанку, и мы теперь слушаем восхитительную оперу Верди и проливаем слезы сочувствия ее горестной судьбе; вон молодая красивая женщина Анна влюбилась вдруг в хлыщеватого гвардейского офицера – кто, кроме Льва Толстого, осуждает ее за это? И осуждает ли Пушкин (вместе с нами) соблазнителя в Каменном госте? И осуждаем ли мы Пушкина, далекого от постоянства? И осуждаем ли мы черноокую Кармен, когда она поёт, что "у любви как у птички крылья"? А Эсмеральду за то, что она бросила Алеко?

"Измены нет", "захожу – полюблю!" – поют Варя Панина и несравненная красавица Вяльцева, и мы, слушатели романсов, безусловно даем им на это право. Ну а когда Эсмеральда или Кармен уходит от нас к другому, мы приходим в бешенство и поем о постоянстве в вечной любви!

Но не буду декларировать всеу собственного отношения к верности и постоянству, ибо декларации, кои мне приходится исследовать, все лживы, а многие онтологически противоречивы, достаточно задуматься о тех бесчисленных войнах, которые ведут народы между собою – и не мы ли, философы и поэты, в том числе, убиваем наших мифических «ближних» – часто для защиты справедливости, добра, родины, родных – когда мы на правой стороне, но реже ли для ограбления, полонения или уничтожения чужого народа, как то сделал культурный германский народ в прошедшую мировую войну?! И библейские евреи, торжественно вручающие человечеству скрижали Завета, менее ли после этого искореняли города и страны, привлекая для метания камней с неба на несчастных даже собственного Бога, который, якобы, после этого «так возлюбил человечество, что послал сына своего в заклание за людей»?

Надо сказать, что если Христос свел десять Моисеевых Заповедей к двум: *Возлюби Бога* и *возлюби ближнего*, то я вдруг понимаю, что он их множество превратил в пустое множество, ибо *Бога никто никогда не видел* (сказано в Новом Завете), а «*ближние*» превращены в самоисключающее понятие по контексту (достаточно вспомнить самаритянку, уподобляющую себя собаке, согласной на крошки с хозяйского стола (в разговоре с Христом). Суммарной Заповедью всех христианских заветов являются «Рабы, повинуйтесь господам

своим!», предписывающей человеку только рабство, пока не вернется он на Древо Божье листом бессловесным, и «Лучше не прикасаться к женщине» – пока мы не вымрем. Впрочем, я в этой книге пишу совсем о другой любви, хотя и почти невинной, но все же не бесплотной – но ни монашеский подвиг ни вертеп не имеют к моей книге касания, они сами по себе, я – сам по себе.

Итак, это не я избран в спасители России (если кто-то для этого избран), и неизвестно, избран ли я хоть на что-нибудь, может быть, из меня ничего не получилось, ни поэта ни критика, ни доморощенного философа.

Но отвлекусь от Книги и Революции, порассуждаю хотя бы о точках соприкосновения в диалоге (или о линии разъединения).

Я разошелся и с марксистами и с христианами, в чем и почему?

Начну с марксистов-ленинцев, Они совершили переворот, свергли революционную власть, которая свергла трехсотлетнюю монархию. Но нельзя сказать, что они были гениями государственного дела, последующие десятилетия доказали, что всякое дело они делали из рук вон плохо, население голодало, миллионы людей умерли от голода в двадцатые-тридцатые годы, десятки миллионов погибли во время войны с Германией. «Но ведь зато мы делаем ракеты и покорили Енисей!» – возражают мне старые марксисты (или уже новые?) Северная Корея тоже делает ракеты, недавно у них от голода умерло три миллиона – это какое-то историческое единство строителей коммунизма: трупами устилать свой путь к счастливому будущему. И все же **социализм** как учение и как способ жизни ясен: философский материализм и диктатура пролетариата, которая осуществляет себя как диктатура партии – но и эта диктатура передает свои функции вождю, который и является полновластным диктатором (в национал-социалистической Германии власть была устроена по этому же образцу); уничтожение и запрет частной собственности; Миф о строительстве коммунизма как светлого будущего всего человечества (в Германии был создан Миф о тысячелетнем Рейхе).

Но что же такое христианство? Религиозное учение о спасении человека и мира через распятие богочеловека Иисуса Христа, сына Божьего, монархия вкупе с властью духовенства и патриарха (папы или иного главы церкви, причем духовная и светская власть существуют, удерживая одна другую); частная собственность на имущество, средства производства и даже на человека, при этом правит именно тот класс, в руках которого сосредоточена собственность; Миф о будущем конце света, страшном суде и Воскресении. Миф этот включает в себя и онтологические основания в виде Мифа о Создателе мира и человека, о грехопадении и вине человечества, следствиями которых и является конец света. **Воскресение** аналогично **построению коммунизма**, которое временно отменилось из-за падения большевиков, но если коммунизм хотя бы в виде второй или третьей ступени социализма еще и можно было бы построить, то для воскресения никаких оснований невозможно придумать, о нем говорит скупой и Христос, мол, на том свете ни женятся ни выходят замуж, не имеют плоти, а только духовную оболочку, но самое главное – воскресает ли личность с сознанием собственного Я, с воспоминаниями о прежней жизни на земле? Об этом ни слова.

Что же такое *христианин*, во что он верует (и что же такое *христианство*, что оно проповедует)? Увы, это самое ускользающее учение, самое противоречивое, самое эклектичное, но благодаря этому самое гибкое.

У него мощное основание в виде развернутого учения о создании неба и земли и обетовании спасения. На этом основании и покоится во-первых, требование покорности земным властям и утверждение о благословении их богом (*несть власти аще не от Бога*) – что весьма выгодно земным властям, и во-вторых, обещание будущего воздаяния за покорность и праведность, что дает надежду униженным и оскорбленным. Миф о грехопадении отменяет поиски вины в чем либо внешнем, в царе, правительстве, государстве, дворянстве, боярах или баскаках – нет, сами и виноваты, а вину надо искупить, Христос хотя и искупил ее своей жертвой, но ее недостаточно, надо и жить тише воды и ниже земли, ничего не требуя и на все соглашаясь.

Но что в конце? Воскресение и райская жизнь. Но воскреснем ли мы так же, как Лазарь или тем более девица, которая словно бы заснула и по мановению руки Христа очнулась? Нет. Не только плоти у нас не будет, но ведь и очнутся все времена и все поколения, и с кем и в каком времени мы будем общаться с теми, кто воскреснет? Моему отцу было 29 лет, когда он погиб, мне уже теперь 77 лет и даже бабушка умерла моложе, чем я...

Вот эти картинки в моей книге словно бы снов о прошлых моих увлечениях гораздо более *воскресны*, в них я попытался припомнить ту прелесть, то очарование, которые связывали меня с "очаровашками" в пору их юности – что воскресного будет в воскресении нашей старости? Но если не воскреснет плоть, с ее немощами и болезнями, с ее костылями и морщинами – то при воскресении личности разве не воскреснут ум и память? – а какая память сегодня даже у меня, пытающегося *бежать из времени*? Не кажется ли вам, что ваше христианство – это в лучшем случае миф, который сочинил ученик чародея, в худшем – гигантское мошенничество? К тому же, в обмен на будущее псевдоблаженство, на бесплотную жизнь, лишенную якобы смерти, от нас сегодня же, пока мы живы, требуют смерти, лишенной жизни даже в виде чувств, страстей, пожеланий, снов и воспоминаний.

Христианство воевало две тысячи лет с культурой – что же оно мне предложит после воскресения? Духовные стихи... духовные чтения? Хор листьев небесного древа? Танец маленьких ангелов? И что я буду писать? Покаянные письма о своих народнических заблуждениях?

И самое главное: как для матери самое главное – ее дитя, для влюбленного – его возлюбленная, так для меня главное – культура и народ, его будущая жизнь, а не смерть. Народ в принципе не может воскреснуть после конца света, ни в идее хаотического соединения тысячи поколений, ни в виде бесплотной идеи – а от меня уже и сегодня, пока я еще жив, требуется отречение от народа, который является почвой моего существования, который существует в языке и культуре, в то время как христианство существует только в мифе и вере. *Несть ни еллина ни иудея* – это главный закон ненародного верования; Бог – или Россия, молитва – или культура и язык, братья и сестры во Христе – или русский народ – вот пропасть, отделяющая **русское народничество от христианства...**

20-21.. Тридцатого числа вечером я позвонил Николаю Т., он был растерян, обещал перезвонить, я понял, что умерла его жена (она уже долго болела). Тридцать первого числа я звонил два раза по мобильнику, и звонил по домашнему, но не дозвонился. Вечером мы с МП были в театре, вернулись поздно, а рано утром первого числа уехали в деревню.

Вчера в полночь вернулись, сегодня все не решался позвонить, вот только что он позвонил, жена его действительно умерла тридцатого, кажется, 8 декабря сороковой день.

Меня все хвалят, и любят, и оправдывают, но все же я оказался не рядом в тяжелую для него минуту. Мы долго разговаривали, он сокрушался, что ниточка, связывающая нас, утончилась, но что он относится ко мне по-прежнему, как и семнадцать лет назад. *На Чернышева нельзя сердиться, чтобы он ни выкинул*, сказал он мне.

Сложно мне юлить и крутиться, многих я обижаю, адмирал любил и советскую власть и Сталина, Николай любит Христа, Н любила и тех и других, а в христиане сейчас подались очень многие, многие нуждаются в утешении, им кажется, что Он, этот Бог, отказавшийся даже от своего народа, их утешит. Но что же мне делать? Я страдаю из-за России, как страдал бы из-за самых близких моих, и как бы там ни было, но я философ, я словно бы воин разгромленной не до конца армии, я обличаю всех, кого считаю виновным в падении России, я еще надеюсь, что эти мои прокламации, или эта странная книга чем-то поможет в войне, которую ведет русский дух против подлинных гуннов, истребляющих Россию. Христиане, конечно, не виноваты в падении России, но христианство я виню, прежде всего, в том, что оно запрещает искать виновных, что оно отвлекает русских от русских бед.

Вот я по дороге из деревни читаю ворох газет, словно чума какая-то поселилась в наших головах, снова «Сталин наша слава боевая», снова пятая колонна, недобитые враги народа, а теперь еще либералы, и сколько Иван Грозный (разгромивший Новгород и Тверь) ни уничтожил эту нечисть (и Волхов вздулся от русской крови и плыли трупы вниз к Ладоге), но всю крамолу и ему не удалось выкорчевать; и сколько Петр ни рубил боярские головы и головы крамольных стрельцов, и как бы Россию ни вздымал на дыбы (а на дыбе умер и сын его, которого он сам лично пытал) – но и ему эту заразу непокорности не удалось всю истребить, и сколько бы потом большевики и Ленин, и Троцкий с троцкистами, и Сталин с Ягодой, Ежовым и Берией ... да вот, поди, переломили таки хребет непокорности русского народа!!! Кто сегодня бунтует? Два-три студента, как в семидесятые годы, когда и я бунтовал на коленях... А что христианство и православная церковь? А что христиане? Но трудно жить, хотя бы **выжить**, не до России.

Сорок лет назад провожал ученицу своей жены, пускался в обольщения, но все наши друзья были из самых достойных, давай, говорит, дружить, как в 6-м классе. Через 20 лет она уехала, звонит, приезжает... долго ли она еще будет помнить Россию? Слава, который запал в ее сердце, уехал тоже, из самых достойных, звонит все реже... Прошло сорок лет, а они меня все еще любят, все еще помнят – но воспоминания все реже, все реже... А я словно бы звоню и звоню в свой русский колокол, все призываю, бужу, обвиняю ...

Есть **жизнь личности**, наших отношений с семьёй и друзьями, работа, рождение и смерть, язык, на котором мы говорим, культура, из которой произрастаем, образование, карьера, любовь, *ответственность перед друзьями и близкими*, но есть и **жизнь народа**, великий русский язык, принадлежащий народу, на котором мы пишем наши письма и книги, но который не принадлежит нам как вещь, как город Петербург и страна Россия нам не принадлежат. Они всенародные, даже всемирные. Наша жизнь состоит из наших отношений с семьёй и близким кругом людей, с обществом, из поступков, связывающих нас с ними – но не только! ***Наша жизнь состоит еще и в отношениях нашей собственной личности с нашим народом и с нашей историей***, и после нашей смерти остаются плоды этих отношений с теми и с другими, но еще и ***с Богом и церковью*** (если Бога и церковь считать отдельной третьей областью жизни помимо личной жизни, и народно-государственной. *Любовь, рождение детей, забота о семье и детях часто кажутся мужчине и женщине главным предназначением жизни – и они правы, после нас остаются наши дети и близкие*. Но приходит война или революция, оккупация, плен, коллективизация, борьба с народом царской или бунтарской власти, бургундцы, Жанна Д'Арк, Троцкий и Сталин, арест и расстрел, освоение целины, строительство Петербурга... частного человека забирают в армию в солдаты, арестовывают и сажают в тюрьму или расстреливают – и они тоже правы, те, кто действует от имени государства. Бытие осуществляет себя двояко, через формы частной жизни, в которой главенство принадлежит личности, и через формы исторической жизни, в которой главенство принадлежит обществу и народу... да еще происходят землетрясения и наводнения, бури и засухи, недород и голод, приходят революционеры и пророки, которые помыкают и государствами и частными людьми, то принося христианство вместо язычества, то свергая религию для власти атеизма, приходят Христос, Будда, Магомет, Лютер, Ленин, Аттила и Гитлер – и кажется, что это Бог играет природными и государственными стихиями, как третья еще сила, над личностью и государством. Да еще у каждого свой личный Бог, который каждым и повелевает, как нами повелевают любовные страсти, запой, увлечения и болезни, наше творчество и вдохновение, **Долг** и работа – но иные думают, что Бог существует над всеми, над народом, государством, личностью, и эти пренебрегают и долгом любить и рождать детей и взращивать их, и долгом идти на войну и в революцию и спасать свой дом и свой народ... и уходят в монастырь или в пустыню, не становясь солдатами и родителями, то есть отказываясь от действительной жизни во имя иллюзорной.

Итак, существуют у каждого его мыслящее и волящее Я, государство и царь, страсти, творчество и любовь, долги... Мои мать и отец родили ребенка и ушли на войну и работу. Я пишу книги, бегаю за девушками, работаю и забочусь многообразно о родных и знакомых (вот, например, колол дрова в деревне, передал Ане вещи для ее детей, иногда мы посылаем ей деньги на лекарства или на хлеб, сажаем картошку, я ищу заказы для внуки, чтобы ей выжить, забочусь о жене, как и она заботится обо мне, редактирую воспоминания и их издаю, и других авторов, моих друзей, издаю два журнала,

редактировал диссертацию, хожу в баню – а моим друзьям нравится ходить вместе со мною и в бане выпивать и спорить, иногда до криков – безумные у меня друзья, кстати сказать...), а у меня болит спина и рука, иногда не сплю по ночам, думаю, хорошо бы умереть или поправиться, но, во-первых, некогда, во-вторых, множество долгов, которые меня не отпускают...

Я сознаю горестно, что Россия больна, *накренилась и вот-вот упадет* (как сказал Николай, и я с ним согласен), я вижу и знаю, что, почти никого нет в России, кто бы о ней страдал и плакал и пытался ей помочь, или хотя бы думал, как ее спасти.

Я ненавижу социализм, потому что он не только лишил меня и всякого человека свободы, но он лишил свободы и русский народ и унизил культуру, всячески ее сужая и обрезая, по существу выкорчевывая, он заполнил марксистскими бреднями все школы и все библиотеки и выкорчевывал всю и всяческую философию кроме марксистской, даже Библию изгнал из чтения культурного человека (хотя я и не сторонник христианства), он воистину превратил *широкого русского человека* в человека *одномерного* (по мечте христианина Достоевского). Сегодня большинство людей даже отказались от **долга перед обществом и Россией**, думая, что живя *для себя и своего благоденствия*, они достигнут... чего они достигнут даже в сравнении с моей матерью, крестьянкой, родившей пятерых детей, испытавшей великую любовь и великую скорбь, хотя бы на закате жизни прочитавшей изданные мною книги, и мною написанные, и поверившей, что начинает сбываться предсказание деда Зеленка, что из Васеньки вырастет выдающийся человек – какое достижение сравнится с этим для матери? Их бегство за границу из России? Их виллы там или просто сытая жизнь? Их прозябание вне родного языка и родной культуры? Их любовь к чужой стране, как у Ондрия к красивой полячке? Но мы помним слова Тараса Бульбы к беспутному сыну: *Я тебя породил и я тебя убью!* И другие: *Нет чувства выше товарищества!* – сюда же относится и любовь к родине, включающая в себя любовь к семье и к родной земле.

Вне личности человек ничтожен. Но личность порождается национальной культурой, историей и семьей. Отчасти личность обязана *трансцендентному* – но больше ли оно чем семья и народ? И если даже *трансцендентное* существует *независимо* от культуры и народа (а я, несмотря на свои сомнения, и ощущаю и мыслю это **нечто**, как ощущает человек солнечное тепло и свет, даже когда солнце скрыто облаками, в отличие от христиан, у которых «бога же никто никогда не видел», но ощущаю его вместе с чувством моей **русскости**) – то невозможно, чтобы личность человека, личность народа и трансцендентное, или Бог, не составляли некое единство, созидающее подлинную, не пустую жизнь. Но христианство поражает вселенским эгоизмом: во-первых, **эгоизмом** христианского Бога, окружившего себя подобострастием и почестями, приличными тиранам, патокой елейной любви и клятвами в преданности; во-вторых, эгоизмом верноподданных, которые любят своего Бога не бескорыстно, а в надежде на то, что за любовь их он им дарует спасение и воскресение и вечную жизнь (хотя бы это будет за жизнь без плоти, уму не постижимо). Насколько же выше наша любовь к Родине, за

которую мы часто жертвуем жизнью, ничего не получая взамен, а часто даже поругание! Разве не для Родины, не для России кадеты и офицеры русской армии, объединенные затем в Белую Гвардию, пожертвовали своим благополучием, жизнью, а многие даже своими близкими, и в итоге получили либо смерть, либо изгнание, поношение, ненависть и забвение, и даже известная поэтесса Анна Ахматова написала «Не с теми я, кто бросил землю!» – бросила им вслед ком грязи – хотя она и испустила свою вину расстрелом мужа, лагерной жизнью сына и своим собственным внутренним изгнанием.

Эгоизм христиан – даже в их постоянном заклинании: «**Начни с себя!**»

Ну, конечно, не землю благоустраивай, а собственную бесценную душу; не о близких заботься, а о своем спасении; не на поле брани для защиты земли русской а ... уж не знаю, как "начинать с себя" впереди долга перед родной землей. У христианина не может быть долга перед семьей – у него нет семьи (если не считать семью монашескую общину); нет долга перед родиной – у него нет родины, ибо «несть ни еллина ни иудея»; нет долга перед друзьями, ибо у него нет друзей, все для него «ближние» и он относится ко всем абсолютно равно (как о том восхищенно повествует Страхов в описании Афона). Любовь изгоняется из жизни человека (кроме любви фантастической, к неощутимым предметам, то к *ближним*, которые неизвестно кто такие, в отличие от нашего мира, где есть *близкие* – родные и друзья, и есть множество людей менее близких, но узнаваемых, то сослуживцы, то однополчане, одноклассники, односельчане, земляки, *соотечественники* – именно эти последние и являются ближними в Ветхом Завете, далее начальство, подчиненные, крепостные, рабы, заключенные тюрем и лагерей, прохожие, случайные знакомые... есть вражеские солдаты, которым иногда надо протянуть руку помощи, например, раненые или пленные. Есть иностранцы, разными путями попавшие в нашу страну, иммигранты, служащие, туристы, путешественники – жители разных стран не сразу съедали и иностранцев, более того, обычай велел оказывать им гостеприимство, съедали обычно захваченных во время межплеменных столкновений – и только христианство развело густой туман относительно тех, с кем мы можем столкнуться в повседневной жизни или на дорогах судьбы, вводя термин «ближние».

Подлинный христианин не может существовать в обществе подобно нормальному человеку, крестьянину или дворянину, сообразно своему положению, полу и возрасту – нет, *он должен взять крест свой* и куда-то пойти вслед за Христом – куда же? Я думаю, я знаю, что надо заботиться обо всем том, что нуждается в нашей заботе и чему мы можем ее посвятить, да и многое повелевает нам долг и наши обязанности: перед семьей, перед родиной, перед революцией, перед студентами и учениками, перед солдатами, перед подчиненными – но у подлинного христианина нет предмета для его ясно сознаваемого долга, он какой-то перекатил поле, не помнящий родства, *не имеющий, где преклонить голову* (как сказал о себе Иисус, сетующий, что у птиц есть гнездо, а у него его нет). Кто же они такие, те, к кому обращался Иисус с проповедями? Получается, что это или **бродяги** (пошли слушать его проповедь, и не взяли с собой даже куска хлеба – да был ли у них этот кусок?) Или они изгнанники, переселенцы, беглые из сибирской каторги, «иудеи в

рассеянии», не имеющие ни прописки ни паспорта (а у Савла был римский паспорт, и вначале, пока его не ослепило молоньей на дороге в Дамаск, он враждебно относился к последователям Христа-Иисуса). Метафорически выражаясь, я тоже обрекаю себя на "крест" (то есть на гонения), но совсем не на Христов крест, а на противоположный, ибо я призываю защищать **родину и народ**, а не царя и его бояр, не власть, которая от бога, а власть народа (которой, конечно, в России нет, но которую надо установить). Я призываю восстановить справедливость, а не терпеть покорно насилие, восстановить попранное достоинство, а не умиляться рабству, даже рабству самого Иисуса (как Тютчев умиляется тем, что якобы даже и Россию «*в рабском виде царь небесный исходил, благословляя*».)

Но какой же долг первоочередный: перед семьей, родиной, богом?

Чтобы не спорить с оголтелыми сторонниками коммунистического строя, который «обобществляет» всё и вся, даже самую личность человека растворяет в государстве и обществе; чтобы не спорить с верующими разных религиозных систем, растворяющими личность человека в Боге; чтобы не спорить с либералами и анархистами, космополитами и крайними индивидуалистами и эгоцентристами, растворяющими и бога и государство, и семейные ценности и долг в личности человека, я принимаю тезис о неразрешимости в Логике противоречий между **долгами: личности, государства и Бога**. В разных точках – экстремума, перегиба и разрыва житейской и исторической кривой эти противоречия разрешаются в зависимости от обстоятельств. В Англии в эпоху Кромвеля парламент нанял армию и воевал против короля, народовольцы отстаивали права личности, взрывая монарха, Николай Второй расстрелял верноподданное шествие, революционные матросы сначала свергли Временное правительство, затем их Мятеж расстреляли большевики. Истины и правила, уравнивающих сии долги (**Личности, Государства, Бога**) – нет, только жизнь дает нам возможность разобраться, не променяли ли мы права первородства и нашу родину на чечевичную похлебку сытой жизни. *А почти все променяли...*

Боги принадлежат отдельно *личности человека* и отдельно *личности народа* (во многом разные боги); **культура** принадлежит *личности и народу* как целое; **церковь** принадлежит *государству*, одновременно полуавтономна (возможно, где-то она отделена от государства, но только не у нас). Кому же принадлежит государство? Оно принадлежит правящему классу (верующие думают, что государство принадлежит Богу, и царь отчитывается перед Богом в своих грехах и свершениях).

Но к чему эти длинные рассуждения? Они к тому, что я пишу то, что считаю своим долгом русского писателя и философа, и моя легкомысленная Исповедь такова, какою ей надлежит быть, ибо я и русский, являющийся частью своего народа, который мне дорог (как и семья), я и поэт, у которого есть ответственность перед поэзией. Если бы у декабристов преобладал только долг перед родными, они никогда бы не вышли на Сенатскую площадь, Александр Матросов не бросился на амбразуру, а мой отец не остался бы на Безымянной высоте, чтобы погибнуть, защищая своих солдат.

Я не единственный поэт, ведущий неправильную жизнь и пишущий неправильные стихи, если бы поэты были христианами, они бы не стрелялись на дуэлях и не волочились за чужими женами. Но культура – более сильный критерий того, что хорошо и что плохо, чем заповеди Моисеевы и две заповеди Христа, предписывающие человеку потоку любви: *к Богу* (читай – к царю) и *к ближнему* (читай *Моральный кодекс строителя коммунизма*). Если бы вдруг – нет, не весь народ – но хотя бы все поэты стали вдруг паиньками – мир наш стал бы похож на баню с пауками и от тоски мы бы все удавились. Прав во многом был Достоевский – но почему-то проигрывал в карты юбку жены; прав был во многом и Тютчев – но в христианские святые он не годится... Не говоря о Толстом... – Не в том ли тут дело, что *христианство*, как заметил Розанов, *религия мертвого человека*, живых оно не спасает? Или Родина – или бесплотный и безнародный Бог (или Христос *народный*? Бог он какого народа? Или Он учит, как любить нам или спасти наш сокращающийся как шагреневая кожа народ, не желающий знать о себе правды? Или спасает нас не труд, не творчество, не честь, а молитва? Семь или семнадцать триллионов народных денег украдены у народа, а в провинции нет работы, нет врачей, закрыты школы, десятки тысяч сел исчезли только за последние годы, но построены десятки тысяч новых храмов). Вчера был поразительный государственный праздник – День взятия Москвы народным ополчением Минина и Пожарского – а во главе России тогда была русская боярская дума, был наш патриарх, стоял, правда, польский отряд, нанятый правительством, но он не оккупировал Москву, ее оккупировал собственный падший народ...

Наконец-то вывод из пространных речей: Мне очень жаль, что я обижаю тех, кто верит в коммунизм, в пролетарскую революцию и в счастливую советскую жизнь. Но наша жизнь в двадцатом столетии не была ни счастливой, ни праведной. Хотя мне повезло, я был знаком с изумительными людьми, русские люди были во всех временах, только не они правили... Боюсь, что верующие в то светлое коммунистическое прошлое оскорбятся за него и меня отринут. Но что я могу сделать? Писать по примеру Пушкина *«Проезжая чрез Ижоры, я взглянул на небеса, я вспомнил ваши взоры, ваши синие глаза»*? Саша Михайлов защищал от моих нападок эти стихи, теперь и я думаю, что в поэзии, увы, и «глуповатость» уместна? Писать *«Боже, царя храни»*? Нет, я не думаю, что в поэзии уместна верноподданность. Правда, обидятся друзья мои – христиане – за своего бездейственного Бога... Но и Книгу о любовных встречах я не могу дать для чтения ни родным, ни друзьям – хотя не одни в ней девушки, есть и сентенции, философия, брань... Или надо было бы написать мне *«Похождения Чичикова в Институте благородных девиц»* – никто бы в меня камнем не бросил.

Я намеревался писать о серьезных людях, и вот теперь думаю: да все ли здесь правда, или лишь вымысел? Правда, читателей нет, и невольно взор мой упал на читательниц – надеюсь, хоть они прочитают – о себе – меня они, конечно, уже позабыли. И я ли написал эту книгу? Нет, я ясно чувствую, что это свыше обо мне написали роман, все друзья и все встречи были заданы свыше, и я лишь записывал то, *что мне велено было вспомнить*. Ну и вот, получилось то и так, как велел Аполлон... А еще он велит закончить сию книгу страничкой любви и света..

Несколько слов заключения

И мама, и бабушка, и мои тети, и мой дед, и почти все окружающие меня любили. И все же детство мое было тяжелым и несчастным, я много плакал. Отца не было, мать неудачно выходила замуж (и было ли за кого выйти после этой страшной войны, когда **большинство воевавших погибли**, а выжившие в большой степени были покалечены, либо физически, либо нравственно?

Этого не хотят учитывать те, кто возвышает те страшные эпохи революции, гражданской войны, предвоенного террора, и особенно эпоху войны. Все вспоминают самих себя в благополучные сравнительно годы, но не хотят вспоминать своих матерей, или бабушек, тетушек – а **жизнь большинства женщин, чья юность пришлось на войну, оказалась не только трагической, но глубоко несчастной**. У одних мужья погибли, у других они сидели в тюрьмах и лагерях, у третьих были ... лучше бы не были... а у четвертых и вовсе никаких, хотя и четвертым иногда удавалось родить – а это именно смысл жизни женщины. Мать моя была несчастной, и я по ночам плакал безутешно. Да и болел часто, и рос ребенком болезненным, и как удалось вырасти, и даже научиться защищать себя, непостижимо... пять лет я болел туберкулезом, с десяти лет до пятнадцати, и поправился впервых, потому, что мать меня лечила народными средствами, а во-вторых, я словно бы в какой-то момент времени приказал себе не болеть. Это я позже еще повторял дважды, в самые критические дни своей жизни. Вот теперь болею, но ничего не могу приказать...

Но мне плохо не потому, что я болен, беден, не достиг того, на что надеялся, не уверен, что чего-нибудь еще смогу достигнуть – нет, мне плохо потому, что я страдаю из-за своей России и своего народа. Я разочаровался в русском народе, большинство людей мне не нравятся, они мне кажутся не умными, не тонкими, не добрыми, не трудолюбивыми и не добросовестными.

Я всегда думал, что мой народ выдающийся, а теперь вижу, с горечью, что это преимущественно какая-то толпа очень неинтересных людей с одной стороны, безнравственных, с другой стороны (судьи несправедливо судят, чиновники расхищают казну, журналисты врут, полицейские лжесвидетельствуют...)... и людей хищных, эгоистичных, жадных, недалеких, имеющих самые низкие и тупые интересы, с третьей стороны. Словно бы вся эта страна – это тюрьма, и люди безропотно обитают в этой тюрьме и в ней разлагаются. Я чувствую, что если бы при рождении я сам решал, родиться мне или нет, то глядя на сегодняшнюю страну и на тот народ, который в ней обитает, я бы отказался родиться, да притом если бы мне было открыто, что и повлиять на эту страну мне никак не удастся, изменить в ней хоть что-нибудь к лучшему. Я написал еще одну книгу, но читать ее некому. Не то чтобы я написал плохую книгу и пишу плохо – **некому** читать и книги более талантливых авторов, потому что толпа народа не имеет в себе читателей (как если бы уже не стало совсем красивых женщин и выдающихся мужчин).

Многое плохо было и в старой России, как же я с нею примирялся? Но жизнь и культура сталкивали меня с гениями или выдающимися личностями, и чувство и знание и соприкосновение с ними меня возвышало над низостью

жизни. Например, я слушал пение Шаляпина, или музыку Рахманинова, или вспоминал, что были генералиссимус Суворов и князь Пожарский, читал романы русских писателей, читал стихи великих поэтов, знакомился с необыкновенными людьми, о которых я уже не раз говорил, например, приходил на Музыкальные встречи к Юрию Борисовичу Перепелкину, или шел в поход вдоль карельских озер с Виталием Герасимовичем Горбацким, а вечером наша компания (в которую входили и Казимир, и Володя Таранов, и Лёня Иванов... и все остальные удивительные и интересные...) у костра затевала споры-разговоры, чтение стихов, ... мне почему-то кажется, что сегодня я не найду в целой стране такую общину разносторонних и привлекательных, даже если буду искать по сусекам, а если есть горстки интересных, то либо они будут *ковать деньги*, либо строить дачу, либо лететь на самолете на турецкие или арабские пески ... и более ничего... Мне даже кажется, что уже и девушек не найти ни одной, с кем было бы интересно разговаривать, а красивых девушек почти нет на улице, в метро, даже в театре.

Шаляпин и Рахманинов оправдывали мне весь русский народ, и я примирялся с тем, что существуют злодеи, воры и лжецы, трусы и пустомели, лентяи и придурки – и хотя и сегодня есть почти теплые, почти даже с искорками, но **нет жара и пламени** – нет ни одного. (что-то знакомое в этих словах... апостол кажется восклицал, что нет праведных, нет ни одного?) Но праведных я не ищу, мне они не нужны...

Итак, детство мое было трудным, и многие ночи провел я в слезах. И я ждал, что когда вырасту, уеду в крупные города, там найду много интересных книг и замечательных людей. Я приехал в Петербург. Сбылись мои детские ожидания, более того, я теплее взглянул на свое детство, и простил детские обиды, в которых был я обижен, но за близких я был все так же обижен, а потом еще шире, за крестьянство, которое раскулачили, за мой русский народ, тот, который был попран негодными, вроде бы тоже русскими, но худшими из них (так что к представлению о **двух народах** уязвимый страданием человек приходит независимо от всяких теорий).

О Петербурге и о людях России я еще буду писать, но так много прекрасного случилось в моей жизни, что я уже простил и юношеские слезы, и слезы второй и третьей молодости – ну, если и в тюрьме и в сумасшедшем доме благословил я многих, кто меня окружал, то надо ли мне на что-нибудь жаловаться?

Но я ждал, что Россия освободится, будет развиваться, лучшие восторжествуют, восторжествуют хотя бы их ожидания. И вот свергли диктатуру коммунизма (как когда-то диктатуру помещиков, царя и христианского бога, повелевшего быть покорными и не изменять жизнь народа). *Свергли большевизм и диктатуру пролетариата*. Но стало хуже. Смыслом жизни практически ДЛЯ ВСЕХ стало то, против чего восстал и Христос, говоря, что *не хлебом единым* – нет, решили русские люди, и хлебом, и золотом, и всяким «баблом», и властью и наслаждением. Прежние мои друзья и родные, учителя и учительницы почти все умерли, умер,

вероятно, и Вадим, учивший о Пробуждении, умер Казимир, всерьез когда-то поверивший в мое великое будущее, обстругивавший меня как хороший редактор, и сам совершенствующийся как великий и культурнейший человек. Умер Виталий Герасимович Горбачкий, Михаил Андреевич Гневушев, Юрий Борисович Перепелкин, Теодор Адамович Шумовский, раньше всех умерла Мария Дмитриевна Матюнина, благодаря которой я мог прочитать любую книгу, которая где либо в России хранилась, умерла Наташа Мартынова... всех и не перечислить. Умерли даже Распутин, Белов и Виктор Астафьев, Варлам Шаламов, Солженицын и Шафаревич – хотя, казалось бы, рукописи не сгорают и писатели умереть не могут. Но разве они властвуют над душами нового народа, который неизмеримо хуже того, который был в шестидесятые, в семидесятые, в восьмидесятые, даже и в девяностые? Хуже этот народ еще и потому, что он в своих спорах постоянно опускается до брани, даже когда речь идет о писателях. Никогда не бранили так грубо Шолохова, Твардовского, Залыгина, Виктора Некрасова, Шукшина... Даже обо мне худшее, что говорили, это что такого поэта нет, и философа тоже... но и теперь говорят то же самое – нет – и всё... А Шафаревич думал, что в моей первой книге **всё правда**, и что моя матушка на страницах ее живет как живая... Но он умер.

Итак, оглядываясь на прошлое, я не только примирен с своей жизнью, но понимаю, что мне повезло, я встретил много чудесного, значительно больше, чем здесь поминаю, претерпел достаточно, чтобы прозреть и видеть, даже слышать музыку земли и неба, но не слишком, не стер до крови ни сердце ни ум, способен любить и восторгаться – но ведь я еще жив, еще много надеюсь сказать и кое что сделать – но некому стало меня слушать, а даже интересные и хорошие люди живут так, словно нет уже ни страны, ни народа, ни культуры, ни настоящего ни будущего. Если и есть еще бог, как иные думают, то и он какой-то мелкий, тот, который их потом воскресит, как домашний доктор, и с которым если и можно поговорить, то только через батюшку... А зачем говорить? Ну, попросить чего-нибудь...

Я очарован Прошлым и великой жизнью многих своих прошлых современников, но совершенно разочарован лживой, пошлой, пустой современной жизнью. Несколько человек вышли на московские улицы, как в 68 году семь человек, включая Файнберга, с которым я потом сидел с сумасшедшем доме, их побили, посадили, позорят по телевизору – а что общество? Оно их позорит тоже. Оно им не сочувствует, оно сочувствует олигархической власти. Пятьдесят лет назад двадцатимиллионная партия как катком прокатывала народ, но он или молчал, или сочувствовал – но нет, не партии, а вот этим немногим отщепенцам. Народ еще был живой. Сегодня он уже умер. О чем разговаривали евреи пятьдесят лет назад? О том, что надо «валить» из этой страны! Но евреи составляли лишь один процент в народе, остальные 99 процентов никуда не собирались бежать, работали, читали, собирались на кухнях, спорили и пили вино или водку. Все были живые.

А сегодня уже не только многие разговаривают о том, что **надо уехать** (буднично и совсем не героически, без драматического даже напряжения, как хотя бы при разводе с женой и любовницей, – а так, как покупают платье или

ботинки). А большинство уже *свалили*, весь правящий класс наполовину свалил, их дети, внуки, жены и мужья, их капиталы, их виллы, их идентификации личности. Каждый из них и сам хотя бы наполовину свалил, он вроде бы еще русский, советский, еврейский – но одновременно французский, израильский, английский...

... скользит страница, на которой я пишу, скользит перо, рука и меня самого несет на обочину, вот-вот перевернусь... Я ведь намеревался написать не о том, что надо бежать, а о том, что бежать НЕ надо. И я не побегу. Или меня увезут под конвоем последнего. Женщина не может и не должна бросить своих детей. Бросить родину, Россию – то же, что бросить детей. Более того, я поражу многих, даже обижу, но РОДИНА даже больше, чем собственные дети, это и ВСЕ дети, сколько их здесь есть, и все родители, родные и друзья.

И я намеревался написать о том, что со мною происходит нечто и утешительное, хотя машина моя на скользкой дороге трижды перевернулась (как в декабре 97 года), но я все таки жив, и вдруг вижу, что из нее можно вылезти и даже можно развести костер и продолжить жить.

Сначала я увидел и услышал в Интернете рассказ о **Владиславе Тетерине** и о его Фонде «**Мир искусства детям**» – если бы он помог нескольким человекам, я бы сказал, что его надо вознести на небо, – но он помог тысячам!

Вчера вечером я прослушал и посмотрел интервью-беседы Полины сначала с девицей, потом с пожилым мужчиной. Про Полину, когда она была девочкой-вундеркиндом, я знал, но не ходил на ее выступления, я и сам был в детстве вундеркиндом и не видел в этом ничего особенного, к тому же теперь страдаю, что все еще никак не разовьюсь настолько, чтобы удовлетворить тем прежним ожиданиям. Одиннадцать или 12 лет назад я побывал на ее концерте и в нее влюбился, и с тех пор на ее концерты хожу, в интернете ее исполнение слушаю, книгу ее прочитал и пришел в еще больший восторг, слушал и ее выступления с другими, ее игру аккомпаниатора – она вошла в мою жизнь так же, как Вагнер, Рахманинов, как девушки, в которых я влюблялся, музыкантши и певицы (в нее они вложены почти все сразу), я смотрю на ее руки, когда она играет, и слышу музыку в движениях кисти и пальцев. Я с ней уроднился, *она моя подруга* (хотя она об этом еще не знает).

И вчера я вдруг почувствовал, что и *она оправдывает Россию* так же, как ее оправдывал Шалапин или Зинаида Серебрякова или Ариадна Цветаева (в которую я тоже влюблялся). И как ее оправдывает Владислав Тетерин и те пять крестьянок в селе Сушилове, у которых я покупал молоко и которые взяли из приюта детей и их воспитывают. Полина меня очаровала каждым словом (как и раньше, и вчера). Не было ни одного звука в ее словах, ни одной черты в букве, с которыми я не согласился. О драматических перипетиях своей судьбы она говорила деликатно и глубоко, она простила всех, кто мог быть виноват перед нею и ее обидел, простила и своего сумасбродного отца. (Я своему сыну и внучке не выставлял никаких требований, ни к чему не принуждал их – но ведь и я сыграл в их судьбе злодейскую роль, из-за меня они занялись изданием книг, и кроме горестей и бесконечных трудов ничего не получают. И кончится эта деятельность разором и разочарованием, как когда-то собирание книг, которому я

предавался тридцать лет, закончилось тем, что всю мою библиотеку я продал арабскому шейху по доллару за штуку, сам эти книги привез к нему в Москву и сам их носил к нему на седьмой этаж).

Но безжалостный отец по крайней мере не помешал Полине стать выдающимся музыкантом, ну а выдающейся личностью она стала во многом благодаря себе... может быть, и небо так изначально на ее счет рассудило.

Нет, решаю я сегодня (как думал об этом и ночью), не может бесследно исчезнуть такая страна и такой народ. Они ведь как хрустальный дворец, возведенный на основании языка, культуры, исторической памяти и подвига многих, в культуре, в деятельности и в обычной жизни.

Этот хрустальный дворец не принадлежит только нынешнему поколению, он принадлежит всей в целом личности русского народа, включающей в себя по крайней мере пятьдесят поколений, принадлежит тем, кто создал его, но даже отчасти и тем, кто препятствовал его созиданию.

Мы же за него ответственны более других, ибо ныне роковое время.

Ночью записал несколько строк карандашом на бумаге, за них прошу простить меня и Полину, и всех, кто дорожит христианским богом больше, чем обыденными размышлениями живой человеческой личности, ее поисками правды и истины, справедливости и идеала.

Мы все стремимся не только чего-то достигнуть в нашем положении в обществе или среди окружающих (богатства, власти, известности, мнения людей, их оценки нашей личности), не только достигнуть высоких свойств и качеств нашей души, воли и ума (образованности, таланта, гениальности, совершенства в творчестве), но и увидеть истину бытия "не чрез мутное стекло" и приблизиться к некому идеалу, который описывается ясными терминами. Вот этот идеал (который определенно присутствовал и в личности Полины и ее собеседников и выражался в беседах вчерашней троицы?)

Я его сформулировал ночью (да и подавляющее большинство людей его формулирует так же, настолько он естественно принадлежит нашей общественной культуре и точке зрения на мир и жизнь):

Ум и независимость суждений, чувство собственного достоинства, красота и характер, смелость, широта взглядов, материнская любовь...

И вот что я затем увидел: набор христианских качеств не только не имеет с этим образом Идеала ничего общего, но прямо ему противоположен.

Смирение, скромность, покорность, любовь к богу, отсутствие гордыни, спокойствие, подчинение воле божьей и воле власти земной, жизнь аки смерть, отсутствие страстей и земной любви (неприкосновение к женщине), робость и очи долу... и многое в этом роде, – неучастие в труде и творчестве, воинской доблести, общественной деятельности, неучастие в политике и в переустройстве мира, но вместо них молитва и созерцание...

В мирском идеале не только ничего христианского, но все противоположное, так что воистину идеал христианский – это идеал антиязыческий, т.е. антинародный. Даже античеловеческий.

Теперь эта книга о земной любви завершена.

Примирение ради тех, кому еще хуже

Пурга над Россией. Но кто же ее «несет?»

1. Во-первых, все те силы, которые заинтересованы в духовном подавлении народа для его эксплуатации – правительство и феодальное общество: чиновники, «правоохранители», «откупщики» и аллигархи.

2. Во-вторых, недавние властители дум, коммунисты разных оттенков, коммунно-патриоты, «государственники» (что это такое, я не совсем понимаю, не те же ли это самые, что вводили войска в Афганистан?)

3. В третьих, властители предыдущих столетий, монархисты и христианское духовенство (то есть клерикалы), церковные общества (церкви), богословие вместо философии и святоши вместо святых, включая псевдо-православных патриотов (славянофилов, евразийцев и черносотенцев).

4. Сторонники космополитического капитала, глобалисты и агенты "мирового правительства", агенты западного влияния, исламских террористических группировок ... и тому подобного.

5. Исторически сложившиеся общественные формы и группы, "параллельные культуре", в том числе масонские ложи, теософские братства, секты и сектантские "молельные дома" (включая адвентистов, иеговистов, баптистов, мормонов, участников белых и черных братств, сект восточных религиозных направлений и школ различных видов борьбы – в которых значителен духовный подтекст).

6. На фоне перечисленного сегодня Культура утратила всякое влияние на народ, хотя еще надо назвать так называемую "поп-культуру", которая окормляет большинство молодежи, и отдельно надо назвать "пропагандистское телевидение", тлетворное и влиятельное не менее, чем влияние скопчества на скопцов.

7. Но еще большую *пургу несут* невежественные философы и историки, создающие свои исторические мифы, часто не основанные ни на чем, кроме фантазии авторов этих мифов. Из самого известного можно напомнить недавнее помешательство так называемой *новой хронологии*, массовый психоз среди полуобразованцев, сокративший Новую эру на целую тысячу лет.

Что остается на этом фоне для **Культуры**, то есть для Театра, Музыки, Живописи, Литературы, Зодчества?

Книг почти никто не читает. Даже мои книги (мною написанные или мною изданные) усохли в девяностые годы в сто-пятьсот раз сравнительно с предыдущими десятилетиями: в девяностые годы я издал Есенина тиражом в семь с половиной тысяч экземпляров (к столетию со дня рождения), но пришлось тираж раздавать бесплатно, журнала "Мбра" печаталось тысяча экземпляров, покупали сто, моих сочинений с трудом раздавал я сто экземпляров, сегодня Новый Русский журнал издается в 16 экземплярах, а мои сочинения в четырех!!! За двадцать лет купили три моих книги о любви, и два сборника стихов удалось мне подарить.

Есть театр. То, что идет на сцене в провинции, театром назвать трудно (об этом мне пишут писательницы, считающие себя моими ученицами), но в столицах существуют Оперные театры, Филармония, Оркестры исполняют симфоническую музыку, существует множество музыкальных ансамблей и отдельных исполнителей, есть даже Хор, и не один. **Умерла литература и философия, но жива еще музыка**, и это чудо и благо. И, конечно, есть гениальные оперные певцы и певицы, в партии Виолетты и Кармен блистают Этери Газави и Оксана Шилова, «царицу ночи поет», соревнуясь с Галли Курчи, Ольга Пудова, есть музыканты, играет на флейте Маша и на фортепьяно Полина Осетинская, есть еще и кино...

Более того, невероятно, но все эти прекрасные небесные женщины имеют детей и их воспитывают, и продолжают рожать – но, читатель, повремени радоваться, *все остальные женщины и в Европе и в России уже не рожают!* Цитирую сам себя: «Останется ли Россия в живых – этим был озабочен и Солженицын. Мы только что отметили его столетие. О России никто не произнес ни слова. Всем было жалко Сталина, советскую власть (хотя не Солженицын ее свергал), всем было жалко раздробления России на племенные уезды (что сотворила советская власть), всем было жалко того тотального **единомыслия**, которое было, наконец, введено градоначальником города Глухова... **А России через десять лет не будет**. Так к какому народу мы принадлежим, есть ли среди нас русские? Горько задавать этот вопрос, но почти все мои знакомые удовлетворены жизнью, и либо они ничего не видят и не слышат, либо в этой дилемме: *Бог или Россия?* – им важен только Бог.»

Цитирую известного критика, он доказывает, что в ближайшие десять лет России не станет, русский народ в ней сократится настолько, что она станет колонией Запада, да *она и теперь уже его колония*», горестно он добавляет.

Бедная Россия, бедная Европа... Воистину наступил **Закат Европы**, предсказанный Освальдом Шпенглером еще сто лет назад, но этот же Закат разгорается и над Россией – кто из нас догорит раньше – Европа, о "загнивании" которой заговорили славянофилы еще в 19-м столетии, или Россия, пережившая невиданные в последние столетия нашествия «гуннов»: сначала большевиков-интернационалистов, затем немецких нацистов, наконец нашествие *пираний*, обгладывающих своих жертв до хребта?

Думаю о Данилевском и меня утешает, что теория Шпенглера о культурных типах развивает идеи Данилевского, значит, русско-европейская мысль течет в одном русле – но **способна ли мысль остановить распаденье материи?**

Все горестно, и даже Борис Миронов, который еще недавно говорил, что вымирание русского народа – это форма его борьбы за свое достоинство, горестно спрашивает: *При нашем рабском сознании, пусть даже сядет сверху кто-то другой, что-нибудь может ли измениться? А страх и рабство в нас вбиты за сто лет от головы до пят! Униженных и **распятых на русском кресте** – миллионы, протестующих и борющихся – единицы!*

Все горестно. Воистину, надо воскликнуть: Россия и Европа – или христианский Бог – что нам дороже? Сокращается русский народ, но и немцы перестали рожать и ввозят турок из Африки, завтра нам и воевать будет не с кем – так, может быть, забыть вековую вражду?

Разве их Бетховен противостоит русским Мусоргскому, Чайковскому, Рахманинову; и их Фихте противостоит ли мне? Да противостою ли и я моим деревенским, и *не пора ли и мне перестать обличать мой вымирающий народ*, а искать для него противоядие и спасение? И не закончить ли мне эту книгу словами: **Я пришел спасти свой народ, а не судить его!** Он уже достаточно пострадал. И свою последнюю книгу посвятить *философии народности* и поиску спасения России и русского народа.

Но... Представляем ли мы все вместе единый народ хотя бы в какой-либо условной степени, если природно, от крестьян и дворян, у нас от века было два народа, русско-славянский и варяжский, а потом еще с обилием иноземных и местных финно-угорских народов – это во-первых.

А во-вторых: в культурно-историческом отношении дворянский народ, который уже целое столетие истребляется «русской чернью», мне гораздо ближе, чем «голь кабацкая», чем «дворян барская», чем даже Пугачев и Разин, не говоря уж о матросах Антонове-Овсеевке, Крыленке, Дыбенке и Подвойском, тем более не говоря о Троцком, Каменеве, Зиновьеве и Бухарине, Землячке и «Совести партии» Сольце, для которых и революционный русский народ годился только на растопку Мировой революции (с правнучкой этого гаранта «совести» я пил шампанское в подворотне, она была очаровательной барышней...

И в третьих, по новым теориям о «гражданских нациях» – наций вообще не существует, они и в Европе появились вчера, а в России, по уверениям Пастухова, только начинают формироваться, и различия между ними пока еще неуловимы... а известный Павел-апоостол еще две тыщи лет назад полагал, что **уже** несть ни еллина ни иудея – или в общественных науках в отличие от математики, теории подобны появлению гриппа или слабоумия? Давно ли мы молились на Маркса?)...

Но смотрел я вчера уже в третий раз чудесный фильм «Т-34». два главных героя, русский и немец, и девушка между ними – гениальные актеры показали нам геологические разломы в земной коре, формирующей народы, незаметные глазу идиота, специализирующегося в изучении общества, возможно, по лекалам самого Маркса или марксидов.

Немец напирал на расовое превосходство, хотя, влюбившись в русскую, предпочел ее расово полноценным арийским фройлейн. А его личный спор с русским танкистом окончился в пользу русского. Хотя, надо сказать, этот русский был **особенным**, как особенным являюсь отчасти и я, но так как и наш народ в целом особенный, на каждого героя и гения или святого приходится по десять **долбайбов**, утешающих себя тем, что **они** де построили египетские пирамиды, насыпали Этрусские горы и создали наш великий флексивный язык, в котором нет ни прямого ни обратного порядка слов, а он весь состоит из инверсивных порядков, и в построении фразы и в композиции и в сюжете, то мы, выиграв спор, потеряли убитыми (при поддержке генералиссимуса) все же **тридцать миллионов** на их десять. Не надо забывать и немчуре, что они перебили у нас почти всех наших отцов и матерей, лучшую треть русского народа – не при защите своей Родины, а в их нашествии на нас, как гуннов или монголов...

МИССИЯ и МЕССИЯ.

Вряд ли вести нас в будущее поручат мне, слишком уж я слаб и малоразумен, это среди невежд я умный, а среди умников я невежда, поэтому несмотря на свою горячность и яростные проклятия в адрес заблудших, я пытаюсь себя успокоить. Ну да, Серега пил, но зла от него не исходило; Юра тоже пил много, но был кроткий и приветливый, видя меня, кричал: *Василёк, ты никак приехал!?* Погасшая Клава принесла однажды бутылку пива, говоря, что она меня тоже хочет угостить, и я вытащил стол во двор, поставил закуску, стаканы, и на виду у всех мы эту бутылку распили (хотя деревня меня ругала за это, словно бы я был ангел, который мог бы запачкаться о заблудшую душу).

Моя книга – рассказ о Пути поисков истины, но истину я вам не навязываю, нас поведут те, кто видит еще яснее и зорче. Пусть я буду человеком, который пытался *разглядеть и понять*, и немало мне удалось узнать важного. Оказывается, Правда и Ложь так переплетены, что всему честному и справедливому можно найти возражения, а несправедливому оправдание – человеку приходится нести личную ответственность за свои поступки, и никто не может сослаться на то, что он не учитель мудрости и не наставник праведности, не Конфуций и не Христос. *Творец вместил в каждого из нас русский язык, а с языком он вместил практически всё познание о мире*, необходимое человеку для того, чтобы не поддаться лжи негодяев. Сегодня мы, не поддающиеся туману неправды и искажений, чуть ли не в одиночестве – но даже сквозь небо в сплошных тучах солнце прорывается часто неожиданно, когда уже и не надеешься, поколение опустившихся вдруг сменяется поколением свободных и гордых, даже ход Столетней войны во Франции переломила Дева, трехсотлетнее рабство под Ордою переломила Куликовская битва, Смута 1611 года сменилась несколькими десятилетиями Возрождения, неожиданно и хлеб начал родить и «бабы начали рожать», и хотя впереди нас ждали все те же ухабы, и набеги Крымцев, и лютование Петра (но все же с него начались Петербург и Дворянское просвещение), и нашествие Наполеона, и Московский пожар, и лютый большевизм, и сегодняшний умственный упадок уходящих поколений – но с нами еще остаются Золотой и Серебряный века русской литературы, великая русская музыка, непревзойденные песни и романсы, да и я напишу еще одну книгу. ее зачин мне **оттуда** уже передали. Итак. *Что Бог есть*, это не аксиома, не постулат и не теорема, *это ощущение духовного благоустройства в мире и звуки музыки сфер*. Всякую вещь в мире мы воспринимаем как такое *единство прообраза и образа*, что очевиден в ней замысел и план, то есть *телеология и энтелехия* (как это очевидно для того, что мы делаем сами, и даже телегу мы не нашли в мире и не приручили, как диких зверей, и не взрыхлили как поляну в пашню – но придумали и изготовили. Мы ощущаем и видим реку якобы не так, как она могла бы ощущать и видеть себя, если бы могла чувствовать – но те каналы, которые мы прорываем, позволяют нам понять, что Зодчий, изготовляющий планету для обитания живых существ, почти так и прорывал реки, как мы прорываем каналы. А просматривая Историю геологических открытий, видишь воочию, что Творец, создатель жизни, не просто создавал формы живого, но он начал с созидания самого Мира во всех его необходимых для Бытия частностях. Так

архитектор строит дом, предусматривая и подвал, и чердак, и печь для отопления, и окна и двери, и прихожую, и гостиную, и спальню, и столовую, и кухню, и детскую, и кабинет для занятий, и библиотеку... Возможно, строительство мира продолжается – и разве не предусмотрел Творец то, что нужно для продолжения строительства?

В нашем сознании портрет – образ (вещи, пред-мета, об-екта, прообраза) не таков, как могла бы себя видеть вещь, если бы умела видеть (хотя это представление о прообразе точно также создано нашим сознанием, а не самой вещью) – это не *подлинник*, а «вещь для нас» в отличие от гипотетической «вещи в себе» – но если вещь создана Творцом по Его представлению о ней, то наш образ и Его представление как раз и должны совпадать – что в значительной степени можно считать подтверждением идеи о существовании Творца мира... Но почему мир этот оказывается столь противоречивым, часто нелепым, так что даже Логика, по которой он сотворен и сознаваем, часто абсурдна и набекрень? Вот об этом я и напишу в следующей книге.

Это, конечно, мой личный Путь познания Мира, но так как я человек Культуры, то меня возмущает тот Дикарь в человеке, который прекрасный дворец, построенный для жизни, переломал и опозорил – я готов выгнать дикаря из дома, в лес или на конюшню – так, может быть, думал и образованный дворянин о крестьянине: какая ему воля, когда он вандал и еще животное, а не человек? – увы, все мы дети своего народа, дети Природы и Творца одновременно, но если даже в школе, в которой я учился, второгодники готовы были меня избить за то, что я хорошо учусь и меня любят девочки, то разве не естественно, что большинство народа, чтобы себя оправдать, ненавидит нас, умников, любимцев муз и Бога? И выход один: *Простить неразумных* (кроме откровенных негодяев), отобрать у них власть, очистить поля и леса, реки и озера, города и села от мусора, посадить придурков за парту, бить их крапивой за дурость, поощряя за успехи чаем с горячей булочкой (но сначала отобрать у грабителей награбленное, вернув богатства народу для общего блага).

Закончу сей последний листок стихами, отчасти грустными, но все же...

Наслаждение – это страсть и порок, – Даже прикосновение к плоти.
Перешагивая запретный порог, Не сбиваемся ли мы с курса в полете?
Зря ли наставляют святые отцы Жить и благоразумно, и кротко?
Пробираясь среди искушений, **Рцы Слово твердо**, но ясно и чётко!
Да будет сия дорога во благо всем, Разочарованные придут позже.
Меряй даже семь раз по семь, Но не натягивай вожжи.
Помни, что мы не лучше всех, даже и тех, кто хуже.
Слышишь впереди плач и смех? Ангелы о нас, *радуясь, тужат*...
Да пусть твоя дорога будет *трудна*! Больше ни о чем не проси!
Порадуются враги, пожалеет родня... Только бы нам не увидеть дна!
Господи, близких хоть воскреси!

По словам Макса Планка, прогресс происходит только за счет того, что наши противники постепенно вымирают, Пока, увы, вымирают наши сторонники, япона мать!

РАЗРЫВ. Существование и несуществование. НЕБЫТИЕ.

Что чувствует человек после смерти, я не знаю, да и не спешу узнать.

Но я переживаю состояние отчаяния, похожее, быть может, на выпадение из Бытия. Такой ужас я испытал в декабре 20 года в бреду во время пандемии, при удущье. Что именно меня так пугает, не так легко описать.

Достаточно ясно я себя вспоминаю с семи лет, когда внезапно научился читать и считать, когда явился ангел, и я стал читать Пушкина и все подряд, и Мурзилку и газету «Правда» и книги о Копернике и Николае Полевом, и начал сам сочинять стихи, не только в подражание «Руслану и Людмиле», но и про войну в Корее и про Черчилля по мотивам сообщений газеты «Правда», что-то вроде гневной отповеди. Неожиданно много прочитал Пришвина, и весна 49 года, апрель и май, с тающими льдинами и подснежниками на проталинах, ярко вспоминается и сегодня. **В меня вошел мир** – вот что я почувствовал, вошло природное время, осознание бесконечного мира в деревне и за деревней, ночью во время метели, в феврале (а мне исполнилось семь лет) я вышел на крыльцо дома, вдруг засияла луна впереди, где за огородом начиналась гора и тайга, и завывли волки, и я почувствовал пространство от дома до Тихого океана, как будто даже увидел его берег.

Вероятно, я научился читать в марте, и в меня вошло время, и природное, сознание времени дня и ночи и времен года, и историческое, и хотя во мне уже теснились и сказки, и былины, и сложилось уже представление о Руси и в том числе о Киевской Руси – но почему было уже весною такое ясное ощущение русского народа и Руси как России? Я помнил с детства книгу академика Грекова «Киевская Русь» – и вдруг сегодня я решил разыскать эту книгу в Интернете, разыскал и вспомнил, что именно ее я и прочитал в свои семь лет, вместе с книгами о Николае Полевом и Николае Копернике – следовательно, именно тогда у меня возникло ощущение и представление Исторического времени и понятие о России. Средневековая История России сохранялась в письменных летописных сводах (и мистическая особенность моей жизни состоит в том, что именно я издал факсимиле Радзивилловскую летопись, именно мне Я-ский дал деньги на ее издание и без меня ее бы никто не издал) – а история сохранялась в устных былинах, знание которых переходило по наследству от одного народного сказителя к другому, это были крестьяне Архангельской и Вологодской губерний – они и были хранителями Русской истории, но они и были **русским народом** – куда уж *народнее*?

Существование каждой вещи и проявляется и воспринимается не в особицу, не как только ее существование, а как существование некой целостности, частью которой является эта вещь – и дерево мы воспринимаем и представляем как отдельное и особенное, составляющее часть всеобщего, без представления о всеобщем нет единичного, как без представления о народе нет представления о «**Единственном и его достойнии**» (Штирнер). Без представления о *всеобщем историческом времени* и всеобщей Истории нет представления о народе и личности, Народ существует только в историческом времени, от рождения до угасания – и это историческое время является одной из главных форм Сознания. «*Я мыслю, следовательно я существую*» – не полно, мыслить – значит быть сознанием, которое мыслит, но вмещать в себя

и язык, и словарь понятий, удерживающих в своем словарном корпусе мир, но в это сознание должно быть вложено представление об историческом и космическом времени и пространстве бытия, о Земле и Космосе. Осознать себя – словно посмотреть на себя в зеркало – но что является зеркалом, в котором мы себя видим? **Семья, Народ, Язык, История** собственного **народа** и собственной страны в пространстве европейской истории, затем в пространстве античной и средиземноморской истории.

Но память о собственной жизни – это тоже история, хотя и частная. Но существует ли память о собственной жизни вне памяти о том целом, которым является историческое время? НЕТ.

Я начинаю мыслить – следовательно я начинаю догадываться о своем существовании. Но эта догадка – только мгновенный взгляд в зеркало, вне его небытие. Полное бытие личности возникает только при появлении всеобщего бытия народа и мира.. Возможно ли знать содержание одного понятия (или одного слова), не зная содержания других понятий? Существовать – значит существовать и индивидуально и вместе со всеми, одного индивидуального существования не бывает. Отдельный объект (пред-мет) во всей полноте сознается только во всех своих связях с миром, так и человек существует полно лишь во всей полноте своих связей с семьей, средой, народом, природой, историей, временем и пространством. Не видя ясно и верно и полно истории своего народа, мы еще не начинаем существовать. Толстой говорит, что уже к пяти годам мы узнаем 95% того, что является нашим знанием – значит уже в пять лет мы, пусть и не во всех подробностях, должны припоминать историю своего народа. Но так как мы ее не можем в пять лет узнать из книг, то значит, что мы знаем ее из языка и из генетической памяти – так же полно и так же ясно, как знает ее выдающийся историк, например Веселовский или Греков или Плутарх.

Родившись, мы начинаем познавать мир – но мы его не только познаем, мы его вспоминаем. Мы рождаемся со знанием всего окружающего нас мира, иначе мы не могли бы мыслить, а значит – существовать.

Самое страшное, что может произойти с народом – это утрата или искажение исторической памяти.

Приходится думать, что лавина ложных знаний о нашем прошлом хлынула на нас не случайно, это заговор против народа и человека, призванный стереть идентичность не только русских, но и всех, кто живет в России вместе с русскими и «обречен» с нами на общую историю. В отличие от многих других, мы не стремились лишить исторической памяти малые народы России и растворить их в себе, мы не требуем от них ассимиляции (растворения) – это самое лучшее, что можно *вменить русским в добродетель* – а значит, мы воскреснем, хотя мы переживаем сегодня период страшного разложения, растрепки и упадка. Антиисторизм – это худшее зло, хуже татаро-монгольского ига. Утрата исторической памяти – это разрыв пуповины, соединяющей нас с народом. Бессмысленно говорить – *я русь-ский* – если **Русь** не соединена с тобою совершенным языком – не только его словарем, но и его построением, синонимами, эпитетами, метафорами, пословицами и поговорками, остротами и противоречиями (оксюморонами).

19 сентября 22. ИТОГ. Не буду писать про историю Руси до «призвания варягов», кстати сказать, у академика Грекова, с легкой руки которого начался и мой личный интерес к истории России, об этом повествуется обстоятельно, и он пишет о Древней Руси начиная с 8 века.

Кратко повторю все назидательные и поучительные сентенции своей книги, в произвольном порядке.

1. Егор Холмогоров пишет, что «Без **русских** никакой России не будет. Чтобы была Россия, нужны **русские**, нужно, чтобы **русских** было больше и мы становились всё более **русскими**». Я с ним согласен, хотя не смогу объяснить, что значит быть русским (возможно, *любить Россию, как жену и детей, друзей и родных, и сострадать ей в невзгодах?*), тем более не могу объяснить, что значит «становиться всё более **русским**», возможно, это не надо объяснять, пусть каждый сам составляет об этом пожелании свое собственное понятие? Но выскажу одно замечание. Я знаком с французом Рене Герра, собравшим почти все наследие первой волны русской эмиграции (в основном во Франции), он женат на русской и по мере возраста все более воплощается в русского (а я читал его книги и писал о них рецензии), но при этом, как мне кажется, он все более становится похож на француза (по моей интуиции).

Оставим понятие о русском в интуиции каждого, но не забудем, что любовь к народу не исключает Гражданскую войну между различными его слоями, так как и «бургундцу надо отрубить голову, и Карфаген должен быть разрушен!»

2. *Относись к другим доброжелательно, страдающим сочувствуй, добродетельными умиляйся, героями и гениями восхищайся.* Но при этом остается множество исключений: и отношение к пленным, и к злодеям, и к невольникам в тюрьме, и к врагам ... и так далее... (А я не призываю жить по инструкции: у каждого есть совесть и нравственное чувство, руководствуйтесь ими).

3. Феодальное общество основано на **неравенстве** между людьми, не только в правах и в свободе, но и во владении собственностью, при этом *общество и нация структурированы*, подчиняются традициям и хранят историческую память. Буржуазное общество во Франции провозгласило лозунги «Свободы, равенства и братства» – но равенство приводит к упадку общества и человека, только свобода – высшее историческое благо. Поэтому «Россия будущего» должна освободиться и от **уравнительного социализма**, воюющего против собственности, и от **олигархии**, забирающей в свою собственность все народное достояние, и от **тоталитаризма**, и от **авторитаризма** и **деспотии**.

4. Необходимо провести Тюремную Реформу, до суда, устанавливающего вину гражданина, ограничение свободы должно применяться только в исключительных случаях. Все ныне действующие правоохранительные органы должны быть распущены, и виновные в злоупотреблениях должны быть наказаны, и «*бургундцу надо отрубить голову*», чтобы впредь не вырастал из него Змей Горыныч.

5. Необходимо провести Реформы всех институтов государственной и общественной жизни, без смены Власти (особенно без ликвидации Режимы личной власти) невозможно расследование ее преступлений и выздоровление России..

6. Сомневаюсь, что кто-то сможет стать Мессией, хотя достойных немало, но **русский народ виновен** в том, что навязал обществу чекистско-большевистскую власть взяточников и воров, как будто уже и не может жить иначе, как под властью разбойников – а мы говорим, что надо стать более русскими. (!?)

7. Нужна Реформа Образования и Просвещения и всеобъемлющая Реформа государства и общества, но здесь не вместишь подробности.

Надежда и уныние.

*Я начинаю жизнь с конца!
Мне ясно всё, что прежде мнилось.
Святою волею Творца
Мне дан мой Путь и в долг и в милость.
Как в детстве – вместе дух и плоть,
Цветы, как в детстве, вновь не вянут.
Лишь поле жизни прополоть –
И все невзгоды в вечность канут.
И свежи вновь слова любви,
И безрассудны снова взгляды.
Дыши всей грудью – и живи! –
Чтоб розы были колко рады
К твоей груди шипы прижать...
Терпи, мой друг, на то и розы!
От слез не всем дано бежать... –
Как хорошо, что льются слёзы!
Как хорошо, что ты опять
Открыт ветрам, дождям, приливам,
Быть не боишься несчастливым
И вновь держашь мир познать!*

* * *

Буря на солнце, в душе беспорядок,
Даже земная кора не без складок.
Тягостно ночью, и день бестолков.
Или Россия склоняется долу,
Или быть биту, обóлгану, го́лу,
Самым последним из всех простаков?

Долго ль еще на крови и обмане?
Буря уже и в последнем стакане.
Слезы и смех разделить не могу.
Плохо во всём – до унынья, до дрожи.
Только и знаю, взываю – о, Боже!
Не притворяюсь, не каюсь, не лгу!

Буря на солнце, пронзающий ветер.
Слава те, Господи, все же я в свете.
Холодно... но ничего, потерплю!
Только б избавиться мне от унынья...
Правда, не вышибу ль скрепы и клинья:
Радость – тоска, ненавижу – люблю!
Май 2009

22 сентября, День осеннего равноденствия. Подобие системы

– для себя, для *моего* читателя и для того Бога, которого я принимаю, отрицая.

1. Но это еще не Философская Система, это ежедневные размышления о правде и неправде, истине и заблуждении, добре и зле на протяжении по крайней мере 65 лет, в которых я пытался достигнуть верного представления о мире с помощью этих размышлений, чтения книг и собственного творчества, а также самой жизни... Я говорил то одно, то другое, то подтверждая свои утверждения, то опровергая их – и не так много осталось того, что является окончательным, что я готов подтвердить на суде. Следовательно, эти Записки – лишь приметы того Пути, который прошел ищущий философский ум вместе с живой душой.

2. *Повторение цитат из авторов 19 столетия (в архиве Виноградова).*

С. П. Шевырев: *"Из самой себя хочет современная личность почерпнуть всю жизнь, все содержание, все воззрение на мир, даже самый язык"*.

И. С. Тургенев: *«Лишь избранныки в состоянии передать потомству не только содержание, но и форму своих воззрений, свою личность, до которой массе нет никакого дела; другие осуждены на исчезновение в целом, на поглощение их потоком».*

Кавелин: *«... личность, сознающая, сама по себе, свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа».*

К. Н. Лебедев. «История» (М., 1834, с. 35): «человечество есть человек, воля его есть воля неделимого» (т.е. индивидуума).»

В. Гумбольдт «Можно говорить об *индивидуальности* не только человека, но и целого народа, как носителя идей. Идеи могут довериться только духовной *индивидуальной* силе; они не существуют сами по себе, а осуществляются в каждом отдельном индивидууме.»

А. Что самое важное я узнал на своем «Пути поисков» в попытке понять, что такое личность и что такое народ?

Я узнал, что сущность человека заключена в монаде (душе), которая представляет из себя нечто единое и не во всем подчиняется времени.

Существуют матерьяльные (естественные) явления – реки, моря, озера, горы – предполагая, что кроме тела, в них существует нечто вроде души, Даниил Андреев называет эти сущности или явления *Стихиялями* – но все же это не личности.

Существует множество явлений, в которых мы и не ищем личность, удовлетворяясь тем, что они есть то, что есть. Таковы Культура, Природа в целом и отдельные природные явления (помимо стихиялей).

Личность должна иметь *субъектность, сознание и волю*, с этой точки зрения народ и НЕ МОЖЕТ быть личностью, не говоря уж о том, что человеческая личность обладает *полом*, у народа нет пола и не может быть. **И все же** вслед за Виноградовым мы можем представить Историю как подобие становления в языке понятия "Личность" – и в этом подобии можно почерпнуть ответы на важнейшие вопросы, которые задает нам жизнь.

0. «Личность – это монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая и отражающая в себе мир.»

1. Язык – это скорее самостоятельная Личность, в нем хотя и нет воли, сознания и пола, но он и природен и обладает жизнью, телеологией, **энтелехией** [греч. *ἐντέλεια* «осуществленность», от *ἐντέλής*, «законченный» и *ἔχω*, «имею») – внутренняя сила, заключающая в себе цель и окончательный результат становления, **план и направление осуществления**. Ключевое понятие философии природы в работах Г.Конрад-Мартиус)], **произрастанием и силой произрастания**. Он меняется и развивается. В нем, в частности, появляются новые слова и понятия, или слова-понятия, его можно даже уподобить отдельному человеку, а как только язык стал создавать термин *Личность*, так он сам и воображаемое подобное ему существо все более становились Личностями. При этом, если народы трудно сравнивать, то языки сравнимы, в них можно определять и уровни развития и уровень взросления. Язык сам становится Личностью, когда в нем появляется это понятие. Взросление языка проявляется как его **образованность**, возвышение до уровня науки, философии и поэзии: эти три стихии, владение которыми делает русский язык одним из самых совершенных языков в мире, еще более уподобляют Язык Народу.

2. При сравнении людей между собою мы понимаем, что есть **простые люди** и люди, находящиеся на высоких уровнях положения в культуре. Одни знают философию и историю и могут о них разговаривать, другие – нет. Но надо ли это всем, обязательно ли? Если в языке еще нет термина Личность, то он и сам не поднялся до этого уровня, и народ в целом тоже, и каждый человек еще не стал личностью. Девятнадцатое столетие и философия и философы, участвующие в становлении этого понятия, создавали новую Личность, новую философию и новую Культуру.

3. Таким образом, обыденный человек останавливается в той **точке развития** (истории, философии, личности и народа), которой достигла **история**, и не пытается принять **судьбоносное участие в дальнейшем развитии Жизни и Культуры..**

С. Но должен ли человек покоряться рабовладельцам (по христианским заповедям) или воевать против Зла и Нечистой силы, штурмовать Кремль, Зимний Дворец, Рейхстаг, Бастилию и «отрубить голову бургундцу» (по воле Господа)... а иногда по своей? Вот 14-тилетняя Зина Портнова ушла воевать против «Тевтонского Ордена» и ее именем названы улицы, и это наша Жанна Д'Арк – спрашивалась ли она у начальства?) *«Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на Бой!»* - велит человеку Гете... Но каждый поступает, в конце концов, не читая ни книг Гете, ни моих книг – **избранные** составляют малую часть народа. Однако оставим эти споры, Пушкин уже ответил за меня – но я все же крестьянин и ишу оправданий народу. Однако я не объяснил, что такое *Русский народ*? Да это просто: это *все мои друзья и родные*, те выдающиеся, на которых я ссылаюсь, те, с кем я *любезен*, и с кем не *любезен*, и я сам – *Русский народ*! И те остальные «простые люди», которых я ругаю, книжники и фарисеи, которых я защищаю, *даже "бургундцы"*, которым *повременем рубить голову...*

Мое **Учение о мире**, о Природе, Народе, России, о русском человеке, о его основании, включающем в себя Античный Мир и Европу, Средиземноморье и ту часть Европы и Азии, в которой мы размещены сегодня, по воле Господа или по собственной дерзости – это Учение, философское оно или нет, скажут философы, – исходит из моего бессистемного образования и такой же довольно растрепанной жизни. Но я считаю, что мне повезло. Я не учился в Лицее, но моя Школа в столице Краслага нас *морила* как дерево, но не выстругала из нас деревянных солдатиков. Обрывки образования (по воле школы, университета и тысяч случайных попутчиков и прохожих, некоторые из которых стали моими *друзьями*) позволяют мне беседовать с Аристотелем и Сократом, Протагором, Платоном, Зеноном и Евклидом, Марком Аврелием, Цицероном, даже с всевластным Цезарем, Овидием и апостолом Павлом (как никак, Римским гражданином) – но не буду засушивать читателя нагромождением имен, другие читали больше меня, чем я от них и отличаюсь? Возможно, во-первых, что я был *особенным* еще во младенчестве, и это определяло мою жизнь, но столько опасностей меня со-проводжали, что выжил я не случайно – воистину Ангел сказал мне правду, на меня «были виды», возможно, я оказался не слишком успешным учеником у жизни. Однако, всю жизнь я плыл против течения, и хотя в восемь лет стал пионером, но даже книги, по которым я научился читать: *Николай Коперник, Николай Полевой, Борис Греков «Киевская Русь», Михаил Пришвин «Весна света»* – резко повлияли на мое будущее. Но еще более на него влиял кажущийся хаос повседневной жизни – все эти случайные встречи и разговоры, внимание ко мне учителей и учительниц, любовь родных, школьные друзья и подруги, внимание старших, которое меня развивало, подтягивало вверх – и, наконец, жизнь с 17 лет в Ленинграде-Петербурге, сами здания и улицы которого были для меня театром и университетом, любовь к бродяжничеству (и я ходил по улицам и переулкам городов России и Европы, по таежным тропам, ночевал дома, в гостях, в поезде, в гостинице, на теплоходе, в палатке и под открытым небом, и три с половиною года провел в тюрьме, хотя недолго, но поучительно – так что главные выводы своей философии я сделал не на основании прочитанных книг, а на основании иногда мимолетных событий жизни, в которой не было ничего случайного.

В пять лет мой внук Паша остановился около сосульки, по которой сбегала капля воды и воскликнул: «Ка-па-ет! – и за-мер-зает!» - вот так же и я изобретал свою философию, *постигая азбуку правды и справедливости*.

Сегодня племянница в сердцах молвила «Кто проектировал комнаты в наших квартирах? Возможно ли в них вернуться?!» - и я ответил: *«Их проектировала и строила советская власть! Точнее говоря, она спроектировала и построила советский народ, такой, что если русские размахнулись в своей истории во всю ширь души, и ночуя под лиственницей в сибирской тайге, я дотрагивался даже до неба, то советская власть разрешила городскому обывателю в самой большой стране мира вскапывать на неудобьях по шесть соток земли и по два квадратных метра на кладбище... И радуйтесь, что та власть хотя бы разрешала нам ходить по улицам, нынешняя власть запретила даже это!*

Летопись Смутного времени Русской философии...

26 сентября 2022, понедельник, 9-13. Сегодня надо закончить и последний листок, и всю книгу, хорошо бы ее даже напечатать и отнести в издательство, в крайнем случае – завтра. Не скажу, что я дошел и до логического конца и до предела сомнений, раздражения и разочарования в своих отношениях с собою как с автором, с философией и жизнью как с основанием и способом размышлений (что такое *парадигма*, я уже благополучно забыл, буду размышлять и писать как бы в простоте душевной), и с народом как объектом исследования. Но этот «объект исследования» не отделим от того жизненного, о чем не забудешь, и я перечислю: во-первых, *Я сам как Личность*, и личности достойных людей, таких как Полина, Мария П., Катерина Гордеева, Невольный, Ройзман, ... и не так уж их и мало, если вспомнить, что наш народ – это и вся история (не могу же я посчитать за себя только последние месяцы жизни, а не всю мою жизнь, начиная с тех смутных мгновений, когда на окраине села Урал летом 45 года я спрашивал каждого проходящего солдата, а не он ли мой *панка* – и как много их прошло, вернулись и в Сибирь миллионы, и **все пришли пешком** – от границ Рейха)... Так и Русский народ – это все, от князя Игоря до моего отца.

И наконец я понял, что из себя представляет моя Книга.

Конечно, это преломление Русской истории во мне самом, преломление тех событий, которые произошли со всеми русскими, и даже со многими нерусскими, с теми, кто отравил Годунова в Кремле 23 апр. 1605 года (после чего в Москву вошел и воцарился Димитрий, помиловавший Шуйского), с теми заговорщиками в Кремле, которые 7 мая 1606 *растерзали* (уже незаконного) Лжедмитрия, Первого Самозванца, а 9 июля 1610 убили вообще-то уже законного царя - князя Шуйского (правда, между нами, *девушками*, весьма неприятного на вид); и с тем татаринцом Урусовым, который зарезал Второго Самозванца, внешне чистого поляка, как только и с ним красotka Марина легла в постель (и я ее жалею, вместе с ее растерзанным младенцем – **Марина же прокляла Российский царский род**, божественное возмездие хотя медлило триста лет, но все же свершилось в 1918 году, когда и царь и царица, и царевны и царевич были сброшены в шахту под Екатеринбург).

Читаю о Смутном времени начала 17-го века и понимаю, что и тогда не действовали призывы к правде и справедливости, и тогда неожиданно *возник такой народ* (после маниакально-депрессивного параноика *ромея* Ивана Грозного и тщеславного властолюбца Бориса Годунова и ужасного трехлетнего недорода), который проектировал и строил разрушительные формы нашей жизни, пока не пришли к Москве **Минин и Пожарский** (1611 – 1612), не взяли Кремль штурмом, когда *половина иноземного войска* (немцы, французы, шведы и поляки) и русских негодяев, сидевших в Кремле около года, была растерзана – те поляки, которые грабили и убивали крестьян под Москвой, – а других обменяли на русских пленников в Польше.

Тогда Россию спасло чудо. Но спасет ли оно нас сегодня?

И все же – на фоне *Смутного времени*, крестьян, терзаемых бандами, горожан, умирающих на дорогах от голода, растерзаний, отравлений и убийств боярского племени, «затруднения историка нехристианина» незначительны.

Я не нашел определения, которое бы народ – как историческое *нечто* – приравнило к Личности, подняло над смутно воображаемым «дискурсом» (*трепотнёй*) современных американских философов, но если я даже объяснил апории Зенона, то в следующей своей книге определение народу смогу дать.

А сегодня мне надо объясниться с этим моим неопределенным народом.

Он распадается на две неравные части, одна из которых состоит из «индивидуумов», избирающих на трон «царя Бориса», исполняющих все государственные повинности и работы и участвующих в войнах, которые ведет их царь – хотя и в других странах почти такие же. И в этом случае более важный вопрос Русской философии состоит не в том, что такое народ, а *«Когда же придет настоящий день?!»* и почему мы, гении и святые, праведники и умники – влачим жалкое существование в *темницах* и на *виселицах*, когда негодяи и шантрапа пируют, – мы, изобретатели Танка Т-34, автомата Калашникова и Водородной бомбы, телевизора, телефона, компьютера и мобильного, авторы романов «Бесы», «Война и Мир», «Былое и Думы» и философских исследований «Вехи», «Голоса из трясины», *«Октаэдр и Смутное время»*, – конечно, при посредстве этого Народа, который почему-то нас презирает, а любит «успешных менеджеров»)?

Не все **мы** одинаковы тоже. Сократ, родившийся в V веке до н.э., призывавший *познать самого себя ради познания мира*, не оставил после себя собственных сочинений и твердо нельзя утверждать, что он существовал в действительности, а не является литературным героем Платона и Ксенофонта (которые писали о нем противоречиво) – и не создает о себе цельного образа. Подобно ему и Христос (живший - или не живший? - в I-м веке нашей эры), требовавший от своих учеников стремиться **к исправлению себя а не мира**, *не заботиться о завтрашнем дне, не жениться и не рожать детей*, любить врагов и всем покоряться, ждать Страшного суда и воскресения мертвых – словно рыцарь туманного образа - желал ли он исправления мира?!

Несомненно то, что и мы, невежды и знатоки, глупцы, гении и люди середины, проявляем себя часто так, что для нас не найти общего знаменателя. При смене поколений вектор общественной жизни иногда меняется так кардинально, что дети или внуки злодеев начинают строить рай на Земле, почему и невозможно рассчитать, куда подует ветер и под каким ветром ставить паруса. Мне, возможно, повезло больше других учителей, – *у меня учеников нет*. Заставят ли меня пить цикуту или затащут на каменный пьедестал, я не знаю. Сыграю ли я роль в пьесе «История Русского народа», не знаю тоже. НО – вот что я точно знаю – я устал от обличений **невежд, ненавидящих умников**, но самих себя считающих умными, я устал и от призывов к покаянию **царствующим**, еще не начинавшим всеобщий террор, но *изгоняющих из страны последних праведников* – якобы для построения Русского Рая. Но всем остальным – в меру глупым и в меру самолюбивым – **я предлагаю помириться!!!** Другие народы Европы не лучше, и мне не хочется быть ни немцем ни англичанином ни даже французом. *И вдруг светлое Будущее наступит и у нас? Если только не поглотит нас новое еще более страшное Смутное время* и вместо бургундца не отрубят голову мне, **удерживающему**, и всем, умеющим мыслить... Если...

Однако много еще городов на Руси и кроме Нижнего Новгорода.

27 сентября. Наступило прозрение - или и я вместе со всеми сошел с ума?

День начался как и другие дни, с забот, недоумений и неясных надежд на исправление будущего, но выйдя на улицу я испытал почти то же состояние, что мы испытываем, когда, снижаясь, самолет, летевший в гряде облаков, вдруг пробивает ее и оказывается рядом с ликующей землей, по которой несутся автомобили, рассыпаются здания, зеленые полосы земли, кущи деревьев и наконец видны фигурки людей и – о, счастливый миг! – мы плавно бежим по асфальту взлетной полосы. Все устойчиво, надежно и достоверно, а ближайшие минуты даже состоят из объятий родных и друзей. Мы – дома!

Представление о враждебной жизни, подчиненной Князю мира сего, неожиданно поблекло, в наш мир хлынула, как неожиданный летний ливень, Золотая осень, температура – 13 градусов, освещенность солнцем – до блеска.

Я подошел к чиновнице, она улыбалась. «Это вы *мне* улыбаетесь, или каким-то своим затаенным мыслям?» – спросил я ее.

- Я улыбнулась вам, это наша профессиональная привычка, но затаенные мысли, кажется, есть...

- Я попробую их угадать. Вы подумали, что вот идет злой скрытый тиран, лучше ему на всякий случай улыбнуться..

- Нет, не так. Я подумала, что идет симпатичный мужчина, и вдруг он даже не женатый?

- Увы, у меня для легкомысленных взглядов три недостатка: я женат, внучка моя говорит, что на месте бабушки она меня уже давно бы убила, к тому же я уже начал скрывать свой возраст, по крайней мере, стесняюсь его называть. Это хуже, чем если бы я был тираном.

- Подумаешь, возраст! Мой отец женился на моей матери в 87 лет...

Я открыл рот.

- Она была глупой и легкомысленной девчонкой. Когда она меня родила, ей было 17! Но ему в то время было пятьдесят, и ему пришлось бежать из страны на следующий день после неудачной брачной ночи – точнее, удачной, так как иначе я бы не родилась – и он не знал ничего о моей матери, кроме имени, а ее родителям тоже пришлось бежать, вот так! Но это случилось в другой стране, можно сказать, в другом мире, я тоже уже побывала в Джульееттах, - но мой муж погиб 10 лет назад. А отец нашел нас в другой стране **через 37 лет** и они поженились!!!!

Однако улыбнулась я все таки вам, вы мне понравились, вы ведь тоже улыбались, когда подошли к моему окошку. Кстати, если не секрет, почему ваша внучка вас собиралась убить?

- Я танцевал в кафе с девушкой, внучка к нам подошла и расторгла наш танец, при этом сказала: *Девушка, не верьте ему, он уже давно женат и рядом за столиком сидит его жена, моя бабушка!*

- И как теперь, вы по-прежнему женаты?

- Ну конечно, но с той девушкой я уже не танцую!

- А мне по-прежнему не везет, только понравится мужчина, как оказывается, что он женатый, или у него бдительная внучка!

- Такого, как я, даже лучшего, вы скоро найдете, а *если жена меня бросит* (то есть убьет), то я поставлю вас в очередь соискательниц номером первым.

Я вышел улыбаясь, и вдруг раздался телефонный звонок, звонила, правда, не та, с которой я танцевал когда-то, а другая, с которой мы не раз выпивали, и хотя она не звонила мне уже три года, но начала как раз с того, что настала пора снова выпить, и она готова со мною встретиться, *но без бургундского ... мм... мне ничего не светит...*

Я как раз проходил мимо вино магазина и подошел к *мерчандайзеру* (*англиц.* – так в Гугле - от *merchandise* «торговец») за стойкой. Разумеется, поминаю я это невнятное для меня слово, так как мое раздражение на народ (или интеллигенцию?) еще не утихло. *Мерчанд.. торговец* повел меня вдоль рядов, мы просмотрели пять сортов французского, но вожделенного вина не было, и торговец спросил, почему именно на нем свет клином сошелся. Дело в том, что я ей когда-то пообещал именно «*бутылку бургундского*», ее бабушка была родом из тех краев и однажды, выпив бутылку – впервые в жизни... - и так как *бургундское* сыграло в их семье роковую роль, то она не хочет нарушить традицию и *просто так мне не ... ничего не светит...*

Торговец так хохотал, что бутылки с французским стали падать...

Затем я зашел в другой магазин, чтобы купить снедь к обеду, но оказалось, что мне не хватило 50-ти рублей, и продавщица посоветовала купить скидочную карту за 9 рублей. – И что случится? – Вот купи, тогда узнаешь!

Я купил карту, и денег хватило, и даже полагалась сдача, на которую я ей купил шоколадную медаль (как я ей сказал – за находчивость!)

Этот удивительный день завершился уже вечером, сначала я попал на **Концерт** (для меня было оставлено три бесплатных билета, пошли с женой и племянницей) потом на ступеньках Концертного зала наша компания разделилась на две части, женщины поехали домой, а мужчины решили *пройтись*, и в итоге мы оказались в садике, где стоял памятник одному из героев прошлого, а рядом – скамейка, и у В. П. – три мелких рюмки вместимостью по 20 грамм и "*маленькая*" с заокеанской самогонкой – значительно хуже нашей и настолько ж дороже. В свете моего последнего порыва - *помириться с русским народом* - эта выпивка приобрела эпические черты. Мы помирились на том, что хотя по *дурости своей несусветной* русские превосходят всех на свете, *также и по верноподданнической верности государству и каким ни попадя властителям*, но сверх этого *что-то в них есть и еще! И это после пятого тоста стало перевешивать.*

И я наконец понял, что именно. Смутное время, ополчение Минина и Пожарского – это воистину редкое и невиданное Пробуждение народа от безмолвия, когда он вмешался в историю. **Но надо ли было собирать ополчение** (*в свете ученья Христа о непротивлении Злу*) – или надо было покориться царям, которые избирались на престол бандами бояр, московских жителей и теми бандитами (их было около *ста тысяч*!) которые разоряли окрестности Москвы? «Ибо народу нет дела до политики, он должен работать и кормить семью и государство, и ему нет дела вообще ни до чего, что выходит за границы **простожизни!**» - вопиет устами «обывателей» «простой народ». И моя Книга – это **Октаэдр**, обратившийся **Оксюмороном**, и это две стороны нашей не постижимой жизни – жизни идеальной личности (*как я*) и жизни народа, как все *они*». Следовательно, судя по Минину, *народ ситуативен, как и море.*

Разделены ли мы пропастью, если подчас и я не отделим от них почти от каждого? Несомненно, что Народ – это не Октаэдр, не Фрактал, не Множество, не сообщество, и даже не Государство. Он более всего похож на Море, которое само себе не равно никогда, оно одно в **штиль**, другое при **легком ветре**, третье в **бурю**... Да и человек не всегда постижим даже себе, и пытаюсь ли я себя понять, или создаю о себе МИФ? *Все, что я о себе написал, правдиво, но часто не совпадает со мною ни в одном слове.* Ибо тот, кем мне хочется стать, мне противоположен, а поэтому я только бронза, из которой еще предстоит изваять нечто более понятное, чем народ. На этом и надо бы закончить Роман, ибо более значительного я не напишу. Тем более, что это не математика, не История, и даже не философия – эта Книга – моя собственная жизнь, какою она могла бы быть, если бы подчинялась Сюжету.

Вспоминаю информационные ролики, с помощью которых родители больных умирающих детей пытались вызвать к ним сочувствие у посетителей интернета и собрать деньги на лечение этих детей. Но большинство наших сердобольных граждан живет в бедности, даже если они и посылают этим детям крохи из своего бюджета, помочь им существенно они не могут. И в то же время, только увеличив на один процент подоходный налог на богатых (как в других странах, где он выше среднего на пять процентов), мы бы могли вылечить ВСЕХ таких детей. Государство, не пойдя на эту меру, таких детей приговорило к смерти. Государство повинно в смерти детей, о которых «плачет Рахиль и никогда не утешится, и ковенно виноваты в их смерти все те, кто думает, что государство право, перелагая всю ответственность за их излечение на частную инициативу сограждан.

30.09. В этот день в 1961 году я познакомился на танцах в общедитини с Таней, которой было еще только 16 лет, а я уже учился на третьем курсе и поэтому произвел на нее большое впечатление, и она сказала мне с восхищением, что я человек необыкновенный. Но чем в итоге завершается моя жизнь? Я написал учебник математики, который не пригодился высшей школе, и несколько книг, которые ничего не изменили в мире, даже отчасти...

Безумная война все еще продолжается, разгрома России я не хочу (в отличие от Ильича), но победы – тоже, я хочу только прекращения войны и переговоров о мире. Демократических свобод в стране нет, не только митингов и демонстраций, но опасно говорить и писать, причем Режим перешел к гнусным формам тюремного заключения, помимо обычных пыток он изобрел множество разнообразных других мучений, Невольный в карцере сидит на стуле, прикрепленном к полу, и ему не разрешают в течение дня с него вставать, не разрешают стоять и лежать, и только на ночь опускают деревянную полку для семичасового сна. Сидеть изо дня в день без движения, не имея возможности ходить, – это пытка, я бы умер от болей в спине и пояснице. Невольный молод, но и у него болят спина. Он – прикованный Прометей, у которого стервятники клюют печень ...

Народ с раздражением отвечает мне на упреки, которые я ему даже не высказал, так: *Каждый день умирают миллионы, многие умирают в мучениях. И что же, всех жалеть? Не евреи ведь и Христа распяли: приговорил его Синедрион, утвердил приговор Римский наместник Пилат, распяли Христа римские солдаты. Это всё была тогдашняя власть. И никто с этой властью тогда не спорил, как и теперь.*

Во время Большого Террора, когда в Ленинграде за три года было расстреляно **триста тысяч**, город жил своей обычной жизнью, мой товарищ Лёня Бельный родился в тот день, когда его отца в 40-м году расстреляли. Потом началась война, потом было 900 дней Блокады, когда умерло от голода до полутора миллиона человек, даже в пять раз больше, чем было расстреляно. Но о жертвах Блокады мы вспоминаем в памятные дни и я допускаю, что советский человек испытывает к ним жалость. Расстрелянных, вероятно, никто не жалеет. И никто не жалеет тех, кто сидит в тюрьме, кого пытаются. *«Каждый день умирают миллионы, многие умирают в мучениях. И что же, всех жалеть?»* - спрашивает мой товарищ. Какая связь между Большим Террором и Блокадой, между расстрелянными и умершими от голода? В рамках классической Логике связи нет, НЕТ даже **народной вины** ни в расстрелах ни в голоде. Но в той подлинной Логике Бытия, которую я пока еще смутно прозреваю, и о которой пишу, связь самая прямая. Зачем-то я мучаюсь, чтобы найти *нерасторжимую связь* между людьми, между человеком и народом, не смиряюсь с тем, что и Бога нет (или он к нам равнодушен), и человек одинок, и народ – это только миф. Надеюсь, все таки, что некоторые жалеют своих родных, хотя бы тех, которые умерли молодыми. Но не подвигает их жалость к тому, чтобы задуматься о разумных изменениях в отношении нашего государства к своим гражданам, о прекращении пыток в тюрьмах, о **человеческих условиях тюремного быта**, о выборности начальства и правителей, о хотя бы частичных свободах, о помощи больным детям и семьям, прозябающим в нищете.

Моё отношение к собственному народу и к людям меняется как погода. Я часто думаю о сословном феодальном обществе. Судя по романам Гюго и Диккенса, Достоевского и Толстого, *"отверженных"* и *"униженных и оскорбленных"* начали жалеть. В интернете я нашел статью о наказаниях помещиков за истязания крепостных, особенно детей. Роман Достоевского *«Записки из Мертвого дома»* повествует о жизни на каторге в середине 19-го столетия, эта жизнь была ограничена рамками разумных тягот. Ничего вопиющего не делали ни с Достоевским, ни с Чернышевским, ни даже с Ильичом, который получал молоко для писания нелегальных писем. Но и общество и отдельные люди были удивительны в сравнении с теми, *в кого мы превратились сегодня*. Веру Засулич оправдали за покушение на губернатора и *ликующий народ вынес ее на руках из судебного зала*. Доктор Гааз отдал свою шубу замерзающему бездомному бродяге, старушка нищенка пожертвовала свои копейки декабристам, которых везли на каторгу, а сколько гимназисток плакало, читая роман Толстого *«Воскресение»!* Может быть, поздне-феодальное общество, в условиях которого создана великая культура, строились дворцы и храмы – было не устрашающим злом, да может быть **и не было злом**? Больше ли прав и свобод у современного человека?!

Правда, царствование Ивана Грозного производит удручающее впечатление. Карамзин: «Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагрив их кровию бедных жителей, до самой Твери ... Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с Духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным Тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась над их предками. Многие Литовские пленники, заключенные в тамошних темницах,

были изрублены или утоплены в прорубях Волги. ... Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели Крымские, а в другой Ливонские пленники, *окованные цепями*: их умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна. Выпший Волочек и все места до Ильмена были опустошены огнем и мечем. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть тайною для России!» Воспоминания иностранцев об Иоанновом царствовании еще страшнее, не буду их приводить...

Историю России необходимо знать. Ведь понятие о Боге сложнее, нежели сведения об истории собственной страны, но никто не говорит, что познание Бога и вера нужны только слишком образованным, а остальным достаточно Азбуки и Таблицы умножения, что обыватель де занят трудом и *простожизнью*, а история, культура и жизнь страны – удел «специальных людей». Нет, это не так!!!

Что же мы можем сказать, сравнивая положение человека при мрачном царизме и при коммунистическом царстве света? *Последние пытки были при Анне Иоанновне*, пытали А. П. Вольнского и его товарищей. Екатерина II, ознакомившись с материалами следствия, оправдала опального министра. В своем «Завещании» она отметила **недопустимость пыток** и указала своим потомкам читать его дело, как образец *антигуманного и противоправного обращения с людьми* – это 18-й век, начинавшийся казнями стрельцов, закончившийся французской гильотиной. А каким пыткам подвергали сотни тысяч!! *арестованных* в сталинскую эпоху, даже знаменитых Блюхера, Королева, Берггольц, Мерецкова, - а мы и сегодня, в 2022 году, *не приняли законы против насилия в семье и против пыток в тюрьмах*.

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
Ф. Тютчев*

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич...
А. С. Пушкин*

Будет всё только серо,
Сыро, уныло, хмуро...
Русь! – да какая *мера*,
Если такая дура?!

Ветрено будет, сыро,
С грудями лжи и сора!
Крышу срывая с мира,
Буря завоюет вздора!

Словно небесного дара,
После земного спора
Жду я затем пожара,
Плача, тоски и мора!
24 мая 2012

Призывание русской интеллигенции к диалогу

17 февраля 192, воскресенье, 12-00. К бунту я не призываю, сила произрастания, **самоутверждения** и бунта во мне закончилась. Я **покорен** не теоретически, а фактически. Улицу я перехожу только на зеленый свет, если начальство меня останавливает, я останавливаюсь, если меня привлекут к ответственности за недостаточную покорность и посадят в тюрьму, я не буду ни просить о снисхождении ни тем более доказывать свою невиновность и тем более требовать справедливости или чего-то еще требовать. Даже если меня приговорят к расстрелу и сами на пустыре закопают, я соглашусь, и пожалуй, это даже лучший выход, все равно пора умирать, к тому же родным не надо будет искать денег на похороны.

Итак, я *не бунтовщик*. Но я не призываю ни к бунту, ни к покорности, я не призываю к тому, чтобы человек отказался от своей **способности** чувствовать, мыслить, переживать, возмущаться, сочувствовать несчастным, оценивать окружающий мир так или иначе по своему разумению; я не призываю человека со всеми властвующими во всем соглашаться, ну, в крайнем случае, если нельзя иначе, то попробуйте хотя бы тайно мыслить и чувствовать отлично от *правящего большинства* (а я исхожу из того, что в нашей стране правит «правящее большинство», 86 или даже 90 процентов населения, а такие, как я, принадлежат к **отщепенцам**, к Пятой колонне, к "бунтовщикам", о которых говорили и клеймили их Достоевский и Великий инквизитор, к наймитам Запада и врагам народа.) Итак, я принадлежу не только к малому меньшинству, но к тем из них, которые не правят, не оказывают никакого влияния на страну и даже не согласны с народом, но своего несогласия или возмущения никак не проявляют. На всякой узкой тропинке, даже в гололед и в распутицу я уступаю дорогу идущему навстречу человеку, хотя бы это была женщина, подросток, ребенок, или цветущий хозяин страны.

И пишу я вам письмо не для того, чтобы вас укорить или переменить, нет, я хочу только понять ваш образ мыслей, который производит на меня странное впечатление: по совмещению несовместимого он похож на женский, по неуступчивости на мужской.

Попробую свои вопросы сформулировать по пунктам математически ясно, подобно вопросам, которые задает наивный ребенок.

Но сначала охарактеризую себя и подобных мне (совсем подобных, вероятно, уже нет, они поумирили, но чуть-чуть похожие на меня, возможно, в каких-то потаенных уголках сохранились).

На меня (на нас) произвели большое впечатление годы с 56-го по 68-ой, период в тринадцать лет, когда главенствовал своего рода *социалистический романтизм*, свойственный молодежи. Это была эпоха «развенчания культа личности» и десталинизации и демократизации общественной жизни и культуры, возвращения миллионов из тюрем и лагерей, первых робких контактов с Западом, покорения целины, строительства крупных электростанций, полетов в Космос, робкого раскрепощения культуры..

Странное впечатление производят на меня нападки современных русских (?) писателей на Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова,

Бориса Можая и других, повернувшихся от идеологической пропаганды к человеку. Но Шафаревич показал, что социализм может существовать долго-вечно только в замороженном состоянии, только как деспотический режим (Ленина, Троцкого, Сталина), а только начинается «оттепель», социализм тает и течет. И тем не менее в эпоху *шестидесятых* даже в среде тех, кто не разделял марксистское учение, живы были иллюзии, вера в возможность социализма без террора (то есть без страха и ужаса), вот почему столь многочисленны были симпатии к эксперименту коммунистической партии Чехословакии.

Но все же, несмотря на выпалывание даже робких ростков свободы, после 56-го года общество научилось дышать, писатели писали книги, выходили замечательные фильмы, работали театры, в которых играли гениальные актеры. История, философия и литература стали доступны по крайней мере жителям двух столиц, можно было читать и Ницше, и Штирнера, и Розанова, и Иванова-Разумника, и Дневник писателя, и Шульгина и Родзянко, Набокова, можно было даже обо всем разговаривать (а что меня посадили, это была случайность или мне просто захотелось узнать, что такое тюрьма.)

Но самое главное, Россия развивалась и в научном, и в технологическом, и в промышленном отношениях – кто мог предвидеть, что этот почти тайный *процесс внутреннего развития*, хотя и сопряженный с *внешней экспансией*, будет прерван новой революцией, которую совершит сама КПСС (правящая коммунистическая партия)? Как будто дьявольские силы сначала в 17 году попытались сокрушить российскую государственность и превратить Россию в колонию Запада и Америки, а теперь уже в 1989-91 годах!

Но это преамбула.

Я страдал от сокрушения России, ибо я чувствовал себя прежде всего русским, потом российским, потом европейским человеком. Но гибель социализма и начало капиталистического строительства я воспринимал двойко. Мне было жалко Россию, уже было начавшую проводить не человеко-ненавистническую политику коммунистического Интернационала, а социальную политику, повернутую к человеку, и усваивающую многое положительное из социальных завоеваний Запада, его рабочего и его национально-демократического движения – и два-три года я надеялся, что новый Режим продолжит путь освобождения трудящихся и интеллигенции – но страна была сдана на откуп банде воров и разбойников и превращена в колонию Запада, научно-техническое развитие было прекращено, активная часть народа сбежала, из всех отраслей народного хозяйства остались только сырьевые, Россия превратилась в **сырьевой придаток Европы**.

Я не был ни коммунистом ни комсомольцем. Я был только русским. И мне больно от того, что произошло с моей страной. Но ведь наша интеллигенция, среди которой я живу, делает вид, что по-прежнему у нас в стране социализм, советская власть, рулит Генеральный секретарь правящей партии, и весь пыл и пафос критики направляет в адрес мифических либерастов, Пятой колонны, наймитов запада и капитала – кто они? Где их расположение географически и во властных структурах? Кто правит нашей страной? Или это я виноват в ее бедах? В.П. так и говорил, когда пьяный

звонил мне по ночам: жаль, мол, Сталин не добил всю пятую колонну! Я, правда, жил после Сталина, и мое влияние на положение в стране было не больше комариного. Солженицын жил в Америке и его тоже уже почти никто не слушал и не слышал, да и долбали его со всех сторон, здесь его долбали коммунисты и комсомольцы (которые ныне строят капитализм, а он его критиковал – может быть, за это и долбают?), там его долбали интернационалисты и глобалисты, считая его представителем *махрового русского национализма* – по крайней мере, когда меня посадили, то он меня защищал именно как националиста и народника, но не как представителя пятой колонны, и выступал по радио «Свобода» и требовал от советских властей гуманного ко мне отношения.

Но все это в прошлом, и современная интеллигенция не при чем. Это я написал, чтобы стало понятнее, о чем я недоумеваю и спрашиваю, и кто я такой. Я по-прежнему русский, и даже более. Капитализм я ни раньше не хотел строить, ни теперь. Скорее меня можно было бы назвать сторонником **«народного социализма, многоукладной экономики, духовной свободы в сфере культуры и образования, национально (народно) ориентированной внутренней и внешней политики»**. Марксизм-ленинизм, советскую власть, коммунистическое господство, диктатуру пролетариата, мировую революцию, интернационализм, глобализм и дружбу народов я не принимаю даже с похмелья! Но я так же не сторонник монархии, единоличной несменяемой власти (как бы она ни называлась), крепостного права, рабства, принудительной кооперации, трудовой армии (по Троцкому и Гитлеру).

1. И вот что я не понимаю в современном образованном обществе: как оно может сочетать любовь к марксизму-ленинизму, к советской власти и к строительству коммунизма с верностью олигархическому феодальному капитализму, да еще преследующему интересы международного капитала? Если анти-коммунистическая революция ему не по душе, то почему это общество так самозабвенно поддерживает власть латифундистов и капиталистов? Или оно думает, что у нас по-прежнему власть рабочих?

Второе мое недоумение связано с христианством. Советская власть была безбожной, коммунистическая религия хотя и имела общие черты с христианством, но противостояла ему как антипод, как красные противостояли белым, как комсомольцы и коммунисты противостояли попам и монахам, и вот в этой связи я тоже никак не пойму: большинство моих оппонентов сталинисты, марксисты, бывшие строители коммунизма – но они же одновременно часто оголтелые православные!

2. Как можно сочетать сталинизм, люто истреблявший духовенство, с православием?

Ну и раз мы вспомнили о христианстве, то я теперь скажу два слова о том, как я отношусь к пресловутой **вине**, которая якобы лежит на всех нас, и идея которой и является основанием христианства, как идея пролетарской революции, экспроприации всех инакомыслящих и диктатуры пролетариата является стовым хребтом власти *большеви́стско-коммунистической*.

Во-первых, я не разделяю основной христианский тезис о том, что моя прабабушка согрешила и я ее *греховное отродье*. Однако так или иначе европейские народы и русский тем более усвоили христианство и относятся к себе и к миру с чувством раскаяния, с чувством, что это мы сами во всем виноваты и теперь должны смиренно и кротко нести свой крест виноватого. Я некоторое время был сторонником сего учения, поэтому не могу бросать гневные взгляды в сторону христиан. Я думаю так: я являюсь частью народа, который **покорность и смирение** избрал своей религией, и хотя я теперь считаю именно покорность и смирение грехом и виной, но я не вправе отчуждать себя полностью от своего народа, частично и я виноват тоже – хотя и не в том, что мы якобы испортили мир при его первоначальном созидании, но все же в нашей крови находится нечто тлетворное, что заставляет нас участвовать во всем, что способствует злу или потворствует ему, именно мы участвуем в Крестовых походах, в подавлении польского восстания, в походах Наполеона, в Кавказских войнах, в покорении Средней Азии, в **Drang nach Osten** («Натиск на Восток»), в Инквизиции, в коллективизации, в тотальном истреблении и изгнании образованного сословия в России, в Варфоломеевской ночи и в преследовании и мучении староверов, в жестоком преследовании христиан с 17 по 41 годы при Ленине и Сталине, в истреблении индейцев, в муках Фландрии, Ирландии, Бретони (в которой революционные войска истребили пушками 200 тысяч почти безоружных крестьян), в муках крестьян Тамбовской губернии, в муках крестьян Поволжья и горожан Ленинграда во время Блокады... Это все творили не одни гнусные предводители, были у них солдаты и сообщники, так или иначе их кровь хоть частично и во мне или хотя бы в таких как я (ну ведь не случайно прадед мой сражался за белых, а дед за красных, и они буквально, а не метафорически *стреляли друг в друга*).

Итак, я виноват в том, что *мой русский народ* впитал с христианством рабское чувство покорности, во-первых, и потаенный огонь «*русского бунта, бессмысленного и беспощадного*», во-вторых. Но мой ли это народ? И русский ли я сам? Приведу отрывок из славянофила Константина Аксакова (цитирую по письму А. В. Осипова): «Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. Россия же постоянно хранит у себя признанную ею самую власть, хранит её добровольно, свободно, и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который так же унижается перед новым идолом бунта, как перед старым идолом власти; ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует». *Об основных началах русской истории.*

Как это мне напоминает Гегелевское: «Свобода – это осознанная необходимость»! А у Аксакова «добровольное рабство и отсутствие бунта – это свобода русского человека, а бунт против рабства – это рабство западного!» Еще в советское время мы сканировали (повторяли как мантры): «диктатура пролетариата – это высшая форма демократии, а западная буржуазная демократия – это крайняя форма капиталистической диктатуры!»

Остается только добавить, что *добро – это сознательное зло, а зло – бессознательное добро* (или наоборот?).

Итак, **я виноват**. Я сам наследник отчасти языческого, отчасти христианского русского народа, и насколько язычник, настолько бунтующий раб (по Аксакову), а насколько христианин – настолько человек, "свободно" избравший рабскую любовь к своим господам (см. евангелие) как свободу.

Но я ведь виноват и как наследник советского русского народа: во-первых, в том, что советский народ отрекся от своей русскости, и большинство граждан моей страны считало себя советскими, а малая часть православными, а сегодня хотя и наоборот, но русскость или совсем не вспоминается, или вторична.. Подчинение власти и любовь к ней было кастовым отличительным свойством советского человека, и по подозрению в нелюбви к советской власти даже расстреливали, как по подозрению в инакомыслии или в сочувствии к инакомыслящим. Не знаю, насколько искренно *любили* крепостные своих господ, но что советскую власть они любили, я в это, наконец, поверил. И что верили в бога, и в это надо поверить тоже. Когда-то давно я, сочувствующий христианству, поелику оно подвергалось гонениям в безбожную коммунистическую эпоху, женился на комсомолке. Ее сначала хотели исключить за это из комсомола, потом ограничились строгим выговором – ау, где вы, вчерашние комсомолки и комсомольцы? Не причащаетесь ли самозабвенно плоти и крови Христовых, в покаяние о недостаточных преследованиях нынешних вероотступников? И не гоняете ли теперь уже за комсомолы, как гнали когда-то за христианство?

4. И все же меня изумляет не то, что *коммунисты стали христианами*, но что нынешние *христиане остались коммунистами*. **Неужели** и то и другое **сочетается: и коммунизм и православие?**

Но пора вернуться назад, к Революции. Что безумные славянофилы, подменявшие живое народное чувство общности, основанной на языке, культуре, исторической памяти, и в том числе на происхождении, которое не было единственно определяющим народность, уперлись в одно *православие*, связанное с монархическим началом, а вместо русского народа подставляли то целую мозаику славянских народов, которая целостностью как раз не являлась, то некую ново-византийскую общность, третий Рим или второй Иерусалим, а их последователи вместо русского народа – евразийскую общность, меня уже не удивляет, это предтечи советского народа вместо русского, это философы антирусского направления, которым русскость была или чужда или даже ненавистна. Единственный среди них Данилевский, выдвигая в качестве отдельного культурно-исторического типа славянство, мыслил по-русски, и в этом славянском типе мыслил и чувствовал русский народ как его сердцевину, да по существу как основу типа, оставалось только от славянства отмахнуться и читать его книгу как учебник истории русского духа. Однако, пренебрежение русской народностью и подстановка вместо нее православия и самодержавия добром не окончилось, так называемая русская революция и произошла как АНТИ-русская революция, это был погром не только правящих классов (что сообразовывалось с марксистской национально-ненавистнической теорией), но и погром крестьянства, то есть погром всего основного в русском народе.

Но как же относится современное культурное, уже хотя бы несколько русское общество (после 20-х, 30-х, 40-х годов национального подавления) к этой революции? Ну точно так же, как местечковый еврей, впервые в жизни увидевший город. Что было выкорчевано образованное сословие полностью, в том числе и еврейское, и исламское, и буддистское, это местечковым трюком, называвшим (или считавшим?) себя русскими, было без разницы, они строили новую историческую общность – советский народ, без различия языков и языков, без синагоги и кирхи, без пагоды и церкви, какой язык должен был объединять этот народ в единое целое, было неясно, разумеется, это целое развалилось как пересохший глиняный болван, и появились из него и евреи и калмыки и грузины и киргизы и казахи и все остальные 180 народов, вот только русские выплутиться из этого гнезда никак не могут.

Русский народ в революцию потерялся, русские философы были выслены, русские священники расстреляны, дворяне и офицеры частично погибли, частично бежали, писатели и музыканты, актеры и поэты бежали тоже, достаточно назвать несколько имен, без которых остался осиротевший народ: **Шаляпин, Рахманинов, Стравинский, Дмитрий Смирнов, Прокофьев, Георгий Иванов, Михаил Чехов, Сикорский, Алёхин, Репин, Зинаида Лансере, Александр Бенуа, ... Сергей Дягилев, Матильда Кшесинская, Деникин, Плевицкая, Лосский, Бердяев, Солоневич, Иван Ильин...** По этим именам будущие историки будут восстанавливать историю русского народа, один Шаляпин стоит не меньше, чем русский народ в целом (или не надо верить запальчивым словам Аполлона Григорьева, что **Пушкин – это наше всё!**? – так вот так же для меня в Шаляпине вся русская напевность и музыкальность, и если вы не возмущаетесь словам Достоевского, что он лучше останется с Христом, чем с **истиной**, то спокойнее отнеситесь и к моим словам, что я лучше останусь с Шаляпиным и изгнанной русской философией, чем с «пролетарии всех стран, соединяйтесь» диктатурой как высшей формой демократии, «слава труду!» (за который платили меньше, чем при капиталистах)... Но, однако, как же вы относитесь к Октябрьской революции? Если Николай Второй святой, то революция, которая его свергла, заключила и расстреляла – от сатаны? Но не могут же быть одновременно святыми и революционеры во главе со Сталиным и новые русские мученики, поставленные в святые православного церковью? И как же вы ходите причащаться плоти и крови Христовых в сию церковь и одновременно поклоняетесь советской власти, любите ее, жалеете, что она свергнута, и что распался Советский Союз? А что уничтожена Российская империя, кто-нибудь из вас пожалел? Ни от кого я не слышал). Нет, ребята, что-то здесь одно:

5. или вы признаёте правоту Революции и неправоту старой России и поделом она была уничтожена вместе с дворянами и их царем и ста тысячами дворянских поместий и ста тысячами храмов – или вы ЗА бывшую Россию, «которую мы потеряли», но против Революции?

Но чтобы быть последовательно непоследовательным, я вас утешу, хотя и не соглашусь с вами: прочитав Аксакова о **рабстве** как о **свободе**, я вдруг подумал, что уже и сам готов разметать по косточке и рабовладельцев и их храмы, в которых воспевалась любовь к рабству.

Нет, я не требую, чтобы вы начали думать, как я, ушли вдруг из церкви или с партсобрания, да Бог с вами, лишь бы вам было светло на душе; но не может человек одновременно поклоняться двум противоположным святыням – или они и в самом деле неразличимы? Но хотя бы днем бежать в атаку на немцев, а ночью пускать сигнальные ракеты, показывая, куда им бомбить, но не одновременно?

Перелистайте страницы новейшей русской истории: царь свергнут, министры-капиталисты свергнуты, помещики и заводчики и белое офицерье частично убито, частично расстреляно вместе с детьми, частично бежало за грань безумного советского бытия. Ужас Гражданской войны перетек в голод не только в Поволжье, но и в южных областях, и на Украине – а вы читали письма и телеграммы Ленина, из которых видно, что и Гражданскую войну и Голод старательно созидали большевики, Ленин так и писал, что *иначе не переменить душу народа*. Голод и разруха сменились НЭПом, успели позавтракать, пообедать однако не успели: началась коллективизация. Если Гражданскую войну можно списать на Ленина и ленинских соколов (хотя кто же Сталин? Разве он не из этой же когорты? Не он грабил банки, создавая партию большевиков, разорял Царицын, проводил антирусскую национальную политику, будучи министром по делам национальностей?), то коллективизация проведена только им, хотя и по лекалам Троцкого. Одновременно началась *индустриализация*, в 27-м году (а чем занимались большевики с 17-го по 27-й, и при сталинском правительстве? Вся полнота власти у него уже сосредоточилась в 22-м году, и тираном он пробыл ровно **31 год!**) Ну пусть первые десять лет большевики жили за счет разграбления имперских запасов, и только в 27-м спохватились, что надо что-то строить – но с 27 по 41-й было полновесных четырнадцать лет, Гитлер пришел к власти в 33-м году, у него на эту *индустриализацию* срок оказался почти вдвое МЕНЬШЕ – и что, он меньше успел построить? А ведь Германия в 32 году была тоже в разрухе, была депрессия, безработица, уныние в хозяйстве и в душах.

Вы думаете, зачем сто лет!!! – СТО ЛЕТ – вбивали вы в наши сердца и души, пропагандисты и агитаторы, миф об отсталости России, о России как о тюрьме народов, царском застенке и каземате, стране безграмотных попов и жандармов – разве не вы в комсомольскую юность пели «Весь мир насилья мы разрушим до основанья!»? И пели и вбивали с одной целью: ОПРАВДАТЬ безграмотность и неумелость, отсталость и дикость всех советских правительств и его руководителей, и с этой целью была развязана беспрецедентная кампания по борьбе с шпионами и диверсантами, вредителями во всех отраслях хозяйства, в быту и в армии, на транспорте и на дорогах, на кухнях и в ложах театров, даже в постели "президента" и "премьер-министра", с каковою целью были выявлены и обезврежены и их жены.

(Не смейся, читатель, вспомни Калинина и Молотова и их жен, да и жену самого Джугашвили. Большой маразм был только при дворе Византийских императоров, когда евнухи занимали Трон).

Кажется, в 1955-м году мы выдвинули лозунг: Достигнуть уровня 1913 года! – и при хрущевском правлении мы его наконец достигли, и настолько

обнаглели, что вознамерились «догнать и перегнать Америку»! Но по крайней мере той нищеты, которая была и в тридцатые годы, и до 55-го, мы уже не знали. Или мы с вами жили в разных странах и в разные эпохи, учились в разных школах, живем в разных городах? Когда впервые начали строить квартиры для обычных горожан, так называемые "хрущевки"? И построили их, оказывается, так много, что до сих пор не знают, куда их девать – а они еще исправно служат их владельцам. Телевизоры, холодильники, стиральные машины, личные автомобили появились только при Хрущеве, при нем наши граждане даже стали выезжать мелкими партиями за рубеж, кой-где в цитадели, которою был социализм в отдельно-взятой стране, прорубили окна и двери. К слову об отсталой России: именно в ее городах и домах и проживало российское население, в том числе из далеких окраин, новых домов строить не успевали, то коллективизация, то искоренение троцкизма, то строительство метро, то Дом Советов, то Промпартия, ... Во время войны пушки всего Советского Союза заряжали порохом отсталой Российской империи, ездили только по ее железным дорогам, новых железных дорог до Хрущева не было построено ни одной, и шоссежных тоже... К слову, вы не видели кварталы домов с малогабаритными квартирами для рабочих, в окрестности метро Выборгская, Лесная, и вдоль Кондратьевского проспекта? Это все было построено тогда, при проклятом прошлом, я в них бывал, они даже лучше "хрущевки". К слову о тех батолах, из-за которых был пущен миф, что в России хлеба не стало, в 63-м году я покупал эти батоны, в них добавляли горох, я помню даже их вкус, и тоже возмущался – но хлеба хватало, и никто не голодал! Виктор Петрович (мой старый товарищ, который хотя и недоволен был тем, что Сталин не успел всех расстрелять, но меня любил!) обвинял Хрущева в гибели социализма, потому что Хрущев де *расстреливать перестал*, разрешил жить писателям и художникам, даже с Эрнстом Неизвестным ругался и его не посадил, да и некогда было сажать, то ракеты надо было строить, то дома, то дороги, то заводы, но, правда, и кукурузу сажали – но тот промышленный рывок, который был сделан в СССР, именно в его годы и был сделан, и та гигантская военная промышленность была создана именно при нем, но скоро заржавеют последние ракеты того времени, посмотрим, какими ракетами вы начнете обороняться не от внутренних, а от внешних врагов. Отменили ли вы Решения Двадцатого съезда коммунистической партии? Нет. И вся ваша пропаганда сталинизма – не только дьявольские козни против поднимавшейся, но не успевшей подняться России, но и война против «социализма с человеческим лицом», против законной коммунистической партии, а нынешняя КПРФ – это самозванец, с портретом Сталина на лбу. Но разве не очевидно, что именно не советская, а олигархическая капиталистическая власть и создала эту партию? Впрочем, что мне было бы до коммунистических проблем, если бы я не видел, что с отстранением Хрущева и воцарением снова сталинских соколов и началась новая деградация России – но и я в этом отчасти повинен, я сторонился комсомольского движения, не хотел участвовать в нем, а в школе за мною бегали, и в университете, и вот Петю Р. я проворонил, он же ко мне набивался в друзья, и Володя В., и я мог оказать на них влияние, и не

стали бы они помогать Зюганову – да и Зюганов не пропащий человек, все же докторскую стал писать именно по «России и Европе» Данилевского, которую после ста лет забвения именно я издал и ему подарил (жизнь меня к ним как-то приталкивала, а я сторонился, и вот досторонился, три у меня читательницы и один читатель, и ни на кого повлиять уже не могу)...

Но ладно, речь не о том, что вы мыслите не так, как я, или я не так, как вы, но дело в том, что я хочу понять, как вам удастся одновременно жить и по *социалистическим таблицам логарифмов* (по Глазенапу), и по *христианским* (по Флоровскому), и по олигархическим (служа верой и правдой современному олигархическому режиму)? Но, возможно, даже и не в этом дело...

Лето я провожу в деревне, тамошние старожилы иногда просят у меня взаймы опохмелиться, я им даю и никогда не укоряю: если бы мне хоть на мгновение показалось, что я чем-то еще смогу на них повлиять, я бы им стал произносить пространные речи, или, может быть, стал бы их трясти за грудки, но я знаю, что все тщетно, поэтому молчу. Разговариваю я серьезно только с детьми, лет до 13-ти, пока им со мной интересно, потом они начинают от меня отдаляться. Влияю ли я на детей? Вряд ли... (Кстати, мне всегда казалось, что Солженицын какой-то, скорее, писатель кабинетный, смутно понимающий окрестных людей, женщин и мужчин, не говоря о детях – как бы он мог на них повлиять? А я и костыми и кожей ощущал с малых лет окружающий мир, но и то никакого влияния на человека в этом мире я не оказывал. Ну, может быть, когда влюблялся... чуть-чуть...)

Я теперь понял, что исправлять ошибки в сочинениях школьников, в решениях задач – бесполезно, так их ничему научить нельзя. Надо просто правильно преподавать историю, геометрию, грамматику, из общего они увидят свои неверные частности – но в школу меня уже не пускают, надо уже писать «Учебник философических умозрений».

И что многие одновременно поклоняются противостоящим учениям, это я давно знаю, и что многие из нас веруют то в социализм, то в христианство, то сразу и в то и в другое, и даже одновременно исповедуют и эволюционную теорию Дарвина и библейское сотворение человека из праха – ну, вот, так же как у некоторых есть и жена и любовница и они обеих любят, вот так же любит человек сразу Сталина и Христа, социализм и капитализм, Интернационал и Россию (без русских) – ну что им сказать? Не верю я современной интеллигенции ни в чем, один из выступавших на нашем межсубойчике так и сказал: **у нас у всех каша в голове!!!**

Патриотизм по-советски – это *Россия без русских* – а только к этому дело и идет! Это Россия как сырьевая колония Запада (она уже сегодня колония, но еще более к этому идет!) Это Уганда с ядерной бомбой, но без ученых – они уже все свалили «туда». Неловко произносить заплеванное всеми, особенно марксистами и христианами слово **национализм**, и поэтому я называю себя **народником** – но в отличие от всех, я **добро-желательно** отношусь и к евреям и к татарам, и к полякам и к цыганам (эти меня даже обещают от русских в случае чего защитить), и к *хохлам* и к *москалям*... споткнулся только на янки... Но скажите честно, русские интеллигенты, **дорожите ли вы Россией более ваших давно уже ветхих идолов? Или Россия для вас – не главное?**

20 февраля 19, 10-37. Во мне за последние два дня произошел переворот. Я вдруг понял, что и я и возможные читатели, даже те, которые пытаются меня читать, не понимаем друг друга, что вам, мои несостоявшиеся читатели, невдомек, что я вам пытаюсь сказать, в чем разубеждаю и в чем убеждаю.

Существует **Реальность**, это мир вещей, людей, **смутных образов**, воспоминаний и явлений. Сегодня, несмотря на февраль, всю ночь шел дождь, он идет и сейчас, и я боюсь, не будет ли поэтому холодным апрель и затяжная зимняя весна. Сегодня в шесть утра, как обычно, началась аритмия, я раздумывал, вставать ли на зарядку и потом садиться к компьютеру, но все же подышал глубоко и в конце концов заснул, встал, правда, поздно, утро бестолковое... Во мне идет **переворот**, может быть, я начну писать что-то новое, но я одновременно не знаю, не надо ли уже искать место...

Но существует и **Действительность**, о которой я не могу точно сказать, что она такое, отчасти это мир идей, категорий и понятий, образов и представлений, **мир сил и движений**, физических и ноуменальных.

Объясню на примере. Представим себе, что я журналист и с читателями выпиваю в землянке, с старшиной и машинисткой. Вдруг что-то в воздухе противное засвистело (мина, флегматично заметил старшина), ударило, чуть ли не в стену (о, как фуйдакнуло! – несколько встревоженно сказал старшина), из верхнего угла посыпалась земля, пустой стакан из-под водки подскочил и упал со стола (хорошо, что мы уже выпили! – удовлетворенно добавила Уля, переводя дух). Это – заурядное событие той жизни, ее частный феномен (явление). Но оно хотя и живописно, мало что объясняет. Надо добавить, что на дворе осень 42 года, мы отступаем к Волге, идет уже затяжная война (это лучше чем блицкриг 41 года), впереди отчаянные бои, разрушенный Сталинград (который так пока и не стал вновь Царицыным), Курская дуга и долгие месяцы наступления... – все это **Действительность**, частными случаями и следствиями которой и являются землянка, старшина, Уля и мина, чуть не похоронившая даже меня.

К *действительности* относится пространство и время (ибо явления и вещи без них не возможны), Война, СССР, Германия, две противостоящие армии, просчеты командования и по-прежнему невероятные потери после катастрофы 41 года. Вереница тех боев и окружений, прорывов и отступлений – это *цепь явлений, частных событий*, – но внезапность удара, потеря большей части армии, почти всей техники – это *действительность*. Можно даже сказать, что она – это то **общее**, в чем всё происходит, и она – это **целостность происходящего**, как Революция, Война, Целина, Коллективизация, Застой, Регресс и Возрождение... а вещи и явления – частности и части (как детали автомобиля, как автомобили в колонне, как колонны в армии...)

Оценки тоже принадлежат действительности.

Но этого примера недостаточно, приведу еще один.

Скрипнуло окно, стукнула дверь, зашумела береза под окном – дует сильный ветер, порыв его тронул дом и деревья. Скрип, стук, и шум – это следствия, ветер – причина, такая же, как перемещение теплых воздушных масс из Атлантики над территорией Европы, которые и вызвали резкое потепление в европейской части России. Вот почему сегодня идет дождь.

Представим себе, что я написал статью о советской власти, сначала я ее ругаю, один ее читатель говорит соседу: помнишь, с нами парился вчера один хмырь, читаю, что он пишет, что хуже советской власти только антисоветская – не знаю, как его понять, но я то ведь жил при коммунистах, ну да, они были в основном идиоты, сами работать не хотели, только других призывали, но у нас была зато работа и зарплата, после смены я в соседнем ларьке с друзьями выпивал стопку, запивал кружкой жигулевского, закусывал бутербродом с килькой, дома ждал меня борщ и по телевизору хоккей. А сегодня? Работы в основном нет, а та, что есть, не только не по специальности, но и вообще ни по чему, вот, скалываю у ларька лед. Пиво плохое, как технический спирт, зря мы ругали советское пиво, у тех то, оказывается, все синтетика, и бабы такие же, и их свобода, которая и им по сути на-хрен не нужна.

Но в продолжение статьи я советскую власть слегка похвалил, и мой старый товарищ, только что вернувшийся с Бермуд или с Канар или из Катара, швыряет раздраженно газету: Советскую власть, вишь, вспомнил. А что мы при ней видели? Я вот теперь объездил весь мир, ходил даже по Великой Китайской стене, сын мой учится в Кембридже, внучка замужем за американским бельгийцем. А тогда? Накопил за три года как-то я на путевку в Париж, из Аэрофлота мы полетели, прилетели, сразу в гостиницу для туристов, правда, душ, потом обед, потом шли по улице, сбоку стена, за стеной Эйфелева башня, потом повезли в автобусе, окна зашторены, ничего не видно, привезли в Версаль, ходили по двору, впечатляет. Правда, один из наших, где-то хлебнув, прислонился к стене, она и упала. А за ней наши Химки! Остальное то всё нарисовано! Вот и слетал я в Париж. А этот, мало его по психушкам мотали, советскую власть вспомнил!

Итак, все справедливо. Человек имеет дело не с действительностью, и даже не с ее частными проявлениями, он имеет дело с образами, словно бы с видами из окна на улицу. Он помнит свою жизнь, смутно то, чему его учили в школе, обрывки книг и кинофильмов, обрывки исторических сведений, которые и тогда еще просеивались сквозь сито, а теперь просеивает их еще и память. А я ему говорю о **социализме**, цитируя Платона, Савонаролу, Кампанеллу, альбигойских монахов, о которых он никогда не слышал. Да отвязись ты от меня с Кампанеллой, вот при Сталине мы войну выиграли, Берлин взяли (*это образы* из ушедшей действительности, своего рода точки экстремума, оторванные от порождавшей их функции, а значит абсолютно пустые, которые ему навязаны извне)... Я ему говорю о Христе, плохо или хорошо, а он кроме как из «Мастера и Маргариты» больше о Христе ничего не знает, и ему невдомек, что даже в храме в службе, которую проводит священник, Христос – герой спектакля, который поставлен *по мотивам Нового Завета*, но даже священники не знают, что такое христианство, как не знали и преподаватели научного атеизма, как не знали и преподаватели диалектического материализма, что такое марксизм, диалектика, социализм и квадратура круга.

Что никто ничего не знает (знают евреи, и я понимаю, насколько невежествен в сравнении с ними, это перед русскими я выставляю себя *образованием*), это теперь я с прискорбием узнаю, поэтому я со своими

статьями, обращенными к **действительности**, несу пургу, которая никому не понятна и потому не интересна – и это я уже понял – но это не всё.

Зато я понял, что надо жить и писать иначе, или писать про Маргариту и Иешуа, которые друг к другу никак не привязаны, эта в своем мире, тот в своем, никогда не встречались и никогда не интересовали друг друга, тем более, что Маргарита ведьма, ... при чем тут Христос? – или писать частные письма в Германию и Англию Ньютону и Лейбницу – но я не знаю латыни. Но мой читатель больше о них ничего не читал, а *при Сталине, о котором он вспоминает крестясь и с любовью*, он не читал даже этого. Можно писать Маргарите, что я и делаю. Но поелику я все же писатель-философ, хотя и безграмотный (как и Христос, не любивший книжников, хотя я, правда, книжников люблю; как и Сократ, который и знал то всего лишь то, что ничего не знает – но я зато знаю еще и Сократа) – то мой переворот привел меня к следующей мысли: хватит писать критики и комментарии, злобные и незлобные статьи, достаточно для себя писать письма, а для общества написать *Новую книгу*, которую, может быть, никто не будет читать, зато я никого не обижу.

Но пока, раз уж я взялся за это письмо, продолжу, тут как раз уместно написать про Сталина. В 1952 году, еще при его жизни, когда мне было десять лет, я прочитал его десяти томник, напечатанный на хорошей и толстой бумаге, довольно крупным шрифтом. Написал он, как оказалось, не так много, у меня уже 16 томов, притом потолще и помельче. В одном из его томов английский журналист, в 32 году, его спрашивает: Советская Россия, как известно, испытывает трудности с продовольствием, в том числе и с сахаром. Британия получает сахар из колоний, и немало. Почему же вы продаете сахар Британии по ценам ниже колониальных, у нас полагают, что это *демпинговые цены*, и вы терпите при этом убытки?

Сталин отвечает: Мы продаем сахар не английской буржуазии, а английским рабочим, русские рабочие готовы отдать даже последнее своим товарищам по классу (цитирую по памяти).

В советское время бытовал анекдот: «мы говорим *партия*, подразумеваем *Ленин*, говорим *Ленин*, подразумеваем *партия*, и так уже 70 лет: говорим одно, подразумеваем другое». Сталинский ответ журналисту – типичный пример лжи и подмены, лицемерия, когда говорится одно, подразумевается другое – но это и раньше началось, и до сих пор продолжается.

Однако, глядя в новую русскую историю, в ее явления (в ее *реальность*), и в ее действительность, то есть в причины ее событий, я пришел к одному важному выводу, который эту историю объясняет исчерпывающе.

В 17-м году к власти пришли недоучившиеся гимназисты, местечковые озлобленные революционеры, солдаты и матросы, разложившиеся сначала на фронте, затем уже до конца разложившиеся в Петрограде – с одной стороны, и оторванные от жизни романтики, и революционные, и пацифистские – с другой стороны, ну и для того чтобы «Суп из топора был наваристей», еще компании из рабочих – и вот этот Топор пришел к власти, не умеющий не только срубить дерево, но и расколоть дрова. Он умел рубить только головы.

История Гражданской войны показала, что они не умели воевать, и взяли только числом и террором, тотальными расстрелами всех, кто не согласен, заградительными отрядами Троцкого, расстрелами в Петрограде заложников, расстрелами крестьян и «мешочников», расстрелами офицеров и кадетов, их дочерей и сестер. Они победили благодаря ужасу, тифу, вшам и голоду (читаясь воспоминания вырвавшихся из Петрограда – только Блокада еще хуже!) – но народ начал уже уставать. Тогда они отступили, к тому же разразился голод в Поволжье и еще в 32 губерниях, о чем предпочитают умалчивать (и о том, что голод этот спровоцирован большевиками во главе с Лениным, как и Гражданская война – об этом пишется в его записках в Совнаркоме и в «Политбюро») – тогда они ввели НЭП. Сталин его отменил в 28-м году, тех, кто его вводил, позже он расстрелял, и в 32 году начался голод на Украине, *тогда он продал «лишний сахар» британским рабочим.*

Кто-то скажет, что нужна была индустриализация – но где были большевики с 17-го по 32-й? Гитлер пришел к власти в 33-м – как же он смог *провести индустриализацию за пять лет, не обрекая свой народ на тотальный голод?* В 38-м началась Мировая война, и Германия уже была к ней готова!

Так что же является сущностью русской истории последнего столетия, когда у власти была «лучшая, передовая часть народа»? Сущностью является неумение руководить страной, неумение работать и воевать, и то, что мы существуем, и страна не рухнула окончательно и бесповоротно, объясняется просто, надо только взглянуть на цену, которую мы платили и за успехи и за поражения, даже за выживание. Мы теряли художественные ценности, теряли народ, теряли талантливых и образованных, мы кормили весь мир нашим лесом (несколько поколений эков пилили сибирскую тайгу ручной пилой), каменным углем, полезными ископаемыми, поили нефтью, обогревали газом. Наша экономика и наша жизнь была **растратной**, мы выживали только за счет того, что проматывали наследие отцов и матерей, закапывали в землю наших сыновей. Дело не только в том, что эта война оказалась для нас такой трагической и непосильной, но само существование народа оплачивается его собственной кровью: по качеству жизни мы далеки от цивилизованных стран, у нас слабая медицина, не лучшее образование, плохие дороги и на них высокая смертность, низкая продолжительность жизни, отравленный воздух и вода. Народ вырождается и вымирает. Он уже не поет своих песен, не украшает жилищ, уничтожает целые кварталы старинных домов, целые города для временных новостроек. Нас становится все меньше, и мы все хуже. Вот поэтому мы пьем и самозабвенно кричим о нашей победе – 75 лет мы хвастаемся только ею, не похоронив еще всех своих павших. Стучит ли "пепел" Клааса в чьем либо сердце? Иногда мне кажется, что он стучит только в одном сердце, в моем. А когда мое собственное сердце замолкнет, когда умрут не только те, кто воевал, но и их дети? Но столичный интеллигент ничего знать не хочет, он не видит жизни страны, не знает о задыхающемся Челябинске, о свалках мусора в Подмосковье, из-за которых задыхаются дети, *о строительстве ядерного могильника под Красноярском*, о десятках городов, в которых стариков выселяют из домов, а молодежь не может найти работу. Интернет изнемогает от стонов, тревожат ли они русских патриотов?

Но это я пишу о *реальности*, а надо вернуться к *действительности*. Картина, быть может, является причиной для своих частностей, но она не причина для себя. А я нарисовал картину нашей жизни, но я пока не знаю, как ее изменить. Именно эта картина, эти люди и этот город, и эта страна сами по себе неизменны, они имеют предысторию, **силы и движения**, происходящие во времени. *Довлеет дневи злоба его*, говорится в евангелии, но если этот день будет жить только собою и для себя, он себя не изменит. Поэтому я и пытаюсь понять действительность или хотя бы представить контур ее. В нашей реальности нет ни Платона ни Аристотеля, ни Кампанеллы, ни альбигойцев, ни Маркса, ни Сталина, и даже если их книги и стоят на чьей либо полке, но книги эти в качестве книг почти не существенны. Не существен и Сталин в той мере, в какой он является только *образом*, возможно символом, как символом является и кровь в причастии, которой мы причащаемся. Что же существенно? Отчасти существенно знание истории. Существенна и Теория прибавочной стоимости, которую уже все позабыли – а мы воздвигли на ней мировоззрение, потом Революцию, Террор, Здание нового общества. Мы пользовались ею как солью жизни, а она оказалась не соленой, ибо *теория эта не верна* – на что же опиралось Здание нового общества? Мы строили справедливое общество, в котором прибавочная стоимость не отдавалась капиталистам, а только трудящимся – а при этом производительность труда оказывалась ниже, чем в буржуазных европейских странах, следовательно Труд оказывался неэффективным. Но именно Сталин возглавлял тоталитарную систему, воздвигнутую в пространстве марксистской «Теории прибавочной стоимости» – если же она не истинна, то *как может быть истинным он сам* (независимо даже от машины террора)?

И так во всех сферах нашей жизни, так и в литературе, даже критическая статья об авторе, существующем только в границах современности, ничего в нем не объяснит. А мы пытаемся жить, словно после наших имен отсутствуют отчества и фамилии, то есть словно до нас ничего не было.

Продолжаю. Прежде, чем спорить о Сталине, надо его прочитать. Отдельный том из его сочинений занимают выступления в годы войны, посвященные самой войне. И оратор и писатель он был посредственный, и запомнил поэтому я немного, в одной из своих речей он пространно говорил о том, что немцы надеялись, что они победят и в награду получат *пирог и пышки*, а получили они вместо этого *синяки и шишки* (смех, аплодисменты). Ничего более существенного в этих речах не было. Было ли что-то существенное в его личности, кроме *воли к власти*, в которой он был гением? Нет.

Но чтобы понять русский социализм, надо прочитать сочинения и других его вождей, Ленина, Троцкого, Бухарина. Читаем письма Бухарина и его статьи в Известиях в месяцы перед арестом, он путешествовал по Средней Азии – по крайней мере после его писем мне его уже не было жалко: ничтожный человек, взнесенный на вершину истории. А Ленин? Пусть скажут наши философы, чего стоит его претенциозный «Материализм и эмпириокритицизм» – а мы в университете им хотя давили, но ели. (Не таким ли и актером был Нерон, сжегший Рим?)

Спорить надо об идеях, а не о смутных образах героев, так же ничтожных, как и их книги. Но сначала их надо прочитать, Потом мы поговорим...

Но вернемся к Хрущеву. Герои Трагедии советской власти были слишком просты, у них была примитивная родословная, один родился в Варшавском гетто, другой в будке старьевщика, третий в сапожной мастерской, Джугашвили отдан был в семинарию из жалкой лачуги прачки, выше он не поднялся, он был зол на весь мир, и злость свою выместил на неповинных прохожих. Вся большевистская шайка была такою же, Троцкий чуть-чуть возвышался над ними, он написал несколько литературно-критических статей, даже выше среднего уровня – но разве этого должно быть достаточно, чтобы заправлять судьбами великой страны? Допустим, что Сталин еще выше – но что тогда он делает в этом курятнике посредственных якобы-птиц, не умеющих даже летать? И летела ли ввысь хотя бы одна фраза из тусклых речей и псевдонаучных статей, вышедших из-под его пера? Вот ключ к философии социализма в советской России. Дважды Сталин пытался направлять ход военных действий, в первый раз мы дошли до Москвы, во второй – до Волги. В третий он не рискнул управлять военной машиной, не хватило бы солдатских ресурсов даже у великой страны.

Но вернемся к Хрущеву. Перед Сталиным он плясал гопака, пил, не пьянея, на Украине его руки были тоже по локоть в крови, когда у всех наших руководителей в крови были и ноги. И перестанем хотя бы на полчаса считать количество расстрелянных и упрекать историков в ошибках счета. Важно только то, что все они в крови, все они разбойники и палачи, а вы защищаете то одного то другого нелепыми словами о том, что нет, этот выпил крови на тысячу литров меньше. Вам не стыдно подсчитывать объем крови? Вон у Раскольникова на совести было только две бабы, и то ему все мерещилось, что где-то на сюртуке осталась капелька крови – а у этих сколько капелек крови на их френчах и галифе, на их сапогах? Берия выбил зубы маршалу Мерецкову, Сталин с ним пил грузинский коньяк. Вы думаете, что где-то в мире нашлась бы Сонечка, которая замолила бы их зло? Или они спасли Россию, два палача? Или вы допускаете, что Христос осмелился бы им сказать, что сегодня же вечером они будут одесную его сидеть у престола Отца небесного? Сколько же выпил крови тот разбойник, которого он помиловал? Да рядовой следователь НКВД крови выпил больше его. И нужна ли мне та Россия, которую спасают безжалостные инквизиторы ЦК КПСС?

Но нет, вас ничто не проймет. Поэтому вернемся к Хрущеву.

Казалось бы, он один из них. Но или что-то в нем ёкнуло, или он и был не совсем как те, но придя к власти в 53-м году, сразу после смерти Сталина (а именно он стал «главным в партии, хотя и не идущим по капиталистическому пути»), он отменил массовые расстрелы, тотальные посадки, и начал выпускать заключенных – миллионами. Сначала евреев (по «делу врачей»), потом и остальных. Возможно, большевики сообразили, что лагерный труд менее эффективен, и охранять их надо, и мрут больше, и изнашиваются быстрее.) Был расстрел в Новочеркасске, но нет сведений об ответственности за него руководителей государства, может быть. Хрущев и не при чем.

Но самое главное, стал отступать тотальный, всеобщий страх за личную безопасность, за безопасность родных.

Снова появились песни о любви, о житейских событиях, напечатали Есенина (57г.), Достоевского (58г.), появились русские писатели (Тендряков, Тропоспольский, Виктор Некрасов, Александр Яшин) множество людей вдруг начало сочинять стихи (не только о партии и Сталине, но и о любви).

Вдруг осмелели настолько, что стали высказывать недовольство: то жизнью, то правительством. Единомыслие в России в одночасье исчезло. Недовольство Хрущевым в среде современных мыслителей связано как раз с отменой единомыслия, русский человек требует (если он верит в истину), чтобы в эту истину верили все остальные. В первый раз распустились в декабре 1825 года, подвергли сомнению незыблемость Крепостного права и императорского самодержавия (а общество уже начало подтаивать, многие этим декабристам сочувствовали, включая сначала Достоевского, потом и Льва Толстого). Второй раз в 1848 году, несколько кружков инакомыслящих были разгромлены, Достоевский, Костомаров, Шевченко отправились на каторгу, Герцен и Бакунин бежали, но крестьян пришлось освободить. С шестидесятих годов началось брожение, которое закончилось сначала 1905 годом – оказывается, не закончилось – потом 1917 – но вместо весны и таяния наступили затяжные рождественские холода, родилась новая религия, еще более единомышленная, чем христианство, русский человек удовлетворенно вмерз в государственное оледенение – а тут неожиданно вместо Берии Хрущев: в меру хитрый, в меру недалекий, в меру не жестокий – и что он вам сделал, что Российская интеллигенция никак не может ему простить, что перестал сажать? Церковь зажимал, но священников не закапывал живьем в землю, как большевики. Его отставили в 1964 году, антикоммунистическая революция началась в 1989, через 35 лет – а меня ругают друзья-сталинисты, что это Хрущев виноват в падении коммунизма, потом Солженицын, потом и Виктор Астафьев с Распутиным и Беловым, и косвенно даже я, хотя я даже Оводом не был, а так, комариком махоньким жужжал против советской власти, это же ваши Чубайсы и ваши члены Политбюро с Горбачевым и Ельциным ее свергли!

В поздней советской власти стало появляться что-то народническое, а **русское народничество** – антипод сталинизма и большевизма, мы в крайнем случае от Разина и Пугачева, от Ермака и декабристов, от социалистов-революционеров, но уж никак не от *эсдеков* с тяготящим библейским и гегелевским марксизмом.

Но надо попытаться ухватить что-то главное в скрепах духовно-физического бытия, что показывало бы даже на фоне житейского шума их важнейшие различия, их несоединимость, как лицемерия и открытости, как добродушия и жестокости, как подозрительности и доверия.

Поэтому от духовного опускаюсь я к биологическому, от воли к инстинкту.

Одна из скреп мироздания – космического, природного, народного, личностного – это **притяжение**: всемирное тяготение физических частиц,

половое притяжение индивидуумов, уже и растений, и птиц, и млекопитающих, точно так же и человека. С эстетической точки зрения при усложнении видов ничего особенного не меняется, опыление насекомыми или ветром растений, пожалуй, образец красоты, а поведение некоторых видов рыб при походе на нерест даже нам, людям, показывает образец героизма. Птицы умирают при разлучении, пчелы свиваются в рой в удивительной гармонии (не менее прекрасной, чем деревенские танцы), даже планеты в эклиптике соединяются в стройном семейном сообществе, да можно и о Луне грезить как о влюбленной девчонке, бегающей вокруг суровой Земли.

25 февраля 19, 15-00. Любовь, естественно, бывает и романтической, и трагической, и страстной, и чувственной, и целомудренной до отрицания (в 13 – 15 лет) – но любовь не ущемляет эстетическое чувство, хотя в основе ее природный инстинкт, а цветы ее даже часто *надприродны*. Бывшие комсомолки, ставшие христианками, как и бывшие блудницы, покаявшиеся в природном влечении, хотели бы заменить ее *духовной любовью*, так чтобы выжечь, как в пустыне выжжена земля, всё природное. Однако, хватит споров, они никого ни в чем не убеждают, но как я думаю, и почему, об этом писать стоит. К тому же я обещал (LL), что сегодня начну писать новую книгу: «Философия русского народничества».

Естественно, что я начну с оснований, то есть с фундамента того здания, которое буду строить.

Даже цветы вырастают из земли, корни их в почве, среди других корней, частично и стебель, да почвенное проникает до лепестков, а природное (среди него и воздух и вода, и почвенная, и та, что в дожде, и та, что в воздухе) проникает все растение в целом. Но в отличие от материалистов, я имею и слух и зрение, и вкус, и обоняние и осязание, и не настолько сумасшедший, чтобы вздумать, что и мысли и чувства, и впечатления, и само чувство прекрасного – это только видоизменение почвы или воды или воздуха. Но и наоборот, я понимаю, что цветок вырастает из почвы, а не из моих мыслей и моих ощущений, они принадлежат разным природам, вещественной, чувственной, сознательной, даже трансцендентной. Видимо, источник у них один, как у живописной картины, которая состоит из холста, красок, рамы, замысла живописца и его мысленно-чувственно-зрительного представления, но мы понимаем, что рама и краски и холст не состоят из этого представления, а оно, в свою очередь, не состоит из них.

Вот так и та Идея-Чувство, которая является одним из оснований бытия, то есть **Любовь**, не состоит из воды или почвы или цветов, но тем не менее она триедина, то есть природная, метафизическая, трансцендентная. Как метафизическая, она обнимает собою культуру или входит в нее и в быт; как природная, она входит в жизнь, но не меньше метафизической входит и в культуру; и наконец, как трансцендентная – входит в философию и в богословие, но все же и в некоторой степени присутствует во всем: как вода входит во все **на земле, она даже есть в минералах**.

Вторая Идея-Чувство – это Долг или чувство долга.

И третья – национальное чувство, т.е. чувство народности, принадлежности к народу, патриотизм, любовь к родине, «любовь к отеческим гробам, к родному пепелищу».

Итак, три основных идеи-чувства: **любви, долга, народности** – лежат в основании и *мироощущения*, и самой жизни, входя в жизнь как три разрозненные реки соединяются в одну большую и становятся единой рекой. У этих трех чувств есть еще более исходные основания, общие для всего живого, сама **природность** и ее собственные регуляторы, побуждения, заменяющие волю, предшествующие ей, называемые *инстинктами*: *инстинкт пола, инстинкт долга, инстинкт принадлежности к роду и виду*. Поскольку все они являются **притяжениями**, то они словно бы разновидности **любви**, но все же их надо разделять, половой инстинкт подобен жажде, и только у женщины он порождает потребность в рождении ребенка, потребность его защищать и лелеять, то есть становится особенным материнским чувством, *материнской любовью*; половой инстинкт мужчины существенно отличается от того же инстинкта женщины, он – инстинкт хищника, потребителя, завоевателя, чаще всего он подобен жажде, напившись, мужчина уже не жаждет и не притягивается, то есть не испытывает любви.

И все же, так или иначе, пусть не всегда, пусть не в полной мере, пусть не так легко, как горит дерево, но горит в конце концов и тот камень, из которого создан мужчина, хотя бы как исключение (а, как известно, исключение тоже является правилом, оно по своему тоже принадлежит всеобщему).

Половая любовь, долг, любовь к своему народу и к своим соплеменникам (*любовь к ближнему*, как ее назвал Ветхий Завет, потому что соплеменники, *сородичи*, в крайнем случае *семейные* – это самые ближние у человека, помимо друзей) – это все разновидности общего чувства любви, хотя, разумеется, их нельзя отождествлять, мужчина и женщина ведь тоже разновидности человека, однако в любви мужчины к женщине или женщины к своему ребенку проявляется все же не любовь человека к самому себе, и так же любовь к народу ничего не имеет от любви к женщине. (Поводы вспомнить христианство появляются часто, и в данном случае тоже: ну почему "враги человеку домашние его"? Почему "лучше человеку **не** прикасаться к женщине? Такие утверждения-призывы Христа, и вражда к женщине, культивируемая в эпохи усиления религиозного христианского чувства вызывают во мне в лучшем случае удивление, как и множество других удивительных призывов, если не сказать "безумных" – и жить во гробе и презирать мир, и полагать, что дьявол – князь мира сего, и жить для будущего века – так и у коммунистов для будущего – и возлюбить врагов, и неведомых *ближних*, но в то же время не единоплеменников, и любить своих господ и рабовладельцев, по велению сердца, и быть кротким, смиренным, покорным, держа постоянно очи долгу – а как же тогда сражаться с захватчиками?! – более всего меня удивляет, что несмотря на все эти призывы, которые никак не приспособить к подлинной жизни, для которых ну нет подходящих людей кроме монахов, которые не женятся и не заводят детей, – так много тех, кто прикипает сердцем к этому учению. К чему же именно они прикипают? Если

это не тайна, почему бы им не рассказать и нам о причинах своей любви к Христу и христианству?!)

Итак, **любовь, долг и чувство народности** – вот основания жизни!

Но как же вера? Входит ли **вера** – не доверие к чьим-то словам и поступкам, не доверие к человеку, не вера в свой народ, в близких, в друзей и родных, а *религиозное чувство веры в Бога* – входит ли оно в необходимое основание бытия? Не менее необходимое, чем любовь между мужчиной и женщиной и любовь к детям и родителям, вырастающие из полового инстинкта, то есть родовая любовь, тот самый первородный грех, который и послужил причиной падения мира и человека?

Входит ли вера в бога в необходимое основание бытия?

Ответить на этот вопрос не легко, потому что надо объяснить, что такое бог, что такое вера, нужны ли бытию некие основания кроме него самого – а многие предпочитают ничего не объяснять: или потому что думают, что и так все понятно, или потому что не умеют, или даже не знают, о чем идет речь.

Даже если речь идет о боге, то ведь еще не ясно, о каком именно боге идет речь, о Будде, Аллахе, Зороастре, Христе? Иисус из Назарета, родившийся от девы Марии, был обрезан в восьмой день в синагоге и в двенадцать лет сбежал от родителей в Иерусалиме, чтобы именно в ней разговаривать с священниками (по-видимому, о вере в Бога), ее он назвал «домом отца моего», и был он и по рождению и по вере евреем, и отцом его, как он сказал, был именно тот Бог евреев, любовь к которому была главной заповедью Ветхого завета и которую он повторил, следовательно и он поклонялся, любил и верил в того бога, что и все (вторую заповедь иудаизма: *любовь к соплеменникам*, он отверг, переначил, превратил в любовь ко всем без различия – хотя это не совсем ясно, как и многое – да, кажется, что именно так, но сказано как-то двусмысленно, не определено, вот и ближний – все, кроме домашних? Кроме грешников или, наоборот, кроме праведников, потому что сам он пришел спасать грешников? Но оставим эти двусмысленности, это форма его проповеди. Многим и до сего дни не до конца ясно, умер он при распятии или нет, воскрес ли (сам апостол Павел как будто в сем сомневается), пришел ли спасать свой народ или всех кроме своего, только ли по вере, или по делам? Отверг ли добродетели как устаревший хлам, призвав разбойника одесную отца своего? Призывал ли быть добродетельным, или веру противопоставил всем добродетелям? И так далее... Да и главное: надо ли было стремиться стать добродетельным человеком, хотя бы просто хорошим? Или вера в бога и любовь к ближнему (в этих двух заповедях, сказал Христос, весь Закон и Пророки!) – уже достаточны? И ведь трудно назвать добрыми доминиканских монахов и римских пап, опутавших Европу сетью инквизиции, трудно назвать добродетельными судей, судивших Жанну Д'Арк и сожегших ее на костре!

Надо быть великодушным, хотя бы не жестоким, способным к милосердию, состраданию, надо «жить не по лжи», говорит Солженицын – и именно **сострадание**, а не любовь к ближним или к богу или повиновение власти – **главный закон жизни**! Его трудно регламентировать, нет таблицы мер и весов, в которой бы рассчитывалось, где, когда и сколько – да ведь и в кого

влюбиться, тоже не рассчитывается и не предписывается, а «как звезды сойдутся или как обстоятельства сложатся». Но сострадание **не** отменяет ни долг ни любовь, ни страх смерти, ни свободу ни необходимость. Вообще кажется, что как только то или иное превращается в правило, так оно засыхает.

Но о вере и о боге мы не договорили. Будем говорить о христианах. Христос верил в общего для всех иудеев бога, христиане верят в своего бога, в Христа, то есть в Спасителя, который одновременно и Сын Божий, пришедший на землю для нашего спасения (миф о его пришествии именно о нем и его миссии и говорит, и Бог в этом мифе – это Бог-Отец, пославший Сына, восклицавшего на Голгофе: да будет воля Твоя, а не моя! – в пространстве Новозаветного мифа сын божий еще не бог, или не совсем бог, он повинуетя воле Отца и не тождествен отцу во всех частностях, он испытывает страх, сомневается, он даже умирает, хотя и на время – богословы конечно, начнут антимонию, что мол это умерло тело, а дух не умер – так в таком случае надо ли нам верит в наше воскресение по его образу и подобию? Мы то разве не совсем умираем?

Итак, *страдающий и распятый Бог, умирающий и воскресающий* – это при всем триединстве и тождественности ипостасей и при всем единосущии сына отцу не отменяет ведь *неслиянность* (я напоминаю вам Символ веры)?! И это умирает и воскресает Сын Божий, но не Бог-Отец!

Центральное чувство, которое соединяет весь сюжет Нового Завета в единое целое, которое является осяю его и сердцевиной, как любовь в повести о Ромео и Джульетте – это вера! Христос призывает верить, порицает маловеров, устыжает их, говоря, что если бы они *верили хотя бы с горчичное зерно*, то уже, быть может, и миссия его бы осуществилась! Эта вера – вовсе не доверие, и не любовь, это присоединение к магии, эта вера является источником чуда и силой, которое его производит, это способ преображения мира. По вере дается все, что необходимо – не по трудам, не по праведности, но по вере – и даже сомнение исчезает, и воскресение наступит – только по вере и только для тех, кто верит. Есть ли Бог? Бог есть только для верующих. От неверующих он скрыт, верующим он является, словно бы «становится быть». Есть бог или нет его? В пространстве неверия его нет, в пространстве веры он есть, и есть только в этом пространстве. Правда, при конце света сомнительно, чтобы неверующие продолжали жить как ни в чем не бывало, следовательно, конец света наступит для всех – но тогда, возможно, и бог явится всем. Но все же эта религия обладает странной особенностью – то, о чем она повествует, не только становится видимо только для верующих, но и становится существующим только для них. Правда, это так во многих случаях: Бетховен великий композитор, и Пушкин и Лермонтов великие поэты, но лишь для тех, кто слышит и внимает музыку и слово. И математика нема для не понимающих ее письма, и красота не видима слепым. Да, какая-то неразрешимая квадратура круга! Но и правда, надо возвышаться, надо подниматься по лестнице культуры и образования, ходить в филармонию и концертный зал, в драму и оперу, чтобы уже по движениям музыкантов слышать музыку, по взлетающим над клавишами пальцам Полины видеть, как

из кончиков их истекают звуки, и одновременно соединяться в некое целое и с концертным залом и с музыкантами, и с инструментами. Для тех, кто яростно порочит чувственную любовь – разве не все основания и флюиды плоти содержатся в музыкальной гармонии? А вы пытаетесь выделить из целостности некую *духовность* и противопоставить ее живому человеку! Когда и сама плоть духовна, духовны и звуки, и краски, и движения! (Вот так слышал музыку глухой Бетховен, глядя на ноты, он ее слышал внутренним слухом, да, несомненно, даже то движение тела, предплечья, руки, кисти и пальца, которое заканчивалось звуком, уже заменяло звук!)

Вера в Бога, о которой говорил Христос, уже внутри христианского мифа была только отчасти верой и любовью к ветхозаветному богу-отцу, преимущественно же она превратилась в веру в Христа (в Бога иудеи и так уже верили), поэтому и Христос стал Богом. «Спаси меня, Господи, и помилуй!» – к кому обращается верующий? Несомненно, что он обращается к единому Богу, которым для него стал Христос. И посему иудеи его распяли не только за то, что он вообразил себя богом и назвал себя им – но что он стал богом своих последователей и учеников, собою он заменил Бога иудеев.

Но входит ли **вера**, *религиозное чувство веры в Бога* – в необходимое основание бытия? Не менее необходимое, чем любовь?

Повторяя этот вопрос, мы уже должны его переименовать – *необходимы ли Бог и вера в него для полноты бытия, для ощущения его прочности, духовной наполненности?* Тождественна ли вера в Иисуса Христа вере в Бога? Что человеку дает эта вера?

Те, кто ходит в концертный зал, в театр и в оперу, кто много читает, счастливы, когда слушают музыку, когда ее предвкушают, они испытывают опустошенность, когда музыку долго не слышат, но даже мне не так легко объяснить человеку, далекому от музыки, что она мне дает. Возможно, так же наполняется человек духом святым в храме, он испытывает блаженство, подобное тому, которое испытывает юноша при свидании с возлюбленной, или даже еще большее блаженство, и связь с церковью, посещение богослужений – не связаны с тем, воскреснет ли он, ждет ли он воскресения, он просто на время утешается общением с высшими небесными сущностями, подобными музыке сфер, о которых говорю я, пьянеющий при звуках музыки. Но мы говорим пока языком, описывающим награды, радости и наслаждения, испытываемые нами в тех или иных обстоятельствах. На этом языке мы не различим посещение ресторана, стадиона, карнавала, храма и филармонии. Лучше сосредоточиться на двух подобных ипостасях духовного общения: классическая культура (происходящая из эллинской, почему она и называется классической), и вера в Бога. Жизнь внутри Культуры, с нею и для нее – и жизнь в церкви, в Боге, с Богом и для Бога.

Жизнь в пространстве культуры не противостоит жизни мирской, жизни личности, с ее собственными целями и задачами, побуждениями, с ее собственным содержанием, не противостоит жизни народной; а жизнь религиозная требует от человека отделения от мирской жизни. Но, правда, так называемый религиозный человек (например, христианин), живет почти тою же жизнью,

что и я, то есть и в мире и в культуре, и религия для него – некое дополнение к культуре, он ведь не уходит в монастырь и не отвергает театр, книги, филармонию, но как другие собирают марки, так он ходит в церковь. Тогда что нас разделяет и о чем мы спорим? А спорим мы о том, что разделяет двух человек, когда идет война, и один уходит воевать (хотя, быть может, берет с собой томик стихов Есенина или скрипку), а другой воевать не уходит. Один подвергает себя риску смерти, а другой спасается в церкви.

Спорим мы о смысле жизни, а не о кратковременных ощущениях радости или наслаждения, и спорим о содержании жизни. Есть два противостоящих и разделенных между собой мировоззрения: одно отношение к миру, один взгляд на мир определяется тем, что человек высшей ценностью бытия и важнейшим критерием добра, красоты, правды, справедливости считает Бога, другое отношение к миру обусловлено ценностью самого мира, ценностью каждой отдельной человеческой жизни – опираясь на идею Протагора, считаем ли мы, что *человек – мера всех вещей*, или *мера всех вещей* – независимая от человека сущность, стоящая над ним как господин стоит над рабом? Мир, в котором мы живем, Антропоцентричен или Теоцентричен? В первом случае высшие ценности и смысл жизни сосредоточены в человеке, семье, народе, любви, культуре, труде, долге перед человеком и народом, даже и перед миром в целом; во втором случае «из праха мы и во прах обратимся», и прекрасные творения Фидия на улицах Афин – это идола (глазами пустынножителя апостола Павла, да и самого Христа), и даже самая очаровательная женщина – падшее создание и вместилище порока.

«Да мы ведь так не думаем!» – вскричат мне современные христиане – только потому, что они уже отреклись от христианства, оно для них – род развлечения – но такой же род развлечения для них и собственный народ и культура и семья. Россия и русский народ в опасности, **идет война** – пусть за русские ценности воюют другие, у нас свои ценности, более высокие, гордо заявляют они. Но готовы ли они в случае необходимости жертвовать жизнью за христианские ценности? Правда, есть худшие, те, кто ведет войну против **народа**, против личности и гуманизма, кто **народное начало** дискредитирует, пытается опорочить, унижить, смешать с нацизмом, расизмом, проповедью превосходства. Верьте в своих богов, отвечаю я им, поклоняйтесь им, я их у вас не отнимаю, но не ваши боги полили эту землю своею кровью, а наши отцы и деды, и поэтому не презирайте и не предавайте поруганию все то, что выросло на этой земле, выросло из плоти и определяется чувствами и идеями, заложеными в основании живого, что природно по корням, но трансцендентно по цветам и плодам, что физика и биология по природным притяжениям, и метафизика в пространстве культуры. Спор наш пора закончить. Мы **язычники**, ибо исходим из *народа и языка*. Мы **почвенники**, мы сберегаем и ценим **природу**, но направление нашего развития определяется *энтелехией и телеологией* и той божественной силой, которая проникает и наполняет духом весь Космос. В нас нет неприязни, только грусть, ибо мы видим нашу задачу в **преображении Русской земли** и готовы подать руку помощи каждому, кто любит Россию. *Ваш бог – отделенная от мира частность, наш Бог – созидательная сила, наполняющая мир.*

5 октября 22. Последние строки – как последние фразы на Суде, перед тем как меня посадят в тюрьму. *Я – военнопленный в оккупированной стране.* Кто же нас оккупировал и взял меня в плен?

Итак, есть среда, озеро, в котором мы с женой, как две рыбины, обитаем, и ближняя заводь, и «зеркало вод»...

Существует **Россия**, которую я ощущаю и воспринимаю как *Родину*, без которой мне жизнь не мила, это **страна** вместе со своей природой, историей, памятью и традициями, культурой и народом. Существует **Народ России**, не только те в него входят, кто сознает себя русским, но и те, кто называет себя советским, или принадлежит к одному из народов, издревле или вновь населяющих Россию, немец, поляк, татарин или еврей – но родны мне те, для кого *страна Россия – высшая ценность*, как и для меня. По ощущению связанности с Россией и русским народом я называю себя *народником* (или националистом), но кто любит Россию, будь он поляк или еврей, мне ближе, чем русский, который к России равнодушен.

Иные считают себя *патриотами*, обычно это те, кто отрекся от русскости и по духу отнес себя к «советскому народу». О гражданах мира или космополитах или живущих на Западе и приросших к Западу, говорить не буду, что им наша (моя) Россия, что мне их Запад (хотя, возможно, я гораздо более их умею любить, и Запад, быть может, мне дороже, чем им, отщепившимся от родины, но не дороже России).

Есть еще **Государство**, это чужой мужик, злой и злобный отчим, вломившийся в мой дом и захвативший его, и иногда бегающий с топором или ружьем и убивающий неугодных ему домочадцев, он прикормил к себе шваль (*государственников*) и позволяет и ей грабить нас, исконно живущих в нашем материнском доме. Русские, и те, кому по духу мы близки, для кого Россия тоже родина, хотя бы они были от другого отца (мать наша погуливала?) – это мои братья, а отчима надо выгнать из дому, судить и сослать, или пусть посидит в Психушке и образумится, может быть пригодится по хозяйству, но только уже без волчьих кликов.

Окупанты выпили мою сибирскую нефть (нашу кровь), продали полезные ископаемые, особенно золото и алмазы, вырубili кедровые леса, другие ценные породы леса, превратили дом наш в Хлев, засыпали его мусором и всяческими отходами, страна наша уже провоняла. Не одна шваль у них на службе, но и банды самозванцев и банды бояр-предателей, как и в Смутное время.

«Человек без своего народа также не полон, как и народ без каждого отдельного своего человека» – говорится в статье о «русском национализме».

Но помимо *политических направлений* (народники-националисты, патриоты, государственники, космополиты и те, кто отрицает важность и необходимость национального самоопределения личности) народ делится на слои, профессиональные и другие группы и части, либо близкие народникам, либо служащие окупантам, и я этих называю предателями Родины. А мы, которых государство преследует – это русские по крови или по духу (рожденные в другом этносе, но связавшие судьбу с русскими). Мы – Общерусский народ или Русские в широком смысле слова

Несомненно, что **Россия сегодня больна - тиранией, беспамятством, отсутствием свободы и предпринимчивости, нищетой, вырождением народа, гибелью Природы и Культуры.**

России необходимо выздороветь, для этого надо изгнать Самозванца с трона, освободить от него и от его клеветников Кремль, освободить Москву и Россию от предателей Родины, вернуть ими награбленные и вывезенные за рубеж богатства в Россию, и найти формы сотрудничества с исконными (может быть, по недоразумению) противниками. Где наши **Минин и Пожарский?** Опасна

зловредная клевета на действительность, будто есть чужие бандиты и есть **наши** бандиты, и это будто они наши спасители. Это дьявольские измышления. **Вор остается вором и он должен сидеть в тюрьме!!!** К тому же нет никаких зловредных западников и либералов, как нет и родных славянофилов, это ветхие мифы, такие же как *православие* и *самодержавие*. Кого поддержала постсоветская православная церковь? Сначала авторитарное правительство с либеральной риторикой (но за щедрые пожертвования из казны), потом псевдонародную тоталитарную диктатуру. (И даже бургундцу не отрубили голову).

Россия больна падением культуры, образования и просвещения, моитоварищи, восплававшие любовью к Ивану Грозному и Сталину и ненавистью декабристам, руководителям Белого движения, эмигрантским поэтам и к идеологам духовной и политической свободы кроме *«рабы, повинуйтесь господам своим!»* – принесут хворост на тот огонь, в котором Российская оккупационная власть сожжет оппозицию осатаневшей власти, а народ будет рукоплескать или безмолствовать. В нашей казарме вот уже сто лет народ и партия едины, и народ отдает 101 процент голосов за своих правителей, но умного в этом государстве я не видел ни одного. Были ли умными Молотов (по кличке **«Каменная задница»**), Маленков и Каганович и *примкнувший* к ним Шепилов, Брежнев, Суслов, Черненко и прочие, включая «Наш дом Россия», «Сталин имя Россия» и «единороссы»? Не говоря уж о пропагандонах из Телеящика...

Как ни удивительно, но есть умные и в нашем народе – но не среди *нищих* духом. Но одни уже в карцере, а другие там скоро будут. Впрочем, не надо бояться. Когда мы перестанем бояться, тогда и раздастся Гром Небесный, и Наш Бог придет нам на помощь. *Ибо если* Россию у нас уже отобрали, то с чужими богами нам все равно не ужиться. Если я не могу найти общего (русского) языка с моим народом, значит я недостойн даже разговора, значит мое место предопределено на обочине Истории. Так же и Толстого, разразившегося громами в адрес того государства, которое было в сравнении с нынешним Образцом добродетели

Увы, но мы, жалкая интеллигентская оппозиция уверенной в себе власти, уютной народу – не достойны власти именно потому, что мы **НЕ НАШЛИ ни определенных важнейших понятий, ни источника Сил.**

На коленях не получают Знания и Просветления, тем паче Могушества.

Именно потому мы их и не сможем получить, потому что мы еще не научились разговаривать стоя, ни с народом, ни с теми, кто правит от его имени.

А так как за нами нет НИЧЕГО, и Россия давно *«за шеломяном еси»*, то настала ужасаемая благоразумная пора закончить мой Роман с философией.

Я осознал мое бессилие. Я знаю, что Бог не с нами. **Энергия моего несогласия уже израсходована – на литературный протест.** Со мною, увы, нет никого. За мною, увы, нет никого тоже. Если вам не жалко места на табуретке, можете меня вести туда сразу, не тратя времени на доказательства ...

В 1994 году я выпивал на улице Федорова прямо за столами, расставленными вдоль улицы, с офицерами Генерального штаба, им не выдали зарплату, и они вышли *бунтовать*, то есть *выпить*. Выпив, они закричали: *Василий Иванович, веди нас! Мы согласны!* Увы, есть что-то женское в этом народе... как и во мне... Должен придти кто-то другой... *или другая...* которым я недостойн развязывать шнурки на ботинках. Но *она будет знать*, Русская Жанна, *кто виноват и что делать*. Может быть, даже не касаясь земли и не говоря ни слова, она пойдет впереди нас. И мы, не спрашивая, пойдем за нею...

КНИГА ПЯТАЯ

ОКСЮМОРОН

Оксю́ морон (др.-греч. ὀξύμωρον, от ὀξύς «острый» + μωρός «глупый») – образное сочетание противоречащих друг другу понятий; остроумное сопоставление противоречивых понятий, парадокс; стилистическая фигура или стилистическая ошибка – сочетание слов с противоположным значением (то есть **сочетание несочетаемого**).

С психологической точки зрения оксюморон представляет собой способ разрешения необъяснимой ситуации. В случае ненамеренного использования оксюморон является стилистической ошибкой. Языковой базой для построения оксюморона служит антонимия (*антиномия*).

Оксюморон нередко используется в названиях литературных произведений («Живой труп», «Мёртвые души», «Конец Вечности», «Оптимистическая трагедия»), фильмов («С широко закрытыми глазами», «Правдивая ложь»,

«Плохой хороший человек», «Взрослые дети») и прочее: Страшно красивый; Веселый пессимист; Радостная печаль; Жестокая доброта; Оглушительное молчание; Красноречивое молчание; Живые мертвецы; Грустная улыбка; Безмолвный крик.

Оксюмороны вошли и в литературу и в разговорный язык почти наравне с *остроумными выражениями* (которых, правда, гораздо больше), но самое удивительное состоит в том, что хотя нам кажется, что сочетание двух противоположных по смыслу слов или выражений и может подчеркнуть какую-либо особенность действительности, нечто такое, что относится к ее *исключениям*, однако серьезное исследование мира состоит в прямом философском анализе или синтезе его явлений, а не в каламбурах или в *остро глупых сравнениях* – но после более чем шести десятилетий размышлений о том, почему привлекательны христианство и социализм, и почему не удается переубедить их сторонников с помощью споров и книг, а только драма жизни, только жизненная катастрофа человека, революция или война, переворачивающие, взрывающие конструкцию действительности и тем самым разрушающие логику их представления, объяснения и понимания, изменяют отношение личности и общества к религии, идеологии, социально-государственным отношениям, я сам понял, как плодотворен оксюморон для философского осмысления мира.

Основные источники моих рассуждений: философы и книги

Логика. При определении предметов и понятий мы говорим так: «Прямоугольный треугольник – *это треугольник, у которого один угол прямой*». Это определение понятно и никто с ним не спорит, будем и далее так же...

Так как народ состоит из людей, а люди рождаются при существовании пар – соединений мужчин и женщин, то *народ – не множество индивидуумов, а порождён парами мужчина – женщина – т.е. семьями, порожденными половым инстинктом.*

Но при рождении детей появляются объединения и за счет другого инстинкта: **родственного притяжения** (*материнский инстинкт и инстинкт родства*) – мать и отец и их дети, сыновья и дочери и их родители. Полная семья – **это структурное объединение людей, связанных и половым инстинктом и родством** (то есть двумя противоположными, оксюморонными типами связей, двумя природными не подобными инстинктами). Хозяйственная деятельность, необходимость взаимопомощи и защиты соединяет семьи в родственные группы – **сословия**, которые при этом стремятся к сотрудничеству: воины, торговцы, крестьяне. **Народ – это структурное объединение сословий** (объединяющих семьи). Взаимосвязи сословий, семей и отдельных индивидуумов чувственно и природно напоминают *Реку, соединяющую в целое ключи, истоки и притоки*. Но более важным способом связи оказывается Язык как форма существования сознания, который вырастает подобно самой природе и Логике – но логично алогичен (логичен в основном построении фразы, алогичен в дополнительных средствах объяснения смысла, в метафорах, аллюзиях и пр.) Я предполагаю, что **не только сознание спонтанно** (согласно Налимову), **но и Бытие**. И это основная Аксиома жизни.

Василий Васильевич Налимов, **мистический анархист**, родился в 1910 году в Москве, много раз арестовывался и сидел в тюрьмах и лагерях, где сблизился с духовно притягивающими его людьми. Книги его начали печатать – при противодействии всех существующих издательств (промыслом Божьим?) в последние годы его жизни. Умер на свободе в 1997 году.

Основные труды: **Спонтанность сознания; В поисках иных смыслов.**

Кант был библиотекарем, логична и его **Критика чистого разума**. Его нападки на Ложь и предложение говорить всегда правду (даже разбойникам) – смехотворны – но личность философа и поэта если не тождественна его поэзии и философии, то подобна. И не случайно так строится текст моей книги, как выстраиваются события жизни, то есть **не логично и не предсказуемо**.

Пять лет назад я был в гостях в глухом углу Новгородской области, хозяева уехали на лодке через озеро в гости, оставив записку с указанием, как туда добраться в обход по дороге, и я отправился за ними, вброд перебрался через протоку и поднялся на гору, на которой стояла изба, дверь была открыта, на столе стоял компьютер, на нем книга Налимова, которую я выпросил на одну ночь. Позже я купил его «Спонтанность сознания», но потерял, а неделю назад снова нашел – что она мне снова явилась – не случайно – как и всё остальное в моей жизни. Так что это не я пишу на страницах моей Книги, а пишет Жизнь, протискивая меня в свои объятия...

ДРУГАЯ ЛОГИКА. Оксюморон. Классическая логика описывается схемой: из **А** следует **В**. Доказательство математических теорем подчиняется аналогичной схеме: если при справедливости **А** верно либо **С**, либо **Д**, но при справедливости **Д** не справедливо **А**, то верно **С**. Пуанкаре оценил это как тавтологию. Но *жизнь организована так, что хотя прошлое формирует будущее, но будущее изменяет прошлое (и уже не вытекает из прошлого).*

(1). Мы видим мир как последовательность событий в цепочке причин и следствий, *причины А порождают следствия В*, все происходит от **А** к **В**.

(2). Но для **иных событий причинами являются не причины, а цели** (следствие **В** является целью, а потому и причиной). (*Аристотель, Телеология, или основная Аксиома изменения Бытия*).

(3). Некоторые события таковы, что мы не можем установить их причины, тогда они либо **случайны**; либо это *беспричинные* события, которые следует выделять в разряд **чудес**.

(4). Иногда само течение времени может являться причиной некоторых изменений, для которых нет отдельных причин (то есть был бы повод, а причина найдется). Поэтому **женщина и ищет повод, а мужчина причину**.

Структура такой ЛОГИКИ является Оксюмороном. И это основная Логика не предсказуемой Жизни.

События в мире **взаимозависимы**, подобная же связь соединяет понятия в Логике. Но **Мир и логичен, и не логичен, и алогичен**, и все же он доступен объяснению и пониманию, но самая близкая к нему структура Бытия – это **ЯЗЫК**. По той же схеме, по которой произошел и растет **Язык**, растет и **Древо Жизни**. (Конечно, наука основана на логике, но научное понимание жизни ее не исчерпывает, не случайно мы противопоставляем пониманию **Постижение**).

ПРОСТАЯ СХЕМА БЫТИЯ

Представим себе *мир в целом* как сцену, на которой появляются люди и собаки и происходят события... Вращение Земли вокруг своей оси и планет вокруг солнца совершаются не по нашей воле, погода меняется сама по себе, но то, что происходит с нами, отчасти зависит от нас, отчасти не зависит.

Некоторые события происходят потому, что по совокупности причин **А** возникают условия, при которых происходит событие **В** (**В** является следствием **А**) – например, сильный ветер сломал дерево...

Большинство событий в жизни семьи – происходят по воле членов семьи, например, муж и жена уезжают в деревню, ...

Анализ происходящих событий показывает, что если смотреть на Сцену как на звездное небо, рассматривая **мир как целое**, то мы не увидим важных цепочек связей между предметами и явлениями. Когда **ВСЁ** связано со всем, то ничто не связано существенно, необходимо выделять в бытии группы, течения, силы: в народе – сословия и личности, центры сил и влияний, в обществе – коммуникативные связи, то есть Культуру и Язык, причем **Язык** оказывается источником развития культуры и народа как культурного организма. **Структурные сущностные, логические, нравственные и эстетические связи в языке и затем в литературе выявляют содержание жизни более самой жизни, и изменение порядка слов изменяет жизнь, а запятая ее спасает.**

Народ как этнос, как структурированное множество (объединение сословий) и Народ как язык.

Бывший учитель, бывший математик, отчасти поэт, самонадеянный философ – я зашел в тупик. С народом, из которого я и сам родом, никак не могу найти общего языка (хотя говорим мына одним языке), и запутался в вопросах, на которые ишу ответы.

Логика, оказывается, противоречива, и понятия противоречивы сами в себе. Слова и логика таковы (а с ними и все в мире), что *нет ничего абсолютно отъединенного*. Есть функции непрерывные, но есть такие, что разрывны в каждой точке, и как же через такие точки возможно движение? И Бог – по понятию своему он не может быть в чем-то ограничен, а значит должен быть всемогущим – *не может создать камень, который не сможет поднять!* И Бог оказывается НЕ всемогущ...

Человек, Семья, Народ. Представляя человека-личность в виде элемента-атома, и составляя из таких одинаковых элементов «Множество»-Личность Народа, в котором отдельные атомы теряют свою самобытность, мы оказываемся в тупике: индивидуальное единичное должно в народе пропадать, растворяться, чтобы народ не распадался на элементы-индивидуальности, и в таком случае народ становится безличен, *в нем нет не только «слишком человеческого» (Фр. Ницше), но и просто человеческого* – с другой стороны, сохраняя многообразие исходных элементов, народ не приобретает *единства*.

Спасает положение *представление о народе как о соединении сословий*, каждое из которых уже является своего рода одномерным народом, причем *сословие – структурированное множество*, состоящее из семей, которые составляют роды, *связанные социальным положением*.

Однако народ – это только динамическое многообразие... Рассмотрим какое-либо природное единство, имеющее черты народа.

Представим себе куст смородины, в котором отдельные ветви могут прикрепляться к земле, образуя корешки и пуская в ней новые побеги – так взрослые дети, еще остающиеся в семье, женятся и выходят замуж. При этом новые побеги образуются и в корневой системе куста (возможно, это внебрачные связи). Соединение таких обширных отдельных смородиновых кустов образует гряду или клумбу, множество их – смородинный сад или «смородинник», соседний – «малинник», «крыжовник» (французы и немцы). Итак, я шел по туннелю в течение 65 лет, наконец впереди забрезжил свет.

Все, что я писал о народе, в значительной степени ахинея, **народ** – это этнос, **природное биологическое и социальное единство** (в полном согласии с теорией замечательного ученого Валерия Соловья) – такое единство, которое не полностью теряет черты множества и не становится только единством – но это *множество-единство*, соединяющее сословия, затем роды и семьи (и лишь в незначительной степени в нем чувствуются не до конца растворенные личности). **Народ как множество людей**, соединенных языком и так далее.. – не существует! (евреи не соединены языком, и цыгане, и многие другие народы... евреи не соединены даже религией, как, впрочем, и русские).

Народ как ЯЗЫК. Народ – не множество и сословий, это такое соединение отдельных атомов, в котором они теряют свою атомную независи-

мость. (но напоминаю, помимо сословий в некоторой степени в народе соединяются и роды, и семьи, и отдельные личности и другие народы. Вода в тасканном ручье, чистая и прозрачная, вкусная и целебная, имеет сложное строение, в ней кроме солей и растворенных молекул газов есть молекулы почти всех веществ, присутствующих на Земле, и чистейшая родниковая вода – это не дистиллированная вода, которая является

ядовитой. В состав русского народа – именно русского, а не российского, входят даже отдельные группы инородцев, я думаю, что часть евреев, цыган и угро-финских народностей – это тоже русские... Но то же и во Франции, что не отменяет понятие о народе как единстве, а не множественности. Вот это слитное взаимодействие взаимоисключающих черт, свойств и признаков природных и социальных явлений называется **оксюморон**.

И вот мое основное открытие о строении мироздания: **Мироздание** (как мир, как статическое *существующее*, и так же **Бытие** как динамическое явление, то есть как *протекающее*) – это **Оксюморон**. (Так жесткий кирпичный дом, в котором кирпичи скреплены цементом – это не жесткая конструкция, а подвижная, так что верхний этаж высотного дома описывает вращательные движения, отклоняясь от своей оси почти на три метра). И вольный **Язык** и логичная **Логика** развиваются и применяются по тому же принципу, по которому формируется оксюморон, в них все и соответственно друг другу и противоречиво, как и народ, строение которого подобно строению языка.

Слова не хранятся в словаре, а живут и изменяются (то есть меняют иногда свой смысл при изменении исторических эпох), порождая новые понятия и новые смыслы. Вот, например слово **термин** - terminus – у древних римлян божество границ, под покровительством которого состояли пограничные камни и столбы, считавшиеся священными, часто изображался как бюст на пограничном камне; межевой столбик на огороде.

Заглянул в википедию, там сказано, что *«в настоящее время нет единого определения этого слова, отражающего его суть»*.. рядом кто-то умный: *«это от бестолковости терминологов, они только вносят путаницу»* – слово или сочетание слов, обозначающее специальное понятие, употребляемое в культуре – я бы сказал так: *«термин» – это, в переводе на латинский язык, русское слово «понятие»* – хотя в действительности оно является поздним эквивалентом латинского слова.

Исторические изменения Языка и Народа так подобны, что я бы сказал, что народ – плоть языка, если бы не было народов, не связанных одним языком, и если бы у Языка не было еще подобия в Обществе и Личности. Народ – это племя, народившееся в родственных семьях, язык – словесный дух племени. Так называемая женская логика – это и есть Логика и Дух мира, мужская логика – бессильная попытка превратить мир в казарму. Вот почему так трудно найти понимание между людьми, их представления о мире состоят из множества взаимоисключающих положений, и, как и *христианское учение и социализм – оксюмороны!*

СТРОЕНИЕ ЯЗЫКА, ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И БЫТИЕ МИРА – подобны так же, как подобно сознание человека и его поступки

Великая Французская революция, начинающаяся мирно и повлекшая за собою неожиданно потоки крови; Первая Мировая война, начинающаяся молебном и пением гимна «Боже, царя храни» и кончившаяся крушением двухтысячелетних государственных форм и религиозных верований, крушением Российской и Австро-Венгерской империй; Вторая Мировая война, начинающаяся под знаком превосходства немецкой нации над всемирным умом человечества, а закончившаяся крушением Тысячелетнего Рейха, Британской империи и в конечном счете способствовавшая расцвету Советской империи; Холодная война, приведшая к крушению мировой Коммунистической системы – все они были связаны с переворотом в мышлении, который происходил вовсе не под знаком Академического спора философских систем и воззрений. Приведу несколько примеров, показывающих, как встроено в логику Бытия и мышления *оксюморон*.

Это я увидел неожиданно, понял и осязал плотью сознания, хотя казалось бы, ничего нового мне не открылось.

Перечитывая тысячу раз Новый Завет, я думал сначала, что его выражения глубокомысленны, потом – что они двусмысленны, бесконечносмысленны, построены в рамках логики таким образом, что постоянно поворачиваются к уму то одной то другой стороной, высказывают из рук – но долго я не хотел согласиться, что многие из них прямолинейны, но встроены в систему размышлений, в которой им противостоят подобные же выражения, и все наши возражения христианскому мировоззрению оказываются скользящими по краю.

Что значит «*Вначале было слово, и слово было у Бога и Бог был слово!*»?

Буквально по гречески это значило, что мир и начинался с Логоса – Закона, и сам Бог является таким Законом (не буду это комментировать) – но какое отношение это имеет к основной христианской идее о *спасении мира через принесение Бога в жертву* – не известно кому?

Что значит «*А я говорю: возлюбите врагов своих!*»? В романе Достоевского глава «Легенда о Великом инквизиторе» скорее осмеивает эту заповедь, сталкивая вместе Спасителя, Инквизитора и безбожника Ивана Карамазова (художественными средствами делая его ироническим арбитром в споре Христа и инквизитора) – но оксюморонная сущность и этой и некоторых других заповедей (в спор не вступающих, но подразумеваемых) не позволяет читателю встать на какую бы то ни было сторону – так же как исторически невозможно было оспаривать заповедь «*Не убий!*» (присутствующую и в этом споре), блистательно возвышающую христиан и блистательно позволяющую им убивать своих противников без зазрения совести. Таковы и все остальные тексты Нового Завета и всей новозаветной литературы, ВСЕ их положительные утверждения содержат внутреннее взаимоотрицание, ни одно неопровержимо в этом смысле, ибо оно всегда только половина всего, но ничто не действенно.

Учение Маркса и Ленина о социализме – лишь **инверсия** христианства, но ОКСЮМОРОН в этом учении является содержанием и формой всего учения. **«Весь мир насилия мы разрушим!»** (не отвергнем насилие, а изнасилуем его). **«Кто был никем, тот станет всем!»** (в прежнем порядке меняются местами...) **«Диктатура пролетариата – высшая форма народовластия!»** В «теории Прибавочной стоимости» Маркс доказывает, что эту стоимость *создают рабочие, а отбирает ее у них капитал* (вроде разбойника на дороге) – не рассматривая ни организации труда, ни его производительности и ее причин, ни совокупного взаимодействия производств, товаров и капиталов – если кто в состоянии этот Труд прочитать, увидит, что и вся марксистская литература – удивительный Оксюморон (как и христианская). И, наконец, апофеозом марксизма является самое важное положение его, обосновывающее теорию: **основным противоречием истории является общественный характер труда и частный характер присвоения результатов труда.** (Смех сквозь слезы – оксюморон). Многие в марксизме и в христианстве совпадают... Даже то, что Бог создал человека по образу и подобию своему, а человек отомстил ему тем же. Но несколько мелких замечаний о марксизме и христианстве я привел лишь чтобы побудить читателя задуматься о самом существенном – **ЛОГИКА сознания и бытия, как и ЯЗЫК человека, построены как ОКСЮМОРОН** – трагедия же (или это счастье?) состоит в том, что в форме оксюморона построена вся жизнь человека, сам человек, отношения души и тела, отношения народа и личности, общества и государства, отношения Бога и человека... То, что показалось Гегелю **диалектикой** (единством противоположностей) и стало у марксистов **софистикой**, не что иное как противостояние высокого и низкого, как народное (или только мужское?) сочувствие жестокости и злу, тяготение к тирании и выбору между правдой и силой в пользу силы...

Вместо заключения. Пока я сидел в психушках и тюрьмах, многому научился, познакомился к тому же с замечательными людьми. На Десятом Отделении, где меня спасали, где так лестно обо мне написали в экспертных характеристиках, и в экспертной Психушке на Обводном канале, где мне выдали справку о Психической Нормальности, я узнал самое важное (что как раз сегодня и начало прорастать). И Язык и Логика (и само сознание) – и само Бытие построены совсем не так логично, как думает большинство: *Предположение, Положение, Следствие, Заключение* – а так, как построен Язык, содержащий немало Тропов, то есть «фигур речи», аллюзий, метафор, каламбуров, **оксюморонов**, особенно язык поэзии. Психиатры (Десятого Отделения) мне объяснили главное: *безупречно логически мыслящий человек безусловно психически болен*, ненормален, а «здро-во-мыслящие» люди, с упрощенным, прямолинейным и бедным строем и содержанием речи – в большинстве «одномерны». (Не так просты и психиатры, как я думал!) Таковы прежде всего советские и постсоветские люди, «опущенные» тоталитарной властью. Проблема создания искусственного интеллекта именно в этом и состоит: Робот будет мыслить логично – прибегая, может

быть, к подобиям неправильностей, чтобы нас обмануть, - но никогда не скажет (притом случайно, как «Рыжая Мери» - Анна Бартова): «солнце кланялось закату» – вместо «клонилось к закату». Психиатры-эксперты Случевский, генерал Тимофеев и Маргарита Дмитриевна не случайно меня спасали, но: один внук знаменитого поэта, другой известный коллекционер, а третья в Психушке создала Театр. *Во мне они признали своего*. Странно, что и начальник Следственного отдела и Начальник тюрьмы и красавица-прокурорша тоже признали во мне *своего* и защищали от излишних террористических нападков государственной власти.

Народ русский дурной, и ничего с этим не поделаешь, племянница мне и заявляет: если вы из нас сделаете *«таких как надо»* вместо обалдуев, идиотов, воров и казнокрадов, диктаторов и доносчиков, то вы больше не напишете ни одной книги! Я ей возражаю, что воров мы будем сажать в тюрьму согласно Уголовному кодексу, а Диктаторам («бургундцам») отрубим голову согласно новой Конституции, надо ведь хоть на исходе лет и нам, поэтам, философам и просто *мыслящим* (то есть *существующим*, остальные, не мыслящие, только химеры!) пожить по человечески!!? (не знаю, надо ли? – ответила мне племянница...)

Но это не всё. Так как я человек не одномерный, и так как биологов и социологов **мне не удастся** убедить в том, что эволюция и прогресс существуют не по Дарвину и Марксу, и человек если и подобен отчасти «Творцу всея», но не согласно «евангелиям» от Апостолов или ученых Богословов, но скорее согласно тропам и метафорам выдающихся поэтов, - то *не слишком ли я не одномерный?* Даже в последние месяцы, находясь в тоске и кручине, постоянно проклиная свой народ, я встречаю прекрасных людей, многие любят царя, *многие оправдывают зло и несправедливость* (с чем я никак не могу согласиться) – но они сами не идиоты и не негодяи, а умные и красивые, но осуждают Софью Перовскую и не восхищаются декабристами... Так не надо было отпускать крестьян на волю? – спрашиваю я их. Не надо было в 53-м году отпускать заключенных и прекращать Террор, дивившийся 35 лет? Не надо впадать в истерику, отвечают они, и думать, что все вокруг негодяи! Научись писать, как Лев Толстой, и поучай, как он (хотя и у него ничего не получилось, и он *впал в истерику, уйдя из Ясной Поляны!*).

Ну, что ж, если эту книгу будут читать хотя бы немногие и возразят мне по существу, я ее отчасти исправлю, и **с народом**, который, оказывается, мне все еще дорог, я **помирюсь!**

Почему Жанна не взяла Париж? Я начинаю смутно догадываться, что так ей *посоветовали* свыше...

Если русская историческая, общественная и культурная жизнь триста лет вырабатывала понятие личности, которого до 19-го столетия не было (но не было и личностей), то и Париж брать было рано, еще не все костры отгорели и не все святые героини сгорели на этих кострах! Тем более бесполезна была бы и Великая французская революция: Революции не производят личностей. Они воздвигают гильотину или костер и отрубают головы либо Бургундцам либо Героям:

КУЛЬТУРА как производитель смысла, а, следовательно, существования*17 сентября 22. Суббота. Впереди ночь, в которую все решится...*

Бог не оставил меня, но Он и не был со мною

Середина сентября.

Середина смутной ночи.

Пить устал. И спать нет мочи.

Жизнь сгорела, не горя.

Боль и страх упорно точат,

Сны теперь одно пророчат:

Зря живешь! И ищешь зря! 2008

Проснулся в шесть, и до семи часов перелистывал (как книгу) свою жизнь.

В семь лет чудным мартовским днем я вдруг научился читать и складывать числа, прочитал букварь, перелистал Родную Речь и Арифметику. Весь курс науки первого класса влез в три часа, я взял газету «Правда» и внятно без запинки вслух прочитал текст передовицы. Через несколько дней поздно вечером или ночью ко мне явился Ангел и сказал, что мне суждено спасти русский народ (в чем сегодня я уже разуверился), и скоро обо мне слух прошел – не по всей Руси великой, но по деревне. По крайней мере часть деревни в это поверила и остались верующие до сих пор.

К тому же, я начал сочинять стихи, подражая Пушкину.

Федя Курдюк заявил, что его Петя так тоже может, и было устроено состязание, сначала читал я, похлопали, потом звонко выкрикивал Петя, стихи его оказались лучше моих. Но я не сдался, не заплакал, подошел к стене, снял календарь, нашел нужную страницу и пустил календарь по кругу, там было напечатано именно это стихотворение, за подписью Пушкина. Петя заплакал. Федя тоже затаил обиду и через несколько лет, когда умер царь и наступил разброд, бежал из деревни за 12 километров, построив там дом. Позже там образовался Леспромхозовский хутор, и теперь на карте есть заимка «Курдюки» – если поделить русский народ надвое – но он в действительности делится даже натрое: **умники**, к которым принадлежу **я** со всеми своими родными, **народ**, к которому принадлежит Федя с его заимкой; и *царь со злодеями* (по слову Льва Толстого) – то меня на карте Российской империи нигде не отыщешь, а скоро не отыщешь и Пушкина и Толстого, уже громкие голоса требуют наконец и их, как и меня, выбросить на свалку истории.

Гораздо позже я прочитал Библию, Новый Завет, Евклида, Аристотеля, Розу мира, Капитал и книги главных марксистов. Стихи Пушкина и русских поэтов читаю до сих пор. *«Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я томился, И шестикрылый серафим На перепутье мне явился. Перстами нежными, как сон, Моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы, Как у испуганной орлицы. Моих ушей коснулся он И их наполнил шум и звон...»*

В *пустыне мрачной* время от времени томлюсь я до сих пор, но до сих пор время от времени слышу шум крыльев серафима, и сегодня утром так рано разбудил меня именно Он.

Что происходит вслед за этим? Наступает некое **состояние** (может быть, это *Самадхи*, *Божья благодать*, *Пробуждение*, *состояние* *Прозрения*, которое испытывала Жанна Д'Арк, когда слышала «голоса»?)

У этого стихотворения есть предыстория, есть текст Корана, в котором излагается встреча Пророка с Божьим посланником; но не все воспринимают написанное в священных книгах как должно, поэтому страницы Корана прочитал Пушкин, теперь читаем и мы; но мало кто слышит, о чем писал Пушкин, и пришел Римский-Корсаков, выдающийся композитор, написал музыку для романа; но мало кто слышит симфоническую музыку, поэтому Бог послал России Шалапина, и наконец, голос Серафима стал слышим для *всех* (или хотя бы для избранных).

«Перстами, легкими как сон, Моих зениц коснулся он. Отверзлись вещи зеницы, Как у испуганной орлицы. Моих ушей коснулся он, – И их наполнил шум и звон: И внял я неба содроганье, И горный ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лóзы прозябанье.»

Чтобы понять, о каких *особенных* состояниях я пишу, надо просидеть во Владимирском центре десять лет, как Даниил Андреев, или пережить безумную *любовь с первого взгляда*, или **вдохновение**, когда раскрываются небеса при звуках симфонической музыки, или **религиозное откровение**, которое, возможно, испытал апостол Павел, когда по дороге в Дамаск ему явился Христос... Я испытывал нечто подобное в семь лет, потом в десять, когда умирал от чахотки, потом в двадцать, когда перемешались во мне Фихте, Аристотель, Книги пророков из Ветхого Завета и Новый Завет, Вагнер и Шалапин, Реквием Моцарта и **любовь**, стихи свои и чужие и **пламенная дружба**... дружба по-прежнему мне светит, как и любовь и стихи... и по воспоминанию и ныне. *«Мы куда-то ушли, заблудились и нё с кем... Вот вернемся домой, а там ждут и друзья и родные, Петроградская, Крónверк, Растрелли и Невский, Маркиан, Казимир и мосты разводные... / Даже хочется плакать, так све́жи потери, Но "никто не забыт и ничто не забыто", Я открою из прошлого окна и двери, Мы пройдем по ступенькам ушедшего быта. / И, клянусь, зазвучат вновь те чудные звуки, / Разгорятся с зарей восхищенные взгляды. / Словно не было ссор и стирающей прошлое скуки, / И у Летнего сада чужунной ограды...»* Из старших друзей напомним хотя бы три-четыре имени: Юрий Борисович Перепелкин, Т.А.Шумовский, М.А.Гневушев, В.Г.Горбачкий).

Моя племянница говорит, что *простым* людям это и непонятно и чуждо, но когда ей и ее сестренке было 4 и 5 лет, и они бежали с воплями за поездом, который меня от них увозил, они почему-то всё во мне понимали. Настюля тоже рыдала, не умолкая, когда уходила бабушка, и была безутешна, ко мне относилась спокойнее, но нас любит и понимает и ныне. «Простому человеку нужно работать и содержать семью», говорит мне снова племянница, и она права, но за что «простые люди так ненавидят Невольного, я все же не понимаю... И за что вдруг снова стали любить тиранов, и грозного, и великого, и человеческого, и сухорукого – понимаю еще менее. Я читал переписку Грозного с Курбским, перечитайте, нет ничего выдающегося в том, что пишет царь. Курбский взял Казань, а Грозный потерял выход к Балтийскому морю (Копорье и Орешек), проиграл Ливонскую войну и разорил Русь. А как он **истязал** народ лютыми пытками и казнями? Даже Церковь вознесла ему анафему и монархия не поставила памятника...

Поэт! Забудь о суете!
Как забываешь о ничтожном,
Когда крылом неосторожным
Ты прикасаешься к мечте.
Доверься жизни и судьбе,
Не напрягай в полете крылья!
*Что предназначено тебе,
То обретется без усилья!* 1963г.

Хорошо бы так и прожить всю жизнь? или был бы я просто математиком, ведь написал я толстенный Учебник высшей математики и даже Секретарь Комитета по науке и техники Совета федерации пытался его внедрить в наше высшее образование (мы с ним ходили в оно время за клюквой и пили у костра водку, и он мне говорил, что я *«от Бога»* – но русскому народу милее *«самый человечный»*, развязавший Гражданскую войну и устроивший Голод в Поволжье, унесший 13 миллионов человек (комбеды по его приказу выгребли у крестьян посевное зерно)! Даже маршалы Тухачевский и Блюхер – святые на его фоне. (Не говоря уж о том, что философию он понимал еще хуже, чем его *друг* Керенский, но среди социалистов кто дурнее, определить трудно).

Народы созданы по образу и подобию языков, наконец-то постиг я после долгих исканий, и слово *язык* от древности было синонимом слова *«народ»*, и у Пушкина *«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык»*, и язычниками в древности христиане называли приверженцев *народной религии* в отличие от иудеев и христиан. (Так чего же я искал в протяжении 456 страниц?!)

«Но если ты такой умный (и остальные вроде тебя, и Хлебников, и Есенин, и Павел Васильев, и Николай Заболоцкий, и Ольга Берггольц и Марина Цветаева!), **то почему и ты и остальные – такие нищие, бесправные, раздавленные?** А «самый человечный» даже в Кремль из Смольного переехал, и туда же вселил Демьяна Бедного!

Тождество языка и народа, тождество евклидовой и неевклидовой геометрий я разгадал, но на этот вопрос ответить не могу! (Или это потому, что, как однажды по пьянке мне на ухо прошептал сам Творец, что если он сделал бы нас властными, то и мы стали такими же тиграми-людоедами, вепрями или свиньями, как обычно становятся *миропомазанные* или просто *богатые*?)

Владимир Ульянов в молодости тоже сталкивался с препятствиями, и когда следователь ему сказал «Куда вы претесь, молодой человек, ведь перед вами стена», он ответил «Стена – да гнилая! Ткни пальцем – и развалится!» А она и впрямь развалилась – и хотя НЕ большевики ее развалили, но власть свалилось им в руки – возможно потому, что русское государство – от Золотой Орды? (Да и то, что было от Руси – было от варягов, и такое же, как у Батые и Ивана Грозного?) Так вот и Москву сначала сжег Тохтамыш, потом Девлет-Гирей (по сговору с Иваном), потом уже Бонапарт...

Стена и в моей жизни играла важную роль. Весной 1971 года я мыл стену в коридоре 10-го Отделения Тюремной Психбольницы, мимо проходила Маргарита, начальница Отделения, мы еще не были знакомы.

«Ах, так это вы замыслили свергнуть советскую власть?» – спросила она.

– Как видите, вашу стену я отмываю, а не рушу, и смотрите, какая она чистая! Вот так же я надеялся отмыть и стену советской власти, разве на ней нет грязи?!

– Вот как? Приведите его ко мне, нам уже пора познакомиться! – сказала она сопровождавшему ее моему «лечащему врачу», с сыном которого я потом переписывался как домашний учитель и воспитатель.

Как потом оказалось, советская *психиатрия* меня от советской власти спасла (такой солидарности я не нашел ни среди советских философов, ни среди советских литературных критиков, до сих пор промывающих мозги уже пятому поколению народов России – если вчера они со мной боролись под знаменем интернационализма, то сегодня борются под знаменем патриотизма. И я боюсь, что ко мне в квартиру все же скоро ворвутся **нацгвардейцы**, бросят с размаху на каменный пол, а потом поволокут в автозак, а потом воскликнут: «Да не пора ли уже наконец *вырвать его грешный язык*, а по нашему – даже *поганый*! Сколько можно терпеть *иноагента* из Пятой колонны Запада?!»

Если в 70-м году меня посадили как русского националиста, то сегодня повысят в звании до либерала (хотя я не поднимался и до *ефрейтора*).

Народ НЕ состоит из личностей (зря нас в школе мучили «*ролью личности в истории*», пытаясь доказать, что русскую историю сделали Ленин и Сталин), **народ состоит из сословий**, «*групп интересов*», он состоит и из *внутренних полуразмытых народов* (как океан состоит из океанских течений, в частности в нем есть Гольфстрим)...

Но стена сыграла важную роль и в 2004 году, когда я сидел в бывшей женской Тюрьме на ул. Лебедева, и отмыл стену вдоль Пищевблока, которую не смогла отмыть специальная бригада из вольных, нанятая начальником тюрьмы. Узнав о моем подвиге, Начальник пришел с Делегацией ко мне в камеру и торжественно поклялся, что он меня будет беречь как зеницу ока и в обиду не даст и сохранит для свободы. Мы, кажется, с ним даже обнялись.

А в конфликте с охранником, когда тот заявил, что принесет ножницы, чтобы состричь мою бороду, потому что в тюрьме бороду носить не положено, начальник снова пришел ко мне в камеру и торжественно поклялся, что охранник передо мной извиняется, только не может это сделать публично.

Так чего же я хочу от народа, чего от него требую? Хочу, чтобы он полюбил умников? Чтобы он читал книги, ходил на концерты и в музеи? Чтобы он выбирал в вожди лучших? Народ ко мне относится неплохо, но меня в вожди он не изберет никогда. Почему? Этого я не знаю.

Я перед ним не кичусь, не выказываю презрения, не кричу на всех углах, что я читаю книги, что я пишу книги – об этом я кричу в своих книгах, но ведь эти книги я пишу для умников, а не для народа! И именно некий слой умников, живущих в пространстве стереотипов, находится ко мне в оппозиции. Именно этот слой прославляет Маркса и Ленина-Сталина, придерживается «золотой середины», на поэзию, философию и историю смотрит с опаской, и новизны боится больше всего. Ослушаться начальства боится еще больше. Боится свободы. Свободы мнений боится втроене!

Итак, народ – это переплетение корней и побегов, взаимодействие с почвой, водой, воздухом и солнечным теплом и светом, но так как он растет не на воле, а на хозяйском огороде, то его жизнь определяется **государством**, коим является владелец огорода, вольный ломать, стричь, пересаживать, или даже вовсе вырывать с корнем все кусты смородины или малины, и действия его нельзя порицать. Народ можно уподобить крепостным крестьянам, он и сегодня чувствует себя крепостным, и помещики для него – помазанники Божии на земле. Вот почему с народом не найти мне взаимопонимания.

Помещик – всегда прав, без помещика почему-то нельзя или хуже – а когда возникла советская Россия, мы узнали, почему – потому что тот, кто *«из грязи в князи»* – воистину хуже, даже до крайности!

В связи с сегодняшними событиями на Украине разговариваю с обывателями, все оправдывают действия правительства. Оправдал бы и я, ибо я знаю, что колонизация Малороссии и Донбасса шла из южных российских губерний, даже в 58 году, когда я гостил у своего дяди и у своих двоюродных сестры и брата, я увидел, что в Донецке и Луганске большинство населения русское, и корни их в России, а не на Украине – но почему так случилось, что после победы большевиков в 17 году к Украине стали присоединять целыми губерниями, и Харьков, и Юзовку, и Луганск, и Херсон, и Одессу, и так же Казахскую социалистическую республику *создали* в пустынных степях Приуралья и Прикаспия, присоединив к ним земли Уральского и Сибирского казачьих войск, затем за ней узаконили целинные земли (распаханные русскими студентами), на которых когда-то был построен Целиноград – и если немцы с французами воюют за Эльзас и Лотарингию, и мы их понимаем (ибо национальные чувства проявляются в спорах сильнее всего, не зря еще в древнем Риме появились межевые столбы – **термины**, и не зря философия и язык огораживают ими свои **понятия о добре и зле**) – **НО** не вы ли, сегодняшние патриоты (или ваши большевистские прадеды), подарили соседям земли Русских казачьих войск и Крымского ханства? *Не легитимно* изгнание вашим Сталиным крымских татар, но *нелегитимны* и притязания новых имперцев (посеянных на Украине большевиками).

Народ, с которым я не могу найти общего языка (хотя во мне русский язык родился раньше меня), не может объяснить ни одного своего чувства, ни одного убеждения. Только что он сжигал помещичьи усадьбы и рушил старинные храмы – единственные украшения в сельской местности – и 60 лет назад я был единственным в своем студенческом окружении, который о них жалел и лил горькие слезы – и вдруг он как будто крестился заново и откопал зарытые некогда мощи Андрея Первозванного и Иоанна Кронштадтского (хотя до чтения Завета не дошёл, как не читал и Маркса, когда крушил храмы). Что же в России любит этот народ, если любит?

Любит он государство, но это потому, что государство его истязает и мучает. (Так заложники защищают своих террористов.) Без содрогания оглядываться на русскую историю невозможно. Правда, и в Париже били гугенотов, и в Испании Инквизиция сжигала еретиков, и в Германии в 16-м веке в Протестантской революции и в крестьянских восстаниях погибла половина населения – но все же сегодня в Европе человек не бесправен!

А есть ли у нас право обжаловать в Суде действия государства, так чтобы оно понесло заслуженное наказание в случае Вины и исполнило справедливые требования «поданных»? Возможно ли ограничить власть Первого лица? В Европе – да, там власть сменяема по Конституции, в России – нет, здесь власть НЕ сменяема (кроме как Екатериной Великой против неПетра или заговорщиками против Павла.). И как бы монархисты ни ратовали за *право самодержца карать и миловать*, это право пришло к нам не из архаического подсознания, не из нашего «коллективного бессознательного», сомнительно, что оно было у наших предков прежде, чем пришли разбойники и варяги. Ну а **о праве**, когда пришли чекисты, неудобно и заговаривать.

Народ не состоит из атомов, то есть из людей, входящих в народ, *народ состоит* из молекул, коими являются соединения атомов, то есть *из семей, сословий и ремесленных групп* (из ямщиков, коробейников, скоморохов).

Так и вода **не** состоит из атомов водорода и кислорода, объединяясь в молекулу, атомы теряют свои атомные свойства, водород и кислород исчезают, и в воде нет ничего ни от того ни от другого.

Так каковы главные ценности русского человека? – не русский ли **народ**?

Нет. Большинство чувствует себя *советскими* и готово вернуться в Советский Союз и в советский народ. Не *народность* определяет важнейшие ценности личности, даже не язык. Мало кто гордится, что он русский, мало кто гордится, что его родной язык – русский. И пропади народ, обыватель этого не заметит. Но есть еще страна – **Россия**, в которой живут многие народы. Во главе жестокий и властный *отец (государство)*, а Россия – *родина*, то есть *мать*.

Вот такая у нас семья. Мужчины в этой семье подчиняются отцу и любят отца – государственную власть; женщины и дети отчасти любят Россию – родину и страну, а в этой стране есть что любить, и в этой власти есть что ненавидеть, власть истязает жену и детей, богатые проматывают ее наследство, государство ее разорят в войнах и смутах, дети... немногие дети ее подлинно любят и жалеют, как я. Россия славна красивой Природой, которую сообща все разорили, городами, которые по невежеству поломали... В России и находится мой национализм- **народничество, в ней мои Боль и Любовь**.

Значит, я если и *националист*, то какой-то странный... Во-первых, я не столько националист (на западный манер), сколько *народник* в духе исканий 19-го и начала 20-го столетий, в духе Иванова-Разумника, переживающий за народ, сочувствующий его несвободному и бедному состоянию, надеющийся ему помочь и **освободить** от рабства у властных и богатых классов, и от рабской зависимости у государства, **просветить** его и дать ему образование.

Но, с другой стороны, я вижу пороки этого народа и чувствую, что долг всех честных русских людей – учить и воспитывать этот народ, *преобразовать саму жизнь, государство и народ к лучшему* (как мы пропалываем огород от сорняков, рыхлим почву, вносим в нее удобрения).

Я – народник, который видит народные недостатки, обличает их и призывает их исправлять, а не кадить народу фирмам, восторгаясь его несуществующими достоинствами. Правда, *и другие народы таковы, как и русский, мы не лучше других, но и не намного хуже, всех надо просвещать*. Школа Истории всех плохо учила и всех плохо воспитала.

Неверно мнение «простого человека», что наша забота – только о пропитании семьи, а о высоких материях пусть, мол, думают умники. Нет, миссия каждой женщины – родить, пропитать и воспитать ребенка! И эта миссия ничуть не меньше миссии самого Бога по воспитанию человека. *Мать не обязана писать книги и заниматься политической деятельностью, но понятия о добре и зле, красоте и безобразии, правильном и неправильном, понятие о Долге перед собою, перед семьей и окружающими, о Долге перед миром (государством, природой, культурой, страной) в душе своего ребенка обязана взрастить мать. Ее глазами мы и смотрим на мир, учимся на ее достоинствах, но учимся и исправляемся и на ее ошибках и недостатках, и если она нас любит, то ВСЁ её пойдет в дело создания нашей личности. В должном порядке вещей бабушка входит в личность матери как ее часть и непосредственно помогает матери формировать ребенка – но созревает и расцветает он в ее лоне. В благоприятных случаях созиданию помогает и отец, и родные, и вся природа и праведная часть мира. Но есть и неправедная часть, которая подчиняется «Князю мира сего» (как говорят христиане), такая часть есть, но я не согласен с ними, будто это весь мир таков, или большая часть мира. Научившись читать (когда мне было семь лет), я стал читать запоем и прочитал много хороших книг и немало плохих, встречался с многими прекрасными людьми – но что существенно изменилось в моем взгляде и видении мира с тех пор? Толстой думает, что уже к пяти годам в личности формируется 95 процентов того, что в ней остается на всю жизнь – я с ним согласен, только я развивался чуть медленнее чем он, во мне эти 95 процентов сформировались к семи годам. Обидно, конечно, что все мои собственные усилия по воспитанию внука Паши добавляют к нему в лучшем случае треть от половинки процента – но на какую долю процента повлиял я на свой народ, или он хотя бы меня заметил? В юности мое влияние на него было существеннее. Дело в том, что меняются поколения, и та среда, которая меня окружала в юности, была живее современной остывшей материи жизни. Значит, надо ждать «оттепели», возможно, и у меня еще всё впереди!*

Отчаянное. Не хотелось заканчивать в тоске и смуте, но мало оснований для оптимизма. Пастух ведет стадо как будто на водопой, но впереди обрыв.

Есть много оснований думать, что Россию ждут жестокие испытания по вине обывателей, составляющих подавляющее большинство русского народа. Я бы мог сказать, что по примеру Людовика 14-го можно считать за народ разумное меньшинство, а неразумное большинство приравнять к неразумным детям, из которых истории и просвещению еще предстоит созидать народ. Но времени уже нет... Или очень мало. Каждый вправе сказать, что от него ничего не зависит, как это скажу и я – но я хочу спасти Россию, только не знаю как, а «простой народ» в своей «*святой простоте*» (не он ли и носил хворост в костер, сжигающий праведных?) – хотя и не ответствен за гибель России, но непосредственно в ней виновен! Наше поколение тащило Россию в пропасть, следующее поколение ее туда сбрасывает. Возможно, в этом проявляется затаенная ненависть к России разочарованных обывателей. **Я не жажду взойти на Голгофу, но лучше бы уж меня застрелили!**

СЕГОДНЯ. Новая точка отсчета.

1. Сегодня *понедельник, 14 ноября 22 года, 13-40*. Поздняя осень, не только грачи улетели, но и листья на ивах почти все облетели, и за последние полгода уехавших из России на полмиллиона больше, чем вернувшихся назад. Аналогично меньше тех, кто родился, сравнительно с количеством умерших.

Каковы комментарии в интернете?

«Уехал практически весь средний класс, остатки уже на чемоданах. Назад вернутся немногие. Спецы из всех областей науки и техники. Кто не успел, уже на фронте.... Все ресурсы страны кинуты на оборонку, инфляция растет по часам. Каждый день приходят похоронки. *Видимо, цели такие были у всей этой пиздобратии*. Ловко они всю страну под монастырь подвели.»

«А зачем выехавшие нужны своей стране? На пушечное мясо? Так себе перспектива.»

Но некоторые радуются, *ату их!* – кричат. Интересные высказывания поставляет нам история двадцатого столетия, тогда никто не требовал, чтобы те, кто задыхался в родной стране, «валили за рубеж», напротив, миллион человек охранял границу от желающих «свалить», и в каждого, кто к ней приближался с нашей стороны (кроме пограничников), стреляли из всех видов оружия и спускали собак. Правительство спускало по областям разнарядки на количество *расстреляний*, и во многих случаях после торжественно радостных рапортов о том, что план по расстрелам выполнен, звучала слезная просьба увеличить квоту на разрешенные расстрелы. Ходит байка, что якобы Хрущев в своем рвении расстреливать «врагов народа» так перестарался, что якобы Сталин прислал ему окрик «*Уймись, дурак!*» Эту байку безмозглые русские идиоты распространяют для доказательства гуманности советского строя и лично Сталина. Значит, узаконенные планы и цифры расстрелов «ставка верховного командования...», то бишь правительство СССР, спускало областным руководителям, которые планы эти исполняло, а иногда даже перевыполняло, как Хрущев, и Верховный Палач оказывался даже гуманнее своих подручных *людо-секов*, и их за руку даже одергивал, *не весь лес рубите!*

Меня иногда укоряют в том, что я противник свободы мнений и различия во взглядах, дескать, некоторые из нас христиане, другие коммунисты, сталинцы-ленинцы-троцкисты, одни работают, другие по ночам *промышляют (с ножичком или без трусиков)*, существует громадное разнообразие характеров, темпераментов, пристрастий, убеждений и вер, а я их всех обличаю (почти как Ильич)), обзываю убийцами и людоедами, воюю со всеми, кто думает и поступает иначе, чем я, и в своем обличительном рвении ничем не отличаюсь от Гитлера, Сталина, Ленина, Берии, Торквемады (главы инквизиции), что если я свой образ мыслей и чувств, свое отношение к миру, свои представления о нем и представления о том, каков должен быть человек, выставляю в качестве наилучших и должных, а чужие представления всячески поношу, то чем я отличаюсь от тех, кто сто лет в этой стране требовал, чтобы все были как один и «шаг в сторону – конвой стреляет без предупреждения!»?

Да, это верно, я даже *глумлюсь* над священным принципом и требованием человечества (властвующим над умами по крайней мере вот уже пять тысяч лет) чтобы были **все как один!** Я выступаю против основного тезиса Христа «**Кто не со мной, тот против меня**» и так же основного тезиса большевиков «**Кто не с нами, тот против нас!**» (требующих, чтобы все шли в одном строю). Вы можете себе представить даже в гуманнейшем 19-м столетии, чтобы кто-то во всеуслышание заявил, что он не христианин, в церковь не ходит, Христу не верит и царю не поклоняется? Или в двадцатом столетии вышел с плакатом «Я против смертной казни!» или тем более «Я не люблю ... ммм... ну хотя бы Энгельса!»? А могу сегодня или я (или кто-то из вас) пройти по Невскому с плакатом: **Я против войны!**?

2. *Критика христианства* почти невозможна, а критика коммунистического учения затруднена не только потому, что эта критика преследовалась или преследуется, но и из-за враждебности приверженцев этих учений с несогласными – и хотя я не обзываю негодяями тех, кто не любит моего Пушкина или моего Достоевского или моего Толстого или даже моего русского языка, или раздражен словами Тургенева о любви к русскому языку) – но трудно или почти невозможно доказывать порочность многих учений из-за их специфического характера, из-за особенностей их организма, их существенных эмоциональных проповедей. Совсем недавно в ходу у защитников Сталина были выражения «Лес рубят, щепки летят» или «Не ошибается тот, кто не работает!» - словно эти банальности оправдывают вора или убийцу, насильника и растлителя. Не оправдывали же мы так карателей, гестаповцев, нацистов, фашистов?!

Режиссер Бардин в разговоре с Гордеевой говорит: «Сталин – убийца. **И точка!** Какие могут быть НО?» Вот так же очень просто надо взглянуть на тот гигантский слом всей личной и общественной жизни в России, который возглавили большевики. А именно: подавляющая часть всех функционеров, активистов и руководителей большевистской своры были воры, мошенники, бандиты, люди, которые стремились прежде всего к личной выгоде. *Они хотели власти и превосходства, они были дезертирами с фронта, мародерами и предателями родины, они Россию и русских ненавидели, особенно Ленин!*

В их свору хлынули и к ним прибились и ими были завербованы преимущественно лица малодуховные (а то даже **нищие духом**), невежественные или малообразованные, лентяи и лишённые всякого таланта к успешной деятельности. Погнали в Сибирь миллионы работающих крестьян, потому что большевистская коллективизация оказалась менее производительной, чем капиталистическое или даже патриархальное крестьянское производство, марксистская догма о *частном характере присвоения прибавочной стоимости* не выдержала соревнования с «обществом чистогана и прибыли», мир насилия, жестокости, застенка, ненависти к человеку и «массовой жертвенности со стороны народной массы» проиграл человеческому желанию хоть маленького житейского счастья.

В сферу моих интересов входят и художественная литература, искусство и философия, дифференциалы и интегралы, биты и кванты, космос и хаос, любовь и отвращение, я не настаиваю на том, чтобы обыватель шел в филармонию слушать Бетховена и Шостаковича, пусть он смотрит футбольный

матч на стадионе или по телевизору – но школьное образование должно его научить быть человеком, простейшее из того, что должно быть у человека, должно быть у всякого, и у того, кто закусывает килькой в томатном соусе и пьет самогон. Сегодня человек опустился, он стал глупее и пошлее и тусклее даже среднего советского человека, и романтиков социализма и простых обывателей, рвущихся на рыбалку или в поход по русскому приволью. Поговорить не с кем, в бане – тоскливые и молчаливые лица и тела, на заборах интернета – замшелые даже для пятидесятих годов прошлого века обличения «инакомыслия!» Большинство *правильно* мыслящих и высказывающихся *правильно* таковы, что даже пламенные комсомолки постеснялись бы им дать.

3. Что же такое необычное содержится в характере или в структуре, в сущности, в форме этих учений, что словно бы покрывает их броней, делает их неуязвимыми для критики?

Рассмотрим пример простейшего оксюморона, например, пьесу Толстого «Живой труп». Пьеса превосходная, в сравнении с Толстым и евангелисты, авторы книги под названием «Учение о Спасителе», ему не уступают, и если в имени пьесы уже оксюморон, то и в романе о странствиях, учении и муках Иисуса оксюморон присутствует на каждой странице. Иисус, еврей по матери (а национальность у евреев как раз и считается по матери), вполне правоверный еврей по рождению и воспитанию (как я – русский), он в седьмой день обрезан, внесен в синагогу, преуспел в знании основ иудейской веры (и даже раввины дивились сему, когда он отстал от родителей при их путешествии в Иерусалим и заночевал в «Доме отца своего»), и естественно, что он рано определил свое призвание, свою миссию, она состояла в том, что ему надлежит **спасти еврейский народ**. Что значило *спасти*? По-видимому, отвлечь от грехов, ибо, как говорит апостол Павел, «как Иудеи, так и Еллины, *все под грехом*, как написано: нет праведного ни одного; нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного (Псал. 13, 1-3).»

[что же тогда представляет из себя человек, всякий без исключения, если «все ... до одного негодны!»?]

13. «Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их (Псал. 5, 10, 139, 3).»

14-18. «Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их (Исаия 59, 7).»

[у Павла эти слова – в обоснование учения о *всеобщей порче*, а у пророков – "глас вопиющего в пустыне", вопль человека, ужасающегося неправде мира и обличающего неправду; неправда же действительно присутствует почти во всех, хотя и в разной мере, а именно: есть *делатели зла*, есть *бездействующие в сопротивлении* злу, есть те, кто *недостаточно действен в утверждении добра* – смещение всех нас, всего человечества в одном образе грешника, дьявольского отродья, «**яд аспидов на губах**» которого, а «гортань – открытый гроб», унижает не только человека, но и всё его духовное творчество, от "Начал" Евклида до музыки Скрябина, и в конечном счете унижает и *Творца вся сущая*.]

Мир, каким мы его знаем в эпохи упадка, воистину способен исторгнуть вопль негодования из уст того, кто способен *взглянуть окрест себя*, и душа которого *страданиями человеческими уязвляется* – только в чем причина пагубного состояния мира – человек, или система власти? Если вправду *«всякий человек лжив»*, и *«весь мир виновен перед Богом»*, то и действительно бесполезно что-либо менять в этом мире (да и в самом себе).

Но кто же тогда Иисус Христос, заявивший в начале своего пути, что «он пришел спасти свой народ» (то есть евреев), и к чему он в конце концов пришел? Пришел он в конце концов к тому, что отрекся от собственного народа (как и ученик его, апостол Павел, тоже "еврей из евреев"), и обратился к спасению язычников, которые его и не ждали и о спасении его не просили.

Исполнились ли его обещания вечной жизни, Страшный суд и отпущение грехов хотя бы немногим? Страшный суд так и не наступил, что же до двух тысячелетий жизни на этой грешной Земле, то проходит она в труде и в грехах, в наших винах, повинностях и в претерпевании скорбей, кои от того что он здесь якобы учил смягчению нравов и требовал возлюбить своих ближних и даже «врагов своих» не только простить, но и возлюбить – нисколько не уменьшились, а во многих случаях возросли. Помимо всех прежних вин человеку вменилось в вину еще и *отступление от правил веры* – не только неверие, за которое казнили как за хулу на Бога, но и ошибки и отступления в различных церковных правилах, обрядах и догмах. Человека казнили за отношения с дьяволом – чему никто не мог быть свидетелем, за помыслы, иногда тайные, о которых и сам человек не знал... Ничто не изменилось к лучшему в обыденной жизни с пришествием Христа, но к худшему изменилось многое. Если в Римской империи римского гражданина нельзя было пытать и признание вины под пыткой не считалось признанием, то христианский суд именно пытку и признание поставил во главу судопроизводства. Вот что пишет историк В. И. Райцес: Англичане избрали для расправы с Жанной д'Арк форму инквизиционного процесса не только потому, что могли использовать приговор церковного суда в качестве средства воздействия на общественное мнение. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что благодаря его упрощенному характеру эту расправу можно было осуществить сравнительно легко, сохранив при этом видимость полной "законности".

В самом деле, инквизиционное судопроизводство не знало таких элементарных (выработанных еще юристами Древнего Рима) процессуальных норм, как *прения сторон*, *гласность свидетельских показаний*, *право обвиняемого на защиту путем вызова в суд названных им свидетелей* и т. д. В основе деятельности инквизиционных трибуналов лежал **принцип презумпции виновности**, согласно которому подсудимый считался в глазах судей заведомо виновным до тех пор, пока ему не удавалось доказать обратное. Другими словами, *не обвинение должно было доказать вину подсудимого, а он сам свою невиновность*. В полном соответствии с этим принципом средневековые юристы разработали учение о подозрении как достаточном основании для действий церковного трибунала. Человека можно было привлечь к суду, не имея никаких доказательств его вины, кроме

подозрения в ереси, источником которого мог быть любой оговор, анонимный донос или мнение самого инквизитора. Инквизиционное судопроизводство было не чем иным, как узаконенным произволом.

Всю силу этого произвола пришлось испытать на себе Жанне. Ее привлекли к суду на основании голословного подозрения. Она не имела адвоката. От нее скрыли имена свидетелей и их показания. И, наконец, идя на первый допрос, она не знала ни того, в чем ее будут обвинять, ни того, каким материалом располагают судьи.

А они располагали очень немногим, хотя приложили максимум усилий для того, чтобы собрать компрометирующий Жанну материал...» - но все таки Жанну сожгли..

Так же судил наш российский суд Невольного, посмевшего выступить против узаконенного государством воровства, то есть против коррупции – уменьшает ли этот суд, хотя и скорый, но вопиюще неправый, любовь к власти русской черни? Да что там черни, колеблется ли хоть чем либо вопиющим любовь к земной и небесной власти русской интеллигенции? Одни на коленях перед небесным владыкой, другие перед земным. В Древнем Риме хотя бы аристократия сохраняла достойную позу сегодня ее нет ни у кого.

Итак, **христианский суд разрешил обвиняемого пытаться, требовал от него доказательства невиновности, лишил его всех средств защиты** – что еще нужно, чтобы встать с колен якобы святостью такого учения? Может быть и впрямь человек низок и мерзок уже до рождения? Но я ведь разговариваю с детьми, они лучше взрослых, это взрослые и их лживые Учения об Истине развращают даже святых. Коммунистический суд точно таков же, и он разрешил и даже вменил в право пытку и необходимость подсудимому доказывать свою невиновность – можно сказать теперь и так: их Суд – и христианский и коммунистический – Убийца, *на этом и надо ставить точку и прекращать исследование того и другого учения.*

И все же придется сказать еще несколько фраз и о той Истине, которой мы молимся и поклоняемся от того времени, когда Иисус Назаретянин в ответ на вопрос Пилата «Что есть истина» промолчал. Но он отождествил себя с Истиной, говоря «Аз есмь истина и путь», и позже добавил «Кто не со мной тот против меня!» Пока христиане не властвовали в государстве, их претензии на тождество с истиной казались не опасными, но как только в их руках оказался и мир и меч, и Бог и право и смысл жизни и даже лукавое: познайте истину и она сделает вас свободными, на человека опустился железобетонный саркофаг, дышать стало нечем. А вы пробовали дышать при тотальной власти большевизма? На каждое слово необходимо было разрешение, каждое слово должно было получить удостоверение в своей благонадежности в виде цитаты из классиков марксизма-ленинизма, даже если ты «*благовествовал*» о способах земледелия.

Понятие Истины делило мир надвое, одна часть была под индульгенцией Истины другая подпадала под власть Вельзевула (имя которого, кстати сказать, не разрешалось писать прописными).

То, что распиналось в защиту Маркса или Ленина, но не приводило с собою благонадежных цитат, называлось *отсебятиной*.

Удивительная Катерина Гордеева допрашивает своих «визави», приказывая выбирать между ...

(Комп заткнулся и пришел в себя через четыре часа, но файл сохранился.)

А мы с милкой только что слушали разговор Катерины Гордеевой с Александром Семиным, и последние вопросы, на которые он отвечал: *милосердие или справедливость?* Он выбрал милосердие. *Родина или Истина?* Он выбрал истину (*то есть правду*) – значит ли, что отверг Родину?...

Но я продолжу писать про истину, не для возражения словам Александра Семина или кого-то еще, ибо на вопрос о выборе нет правильного или неправильного ответа, *каждый выбирает в контексте того, о чем он говорит или думает*, и без контекста выбора не существует. Истинно то, что земля круглая; несправедливо, что почести воздают часто злодеям; неправда, что Сталин выиграл войну; ложь, что Солженицын враг России, а вся эта чекистская сволочь (хотя и они не все одинаковы), вместе с Дзержинским, Урицким, Ежовым и Берией – ее защитница; и нехорошо, что Ильич лежит в мавзолее. Истинно или неистинно, как верно или неверно – необходимая оценка событий и лиц, поступков и взглядов, религиозных и научных доктрин, и хотя я думаю, что *неистинно, что нищие духом блаженны*, как *неистинно, что не надо заботиться о завтрашнем дне*, но если мы даже соберем множество справедливых, то есть верных высказываний, и напечатаете в качестве Сборника, неверно и неправильно будет печатать на его обложке слово *Истина*. И на учебнике Высшей математики, в котором всё *еще истиннее*, чем в таком сборнике поучений, тоже неуместно будет это громкое и уже напыщенное (после стольких о нем распинаний) слово.

Истина ли Христос? Нет. И так же Маркс и тем более Ленин, тем более что Ленин – патологический убийца и злодей, погубивший Россию, может быть даже худший, чем Гитлер. Неистина для России, как и для всего мира, – и все двадцатое столетие. *Мгла опустилась не только над Москвой и Берлином, но и над всею Европой*. Но если вместо Христа мы возьмем другую личность, более безупречную, то неправильно и ее называть истиной, даже французскую Орлеанскую Деву, ибо истина – это оценка явления, а не самостоятельная, отделяемая от происходящего сущность. *Справедливость восторжествовала* – в этом случае речь идет о сущности и явлении, смыслом и содержанием которого является именно *торжество* (то есть *восстановление*) справедливости, но истина не может быть смыслом и содержанием какого либо явления или теоремы...

Отделяя существо «истины» от ее смысла *оценивания* и придавая ей абсолютный сакральный смысл, мы совершаем вот что: в мире есть многое живое и многое неживое, и они друг другу противоположны; но вообразим, что нечто делается живым только потому, что в этом «нечто содержится» что-то оживляющее, например, *живая вода* (как в осмнадцатом веке существовало учение о теплороде, который делал предметы теплыми). Есть ли такая истина, которая присутствует (или не присутствует) в вещах и явлениях, разделяя их на два лагеря, чумных и здоровых, делая одни из них спутниками Бога, а другие спутниками Дьявола? Как отделились крещёные (христиане) от некрещёных, евреи от гоев, мусульмане от неверных?

Вот так большевики разделили на две части Русский народ и устроили между ними бойню, а когда вошли в силу, то начали избивать всех: сначала *инакомыслящих*, а после *мыслящих, работающих, честных, умных, гордых, справедливых и милосердных*. Замысел состоял в том, чтобы создать народ, сплошь состоящий из *нечистой силы*. Есть, конечно, и среди *детей чекистов* нормальные и даже умные люди, не все и бывшие «коммуняки» – негодяи, как не все бывшие комсомольцы или «гитлерюгенды». Как и не все мужчины – насильники...

Но и *христианство как эманация истины*, как и марксизм, и фашизм, и почти всякое учение, *«претендующее на абсолютную истину»* (кроме математики), как раз и являются основаниями тоталитарного устройства общества и разделяют людей на несоединимые части: одни – с Христом и с истиной (христиане); другие с наукой и прогрессом, *«светлым будущим всего человечества»* (марксисты-ленинцы); третьи с «тысячелетним Рейхом» и высшей расой (гитлеровцы); или с сатаной, дьяволом, эксплуататорами, беляками, кулаками, с евреями и масонами – но вот эти, которых *ведет Бог, Христос, святые*, и те, которые *«верной дорогой идете, товарищи!»*... которых ведут наука, прогресс и классовое чутьё, голос крови и «нюрдический инстинкт» или еще какая-нибудь несусветная чертовщина – эти едины в том, что своих противников (или даже чем-то не угодивших сторонников) загоняют в тюрьмы и концентрационные лагеря, *мажут маслом* (доминиканцы) и сжигают на кострах, замуровывают в монастырские стены, обрекают на вечные муки в огненной геенне (где плач и скрежет зубовой, как говорил Христос), расстреливают у рвов и в липких от крови подвалах, во всяком случае занимаются *растрелянием-растрелянием-растрелянием*, как любил призывать их Ильич, или сжигают в печах крематориев, или обрекают на страшную голодную смерть в Ленинграде, или бомбят города ... Но мое сердце уязвляет прежде всего мой собственный народ, не столько палачи виноваты в гибели десятков миллионов невинных, а те, которые, может быть, сегодня никого не расстреливают, но оправдывают вчерашних убийц – завтра эти «народные массы», которые вчера с такою легкостью и охотой **осуществляли «массовидный террор»** (любимое словечко Ленина) и сегодня его оправдывают, завтра начнут пытаться и расстреливать сами. Да если даже не будут пытаться, если даже не будут оправдывать тех, кто пытается – но всякий, кто не содрогается от проповеди убийств, кто не ненавидит убийц, уже в душе сам убийца, уже убивает, отказываясь осуждать. Кто говорит: *«Не судите, да не судимы будете!»* - *уже убивает!»* (За исключением тех, кто останавливает руку убийцы, кто убивает убийцу, как Шарлотта Корде, зарезавшая Марата, как Жанна, сожалеющая, что не отрубила голову «бургундцу», как Зина Портнова насыпавшая мышьяку в суп «фрицам». Необходимо **всенародное покаяние** в бесчинствах нашей исторической жизни, а без него – *взгляните на свои руки!* – *разве вы не видите, что они в крови?* (смотрел отрывки из фильма БИБИСИ о Гитлере: *ликующие миллионные толпы в Берлине после оккупации Франции...*) А не таковы же миллионные толпы плачущих у гроба Ленина и у гроба Сталина? А матери, посылающие своих детей убивать чужих?

Но главное вот в чем: из обезьяны ли человек сам собой произрос за миллионы лет мучений, или Бог его вылепил из праха земного и вдохнул в него свой дух – но разве не мучительно слезть с дерева, где сами собой произрастают прекрасные плоды, хотя и не на Древе познания, начать копать землю, подвергаться мошенническим уловкам Змия, терпеть измены Евы... хотя, впрочем, виноват, если из обезьяны, то Ева не виновата – но все равно, как мучительно вдохнуть божественный Глаголь сквозь глиняную оболочку, сочинить алфавит, слова и язык, научиться говорить, написать удивительные книги, слушать в Александрийском университете лекции прекрасной Гипатии, а потом является злобный христианский епископ (до сих пор святой), сдирает шкуру с этой Гипатии, мы отстаем в развитии на две тысячи лет, сжигаем на кострах Инквизиции ученых и ведьм (за триста лет сотни тысяч!) – и народ рукоплещет – о, как дико звучат слова прекраснодушных идиотов: *«народ всегда прав, воля народа священна, глас народа – глас божий»*, – хотя этому народу и это непонятно, *ибо блаженны только нищие духом...*»

И что же, христианским апостолам, повелевшим сжигать ведьм и книги, равно как и чудо-Ленину, повелевшему разрушать по всему свету христианские храмы, надо по-прежнему поклоняться, помещику отдавать жену и часть урожая, коммунистической бедноте отдавать дочерей и даже весь урожай, и при этом и те и эти правы, и права даже Голикова, обирающая вдов и сирот и больных малолетних детей, *которые тоже хотят жить*, хотя бы бедно, но денег на них у российской медицины уже нет, потому что Голиковой надо жить богато, и на страже ее чести и ее богатств стоят нацгвардейцы, которые обещают содрать шкуру теперь уже с Маши П---х.

А что народу понятно? Бич тирана, команды надсмотрщиков, лязг цепей?

Дикая часть народа всегда мечтала истребить его культурную часть (потому что, увы, менее развитые испытывают к более образованным и культурным не только зависть, но и врожденную ненависть!), и эту зависть и ненависть я чувствовал с детских лет, ибо *нищие духом* отделялись от умников и праведников не сословными границами, моя бабушка-крестьянка не умела читать, но была умницей и красавицей.

Пока русский народ не признаёт, что Октябрьская революция – преступна, не будет у России спасения и будущего, мы будем обречены цепляться за архаические слои памяти и сознания и культивировать животное начало в себе против образа Божьего, ибо мы из двух начал, из Природы и Духа, нас создавали воздух и почва и солнечный свет и лопата садовника в небесах – но надо нам и самим тянуться к небу и вскапывать почву!

Во время массовых акций против Лукашенко в Белоруссии в августе 2020 года проводились женские «цепи солидарности» - женщины выходили с цветами и в белой одежде, негодую против насилия силовиков на мирных демонстрациях протеста. Они несли плакат: *«Не жалей меня, бей! Пожалей своего сына!»* И силовики их избивали палками и цепями. Права была Жанна, надо иногда и бургундцу отрубать голову, даже если этот бургундец символ народа. Прекраснодушный Христос разве не говорил, что ждут вас плач и скрежет зубовный? И никто не избежит кары небесной?

Дворянство и крестьянство, ничтожно мало перемешивающиеся генетически, остались двумя разными народами, народом господ и народом рабов. Что двигало рабами? **Месть и зависть**. И основной целью их после захвата власти было полное *уничтожение русского народа*, который они ассоциировали с дворянством, и *уничтожение их культуры*.

Те сегодняшние русские, которые произошли от крестьян и другого тяглового скота, для оправдания своего высокого предназначения нуждаются либо в ссылках на выдающихся писателей, музыкантов, ученых, либо в представлении о величии, которое для них ассоциируется с всемирно историческими символами: **Империей** (хотя бы и Атиллы, Чингис-хана, большевиков, Гитлера), либо с светлым будущим всего человечества **христианским раем, коммунизмом, арийским господством, первым человеком в космосе), великой культурой** (хотя бы только "Илиадой" и "Одиссеей" Гомера, "Фаустом" Гете, "Войной и миром Толстого, "Законом всемирного тяготения" Ньютона, "Отверженными" Гюго, "А все таки она вертится" Галилея). Величие царских побед ослепляет и растлевает народы, и большинство простого народа поклоняется именно завоевателям, жестокосердым подлинным или мнимым победителям (мнимыми являются Ленин и Сталин, первый проиграл Российской империю и главенство Русского народа, а второй проиграл все сражения, которых был соучастником, начиная с Царицына в 1918 году, когда Троцкий хотел его расстрелять, затем поход на Варшаву, «Зимнюю» войну с Финляндией, оккупацию восточной Польши (то есть Западной Украины и Западной Белоруссии), оккупацию Прибалтики и Бессарабии, и великий *исход от Бреста и Львова до Москвы, Сталинграда и Волги...*

Чередование исторических событий, их последовательность оценивается философами и обывателями по разному, часто обыватели понимают «суть вещей» гораздо вернее философов и историков, особенно официальных, точнее всего в истории анекдоты, возможно, их сочиняют не люди, а ангелы.

Любовь к ближнему, кто не с нами, тот против нас, возлюби врага своего, если враг не сдастся, его уничтожают, прогресс, регресс, революция, реакция, развитие по спирали, переход количества в качество и отрицание отрицания, единство и борьба противоположностей – чего только не сочинили учителя человечества за две тысячи лет, и даже *время разбрасывать и собирать камни* (возможно, от разрушенных памятников зодчества) – но все эти то любопытные, то занимательные, то отвратительные *поучения* ничего не объясняют в хаосе часто несвязанных между собою событий, достаточно присмотреться к многообразным житейским происшествиям, например, некая Аня сначала *его отрицала*, потом сменила гнев на милость, то есть отрицала уже свое прежнее отрицание – в чем тут всемирный закон? Как часто, наливая в стакан водку или чай, мы на секунду теряем внимание, и жидкость начинает литься через край – не в этом ли весь переход количества в качество, то есть в потере *бдительности*? Если водой заливают огонь а с помощью огня нагревают воду в котелке, то неужели это и говорит сначала о борьбе противоположностей, а потом об их единстве? Речь ведь должна бы, кажется, идти об имманентных основаниях бытия, о чем-то подобном валентности в химических реакциях, а не о том, что мы продолжаем наливать в полный стакан?

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

0. Некоторые понятия не имеют определения, так как для того, чтобы определить первое понятие А с помощью утверждения «**А есть функция** (или объяснение, следствие, **определение**, словесное выражение из) **В, С, D**», необходимо, чтобы аргументы **В, С, D** были уже известны, следовательно они уже должны быть аксиоматическими понятиями.

Предложение – это высказывание, состоящее из слов, расположенных в определенном порядке, являющееся сообщением о чём-либо.

Полагая, что слова, входящие в предложение, не что иное как лексические аргументы, получим, что предложение будет их функцией, значением которой является логическое содержание предложения, то есть его **смысл**. Составляя предложение, мы составляем функцию. Содержание или смысл – аксиоматическое понятие. Два разных предложения могут выражать собою приблизительно одно и то же содержание. Если числа мы можем представить в виде числового ряда и их отношения выражают собою (или описываются) как «больше-меньше» или «предыдущее-последующее», то различные смыслы или множество смыслов мы не можем упорядочить и сравнивать между собою иначе как разные или приблизительно одинаковые, другого сравнения их нет. Если смысл предложения – это функция нескольких (например «К») слов, то все смыслы конечных предложений составляют конечное множество (предположительно, они потенциально находятся в уме достаточно образованного человека). Следовательно, предложения как смыслы задают "на словаре" (или "на Языке") – или на пространстве словаря (языка) «поле смыслов». Так как язык – это больше, чем словарь, но и все способы соединения слов, то условимся в данном случае не противопоставлять словарь языку, а будем употреблять их для данного рассуждения как синонимы.

Итак, *смыслы* – это функции Языка. Очевидно, что при развитии Языка появляются и новые слова (отдельное слово – это тоже предложение из одного слова), и новые предложения, и новые способы их формирования, и развитие языка – это словарно-грамматический и синтаксический единый процесс, следующий за развитием культуры и науки и деятельности сознания как таковой. (Правда, не следует забывать, что чаще всего не пустое рассуждение, а сама жизнь во всей полноте является источником смысловых функций, притом, большая часть сложных смыслов – это суперпозиции функций-предложений, их соединение, описывающее житейские явления – в том числе результаты житейских явлений, размышлений, художественного и научного творчества).

Вообразим, что Мироздание и Бытие и вся сумма предметов и сумма явлений и событий описывается в виде наборов слов в предложениях и предложений в описаниях, следовательно Мир и Бытие мы можем вообразить как "*Пространство смыслов*", причем, если смыслы приблизительно совпадающие считать одинаковыми (что не изменит Картину мира), то Бытие (или Мир) в целом можно считать условно конечным множеством смыслов (звезды и явления столь удаленные, что мы их почти не воспринимаем, можно объединить в «целое находящихся за пределами восприятия, и не существенных для Картины мира», то есть в единую «*малую приграничную величину*»).

Что значит **измерить**? Это значит поставить в соответствие измеряемой величине **число**. В большинстве случаев это число может быть приблизительным, например, если длина равна 1870 м. и 3 миллиметра, то естественно считать, что длина равна 1870 м. Что значит **понять**? Сопоставить явлению или предмету некоторый **смысл** (с точностью до миллиметров, то есть пренебрегая миллиметрами, если величина объясняется в метрах). Понимание и объяснение всего Мира и всего Бытия будет с такой точки зрения представлять собою Конечное множество смыслов, включая и туманный смысл всего того, что находится за границами восприятия (этот смысл представляет собою нечто вроде незаметной бахромы на одежде мира).

Представим себе Творца как Зодчего и Механика. Чтобы создать дворец, он сначала создаст его технологическое описание и чертеж-План, и для всего будущего мира соответствующее множество смыслов. *Воплощение замысла* потребует предварительно второго множества смыслов, описывающих технологию Воплощения. (Если это Творец Сущего, то он очевидно, уже знает, как одеть в каменную **Плоть** план каменного здания, иначе это не Творец и он даже и не начнет свой гигантский труд).

Альтернативой такого предположения является предположение того, что изначально уже есть некая сумма смыслов (в сравнении с будущим миром словно семя в сравнении с будущим Лесом) – но еще надо объяснять привередам, откуда взялись эти первоначальные семена, необъяснимым останется и то, что им надо расти, создавать планы будущих гекатомб и их претворять без Творца-архитектора только лишь за счет того, что все это будущее Строение мироздания будет самообразовываться на случайной основе и на авось, и не имея цели и не зная **что, как и зачем**.

Идея Творца и Замысла все эти непреодолимые возражения устраняет (кроме, конечно, того, откуда Он взялся) – впрочем, альтернатива, состоящая в том, что «сначала было **ничто**, неизвестно что и неизвестно сколько, и вдруг оно начало ни с того ни с сего шепуршиться и изменяться **без руля и без ветрил**, без плана и замысла и без зодчего, и даже не зная, **ЧТО** именно предстоит создать, но создалось само собою как видите не так уж и плохо... – это идея о том, что никто не писал роман Толстого «Война и мир», а он сам собою написался – но моя идея состоит в том, чтобы эти два сценария происхождения нашего мира принять и признать за два равноправных сценария. И споры оставить, они бессмысленны.

Рассмотрим аналогичный парадокс, состоящий в том, что возможны две геометрии, Евклидова геометрия и геометрия Лобачевского, через точку вне данной прямой мы проводим прямые и посмотрим, как они будут располагаться относительно данной прямой. Очевидно, что многие будут с нею пересекаться, об этом говорит нам обыденный опыт. Но возможно ли, что хотя бы одна НЕ пересеклась, то есть оказалась параллельна – или ни одной, никакая? Или таких будет даже множество?

Вот об этом и поговорим...

Оксюморон (соединение несоединимого в одном понятии-смысле).

Диалектика – соединение противоположностей в целое единство.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ БЫТИЯ

Очевидно, мир и бытие – не одно и то же. *Существенны для мира предметы, существенны для бытия явления* (деревья в лесу и пожар среди деревьев).

Мир и мироздание как мир предметов представляется сознанием как некая совокупность, некое множество, помещенное или находящееся в пространстве. Бытие или «бытие явлений» или «бытийный мир» – это совокупность явлений, протекающих во времени. Чаше всего сознание употребляет эти понятия «Мир» и «Бытие» в синонимическом ряду и представляя все вокруг находящимся в пространстве, мы понимаем, что это всё движется, *«течет и изменяется»* и не фиксируем два разных представления о пространственном и временном континуумах, а вводим понятие «пространственно-временного **континуума**» (от лат. *continuum* «непрерывное, сплошное»). Так как история и социальные явления находятся во времени, протекают, то **и человек и народ – протекают, они историчны**. «Все вокруг – Мир» – это и верно и неверно одновременно, вот стол – находится, пребывает, есть или нет, а человек живет и действует, а дрозofiла, например, действует так быстро, что я не успеваю ее прихлопнуть, в то время как стол терпеливо ждет, пока я его подвину.

Объяснение **народа** как сообщества, то есть что это «историческая общность людей» или что «народ – этнос, группа людей, объединённых общими признаками» – неверно! В таких объяснениях-определениях фиксируется предметность определяемого явления, то есть что оно – Предмет или сообщество предметов, в то время как оно – *историческое явление, существующее во времени!!!* «**Личность** – субъект социокультурной жизни, самораскрывающий свою индивидуальность в контексте социальных отношений, общения и предметной деятельности» - написано в Википедии, и это определение вполне удовлетворительно.

Народ как сообщество состоит, скажем, из москвичей, ярославцев, сибиряков – но это не так существенно. Народ состоит из мужчин и женщин – но действует в исторической и социальной жизни он не так, как мужчины и женщины действуют в семье, и если его отдельные части и отличаются по поведению, то не ярославцы от нижегородцев, и не мужчины от женщин (хотя отличие по полу все же есть), но – народ состоит из **поколений** и поведение поколений существенно различно, к тому же каждое поколение по своему изменяется. Кто привел Пу. к власти? Циничные комсомольские секретари, отличающиеся от моего поколения в среднем на 10-12 лет! Они в социализме разуверились раньше нас, и к жизни относились *цинично-потребительски*.

(Кстати, что общего между *Троцким* и *Жуковым*? Они не только одинаково жестоки, но одинаково равнодушны к чужому (русскому) народу. Этот народ для них только *расходный материал* либо для победы Мировой революции либо для победы над Гитлером. Иногда уместны оскорбительные клички для описания народа и народных качеств, хохлы ныне русских обзывают *рашистами* или москалями, и это вернее, чем говорить, что их

бомбят русские, так и поведение Троцкого и Жукова – с призывом последнего не жалеть солдат – можно назвать "жидовским").

Итак, точнее о мире говорить как о *бытии* (протекающем в мире), и народ исследовать также в историческом контексте. С 1762 года по 1796 и далее через череду Павла, Александра, Николая и далее Александров Второго и Третьего и Николая Второго до 1917 года в течение **155** лет (полтора столетия) Россия жила под властью немецких царей – и этот период ее истории был наилучшим сравнительно с периодами от 1550 (когда Иван Грозный стал реальным самодержцем) до 1612 – года преодоления Россией Смуты (62 года) и от 1689 года до 1762 (73 года) – 135 лет – около **200** лет под властью русских царей; или с 1917 по 1953 и с 1964 по 2022 (около **100** лет) под властью большевистских маньяков и бандитско-воровского Ельцино-Пу...н-ского сообщества.

Невозможно сформулировать качественные признаки народа или отличия одного народа от другого, так как всякое явление меняется во времени, иногда довольно стремительно. **Народ – это явление.** Крикливая страта сталинистов среди русских формирует внешний облик народа как сообщества умственно отсталых, что не соответствует действительности; немецкий народ 1941 года кардинально отличается от немецкого народа после 9 мая 45 года – такой же разгром в России отрезвит воровской олигархический режим, превративший Россию в сырьевой придаток развитого мира..

ДИАЛЕКТИКА.

Аристотель отличает «диалектику» от «аналитики» как науку о вероятных мнениях от науки о доказательстве. Аристотель в учении о четырёх причинах – материальной, формальной, движущей и целевой – утверждал, что все эти четыре причины существуют в каждой вещи совершенно неразлично и тождественно с самой вещью.

Аристотель назвал **Зенона** создателем диалектики, искусства выдвигать аргументы и опровергать чужие мнения. Для защиты учения Парменида о едином неподвижном бытии Зенон сформулировал ряд апорий («неразрешимых положений»), показав, что признание реальности множественности и движения ведет к логическим противоречиям. Из четырех десятков апорий наиболее известны апории о движении: Дихотомия, Ахилл и черепаха, Стрела и Стадий (Движущиеся тела). Все эти апории представляют собой доказательства от противного. Вместе с вариантом их решения изложены у Аристотеля (Физика, VI, 9)

Платон вслед за элейцами (Элейская школа) определяет истинное бытие как тождественное и неизменное, тем не менее в диалогах «Софист» и «Парменид» обосновывает диалектические выводы о том, что высшие роды сущего могут мыслиться только таким образом, что каждый из них есть и не есть, равен себе самому и не равен, тождествен себе и переходит в своё «иное». Поэтому бытие включает в себе противоречия: оно едино и множественно, вечно и преходяще, неизменно и изменчиво, покоится и движется.

В первых двух (Дихотомия и Ахилл и черепаха) предполагается бесконечная делимость пространства. Так, как бы быстро ни бежал Ахилл, он никогда не догонит медленную черепаху, потому что за то время, которое ему потребуется для того, чтобы пробежать половину намеченного пути, черепаха, двигаясь без остановки, всегда будет оттолзвать еще немного, и этот процесс не имеет завершения, ибо пространство делимо до бесконечности. В двух других апориях рассматривается несводимость непрерывности пространства и времени к неделимым «местам» и «моментам». Летящая стрела во всякий фиксируемый момент времени занимает определенное место, равное своей величине – получается, что в рамках самого неделимого момента она «покоится», и тогда получается, что движение стрелы состоит из суммы состояний покоя, что абсурдно. Следовательно, стрела на самом деле не движется. На протяжении всей дальнейшей истории апории Зенона являются предметом внимания и споров среди философов, логиков, математиков (Лейбниц, Кант, Коши, теория множеств Кантора).

Диалектика (др.-греч. διαλεκτική «искусство спорить, вести рассуждение» от διὰ «через; раздельно» + λέγω «говорю, излагаю»).

Итак, по происхождению этот термин означает **«искусство вести рассуждение»** - но действительно ли таковое искусство является родоначальником **теории Бытия и его законов**? Что бытие противоречиво, можно было бы вывести из апорий Зенона или из его учителя Парменида

Филопон и Симплиций. «...каждая единица либо едина и неделима, либо сама делится на множество. Но если она едина и неделима, Вселенная составлена из неделимых величин, если же единицы сами подлежат делению, мы будем задавать тот же самый вопрос относительно каждой из подлежащих делению единиц, и так до бесконечности. Таким образом, если существующие вещи множественны, Вселенная окажется образованной бесконечным числом бесконечностей. Но поскольку этот вывод нелеп, сущее должно быть единым, а быть множественным ему невозможно, ведь тогда придется каждую единицу делить бесконечное число раз, что нелепо».

ДИХОТОМИЯ. «В первом парадоксе утверждается, что, прежде чем движущийся объект сможет преодолеть определенное расстояние, он должен пройти половину этого пути, затем половину оставшегося пути и т.д. до бесконечности. Поскольку при повторных делениях данного расстояния пополам всякий отрезок остается конечным, а число таких отрезков бесконечно, данный путь невозможно пройти за конечное время. ...Бегун не в состоянии даже тронуться с места. Симплиций, который подробно комментирует этот парадокс, указывает, что здесь за *конечное время необходимо совершить бесконечное число касаний*: «Тот, кто чего-либо касается, как бы *считает*, однако бесконечное множество невозможно сосчитать или перебрать». Или, как формулирует это Филопон, *«бесконечное абсолютно неопределимо»*.

Аристотель усматривал в «дихотомии» скорее заблуждение, нежели парадокс, полагая, что его значимость сводится на нет «ложной посылкой... будто невозможно пройти или коснуться бесконечного числа точек за конечный период времени». ...Аристотель считает точки лишь потенциальным, а не действительным бытием, временной или пространственной континуум «в реальности не делится до бесконечности», поскольку не такова его природа.» Не буду рассматривать другие апории Зенона, у Симплиция уже содержится мое собственное объяснение парадоксов Зенона, но приводить его не стоит, я публиковал его в «Философской культуре».

Диалектика Гегеля и Маркса и представление о диалектике обывателя.

Первый ее закон читается как *«единство и борьба противоположностей»*.

Обыватель рассматривает взаимоотношения различных людей в обыденной жизни: мужчины и женщины, двух товарищей, отца и дочери, матери и сына, и замечая их иногда непохожесть, говорит, что несходные сходятся или что различия стремятся друг к другу... Известно, что ветер – это перемещение массы воздуха из зоны с высоким давлением в зону с низким давлением – но надо ли это движение относить к диалектике? Так же видеть диалектику в половом инстинкте, основном законе Природы, возникшем либо по желанию Природы (или он возник в силу эволюции, как полагает Дарвин?) или по предусмотрению Творца, так изначально конструирующего мир...

Мир и Бытие изменяются, хотя как несправедливость царствовала в древности, так и до сих пор, и сильные нападают на слабых и принуждают их на себя работать. Что касается живых существ, то ими движет три основных инстинкта (появившихся вместе с жизнью по неизвестным причинам или данных Творцом): страх (или **инстинкт самосохранения**); инстинкт продолжения рода (или **половой инстинкт**); **инстинкт власти** (но точно ли он существует как всеобщий инстинкт, я в этом не уверен). Я уверен, кроме того, что существует **любопытство** (или **инстинкт познания**). Помимо этого существует **голод** и **жажда** – почему их не относят к базовым инстинктам?

Почему Мир и Бытие изменяются? Глядя на растительный и животный мир, мы видим, что сорняки борются с культурными растениями и одолевают их, и так же борется с культурными и возвышенными людьми Зло, Невежество и скудоумие, и так как их большинство и народ в основной своей массе поддерживает их – то значит и он в основной своей массе зол (жесток), глуп и невежествен (хотя меня это удручает и я жажду либо опровержения этого увы неопровержимого вывода как основного закона жизни, либо мечтаю о том, чтобы прекрасные люди когда-то изобрели способ захватить власть и ввести систему Просвещения, которая бы исправила людскую массу к лучшему, как в состоянии мы в Лицее из набора случайных учеников воспитать будущих гениев, составивших гордость России). Почему Мир и Бытие изменяются? Но Зло по-прежнему главенствует и находится у власти, Князь мира сего по-прежнему князь и Злодеи сидят за столом и пируют, а ограбленный рабский народ прислуживает им (как говорит Толстой)? Потому что их большинство... Почему мы ничего не можем сделать?

Возможно, надо неустанно думать о том, как изменить мир к лучшему и наконец найти способ изменения мира к лучшему. Большевики и яacobинцы, христиане и прочие разные революционеры как только начинали менять мир к лучшему, так становилось совсем неважно, и кровь лилась потоками и зло одевало Землю мглой. Но они не стремились изменить мир к лучшему! Они были злодеями, ворами и завистниками, они изначально были негодяями и только стремились к власти, богатству и наслаждениям для себя! Таковы были Ленин, Троцкий, Сталин, Гитлер, Муссолини и злодеи поменьше, помогающие им, Дзержинский и Урицкий, Тухачевский и Жуков, Франко и Салазар, генералы Вермахта и министры их правительств...

Если бы я знал, почему меняется история человека, я бы знал, что делать сегодня. Но анализируя жизнь достойных людей прошлого, например в 19 веке в России, я вижу, что так, как я озабочен улучшением мира и помощью страдающему человеку, мало таких же, образованные дворяне, даже поэты, писатели и ученые, не заботились о жизни своих крестьян, часто проигрывали в карты гигантские состояния, вместо того чтобы помочь нуждающимся или хотя бы дать им некоторое образование и просвещение, даже Достоевский, писавший об «Униженных и оскорбленных».

И я в последнее время думаю, что может быть феодальное устройство мира, при котором и власть и богатство и сила сосредоточивались у немногих, было необходимым устройством общества, при котором происходили успехи науки, культуры и просвещения, и значительная масса господствующего класса совершенствовалась, так что мы видим, что в Гражданской войне на стороне Белых были миллионы достойных людей, и красные выиграла только за счет жестокости, расстреливая людей миллионами, поливая их дустом и забирая детей в заложники, как Тухачевский. Русским и России не повезло, ее втянули в Мировую войну, реформа Самодержавия и Церкви запоздала и промедлила, промедлили реформы в отношениях национальных частей Империи и слишком тяжело весили российские окраины на Российском теле... Наука, Культура и Просвещение делало значительные успехи, Промышленность развивалась быстрее к началу Мировой войны, чем в Европе, в сельском хозяйстве в Сибири развивались и капиталистические отношения и кооперативное движение, заработали программы расселения масс крестьянства на Восток, стремительно строились железные дороги – Россия становилась второй Америкой – но Война сокрушила Российского двуглавого орла!..

Надеемся, что может к чему-то положительному развиваться сегодняшний бандитский феодализм, нельзя, он только растлевет тех в России, кто еще не растлился, к тому же начал Войну и готов развязать Мировую войну, которая окончательно погубит Россию и русский народ – а, вероятно, в этом и состоит замысел Мирового правительства?

Но объясняет ли учение о Дialeктике жизнь и изменение мира и бытия? Действительно ли нами правят три диалектических закона, из которых наивысший – **единство и борьба противоположностей**? То, что в различных явлениях жизни возникают противоречия, большинство из которых были всегда, и происходит столкновение интересов различных классов и групп – очевидно. Дворянство вместе с своим дворянским государством существовало за счет крестьян, которые к тому же еще содержали и духовенство и армию и жандармерию, но так на Руси было с десятого века, и восстания были редкими, чаще во времена Смут, как восстание Болотникова и грабежи Самозванцев, или как результат ошибок правительства в управлении инородцами и казачьими окраинами, что вызвало восстание Пугачева, или соединение всех возможных причин, включая неудачную войну, раскол церкви, недовольство самого правящего класса самодержавной властью и смятение интеллигенции – в 17 году – и этот взрыв был равен ВСЕМ возможным взрывам за всю историю России. Интеллигенция возросла количественно и во влиянии – но она заматалась, Иванов-Разумник, Горький, Куприн, Прокофьев, Вернадский – за большевиков...

Потому что вместо философии **Диалектика**, которая была у эллинов *искусством обсуждения философских проблем*, стала у Маркса *молотом, выковавшим революционное движение пролетариев* за свержение буржуазного строя, обеспечивавшего развитие всех форм жизни в гораздо большей степени, чем социализм и мечта о справедливом строе у невежественных крестьян и рабочих – в России, где рабочие составляли всего пять процентов населения?

В основании диалектики находится представление о том, что **Бытие** скорее *хаос*, чем *космос*, поэтому оно исполнено *противоречий*, в силу которых и развивается. Это представление марксистской философии, и таково же оно у Гегеля: *«единство и борьба противоположностей»*. О переходе количества в качество я уже писал, когда-то все это было важно и актуально, сегодня скоро только школьники будут помнить фамилии этих великих охмурителей *прогрессивного* человечества... Таково же и *отрицание отрицания*... Правда, для понимания некоторых феноменов в истории философии надо вспоминать знаменитую сказку про *суп из топора* – даже из топора можно сварить суп и целое столетие кормить невежественный народ этим супом.

Вместо того чтобы распространяться о марксистских банальностях, приведу одну из них, под знаменем которой мы жили, росли и воспитывались. Итак, вы не знаете, что *свобода* – это *осознанная необходимость*, а *диктатура пролетариата* - *высшая форма демократии*? Не то же ли самое, что *тирания как свобода* и *ненависть как подлинная любовь*? Вот такова марксистская да и гегелевская диалектика. Это философия, в которой подменяются понятия, каждое из них заменяется на свою противоположность (или на свое отрицание) и оказывается, что они едины. Но, впрочем, не то же ли самое и в христианстве, в котором *«блаженны нищие духом и их есть царствие небесное»*?

Вы не узнаете евангельские понятия книжников и фарисеев в современном русском пренебрежительном и насмешливом понятии *умников*? Скажут, быть может, и обо мне (как о таких же как я): *Ишь, умник нашелся!* Для кого мы унижены? Для «нищих духом», для двоечников и троечников, это преодоление комплекса интеллектуальной и духовной неполноценности за счет *«опускания»* высокого до низкого. Революция, коммунизм и советская власть и *Большой Террор во все годы советской власти* – это *ревани нищих духом*.

По книге Айзека Азимова «Начало». Слово "хаос" в переводе с греческого - "морской залив". Английское слово "chasm", имеющее такое же значение, происходит от того же самого корня, и от него же *газ, газолин, газовать*. Первобытный хаос - некое подобие космического пространства, в котором пока нет звезд и планет с определенными очертаниями., то есть нечто вроде клубящихся в прозрачному пару пузырьков газа. Первыми существами, появившимися из Хаоса, были Гей и Уран, "Гей" значит "земля" (откуда география, геология, геоцентрический...), а "уранус" - "небо" (кстати, элемент уран назван так в честь Бога небес). Когда же все предметы, созданные из Хаоса, обрели очертания и форму, то возник **Космос**, что означало **"порядок"** и было противоположно Хаосу. Косметика – слово того же корня, что и космос. Так как Гей – женщина, то Землю стали называть *«мать сыра Земля»*.

И все же – в чем главное различие людей, разве в том, что один умный, учился на пятерки, а другой школу еле-еле закончил? Разве своих родных мы любим за ум, а не за то, что они добрые, великодушные, нас любят и о нас заботятся? Разве мы готовы пренебрегать теми, кого мы любим, только потому, что они думали, что Земля плоская? Вот ведь и Лютер так думал, и обругал Коперника за его книгу, а кто-то из лютеран мог его и сжечь?

Надо сострадать несчастным, помогать близким, тем, кого мы любим, заботиться о добрых и великодушных, исправлять несправедливости, к жестоким и злым относиться с подозрением и их сторониться, особенно тех, которые насаждают в мире зло, обманывают доверчивых, затевают войны и обрушивают несчастья на головы миллионов невинных душ. Но если злой человек не совершает явных злодеяний, его следует обличать, но не надо казнить только за то, что он зол, ибо все же – большая часть народа и даже большая – это защитники и поклонники зла и жестокости... Отвернуться от них от всех, ВСЕМ сказать в лицо, что я их презираю и ненавижу – нет, не уверен, что надо от них отречься так, как Христос от своего народа... надо осудить зло в душах злых людей, но оставить их во тьме без всякого участия еще я не могу, мне жалко даже негодных, и неловко вслух осудить даже их.

Я ведь думаю, что они страдают от своей неполноценности, глупости, неказистости и тому подобных отрицательных качеств... Разве в пятилетнем возрасте они мечтали стать именно такими?

Нечаянно открыл книгу «Красный Террор глазами очевидцев». Эпоха 1919 – 1922 года. Читал-читал... Хотел несколько абзацев перепечатать, - но силы кончились... Там рассказы о пытках, изнасилованиях, массовых убийствах мужчин и женщин, детей и стариков в городах, в которых уже установилась советская власть, и непонятно было, зачем нужны многотысячные расстрелы и даже зверские убийства штыками и прикладами, не на фронте, не в бою, без приговора суда, без предъявления обвинения...

Большинство этих убийц остались живы, у них уже были или потом родятся дети – какова судьба этих детей, какова судьба народа, состоящего в значительной степени из убийц? А ведь они никогда не были наказаны и даже не были осуждены, и вот прошло уже более ста лет после тех зверств эпохи революции и Гражданской войны – *но мы всё забыли и ничего не осудили.*

Неужели души НЕ бессмертны и не имеют памяти, неужели и душ нет у большинства людей?

Я понимаю, что я хочу написать Книгу, которая поставит точку в моем бесконечном споре с народом и историей, она должна произвести магическую перемену в Бытии, словно распахнуть все его восемь окон и воскресить Память и способность стыда и страдания.

Я был знаком с юношей, который сошел с ума и убил свою мать, а потом очнулся. Он сказал, что если человек, который разрешил убийство – даже не совершил его, а только разрешил – даже не себе, а другим (как теперь, якобы для целей войны), вдруг очнется, то *он должен сойти с ума от стыда.*

Поэтому я ничего не выпишу из «Книги очевидцев». Мы оправдали Русскую историю и ничего не почувствуем, глядя в глаза убитых...

Пока я не напишу ту КНИГУ, которую мне Судьба велит написать...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектика. В философии Гегеля и Маркса это Теория одурманивания человека, выстраиваемая по форме науки, что выглядит так::

из А следует Б и С, и так как А не следует из Д, то в силу этого...

Аналогично и христианство, которое излагает множество положений, вовсе не доказывая их, а предлагая принять на веру, или ссылаясь для их оправдания на Ветхий Завет.

Таковы утверждения в христианстве: *«Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное!»* и *«Кто не со мной, тот против меня!»* и в марксизме *«Кто не с нами, тот против нас»*, *«Если враг не*

сдается, его уничтожают» или *«Шаг в сторону, конвой стреляет без предупреждения!»* В научной теории утверждения либо доказываются, либо подтверждаются примерами, но если основной метод доказательства правоты Учения – как для христианства, так и для марксизма, - состоит в том, что *«конвой стреляет без предупреждения»*, то априори справедливо любое самое абсурдное утверждение, достаточно просто застрелить всех сомневающихся – что и осуществила большевистская мафия, придя к власти. Придя к власти сначала в Древнем Риме, затем в Европе и наконец во всем мире, так же доказало свою правоту и христианство, но заслуживает ли хотя бы минимального уважения человек, согласившийся на господство Учения, доказанного с помощью меча, виселицы и костра? И две тысячи лет человек благословлял учителей и святыни такого учения, а позже их соперников – так, может быть, и право христианство, что человек – это ничтожество, что **Ева – блудница**, осмелившаяся дерзнуть, во-первых, из любопытства, то есть *инстинкта познания*, во-вторых, из *Полового инстинкта*?

Правда, разве я и сам не читал с восхищением сначала Маркса, затем Библию? И осмелился поумнеть сравнительно недавно? И справедливо ли презирать народы России за то, что они как глупые рыбы, заглатывают крючки современной пропаганды, ибо как сказано было когда-то производителями бульварных песнопений, *пилл хавает* любой вздор.

Христиане верят в Бога, марксисты **верят** в Маркса, Ленина и Сталина – или правильнее сказать, те и другие подчиняются откровениям своих доктрин, а их Боги стоят друг друга, один сжег Содом и Гоморру вместе с жителями и бросал камни с неба на головы бедных филистимлян, другие призывали разрушить даже весь мир (насилия) – но где жизнь обходится без насилия? - поэтому большевики и расстреливали без суда и следствия целыми сословиями, а часто и своих пролетариев, а потом уже только своих, когда чужих уже не осталось.

Основной закон **Диалектики** Маркса - *единство и борьба противоположностей*, и сие объявлено источником эволюции мира, обыватель же понимал это так, что противоположные характеры и устремления чаще всего (якобы) сходятся, находя **противоположности** прежде всего в муже и жене, затем в отношениях хозяина и работника, помещика и крестьянина, хотя в Европе несмотря на борьбу противоположностей, феодализм просуществовал полторы тысячи лет, прежде чем разразилась Великая французская революция.

Но несмотря на то, что я самый умный, я не уверен, что противоречия между сословиями (которые, вероятно, всегда существовали) как и противоречия между работниками и начальниками уже в мое время, что-то меняли в бытии и оно из-за этих противоречий менялось. Даже *борьба* между северным и южным полюсами магнита и *переход количества в качество*, когда я кипячу чай (это наиболее отчетливые примеры действия Законов диалектики) не приводили к видимым изменениям Бытия. Более того, в 2004 году меня посадили, это было явным *отрицанием* моей свободы, потом по апелляции меня освободили, отменив приговор, что было *отрицанием моего отрицания* – но мир с тех пор не только никак не изменился к лучшему, но явно деградировал, и москаль даже начал воевать с хохлами, что случалось до этого только в 12 веке, когда Андрей Боголюбский осадил, разорил и сжег Киев.

Набор глупостей, противоречащих друг другу, пронизывает жизнь и историю, сие не тянет даже на *оксюморон* и называется маразмом (как, например, Крестовый поход детей и разорение Прованса крестоносцами), набор глупостей в теории (ὀξύ-μωρον, от ὀξύς «острый» + μωρός «глупый») тоже имеет мало **остроумия** – хотя, правда, высказывание Черномырдина «не было никогда и вот опять!» довольно остроумно. Но вершина марксистской диалектики *«Диктатура пролетариата – высшая форма демократии!»* - оксюморон, и хотя сие остроумно, но лучше не руководствоваться в общественной жизни таким оксюмороном, и в учителя человечеству не избирать бывших блудниц, сборщиков налога, рыбаков, воров, злодеев и параноиков.

Однако, согласимся на компромисс. «Живой труп» - так можно назвать Ильича, лежащего в Мавзолее, а также *мощи* христианских святых; и «мертвые души» - это *"злодеи* (как сказано Толстым), *которые ограбили народ, сели за стол и пируют"* и сама жизнь, изобилуя нелепостями и противоречиями, – хотя не совсем оксюморон – (а может быть и совсем, но все же не все с этим согласны)? - но если будем на нее смотреть как на оксюморон, то тогда почти справедливо следующее заключение: *Рассматривая жизнь и ее события как множество смыслов, словесными выражениями которых являются высказывания, мы можем уподобить всю ее Тексту, в котором преобладают оксюмороны, почему допустимо и жизнь в целом отождествить с ОКСЮМОРОНОм.*

Тогда нас не удивят такие откровения марксизма как «человек человеку друг, товарищ и брат!» - в стране, в которой за 75 лет советской власти уничтожено (вместе с военными потерями) по крайней мере **100 миллионов** человек, и "где так вольно дышит человек", когда "*свобода есть (осознания) необходимость*"? терпеть...

Аналитика - ἀνάλυσις «разложение, растворение», из ἀνά «вверх, обратно» + λύσις «развязывание, разрешение». В «Первой аналитике» Аристотель излагает учение о силлогизме, во «Второй аналитике» содержится его теория доказательства. *Диалектикой* же называли умение получить превосходство в разговоре, к этому и сводится Гегель и Маркс

Несколько слов о Новом Русском журнале и современной литературе.

1. Альманах Дельвига «Северные цветы» издавался тиражом примерно в 250 экземпляров, и тиража хватало и писателям и читателям. В начале двадцатого столетия тиражи книг и журналов резко возросли, хотя, как говорят, 90 процентов народу не умело читать, но я сам на протяжении пятидесяти лет советского времени видел ГОРЫ макулатуры около фабрики по переработке устаревших книг в новую бумагу, залезал временами на эти горы величиной в трехэтажный дом и рылся в старье, выживая то Историю литературы Пыпина, то **рукопись** Бунина перевода с французского поэмы Альфреда Мюссе, то первое издание на русском языке Капитала Маркса в переводе Лопатина, то Альбом Зинаиды Лансере, будущей великой художницы Зинаиды Серебряковой (но народу, как сказал Никита Сергеевич, их творчество было не нужно и не понятно – и он был прав, история доказала, что и сами творцы народу не нужны).

В нынешнем Петербурге почти все умеют читать, большинство в ясной памяти и твердом уме и сознаёт, что влачит существование в двадцать первом столетии, как доказал Коперник, а не в 12-м, как выяснил знаменитый академик Фоменко – которого, правда, тоже никто не читает, но о котором все почему-то слышали) – но откуда они все всё знают, я не могу понять, ибо мои оба Журнала издаются тиражом по четыре экземпляра, да и то и сами авторы читают только свои статьи.

2. Константина Кузьминского я видел мельком один раз, но однажды он прислал мне письмо из Нью-Йорка, разыскивая моего/своего товарища Анатолия Шиманского (ныне они уже оба покоятся), в рамках их так называемого постАвангарда они оба фигуры заметные, к тому же талантливые и интересные, хотя не все их мнения и манеры мне близки.

Прочитав обстоятельную статью Владимира Козаровецкого в защиту Лукьянова (которую я как редактор поместил в этом номере), я опечалился. Стихи Лукьянова убедительно говорят о том, что он талантливый поэт. Доводы Кузьминского мне тоже кажутся не убедительными. Но после той пляски джигита, которую свершил над ним господин критик – и которую еще раньше совершил господин Кузьминский над Лукьяновым) я опечалился. Мне Кузьминского стало жалко (хотя я и в его споре с Лукьяновым не на его стороне). Но я осуществляю в нашей стране **право свободы слова**, поэтому – жалко человека, но запретительную цензуру я не ввожу.

3. Еще в шестидесятые годы Татьяна Ивановна (Леценко-Сухомлина) мне рассказывала, что известный советский поэт Борис Слуцкий (которого тоже мы здесь печатаем в рубрике фронтовой поэзии) присоединился к осудителям Пастернака (который был его учителем), и это произвело тогда шокирующее впечатление на литературную общественность. Из здесь же опубликованных талантливых воспоминаний Вл. Козаровецкого я читаю, что и Владимир

Солоухин, бывший в шестидесятые годы властителем дум моего поколения, поступил нехорошо по отношению к своему товарищу литератору Григорию Поженяну, к тому же герою Отечественной войны. Да что за время тогда такое подлое было, которое вынуждало людей так поступать?! (не говоря еще о том, что некая малограмотная девица застрелила сорок красивых и образованных белогвардейских офицеров, а мы, романтики «строительства коммунизма», читаем об этом и ею восторгаемся!). Не вспоминая еще и Павку Морозова и Иуду, и Каляева и Ленина и "литературные споры" между вождями нашей революции (а если вспомнить о спорах на Всемирных христианских соборах, после которых очень часто разжигались *очистительные костры*, то наше время, может быть, не такое уж и тлетворное?)

Несколько слов о Владимире Солоухине.. Я читал его Владимирские проселки, книга поэтическая, и ей значительно уступают наивные сочинения другого советского тарусского автора Константина Паустовского (которого читали даже тогдашние читатели конечно мало). А «Черные доски» и «Третья охота» Владимира Солоухина – разве это не шедевры? А его книга о Ленине, не уступающая по силе страсти Солженицынскому Гулагу!? А стихи Солоухина?! – знаменитое его стихотворение «Волки» целиком приводит на страницах журнала Анатолий Михайлов (пристрастно осуждая Солоухина и забывая о том, что Бабель, которого он не осуждает ни в чем, стрелял в тех же белых офицеров или даже срубал им шашкою головы – но похвально ли участие в этой кровавой вакханалии, победа в которой красных привела в конце концов к гибели миллионов крестьян и интеллигентов?) К гибели Гумилева и Сергея Эфрона и к самоубийству Цветаевой?.. НЕ говоря уж про Архипелаг Гулаг, автора которого кто только не проклинает и не обливает грязью сегодня (и на страницах моего Нового русского журнала, в котором я единственный его пытаюсь защитить – так не более ли подлые уже времена настали – или это *время такое*, в которое никто ничего не читает и которого самого нет, как нет читателей, а значит, нет и интеллигенции?)

Я успокаиваю себя тем, что наши несуществующие издания открыты не только для Критики, но и для опровержений, и мы напечатаем мнения читателей, не совпадающие с мнениями критиков, и буду рад доброму слову и в адрес Кузьминского, и в адрес Слуцкого и в адрес Солоухина (впрочем, о Солженицыне гадостей я уже печатать не буду, после того как на него излили Ниагары лжи, пора бы уже и устать и осуждать и защищать)...(Но я готов претерпеть осудительные слова и в мой собственный адрес, меня ругали в 90-е годы, когда я опубликовал Льва Гумилева «Письма к Птице», обе стороны – одни за то, что я из этих писем убрал самые оскорбительные места, другие за то, что я все же их напечатал... И все же... На страницах РС были напечатаны отрывки из походов Володи Алексеева, в связи с которыми вдова Горбовского мне позвонила, что она уже нашла для меня киллера – но так ли предосудительны наши дружеские пьянки? И все же... Может быть и вправду надо что-нибудь скрывать от общественности, не ходим же мы по улицам голыми? Вот я даже Толю Михайлова просил пощадить его героиню, которая как раз взяла и разделась – но кто же из писателей слушается Редактора? Но ради «свободы слова и мнений» приходится терпеть...

Портрет философа, претендующего на знание жизни. 1. Хотя молодость – понятие относительное, наша сотрудница Таня, которой было 18 лет, считала, что после 25 лет уже наступает старость, а я, по наивности, когда-то думал, что после 60-ти приставать к девицам уже не следует, и тогда моя 27-летняя подруга Настенька, узнав, что мне уже больше 60-ти, как раз меня и бросила.

Но так как хоть что-то понимать в жизни и истории я начал только в последние три года, то возрастные рубежи решил теперь проводить по другому, после 77 лет философа предлагаю называть *имеющим некоторый жизненный опыт*, ранее этого он *еще находится в стадии обучения*. Так что возраст от 77 лет до 87-ми следует считать **благодатным периодом жизни** философа, и только после этого философ вправе (как когда-то моя теща) говорить: *я уже в жизни пожил и кое-что в знаю*.

Итак, ныне у меня возраст **Благодатный**, *кое что в жизни я уже знаю*, но по большей части – почти ничего! Сакраментальную фразу «*Надеюсь, кое чему меня жизнь уже научила*» философ вправе говорить только *после 87 лет*, а сколько времени он будет ею злоупотреблять, это его личное дело. Ну и поэтому я человек, еще только приступивший к серьезному познанию жизни и посему будем меня считать своего рода **молодым стажером**. Но чтобы не докучать своей особой девицам, вступая в разговор, следует обращаться так: *Вы позволите вас кое о чем спросить, очень коротко?*

2. Итак, я еще человек **не** опытный, не то чтобы совсем ничего не знающий, или знающий только о своем незнании, как Сократ, но все же знающий совсем немного. Поэтому попробую нарисовать границы, в которых простирается мое невежество и мое смутное полужнание.

Если условно разделить говорящую публику (с которой как раз и приходится иногда разговаривать и спорить), на части, то одну часть составляют вместе крайние левые и правые экстремисты, преимущественно левые, жаждущие **добить пятую колонну**, которую якобы не добил Сталин; другую часть составляют умеренные экстремисты, жаждущие проучить всяческих бандеровцев, анти-советчиков, сторонников западных ценностей, дерьмократов и т.п. и третью часть составляет Болото (больше их, чем всех остальных, сказать трудно, так как остальные кричат и поддерживают акции по устранению всех, кто не согласен с правительством, а эти, из болота, даже квакают приглушенно, так что, возможно, Болото составит половину всех жителей, и за Войну и искоренение не более чем тоже половина (хотя против них, искоренителей, всего один человек). Итак, **в центре мнений только один, стажер-философ, то есть я**. Что-то я оставил бы от советского общества – тех, кто хорошо делал свое дело, таких было немало среди врачей и среди учителей; что-то я оставил бы от нового общества, – предпринимателей, свободолобцев, критически мыслящих оппозиционеров, что-то я оставил бы и от консерваторов, точку зрения которых трудно сформулировать и они ее сами формулировать не могут тоже. Но несмотря на хулу в адрес верноподданных и ура-патриотов, я, совсем не сторонник крайних взглядов, я не фашист, не оголтелый коммунист-сталинец, не сторонник мировой Закулисы и Мирового правительства тем более не сторонник космополитизма, я без Русского языка и без России свое существование не мыслю, ни в Англии, ни в Германии, ни в Америке.

ОТРЫВОК из романа «ЗАПИСКИ НА "ПАЛЬМЕ"».

СЛОВО И ДУША

1. Родина и Род

К учению о мире, к *мировоззрению*, мы обращаемся не только затем, чтобы попытаться понять, где и с кем мы живем, но и получить совет, свод правил для практического использования, чтобы знать, *как надо жить*, и как себя вести в житейских передрягах.

Существуют традиционные "Правила Добра" и поведения, словно походка и голос пронизывающие наше существо и неотделимые от нас – и главное из этих правил состоит в том, что жить надо так, чтобы не стыдно было перед ближними своими, ибо оглядывается человек не на Бога, а на соседей, родных, друзей.

Многое же выражено в строе и содержании языка, в пословицах и поговорках, метафорах и эпитетах.

Береги платье снову, а честь смолоду; очи держи до́лу, а душу горé; на Бога надейся, но и сам не плошай; двум смертям не бывать, а одной не миновать; у страха глаза велики; мертвые сраму не имут...

Даже отдельные слова поучают и пестуют душу – Отечество, отчизна, Родина, народ; родной (милый, близкий), природа, родники (рождающие воду, а метафорически – источники жизни) – по духу и по рождению соединяют в одно целое тех, с кем мы живём, среди коих родились, семью, родную землю и череду родителей и пращуров, населявших ее. *Отчизной* и *Родиной* не назовешь место, куда забрасывает "по воле рока на ловлю счастья и чинов", куда бежишь за "длинным рублем", за сладкой и обеспеченной жизнью, ибо пронзительное слово *Отчизна* сильнее всех проповедей противостоит низкому суждению, что Родина – там, где хорошо, и даже высокому, что Родина там, где Бог. Но да может ли быть хорошо на *чужбине*, если дома даже "дым отчества сладок и приятен"? И может ли вполне согласиться с утверждением апостола Павла, что "отныне несть ни эллина ни иудея" – еще живой писатель, пишущий и думающий на *родном* языке? Еще живой актер и художник? Даже странник по родной земле, в восторге благодатного слияния с природой восклицающий: "Благословляю вас, леса! Долины, воды... И посох мой благословляю! и всю *Природу*!"? Идея Рода и Отечества лежит в основании языка и противостоит безнациональной *всеобщности* способом говорить и думать.

Но как вмещены в человека время и вечность?

Время – это то, что имеет зримое начало, что вспоминается как *собственное*; вечность – существующее всегда, искони, изначально.

Что же содержится в слове и понятии "сроду" – временное или вечное? Только ли то, что от "моего рождения"? Мы ведь еще говорим

"такого *сроду* в нашей семье не водилось", или "мы *сроду* были доброжелательны и гостеприимны" – это ли уже не вечность?

Время привязано к роду и рождению – а тогда в каком времени живет *изгой*, человек "без роду и племени", без народных корней и народной памяти – есть ли у него не только вечность, но даже широкое течение времени, помимо каждодневного? К чему привязывает он то, что было до его рождения, к чему привяжет он то, что наступит после его смерти?

Всемирность вырывает человека из времени, поскольку человек в действительности не живет ни в космическом времени вселенной, ни в геологическом времени Земли; живое время его бытия – это время *историческое*, время бытия культуры, даже еще *уже* – это время *рода*, имеющего *общий язык*.

Существование вне своей *семьи*, вне своей *среды*, вне своего *народа* – трагический разрыв, проходящий не между внутренним и внешним, не между человеком и миром, но внутри самого человека. Душа содержит не только Я, но и происхождение, то есть семью, род, племя, народ, государство, "*культурно-исторический тип бытия*". Отдельное Я – то же, что женщина, потерявшая свою семью. Как бы ни хорохорился "гражданин мира", один, сам по себе, он – несчастлив.

Христос пришел спасти *Свой* народ – и Его собственный народ его отверг. Он клялся в любви и верности, многожды повторял, что пришел не нарушить закон, а только подтвердить его – и действительно, ничему в законе не возражал, ничто в нем не изменял, но – был отвергнут.

Ученики Его и последователи были также отвергнуты, не случайно апостол Павел сказал, что он *сораспят* с Христом, и *вместе с Ним сораспят весь мир*.

Но *сораспят* с Христом был тот мир, который Он возвестил, мир новый, прорастающий сквозь ветхие одежды старого, мир иной, который *не от мира сего*. А был ли отвергнут и распят мир традиционный, живущий по закону Моисееву? Новый мир отвергнут иудеями – но должны ли христиане отвергать старый мир?

Это странное противоречие до конца в христианстве не прояснено и не преодолено, и находятся ли оба эти мира – старый и новый – здесь, или весь здешний мир нужно отвергнуть, весь он проникнут грехом и тлением, а мир Христа – только за гранью бытия, за гранью смерти – остается неясным, да и сам апостол Павел на вопрос этот до конца не ответил.

Он-то, по-видимому, воистину для здешней жизни умер, и в нем эта здешняя жизнь умерла – но должна ли вся жизнь умереть для всех последователей Христа?

Неразрешенность отрицания мира и жизни каждый разрешал в самом себе – от прославления жизни, до затворничества и схимы.

Апостол Павел продолжил учение Христа – но он продолжил и Его драму разрыва с собственным народом. Он уже исходит из отвержения, и стихийно или сознательно, обращается преимущественно к язычникам.

Какой же народ собирается он, "еврей из евреев", спасти?

Пришел ли он спасти иудеев или язычников?

И среди тех, и среди других он пришел спасти семя нового урожая, побег для нового древа, тех, кто больше уже ни иудей, ни язычник, но будучи облечен во Христа, становится *новым народом*, не по рождению, а по духу.

(Апостол Павел нашего времени, Карл Маркс, этот *новый народ* нашел среди пролетариата.)

2. Доблесть и Достоинство

Не менее убедительный пример того, как воспитывает русского человека язык, находим мы в словах, выражающих отношение к опасности, и к поведению перед лицом опасности.

Страх, трусость, боязливость – чуть ли это уже не все слова, обозначающие малодушие. Но как красочно и разнообразно описывает язык людей *достойных*!

Презирующий опасность, идущий навстречу ей, называется *храбрым*. Более емко слово *смелый*, в котором выражена не только стойкость в минуты опасности, но и *решимость* противостоять злу и жестокости, возражение враждебной воле – *смелый* тот, кто высоко держит голову в столкновении с силой, *посмеивший* иметь собственное мнение, противостоящее мнению государства, церкви или большинства.

Но как быть *смелым* христианину, если должен он быть *богобоязненным, робким, кротким, смиренным*? Если должен он быть *терпеливым и покорным*?

Еще поразительнее слова – *мужество, отвага и доблесть* – они звучат как призыв и утверждение, они одни способны создать образ человека, вызывающего восхищение – но как далеки они от христианского представления о Достойном человеке!

Наш любимый народом святой Серафим Саровский, наверное, был "не робкого десятка" при всей своей "*богобоязненности*", и у меня нет оснований предполагать, что был он робким, несмелым, нестойким – но язык не поворачивается христианина назвать *мужественным*, ибо бесполость – их мечта и недостижимая цель; также трудно почитаемого святого назвать *отважным и доблестным*.

Однажды на него, молившегося в уединенной пещере, напали разбойники, надеявшиеся найти у него богатства. Били они его смертным боем, а он продолжал молиться и повторял: "Господи, прости им, ибо не ведают, что творят!" [*Да неужто разбойники и вправду того не ведают?*]

Разумеется, случай этот показывает, что был он человеком не малодушным, но *доблестным* я назову рыцаря, павшего на поле брани, но не желающего покориться силе; *отважной* я назову Жанну Д'Арк – не за то ли пыталась ее католическая церковь и в конце концов сожгла, что была ее *отвага* не совместима со *смирением*, которое является становым хребтом христианства?!

3. Чувственный мир

Но согласны ли и другие слова русского языка с тем образом благостного постного православного, который проповедуется *профессиональными православными*?

Все то, что выражает в языке *восторг* и *восхищение* – противостоит официальному христианству; ибо оно само противостоит всем сильным чувствам и их выражению.

В каких же словах и звуках выразил язык русский сильные чувства?

Страсть!

Слово энергичное и упругое – нет, не место ему в тишине и покое молитвенного созерцания! Означает оно сильные чувства, а христианство озабочено одним – как заглушить, уничтожить *пагубные страсти* в человеке (ибо не пагубных оно не предполагает... да и право, ибо все страсти пагубны, даже соби́рание спичечных этикеток!)

Есть у этого слова еще значение – *ужасы, испытания*; и *страсти Христовы* – это именно мученические *испытания* Его.

О прекрасной музыке, выразительных стихах, чудесной живописи, красоте природы говорим мы – *чарующие* звуки, очей *очарование*, *волшебная* сила искусства, *магическое* впечатление, *очарованы*, *околдованы*, *восхищены*... Боже, Боже, какой ужас, какая *страсть*!

Каждое из этих слов такого свойства, что за нечаянное произнесение их истовый христианин должен наложить на себя епитимью!

И *чары*, и *колдовство*, и *волшебство*, и *магия* – прокляты церковью, ибо они относятся к той области чудесного, где человек пытается получить необычную силу и помощь какого-то иного свойства, иной природы, нежели дается в молитве. (Да и обычное светское искусство чуждо церкви, оно именно *чарующее, волшебное*, оно умножает жизнь, а смысл и цель жизни для христианина – за нею, за ее гранью!)

Что же говорить о красоте и притягательности женщины? Она – *соблазн, восхищение и прелесть*! Ну что за язык русский, везде христианин должен вскричать – чур, чур меня! И *восхищение* – не что иное, как потеря души, украденной, похищенной, *восхищенной* тою, которою мы *восхищаемся* – а она-то не *хищница* ли, похищающая нашу душу, наши чувства, наше любование ею? Не скажет христианин, что *восхищается* он Христом, или Богородицей, или Духом святым, или даже яркими образами Нагорной Проповеди – нет, он либо смиренно *благоговет* (вкушает благо), либо *умиляется*, либо *богобоязненно трепещет*, либо *исполнен страха Божия* – тоже всё чувства красивые, но нет в них "*мятежной бури, которую ищет душа поэта*"!

Ах, прелестные, *прелестные восхитительницы*, восхитительные прелестницы! Это не о вас ли сказано, что "*если око твоё соблазняет тебя – вырви око своё*"? Ибо чем иным может соблазниться око мое, нежели женская красота?

И самый первый и самый страшный "*первородный*" грех начался с того, что дьявол *прельстил* прародительницу рода человеческого, и

потому всё пагубное христиане называют *прельстительным*. Но что же значит *прелестный*? Если *льстить* означает *хвалить* и *лесть* – *похвала*, то *прелестно* всё то, что выше похвал – *пре-лестно*! Так же как *превосходно, прекрасно и премудро*. Но *прельстить* означает и *соблазнить, притянуть, возбудить желание*.

И вот, "*очарованный странник*" на русской земле, *восхищен* я ее красотою, *соблазнен прелестью* восходов и закатов, покоем лесных озер, видами ее древних городов, богатством и распевностью речи, силой и страстью, колдовского выразительностью слов, негой и поволокою женских взоров... – ах, не замолить мне свои грехи!

Язык – бесконечен. Многомыслен его строй, многомысленно каждое слово. Как удивительно язык сопротивляется идеологии – то есть придуманному однозначному способу видеть и чувствовать!

Вот социал-демократия отрицает *личность* (лицо, лик) и противопоставляет личности "народные массы".

Но язык мстит собакевичам выражения, смердяковым поэзии – и прилагательное "*народные*" умирает возле глыбы "массы", возле ее неблаголепия и клейкой однородности. Нет, не может *рождаться* масса, не может быть *народною*, она может только пузыриться, растекаться, застывать. Так же обречены были засохнуть "коллектив", "интернационал", "базис и надстройка", "социализм" и "коммунизм", и "моральный кодекс строителя коммунизма".

Не знаю, спасет ли Красота мир; спасет ли Красота Россию – но что безобразие, отсутствие красоты, лада, гармонии *погубит мир* (как погубит, в конце концов, и всякую идеологию, претендующую научить человека жить без красоты, вопреки ей и против нее) – в этом я убежден.

Полторы тысячи лет христиане проклинали человеческое тело, называя его *сосудом греха* и *сосудом дьявола*, разбивали статуи Аполлона и Афродиты, преследовали и порицали Театр (а мой друг Протопоп даже ломал на ярмарках дудки и свирели и дрался со скоморохами!) – возвышались ли души людские от их проклятий? [Да что говорить?! – игрушки и детский смех *были от лукавого*!!! – или забыли? Да, забыли. Память коротка. Умиляющиеся гуманности христианства не помнят уже ни процессов над ведьмами, ни избиения гугенотов, ни Жанну, ни Джордано, ни преследования еретиков]. Да, целых полторы тысячи лет плоть и красота были гонимы и прокляты, и вот, теряя власть над душами и телами, оборотилась церковь к человеку, и многое приняла из проклятого язычества – и красочные праздники (*широкую Масленицу, веселые Святки, Красную Горку, Коляды, Ночь на Ивана Купала*), и свадьбу, и *крестины* (празднование самого рождения младенца, а не причащения только к церкви), и молебны об урожае и дожде (а уж тут чистое язычество, древнее *закливание богов*, колдовство и волхование! И даже если форма христианская, то существо дела – языческое!).

Ну, слава Богу, устало христианство воевать против плоти, красоты и искусства, уже и танцы в иных протестантских храмах дозволены (хотя

это не лучше, чем торговля в храмах), уже и на разводы католики согласились (правда, с таким количеством оговорок, что легче сдохнуть, чем развестись!.. Ох, ненавистна плотская любовь монашеской идеологии поста и воздержания – перечтите-ка Анну Каренину Толстого и его же Крейцерову сонату, или жалобные сетования Розанова на его нескладную семейную жизнь!)

Но – не модно нынче носить вериги и бичевать тело, и покрывать его струпами – и даже смешно.

4. Источники Блаженства

...Впрочем, унесло меня в сторону от музыки русской речи и заключенного в ней, в плоти ее и духе – исконного, вечного, не только русского, но и общеславянского восприятия и переживания Мира и жизни.

Пока я писал о *соблазнах* и *очарованиях*.

Но остановим внимание и на том, что, кажется, далеко от греха – здесь-то согласны ли народные чувства с идеологией христианства?

Поговорим о *труде*.

Соблазнившихся, прельщенных, *согрешивших* прародителей наших разгневанный их Создатель, Бог-отец, изгнал из рая со словами: *Отныне в поте лица своего добываете хлеб свой, и пусть труд вам будет в проклятие!*

Как бы мы ни относились к *труду*, что бы ни проповедовали детям своим, отношение к *труду* Отца нашего небесного для нас ясно – подарил Он нам *труд* не в радость, а в страдание.

Но точно ли исполняем мы Его приговор, и хотя и в поте лица добываем свой хлеб, но только ли в тягость нам наш *труд*, а тем паче – в проклятье ли?

Язык наш правдивее лукавого ума, он не притворен, и вот мы видим – все, что нелегко дается, что не падает с неба само собою, все то – трудно. *Нагруженные* гудят ноги от долгого пути, *трудные* бывают роды, *труден* путь познания ...

... То, что не легко, что тяжело – *трудно*, а значит *трудиться* – тяжело?

И поскольку *тяжело* то, что *трудно*, и *трудно* то, что *тяжело*, то – одно ли и то же заключено в этих двух названиях "нелегкого"?

Тяжело в учении, *легко* в бою! – восклицал Суворов, и здесь *тяжесть* неотличима от *трудности*, но – "Ох, *тяжела* ты, шапка Мономаха!"; "Кого-то там еще *нелегкая* принесла?!"; "Ох, *тяжело*, дай дух перевести!"; "*Тяжесть* на сердце"; "Трудами *тяжкими*..." [значит, бывают *труды* и *не тяжкие*]; *тягостно*, *тяжко*; *свинцовая тяжесть*; *тяжелый* путь (хуже, чем трудный); ... да очевидно уже, что *трудным* мы называем всё то, что требует преодоления, *труда*, старания, что приводит к усталости – но не к печали, не к огорчению, не к унижению, потому что естественно ученые сочинения называются "научными

трудами", естественно словом *"труженик"* называем мы уважительно трудолюбивого человека, и *трудолюбие* возводим в добродетель наравне с добротой – то, что дано нам в Проклятие, было бы нелепо *любить*.

Труд у славян – одна из главнейших добродетелей, и это отношение к труду выражено в пословицах и поговорках – *без труда не вытащишь и рыбку из пруда; любишь кататься – люби и саночки возить...*

Трудолюбие соединяет *труд* и *любовь* более естественно, чем христианские *добротолубие* и *Боголюбие* (сохранившееся, по-видимому, только в прозвище Андрея Боголюбского).

Трудолюбие – одно из важнейших достоинств человека, оно в том же ряду, что и *миролюбие* и *правдолубие* или *добротолубие* (последние два слова тоже кажутся искусственными и книжными, и «добротолубие» сохранилось тоже только в фамилии Добролюбов).

Для славян труд – не проклятие, а – трудная радость, *преодоление, преобразование инертного вещества материи, требующее усилий, но приносящее удовлетворение и награду.*

[Возможно даже, что в библейских текстах – психология и мироощущение древнеиудейской интеллигенции, или правящего слоя, "элиты" – но какую бы Библию написали наши Кох и Чубайс! (лучше бы они писали показания!), Грех и Понарыко!]

Так богодухновенны ли тексты священного Писания? – в том смысле, что выражена ли в них Истина безотносительно к тому, через кого она передана нам? Нет, обе книги Библии пронизаны историей, психологией, мироощущением древних иудеев, и не совпадают они с мироощущением славян, а тогда что же является Истиной в Последней Инстанции? Для меня, русского, то – что впечатлено в моём языке!

5. Воля и Свобода

Писал я о том, что в самих словах русского языка сосредоточено отчуждение от христианства.

Рассмотрим слово "воля".

"Неволя" – это стеснение, плен, лишение свободы, "воля" – это *Свобода*. Но это же слово означает и еще одно важное понятие, причем никаким другим словом оно не передается, это – *Воля*.

Вот ведь – богат русский язык! – а *Волю* именуем мы одним всего словом, да и то это слово ссужаем в пользование другому понятию, родственному ли? – у которого есть свое собственное название.

"Воля" – это *Воля*, да еще и *Свобода*... Но нет ли именно в этом откровения об истине Воли?

Христиане говорят, что надо жить не по своей *Воле*, а по *Воле* Бога, то есть надо отказаться от своей *Свободы* и вручить себя Богу, *"поработить"* себя Богу и стремиться жить в *неволе* (Апостол Павел иначе как *рабом Божиим* себя не называет).

А как же тогда Христос говорит, что пришел *освободить* человека – это ли и есть свобода – отказ от своей *воли*, то есть *свободы*? Не такая

же ли это дурная диалектика, как и *диктатура пролетариата*, которая будто бы самая полная *демократия*?

Если "воля" – это и *Воля* и *Свобода*, то отказаться от своей *воли*, хотя бы и для *Воли* Бога – благо ли?

Не только строй языка, но все его интонации, песни, стихи, романсы, сказки, присловья – всё возвеличивает **Волю** и утверждает ее. Так что же – тюрьма – идеал христианина? А пожалуй что и так. Социализм будто бы антипод Христианству, но столько у них общего, что диву даешься!

Воля как *воление, намерение, желание* – неотделима от *свободы, воля и свобода одно!* – вот таков русский человек, таков русский язык!

Как же тогда говорят, будто рабство у русских в крови? А разве не язык – подлинная кровь народа? И эта кровь такая чистая, яркая, светлая, живая – Господи, неужто такой народ может умереть?!

6. Добро и благо.

Еще тридцать пять лет назад Вадим Салов огорчил меня замечанием, что слово *Добро* означает одновременно и *Благо* и *Богатство*, и значительно позже я утешился, что, с другой стороны, богатство если и плохо, по мнению Иисуса Христа, ибо *богатый* не вникнет в царствие небесное, но зато само слово имеет благородное происхождение, ибо *богатство* – это то, что дается *Богом*.

Добрый значит еще и полный, статный, *тучный* (кстати, *туки земли* – силы произрастания). Вот эти силы произрастания существуют и в слове "добро", мы говорим о земле – *добрая* земля, имея в виду не только то, что она хорошая, но – плодородная, тучная; мы говорим – *раздобыл* на государственной службе, или на дармовых харчах, то есть располнел.

В слове "добрый" присутствуют сила и «лад» – *добрый* конь, *ладный*; добрый молодец, доброе оружие, добрая сбруя (упряжь) – хорошая и ладная, удобная.

К чему я провожу все эти разыскания? Только чтобы понять, *почему* "добро" означает не только *благо*, но и *богатство* – "много у него всякого добра было..." – и надо ли расстраиваться из-за этого.

Но поразмыслим – означает ли "добро" *богатство*? У кого есть *богатство*, тот называется богатым, но не *добрым*, не так ли? Следовательно, "добро" – это не *богатство*, а – *имущество*, припасы, снаряжение, одежда... всё, что нужно *доброму*, справному хозяину и солидному человеку, – а миллионы и хоромы, и "мерседесы" называются словом *богатство*, но не словом *добро*! И, значит, более древнее, языческое слово *добро* не обозначало чрезмерное количество имущества у одного человека, а воистину было *благом*; "богатство" же имеет характер оправдания, дескать, это Бог дал, это от Бога. Хотя Христос и сказал, что, несмотря на это, в небесное царство им не войти, но, несмотря на это, церковь вполне гармонично сочетается и с властью и с богатством, да и сама стремилась и к тому и к другому.

Итак, по крайней мере в моих глазах "добро" реабилитировано, и я

чистосердечно могу воскликнуть – Будьте *добрыми*! – то есть будьте милосердными, но и ладными, статными, и *не бедными*!

Правда, вначале следует стремиться к милосердию, затем к красоте и силе, и уже в третьих – к приобретению и умножению имущества.

А что своего, особенного, отличного от "добра" в слове *благо*? Расширительными свойствами оно почти не обладает, обозначая исключительно нравственную категорию, и не существуют ни благой конь, ни благой молодец, но – *благие помыслы*, благие намеренья, желания, дела.

Правда, добро (богатство, имущество) в качестве дара тоже называется словом *благо* – земные *блага*, *блага* цивилизации; и когда один человек заботится о другом, бескорыстно помогает ему, мы называем его *благодетелем*.

Восторг бытия, высшее состояние радости мы называем *благодатью* и *блаженством*, а вершину земного состояния человека, предел его нравственных и духовных стремлений называем *Божьей благодатью*.

Признательность за оказанную услугу, за доброе дело выражаем словами *спасибо* (спаси Бог) и *благодарю*.

Итак, Благо, хотя однажды и употребляется для обозначения каприза и придури – "это на него *блажь* нашла" – но во всех остальных применениях и различениях означает только самое возвышенное и высоконравственное.

И тем не менее, основной вопрос и основное противоречие бытия звучат так: Бог и Дьявол, *Добро и Зло* – но не Благо и Зло – почему?

Слова Добро и Благо иногда подобны, например: *добрые* и *благие* дела и намерения, *доброжелательный* и *благожелательный*, но в некоторых случаях не имеют пары, например: *блаженный*, *блаженство*, *блажь*, *Всеблагий* (о Боге) не имеют подобия в производных от слова *добро*, и наоборот, *доброта* как милосердие, сочувствие и помощь в трудном положении не имеет подобия в производных от слова *благо*, и *благожелательный* не совсем то же, что *добрый*.

Добро и Благо глубоко укоренены в русском языке и *народных* обычаях, и для обозначения людей, имеющих заслуги перед церковью, почти не используются.

Святой, святитель, праведник, исповедник, угодник, страстотерпец, мученик, великомученик... И только *благодарный*, *блаженный* (слово, имеющее оттенок – дурачок, чокнутый, не от мира сего, почти уже не содержащее в себе категорий добра и блага, а обозначающее особую категорию святых – Ксения Блаженная, Василий Блаженный, Блаженный Иероним – но церковь ли их причислила к святым, а не народ ли?)

Самое многочисленное войско святых – *мученики* и *страстотерпцы* – те, кто пострадал для утверждения Веры и Церкви или в защиту ее.

Страдание занимает центральное место в христианстве, и Иисус Христос – страдающий Бог, *Искупительная Жертва*, (в отличие от Будды – просветленного, просветляющего, Магомета – Пророка и Учителя, Конфуция – поучающего, наставника)...

7. Слово и Речение

Матерьял, идущий на постройку, как будто нейтрален по отношению к замыслу архитектора. Кирпич не имеет собственного лица, не утверждает и не отрицает, и из одних и тех же кирпичей можно построить храм и тюрьму. Выразительностью, смыслом, содержанием обладает строение, оно разговаривает с нами, но в речи строения уже не слышен лепет строительного матерьяла, даже если бы он и умел лепетать.

В литературе *строением* является законченное произведение, рассказ, роман, ода или драма; минимальная деталь, обладающая смыслом, это *фраза*, иногда усеченная до одного слова, что является ее крайним состоянием; но отдельно взятое слово не говорит ничего, из одних и тех же слов, как из кирпичей, автор строит тюрьму или храм, открывает истину, открывает калитку в душистый сад, – или убивает надежду.

Искони бе слово! – так начинается Евангелие от Иоанна. Удивительная истина сообщается в этой короткой фразе всего из трех слов, но каждое отдельное из них не сообщает не только трети от этой истины, но даже и четверти, и даже самой маленькой малости.

Только *сочетание слов* передает нам мысли и чувства, в сложном их узоре заключается и драма безответной любви, и драма истории – история ли любви Тристана и Изольды, или Крестовых походов.

В отдельно взятое слово история не вмещается, слово не содержит истории, и слово лес, или слово *бор*, которое мы можем встретить в тексте, ничего не скажут нам о том, к какому времени или к какой эпохе относится этот текст.

Но удивительное состоит в том, что именно в слове, освобожденном от внешних связей, – *вопреки сказанному!* – история, смысл, мировоззрение заключены в гораздо большей степени, чем в сочетаниях слов.

Слово содержит в себе почти всё, оно всеобще. Речение же индивидуально, оно принадлежит тому, кто его высказал, и хотя бывает часто так, что забывается автор текста, или выражения, и они уже как будто принадлежат всем, принадлежат народу – но почти никогда отдельное высказывание не является всеобщим, кто-то в нем видит и свое мнение, а другие, быть может, не согласны.

Кто не работает, тот не ест! – сильно сказано, но не для всех; *по одежке протягивай ножки!* – иногда приходится, да не хочется... Ну, согласитесь же, что какое бы выражение ни привести в пример, даже почти бесспорное, вроде того, что *лошадей не меняют на переправе*, не все согласятся и с бесспорным. Но можно ли найти человека, возражающего *слову*? Пытающегося его заменить или опровергнуть? Даже если у слова есть двойники, аналоги и синонимы, этим оно не опровергается, таково свойство языка, он *избыточен*, он не ограничивается одним знаком для обозначения некоторого понятия, а предлагает, как правило, сразу целый их набор – и все принимаются, все утверждены и одобрены, и используются в разговоре.

Итак, сочетание слов – часто частное мнение, отдельно взятое слово – абсолютная истина, аксиома.

Но, скажете вы, слово не сообщает истин, не утверждает и не возражает, но лишь используется в сообщениях. Слово не открывает нам историю, не рассказывает о событиях в жизни Раскольникова или Анны Карениной, не сообщает ничего об отношении к миру какого бы то ни было человека.

Да.

Что же тогда сообщает слово, какая история в нем содержится?

В слове содержится история языка, следовательно история народа, его подлинные верования, его подлинные воззрения и надежды, его чувства и заветы!

Речение затемняет всеобщее, разбивает его на частности, слово – выше частных, оно повествует о том, что принадлежит всем.

История содержится в слове двояко.

Во-первых, слово подвержено изменениям с внешней стороны, меняется его произношение и написание, например, стекло, *скло* (откуда *склянки*) – и *стекло* – и эти изменения немало говорят о сменяющихся эпохах.

Но гораздо важнее те изменения, которые связаны с значениями слова, с его внутренней жизнью – в них то и содержится подлинная история народа и его отношение к миру.

Я не филолог, и знания мои о русском языке неглубоки и недостаточны; для полноты понимания необходимо знать и происхождение слова, его рождение и детство. Однако, отсутствие специальных знаний позволяет не погрязнуть в частности, и приводит к двум противоречивым результатам – во-первых, я не следую общепринятому взгляду на то или иное явление языка, и значит, я объективнее; во-вторых, я исхожу из собственных предположений, интуитивных воззрений – и значит, я субъективен и предвзят, но именно предвзятость, как тропинка, помогает мне не заблудиться в лесу многообразных исторических сведений.

Внутренняя история слова выражается в том, что в течение своей исторической и культурной жизни слово взрослеет, как и человек, разрастается, как растение, пускает побеги, обрастает разнообразными смыслами, приобретает не только новые значения, но и новые оттенки прежде принадлежащих ему значений.

Не всегда можно эти изменения выстроить в хронологическом порядке, но часто это не важно.

После этого отступления вернемся к конкретным словам.

Добро как благо и добро как достаток, достояние, богатство, имущество – главные значения слова добро. Но добрый значит еще и ладный, статный, красивый, сильный (добрый молодец!).

"Добро́" (с ударением на последнем слоге) – хорошо, ладно, разрешаю, утверждаю: Ну, добро́, встретимся завтра; Идем завтра в лес? – добро́; Даю добро́!

Этическое, эстетическое и мирское соединены словом *добро* в нерасторжимое единство, и не противопоставлены друг другу, а – дополняют. Так принял ли язык русский (в отличие от древнерусских князей) христианство, с его негодованием против внешнего и мирского, с отрицанием красоты, умерщвлением плоти во имя спасения души, необходимость нищеты для вхождения в царствие небесное?

Воистину, Добро противостоит Злу по язычески, то есть во всю мощь и ширь жизни, и добротой, и статью, и полными закромами.

Так, может быть, зато *благо* – вполне христианское слово?

Говорят ведь, что душа – христианка, а, следовательно, коли *добро* выступает от имени и души и плоти, и объединяет их, то может быть, *благо* служит только душе, не вмещает плоть, и не обозначает ни полные закрома, ни доброго молодца Добрыню Никитича, ни доброго коня, ни доброй дівчины (что еще хуже, ибо многие христиане полагают, будто *женичина* – *сосуд дьявола*)?

Но, увы! Если *добро* не только благо, но еще и богатство, или, точнее, житейское *благополучие*, то что же такое – *благополучие*? – только ли благо? А еще не недостаток ли, то есть "полные закрома"?

Если *добрая земля* означает родящая, тучная, то *земные блага* не являются ли плодами *доброй земли*, то есть относятся именно к плоти, а не к душе?

Однако, *благо*, как и *добро*, вмещает и гармонию, понимаемую как *благолепие*, и, таким образом, обозначает достоинство человека по отношению к материальным ценностям, нравственным и эстетическим.

Идеология основана на высказывании, на утверждении, и идеология христианства – не исключение.

Непосредственный народный идеал жизни выражен в слове, и триединость слова *добро*, вмещающего достаток, благо и молодецкую статью; и такая же триединость слова *благо* означают, что народный русский и славянский идеал не только изначально не был христианским, но таким и остался – слово не сузилось, а лишь расширяется, значит, расширяется и мироощущение русского человека.

Может быть, душа и христианка, но язык *русский* – *язычник*!

Благо – это добро, но это и состояние души, находящейся под действием добра, переживание мира в его подъеме, в его совершенстве, что обозначается словосочетанием *благодать* (податие блага).

Что же такое *благодать*?

Это и переживание, которое обозначается одним словом *блаженство* (восторг), и совершенство мира! На поле, в лесу при восходе солнца, или при его закате, переживая прекрасное, мы восклицаем – *какая благодать!*

Есть и высшая благодать, которая называется *Божией благодатью*.

Такое развитие понятия от *блага* до *блаженства* и от блаженства до *Божией благодати* кажется подобным духовному восхождению от мирского до небесного, но противоречия, заключенные в мире, взрывают торжество восхождения, восторг вызывает реакцию противодействия, и

разочарование в возможности *блаженства* порождает саркастическое и циничное наваждение *блажи*. Словно два антипода, восторженный романтик и язвительный циник, *блаженство* и *блажь* осуждены теперь вечно спорить друг с другом.

Иногда мечта о *блаженстве* кажется пустой и ненужной *блажью*; но не наступает ли *блаженство*, когда, как Господь, человек, озирая плоды трудов своих, закончив *Благоустройство*, говорит восторженно – Ах, хорошо! Воистину – *Благодать*! (Как и я иногда восклицаю, распрямившись на огороде с лопатой в руках, и озираясь вокруг).

Не могу решить, ближе ли слово *Благо* к христианскому мироучувствованию в отличие от широкого, словно горный поток, слова Добро, но в сходных превращениях они иногда одинаковы, а иногда значительно различаются, так, одинаковы *доброе дело* и *благое начинание*; различны *добрый* (недобрый) *взгляд* – и *благостный взгляд* (пахнет елеем и благовониями); *задобрить* и *ублажить* (в первом случае скорее имеются в виду посулы, обещания, во втором – действие); и особенно значительны различия в словах *одобрить*, одобрение – и *благословить*, *благословение*. В последнем случае духовное содержание понятий отличаются как мирское от небесного; и хотя *благословить* тоже значит согласиться, *одобрить*, напутствовать (пожелать доброго пути и успехов), но *благословение* – священное, сакральное действие (часто с осенением крестным знамением, целованием икон, коленопреклонением, слезами и умилением), а *одобрение* – деловое *согласие*.

[Хамская идеология 20-го столетия, противопоставившая *Добру* и *Благу* целесообразность, принципиальность, солидарность и партийную жестокость, высмеивала их одинаково, не вникая в различия. Ненавистными были Доброта и Блаженство, добрые и блаженные, поэтому вместо них появились *добренький* (не добрый, а лицемерный, а подспудно втаскивалось представление, что добрых-то и нет вовсе, а есть такие только – "добренькие") и *блаженненький* (нечто среднее между юродивым и дурачком).

Но за эти боковые побеги *добро* и *благо* неповинны, суффикс "еньк" встроен в язык в целом, и уменьшает, умаляет, *снижает* любое слово (...почти любое), кроме тех случаев, где *умаление* связано с *умилением*.]

В споре за первенство выигрывает то одна, то другая сторона, так *добродетели* – внутренние качества человека, *благодетель* – опекун, заботник, оказывающий важную, ценную помощь; *добрым делам* противопоставляются *благодейния* – это те же *добрые дела*, но торжественный тон показывает, что дела эти *спасительного* свойства, их благословляет Сам Господь.

(К какой же партии принадлежу я? Не наживший *добра*, неспособный стать *блаженным*, растерявший *добродетели*, бессильный свершать *благодейния*, разочарованный в *благих* путях мира, не ждущий *блаженства*, сомневающийся во *Всеблагом*, недостойный *Благодати Божией* – не получу я *благословения* на свой труд ни от земных, ни небесных властей, ни от народа, ни от ближнего круга друзей.)

Добро в большей степени зависит от внутреннего, а Благо – от внешнего, потому *добродетели* – и *благодетяния*, *доброта* – и *благодать*... Но все же борьба Бога и Дьявола – это борьба Добра и Зла! Злу противостоит то, что идет изнутри человека, а не дается ему (так говорит язык русский), поэтому те, кто от елса и ладана, у кого взгляд тихий и голос скорбный, кто уже умилен и *благостен*, кому чуждо смятение и душевная скорь – пусть не торжествуют, русский язык – за меня, не за них! А со мною ли Христос, или с ними, мы еще посмотрим, ибо если сказал Он, что *суббота для человека*, так может быть и Сам Он для жизни, а не жизнь для Христа?! И тогда справедливо, что правду я ищу в своей совести и народной душе.

В пылу рассуждений сказал я, что слово ничего не говорит об эпохе, что оно не передает историю, и привел в пример слова *бор* и *лес*; пора уже и опровергнуть легковесное речение, которое, как и всякое речение, является частным (и следовательно, временным) мнением, ибо *слово* – основание, источник, и не только содержится во времени, но и время содержит в себе.

Бор – это лес, в котором мы пользуемся милостью природы, и *собираем*, берем ее дары, слово *Бор* то же, что собирать, брать, *сбор* и поборы.

Что же собирал в таком лесу древнерусский человек? О том говорят слова – во-первых, он охотился на "боровую" дичь, во-вторых, дети и женщины собирали орехи, грибы и ягоды, а царь грибов так и назывался – *боровик*.

Основные боры на Руси – сосновый и кедровый, и естественно, что русский человек, охотник, строитель и пахарь, *брал* в этом лесу основное его богатство – дерево.

Вот теперь пришла пора удостовериться в том, что эпоха в слове *бор* содержится прежде всего – во-первых, эпоха *собираательства*, когда это слово родилось, а затем все те благодатные эпохи, когда шумели на Руси вековые боры. Только не содержится в этом слове "нынешнее время", нет уже боров повсеместно, злая советская власть уничтожила их за семьдесят лет, а демократы дорубают недорубленное; откройте же словарь, и вы увидите, что рядом с этим древним словом стоит "арх. (арханческое)" и "уст. (устаревшее)".

8. Воспитание, образование, просвещение.

Итак, хотя и естественно думать, что поучение заключено в *высказывании*, то есть в сочетании слов, но отдельное *слово* выражает характер народа более *безусловно*. Таковы и слова *воспитание*, *образование*, *просвещение*. *Просвещением* преимущественно занимается начальная школа, в высших учебных заведениях учащийся получает *образование*, *воспитанием* же занимаются семья, школа и общество от рождения человека чуть ли не до его смерти.

То, что вкладывается в понятие *воспитания*, кажется еще более важным, нежели *просвещенность* и *образованность*, человека грубого, вульгарного, некультурного мы называем *невоспитанным* (а при этом он может быть и весьма "образованным") – но само слово, обозначающее это понятие, имеет вульгарное происхождение от глагола "питать", тогда как *образование* и *просвещение* – слова возвышенные, и первое, означающее и *созидание* и *приобретение знаний*, происходит от слова "образ", другое же, тоже имеющее двоякий смысл – и начальное "образование" и духовное возвышение (например, *просвещение народов*), – происходит от глагола *светить*.

В нынешних спорах о реформе *образования* тон задают, к сожалению, люди *необразованные*, некультурные, *непросвещенные*, те, для которых русский язык *неродной*, иначе не забывали бы они, что *образование* в России сродни иконописанию (созиданию образов – икон), и *образованный* – не просто знающий, но являющий собою образ Божий. Как же возможно заменить школьное *образование* профессиональным обучением?!

9. "Тварь ли я дрожащая, или право имею?"

...Если бы обо всех словах писать, а не только тех, в коих выражено отношение к миру, то можно бы написать ещё про целую рощу слов, разросшихся вокруг глагола *лить*.

Тут и существительные – лейка, литье, наливка, сливки, подливка, прилив-отлив, "требуйте *долива* пива после отстоя", "поборник *перелива*" (строка из моего стихотворения), "вино в *розлив*", весенний *разлив* рек, ливень (ливануло).

Тут, естественно, и глаголы, из которых первый – *наливать* и *разливать*: "Нет, ты *налей*!", "*Налейте* стаканы!", "Ему больше не *наливать*!", "Как-то, *разлив* по стусемьдесят граммов на брата..."...; *выливать*, *вливать*, *подливать*, *поливать* (огород) [или ругать кого-то чрезмерно]; *отливать*, *переливать* (в частности, *из пустого в порожнее*), *заливать* (в частности, *врать*), [а в Сибири о пропойцах говорили "*залил* zenки"], или "вина там было хоть *залейся*"; *лить*, *льет* (дождь) как из ведра; *сливать* воду (в частности, *тушить свет*); *лить* (изделия) ...

... и прилагательные – *литейный* цех; *вылитый* папа (то есть, очень похож); *наливное* яблоко (румяное); сидят как *влитые* (сапоги)...

...Но вернемся к избранной теме рассуждений.

Человек – *творение* Бога, то есть Божья тварь, как и весь мир, который называется "тварным" миром, то есть *сотворенным*.

Но почему слово "творение" получило переносное ругательное значение, и о низком, подлом человеке говорим мы – "ну и тварь ты!" (то есть, *скотина*)? Следовательно, "тварь" – это животное, но не человек?

Если *христианство* – это иудаизм плюс Новый Завет плюс древнегреческая диалектика, то *православие* – это *христианство* плюс славянское язычество (то есть народное мировосприятие), а в последний период

с ним соединяются русская литература и философия. Ветхозаветные отношения с Богом (иудейские и христианские) – то есть Творца и твари (или Господина и раба) – заменяются на отношения Отца и сына.

Раннее *христианство*, направленное на преодоление *природы* в человеке (в философских терминах – на противопоставление Духа и Материи), и унижение, пренебрежение плотского, "мирского" (то есть связанного с жизнью *здесь*), и следовательно, направленного к смерти и метаистории (к жизни *там*), заменяется в Новом Православии Преображением мира и человека.

Почему же для русского "тварь" – это животное [и Ной "взял каждой *твари* по паре"], и человек становится (в языке русском) "тварью" только оподлившись? Не потому ли, что человек – не "тварь"?

"Тварь ли я дрожащая или *право имею*?" – спрашивает Родион Раскольников у Федора Достоевского.

Пытаясь доказать, что он не "тварь дрожащая", но *имеет право*, Раскольников начинает "*качать права*" – но какое *право* противопоставляет он *тварному* трепетанию? – *право убить!*

Его опыт "*качания прав*" заканчивается крушением – намеренно убивает он старуху-процентщицу и случайно (точнее, из страха разоблачения, спасая шкуру) Елизавету.

После вымученного, не вполне искреннего покаяния Раскольников попадает на каторгу, мучается, и там наступает истинное просветленное покаяние в последней сцене романа.

Соглашается ли он, наконец, что человек – "тварь дрожащая"? По-видимому, соглашается.. Но почему "дрожащей твари" противопоставляется человек, "отважившийся" убивать? И почему, отвергая такое "право", надо отвергнуть и другие права тоже, ну, например, хотя бы *право свободно мыслить*, яростно отвергаемое христианством все две тысячи лет его власти над умами людей?

Русский язык настроен иначе, чем христианство и Достоевский-христианин, язык несомненно и без колебаний противопоставляет человека *твари*, утверждая, что *тварь* – это только человек подлый, а подлинный человек – вовсе не тварь, тем паче не *тварь дрожащая*, и язык не сомневается в его неотъемлемых суверенных правах!

Когда мы произносим слова – *венец творения*, мы выделяем человека из сотворенного мира, потому что язык интуитивно сопротивляется представлению о *тварности* человека, ожидая того благословенного времени, когда Бог, наконец, опомнится, и *усыновит* человека!

10. И милость падшим подавал!

Самое устойчивое слово из тех, что выражают душевные свойства и относятся к взаимоотношениям людей – *милый*. Выразительность суффиксов, приставок, окончаний, созидающих все богатство разнообразных значений исходного слова и оттенков этих значений, зависит от тех слов, с которыми они соединяются. Суффикс "еньк" имеет уменьшительный или уничижительный смысл, и "добренький" и "блаженненький"

призваны унижить и доброго и блаженного, но при этом *миленький* становится еще милее, и нежность, заключенная в *милости*, не нарушает гармонии восприятия.

Усиливается суффиксом "еньк" то плохое, что есть в "гадком" и "подлом", но понятие *чудно* приобретает иной смысл – не всеобщего понятия, а характерного индивидуального присловья, иногда шутки; так и сладкий – *сладенький*, вкусный – *вкусненький*. Умная, превращаясь в *умненькую*, не умаляется, но говорящий становится по отношению к ней в положение старшего. А милый и *миленький* – почти равноправны!

Удивительно, что в некоторых случаях уменьшительный и уничижительный оттенок изменяют значение слова на противоположное (как в *добреньком*), или осмеивают его (как в *кратеньком* и *простеньком*), но милый устойчив при всех изменениях погоды, и *милашка*, *милка*, *миленок* – всё так же *милы*!

А при этом изменения значения даже до отрицания, снижения и насмешки необходимы каждому понятию, таково свойство языка, он не может и не должен сохранять почтение, незыблемое уважение к самой способности говорить, думать, чувствовать, даже "святость" язык "пробует на зуб" и противопоставляет *святому* "святошу", умному *умника*, силе *силещу*, богатому *богатея*, достойному жалости *жалкого*, блаженству *блажь* и т. д.

Противопоставляется ли что-нибудь *милому*?

Нет, не посягнул язык на это слово, оставил в неприкосновенности, и противоположные значения выражаются только с помощью интонации и контекста – Ну, мой милый, вы и негодяй!.. Вот что, милая, закройте дверь с другой стороны!... Милостивый государь, к барьеру!... и т. д.

Почему такая почитливость, за что такое уважение?

Может быть, это и есть краеугольный камень в отношениях людей, более важный и более прочный, чем любовь?

Да!

Ибо выше любви – *милость* и *милосердие*! Тем паче к падшим, к заблудшим, и даже преступившим "закон и заповеди"!

Потому-то и справедливость, и возмездие, неотвратимые в буддизме (что выражено в понятии *кармы*), латинский и славянский мир уравнивали *помилованием*, отменяющим наказание (а Христос не призвал к *милости*, защищая блудницу, но призвал к *стыду*, более низкому чувству, а позже, сказав – "не судите, зато сами не будете судимы", воззвал для милосердия не к милосердию, а к *страху*! (По-видимому, суровы были законы иудейского мира, славяне подчинялись Слову – или Завету – более милосердному.)

И к униженным, опустившимся, погибающим, несчастным, обездоленным и нищим помощь и *подавание* русский язык назвал удивительным словом *милостыня*, утешающим больше самого подаяния, воистину делающего братом, и даже *милым*, того, кому подаешь.

Есть, есть чувство выше любви, и это – *умиление*!

Самая чтимая (душевно чтимая) икона в русском народе – *Богоматерь-умиление*. Я потому отделяю это чувство от любви, что... впрочем, кто держал на руках младенца, поймет и без объяснений. (Вот так и к птенчику на ладони испытываем мы *умиление* – не любовь же!)

И то, что по русски – *милый, милость, милостыня, милосердие, умиление, помилование* – в одном ряду – больше всех разысканий политиков и историков говорит об изначальном величии русской и славянской души!

[Вот в связи с иконой Богоматери и *умилением* придется сказать о русском христианстве – в чем его корень? Только ли в вере в Христа и в Его распятие *для нас* и в *Воскресение* для нас? Нет, нет, нет! Для русских *православие* – это цельный образ жизни чистого человека, начиная с рождения – и рождение *освящается*, и материнская любовь Марии к младенцу Иисусу – начало русского символа веры, и какая русская баба помнит о том, что зачатие и рождение по Христу – грех, и что дева Мария зачала и родила не так, как она? Нет, для русского Символ веры начинается с *Рождества* – Верую в святость рождения ребенка и материнской любви и в Богоматерь как символ и образ такой любви!

Потом Христос стал проповедовать, пошел черт-те знает к кому, набрал учеников из шантрапы (очень по русски!), а один из них Его предал, да и другие шатко вели себя, и, конечно, наложили на Него узы!

Здесь два узловых момента Символа Веры – *товарищество*, которое русский писатель даже превозносит над материнской любовью, и праведная жизнь во имя справедливости и страдания за нее – о, вот это еще более глубокий корень русской жизни!

И, наконец, Крестный Путь – а без него праведным вполне и не стать! Каждый праведный (или поучающий) должен непременно посидеть в тюрьме, а потом подвергнуться казни! (Готовлюсь к сему и я!)

Русское православие – это рассказ о жизни святого человека, который он лицезреет воочию в храме, как в театре, от Рождества до страстей Господних, любви, гонений, предательства, смерти и Воскресения (что, скорее, понимается символически, как торжество справедливости), а поучений Апостолов русский не знает, Нового Завета он не читал, а тем паче Ветхого, а если вдруг сдуру начинает читать или слушать, то и становится сектантом, потому что русское православие никакого, даже отдаленного, отношения к "подлинному" христианству не имеет, поэтому против *нашей* Веры я не выступаю и не призываю перестать ходить в церковь, слушать невежественного батюшку (и пока невежественного, до тех пор русского), любить, рожать детей и воспитывать их, быть верными в семье, в любви, в дружбе, радоваться жизни, украшать землю, пить на Рождество и Новый Год, гадать на Крещение, печь блины в Масленицу, красить яйца на Пасху, ставить пиво на Троицу и Ильин День, яблочное вино и мед на Спаса, разговляться на Покров – да и в другие скоромные дни не забывать о веселиях плоти и духа!

Так поэтому умилюсь и *дерзости*, ибо все живущее подвержено

тлению (что же делать? Темнеют и ветшают даже иконы) – и способность языка разрушать почтение по отношению к самым святым вещам – его мощь и жизненность.

Язык – дерзок, *для красного словца не пожалеет и родного отца* – но не возмущаться этой способностью языка надо, а радоваться ей!

Так же поэт и философ должны быть дерзкими беспредельно, истина, перед которой стоишь на коленях, невидима, да и неба не увидишь, если слишком усердно бьешь поклоны.

Но не собираюсь я запускать камнем ни в небо, ни в истину, но только в тех, кто из Откровения и Завета устраивает цепи для обуздания мыслящих!

Тем более, что дерзкими нас обязывает быть даже родовое имя. Разве не зовемся мы *славяне* (или *словене*), и разве не от *славы* и *слова* произведено наше имя? И, следовательно, мы – "*славный* народ, наделенный *словом*", люди *славы* и *слова* (не потому ли не сородичей наших, не говорящих по славянски, мы в первую очередь назвали не иноземцами, а *немцами*?).

Итак, мы *славный* народ, ищущий чести и *славы*, и потому *славяне*...

Славить – значит хвалить, *прославить* – восхвалить; но имеется здесь и другой смысл – "сделать известным". Так *Слава Богу!* – хвала Богу!, но *ославить* – опозорить. *Слава пошла* – пошла молва, *славы не ищут* – не ищут известности, но еще – не ищут чести, похвалы! *Во славу Родины* – в похвалу её, в честь.

То, что в "славе" присутствует честь, видно из того, что "тщеславие" означает любовь к тщетной, пустой славе – но почти то же значит "честолюбие", то есть "любовь к почестям".

А удалось *на славу* – не значит ли, что есть чем похвалиться, похвастаться? Отсюда и *славно* в значении хорошо ("вот и славно"), и *славный* в значении приятный, хороший, например, "славный малый", "славная дивчина".

Впрочем, прости меня, читатель, за эти пространные суесловия, во многом я не уверен, и значат ли *славяне* "*славный* народ" или – "люди *слова*" – не вем. Но славно и то и другое происхождение нашего имени.

В этой связи позволю себе небольшое замечание относительно происхождения слов *русский*, *россы* (великороссы, малороссы, белорусы), *Русь*, *Россия*. И я не знаю происхождения этих слов, как и другие не знают. Но если столь славным именем "*славяне*" назвал себя древний народ, разделившийся позже на сербов, словенцев, чехов, поляков, украинцев, белорусов и русских, и славно каждое имя, истоки которого нам ведомы, то странно было бы, что величайший среди народов мира, русский, назвался бы по имени безвестной речушки, или безвестной шайки бродяг, занесенных к нам из скандинавских озер и болот. А у нас даже личные имена – славные: Вера, Надежда, Любовь, Лада, Ярослав, Светлана, Владимир, Всеволод! Что ж бы мы сами себя не славно назвали? (Хотя почему истоки "*русского*" затерялись в памяти – и странно, и таинственно, и как будто имеет для нас предзнаменование.)

11. Искони бе слово.

Выше я говорил, будто отдельное слово не содержит высказывания, и поэтому знаменитое выражение, с которого начинается Евангелие от Иоанна *"Искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово!"*, не содержит, хотя бы частично, ни в одном из слов, его составляющих.

Но пришла пора возразить и этому поспешному суждению.

"Искони бе слово" на современном русском языке звучит так: "В начале было слово".

"Искони" значит "изначально" и "всегда" (вспомните, например, "исконные русские земли"); "бе" – есть, существует, является; *слово* значит "слово", и та бесконечность значений, которые в нем содержатся.

Во-первых, *слово* – известие, рассказ, сообщение, весть, сказание: Слово о полку Игоревом; Слово о гибели земли русской; Слово о законе и благодати митрополита Иллариона.

Слово – речь, выступление, сообщение: *прошу слова* (разрешите сказать); *дайте ему слово*; *последнее слово подсудимого*...

Русская *словесность* – то есть литература.

Крылатые и меткие *слова* – краткие изречения.

Забытые и редкие *слова*... – и вправду, увы, забытые!

Присловье – присказка, изречение, поговорка, привычное для конкретного говорящего словосочетание, например "ёлки-моталки".

Суесловие, пословица, дословно (сравни "буквально"), *слово за слово, славословить, к слову, одним словом, без слов, словарь* (словник).

Злословие – порицание, хула, оговор.

Условности – нечто необязательное, временные правила, мода.

Словно – как будто, будто (держится так, *словно* он царь).

Прекословить – возражать, говорить вопреки.

Слово – еще и *право* в выражении "свобода слова", и *талант* – "дар слова", и *достижение* – "последнее слово науки", и самое главное, *обет* и *верность* в выражениях "дать слово", "не сдержат слово", "быть верным слову".

Слово – общественный уклад, то есть *сословие*.

Слово означает так же причину, обстоятельства, например, *условия* протекания химической реакции; в тяжелейших *условиях* крепчал талант автора данного исследования.

Безусловно – независимо; не требует доказательств.

А в греческом языке *слово* (λ ο γ ο σ) – это и слово, речь, понятие, учение, мысль, разум; а также *порядок*, который изначально, а не возник из *хаоса*; всеобщая закономерность, *закон* (по Гераклиту) и *духовное первоначало*, божественный разум (по Платону).

Таким образом *"Искони бе слово"* – "изначально существует *закон*" – значит, что "условия и источники существования мира прежде самого мира", то есть "λ ο γ ο σ изначально", а мир – его воплощение, и потому изначально и вечно, то есть безусловно, существует Слово, принадлежащее Богу, который и есть Слово.

12. Мир спасет красота Слова!

Если, как мы увидели, "нравственный закон внутри нас" выражается двумя словами-понятиями – Добро и Благо, которые в русском языке не просто стерпелись-слюбилились, а воистину пошли навстречу друг другу, так что от достатка Добро поднялось до верховного главнокомандующего в борьбе со злом, а Благо не стало держаться своей непорочности, но включило в обиход добрые плоды земли под именем "земных благ", то не так же ли драматично описывает и выражает язык мир прекрасного?

Три важнейших слова к сему относятся – *великолепно, красиво, ладно...*

Лад – согласие, согласованность, гармония.

Предотвратить столкновение – *уладить* дело миром; исправить – *наладить* (то есть "отремонтировать"); *ладно* – хорошо, *неладно* – плохо.

Слов, происходящих из *лада* – море, но я занят не исследованием связи слов и языка в целом, а желанием понять, как дух и отношение русского человека к миру выражено в языке; как душа выражена в слове.

Достоевский говорит – *Мир спасет красота!* – а значит мир будет спасен гармонией, согласием, устроением.

"Знает только ночь глубокая, как *поладили* они..".

Лад – согласие... Но как ни переворачивай это слово, неотделимо оно от красоты.

Ладная дивчина – не значит ли *красивая?* (и "ладный хлопец"?)

Лад – это и музыкальный строй. (*Уклад* жизни – строй её.)

Складно – стройно, гармонично, соразмерно.

Размышляя о наиболее значимых словах, каждое из которых соединяет в себе множество понятий и их оттенков, чувствую иногда, что недостает мне некоторых важных сведений из филологии и языкознания. И все же, не спешу я обращаться к справочникам, словарям и своим ученым товарищам – разве русский язык не в такой же степени мое достояние, как и ученых филологов, разве мы *приобретаем* его, а не *получаем в наследство*?

Всё, что я знаю о своем родном языке, что я чувствую в нем, я уже знал и чувствовал чуть ли не в младенчестве (так и Сократ полагает, что мы не приобретаем познания, а лишь припоминаем забытое), и когда я читаю ученые рассуждения о том, как надо *правильно* говорить, я не спрашиваю себя, правильно ли говорю *я* – но, напротив, выясняю, правильно ли рассуждают они.

Итак, знание языка и знания о языке – интуитивны, воистину передаются они с молоком матери, а последующие рассуждения мои или ученых – вольные домыслы, только у ученых опираются они на традицию и авторитет, а у меня – на чувство вкуса, мою семью, деревню... и что-то еще неопределимое.. Так – Сальери *знал*, как надо сочинять музыку, Моцарт – *не знал*; однако о Сальери многие помнят только благодаря бессмертной драме Пушкина. (Я не отрицаю знания и

науку, но только не хочу, чтобы правила и образцы мне, слушающему музыку мира, диктовали *ученые шарлатаны*; равно как *неученых шарлатанов* избегаю я так же.)

"Но всё же, всё же, всё же...", как по другому поводу воскликнул великий Твардовский, многое в языке не с молоком матери, многое – из науки. Изучая химию, узнаем мы про средневековых *алхимиков*, и об их поисках философского камня; физиология знакомит нас со словом и понятием *рефлекса* и расширяет представление о *рефлектирующем* сознании; география обогащает нас *параллелями* и *меридианами*, *северными широтами* и *дрейфующими льдами*; геология... ну, и так далее... Да, не всё узнаём мы с рождением, кое-что приобретаем в школе (если не из приключенческих романов Вальтер Скотта, Майн Рида, Жюль Верна, Стивенсона и других!)

Ладно, заключим мирное соглашение, не будем спорить, каждому – своё! И все-таки, я счастлив, что до сих пор не могу принять слов *саммит*, *холдинг*, *эксклюзив*, *дистрибьютер* и *электорат*... счастлив, что даже "молодежная фея" вроде *торчать* и *приколоться* мне понятнее, чем "черный пиар", "фьючерс", "фрончайзинг", "брифинг" и "траст".

Обладея поразительным по мощи и выразительности наследием, не подверженным ни инфляции, ни девальвации, не ветшающим, не стареющим, и не обесценивающимся "в зависимости от моды и молвы" и внешних перемен, мы пренебрегаем им, портиим его, бросаем под ноги, сбиваем в коктейли, добавляя бочки словесного иноземного дегтя в чистейшие родники русской речи!

Обладея кладезями мудрости, заключенной не только в *изречениях* великих и известных, но и в жемчужных и самоцветных *россыпях отдельных слов*, обладая знаниями, вмещенными в слова, как роща содержится в горсти семян, знаниями большими, нежели все сочинения философов и даже Священное Писание, полученными нами в дар при рождении, не требующими для пользования ими ни поручительств, ни верительных грамот, мы не вслушиваемся в слово, нагромождая поспешные и непродуманные сочетания их, в которых будто бы заключено "сообщение"; слитное и магическое знание, которое сосредоточивается в слове как золотonosный песок оседает на дне ручья, мы отвергли во имя "информации", в которой смысла не более, чем в случайных завываниях ветра.

"Сегодня на ...ской улице автомобиль обрызгал прохожего восточнее озера Мичиган, глубина которого..." – это "*информация*", заполняющая страницы газет, журналов, теле и радиопередач – шум уличной толпы.

Свободы сеятель пустынный..

Наедине с тобою, брат..

Очи держи долу, а душу – горе!

Оптина Пустынь.. Замоскворечье.. Неглинная..

У Лукоморья дуб зеленый..

Я, мать Божия, ныне с молитвою..

Изречение, в котором выражено *магическое знание*, не сообщает и не "информирует", оно – очаровывает, повелевает, преображает душу и мир, воздействует на нас как заклинание, и камни падают вверх, и папоротник расцветает!

Братя! – пытаюсь я сказать. – Я, как и вы, не помню ни очертаний ни протяженности озера Мичиган, не смогу перечислить всех названий звезд в созвездии Кассиопеи и пока еще не знаю доказательства теоремы Ферма – но мои познания безграничны (как и ваши!), потому что во мне живет совершеннейший в мире язык, слова которого удивительны, в них содержатся начала и концы и ответы на все вопросы трагического бытия, и *Откуда есть пошла русская земля? и Камо грядеши? и Кто виноват? и Что делать?*

Многие из нас родились в бедных семьях, нужда нас мучила и угнетала, так тянулись наши души к *добру*, а мы начали, когда настал наш час, складывать "добро" в сундуки как складывал его скупой рыцарь – червонцы, дукаты, мерседесы и хрусталь, дача в Невдубстрое и на улице Пролетарской Диктатуры – но никак не удавалось собрать столько добра, чтобы хватило всем "членам семьи", а после "контрольного выстрела" хоть что-нибудь осталось и любовнице – а ведь судьба давала нам возможность расточительства, но мы не спохватились...

"Будьте милосердны, утешайте несчастных, расточайте добро безоглядно, ибо чем больше его расточите, тем больше его соберется в душе!"

Среди алмазов и изумрудов живем, владеем сокровищами, а видеть их не желаем.

Вот мы в вагоне переполненной электрички путешествуем из Петербурга в Москву, и спешим стать несчастными – жестко сидеть, дует из окна, дребезжит вагон.

А мимо проплывает Берендеево царство.

Только вырвались мы из Кошесва плена, миновали Металлострой – улыбнулась Ижора; перешагнули Соколов ручей, перебрали Болотницкую, обняла нас Любань, а затем уже чудеса не оставляют – Чудово и Волхов, Дубцы и Гряды, и Малая Вишера! А затем Красненька, Мстинский Мост, Веребье и Оксочи, Боровенька и Заозерье.

Не хотите ли заехать ко мне на обед? Как проедете Вязники, сверните с большака, и мимо Соинского, Перелог и Волковиц доезжайте до Мсты, а там, на высоком берегу, и мой дом!

Всё в языке, в его словах, поелику в них – душа народа, преданья старины и правила добра!

Речения могут быть заносчивыми как *"шапками закидаем"*; преувеличенными, будто *"и дым отечества нам сладок и приятен"*; язвительными – *"не по Сеньке шапка"* и *"не в свои сани не садись"*; и обличительными *"молодец на овец, а на молодца.."* – но только **слово** соединяет через бездну и низкий и высокий берег и стоит над суетным и частным, вмещая всё!

Надо ли для подтверждения новой *Погибели земли русской*, нового

нашествия Батяя и Мамаева разорения раскрывать Маркса и сводки ЦСУ, спорить о цифрах убитых и замученных, перечитывать программы РСДРП, ВКПБ и КПСС, раскрывать анналы и архивы КГБ?

Нет!

Всяк русский на нашей земле, коему от роду хотя бы три года, уже поймет и узнает, что делать и кто виноват, и было ли нашествие нечисти на русскую землю, моровая язва, или сон золотой о царстве добра и справедливости – из одного только русского языка.

Мы – не Иваны, не помнящие родства, но почти всё окаянное столетие искореняло в нас память, переименовывало имена!

Однажды Настенька, в четыре года, разрыдалась, и на расспросы сквозь безутешные всхлипывания сказала горько – *Бабушка меня Настей назвала, а не Настенькой, она на меня, видно, сердится или уже не любит?*

О, дитя Божье! В твоём чутье к слову – корень и объяснение всего.

Как только завоевала нас нечисть в 17-ом году, начала она заменять наши родовые имена, русский народ заменила на советский, Россию на СССР, Петроград, Нижний Новгород, Вятка, Тверь и Царицын поделались Ленинградом, Горьким, Кировым, Калининым и Сталинградом, а позже и Набережные Челны, и Рыбинск, и Кострома получили клички Брежнева, Устинова и Черненко, древний городок Романов-Борисоглебск стал Тутаевым в честь татарина, зарезанного на высоком волжском берегу в пьяной драке, а святыня земли русской, Сергиев Посад, названный в честь святителя Сергия Радонежского, поименовался Загорском в увековеченье чекиста Загорского, родом из печенегов или обров, лютовавшего на русской земле.

Все изменники, все предатели, все вороги и супостаты оставляли отметины, был и Троцк, и Зиновьевск, и Ворошиловград, все еще Калининград торчит занозой (а не будет добра, помяните мое слово, пока полицаев и перевертышей начисто не выметем ото всех мест.)

Язык мстит не только завоевателям, он мстит и детям потерпевших поражение отцов.

Была ли прекрасна Россия, была ли таинственной, сказочной и святой Русь?

Достаточно вслушаться в имена, их сотворить мог только великий народ с возвышенной душой!

Царское Село, Святые Горы, Михайловское, Тригорское, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна.

Если вернемся к языку русскому – *воскреснем*, отстроим порушенные храмы и поместья, расчистим сады и парки, зашумят вновь боры с перелесками, пролягут мягкие проселки, зацветет гречиха и трава встанет в рост на заливных лугах, в омутах и заводях заплещет стерлядь, схлынут искусственные моря над древними городами (или нам морей не хватает?), осушенные болота увлажнятся вновь (или нам полей не хватает? Удобья зарастают березняком и ольхой, а неудобья нечистая сила прорезала канавами и траншеями!), колокольни взметнутся над холмами вдоль

большаков, дворцы и парки восстановим в предместьях городов, Красную площадь и Кремль восстановим в древних городах русских – о, плакали ли вы о гибели земли русской, когда стальной гвоздь вбивали в сердце России в самом центре Московского Кремля под именем Дворца Съездов? Когда стальной плуг раздирал лицо Москвы под именем Калининского проспекта, когда ночлежный дом построили на месте Зарядья?... а я искал по Москве островки безопасности.. строения и слова были так слитны! Исчезало древнее зодчество – исчезали и слова-имена. С Неглинной пробирался я на Патриаршие Пруды, прятался в Охотном Ряду, скрывался в Новодевичьем монастыре, и с Казанского вокзала, через Тверскую-Ямскую, кружным путем, добирался до седого Байкала, до которого добирался мой знаменитый прашур.

О, Русская Земля, ты уже за шеломяном еси! – восклицаю я вместе с сказителем "Слова о Полку Игореве", но еще не потерял надежду собрать ополчение и отвоевать Русь у врагов!

Не безобидны даже имена, данные будто бы в возвеличение гениев, мстят они лицемерным переименователям, но мстят и нам, неповинным.

"Отечество нам – Царское Село!" – восклицал чистосердечный Пушкин, и вот будто бы в возвеличение его памяти (будто бы стихи его и драмы, повести и поэмы недостаточно его возвеличили) Царское Село превратилось в город Пушкин, а *Святые Горы* стали *Пушгорами* (да не стал ли и Святогорский монастырь Пушгорским?), и Пушкина до обра низвели, ибо не обр ли под созвучным именем Загорска занимал собою Троице-Сергиев Посад?

Вот так же Волгоград на месте Сталинграда – не возвращение к истокам, а петляние по буеракам, истоки ведь в Царицыне, в реке Царице, на берегу которой и вырос город – но нет, *Иваны непомнящие родства* подменяют исконное русское имя псевдорусским наименованием. Но ведь среди имен городов русских, начиная с Киева, один только *Новгород* – Новгород, и потом еще Нижний Новгород, а остальные *Ярославль*, *Кострома*, *Старая Ладога*, *Москва*, *Суздаль*, *Владимир*, *Астрахань*, *Красноярск*, *Тверь*, *Углич*, *Пенза*, *Саратов*, *Воронеж*, *Смоленск*, *Вятка*, *Вологда* – за каждым именем – тайна, загадка, история и откровение; но не то Зальцбург и Питсбург, Гамбург, Петербург и Екатеринбург – и перевод на русский язык немецкой традиции в советское время не сделал русскими бесчисленные *грады*, заменившие наименования старинных городов.

Перестанем кружить, и вернемся в Царицын, как вернулись в Великий Новгород, вернемся и в Царское Село, и в Святогорский монастырь, вернемся и в Териоки вместо Зеленогорска (а где там горы?), как и в Гатчину, и в Ораниенбаум вернулись, вернемся в Екатеринодар и в Кёнигсберг, вернемся в прошлое, а тогда появится и будущее! (Даже у Кёнигсберга и Восточной Пруссии оно станет живым, и не отринет Россию; цепляясь же за большевистское вчера, мы похороним всякую надежду на завтра).

Начни я всерьез научное исследование об отношении русской души к тем сторонам мироздания, которые известны в философии под именами этического, эстетического и логического (и не сходное ли с отношением древних эллинов?) – придется мне раскрыть Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Беркли и Юма, Ньютона и Лейбница, которых я и сам почти позабыл, а иных еще не читал.

А как же тогда читатель мой, мой великий народ, который вместе с Есениным даже Маркса "ни при какой погоде не прочитал"?

Будет ли он вместе со мною пытаться *припомнить* Истину, которую мы уже имели, еще до того как раскрыли Аристотеля, даже до того как раскрыли букварь и научились читать? Которая с нами пребывает неотступно, если только говорим мы и думаем по-русски, а не на грацином языке новой русской интеллигенции, такой же русской, как и "новые русские"?

Мы уже вспомнили, что *прекрасное* имеет множество лиц и имен – и *лад*, передающий *согласованность*, правильное устройство телесного мира, и *красота*, как многоцветность и красочность, важные в живописи, росписи внутри и снаружи, и *великолепие*, преимущественно связанное с отделкой, лепкой, и убранством помещений.

И хотя может быть *неладным* устройство, *некрасивым* и некрасочным портрет и образ, *неудачной* и неуклюжей лепка, но можно бы подумать, что удача и неудача в эстетике не связана с логической правильностью или неправильностью, или с нравственной принадлежностью к Добру или Злу, и долго надо было бы рассуждать, есть ли общее в Красоте, Благе и Истине, если бы язык русский не решил этого уже раньше, и нам достаточно принять этот бесценный дар и разумно им пользоваться.

Математики давно уже заметили, что тяжеловесное, неуклюжее решение какой-либо задачи, как правило, неверно; зодчие и строители убедились, что *некрасивые сооружения недолговечны* (и слава Богу, что так, что до только запастись терпением, и коммунистическое наследие рухнет само собою!) – но осмеливались ли мы определенно заявить, что Истина, Благо и Красота – едины?

Если великолепие – одно из имен прекрасного, то разве *благолепие* не означает "добрая красота"? А следовательно, прекрасное и благое не делимы несоединимо?

Само мироздание, как творение Божие, должно быть прекрасным, благом и истинным (то есть правильным, верным, безошибочным), но мы уже знаем, что зло распространилось как сырость в дождливую погоду и пропитало собою наши мечты, поступки и сны. Некрасивы жилища, строения; окрестности и дворы; заблуждения и ложные мнения неотвязны от нас в повседневных разговорах, при чтении газет и у экрана телевизора. Я, как и вы, не знаю причин падения, и даже благого совета дать не могу, потому что и сам не нашел спасения.

Но при всех потерях и разочарованиях, даже если стану я нищ и наг, душа моя будет защищена покровом культуры, и нежное, тонкое,

трепетное, одухотворенное, точное и широкое как океан русское слово останется со мною, и в нем я буду искать спасение. Более этого я сказать не сумею, не призываю вас в школу, ни даже в храм, ни в театр, ни в "воспитание чувств" – дышите магией слова, в котором выражена общность верного (т.е. истинного), доброго и красивого.

Дух предстает нам тройко – как этическое, эстетическое и логическое, и вот *благолетие* относится к эстетике, *нелепость* – к логике, а *неладное* обозначает нечто темное и опасное, нехорошее и злое.

Всё, что в высшей степени некрасиво, отталкивающе, называем мы безобразным, то есть без образным, не имеющим образа, *личности* – вот только возле этого слова можно остановиться в удивлении надолго.

Лик, лицо, личность, личина...

Лик – образ, преимущественно иконописный, инобытие личности, не фотография ее, не портрет, отображающий действительного человека, а словно бы некая эманация того, кто прежде жил, достиг святости и утончился, воспарил, растворился в небесном хоре; лик – инобытие, мистическое продолжение святого, как и его мощи.

Но – подчеркиваю – *личное* в *лике* уже не существует.

Лики святых – не относятся к здешней, земной жизни, в крайнем случае, преувеличивая черты ушедшими от мира, мы говорим о ликах подвижников, монахов и монахинь, однако обычно это говорится так: «почти иконописный лик!»

Важно еще подчеркнуть, что в живописном смысле изображение лика принципиально отличается от портретного изображения (как подробно об этом повествует Флоренский в своем Иконостасе).

Верное и неверное противостоят как Правда и Ложь, ибо верное – правильно и правдиво, неверное – обманно и лживо, но Правда – это и истина и справедливость, а Ложь – не только заблуждение, но злонамеренное искажение истины!

Если дьявол не относится к основаниям мира, то и причиной зла он не может являться.

Но в разысканиях своих я исхожу из языка русского, потому и вернусь к нему, и буду русское слово ставить в основание вывода.

Итак, сатана – слово древнееврейское, дьявол – латинское, в русский язык они пришли вместе с христианством. Но существовали ли уже у славян и русских слова для обозначения того, что противостоит добруму и благому?

Черт? Леший, ведьма?

Нечистая сила. "Нечистый попутал" означало, что черт (или бес) сбил с толку. Нечистая же сила скорее всего была метафорическим наименованием христианского дьявола.

Но действительно ли христианского дьявола? Ведь Люцифер, Мефистофель, Сатана – при всей их злокозненности – величественны, и как бы то ни было, дьявол – *князь мира сего*. (Правда, мы в России сталкивались уже и не с величественными князьями, правил нами и

рябой тиран, и самонадеянный кукурузник, и напыщенный "*бровеносец в потемках*", и туповатый пропойца – отчего бы и сатане не быть им подобным? Но ведь Змий, искусивший Еву, не только премудр, но и обольстителен! Мог ли кто-нибудь из наших русских "князей" последнего времени *обольстить* женщину?! Да, непохоже, чтобы Мефистофель был *нечистой силой*. Тем паче, что в русском восприятии *Нечистый* не только недобрый, не разборчивый в средствах, но и безобразный – таков в моем романе Начальник тьмы, противостоящий и Богу, и Дьяволу. В русском сознании Прекрасное и Доброе – едины, и противоположность им – именно *Нечистая Сила*, стремящаяся унижить не только добро, но и красоту. Вот откуда корни заклинания Достоевского "Мир спасет красота!", ибо *Нечистой силе* именно Красота противостоит в наибольшей степени.

13. Источник истины.

Закончить свои вольные рассуждения о русском слове попытаюсь следующим обращением к читателям.

Когда-то Сократ призывал своих слушателей рассуждать и мыслить, и не бояться упреков в незнании, ибо сам он, мудрейший из всех, тем только отличается от неразумных, что они еще думают, что что-нибудь знают, а он уже узнал, что не знает еще ничего; так и я, подобно Сократу, призываю своих читателей стать мудрейшими из всех, увидеть и узнать, что знают они уже гораздо больше Сократа, ибо почти всё уже знают, ибо почти всё знание мира заключено не в высказываниях, а в словах языка, на котором они думают и говорят. Даже и ученые, которых они боятся (и я тоже), доказали уже, что к пяти годам ребенок приобретает девяносто девять сотых всех тех знаний, которые он приобретает в течение жизни, следовательно, если бы даже он потом ничему не учился, всего лишь на сотую (то есть почти неуловимо) отличался бы он от самых высокоученых своих учителей (и от меня тем более).

Поэтому, даже о сложных понятиях иногда разговариваю я с Настенькой, например, о понятии *Предела* и *Святой Троице*, и затруднений в наших разговорах почти не возникает (это "почти" происходит от того, что помимо новых знаний, приобретаемых мною в течение последующей после детства жизни, многое я и растерял, и иногда чувствую себя в разговоре с ребенком круглым невеждой – на свою сотую новых знаний половину из прежнего я уже позабыл).

Но пора поставить точку, другие мыслят и говорят при помощи тех же слов, что и я, и сами смогут рассудить о других словах: и "кому *повем* печали моя?" – о словах *весть* – *невесть* – *невеста* – *ведать* – *неведомо* – *ведовство* – *проведасть*...; и о "правилах *добра*" – о заключенном в словах и строе русского языка понятии о добре и зле и благоустройстве мира и человека и земли русской.

[Только еще раз замечу, что не из Нового Завета, тем более не из Ветхого приобретает русский человек наставление, знание, понимание и потребность в любви к Роду, *родным*, в жалости и сострадании, в

милости и милосердии даже к оступившимся, в прощении, покаянии, потребность в устроении царства Добра, Истины, Красоты и Справедливости – Библия жестче, суше славянских семейных, родовых и общинных взаимоотношений, и из неё можно было научиться сжигать Содом и Гоморру и *ненавидеть*, а любить и жалеть – из *родного* величайшего из всех на земле языка! Только весть о Воскресении принесена нам Новым Заветом, и она дополнила и подняла на небо наши собственные правила Добра, потому для нас Христианство – вера не столько в поучения Христа, сколько в Его Воскресение, вместе с нашими собственными представлениями о *праведной* жизни как заботе о семье и Родине].

И что нечему нам в нравственном отношении было учиться ни у эллинов, ни у иудеев, показывает и то, что после убийства Бориса и Глеба летописец воскликнул – *такого еще не бывало на святой Руси!*

Само слово, обозначающее убийство родича – *окаянство* – возникло тогда в языке впервые, и Святополка называли *окайным* (хотя и не отняли родовое имя, надеясь еще на *раскаянье*.)]

Еще рассуди, читатель, о словах *право*, правый (согласный с истиной), справа (одесную), направлять, управлять, правитель, справедливость, праведник, правда... а мне пора уже завершать эту книгу...

Истина и ложь поверяются делами. Но и словом поверяются тоже, а иногда несомненное, потому что дело еще можно по разному истолковывать, а хамское слово хоть в алмазы обряди, не засияет.

Эпоха большевистского царствования была и подлой, и пошлой – и застывшие в камни слова, от самых помпезных дворцов культуры, до последних фабричных построек были уродливы; и книги были тоскливы, и повседневная речь представляла из себя бесконечные "вариации на тему" трехсловных речений – но надо ли спорить об *истине победившего социализма*? Достаточно послушать речь "*победителей*".

Оставим в стороне *изречения*, а послушаем *слова*, привнесенные новой эпохой – ГЭПЭУ, ЦЭСЭУ, ПАРТ и ХОЗАКТИВ, КАГЭБЭ, ВЭКАПЭБЭ, Райком, Партком, Домком, Замком (по морде), сексот, колхоз, Райснабсбыт, Пластмасстрест... словно входит неряшливая толстая баба.. или мужик в разодранной рубахе.. – неужели еще стóит слушать защитников этой неприглядной эпохи?

А новое сльцинское время? Все рупоры СМИ можно охарактеризовать двумя словами точно и исчерпывающе – **прорвало канализацию!**

Наступила эпоха растления, поэтому унизительно вступать в прения, надо надевать бронежилет и противогаз, и запастись патронами.

Как чудно звучат – *стреха, скворешник, невеста, горицвет, лиственница, опушка, накануне, плетень!*

Как чудно звучат тысячи других слов из самых разнообразных областей яви и сна, хозяйственной деятельности и праздного любования... но не стану ли я теперь разделять слова по звучанию, и низкие отделять от высоких, заменяя насморк на "телесное недомогание"?

Звучат одинаково хорошо все струны в гитаре, и все ноты в сонате, и дело не в выборе слов, а в их необходимом и согласном соединении.

Я только пытался призвать к восхищению слушателя, и вместе порадоваться, как много в русской речи и смысла и звучания, красоты и откровения. Но все слова уместны, когда они подходят друг другу как венцы в деревянном срубе.

Кроме сего, я пытался возразить тем неумеренным христианам, которые Откровение противопоставляли нашему Прошлому и Памяти народа. И мы не сидели на деревьях, и у нас было понимание добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи, и Христос, как и обещал, лишь *подтвердил* и наш закон – или наш Закон был ниже иудейского?!

Но не бросаю я камень в наследие русской православной культуры – куда же мне без золотых куполов?

Вот и гадаю я – *что есть, что было, что будет? Чем сердце успокоится?* – Сердце должно успокоиться пониманием.

Все, кто сеет красоту и добро, пожнут любовь.

Языческое значит народное, ибо *языки* – народы. Христианство отменило земные народные верования во имя небесного единения, но земное проросло сквозь небесное, и можем ли мы теперь отделить одно от другого? Не будем же возвращаться к старой вражде. Семейное и родовое скрепляет нашу земную жизнь, созидает основание и строение русского храма, монашеское братство – семья небесная, знаменует собою его купол. Вспоминаю я Псково-Печерскую Лавру, и дух захватывает даже в воспоминании; не будем же разделяться, и пусть всяк по своему верует, но только любит Россию, и любит ее Слово, которое было искони, и которое и есть Бог!

"Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей!" – утверждает Достоевский.

Но за что же они борются? Что именно предлагает людям Бог, к чему Он их призывает, в чём убеждает, а в чём – "враг рода человеческого"?

Можно ли сказать, что цель и проповедь христианства состоит в том, чтобы человек стремился стать добрым и поступать по доброму, и этого достаточно для его *спасения*? Ибо делятся люди прежде всего на добрых и злых, и *творящие добро* – *праведники*, а *творящие зло* – *грешники*. И тогда очевидно, что "погибающие во тьме" язычники вовсе не погибали во тьме, и среди них были как добрые, так и злые, и не меньше добрых, чем у христиан, и создавали они великие культуры, как, например, культура *античности*, которую дикие и невежественные христиане разрушили "до основания" (как потом разрушили русскую культуру их последователи большевики); среди них были господа и рабы, и иные из господ были добродетельны и заботились о своих рабах, а то и на волю отпускали, еще и до апостола Павла, который хотя и сказал, что кто облечется в Христа, тот не имеет в себе ни эллина, ни иудея, *ни раба, ни господина*... но далее, проповедуя *должное*, призвал: жены, повинуйтесь

мужьям своим.. дети, будьте послушны родителям вашим... *рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога...*

Благодаря ли христианству совершилось освобождение человека?

Но обратимся к русскому языку, который ведь и до крещения Руси содержал в себе слова для обозначения того, как надо поступать, и как не надо, что хорошо, и что плохо. И вот оказывается, что есть и более глубинное, более важное (как в языке удостоверяется) деление (помимо добрых и злых) – на *честных* и *бесчестных*!

Когда жених выбирает себе жену, в мечтах своих желает он, чтобы была она *красивой*; мать своей дочери поет в колыбельной "не родись красивой, а родись *счастливой*"; крестьянин ищет сыну невесту *трудолюбивую*; дети от матери ждут *любви*; домочадцы – *доброты*; но в чем же клянется, и что обещает невеста, идя под венец? Обещает она быть *честной* женой – а тогда прочее всё – приложится, будут в доме красота и любовь, добро и благоденствие.

Честный человек – вот языческий идеал, и не победило христианство этот идеал даже за две тысячи лет, и европейская история и культура *бесчестье* почитала за самое большое падение, а *честность* – за наибольшую добродетель.

Романтический русский девятнадцатый век наполнен дуэлями, и то, что два величайших наших поэта погибли, как *невольники чести* – наполняет меня величайшей гордостью за народ русский.

Честь близка еще к славе и уважению – *чествовать, оказать почести, быть в честі*.

Православный язык изобрел подобие честности – *благочестие*.

Но достаточно минимального чутья к слову, чтобы почувствовать разницу этих двух понятий, как между смолистым запахом соснового бора и запахом елейного масла.

Не ее ли имел в виду Пушкин, когда писал –

Благочестивая жена

Душою мужу предана.

А грешной плотию –

Архимандриту Фотию!

Береги платье снову, а честь смолоду! – этого достаточно для царствия Божия!

14. Дух и душа.

Нет, не расстаться мне с *Словом*; и хотя обнять даже самое важное – всей жизни не хватит, задержусь еще на пороге, переведу *дыхание*.

А, кстати, и не самое ли важное слово во всем языке – *дыхание*?

Какое *изначальное* слово для этой бесценной россыпи слов, обнимающих собою и землю и небо и космос, я не знаю (жаль, нет словаря, так за сорок лет мечтаний о словаре Даля не удалось мне скопить на него); но призовем на помощь "безотчетное знание".

"Всякое *дыхание* да славит Господа!", сказано в Священном Писании, посему "*дыхание*" означает не только привычное действие, дарующее нам жизнь, но и саму жизнь, и то существо, которое умеет и может еще *дышать* (возможно, и растение даже? Тоже ведь дышат?!)

Дышим мы воздухом; *дух*, вероятно, родствен *воздуху*, а *душа* — глаголу *дышать*.

Глагол *дуть* и существительное *дуновение* скорее всего из этой же группы слов.

Но *дух* означает не только то, что *вдыхается* (Господь после сотворения человека *вдохнул* в него *душу*), — но и *запах*, аромат... Мы говорим: такой *дух* идет от поля и луга, от нагретой солнцем земли, что можно заплакать от счастья! Румяное яблоко называется *душистым*, "*духмяным*", а саму квинтэссенцию запаха называем мы *духами*.

Что же означает слово *дух*? (Духовной жаждою томим... И Дух Святой носился над водами...)

Видимо, это тонкая субстанция, подобная воздуху по невидимости, прозрачности, почти бесплотности, подобная и *дуновению*, ветру — она, как и воздух, проникает человека и растворяется в нем.

Бесплотные надмирные силы — тоже *Духи*, Духи Добра и Зла, вот у Лермонтова "*Дух отрицанья, Дух сомненья...*"

Почти то же, по происхождению, обозначает и *душа* — но если *духовное* означает возвышенное, и отчасти независимое от человека, пронизывающее нас как мировой эфир, то *душевное* — исходящее из души, которая и есть подлинное Я человека. *Душевный человек* — участливый, добрый; *задушевная беседа* — среди самых близких, когда общаются души, и говорят о важном, не суетном...

Но производных слов от *дыхания* — бесконечно. И *душно*, *духота* ("не спится, няня, мне так душно..."), и *вдох*, и *выдох*, *дышать*, *вдохнуть*, *вздохнуть*, *задохнуться*, *задушить*, *отдых*, *передохнуть*, *сдохнуть*, *надышаться*, *отдышаться*, ударить под *дых*, *отдохновение*..

И, наконец, то, что дорого каждому творящему, и что он призывает как возлюбленную жаждущий любовник — *Вдохновение*, то есть подъем жизненных сил, высший уровень таланта, наполненность Духом. (А человека, постоянно пребывающего в состоянии вдохновения, для которого оно естественно, мы называем *гением* — то есть, в переводе с латыни, *ду́хом*).

Служители церкви — *духовенство*, исповедник — *духовник*, откровенно все рассказать — говорить как *на духу*, то есть как на исповеди..

Воздушный означает легкий, и из всего вещественного, материального воздух — почти бесплотен, почти невеществен, но, тем не менее, по происхождению, *дух* не означает субстанцию хотя и легкую, "*воздушную*" — нет, *дух* происходит от "*дуновения*", да и "*воздух*", вероятно, тоже, он тоже обнаруживается, замечается лишь в *дуновении* и *дыхании*, то есть в движении.

Вдохновение, следовательно, это не только пребывание в духе, наполненность духом, но и "*дуновение духа*".

Важнейшие в христианстве понятия, с которыми связано отношение к Священному Писанию, это *Боговдохновенность* и *Богодухновенность*, спорили о них христиане много веков, и возобладаало убеждение тех, кто настаивал на *Богодухновенности* Священного Писания – не потому, что они оказались убедительнее, а потому что противников своих они разметали по ветру (по воздуху) – иных сожгли, иных сослали в отдаленные земли.

Если текст *Боговдохновенен*, то автор за него ответствен, ибо сам его писал, хотя и в состоянии Божественного Вдохновения; но тогда о тексте можно и размышлять и спорить!

Так, Евклид написал "Начала" очевидно по *вдохновению*, но не сделали из его Геометрии Библию, и имеем мы зато и Ньютоновы Начала, и даже "собственных Невтонов рождает земля Российская!".

Ну и, как смутяня и отщепенец, естественно я сторонник Боговдохновенности Священного Писания, зато нет у меня тех "затруднений философа-христианина", которые мучили Флоровского, или тех "затруднений астронома-христианина", которые были у Коперника, Галилея, Джордано Бруно и, возможно, у их христианских гонителей.

Хотел я закончить, тем не менее, не раздором в языке (мало нам противостояний в чувствах, побуждениях и поступках?), но призывом поставить "вкус" в основание истины, а посему "облечься в язык", как облачается в воинские доспехи рыцарь, и берет в руки копьё или меч, чтобы защитить праведное и поразить неправедное, как каменщик берет в руки мастерок и камень, чтобы строить, как живописец берет кисть, и пахарь берется за плуг, чтобы возделывать землю – ибо весь мир – это Божий Храм! Но зачитался такого глубокого и искусного христианина, как священник Павел Флоренский (как зачитывался когда-то искуснейшим и виртуознейшим экономистом и философом Марксом, неопровержимым во всех своих посылках и выводах, и однако послужившим погибели России), и грустно и горько мне стало.

Только поэт обнимает собою мир – ибо он неведущ как дитя, и дерзновенен как влюбленный, и не знает границы творчества. Одержимый Истиной *через Чур* прав, истина укладывается всеми своими частицами в его представлении мира так же точно, как укладываются кусочки в детской головоломке – но именно поэтому он не прав, исчезает в его мире свобода! Что же делать поэту, для которого мир – Божий храм, а материал для постройки – слово? – надо ли следовать правилам и ограничениям? Надо ли следовать правилам добродетели, хотя бы и данным в посланиях апостола Павла?

Поэт и прав и не прав одновременно, и ему легко возразить, потому что он обнимает собою весь мир.

Ей, ей, слово и душа неразделимы, не возрастет душа вне слова, одним бытованием, и словно дождь сухую землю, увлажняет нас всякое слово – и то, что сказано тихо, как утренняя заря; и то, что сказано ярко, как блещет свет молнии, и то, что сказано громко, подобно грому!]

Проповедующий Откровение – словно меч Божий, истина его неопровержима.

Мир хижинам, война дворцам; легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное; не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви; Бога никто никогда не видел, только если мы любим друг друга, Он в нас пребывает...

Пока эти слова – поэзия, а не наставление к действию, они нас поднимают. Но стоит затвердить их как Устав караульной службы, и любовь станет обузой, и Бог из мира уйдет, и хижины запылают.

Слишком широко предназначение человека, чтобы вместить его в самую высокую проповедь, и язычество, с которым воюют христиане от апостола Павла до Павла Флоренского, от невежественного в науках до искусного математика, вмещало в себя и эллинское ваянье и Млечный Путь, и химию, и алхимию, и светскую живопись, и рынок и театр, и философию природы, и *дольней лозы прозябанье*, и свидания при томительном свете луны, серебром, а не только иконным золотом заливающей очарованную душу влюбленного – а человек вмещает в себя и язычество и христианство.

Не обнимались отцы Церкви с *чарующими*, и проповедь их односторонняя. Не рожали отцы Истины своих *детей*, и проповедь их односторонняя. Забыли дети Сына Божия о своих *матерях*, и проповедь их односторонняя. Глухи и слепы они к Культуре и Родине (и до сего дня), и проповедь их односторонняя.

Только *нерадивый в Вере* поймет меня и вместит: следовательно, не собравший все улики к моему осуждению; судья, не поставивший каждое лыко мне в строку; стражник, не плотно закрывший окна и двери одиночной камеры; философ, не изгнавший из учения о мире всех противоречий; конвойная команда, не спешащая в утро моей казни; даже палач, поленившийся зарядить ружье... К ним и обращаю я нерадивую Песнь своей будущей книги. Потерпите еще немного, чувствую, что скоро уже научусь разговаривать, скоро уже и я стану вам интересен.

Потому еще и надеюсь я на русский народ, что он нерадив в своей Вере; потому еще и надеюсь я на русский язык, что он всеобъемлющ – и точен, как геометр, и *расхристан* как пьяница; и мудр, как змея, и простодушен как *детский лепет*; и нежен и суров, и правдив и лукав, и скрытен и откровенен; в нем открывается мне та бездна, в которой *"звездам числа нет, бездне – дна..."*.

Все сие я мог бы вам показать, только уделите мне хоть немного тепла и внимания – слишком уж заморозила меня современность..

Простите меня за самонадеянность, простите за невежество, простите, что так горяч и несдержан. Многому я еще смогу научиться, только не разлюблю этот мир, и не стану к нему равнодушен. Невмочь мне *жить, аки умереть*, и потому не скоро мне еще до царствия Божия.

=====

КНИГА ШЕСТАЯ

ТАЯНИЕ ЛЕДНИКА

и

ЗАВЕРШЕНИЕ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

ПРОЕКТ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ. 1 ноября 22 г. Прочитал Текст конституции США, принятой в 1787 году под председательством Джорджа Вашингтона. Можно Конституцию России просто списать в общих чертах с американской конституции, я не думаю, что более подробное изложение прав и свобод граждан и обязательств и прав Государства сделает Основной Документ, регулирующий их отношения, более ясным и безупречным.

3 ноября 22, четверг, 8-23. Температура 4 гр. тепла, сыро, пасмурно. Ходил вчера в народно-социалистическую баню, ударяет по самочувствию не слабее алкоголя: электрическая каменка, раскаленные камни, на них тазик с водой, камера-парная вокруг красиво забита досками, окон нет...

Вот какое главное свойство русского народа (или русского человека) – **дурость несусветная** (это слова Александра Башлачева). Поэтому и национальный герой – **Иванушка-дурачок**. Товарищи мои радуются, якобы, снова вводят смертную казнь. А что их радует? Якобы, теперь казним всех, кто омрачает нашу жизнь, и жить станет лучше.

Ну а если правительство и начнет казнить, как совсем недавно, всех, кого оно боится, то есть **умных, свободных, талантливых**? Почему же вы поддерживаете изуверские действия такого правительства и сами таковы же? Это ужасно, мой народ, создавший – якобы – великий язык! – дурной народ, **невежественный, рабопенный и жестокий**.

Сделать ничего нельзя, и убийство царя (Александра Второго) впрок не идет, и февральская революция 1917 года впрок не пошла, только развязала руки большевикам, и они ввергли Россию в новую Смуту, а 25 октября (старого стиля) захватили и всю полноту власти – а уж это не только впрок не пошло, но и совсем чуть не погубило Россию, истребив в ней треть народа, причем самых лучших.

На что же надеяться? Лекарства больному впрок не идут, но бывают все же чудеса, *чудесные самоисцеления*. И именно поэтому в 1380 году Дмитрий Донской вывел нас на Куликово поле, и мы победили татарское войско.

Победа эта (первая в нашей истории) нас не спасла, так как в следующем году татары ударили, и Москву сожгли, и царь с войском бежали аж до Вологды, и дань продолжили платить.

Иван III, Великий князь московский с 1462 года, отказался ехать в Орду для получения **ярлыка на княжение**. В попытке вновь подчинить себе **Русь, не платившую дань с 1476** года, хан Ахмат в 1480 году двинул на Московское княжество большое войско. После попытки форсировать р. Угру в октябре 1480 года, сопровождавшейся 4-дневной битвой, началось **«стояние на Угре»**, притока Оки, которое закончилось 9 ноября 1480 года бегством противника, что ознаменовало **окончание 240-летнего монголо-татарского ига**.

Правда, Девлет Гирей в 1571 году сжег Москву, захватив 60.000 пленников и еще 80 тысяч русских буквально вырезал.

Набросок НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

Мы, народ Российской Федерации (России), утверждаем эту Конституцию с целью образовать более совершенное государство (как Союз граждан), установить правосудие, обеспечить внутреннее спокойствие и общую безопасность, способствовать общему благосостоянию и обеспечить неотъемлемость прав и свобод для нас самих и для нашего потомства.

Под народом мы понимаем как граждан России, имеющих право голоса и избравших нижеуказанные органы Власти, так и метаисторическую общность всех тех, кто живет и жил на территории нашей общей страны.

Статья I.

1. Вся законодательная власть, дарованная этой конституцией, сосредоточивается в двухпалатном **Конгрессе** Российской Федерации, который должен состоять из Совета Федерации и Государственной Думы.

2. Государственная Дума состоит из членов, избираемых через каждые четыре года избирателями разных областей (округов, территорий), достигшими возраста в 21 год, на избирательных участках, имеющих приблизительно равное число избирателей. Совет Федерации состоит из представителей Округов (территорий) – совпадающих с историческими областями, из которых состоит Россия, по 2 представителя от каждой территории. Избирательного права могут быть лишены граждане страны по медицинским показаниям, а также особым решением Совета Федерации и Верховного Суда России. Состав и границы областей могут быть изменены по решению 2/3 членов Конгресса при согласовании с населением этих областей. Осужденные на срок менее 10 лет не лишаются права избирать и быть избранными. В отдельных случаях для решения спорных вопросов могут быть организованы референдумы.

В члены обеих палат Конгресса от каждого округа может быть избран всякий, кто достиг двадцатипятилетнего возраста и в течение года был гражданином России и кто во время выборов проживал на территории данного округа.

3. Совет Федерации состоит из сенаторов, по два от каждой Территории, избираемых ее законодательным собранием на 4 года.

4. Государственная Дума и Совет Федерации избирают своих председателей и других должностных лиц и им одним принадлежит право обвинения в преступлениях по должности (**Impeachment**).

4. Конгресс собирается, по крайней мере, раз в год; такое собрание должно происходить указанное им время и сроки.

5. Каждая палата сама разбирает все вопросы, касающиеся выборов и полномочия своих собственных членов, причем большинство членов каждой палаты составляет *quorum*, для решения дел; но меньшее число может откладывать заседания и, наконец, может быть уполномочено на понуждение отсутствующих членов к посещению собраний такими способами и путем таких взысканий, которые будут установлены каждой палатой.

Каждая палата имеет право устанавливать порядок своих заседаний, подвергать своих членов взысканиям за непристойное поведение и, с согласия двух третей голосов, исключать их.

Каждая палата ведет журнал своих заседаний и, от времени до времени, публикует их, за исключением таких частей, которые по ее разумению следует сохранять в тайне.

Во время сессии конгресса ни одна из палат, без согласия другой, не может отсрочить своих заседаний более чем на три дня, или перенести их в какой-либо другой пункт из того места, в котором заседают обе палаты.

6. Сенаторы и представители получают за свои услуги вознаграждение, определяемое законом и выплачиваемое казначейством. Они во всех случаях, кроме государственной измены, предумышленного преступления и нарушения общественной тишины и спокойствия, избавлены от ареста, во время их присутствия в собрании и во время их следования туда и обратно; также по поводу произнесенной речи или прений они не подвергаются ответственности ни перед каким другим учреждением.

Ни один сенатор или представитель в продолжение срока, на который он выбран, не может занимать какой-либо должности в администрации России, точно также никто из служащих в администрации не может быть членом которой-либо из палат во время нахождения на службе.

7. Все законодательные Акты устанавливаются в палате представителей; но сенат может предлагать поправки к ним, как и в других законах.

8. Конгресс не должен издавать никакого закона, воспреещающего свободное исповедание всякой религии, или ограничивающего свободу слова и прессы, или право народа — мирно собираться, а также просить правительство о прекращении злоупотреблений.

Статья II.

1. Исполнительная власть принадлежит председателю Правительства России. Он занимает свою должность в продолжение четырех лет и вместе с заместителем, избираемым на тот же срок, избирается на общем собрании Конгресса по предложению Партии, получившей наибольшее число голосов, или коалиции партий

Перед вступлением в должность он принимает **Присягу**.

Порядок работы Председателя и правительства определяется на общем собрании Конгресса и утверждается 2/3 членов Конгресса как конституционный Акт.

Председатель Правительства назначает главнокомандующего армией и флота России и действующих министров и представителей в других странах.
Состав Правительства утверждается Конгрессом.

Если конгресс трижды отклоняет предложенный состав правительства, то временно полномочия председателя правительства переходят к председателю Государственной Думы и он предлагает состав Правительство от всех политических сил Государственной Думы, который утверждается простым большинством голосов.

4. Все должностные лица на службе России удаляются от должности при обвинении и по приговору в измене, взяточничестве и других тяжелых преступлениях и проступках.

Статья III.

1. Судебная власть Российской Федерации сосредоточена в **Верховном суде** и низших судах, учреждаемых, по мере надобности, конгрессом. Судьи высшего и низших судов занимают свои должности, пока добросовестно исполняют свое дело, и в определенное время получают за свою службу вознаграждение, которое назначается Конгрессом в специальном Законе о вознаграждении всех должностных лиц, принимаемым 2/3 голосов.

2. Судебная власть распространяется: на все дела, разбираемые по закону и справедливости (Equity), возникающие по применению этой конституции, законов России и трактатов, заключенных, или которые будут заключены Россией; на все дела, касающиеся послов, уполномоченных и консулов; на все дела по морской юрисдикции; на все споры, в которых участвует Государство; на споры между двумя или несколькими Территориями, между гражданином и государством или между гражданином и иностранными государствами, гражданами или подданными.

Все дела, касающиеся послов, уполномоченных и консулов, и такие дела, где одной из тяжущихся сторон является Территория, подлежат в первой инстанции Верховному суду. Во всех других случаях ему принадлежит только юрисдикция по апелляциям, как относительно закона, так и фактов, с такими исключениями и при руководстве такими правилами, которые может установить конгресс.

Все преступления, за исключением дел по обвинениям в преступлениях по должности, судятся судом присяжных; суд происходит в той области, где было совершено преступление; но если оно не совершено в пределах области, то суд происходит в таком месте или местах, которые будут указаны законом конгресса.

3. Измена России состоит только в вооруженном восстании против нее, или содействии их врагам, с оказанием им помощи и поддержки. Никто не может быть обвинен в измене, если преступное действие его не доказано двумя свидетелями, или он сам не признался в том на суде. Конгресс имеет право приговаривать к наказанию за измену, но приговор к лишению прав или конфискации имущества ограничивается пожизненным сроком.

Статья IV.

Не должно нарушаться право народа относительно неприкосновенности личности, бумаг и имущества при неосновательных обысках и арестах; приказы для обысков и арестов могут быть выдаваемы не иначе, как по основательным причинам, подкрепленным присягой, с точным описанием места обыска и лиц, подлежащих аресту.

Статья V.

Никто не может быть привлечен по обвинению в уголовном или каком-либо другом позорящем преступлении иначе, как на основании акта присяжных, за исключением случаев, возникающих в армии, флоте или милиции в военное время, или во время угрожающей обществу опасности; никто не может быть два раза подвергнут наказанию за одно и то же преступление; также никого нельзя принудить при каком-либо уголовном деле свидетельствовать против самого себя, или лишать жизни, свободы или имущества без надлежащего судебного разбирательства; равно никакое частное имущество не может быть отобрано для общественного употребления без справедливого вознаграждения.

Статья VI.

Все долги и долговые обязательства, сделанные до утверждения этой конституции, должны иметь такую же законную силу для России при настоящей конституции, какую они имели до 24 октября 1917 года, когда к власти пришло Оккупационное правительство большевиков.

Эта конституция и законы России, которые будут установлены во исполнение ее, равно как все трактаты, заключенные Конгрессом России, должны стать верховным законом страны, и судьи каждого округа должны подчиняться им, хотя бы в конституции и в законах отдельных областей встречались противоречия им.

Ранее упомянутые представители и члены законодательных собраний отдельных областей, равно и все исполнительные или судебные должностные лица Государства, принимают присягу, что будут поддерживать конституцию; но никакого вероисповедания никогда не должно требоваться, как необходимого условия для занятия какой-либо должности, или для исполнения какой-либо общественной службы в России.

При всех уголовных преследованиях обвиняемый имеет право: на скорый открытый суд нелицеприятных присяжных в том округе, где совершено преступление; обвиняемый должен быть извещен о свойстве и поводах обвинения против него; он имеет право требовать, чтобы его поставили на очную ставку со свидетелями, показывающими против него; чтобы он мог вытребовать свидетелей, показывающих в его пользу, и чтобы он мог пользоваться советами защитника.

Статья VII.

При всех гражданских делах, когда иск не превышает установленную сумму, сохраняется право на суд присяжных, и никакой факт, бывший на рассмотрении присяжных, не может быть подвергав вторично пересмотру иначе, как по уставам обычного права.

Статья VIII.

Воспрещается требовать чрезмерные залоги за освобождение подсудимого, или налагать чрезмерные штрафы, или слишком жестокие и необычайные наказания.

Статья IX.

Перечисление в этой конституции известных прав не должно быть истолковано в том смысле, чтобы другие права, которыми уже пользуется народ, были отменены или умалены.

Статья X.

1. Все лица, родившиеся или натурализованные в России и подчиненные их юрисдикции, суть граждане России и той области, где они проживают. Ни одна область не должна издавать и приводить в действие такого закона, который сокращал бы привилегии и права граждан России; не должен кого-либо лишать жизни, свободы или имущества иначе, как в установленном судебном порядке, или отказывать кому-либо в одинаковом со всеми покровительстве законов.

Статья XIV.

3. Не может быть представителем в конгрессе, или занимать какую-либо должность в государстве тот, кто, ранее приняв присягу, что как член конгресса или как должностное лицо России, или как член законодательного собрания, или как исполнительное, или судебное должностное лицо в каком-то Округе, будет поддерживать конституцию России, потом принял участие в мятеже и восстании против них и оказывал поддержку и помощь их врагам. Однако конгресс двумя третями голосов каждой палаты может отменить такое ограничение прав.

Книга седьмая

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО НА СУДЕ

14 августа 22г.

Высокий суд! Надеюсь, вы сочтете возможным приобщить мое небольшое выступление к материалам судебного разбирательства.

Суду подвергается, по существу, не я, а моя Книга, а я обвиняюсь только в том, что я дерзнул ее записать, дерзнул содержание ее, внушенное мне свыше, перенести на бумагу и тем нарушить Законы Российской Федерации, приказывающие мне молчать. Я существовал, пока ее созидал, но теперь я вторичен, я ничто по сравнению с *ее существованием*, я, собственно говоря, уже начал молчать, я уже послушен законам, говорит только книга, и только она, **Книга, существует во всю мощь!!** Меня, нарушившего ваши самовольные законы, вы можете приговорить к наказанию, но Книга не может быть виновной, она не нарушает человеческие законы, она выше всяких произвольных законов. Джордано Бруно, Галилею и Копернику угрожали костром только за то, что они знали, что земля вращается вокруг своей оси, – но могли ли вы осудить Землю, запретить ей вращаться, могли ли вы заставить Солнце вращаться вокруг Земли? Книгу мою вы уже приобщили к судебному делу как вещественное доказательство моей вины, и ее уже нельзя изъять из материалов дела, следовательно, и мое выступление надо вставить в нее в указанном мною месте в качестве шестого элемента Октаэдра.

Разговаривал с М. о браке по любви или по расчету, она ответила, что в отрочестве она даже рассуждать о *браке по расчету* не хотела, но теперь стала многое допускать из того, что прежде безусловно отвергала. Да ведь и любовь бывает разная, Анна разве не любила своего мужа, сенатора Каренина, разве не было чувства, которое можно принять за любовь – *взаимное уважение, уверенность в завтрашнем дне, благодарность за спокойную благополучную жизнь?*

Брак по любви, может быть, и лучше, но... вот этих «но» достаточно много, ведь и влюбленные бывают несчастливы, расходятся и разводятся, ведь привязанности многообразны, не только безумная страсть привязывает двух человек друг к другу: есть дружба, уважение, удобство, взаимная помощь, выгода, забота, удовольствие, даже простой интерес друг к другу.

Двое встретились и счастливо провели вместе день: это может быть рыбалка, охота, выпивка, совместная работа, философская беседа, прогулка по городу, отдых в деревне или на лоне природы, игра в карты и в шахматы, ухаживание, приставание... Удовольствия друг от друга разнообразны, в 19 лет я проводил с Е. в прогулках по городу по десять часов в день, что мы делали? Сначала мы целовались, потом я настолько с нею сроднился, что она стала мне как сестра и целоваться стало неловко.

В современном мире я один из немногих, кто всерьез понимает христиан, призывающих не только к *ограничению близости*, но и к полному *воздержанию от нее (хотя я и иной, чем они)*, ибо в душе человека хранится некий *смутный ужас перед слиянием плоти мужчины и женщины в одну плоть*. Целомудрие и ответственность перед будущей жизнью народа не совпадают...

Так возможен ли счастливый брак без страсти, без сильного притяжения, без взаимного смертельного падения в бездну, как у Ромео и Джульетты и Тристана и Изольды? Ведь не все и способны падать в Бездну, не все в нее и падать хотят!

Я это падение испытал, поэтому почувствовал, что без него можно жить довольной жизнью, как в раю, где тепло и довольно райских яблок и винограда для пищи насыщенной, но нет и не будет без него Огня, Костра, Грома и Молнии, Северного сияния, Опьянения жизнью и близостью страстного женского тела! Чем опьяняется девушка, я не знаю, в ней, быть может, горит Инстинкт материнства, а не притяжения к полу, но и она способна пасть в пропасть телесного опьянения!

Кажется, что без такой готовности падения в бездну, когда готов стреляться с товарищем и застрелиться, даже застрелить ту, без которой жизнь невозможна – это не жизнь, а только тление и растение...

Но тогда, быть может, оправданы и революции, и войны, особенно для освобождения от рабства, и необходимо и оправданно, чтобы Жанна д'Арк взяла меч, щит и знамя, села на коня и повела свое войско, вдохновив его собственной отвагой, на штурм Орлеана, и освободила его после третьей попытки, уже в одиночку карабкаясь на его неприступные стены, и отступающее войско, оглянувшись, взлетело вслед за нею на небо.

Но мне кажется, что теперь я понимаю и весь ее подвиг в целом, не только Явление, с *знаменем и знаменем*, народу и королю, но и трагический финал, ее поражение, которое было больше Победы.

Итак, Орлеан освобожден, король коронован в Реймсе, она держит над ним венец, армия преобразилась, и она повела ее на штурм Парижа. Осталось взять Париж, изгнать англичан, и вернуться в свою деревню пасти стадо... или стать первым консулом, а затем императором, как Наполеон.

Скорее всего, Двор об этом думал, и Двор боялся. Военачальники об этом думали тоже, одни боялись, другие втайне желали – ведь история Европы насчитывала к этому времени два тысячелетия, были и царства, и республики, и диктатуры, и Римская и Византийская империи, и женщины не раз достигали высшей власти, и женщина в Ватикане стала однажды Римским папой. Могли ли высшие круги власти настолько серьезно относиться к Жанне? Мы знаем, что именно так они к ней и относились, известны десятки свидетельств частной и дипломатической переписки, в которых ее достижения превозносили, но их не умаляли. Критика последующих веков была хуже осведомлена об отклике Европы на ее Явление, чем сегодня об этом осведомлены мы.

Итак, на чем должно было *успокоиться* сердце мира?

Великая идея обычно заканчивается кровью, своею или чужою, штурм Парижа был вершиной, на ней надо было остановиться. ***Есть проторенная дорога, по которой идут Преображающие мир: их ждет предательство, потом оставленность, затем Голгофа, в конце посмертная слава.***

Христос был предан Иудой и учениками, синедрионом и Каиафой (а не они ли его возносили в Иерусалимском храме, когда он там был, двенадцатилетний?), затем предан «своим» народом (то есть иерусалимской толпою), затем распят Пилатом и римскими солдатами на Кресте.

Ученики затем создали Его церковь (ничего хорошего, впрочем, в этом учении я не вижу, и судебный процесс над Жанной сие показал).

Она должна была пойти по этой же дороге и многие думают, что она совершила какие-то ошибки во время военной кампании или во время штурма Парижа или во время Суда – нет, она была безукоризненна, и ее поступки и ее слова были безупречны, и хотя она колебалась и падала духом перед лицом смерти – 19-тилетняя невинная девушка, Дева Франции – но преодолела страх смерти, в рыданиях преодолевала – если бы она была как камень, это был бы не подвиг, а полет пращи, но она была соткана из веры, надежды, из страха, сомнений и слез и она подала нам пример: *быть может и мы способны взлететь как она, хотя бы некоторые из нас?* – и, наконец, – не приговоренная к смерти как к наказанию и унижению, а *избравшая смерть* как взлет на небо – *она взошла на костер!*

Она как будто сначала отреклась от своей миссии, но потом сказала, оплакав свою украденную у нее жизнь: *Это была минута слабости, но я пройду свой путь до конца* – и вновь одела мужскую одежду. *Она оставила нам последнее: возможность ее оплакивать.*

Её предал король, королевский двор, некоторые военачальники, папа Римский, Французский народ – который все же затем опомнился и довершил ее дело, освободил Францию от англичан; ее предали ученые богословы Парижского университета – почти пятьсот лет потребовалось Европе, чтобы ее увидеть и разглядеть во всем её прекрасном сиянии! – преданная правительством, преданная судом, университетом, народом, осмеянная учеными историками и философами (в том числе Вольтером) – она поднялась выше всех! Её ответы на вопросы судей изумительны! Они тверды, благородны, вдохновенны, находчивы, остроумны – они таковы, какими бывают иногда математические доказательства – они безукоризненно точны!

У каждого народа есть история, есть её трагические страницы, падения и взлеты. Её явление Франции и Миру – это не только взлёт французского духа, но это новый тип истории, новая ее форма – ее личность, письма французам и неприятелю, ответы на Суде, поведение в сражениях (а на суде она однажды сказала, что не убила ни одного человека!) – и её предсмертный вопль – *Крест, дайте мне Крест!* – все вместе создает представление о новом типе человека – можно сказать, что *она сама и есть новое историческое Учение о необходимости освобождения Человека, Народа и Франции.* Она не только простила французам, но она их и не укорила!

Конечно, хотя она никого не убила, но водила армию в сражения и ее солдаты погибали сами и убивали англичан. Однако перед сражениями она обращалась к вражеским солдатам с призывом добровольно покинуть занятые ими крепости и убраться из Франции и обещала, что при этом условии сохранит им жизнь – кажется, она была единственная такая в Истории.

Шарлотта Корде убила Марата, мать Мария (русская поэтесса Кузьмина-Караваева) пожертвовала собою для спасения *ближнего*, ты в конце концов пошла на смерть для спасения Франции, и не обвиняла «простой французский народ» в предательстве, в трусости, в ничтожности, в том, что многие из них по существу соучаствовали в преступной войне англичан против Франции – а

я обвиняю русский народ в том, что именно руками крестьян и рабочих Сталин и большевистская хунта истребляла лучших русских людей, а сегодня он забыл об убитых мучениках и не хочет их вспоминать, забыл своих дедов и отцов и двоюродных дядей, погибших от доносов, от голода и холода, от пыток, унижения, непосильного труда, бомбежек, обстрелов, расстрелов и неволи – как будто он не виноват в их смерти! Но вот так же в смерти евреев и поляков, русских солдат и беженцев, в смерти детей и стариков, не выдержавших ужасов Второй мировой войны, виноваты не Гитлер и Сталин, не Кейтель и Жуков, не Геббельс и Берия, а немецкие Ганс и Фриц и русские Иван и Петр, за чечевичную похлебку и обещания Рая построившие лагеря и тюрьмы, натянув над ними колючую проволоку и согнав в них миллионы невинных людей – не потому, что они что-то не то сказали или не то сделали, а просто **по плану**, пилить лес или добывать урановую руду, производить винтовки и пушки, строить заводы, которые со временем просто заржавеют, как в Ленинграде Кировский Завод или Красный Треугольник, заводы по производству самолетов, тракторов, автомобилей, паровозов и ракет... и эти Фриц и Иван расстреляли и застрелили ровно столько лучших людей, сколько им было приказано Сталиным и Гитлером, которых они и привели к высшей власти, полюбили и до сих пор обожают – почему именно их, худших из всей нечисти, они даже я этого до сих пор не в силах понять. Почему советско-русский народ наконец-то поставил памятник Грозному, которого даже русские цари проклинали и которому до-революционная церковь возглашала анафему – непостижимо так же, ибо по злодейству не только в русской, но и в мировой истории ему не найдется равных! Гордитесь, верноподданные!)

И вот – миллионы невинных вбиты в ту землю, на которой сегодня мы сеем пшеницу: а мы говорим: *Так было надо! Надо было индустриализовать страну* (свою Германию Гитлер за семь лет поднял из руин, одел в броню и поставил на колеса, не убивая своих Фрицев и даже изгнав большую часть своих Абрамов – как это ему удалось?), надо было воевать, восстанавливать страну (но зачем ее прежде превратили в руины до Невы, до Дона, до Волги и почти до Урала?), ... *надо было пить человеческую кровь*... вы не считали, в какие только страны не отправлялись наши Иваны с автоматом Калашникова освобождать бесправных людей от засилия Капитала – зачем? Вы этого не знаете, потому что всех умных в России вы уже успели убить. Если их фамилии написать на бумажной ленте в одну строку и растянуть над страной от Карпат или Бреста до Владивостока или Магадана, то эта лента как раз будет длиною в десять тысяч километров и вместит сто миллионов невинных душ – более невинных, чем ваши, и по крайней мере менее виноватых ...

... по всем дорогам белеют наши кости и равнодушный прохожий иногда пинает маленький детский череп... *И что же нам теперь делать*, спрашивают они, - *не смеяться, не жить?* **Да, не смеяться и не жить, пока не искупите вины злодеев до седьмого колена! И лучше сразу повеситься!**

Я не закрою глаза, я не перестану помнить и видеть, и **я призываю к мщению**. Так как палачи умерли, то надо наказывать их защитников и оправдывателей, тех, кто восхваляет Гитлера и Сталина. Они не имеют права жить – **если убийцы прокляты, то прокляты и они, защитники убийц.**

Мой товарищ мне возражает: «Простые люди должны были зарабатывать деньги, чтобы кормить своих жен и детей, им некогда было смотреть, чей это череп валяется у них под ногами.»

И обыватель ему поддакивает, что иначе, дескать, было бы еще хуже! - выпивая третий стакан, уже не закусывая.

И вся эта галиматья о гордости великой страной проповедуется теми, у кого никто не воевал и никто из отцов не погиб на войне. *Поколение тех, кому сегодня 70 лет, захватило власть в нашей стране и определяет поведение и образ мыслей всего народа.* Они с бахвальством кричат в сторону воображаемых противников России: **«Можем повторить!»**

Демагоги, пойдут ли они в окопы и в атаки? *Повторять* придется нашим внукам, властная «элита» ни сама не будет воевать, ни своих детей, нежащихся под солнцем Италии и Испании, не пошлет на войну.

Они, грозящие *повторить Вторую мировую войну*, это предатели Родины, которую они растлевают, из которой они уже изгнали 25 миллионов образованных людей за последние 25 лет. Воистину, сегодня осуществляется *«план Даллеса»* по растлению и обезлюдению России.

А что говорит *мое собственное поколение*, те, кого я считал последними романтиками Советской России? Одни умирают, другие впадают в слабоумие после ковида, третьи требуют меня наказать, *чтобы я не мешал народу гордиться великой страной и ее выдающимися правителями.*

Увы, народа нет, народ не существует как некая историческая личность, как некое единство, - с огорчением вижу теперь я это и сам. Умру и я, умрут после меня и они, как жаль, что я не увижу, стало ли в конце концов им стыдно за свою глупость, за забвение уроков Истории, за *повторение* прежнего еще предвоенного *бахвальства*, которое стоило народу уже тридцать миллионов погибших, не только от пуль и снарядов, но и от голода и холода; не только солдат, на полях сражений, но и мирных жителей, в домах от бомбежек, на дорогах войны, отступая перед немецким валом в 41-м году.

Что же **повторить** грозят эти идиоты: разрушенный Кенигсберг, Берлин, Дрезден – или разрушенный Сталинград, Новгород, голодающий Ленинград с двумя миллионами умирающих мучительной смертью? Эти *идиоты* – необычные идиоты, **они негодяи**, они предполагают, что при «повторении» *умирать мучительной смертью* будут другие, а они будут наслаждаться! И я их проклинаю за это желание наслаждения за счет других!

Девушки меня любили больше, чем я заслуживал, да я и сам влюблялся не только в красоток, но тянулся и к умницам и в них тоже влюблялся. К тому же красавицы и умницы, это единое состояние личности: красота, ум и нравственное совершенство.

И что же это были за влюбленности? Я словно летел над весенним садом человечества, чтобы вдохнуть его аромат, почти не касаясь его лепестков.

... Но так как *мне бумаги не хватило*... (а я забыл в городе зарядное устройство для компьютера и пишу на бумаге, и чистой бумаги тоже нет, то я *«на чужом пишу черновике...»*)

... Однако надо пропустить мои *Воспоминания о девушках*, тем более что есть более важный "*специалист* по отношениям мужчин и женщин" – это апостол Павел; он даже особенное Учение создал (вроде марксизма), *оправдывающее рабство*, в том числе *семейное рабство*, в котором рабыней является женщина. Правда, удивительно то, что в своем учении Маркс призывал к *революционной войне с рабством*, но так как «ему, по-видимому, *бумаги не хватило*», то его учение о строительстве социализма на руинах капитализма оказалось дорóгой к **тоталитарному рабству**, в котором *диктатура являлась высшей фазой демократии*, личность становилась нулём (если только *в партию не сгрудились малые*), и пролетарское государство (как и **партия**) растворяло в себе все личности без остатка. К слову сказать, то же было и с Учением Павла. Его учитель был своего рода иудейским Сократом, которого Павел назвал *Спасителем* человечества, и который тоже, как и Сократ, не оставил после себя письменного изложения своего учения, посему Павел стал при нем своеобразным Платоном, который был при Сократе Павлом – в «**Республике**» и нескольких еще подобных сочинениях)... Если кто из моих читателей их читал (что ныне редкость), то помнит, что эта «*Республика*» была худшей из тюрем для человечества, там над человеком днем и ночью господствовало недреманное надзирающее око, жизнь была регламентирована, направлялась доносами – не жизнь, а рай! Разумеется, свободу и истину такого Рая Павел решил подкрепить пуще, чем у Платона, посему его Учитель (в изложении учеников) сказал: «*Познайте истину, и она сделает вас свободными!*» – ибо *«истина – это Я!»*

Кажется, я запутался в трех соснах философского леса, то есть в отношении трех идей, определяющих нашу жизнь: **Бога, Любви и Народа**. Так как Бог существует не сам для себя, то у него есть *помазанник Божий*, то есть **государь** (или президент), и целый синклит должностных лиц и представителей Бога и целое сословие их – *духовенство* (кстати сказать, так как именно Бог делает власть Государя сакральной, а государь ее всемерно утверждает, то таким образом Бог уродняется с *демоном* государственности). Но справедливо ли судить меня за оскорбление Бога, священства, государства или правительства, если по всем представлениям о *духовной свободе* *личность вправе быть против религии и монархии* – ибо и религия и монархия (взгляните на Англию!) и *правительство – вторичны, выборны, назначаемы волей народа!* Да и самого Кромвеля разве не **выкопали и не казнили уже мертвого?** Разве короля не казнили еще живого? Разве Русская революция не отрубила веру в Бога голову, а еще ранее Вольтер не призывал «*раздавить гадину*» – католическую церковь – и в годы Великой французской революции не этот лозунг во Франции воодушевлял борьбу с церковью?

Итак, я вправе верить в христианского Бога или не верить, и это право мы завоевали в борьбе, и закрепили в конституции, также я вправе быть в оппозиции к политической власти, имею права политической деятельности, собраний, митингов и манифестаций. Я имею также право предложить новый закон, по которому будут привлечены к уголовной ответственности те политические силы, которые лишили Российский народ прав на собственную страну!!! (Русский **Кромвель будет выкопан из могилы и наконец казнен**).

Отрывок из статьи «Опера Верди "Травиата" и судьба Италии»

2. Поэзия и литература, драма и опера... Хотя великое музыкальное и драматическое искусство Европе обязано даже более, чем России, но русский, соединяя и то и другое, существенно отличается от европейца в метафизическом отношении. Между европейским завсегдатаем театра и русским зрителем и слушателем пролегает пропасть: итальянец и француз, в значительной степени и немец, тем более англичанин ходят в оперу для наслаждения и развлечения, русский идет как в церковь, как на баррикады, на войну или на свидание; да, мы идем за *преображением и катарсисом*, мы идем страдать и восхищаться, воспарять на небо, искать и находить истину. Мы слушаем не только Верди, слушаем и Вагнера, и Мусоргского – но мы не изменяем ни одному ни другому, каждому мы верны, и в каждой душе наша находит не удовольствие, а блаженство. Ибо национальное искусство неотделимо от национальной жизни, и **подлинная жизнь – национальна**, как и искусство, между ними не может не быть совпадения.

3. Итальянская жизнь 19-го столетия, когда Италия была раздроблена и порабощена, напоминает мне то положение, в котором сегодня находится Россия, только Италия не была столь нищей и столь униженной, и народ не был так несчастен. Самое ужасное состоит в том, что русский народ не слышит биения своего сердца, и не чувствует его боли – так бывает во сне или в забытии. Или мы уже умерли, и поэтому ничего не чувствуем?

Ну вот, например, **свобода**. Не спешите сказать, что у каждого она своя или что ее нет и быть не может. Рассмотрим свободу **не поклоняться** тому или иному Богу, тому или иному учению, например, марксизму. Она была достигнута за двадцать столетий ожесточенной борьбы в европейских странах, и называется **свободой совести**, а еще триста лет назад в Европе и в России за открыто высказанное неверие сжигали. Еще она называется **духовной свободой**, и только благодаря ей мы развиваемся... И также я надеюсь, что есть **справедливость**, она дана человеку как **интуиция**, и уже в три года ребенок чувствует, что справедливо и что несправедливо. Благодаря свободе существует культура, и история становится осмысленной. ... Верди не был революционером – но не он ли объединил Италию своим искусством? И не оперное ли пение создало итальянскую нацию?

4. Хотел уже на этом закончить свои рассуждения – или свои вскрики...

Но технологический прогресс вторгся ныне и в искусство, и мне не надо ждать, пока счастливый случай снова приведет меня в театр, театр пришел ко мне домой, расположился в волшебном ящике напротив меня на стуле, и Виолетты одна за другою запели для меня свои арии о свободе и любви, плача и смеясь. «*Которая из них лучше?*» – спорят мои домочадцы в соседней комнате... Но есть ли критерии в искусстве? Кажется, что и в оценке искусства решающее слово принадлежит любви. Поют Оксана Шилова, Этери Гвазава, Мария Каллас, божественная Анна Нетребко, – но я ведь их всех люблю, и все они лучшие, надо ли из них выбирать? Может быть, наши споры проистекают из того, что нам навязывают выбор худших? Нам навязывают завоевателей и палачей, полководцев, некоторые из которых славны пирровыми

победами, нам навязывают «гениев всех времен и народов», единственно истинных, единственно верных, единственно справедливых – и мы теряем **чувство вкуса и меры**. Только *кто это, тот могущественный, который в состоянии нам всё навязать?* Увы, я не знаю.

Иногда мне кажется, что дело в понятии сверхъестественной сущности, к которой запрещено относиться критически, которую невозможно оспаривать, настолько она выше человека – но так как у всего высшего, недоступного нам для диалога, существуют законные представители в нашем обществе, *помазанники*, жрецы, философы, ученики и апостолы – то запрещено относиться критически к ним ко всем.

Поэтому лучше я продолжу свой разговор о любви. Я уже понял, что истина не существует, а любовь, к счастью, все еще есть. Пусть она даже условна, пусть ее придумали юный Александр Дюма и Джузеппе Верди, пусть этот миф о любви культивируют только романтики – но все же она существует, хотя бы для них. И я вдруг увидел, что есть многое, о чем не надо спорить, не надо доказывать ни блаженному Иерониму, ни блаженному Игнатию, что они ошибаются, надо только сводить их хотя бы один раз в театр, и пусть они посмотрят, и пусть они услышат... Если человек создан Богом, то сущность его едина во всех нас, мы ведь разговариваем на одном языке и в основном понимаем друг друга, следовательно, в некоторых частностях мы притворяемся и обманываем себя и других. *«Рабы, во всем угождайте господам своим!»* – это, конечно, не математическая истина, это правило, которое придумали *рабовладельцы*, чтобы им было легче управлять рабами. И незыблемость крепостного права, наследственной монархии – не сущностный закон исторического развития, а свод правил, установленных оккупантами на оккупированных территориях, татарами, монголами, немецкими арийцами.... До поры до времени слабые подчиняются правилам сильных, потом начинается война за освобождение, Рисорджименто, Французская революция, Русские три революции, Гражданская война... затем новые хозяева России начинают истреблять ее коренное население, предатели им в этом помогают – но и это не вечно, это не философский закон и не Закон Природы, и тем более это не Постановления подлинного Священного Писания, установленного Богом. Современные монархисты и православные, оплакивающие Николая второго и Столыпина, и проклинаящие декабристов, не правы в главном: если бы какая-то всемирная сила могла бы повернуть ход исторического развития и вернуть крепостное право, то они бы его возвращение приветствовали бы в единственном случае – если бы они стали помещиками, а мы крепостными – но если бы случилось наоборот, то они бы первые влились в ряды декабристов, народовольцев, эсеров и большевиков.

И сегодняшние православные – не последователи Библии, то есть вместе Ветхого и Нового Заветов, их мышление и по поводу устройства Солнечной системы и геологического строения Земли, и теории эволюции вполне временно, вовсе не архаично, и они не повторят бред Оригена, что *математика ввнушена бесами*, и браки должны быть строго сословны – а именно это обстоятельство в центре трагедии, испортившей жизнь героям оперы Верди и Александру Дюма-сыну и его возлюбленной Мари Дюплесси.

5. Любовь и порок (Первородный грех)

Если христианское учение истинно или справедливо; или и истинно и справедливо – и в основании человека и мира лежит **первородный грех**, ради искупления которого Иисус из Назарета принес себя в жертву – и если он при этом и Бог, то это **трансцендентная метаисторическая жертва, оправдывающая историческое** христианство, и инквизицию, и гонения на ученых, поэтов и евреев, и крестовые походы, и сожжение, кроме миллионов менее знаменитых, еще и Яна Гуса, Джордано Бруно, Жанны д'Арк, оправдывающая пытки и казни правления Ивана Грозного, Сталинский террор и заодно всю мерзость человеческой истории, ее лжи, подавления, несправедливости, морей, составленных из слезинок детей (а не тех лживых слезинок, которые Достоевский предъявляет в оправдание мерзости человеческой истории и противопоставляет всем революционерам и освободителям мира, и декабристам, и гарибальдийцам, и всем революциям – ибо надо было, по завету Христа, *кротко любить своих рабовладельцев, во всем угождать им*, лелеять, отрехшись от собственной жизни, ибо и мир весь христианство призывало проклясть и отвергнуть, замурававшись в пустыни и склепы, на столпы и в монастыри, а *жена* в каждой семье *должна была во всем угождать мужу*)... ну, короче говоря, если христианское учение истинно, то надо было стараться историю отменить, как апостол Павел и «люди лунного света», и какая бы благодать наступила, уже бы давно закончился Страшный суд и все бы мы воскресли листьями на древе господнем (кроме Лермонтова, Вяземского и меня, мы бы сидели полубесплотные под листьями вечнозеленого дуба и вели бы богохульные разговоры)...

Но хватит лжи. Священная истина не истинна и не справедлива, а справедливы два Закона, одновременно природных и трансцендентных: природный **Закон всемирного тяготения**, дополненный **божественной Телеологией, вложенной в физику мира**, из которого проистекает физическая эволюция мира; и трансцендентный **Закон всемирного притяжения полов**, дополненный **любовью** (не только для человека, но и внутри высших природных форм). Из притяжения полов и Любви между мужчиной и женщиной проистекают и само бытие человечества, и существование семьи, рода и народа, и **История**, и **Культура** (из любви проистекает и великая опера Верди и подобная ей опера Кармен и полемизирующий с ними роман Толстого «Воскресение» - Толстой отрицал оперу, потом стал отрицать культуру в целом, стал отрицать и природную любовь – но вот, однако же, продолжал спорить и с любовью (началось еще в Анне Карениной, затем в Крейцеровой сонате, наконец в «Воскресении», потом плюнул, ушел из дому, взял и умер. Творчество великих вдохновлено и поддержано высшими силами, в одиночку им с теми задачами эстетического совершенства, которые они перед собою ставят, не справиться, у каждого из них есть свой *даймон*, о котором говорит Сократ – и я, казалось бы, мог рассчитывать на поддержку свыше, тем более что спорю с великими – но от меня отступились все: ни ангел не шепчет в правое ухо, ни волхвы не приходят будить по утрам, как прежде, ни музы, ни небесные ни земные. Но так бывает у многих. Умер и Шаламов, покинутый всеми.)

Если история и культура произрастают из *первородного греха*, вместе с человечеством, то идея этого греха – это выдумка «людей лунного света», тех, кто «скопцы для царствия небесного», по мнению апостола Павла.

Представим себе, что как существуют одновременно две геометрии, Евклида и Гаусса-Лобачевского, так существуют два человечества, одни, **рожденные во грехе** «люди лунного света», и другие – упорствующие в потворстве порочной страсти люди земные, **не** лунатики. Они ведут себя по разному, одни целомудренны, другие, по разным обстоятельствам, по врожденной ли склонности, как Манон Леско, по соvrращению ли порочным мужчиной, – развращены. И само христианское учение разделяет нас, людей из мира Евклидовой геометрии, на эти же два разряда. Казалось бы, живущие в первородном грехе, мы все греховны и все порочны, какая уж разница, грешим ли мы с женами или с любовницами, если и то и другое – страшный **грех, растливший мир**? Но Священное Писание (а с ним и Христос), говорят о **прелюбодеянии** и побивают за него камнями, а «грешниц», которые в браке *рожают детей* – то есть не отрекаются от *первородного греха* – прощают? Логика в христианстве нет (или у него социалистическая логика).

Но все же, допустим, что *жить в браке без любви и родить от нелюбимого в холодных объятиях* (в христианском обществе) как Анна Каренина – это почти праведность, а **родить по любви** – страшный грех, прелюбодеяние (очевидно, что корень греха – не половая страсть, а именно любовь, ибо в несвободном браке половая страсть, хотя бы с одной стороны, как раз и заменяет любовь). Если так, то как бы совершенна ни была литература и поэзия, воспевающие любовь, и как бы вдохновенно ни изображала любящую Виолетту Этери Гвазава своим чарующим голосом, Мария Каллас и Грета Гарбо и Оксана Шилова в сценическом воплощении – для христианства и людей лунного света это все та же мерзость. Оставим их в покое.

Розанов приглашал монахов, участников Религиозно-философского общества, в театр – но «они не захотели». «Травиату» они не слышали, им не дано было восхититься Виолеттой и оплакать ее несчастную любовь. Что же могут противопоставить «земной любви» христиане? ... даже если бы христиане были ангелами, и никого не преследовали, их кротость, смирение, отсутствие гордыни, пристрастия, их коленопреклонение, умаление, ... меня отпугивают. Я бы не хотел сидеть с ними в одной камере, они напоминают мне безалкогольное пиво. ...

Вся страсть христианства направлена на отрицание мира, на ненависть к творчеству и к преображению мира к лучшему (хотя часто наши попытки оказываются неудачными). Но пусть лучше мы будем вечно обманываться в своих надеждах зажечь наконец небесный огонь, в своих поисках совершенства, чем смиренно откажемся от дерзаний. Человек не совершенен, часто слаб, иногда порочен – но он гораздо лучше, чем жертва «*дьявола, рыскающего, аки лев, ища кого поглотить*». Христос весь пафос обличения сосредоточил на «любовной» страсти – но *неправедные властители, богатеи, лжецы, разбойники, чиновничья олигархия, вместе с церковью – вот где истинный порок*. Даже распутница в сравнении с ними **святая**, вместо засушенных смоковниц Марии Магдалины и Марии Египетской.

В музыкальной европейской истории эта **Опера** – если не наибольшая вершина, то из наибольших. В ней совместились философские и жизненные коллизии, борьба за освобождение человека и борьба за освобождение Италии от иноземного гнета, в ее сценической истории сплетены многие судьбы даже тех людей, которые, казалось бы, к ней не имеют отношения.

Не правда ли, читатель, ты вспоминаешь не одну только эту оперу, читая мои строки? Разве не оживают перед твоими глазами страницы романа **Овод**, посвященного революции в Италии, в центре которой оказалась и музыка Верди, и освобождение человека от клерикальной власти, и трагизм этого освобождения (а мое поколение и все предыдущие – в России этот роман имел грандиозный успех! – перечитывали его не единожды и пролили над ним немало слез, тем более что с ним оказались связаны судьбы и русских революционеров и русского освободительного и антирелигиозного движения, и судьба двух видных русских писателей: Степняка-Кравчинского и Михаила Войнич... а Этель Войнич жила в том числе и в России и перевела на английский язык множество русских писателей и поэтов...)

Но надо остановиться – ...

6. Боюсь, читатель вспомнит еще одну "блудницу" – Сонечку Мармеладову из романа Достоевского «Преступление и наказание» – *и она оправдана* – своими страданиями, своей кроткой душой... но, может быть, и чтением евангелий? Правда, Конст Леонтьев говорит, что она не ходила в церковь.

Увы, меня читатели упрекают в чрезмерном внимании к религии. Я отшучивался, что зато они слишком много говорят о погоде... – и все мы много говорим о любви, мужчины говорят о женщинах, женщины – о мужчинах и детях, о нарядах, мужьях, любовниках... но говорить уместно о чем угодно, только бы это было интересно слушателю. Тургенев писал о вальдшнепах, Аксаков о рыбной ловле, если это раздражает читателя, то лучше ему читать словарь китайского языка. Божественные звуки оперы и симфонии тоже ведь неприятны подавляющему большинству людей на нашей грешной земле, и грешная она не потому, что мы мало говорим о боге и слишком много внимания уделяем культуре – нет, *говорить о боге всеу – еще больший грех, чем о нем только молчать*. С большим удовольствием я разговариваю о культуре, ее создателях, о людях, вовлеченных в нее, среди них, очевидно, не все безупречны, и даже ревностные христиане, каким стали Толстой и Достоевский, то слишком сильно грешили, то слишком сильно раскаивались и звали меня и читателя к раскаянию тоже. Раскаивалась ли Аполлиния Сулова? Раскаивалась ли Виолетта? И не состоит ли «женское христианство» в таком **раскаянии** – в тех случаях, когда они оказывались слишком беззащитными перед давлением мужчин и мужского влияния: общества (Анна Каренина и Катюша Маслова); семьи (Екатерина в «Грозе Островского»); мужчины (боярыня Морозова и протопоп Аввакум)? Тогда в чем же состоит мужское христианство? Не в культивировании ли комплекса женской вины и необходимости женщине подчиняться мужчине? А если эту метафору расширить на взаимоотношения **Государства (мужского начала) и Родины** (начала женского – случайно ли она Родина-мать!)?

7. Заключение. Наш разговор в защиту Виолетты еще только начался, и его разрешение в противостоянии человека и христианского бога, культуры и религии, истории *народа* – и *«Первородного зреха»*. Мы к нему еще вернемся – потому что не экономические же категории в сердцевине жизни, а **страсти**. Мы - *«жить хотим, чтоб мыслить и страдать»*, они – чтобы стать листьями на Древе Господнем. (Или это только *«слова, слова, слова?!»*)

В последние три дня я много слушаю музыки и читаю, пренебрегая долгом, то есть необходимостью литературной работы по редактированию и составлению журнала. Размышляю о христианстве, о русской истории, о России, о русской литературе. Что такое Россия и что такое русский народ и русский человек? Существуют ли они? Русские философы, писатели и поэты 19-го столетия словно бы распадаются на две группы: писатели и поэты преимущественно христианского направления, как Достоевский, Лев Толстой второй половины жизни, Тютчев, Константин Леонтьев, Страхов, во многом Розанов, все славянофилы (и их то критика и причисляет к русским, хотя они гораздо чаще произносят слово Христос, нежели Россия) – и писатели и поэты русского направления, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь **до** сумасшествия, Некрасов, Тургенев, Толстой первой половины жизни, Салтыков-Щедрин, Фет (их критика называет «западниками», то есть нерусскими, в то время как в их произведениях именно основания русской жизни, а не православной и не монастырской, и слово русский у них чаще, чем православный). Отглядываясь дальше, я вдруг с ужасом увидел, что словно бы все христианское богословие написано Фрейдом и его учениками, в центре мировоззрения и даже самой жизни – *только проблемы взаимоотношения полов*, словно бы **нет работы**, образования, воспитания детей, **творчества**, войны и защиты Родины, создания армии, **экономики**, развития государства, революции, бунта, кризиса индивидуальной жизни и общественной... В «Братьях Карамазовых» обсуждается, правда, проблема: стать ли государству церковью или церкви государством (это в конце 19-го столетия, когда катился вал социальных проблем), но нет даже смутных отголосков общественной жизни. Кто из героев этого романа русский? Может быть, старший Карамазов?

И второе: **в центре жизни семья и любовь**, хоть какая, хоть порочная, ущербная, пусть даже **жена куплена**, как П---ным, Лариным, Карениным... Не любовь к ближнему соединяет мужчину и женщину, иногда уважение, авторитет, страх, безысходность, дети и любовь к детям, ... но и «плотское притяжение»... В романах Тургенева, в стихах Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого (сначала) в основании всего не Бог, а любовь, семья, Россия,... и женщины не падшие. А у Достоевского (нашего Христа), потом у Толстого? **Блудницы**. Где они их нашли? Я однажды их искал, обошел весь город, – не встретил ни одной. Ну, ладно, они все же есть, хотя я их не нашел, а эти, властители наших дум? Полина, Настасья Филипповна, Сонечка Мармеладова, отчасти и Неточка, Анна Каренина, Катюша Маслова... Сонечка и Анна и Виолетта оправданы любовью и милосердием – а чем оправданы мужчины, которые к ним ходили? Блудницы женщины, а кто мужчины? Они не при чем? Даже у Солженицына в «Круге первом» мужчины словно не при чем...

В центре христианства порочность Евы и всего произошедшего от нее рода человеческого, воплотившийся в человека Спаситель спасает «человечество», рискуя жизнью (но, к счастью, он воскрес, как замечает Розанов). Что еще есть в христианстве? Вскользь есть рабовладельцы и рабы (то есть мы, все остальные), которые должны любить своих господ не за страх а за совесть. Что же является проблематикой христианства: онтология или социальные отношения рабов и господ? Есть ли хотя бы эволюция мира (а греки и римляне об этом уже размышляли), обсуждается ли она в нем? Римское господство над Израилем? Любовь между мужчиной и женщиной? Нет, ветхозаветный Фрейд озабочен только блудницами...

Но как бы на меня не обиделись его поклонники, вернусь *от* первородного греха *подальше* к Солженицыну. Господин Муриков доказывает, что в ближайшие десять лет России не станет, русское население в ней сократится настолько, что она станет колонией Запада, да она и теперь уже его колония, горестно он добавляет. Останется ли Россия в живых – этим же был озабочен и Солженицын. Мы только что отметили его столетие. О России никто не произнес ни слова. Всем было жалко Сталина, советскую власть (хотя не Солженицын ее свергал), всем было жалко раздробления России на племенные уезды (что сотворила советская власть), всем было жалко того тотального **единомыслия**, которое было, наконец, введено градоначальником города Глупова... **А России через десять лет не будет.**

Так к какому народу мы принадлежим, есть ли среди нас русские? Горько задавать этот вопрос, но почти все мои знакомые удовлетворены окружающей жизнью, и значит, либо они ничего не видят и не слышат, либо в этой дилемме: Бог или Россия? – им важен только Бог. Но останется ли даже православный Бог без России? А то, что этому Богу Россия безразлична, это несомненно. *В религиях (кроме иудаизма) нет понятия «народа». (В них нет понятия и человека – но этому вы не поверите).*

Перепечатаваю свои "заметки на чужих черновиках" и многое выбрасываю, в том числе и те строки, в которых я хвастаюсь, как меня любили девушки... Но каждого любили! Наверное, я хотел сказать, что меня любили *более избранные*, ибо обыкновенных мальчиков любили обыкновенные девочки, а меня, необыкновенного, необыкновенные – только почему же я ничего не сумел изменить в этом мире к лучшему? Зря меня любили! Надеялись на меня, а изменяли мир Ленин, «человек из подполья», и мистер **, человек из подворотни, а я, «образованный и культурный», оказался слабаком и ничтожеством в сравнении с ними и с удачливым фельдфебелем и удачливым грабителем инкассаторов...

Но не может состоять народ из личностей, ибо личность имеет пол, а народ в целом не имеет признаков пола. Чем личность существеннее, своеобразнее, чем она более сущностна, тем ее существование полнее – но всякая личность исчезает в народе и невидима в нем, следовательно, народ не состоит из личностей и сам не является личностью – хотя существование народа существеннее всего зависит от выдающихся личностей, спасающих его ценою собственной жизни.

Является ли народ сообществом семей?

Или сообществом сословий?

Но он, тем не менее, не семья и не сословие, во-первых, семьи в народе не имеют институционального соединения, во-вторых, и сословия не соединяются в единый организм, или если и соединяются, то не столько в народе, сколько в государстве.

Ну а если посмотреть на то, как сословия истребляют друг друга во время революций, то мы увидим их противоположность, а не единство, и даже не *единство противоположностей* по Гегелю.

Даниил Андреев изобразил *народ* как соединение Яросвета и Навны в трансфизическом мире, как их своего рода семейный союз, но этот образ мало говорит о действительной повседневной жизни народа.

На этих же страницах, где я пишу о том, что такое народ (о чем я пока имею самое смутное представление), я выписал подробное исследование выдающегося лингвиста Виноградова о личности, и дополню его объяснения несколькими замечаниями. Личность происходит от «*Лицо - Личность – Лик*» ... Лик словно бы характеризует человека более высокого уровня, но есть зато и *бзуликие, многоликие* и даже *безликие*...

И все же при всем разнообразии личностных свойств понятие личности не множится, не дробится, отдельный человек определяется через *сумму свойств* и через *преобладающие* свойства, и его поведение ими определяется.

Так как народ состоит в том числе из противостоящих друг другу групп (сословий, классов), и на его поведение существенным образом влияет государственная власть, особенно при тоталитарном правлении, то невозможно сказать, **каков** народ и каково его будущее – многое, если не самое существенное, зависит от диктатора. **Народ – это образ правления, то есть государство, а государство – это тиран.**

Итак, народ – это население и сословия, плюс государственная воля, объединяющая и направляющая их, большая или меньшая связанность групп, диффузность их или относительная растворенность... То есть народ – это нечто бесформенное, не имеющее общего стиля поведения и направления развития.

И все же, в девятнадцатом столетии существовала Российская империя и Русский народ, наряду с которым существовало еще множество народов и национальностей, как и положено в империи. Русский народ представлял собою традиционное соединение больших групп населения – **сословий**, которые были тем, чем были, по двум основным причинам: они были включены в государственный хозяйственный механизм и необходимы были друг другу, во-первых, **Дворяне** вместе с аристократией и императорским Двором (они осуществляли общее управление Империей и поставляли *офицерство* для *Армии*), **Крестьяне** (они кормили империю и поставляли ей *товары* и *солдат*), **Купечество** (они доставляли товары от производителя к покупателю), **Духовенство** (эти были посредниками между Богом и человеком и вносили смысл в бессмысленное подчас движение Истории), **Интеллигенция** (литераторы, философы, ученые, преподаватели, юристы, чиновники, медики, инженеры, актеры и музыканты...), **Рабочие** и **ремеслен-**

ники, работники транспорта и сферы обслуживания, которых всех можно считать за одно вспомогательное сословие, хотя по характеру труда они различны: ремесленник и фабричный рабочий – производители, а сторож, слуга, ямщик... - обслуга. Но так же и **Армия** и **Полиция** - сословие, и **Народ** – *производственное объединение людей в едином государстве*.

Взаимодействие сословий осуществляется в производстве, торговле, управлении, удовлетворении духовных потребностей в Религии и Культуре (в том числе в образовании и развлечении), в Войне, в Защите и Взаимопомощи.

Н. П. Ильин говорит, что *каждая великая нация должна иметь философию*, с этой точки зрения Русский народ – Великая нация.

Однако **сословный народ** соединяет в себе не только сословия, но и отдельных людей, не входящих в сословия ...есть еще воры, бродяги, шпионы (разведчики), телохранители и сыщики, участники террористических и других подпольных организаций (к которым принадлежали Андрей Желябов и Софья Перовская, Ульянов и Джугашвили, Троцкий и весь большевистский сброд...), а также *пираты* и *наёмники*, то есть лица, завербованные в наёмные Армии (сегодня в России это так называемые контрактники, в Средневековой Европе солдаты воюющих между собою стран – даже Ломоносов нанимался в немецкую армию, откуда позже сбежал).

Иногда народ подобен Полю, на которое прилетают шмели и пчелы, чтобы его опылить и улететь восвояси, и так как трудно разделить сущность Поле и его покров (например, трудно таежный покров в Тайге отделить от его земной и водной и болотной поверхности с вкраплениями скал и каменных осыпей), поэтому не всегда ясно, что мы имеем в виду, когда говорим о Русском народе, Российской империи и стране по названию Россия. Несмотря на то, что обо мне самом писали как о русском националисте, и даже в 70-м году судили не только за *клевету* на социализм, но и за обвинение советского государства в геноциде русского народа, я не могу сказать, что содержанием этих моих Записок является судьба только русского населения, рожденного русскими родителями. Сегодня кроме меня таких уже трудно найти, так быстро протекает процесс ассимиляции (смешения, межнациональных браков) в современной России. Но я русским считаю всякого, кто говорит по русски и считает себя русским – хотел бы добавить, что еще и любит Россию, переживает за нее и хотел бы ее защитить от злых сил, но теперь я сам о себе не всегда понимаю, не ненавижу ли я русских, которые хотят **повторить** трагические страницы Второй мировой войны, так как не ненавидят ли эти якобы русские вообще живых людей, *не люди* *есть ли они, эти повторители?* Что же до Даля, Сенковского, Булгарина, Пушкина, Герцена, и многих других в таком же роде, то они по моему мнению безусловные русские писатели и вообще русские люди, и глупо преувеличивать взаимное влияние этносов – оно существует, и полезно было бы, чтобы мы более перенимали то положительное, что есть у других, вот поэт Шалапин «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину, а наш русский мужик, коль работать не в мочь, то затянет родную *дубину*...» – ну не грех и у англичан чему-то учиться, у них вон и Ньютон, и паровая машина Уатта, и Английская революция, и Шерлок Холмс!...

Нужны ли подобные философствования об Истории и Культуре?
(Полемические замечания по существу моих литературных споров)

Все последние годы в продолжение моих размышлений я стремился понять народ как Личность, с характером, своеобразной формой сознания, судьбой и Энтелэхией (греч. ἐντελέχεια «осуществленность») – в философии Аристотеля – **внутренней силой, заключающей в себе цель и результат.**

Если на пути *из варяг в греки* происходит соединение в некое единство при помощи военной силы в границах семейно-родового славянского союза хозяйственных сословий, возникших в рамках экономических потребностей, то такой полуестественно и полуйскусственно возникший военно-родовой союз обретает черты государства и народа. Славянское население от верховьев Волги и Ладоги до устья Днепра завоевано варягами, давшими начало *княжеской знати*, славяне составляют собою крестьянство и купечество, все остальные сословия образуются в течение последующих веков, от IX-го до XIX-го. Борьба за освобождение крестьян от Пугачева до народовольцев принимает такой ожесточенный характер (впрочем, не более ожесточенный, чем борьба Третьего сословия против феодального государства во Франции во время Революции), потому что это не только борьба между сословиями, но и национально-освободительная война. Разумеется, варяги и славяне частично смешались, но как в духовенстве даже сегодня еще прослеживается греческий тип, так и дворянство еще и сегодня представляет собою высшую воинскую касту (kṣatriya «властный, благородный» - санскрит). Чем объясняется столь ожесточенная и кровавая война «красных» против «белых», война до полного уничтожения всех потомков бывших помещиков и аристократов – не ненависть ли это Андрея Желябова? И не национальный ли раскол в основании раскультирования современного русского народа? Культура принадлежала дворянам и аристократам, крестьяне трудились на земле, загадкой для меня является то, что при этом современный народ по-прежнему поклоняется самодержавной власти, не важно, бого-помазанный ли это царь, узурпатор ли царской власти человек из подполья Ленин, Сталин, Троцкий, предводитель ли это преступного сообщества сексот и чекист, человек из подворотни. Так как народ – это не только сословное общество, но и свободные личности, Радищев, Белинский, Лермонтов, Герцен, Салтыков-Щедрин (дворянские дети), то злая ирония судьбы состоит в том, что сначала славяне потеряли родину при пленении варягами, затем – монголами (и воины-варяги были главной силой освобождения от татар), затем большевиками (а Белая гвардия – это уже потомки славян и варягов), но сегодня именно славянская чернь противится и национальному и духовному освобождению русского народа (в котором нелепо уже отыскивать и разделять славянские, варяжские, греческие, угро-финские и европейские корни, особенно в Петербурге).

Моя собственная борьба за национальную идентификацию связана с тем, что я ощущаю себя наследником казаков и крестьян, русской культуры и языка преимущественно 19-го столетия, одновременно тысячелетней русской городской культуры Киева, Новгорода, Пскова, Москвы, Владимира, Нижнего, Петербурга, европейской и Античной культуры.

Мне совершенно очевидно, что мои предки проросли на европейской равнине и научились строить города, пахать землю и говорить и писать не ранее чем 12 столетий назад, позже немцев и французов, которые восприняли античную культуру и создали государства на пятьсот лет ранее нас, не говоря о том, что Гомер создал Илиаду и Одиссею в восьмом веке до нашей эры.

Мне так же очевидно, что поиски воображаемых русских мифических древностей направлены на то, чтобы отказаться от подлинной русской культуры Второго тысячелетия нашей эры, отказаться от Былин, народных песен и сказок, средневековой русской литературы, после которой были Жития протопопы Аввакума и боярыни Морозовой, затем от 18 века, затем и от непревзойденного даже в Европе Золотого века русской литературы. Почему я и поминаю их, цитирую, и привожу во свидетельство! Потому что несмотря на то, что и сегодня встречаются умные и интересные, глубокие люди (только что слушал беседу *Дмитрия Петрова* с Дмитрием Быковым), писатели и философы 19 столетия, увы, нас – превосходят! Нам нечему их научить, но они нас развивают и учат. (Кстати сказать, состояние языка очень точно сообщает возраст народа, его начальную дату появления на свет – не детства, а возникновения.) Может быть, **язык и есть народ**, и только язык, потому что любые десять человек из народа отличаются друг от друга более, чем немец от русского, и никого, похожего на меня – по отношению к власти, семье, женщине – я не нахожу в произвольной группе собеседников – о каком единстве, характере, менталитете русского народа можно говорить?

Итак, народ НЕ существует (если не называть народом *толпу* или разнообразное *население*) – но существует ли народ как определенное поле – *ржи, ячменя, овса, пшеницы?* – увы, таких народов нет тоже. И в перечне: "русский народ", российское государство (РФ), *Россия* – я спотыкаюсь о *русский народ*, который защищает пытки и казни Ивана Грозного и не могу такой народ не только любить, но даже жалеть; я спотыкаюсь о *государство*, которое отобрало у нас не только свободу, но человеческое достоинство, честь, самоуважение, право на жизнь – и не могу такое государство не ненавидеть – но Россия наполняет меня состраданием. И она принадлежит всем, не только русским, она питает карела и бурята, она нас кормит и наполняет нашу жизнь смыслом. Поэтому леса и реки России надо очистить, хотя бы часть ее деревень восстановить, привести в порядок ее города, хотя бы уездные, остановить уничтожение старых строений, ведь скоро мы полностью лишимся нашего прошлого, иногда кажется, что русский человек ненавидит Россию и жаждет ее уничтожения... Как говорила Жанна, этому русскому надо отрубить голову, *но если будет на то воля божья!*

Но так как я пишу на чужих черновиках, то читаю, что пишут другие.

«Надо писать о том времени, в котором мы живем, – говорит критик, – о современной литературе и современных авторах». «Все, что пишет редактор день ото дня, напоминает пьяный повторный бред. Да еще ждет "достойного собеседника"»... – но современность наполняет меня жестокой болью, и я ее хочу изменить, *отрубить ей голову* – и *ищу орудие мщения*. В современности этого орудия я не нахожу, именно поэтому я обращаюсь к *прошлому истории, литературы и философии*.

Дмитрий Петров говорит, что **язык не конструируется** как роман или паровоз, он *метафизическая* (или *трансцендентная*) данность, он встроен в структуру мироздания, он в ней содержится как электричество, атмосфера, вода, полезные ископаемые. Мир приготовил человеку языки, как и Интернет и Мобильную связь (как искусство, литературу, философию, математику – как и **всемирное тяготение веществ** или **притяжение полов**, они не сочиняются как произвольное повествование рассказа, а – **ЕСТЬ изначально**).

Народ и национальность не существуют без языка, поэтому человек, для которого русский язык и русская культура родные, уже русский (хотя, конечно, немалое значение имеют еще **кровь** (этнос), историческая память, природа, общество, сама индивидуальная жизнь и судьба).

Еще наш замечательный языковед добавил, что и тело человека не менее сложно чем его душа, а кроме фонетического языка, который в основном мы и сознаём как язык, есть еще музыка (которая тоже в себе содержит высказывания), есть еще и **язык тела** – походка, жесты, мимика, **танец и балет**. Почему в чужой стране в большом скоплении людей мы вдруг узнаём соотечественника (как узнают сородичей животные)? Потому что национальное как этническое отпечатлевается в осанке, поведении, движении, походке, жесте не менее чем в фонетическом языке.

Множество личностей **разнятся** друг с другом и поэтому не соединяются в единство, так как **Я** *думаю и чувствую совершенно иначе, чем русская чернь*, угрожающая инакомыслящим повторением жестокостей Ивана, Петра и Иосифа – но не во всем **Я** отличен и от черни, что-то человеческое есть и в ней: походка, осанка, **переживание страданий** – а страдание даже низкого человека вызывает в нас **сострадание**. Правда, когда я смотрю телевизионное беснование правительственных пропагандистов, я вдруг чувствую, что, возможно или даже скорее всего, эти – не люди, а бесы или не совсем люди, почему их шабаш так действует на телезрителей.

Итог: Определения народу я не нашел, он есть как нечто определенное или неопределенное, как личность (сомнительно), как **население** (скорее всего), или **существует подобно языку: слова (элементы, личности) сочетаются в выражение, выражения – в высказывание, высказывания – в речь**.

Я не нашел, что такое народ, который словно бы не существует, но я чувствую, что такое **Россия**, и ее мне так же жаль, как Жанне – Францию.

Но нашли ли философы, что такое «*объективный мир, который существует*», и что это значит, и так ли он определенно существует, определеннее ли, чем народ? Могут ли объекты существовать независимо от человека и его сознания? И так ли они существуют «на самом деле» - но для кого *на самом деле*? Для себя? Для Бога? Реальность есть, как и я сам, потому что я мыслю и то и другое, и **есть именно так, как я их мыслю, ибо все вещи в мире и само бытие существуют только вместе с актом восприятия, то есть в пространстве и времени, через форму, цвет, тепло, положение, движение, и ограничены во времени...** – но я и в себе сомневаюсь, и в народе, не понял еще, что такое *умереть*, но *знаю абсолютно уверенно, что зло и добро существуют, и что хотя и надо, чтобы зло пришло в мир, но горе тем, через кого оно приходит!*

Посему я знаю, в чем долг каждого достойного человека.

**ЗАПИСКА, объясняющая мои отношения
к Русскому народу, к России - стране и родине, к другим и к себе**

30.12.22. Почти все то, что я теперь записываю, или записано уже в других книгах, или даже в Октаэдре и Оксюмороне, но записано с тысячами повторов и исправлений, а теперь попытаюсь заново записать в связанном виде.

1. Читаю в интернете, как сформировалась Великобритания, самая большая империя в мире, как сформировался народ метрополии, островного государства, **английский народ**, как мы обычно понимаем Народ этой одной из великих держав Европы (подобной России, Германии, Италии, Франции и Испании). Всего таких держав и соответствующих этим державам народов восемь. До недавних пор к ним принадлежала и Австро-Венгрия.

В начале новой эры Британию заселяли кельты, их завоевали **англосаксы**, германские племена, в основном распространившиеся по территории Англии и в меньшей степени повлиявшие на валлийцев, шотландцев и ирландцев, затем викинги (вероятно, те же самые, что наши варяги, народ Дании, Швеции, Норвегии). Тогда же или чуть позже север Франции завоевали **норманны**, образовавшие в ней герцогство нормандское. В 12 веке герцог нормандский Вильгельм-завоеватель завоевал Англию и с тех пор началось окончательное становление английской нации, соединяющей в себе *англичан, шотландцев и валлийцев*, но не поглотившая ирландцев, хотя английская культура является результатом взаимодействия всех четырех частей условного «**английского**» народа. Но кто из жителей этого маленького островного государства является англичанином, сказать (как мне кажется) все еще трудно. Даниэль Дефо, великий английский писатель, три дня был привязан к позорному столбу в Лондоне за то, что выступил с памфлетом, в котором английских аристократов обозвал «*беспородными дворянами*» (возможно, считал себя единственным англичанином среди них). Кем являются остальные, выяснить не легко, если справедливо, что Шекспира не было вообще, а его роль принадлежала королеве английской и ее детям, или, как утверждает известный американский историк и писатель Пол Стрейтс, Уильям Шекспир на самом деле граф Эдуард де Вере. ... Но и Джонатан Свифт – ирландский писатель-сатирик, известный по своим произведениям «Путешествие Гулливера», бывший деканом (настоятелем) собора Святого Патрика в Дублине; Оскар Уайльд - ирландский писатель и поэт, Бернард Шоу - ирландский драматург и романист ... и так далее...

После этого введения надеюсь быть понятным русскому читателю, который, правда, доверяет идиотам и шарлатанам более, чем образованным и здравомыслящим людям, но все же – вдруг кто-то услышит и меня?

Итак, взглянем без предубеждения на русскую историю.

От Перемышля до Старой Ладogi на Восточно-Европейской равнине жили в мире и согласии славяне, угрофинны, на Волге – тюркские племена булгар, черемисов, башкир и чувашей... Как сказано в первой русской летописи «Повесть временных лет» XIV - XVI веков, восходящей к редакциям начала XII века: *«В лето 6367 [859] имаху дань всахъ, приходяще изъ заморья, на чюдѣ, и на словѣхъ, и на меряхъ и на встѣхъ, кривичахъ»...*

«В лѣто 6370 [862] изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицы в них, и воевати сами на ся почаша»^[1].

Новгородская первая летопись: «И рѣши к себѣ: „князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву“».

Выше – листок из Радзивиловской летописи 1496 года (включающей в себя и более старые тексты с поздними дополнениями), единственный список которой, содержащий 612 акварельных миниатюр, был найден на территории Белоруссии в имении князя Радзивила, позже хранился в столице Восточной Пруссии городе Кенигсберге, (бургомистром которого был сей князь), затем выкуплен Елизаветой (или подарен ей) в 18 веке и хранится в Библиотеке Российской академии наук. В 1994 году, к 500-летию этой рукописи, одного из самых выдающихся европейских иллюстрированных рукописных памятников, я его издал факсимильно (в нашем *товариществе издательстве «Глаголь»*, директором которого был мой сын). Конечно, *«кнас было много на челне»*, у кого заслуг больше, у кого меньше, не будем даже вычислять, *многие достойны не меньше меня*, но я подружился с Я---ским, который дал денег на издание, понравился Веронике, которая связала нас с типографией Микки Торрела в Хельсинки, с которым я тоже подружился, а кроме того в издании участвовали академик Лихачев, Маргарита Н. из Пушкинского Дома (не помню ее фамилию – но она меня и уговаривала *«сдохнуть, но издать эту летопись»*), уповав на то что я сибиряк, а они способны к безумным свершениям), и Гелиан Прохоров. На него я в свое время сердился, как и некоторые из наших общих друзей, и вдруг случайно встречаю его рукопись в интернете: он казался мне поверхностным, но эта рукопись производит на меня большое впечатление, я из нее даже многое выпишу.)

Сотрудники Пушкинского Дома, изучившие Летопись и видевшие, что акварели на ней выпцвetaют и она гибнет (в то время как является достоянием европейской культуры, более всех других были у истоков Издания. Но несмотря на авторитет Лихачева, они не могли привлечь к изданию организацию и человека, рас-полагающих деньгами. Такого человека можно было найти только случайно, *человеком случая оказался я*. У меня был еще один порок, ставший добродетелью – я был способен к безрассудным, даже безумным поступкам. (Когда Я---ский разорился, а книга еще не была допечатана, притом ее надо было вывезти из Хельсинки, часть тиража отдать прежним владельцам слайдов, часть тиража (из **5000** экземпляров) поставить государству по цене 250 долларов, часть раздать бесплатно крупнейшим библиотекам России, часть подарить, затем отдать долги – то я пустился *во все тяжкие*, я брал деньги в долг у всех, кого мог обольстить, вывез половину тиража в Россию, раздал 150 экземпляров – каждый стоимостью в 400 долларов – всем крупным библиотекам России, отдал то, что обещал владельцам слайдов, вывез пять человек, возглавивших Проект издания, в Белоруссию на День славянской письменности – мои друзья уговорили Белорусское правительство на этот своего рода безумный поступок, раздарил и там, и в Кенигсберге, и в Москве и в Петербурге множество экземпляров многим достойным людям, пять экземпляров кому-то из состоятельных людей сумел продать, продал за бесценок свою библиотеку редких книг, которую собирал тридцать лет, *некоторые долги выплатил, некоторые выплачиваю до сих пор*, меня не пристрелили киллеры (кое-кто из заказавцев их нанял, но киллеры не поспешили, исследовали обстоятельства займов и меня пощадили – да еще и теща накормила их блинами).

Из интервью Г. М. Прохорова А. Любомудрову.

В 1990-е годы вы стали одним из организаторов издательства «Глаголь» и религиозно-философского журнала «Мѣра». Расскажите об этих проектах.

– Мы задумали и осуществили их вместе с Василием Ивановичем Чернышевым. Дело было так: сын Чернышева Дмитрий учился у меня, был студентом. Однажды встретились с ним в метро и он сказал: папа хочет делать издательство и журнал. И мы вместе их и создали. Чернышев оказался великолепный организатор!

Одним из крупных проектов издательства стал выпуск Радзивилловской летописи. Здесь опять помогли случайности... Там же, в издательстве «Глаголь» выходят книги из задуманной мной серии «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях».

– Когда вы решили выпускать «Мѣру», какую цель ставили?

– За все хорошее! (улыбается).

– А почему названия журнала и издательства в церковнославянской графике, через ять и с ером?

– Мы решили не ограничивать себя реформой языка. Это ведь не церковнославянская орфография – так писали до революции, это русский язык до советской власти. Однажды я был в Америке, вдруг меня спрашивают, а «Мѣра» еще выходит? Поразительно, но там знают этот журнал.

Г. Прохоров. Духовные повороты в истории России

В сочинениях удивительнейшего из богословов Дионисия Ареопагита говорится о положении вечности *над* настоящим. Читая Ареопагита, мы различаем две вертикали, соединяющие с нею наше время. Одна из них – «катафатическое», утвердительное, полное символов, воспринимаемых чувствами и сердцем, светоносное движение через ангельскую и человеческую иерархии сверху вниз, имеющее целью обратить умы и сердца людей кверху. А вторая – это «анофатическое», отрицательное движение умов снизу вверх в «божественный мрак» для встречи с тамошней божественной энергией. Ясно, конечно, что имеется в виду не физическое, а умозрительное пространство и устремление в нем. И ясно также, что «вечностная» вертикаль первого типа была господствующей в культуре всех Средних веков вплоть до эпохи Возрождения, а вертикаль второго типа оказывалась актуальной там и тогда, где и когда появлялись такие мистики-созерцатели, как Августин... и Экхарт на Западе и исихасты в Византии и на Руси. Именно в этих случаях удивительная по силе вечная божественная энергия оставляла свои прекрасные следы в культуре, видимые нами до сих пор.

Коль скоро и та и другая вертикаль указывает из настоящего на вечность вверх, то, пересекая настоящее, и продолжаясь вниз, она указывает на то, что противоположно вечности, – на миг, момент. Являя собой настоящее, мы находимся между этими противоположностями, между вечностью и моментом, ибо не вечны, а конечны, но и не моментальны, ибо *длимся*. А на прошлое и на будущее в умозрительном пространстве от нас, из настоящего, указывают, стало быть, направленные в противоположные стороны горизонталь. Так что мы – центр этого умозрительного пространства, образуемого и описываемого крестом возможных умственных ориентаций. [...]

Несомненно, что, любя и чтя своих родителей и их родителей, своих предков, мы выражаем свое уважение Прошлому. След главенства этой ориентации сохранился в нашем языке в самих этих словах: «**предки**», – те, кто впереди, и «**потомки**», – те, кто после них, «потом». Главенствуя в умах, эта ориентация создает родоплеменные культы, и тогда объединяет и разъединяет людей **кровь**. Так оно и было на территории будущей Руси до ее христианизации. [...]

Христианизация нашей страны, появление здесь Вечности с ее устремляющей вверх культурой, имела результатом рождение из племен нового народа – русских. *Культ Слова Божия с его Словоцентрическим ансамблем искусств ... обладает, как показывает история, способностью породить народы*. Он ведь создал из разных племен французов, англичан, болгар, алтайцев... Да и не только их.

У нас с христианизацией появились письменность и литература – как внутри храмового Словоцентрического ансамбля, так и вне его. Внутри – это превосходные проповеди, как то «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, слова Кирилла Туровского, а также жития наших святых и гимны и молитвы им. Зазвучали и распетые по-славянски переведенные с греческого богослужебные тексты. А вне этого ансамбля сочетание новопришедшего культа Христа-Бога с местным культом княжеского рода породило такое своеобразное литературное явление, как наша летопись, которая стала, можно сказать, спинным хребтом всей русской средневековой литературы. Появились и своя живопись, и свое каменное строительство, как церковное, так и дворцовое. [...]

Естественное с ходом времени сближение и соприкосновение культур – «прошlostной» с её устным творчеством и «вечностной» с её письменностью, – обычно происходящее лет примерно через двести после их «встречи», у нас было прервано бедой татаро-монгольского нашествия. Встреча эта уже начиналась, о чем свидетельствует сам факт записи звучавшего перед князем и дружиной «*Слова о полку Игореве*». Но основная масса произведений здешнего устного творчества осталась за пределами древнерусской книжной культуры, – по контрасту с соседней крещенной почти тогда же, когда и Русь, Скандинавией, где монах Снорри Стурлусон в XIII веке записал исландские саги. Похоже, Русь – единственная из христианских стран, где устное творчество в целом не было допущено в письменность. И его произведения – былины, песни, сказки – записывались лишь в XVIII-XX вв., в Новое время. Видимо, сами обрушившиеся на Русь в XIII в. беды воспринимались отчасти как наказание за неискорененность дохристианских верований и обычаев. Так, по крайней мере, можно думать, читая в проповедях 80-х гг. XIII в. Серапиона Владимирского: «*Аже еще поганьскаго обычая держитеся: волхвованию вѣруете... Печалень есмь о вашемъ безумьи, молю вы, отступите дѣль поганьскихъ... Нынѣ же, мою вы, за преднее безумье покайтесь и не будьте отсель аки трость, вѣтромъ колѣблема*». Общественное сознание должно было постепенно поворачиваться тогда «по часовой стрелке» – от Прошлого вверх к Вечности.

[...] Варлаам говорил о невозможности для человека соприкосновения с божественным, Вечным. Григорий же Палама [...] утверждал, что это и

возможно, и необходимо для людей – соприкосновение не с сущностью, конечно, непознаваемого Бога, а с Его вечной энергией. Оба они ссылались при этом на сочинения Дионисия Ареопагита. И корпус этих сочинений с комментариями Максима Исповедника именно тогда был впервые переведен на славянский язык и скоро попал на Русь. [...] В XV в. впервые появился на Руси и собственный писатель-исихаст – преподобный Нил Сорский. Все виды творчества – литература, живопись (иконопись, фрески), архитектура – обновляются тогда на Руси. Удивительно расцветают летописание, агиография, творят Андрей Рублев, Дионисий, обретают новый стиль храмы. И происходит новый этногенез, рождается, увеличиваясь в своем составе за счет включения новых племен, новый народ – великороссы. И наибольшее количество святых на Руси, оказывается, жило именно в это время – в конце XIV-го и в XV-м веке.

... поворот общественного сознания от Вечности к Будущему начался, как мне представляется, в XVI в., и замечен он нам по деятельности Иосифа Волоцкого. Тот одобрил развод князя Василия с бездетной Соломонией и его женитьбу на Елене Глинской, потому что стране, считал он, нужен княжич-наследник. Он отстаивал и отстоял право монастырей владеть селами, *быть богатыми*, чтобы в случае нужды помогать бедным. Его расправа с оппонентами-нестяжателями – приглашенным на Русь для переводов и пожизненно заточенным за согласие с Нилом Сорским Максимом Греком и учеником Нила Сорского публицистом Вассианом Патрикеевым, уморенным в заточении, равно как и сожжение еретиков «жидовская мудрствующих», уже вполне в духе культа *«светлого будущего»*. Удивительным образом *из Будущего при его культивации всегда веет требующий кого-то убить недобрый дух*. Да и из Прошлого при его культивации веет то же самое.

В XVII в. реформаторы русской церкви, руководствовавшиеся стремлением возглавить весь православный мир, убили и искалечили чудовищно большое количество своих людей. Что цель никонианской реформы и последующих ожесточенных гонений на старый русский церковный обряд была именно политической, сомнений не вызывает. Эта мечта, которой так и не суждено было сбыться, останется двигателем русской политики по начало XX века. А в начале XVIII в. Петр Первый осуществил дальнейший поворот общественного сознания России по часовой стрелке – от Вечности к Будущему. В каком-то смысле Петр «симметричен» крестителю Руси князю Владимиру. Если при том Вечности в умах здесь стало больше, чем Прошлого, то при Петре Первом тут стало Будущего больше, чем Вечности. *На этом период «Древней Руси» с главенством Вечности в культуре в нашей истории закончился.*

Удивительно плодотворным оказался у нас и «петербургский» период нашей истории, XVIII-XX вв. Освобожденные от «Словоцентрического» ансамбля, в котором искусства до тех пор находились, у нас возникли тогда «свободные» искусства: прекраснейшая художественная литература, **музыка**, академическая живопись, скульптура и архитектура, насыщенные античными образами и приемами, и еще больше развились мечты об усовершенствовании общества.

Не только масоны способствовали повороту российского сознания к земному Будущему, над этим трудилась едва ли не вся русская интеллигенция XVIII – начала XX веков. Удивительным образом эта вера в земное Будущее сохранилась и у казалось бы православно верующего Достоевского, бывшего сначала революционером. В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима у него пророчествует: «Сие и буди, буди!» – о перерастании со временем государства в церковь.

При всей готовности проливать кровь ради светлого Будущего, никто из этих мечтателей, конечно, представить себе, я думаю, не мог, *сколько крови прольется в России и сколько людей здесь будет лишено свободы, посажено в тюрьмы и надолго отправлено в лагеря, когда к власти в ней придут большевики.*

Стремление к Вечности большевики назовут опиумом для народа, традиции – пережитком прошлого, а радости момента – буржуазным разложением.

... Вполне вероятно, что наше общественное сознание вернется, как блудный сын к Отцу, – к Вечности. Тогда оттуда вновь, в третий раз в нашей истории, прольется животворящий поток божественной любви-энергии. При этом опять чудесным образом обновятся все виды творчества. И, вне сомнений, произойдет новый этногенез: *русских станет еще больше и они будут еще счастливее, радостнее и сильнее – и духовно, и умственно, и физически. Дай то Бог!*

2. Инверсия композиции повествования. Удивляется ли уже читатель неожиданным поворотам и съездам на обочину в моих текстах, но меня это иногда удивляет. Неожиданно я открыл в интернете Г.М.Прохорова, рассуждения его мне понравились, и также неожиданно я почувствовал, что пора (хоть и с запозданием) исправить холодок в моих воспоминаниях о нем. Может быть между нами и не было такой дружбы, как с Сан Санычем Амосовым, также участником издания Радзивиловской летописи, но возможно, наши отношения в обоих случаях были равнозначны, только катастрофа с разорением Издательства в 1996-97 годах Сан Саныча не успела коснуться. В катастрофе этой виновато правительство Российской Федерации, которое неожиданно просто выкинуло **Договор о покупке части тиража Летописи**, виноват Случай, разоривший Я---ского, так что он не смог помогать Издательству в завершении Проекта издания, виновато мое Безумие, в силу которого я просто закрыл своим телом стрелявший в нас пулемет и привез в Москву хотя бы половину уже оплаченного тиража – привезти остальное я не смог: не было денег, не у кого больше их было занять, не было воли барахтаться в море, я просто пошел на дно, но Российские деятели культуры и творческой жизни, с кем я был знаком, Летопись эту получили в дар, хотя у меня самого ее не оставалось.

Впереди было Следствие, которое прекращалось из-за отсутствия состава преступления и возобновлялось **19 раз**, поцелуй с одной из следовательниц, впереди было решение правительства изгнать с работы ВЕСЬ Отдел, отчаянно

и самозабвенно защищавший меня семь лет, Обвинительное заключение, изготовленное следователями, присланными из Москвы, и Суд, который *впаял* нам с сыном ПЯТЬ ЛЕТ, вопреки соглашению с следствием, по которому я обязался помочь следствию меня осудить, за что они обещали выпустить на свободу сына. Разумеется, соглашение это было устное и я ничего теперь доказать не смогу, если только тот полковник, который вступил со мной в сделку, вдруг не уверует в Бога и не покается. Такое в нашей всемирной истории тоже бывало, Папа Римский через пятьсот лет после суда и казни Жанны Д'Арк признал, что они ошибочно казнили святую (*я, правда, не святой, и заслуги мои перед Россией пока скромные...*).

Правда, каково Российское государство! Не в том дело, что они меня разорили и посадили и по их вине ко мне даже пришли киллеры. Но ведь они выкинули на помойку БЕСЦЕННЫЙ летописный свод, литературный документ, равного которому в русской истории нет кроме *Слова о Полку Игоревом*! Две тысячи экземпляров издания пропало, Микки в Хельсинки тоже разорился, Вероника куда-то исчезла, Сан-Саныч скоропостижно умер, Я---ский бежал из страны (к нему тоже приходили киллеры), библиотеки мира не получили сию изумительную рукопись, как было условлено с Российским правительством еще заранее! Я смог подарить ее обществу Мицкевича в Белоруссии, поклонникам его в Лондоне, Музею Канта в Калининграде, музею Янки Купала в Белоруссии, академикам Лихачеву, Рыбакову и Сигурду Шмидту, некоторым писателям и своим друзьям.

3. Что в основании моей жизни? Вторая инверсия повествования.

Хотя я изучал математику и физику и не сомневаюсь, что бильярдный шар, лежащий неподвижно, не шелохнется, пока по нему не стукнет другой бильярдный шар, и даже метеориты не врезаются в земную атмосферу ни с того ни с сего, но моя жизнь переполнена чудесами, и меня не надо убеждать в том, что они существуют, но в том, что существует Бог, я не сомневаюсь не в силу чудес, как и в том, что происходит смена времен года. Бог существует независимо от меня и моих усилий в благочестии и вере и даже вовсе не нуждается в том, чтобы я верил в его существование и знал о нем. Вот так же существует солнце и светит и греет и ему ни тепло ни холодно от того, *верую* ли я в солнце.

Бог существует, как и солнце, или по собственным причинам или по собственной воле, и не стремится меня в чем либо убедить, он даже не стремится лично меня согреть, хотя, судя по всему, мир был сначала задуман и потом осуществлен, шаг за шагом, именно таким, чтобы в итоге появился человек и его что-то освещало и согревало, и имелись средства в земной атмосфере и в мировом океане, чтобы этот человек развивался, решал возникающие проблемы за счет земных ресурсов и готовился к сотрудничеству с Верховным Творцом или хотя бы к диалогу с ним. Религия, большинство усилий которой направлено к тому, чтобы заставить человека быть покорным Высшей воле (а на самом деле быть покорным воле Царя, правительства, его вассалов, помещиков, духовенства и правящего сословия в целом) преследует только земные интересы тех, кто эту религию создал. Богу все

равно, верит ли в него человек и любит ли, он ждет совершенно другого – того максимального развития сознания и духовных сил человека, когда тот будет уже в состоянии понимать мироздание и жизнь достаточно, чтобы уже ощущать присутствие в мире божественных эманаций. Бог создал человека для со-трудничества, но он воспитывает и развивает и поднимает человечество к тому уровню бытия, когда человек Бога начнет видеть и слышать и почувствует потребность в общении с ним и начнет с ним общаться. Вот так же матери и отцу нужен ребенок, который правильно растет и развивается и отвечает на заботу родителей сначала улыбкой, а потом и более существенным: приберет свою кроватку, вымоет пол, изучит теоремы математики, сочинит стихотворение...

Может быть, Бог общается с ребенком и для развлечения, как мы играем с собакой, но все же на самом деле ему нужны слушатели в филармонии и если нужна собака, то сторожевая или охотничья.

Говоря о ребенке по отношению к Богу, я имею в виду человечество, не надеясь, что у Бога есть желание и время заниматься с каждым отдельным муравьем человеческого муравейника. Но если и на отдельных у него достает времени и сил, и он временами обращает взор свой на них, то дай Бог нам такой удачи. Впрочем, скорее всего имеет место компромисс: помимо Бога существуют ангелы и духи, и не Творец, верховный Правитель Космоса и Бытия, играет с нами в игрушки, а именно эти кормилицы, няньки и учителя, хотя в большинстве случаев с этой задачей справляются родители и родственники, как и солнце имеет своей задачей согревать живущее, а не Бог разжигает холодной ночью для нас костер.

Но ангелы и духи всё же есть, и не вера убеждает нас в их существовании, а просто обыденная жизнь. В тех случаях, когда им приходится в нашу жизнь вмешиваться, мы воспринимаем это вмешательство как **чудо**, ибо оно поневоле является экстраординарным, необычным.

Я родился 1 февраля 1942 года, а 1 мая 1941 года мой отец был призван на военные сборы и больше с нами уже ни разу не смог встретиться, только узнал, что я уже существую, и написал, что теперь он спокоен и счастлив. Очевидно, его волновало, останется ли после него его продолжение, как и меня это волновало, но я не был поставлен в такие экстремальные условия, как мой отец. Для чего-то я Богу был нужен, и я ощущал еще в детстве, когда узнал о своем зачатии в точке экстремума, что рождение мое не столь случайно, как у большинства, а за ним присматривали небесные силы (но они были деликатны и ничем не выдавали своего присутствия).

Итак, это было первое чудо в моей жизни – **чудо рождения**.

4. Детство и юность. Мои чудеса. Я болел часто и сильно и исцеления правомерно было бы назвать чудесами, с десяти лет болел туберкулезом, и пришлось в четырнадцать лет съесть собаку – легкие покрылись известкой и дырки (каверны) зарубцевались. Два года назад, когда прицепилась вселенская зараза и мне сделали рентген, врачи удивлялись известкованию, да и мне все же дышать было трудно.

В семь лет я самостоятельно научился читать и это было такое же чудо, как у Сергия Радонежского, кроме того во мне появились задатки вундеркинда, но их трудно было развить в условиях деревенской жизни, хотя из второго класса меня пересадили в третий, но далее пересаживать не решились, так как в пятый класс надо было ехать учиться в чужой поселок...

Так же в семь лет было чудо, пришел Ангел и сказал, что мне суждено спасти Россию, я в это поверил, и только теперь начал сомневаться в сем предсказании...

На первом курсе университета, куда поступил я легко, однажды мы ездили в Старый Петергоф, где была астрономическая обсерватория, за ужином в одной комнате нас собралось 11 человек спорили о передаче мыслей на расстояние, и *вдруг я предложил, что угадаю подряд 10 цифр, вероятность чего составляла одну десятиллиардную*. Каждый написал на четвертушке листочка по цифре, я написал на такой же четвертушке десять цифр. Поднимали четвертушку за четвертушкой, а я читал свои цифры. Совпали все. Все было именно так, как я об этом теперь рассказываю, невозможны никакие интерпретации произошедшего, вероятность которого равнялась нулю. Я чувствовал, что угадаю все цифры, на следующий день я знал, что это состояние прошло.

Точно такое же чудо связывает меня с альбомчиком Зинаиды Серебряковой. Она мне сказала во сне, что я получу от нее подарок, я ездил в трамвае по пятиллионному городу и в связке старых газет нашел ее подарок. Вероятность такого события не равна нулю, подобного рода события не входят в множество событий, которые могут произойти в течение дня. Которые можно предположить и предсказать.

Володя Н. весной 65 года описал мне один из будущих декабрьских вечеров. Он сказал, что видит меня сидящим в большой старинной комнате за большим овальным столом, за которым сидит много народу, и это свадьба, я женюсь на М., за которой я ухаживал, но я нахожусь в смятении, поднимаю голову и смотрю направо, и вижу себя в старинном зеркале, ...

В декабре и в самом деле мы с моей невестой празднуем нашу свадьбу у М.Дм., сидим за большим овальным столом, я поднимаю голову и поворачиваюсь к зеркалу, в котором вижу себя, меня при этом охватывает ужас потому что я понимаю, что оттуда на меня смотрит мое будущее, которое я смогу увидеть, если захочу. Не уверен, что я тогда хотел узнать что-то из своего будущего, я как будто открыл нечаянно дверь в него и тут же захлопнул. Но разве возможно открывать двери в будущее и в него смотреть? И существует ли и сегодня, через 57 лет, которые мы прожили вместе с М., то самое будущее, предчувствуем или предвиденьем которого я был полон тогда? Остался ли я тем же самым, к которому приходили ангелы или духи 73 года назад и позже?

Некоторые события, которые случались в моей жизни, невероятны и одновременно похожи на то, что над нами кто-то подшучивает. В начале нулевых годов я оказался в приемной Генерального прокурора С-Петербурга, зачем-то он меня вызвал (тогда в 15-й раз Следственный отдел прекратил мое дело).

Мы встречались впервые, и он начал с того, что стал выговаривать мне, как учитель выговаривает за плохое поведение ученику, за которого болеет. За его спиной висел Новогодний календарь с изображениями московских и питерских храмов, а в центре помещался текст не то молитвы не то нравоучения.. Каждое утро, сказал прокурор, я смотрю на этот календарь, и читаю вот эти слова... если бы вы их выучили наизусть, и поступали так, как они советуют, то изменили бы свою жизнь к лучшему.

А я и так их помню, ответил я, потому что это я издал этот календарь и я сочинил эти слова... Там ниже мелким шрифтом написана моя фамилия.

И действительно! – воскликнул он. – Как это я не замечал ее раньше?

А через год в таком же кабинете меня обвинил за плечи другой служащий высокого ранга, который вскоре стал председателем правительства, мы стояли у окна и смотрели на огни красивого городского проспекта и мне казалось, что я смогу теперь всем объяснить, как надо жить и что надо делать каждому человеку от дворника до премьер министра, чтобы мир изменялся к лучшему, что нас ничто не разделяет – и чувствовал, что мы единомышленны...

То же я чувствовал, когда каждый вечер почти полгода пил чай в служебном кабинете Николая Константиновича Байбакова, бывшего председателя Госплана СССР, и он меня убеждал в том, что не надо встречаться с людьми, от которых якобы зависит наша жизнь – тогда речь шла о Чернобырдине, и он ему позвонил, чтобы доказать мне, что и в самом деле мог бы устроить нашу встречу – но так как он был не лучшего мнения об этом человеке, то лучше этого не делать и не усиливать печаль сознания невозможности изменять что-то в мире с помощью сильных людей и просьб, обращенных к ним. *«Васенька, – сказал он мне, старый мудрый человек, работавший министром еще при Сталине, – человек может изменить к лучшему только то, что он может изменить сам и собственными усилиями!»* (Он как будто прикладывает к дверному коду свой палец, думаю я теперь, и дверь открывается только ему, а не другому.)

В девяностые годы мне надо было издать Радзивиловскую летопись, это была моя миссия, и я ее издал, лишился своей библиотеки, лишил своего сына квартиры, мучил свою семью, родных и друзей, иные потеряли на этом лишние деньги (хотя я продолжал выплачивать долги тем, кто не махнул на них рукой), однажды сидел целый день в офисе компании, которая брала заказы на отстрел тех, кто кому-то мешал, вечером они меня отпустили и велели прийти утром, я и пришел, это их удивило, мы выпили чаю и они велели мне валить и не попадаться под руку... кстати, они вывезли целую фуру изданных мною книг, но их никто не покупал, и они их отвезли на помойку – так закончилось мое издательство, с помощью которого я хотел изменить Россию. Заметьте, не с помощью революции и гражданской войны, не с помощью массовых расстрелов, а печатая книги, которых как будто так не хватало русской интеллигенции – теперь она упивается «милордами глупыми», как писал Некрасов, но по-прежнему не несет с базара ни Белинского, ни Гоголя. Тогда я в первый раз разочаровался в русском народе, который как будто бы, как уверяют нас мифологи, когда-то построил египетские пирамиды и произрастал на эт-русских холмах.

Да, вспомнил... пока не случилась инверсия в моих рассуждениях, я ведь что-то хотел рассказать о варягах. Тогда наших славяно-этрусков и соседних с ними *меря, веся и чудь* завоевал наш *Вильгельм-завоеватель*, то есть **Рюрик**, и началось строительство государства и соответствующего ему народа – *Рюриковичей*. Потом нас завоевала Византия – духовно, к нам хлынули попы и монахи и с ними прихлынул на Русь еще один народ – *духовное сословие*, оно до сих пор заметно в чертах лиц большинства священников.

Как образовалось купечество? Возможно, оно образовалось из смешения славян, греков и тех варягов, которым надоело *прибавать щит к вратам Царьграда*.

Вот эти три сословных народа: князья и воины, послужившие источником для аристократии и дворянства, славяне, бывшие и тогда и потом крестьянами-землепашцами на селе и ремесленниками в городах, лица духовного звания, бежавшие на Русь из Византии с 10-го по 15-й век – а потом к ним прибавились архитекторы, врачи, инженеры, учителя, бежавшие из европейских стран и пополнявшие дворянство – эти три народа и составили вместе непостижимый и загадочный **русский народ**. Через **почву и кровь**. Через рождение детей и передачу через них своей генетической памяти. Но три народа, не совпадающие ни по почве ни по крови. Однако, как и английской нации пришлось сформироваться из бриттов, англо-саксов и норманнов, и даже из шотландцев, валлийцев и даже из ирландцев, а французской – из гасконцев, лотарингцев, норманнов, даже корсиканцев, и даже из эльзасцев и бургундцев, то и русские постепенно сливались воедино, как Кама и Ока и другие притоки Волги сливались в полноводную Волгу, причем после отмены крепостного права дворяне стали преимущественно образованным сословием, объединявшим инженеров, врачей и учителей и в том числе той интеллигенцией, которой русофобы и русофилы запугивают ныне детей, понимая под интеллигентами «властителей дум» - писателей, журналистов, философов и актеров – сегодня к ним прибавились *рокеры, реперы, блогеры и стримерши* (впрочем, захотел уточнить, что это такое, оказалось, что *стримершами* являются «не то леди не то ляди», то есть *девушки свободной профессии...*)

Крестьяне и ремесленники *кормили* этот народ и умирали на полях сражений, священники его *«окормляли»*, то есть занимались тем, чем позже занялись сначала «профессиональные революционеры» затем секретари комсомольских и партийных организаций (в кое число с самого начала вливалась еврейская бунтующая молодежь, потомки бывших сподвижников **Баркохбы** и **Христа**, – Бауманы, Землячки, Троцкие, Каменевы, Зиновьевы и Бухарины и примкнувшие к ним Шепиловы). Дворянство, наследовавшее воинственным варягам, произвело из себя интеллигенцию высочайшего уровня, притом вполне **мирную, разночинцы** отличались от нее так, как герои романа «Бесы» отличались (?) от Достоевского. Или в философско-исторических рассуждениях надо отделять Толстого, Тургенева, Вернадского и Плевако от Савинкова, Желябова, Ульянова и Плеханова, - если бы даже в одной семье не было сразу и философа Павла Бакунина и анархиста Михаила Бакунина, крестьянина Желябова и его жены аристократки Софьи Перовской...

Слушаю беседу Николая Солодникова и Льва Шлосберга, последний говорит: *«совесть всегда внутри человека, это не массовое явление... Политика должна быть построена на культуре, культура является фундаментальным ограничителем насилия. В культуре нельзя убивать людей, нельзя отдавать приказ их убивать. Сменяемость власти и понимание, что будет время, когда у тебя власти не будет, самое действенное средство против произвола и вседозволенности. Что предшествовало Смутному времени? Предшествовала власть Ивана Грозного, диктаторская и тиранская власть человека, который обезумел от жестокости и готовности уничтожить всех, кто ему казался опасен для его личной власти.»*

Итак, так называемый Русский народ от 10-го до 20 века состоял из трех народов, из русских-славян, из потомков варяжских князей и из инородцев: татар, угрофиннов и европейцев, как правило из привилегированных и более или менее образованных сословий, это были татарские князья, образованные европейцы и ищущие более достойной жизни местные инородцы.

Крестьяне помнили свое не только зависимое, но и рабское положение, ребенком Желябов был свидетелем того, что местный помещик изнасиловал его тетю. Что чувствую по этому поводу я? Если даже в эпоху Просвещения, в 18-м и 19-м веках, помещики противились освобождению крестьян и из европейских народов позже всех были вынуждены дать им вольную, и даже накануне Освобождения насиловали крестьянских девушек? Если бы я был Алешей Карамазовым, то бы воскликнул: за это – все помещичье сословие истребить до единого! Вероятно, так думал даже и Достоевский, если Софья Перовская, дочь губернатора Петербурга, думала так. Крестьяне же продолжали стоять перед царем и помещиками на коленях. Они восстали против них только после захвата власти большевиками, порушили храмы и поместья, которые украшали русскую землю, сожгли книги и библиотеки, разграбили дворцы и музеи, истребили образованных людей – чтобы самим остаться во тьме невежества и рабства. Крестьяне начали истреблять из своего сословия тех, кто имел образование и мыслил. И что получила эта народная чернь? Она получила нового Хозяина, еще более лютого, который за колоски с господского поля сажал и вешал – так даже татары не лютовали! И поделом разразился голод в Поволжье и 70 лет деревенского бесправия, при Сталине как при Мамае, при его сподвижниках чуть поменее.

Я сам – как народ, *во мне течет крестьянская и казачья кровь* и вольного народа полешуков, материнский род мой хотя и испытал крепостное право, но казаки были свободны и при царях.

Как ни странно, но я могу себя причислить к дворянам, все, кто закончил университет, получали дворянское звание, во дворяне был жалован даже хищный красноглазый Ильич, тем более создатели российской культуры, если не были, то стали дворянами. Так как человек – и дух и плоть вместе, без духа плоть мертва либо безумна, и полнота человека приобретается через образование и культуру, источниками которых в России была интеллигенция, то я ее преемник. И поэтому я один из наследников России, ее плоти, через моих предков, и ее духа, в сохранении которого я принимал участие, не только как писатель и математик, но и как Издатель.

Заключение, выводы.

1. Принадлежность к народу, языку, культуре, память и традиции, чувство родины. Я – *русский из русских*, не менее, чем апостол Павел – еврей из евреев. Христос, как он сказал, пришел спасти свой народ, вначале эти слова звучали так, словно в этом и была основная часть его миссии, он не сказал, что вот теперь он думает, что он пришел спасти не евреев, а язычников, это за него сказал апостол Павел, который даже не был учеником Христа. Христос пришел как пророк и мессия в рамках традиционного иудаизма, христианство как учение о спасении всего человечества за их грехи принесением Иисуса из Назарета в жертву – это учение, которое возвестил не Христос, а его ученики и в частности самозванный ученик – апостол Павел.

В семилетнем возрасте мне сказал Ангел, что у меня есть предназначение, я *должен спасти русский народ* – не от грехов, а от насилия и несправедливости. Я должен утешить русский народ в его горе и страдании, остановить насилие в семье, утешить детей и женщин, защитить их от насилия несправедливых отцов и мужей, но и мужчинам показать путь к исправлению пороков, прежде всего пьянства, грубости и жестокости.

Предназначение должно быть чем-то подкреплено.. Вначале я верил в то, что мне даны большие способности, окружающие и учителя поддерживали меня в этом самоощущении, мне не говорили, что я это выдумал, а напротив, за любую ошибку подчеркивали мою ответственность, ибо *кому много дано, с того много и спросится*. Мне много дано – это было общее мнение, и даже моя скандальная жизнь его не могла поколебать.

В семнадцать лет я поступил в университет, нигде не забегал вперед, не тянул руку, читал книги, начал самостоятельно выпускать Матмеховскую стенгазету, и она была принята, даже партком защищал от комсомольских притеснений, преподаватели меня любили, на семинарах по истории КПСС я эпатировал своих сотоварищей (и большинство меня не принимало, но преподавательница любила и поддерживала, хотя и спорила со мной – по обязанности), на семинарах по философии и атеизму заявлял, что я не материалист и даже верю в Бога, но на экзамене профессор-преподаватель поставил мне пятерку, товарищи меня любили, девушки любили тоже... В институте и в школах школьники и студенты меня любили, сотрудники относились хорошо... Но где же было спасение русского народа? Где были успехи в литературе и в математике? Вместо них были литературные и музыкальные вечера, которые многих привлекали, но в качестве поэта, писателя и философа я ничего из себя не представлял. В девятые годы я издавал журнал «Мера», издал множество книг, в их числе «сочинения Дионисия Ареопагита», «Россию и Европу» Данилевского, «Храмы Петербурга», «Шел Господь пытать людей в любви» Есенина, «На заросших тропинках» Кнута Гамсуна – это уже были значительные достижения в моей деятельности издателя и редактора, но до того, чтобы спасти русский народ, было еще далеко. С 2002-го года, помимо Учебника высшей математики, я наконец занялся и литературой и написал и издал множество книг (за последние 20 лет), которые никто не читает, в их числе «Лирический дневник» (сборник стихов), «Боль и любовь», «Записки на пальме», «Поиски длиною в жизнь», «Записки

редактора» (в 3-х томах), «Любовь как всемирное притяжение» (в 3-х томах), «Легенда о великом инквизиторе», «Рассказы о любви», «Метафизика искусства», «Жизнь на краю» и еще несколько книг неопределенного содержания, в том числе множество номеров ФК, РС и НРЖ, где были мои статьи, и вот теперь еще **Октаэдр** и **Оксюморон** – всего, кажется около **18** книг (не считая трехтомника «Голоса из трясины»), то есть в год по книге, а точнее – одна книга в каждые 13 месяцев. Но где же спасение Русского народа и где нечто вроде Откровения или Благой вести, как у христиан?

Возможно, я уже разочаровался в самом себе и в том, что призван спасти русский народ или хотя бы сыграть в его судьбе важную роль. Но гораздо важнее то, что я разочаровался в уме и в характере большинства народа. Из каких бы сословий и племен он ни состоял, в 20-м столетии он принял большевиков и теорию коммунизма, ненависть и уничтожение целых сословий поставив в центр государственной политики, истребив и изгнав образованное сословие, уничтожая *инакомыслящих* и трудолюбивых крестьян, так называемых кулаков. Гордиться ли тем, что я принадлежу к людям, которые ненавидят образованных, инакомыслящих, талантливых, великодушных? Или все народы таковы?

2. *Но если народом считать язык и к достоинствам народа относить достоинства его лучшей части, то есть культурного сословия, и гениев и героев, то разве мало в России тех, кем следует гордиться?*

Лев Шлосберг сказал, что по рождению он еврей, но по языку и по принадлежности к родине он русский – разве это не так? И не то же справедливо для поляков Булгарина, Сенковского, Александра Грина, датчанина Даля, русской художницы Лансере-Серебровой, по рождению наполовину француженки, наполовину немки, не то же ли для русской императрицы Екатерины Второй, немецкой принцессы, не то же ли для грузинского князя Багратиона, выдающегося русского генерала, не то же ли для Пушкина, не то же ли для всех тех неисчислимого количества европейцев, приехавших в Россию жить и работать, для которых она стала родиной, и которые умножали ее культуру и славу?

Сталкиваясь с русской чернью, тупой и злобной, которая бахвалится чистотой крови, хотя в действительности их кровь – это кровь рабов и верноподданных холоуёв, я думаю, не установить ли принадлежность к великому русскому народу по результатам экзамена, и пусть соискатели покажут, что они умеют по русски говорить и мыслить, знают и любят русскую культуру, гордятся выдающимися людьми, а не кровавыми тиранами? И тогда им выдавать аттестат о **русскости**. И если говорить о Сталине (говорившем по русски плохо), то почему его поклонники причисляют его к русским, а *Пушкину отказывают в русскости потому, что один из его прадедов абиссинец*? Если кровь единственное условие народности, то и немецкие арийцы все сплошь метисы, ибо каждый европейский народ складывался во втором тысячелетии нашей эры из десятков племен и наречий, немцы, как известно, на четверть славяне, а сколько у них крови кочевников, крови местных европейских племен, которые они завоевали и растворили в себе, сколько итальянцев, греков, датчан,

шведов и французов? Бегло я упоминал об англичанах и о памфлете Даниэля Дефо об их *беспородной крови* – а это еще самый «породистый народ», по крайней мере, если судить по их аристократам. И хотя я сторонник естественного, **природного** происхождения народов, но мы не должны забывать и то, что у каждого Петрова и у каждого Иванова, как бы они не гордились своими предками, материнская кровь не бывает кровью родовой. И я, потомок ермаковского казака Чернышева (Чернышова), пришедшего в Сибирь пятьсот лет назад, только на одну двадцать пятую наследую кровь своего славного предка, а на 24/25 – и я, как английские аристократы – всего лишь беспородная дворяжка – и если я при этом – **русский из русских** (как это установлено *советом богов*)) – то что говорить о тех идиотах, которые в каждом самозванце, залезшем на русский трон, видят Бога и молятся ему?!

Язык и народ. Тропы и фигуры речи, инверсия, правила и исключения

Все, о чем мы рассуждаем, подчиняется определенным правилам, если бы правил не было, то дважды два было бы четыре. Математика подчиняется правилам от альфы до омеги (хотя, между нами говоря, даже в ней есть исключения, оказывается, что если ввести правило умножения $c \times b$, то делимое a / b равно такому числу c , что справедливо $b \times c = a$. *Но на ноль делить нельзя*. Как говорил проф. Венков, кто не знает – запишите!) По отношению к времени физики, астрономии и биологии еще идут споры, может ли **меняться в их границах прошлое из настоящего** – но **понимание истории несомненно изменяется**, и хотя Шлосберг упрекал современную идеологию и власть в России в том, что они переписывают историю, но ведь и мы на двадцатом съезде ее *переписали*!?

Я хочу уточнить его упреки власти в том, что эта безумная власть пытается изменить результаты прошлого, переписывая историю как роман (как если бы они взялись переписать роман Толстого «Война и мир», но восприятие прошлого, понимание его событий, борьба за историческую правду и против лживой интерпретации ее событий идет и будет идти еще долго, отношение к Сталину, к революции, к большевикам не меняется, как кажется, при смене поколений – но если сегодня власть и неразумный народ оправдывают Террор и тиранию, теперь уже и тиранию Ивана Грозного, то они могут и в самом деле *их повторить*. Какому поколению дорого правление «Банды четырех», как говорили когда-то в Китае – хотя сколько их там, в этой банде и кто в нее входит, мы точно не знаем.

Но вернемся к Языку. Мы говорим и мыслим и даже пишем на русском языке, и я вижу и навязываю представление о существующем, об обществе и жизни как о Подобии языка и народа. Народ – это отображение в историческую действительность Словаря и соединений слов в высказываний, по тем правилам или при тех **исключениях из правил**, которые присущи данному языку. Каждому человеку соответствует текст, который описывает его жизнь, привычки, характер, мировоззрение, представление о смысле жизни. Можно было бы ограничиться и краткими подобиями, когда каждого человека характеризует только одно слово или два-три, например, некто *Пень*, другой – *Проселочная Дорога*, третий – *Кооператив Озеро*, четвертый – *Микроскоп*, пятый – *Скряга*... Кто из них русский, кто либерал или

англичанин? Вероятно, Микроскоп – англичанин или либерал или еврей... ну а Мелкоскоп – русский? Да и какие слова в языке русские, а какие – *инородцы*? Заменим слова Интеграл, Автомобиль, Коллизия, Грамматика, Инверсия, Поэзия, Оксюморон, Гражданин, Компьютер, Богатырь, Ямщик, Товарищ, Торговля – русскими словами – и мы начнём спотыкаться чуть ли не с первого слова. Очевидно, *Интеграл* (от лат. *integer* – букв. целый) следует заменить словом *сумма*, но *summa* – это итог, лат. – увы, мы только проигрываем... Автомобиль – самодвижущаяся телега? Газовоз? – так как движется за счет газа, образующегося при сгорании бензина? Или бензовоз? Но это слово уже занято, да к тому же и газ и бензин – слова нерусские, хотя родословная «газа» годится на роман, я как будто о нем уже писал...

Богатырь – слово татарское, но умилился и порадуемся ямщику, *что-то слышится родное* не только в *долгой песне ямщика*, но и в самом этом слове, *удивительно русском*, не так ли? Происходит от тюркского *уатси*, восходит к слову «ям», возникшему от тат. «*дзям*» – «дорога» или образовано от основы «*ям*», имевшей сначала значение «повинность», а затем – «*стан на дороге, где происходит смена лошадей*». Слово «*ям*» – тюркское, хотя в современных тюркских языках не употребляется.

У половины русских – не слов, а жителей – предки жили на Украине и были либо малороссами, либо запорожцами, либо шляхтичами, либо половцами, либо бог его знает кем, не случайно сказала Анна Ахматова «*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда...*» - и у четверти русских на Украине есть родные – как же воевать и сносить там с лица земли целые города вместе с жителями? – а поскольку уничтожаются города Восточной Украины, где по большей части русские, то похоже, что эта война направлена на очистку населения Украины от русских (беспородных?) примесей...

Я не уверен, что читатель меня понял. Вот Пастухов говорит, что «*во мне столько всего намешано!*», оправдываясь в том, что однажды сказал, что он русский. Но ведь гордость принадлежностью к народу исключает пренебрежительное отношение к своим предкам! Разве Пушкин их стыдился?

Сложное происхождение стихов (хотя *растут ли они из сора*, я в этом сомневаюсь), как и сложное произрастание слов в языке и личностей в народе, как и сложное произрастание языка и народа в целом, когда никак не можешь решить, не является ли **язык** первичной духовной сущностью, так что народ лишь мета-физическая проекция его на общество и природу, не оправдывают ни беспечность по отношению к работе над стихом (поэт не вставляет ведь в строки слова без разбора), не оправдывают и беспечность по отношению к браку, к выбору жениха и невесты – всякий осмысленный выбор судьбоносен и утверждается на небе. Прав мужчина, когда женится по любви, кто бы ни была его невеста – да к тому же, в благословенные традиционные времена только мужчина представлял в Европе свой народ (кроме евреев), и из какого народа он брал себе жену, это не имело значения, род и народ восходили только к нему, вот например, «*было у Будрыса три сына, как и он, три литвина*»... и из-за моря каждый из них привез невесту, хотя бы они исходили из разных народов, но если дом Будрыса простоит триста лет, все

его потомки, как и он, будут литвинами. А жених в дом невесты шел в самых редких случаях, такой человек назывался «*примак*», и как там складывалась судьба его потомков, я не знаю... Следовательно, в традиционных родовых и семейных общинах не было *перемешивания* и намешивания, как при строительстве дома и кирпичные и деревянные его части все становились частями единого целого, то есть дома. То же и с народом. И когда Лев Шлосберг говорит, что его родной язык – русский, и поэтому он русский, он прав, ибо и Маннергейм, швед по происхождению, российский барон, считал себя русским, и мой друг, Теодор (*в действительности Тадеуш* – о какой исторической правде можно было говорить в советской стране? Что было действительным и что недействительным? «*Партия нас учит, что при нагревании газы расширяются*» – вот подлинная действительность, а вы еще страдаете по советскому прошлому? Вот поэтому я не могу уважать всякого собеседника или читателя, как и учитель, и не соглашусь, что плоть (вещество) производит чувства и понятия, учитель не должен уважать неправильные мнения ученика, а ученик должен понять объяснения учителя и растворить их в своем образе мыслей – иначе бессмысленна всякая алгебра и геометрия и правописание – хотя все же и есть исключения из правил, и может быть мы и до них дойдем, но они, как говорят, только подтверждают правило). На северном Кавказе глава семьи выдает дочь замуж, и выдает за своих, и это тоже справедливо, ибо иначе малые народы скоро бы растворились в больших. Человек стремится сохранить свое Я, и свой Род и свой Народ, для чего и рождает детей, и стремление к самосохранению – это всеобщее священное право... но в иных случаях не имеет значения, кто там вливается в наш народ, так живут все полноводные реки, и великорусская Волга не становится не русской оттого, что в нее впадает Кама (как некоторые полагают, даже более полноводная).

В русский народ впадали инородцы, как и русский язык заимствовал множество иностранных слов, но сегодня хлынули в наш язык слова, которые стремятся вытеснить уже прижившиеся прошлые латинские, тюркские, арабские, французские и английские термины, и я воюю не против всяких чужих, а против бездумного и неряшливого сливания в чистую реку отходов промышленного производства, как, например, мерчензайдер, дискурс и фьючерс и разве без них нельзя (кая я уже ранее и писал)?

Я еще подумал, что за пятьсот было лет двадцать поколений. и у каждого из нас предков – два в двадцатой степени $2^{20} = 4^{10} = 16^5 = 16 \times 256^2 \approx 16 \times 250 \times 250 = 1000 \times 1000 = 1\,000\,000$ – а мы выбираем из этого бесчисленного количества кого-то избранного, как я выбрал казака Чернышева, изображенного на картине Сурикова «Покорение Ермаком Сибири».

Поскольку на Руси кроме татар и немцев бывали еще и евреи, то отцами или матерями семейств становились представители **и этого племени**, возможно, что некоторые из их неблагоприятных потомков знают об этом по семейным преданиям, и в силу известного предубеждения именно из их числа появляются антисемиты. Влияние же евреев на европейцев к брачным отношениям не сводится, и то, что Ганнибал, абиссинский прадед Пушкина, происходил от Соломона и царицы Савской, не имеет значения.

Влияла в действительности на мирозерцание и характер различных народов и частных людей Библия и христианское учение и еврейские имена, ставшие именами для европейцев, как Мириам (так зовут мою мать) и Иоанн (так зовут моего отца), так что к радости (или горю) антисемитов **я уже почти еврей** (хотя и не христианин).

Возможно, поэтому мне понравилось *интервью Шлосберга Николаю Солодникову*, и я заглянул в интернет и прочитал на его **заборе** комментарии; русские комментарии, как чаще всего, ужасны, и так как я русский и по языку и по культуре и *по происхождению (то есть по крови)*, то ненависть моя к таким русским вскипает. Я националист (то есть **народник**), а народники надеются, что русский человек умен и великодушен, но в комментариях почему-то эти ожидания бывают **оскорблены**: «Лахта работает за доширак» (то есть, иначе говоря за миску чечевичной похлебки)... Господи, *ну до чего же тупы авторы комментариев!* (Но лучше к ним не заглядывать, на их «Скотный двор», и их мерзости не читать и не комментировать)

Интервью это я предлагаю посмотреть и послушать своим читателям. В последнее время меня очаровали два человека, во-первых, Андрей Георгиевич Морачевский. Ему 96 лет, я так восхитился его очерком в журнале «На русских просторах» что позвонил ему домой и напросился придти в гости, чем испугал старого человека, но мы замечательно проговорили полтора часа и я ему подарил «Октаэдр», а он несколько небольших брошюр и книгу «Люди и судьбы», в которой я прочел пока страницу и не могу пока читать дальше, как обычно долго никого не слушаю после симфоний Бетховена.

Второй, очаровавший меня, это *Лев Маркович Шлосберг*, дающий интервью *Николаю Солодникову*, который меня очаровал тоже. Из известных еврейских писателей я был раньше знаком (слегка) с Марксом, евангелистами, Троцким, Ульяновым-Лениным и так же расстрелянными Сталиным большевиками из ленинской когорты (все они мне не нравились), затем Пастернаком, Левитаном, Рубинштейном, Вейнингером, Надсоном – все они мне понравились, и девушкой Милой, десятиклассницей, с которой я целовался, учась на втором курсе (я уже был совершеннолетним а она – несовершеннолетней, и я ее помню уже 60 лет.)

Как ни странно, большинство знакомых евреев мне нравилось, они обычно культурны, умны и образованны и редко оскорбляют своих оппонентов (исключение составляет *Ильич*). Большинство русских мне не нравится, они обычно НЕ культурны, НЕ умны и НЕ образованны (в городах) и часто оскорбляют своих оппонентов (исключение составляю я и мои близкие друзья, не все они русские по происхождению). Заочно *Лев Маркович Шлосберг стал моим другом (если он не возражает – ибо я человек не очень благонамеренный, и хотя я не люблю как правило русских за тупость и рабство, но не особенно люблю и других, у всех есть свои родимые пятна, а я не поклонник сюсюкающей толерантности.)*

7 января 2023 года, суббота (по случаю рождения Иисуса из Назарета, который родился под утро в яслях города Вифлеема). День, продолжительность 6ч 16м, заключен в границы 9-56 - 16.12, температура **-14**, в Москве **-25** (так им и надо!)

Великий сын России (из НРЖ)

19 февраля 2017 г. скончался академик Игорь Ростиславович Шафаревич – выдающийся математик и диссидент, друг Солженицына и Льва Гумилева, автор сочинений, посвященных русскому национальному сознанию и его врагам, один из идеологов Русского пути...

В стране, где мужчины не доживают до 65, он прожил 93 года. В это почти столетие уместились несколько жизней. Во первых – жизнь одного из ведущих в мире математиков, во вторых – жизнь философа-диссидента.

С 1955 года Шафаревич подписывает письма, участвует в самиздате, поддерживает Солженицына в самые трудные его минуты.

В своем исследовании **«Социализм как явление мировой истории»** он неопровержимо показывает, что все основные устремления социализма сводятся к фундаментальной **воле к смерти**, периодически овладевающей не только отдельными людьми, но и целыми обществами. Социалистическая уравни-тельность, **ненависть к семье**, обобществление и тоталитарный контроль – все это формы **нежизни**, овладевающей жизнью и порабащающей ее. При этом устремленный к прогрессу через частную инициативу **либерализм** и через тоталитарную сверх-организацию **коммунизм** – это лишь **«две дороги к одному обрыву»**, ибо и тот и другой вид прогрессизма сущностно едины, противостоят жизни, свободе, вере, органическому началу в человеке и обществе. Это был удивительный парадокс Шафаревича – будучи математиком, он был крупнейшим представителем **философии жизни** в XX веке. Он – защитник всего природного, что рождается, развивается и умирает, а не того, что висит на жизни сковывающими путами. И на этом пути он открывает для себя, что большинство диссидентов борется с советским не ради русского, и навешивают на русский народ, главную жертву коммунистического эксперимента, все грехи коммунизма, чтобы заодно с коммунизмом грохнуть и «Россию-суку». И весь «антисемитизм» Шафаревича, которым его третировали, состоял в том, что он считал, что философия «малого народа» (интеллигенции) в XX веке определялась прежде всего энергией еврейского мессианства.

В первой половине XX века евреи ради создания своего мира шли в революцию, во второй половине ради воссоединения с Израилем шли в диссиденты. Но и в том, и в другом случае еврейский национальный порыв (как считал Шафаревич) обретал формы характерной для «малого народа».... ненависти к большому. (О проблемах "Большого" народа редактор еще напишет в "Письмах русского русским").

Основные труды И. Р. Шафаревича

Социализм как явление мировой истории.

Русофобия. Мы и они.

Трехтысячелетняя загадка.

Записки русского. ...

И. Р. Шафаревич

Из интернета: «Весь «антисемитизм» Шафаревича, которым его позднее третирует либеральная критика, состоял в том, что он констатировал: социальная механика «малого народа» в XX веке приводилась в действие прежде всего этнической энергией еврейского национализма. (?) Произошло окончательное самоотожествление этнической и социальной составляющей, выразившееся в приводимой Шафаревичем чеканной формуле Надежды Мандельштам: *«Всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей»*.

Сама политическая философия Шафаревича – «третий путь», уводящий от «двух дорог к одному обрыву» – коммунистической и либеральной, почвенничество, подчеркивание необходимости органичных политических, экономических, нравственных форм, характерных именно для русской цивилизации, лежит сегодня в основе нашего «официоза», Даже слово «скрепы» заимствовано, видимо, из работы «Русофобия» десять лет спустя».

Мои комментарии. Начну с формулы Надежды Мандельштам. Если высказать нечто подобное, но по другому поводу, например: *всякий настоящий мужчина не избежит внимания женщин или не будет к ним безучастен* – а, как вы помните, даже Августин Блаженный, один из важнейших отцов церкви, не только не прошел мимо женщин, но и был в молодости распутником – то давайте взглянем на наши отношения с такой точки зрения.

Мужчины в отношении к женщинам (те мужчины, которых к ним притягивает магнитная сила) бывают их любимчиками (как я), неустанно за ними бегают, хотя особенным вниманием не пользуются (это большинство) становятся жено-ненавистниками (отвергнутые), становятся холостяками (этих я не понимаю, не то это холодные не то отвергнутые). Уподобим евреев женщинам. Настоящий интеллигент чрезвычайно нуждается в собеседниках, читателях, внимании общества, а общество наполовину состоит из евреев – следовательно, он притягивается к ним, уподобляется им, **заискивает** перед ними (вот таков Розанов), временами ненавидит их. Я – высокомерен. Так как Ангел мне обещал избранничество, то я о нем всегда помню (и об избранничестве и об обещании), и слишком о себе высокого мнения, чтобы заискивать и перед собственным народом (который я временами ненавижу, но не потому, что он меня отвергает, а потому, что он такой долбайоб), и перед властью. Мне достаточно того, что меня слушают девушки и дети, до сих пор слушают и я им до сих пор интересен! Но все же, гуляя по улице в дождь, даже с зонтиком, нельзя не промокнуть хотя бы отчасти. И так как евреи составляют значительную часть того общества, в котором находишь хоть некоторое взаимопонимание, то так или иначе промокает еврейством даже такой независимый человек, как я. Не случайно я говорю, что когда меня посадят в тюрьму, буду проситься в одну камеру с евреями. В 70-м году я сидел то с русскими карателями, то с угро-финским диссидентом, то с двумя евреями, самолетозахватчиками – с этими я был у себя дома. И как я могу любить русских, если большинство моих русских товарищей, узнавая о том, что я дружил с Шафаревичем (а я сыграл в его жизни важную роль), начинали с того, что воскликали: *но он ведь еврей!* Им не нравилась его фамилия (кстати у великого русского актера Качалова родовая фамилия была еще

подозрительней – **Шверубович**). Я не думаю, что все евреи культурны. Я не думаю, что все русские идиоты. Но все же все же, все же... Да и к тому же, как я теперь думаю о национальности, что если Маннергейм, Колчак и Шумовский считали себя русскими, а Казимира русским считал я, то так оно и есть, то и **русские евреи почти всегда русские**, и я немного еврей, в значительной степени русофоб, все же и русский, отчасти советский, и даже Дмитрий Быков более русский, чем Пастухов, в то время как Лев Шлосберг просто пронзил своей выстраданной народностью. Может быть, как раз дело в том, что я высокомерен (хотя это тщательно подавляю), а он подобен тем учителям и учительницам, которых я любил независимо от национальности.

Интеллигентность и еврейскость и вправду подобны, Надежда Яковлевна, как женщина, почувствовала это глубже, чем Шафаревич, и то, что русские жлобы подозревают Игоря Ростиславовича в недостаточности русской крови, не случайно, он *аристократичен*, а это *выше национальности*, аристократичен и Лев Маркович Шлосберг, а я **простонароден**, я как сидел в ладье в 16-м веке рядом со своим товарищем Ермаком Тимофеевичем, так и теперь сижу (кто не верит, пусть сходит в Русский музей и посмотрит внимательно на картину Сурикова, или, в крайнем случае, попросит директора музея, Владимира Александровича Гусева, перевернуть сию картину, чтобы прочитать, какие двое в ней изображены, из известных исторических персонажей. Сам Суриков тоже чалдон, как и я, но во мне неизменнее прошлое).

Можно было бы за основу русскости взять Культуру (не в том смысле, как думают православные, что это религиозный культ, форма исповедания веры или форма церковных ритуалов, а, как полагают светские люди (не воцерковленные), **возделывание почвы бытия**, семейной, общественной и духовной жизни человека (*culture – возделывать, лат.*). Можно за основу национальности просто брать *гражданство*, как это делают во всей Европе и Америке и во всем мире, и как раз и евреи и русские являются исключением – то же и по отношению к любви между мужчиной и женщиной: несомненно, что в основе любви половой инстинкт, биологическое притяжение, большинство и не мудрствует и **хотение** как раз и считает любовью, как относительно голода и жажды. Так же просто обыватель решает и все другие вопросы, в том числе отношение между личностью и народом. Но вот – поэт, беспутная женщина – Марина Цветаева:

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно --
Где совершенно одинокой
Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что -- мой,
Как госпиталь или казарма.
Мне все равно, каких среди
Лиц ошетиливаться пленным

Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной -- непременно --
В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведем без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться -- мне едино.
Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично -- на каком
Непонимаемой быть встречным!
(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетия -- он,
А я -- до всякого столетия!
Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все -- равны, мне всё -- равно,
И, может быть, всего равнее --
Роднее бывшее -- всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты -- как рукой сняло:
Душа, родившаяся -- где-то.
Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей -- поперек!
Родимого пятна не сыщет!
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все -- равно, и все -- едино.
Но если по дороге -- куст
Встает, особенно -- рябина... 3 мая 1934

* * *

О поэте не подумал
Век -- и мне не до него.
Бог с ним, с громом. Бог с ним, с шумом
Времени не моего!
Если веку не до предков --
Не до правнуков мне: стад.
Век мой -- яд мой, век мой -- вред мой,
Век мой -- враг мой, век мой -- ад. Сентябрь 1934

* * *

Квиты: вами я объедена,
Мною -- живописаны.
Вас положат -- на обеденный,
А меня -- на письменный.

Что такое народ, что такое личность, что такое народность и связь личности и народа, что такое ЛЮБОВЬ – к женщине, родине, культуре, родной земле и природе? Я написал об этом тьму книг – но я не писал о *любви к народу и государству* (я их не люблю)... Я все это понимаю уже с семи лет, и не ответа ищу, он внутри меня, – Я ищу способа простить мой народ за то, что он как безумный бык роет копытами одну и ту же дурную мысль и одно и то же дурное чувство – но что именно, не понимает ни он, ни я... **Он стоит на своем, но он не знает, на чем стоит.**

Александр Зиновьев говорит об СССР как о вершине русской истории – это говорит бывший диссидент, якобы противник социализма и советской власти. После **инверсии** он неожиданно даже для самого себя из противника советской власти превратился в ее защитника и сказал: «Целили в коммунизм, а попали в Россию». Эта фраза стала крылатой. Но это неправда. Это... уловка, позволившая мобилизовать «пятую колонну». На самом деле, целили именно в Россию, с самого начала и по сути. Но делали вид, что «целят в коммунизм», который в СССР ... представлял высокую и опасную для конкурентов ступень развития русской цивилизации. ... и был не только научной теорией, но и могущественной идеологией, естественным образом включившей в себя национальный и имперский дискурс России.» - не естественным ли образом уничтоживший в этой России сто миллионов русских (считая по языку)?

Что отделяет Шафаревича и меня от Зиновьева, и что соединяет меня с Шафаревичем, почему я считаю себя его другом? С начала и до конца – отношение к социализму, книга Шафаревича **«Социализм как явление мировой истории»**.

Что погубило Россию и является уже более ста лет ее органической и душевной болезнью? Принятие коммунизма и культ *«светлого будущего»*, ибо удивительным образом *из Будущего при его культивации всегда вест требующий кого-то убить недобрый дух*», как сказал Гелиан Прохоров.

Наш народ споткнулся на философии Платона, на идее превращения государства в казарму и в тюрьму, на **«все как один»**, на том, что жизнью можно и необходимо пожертвовать для построения *светлого будущего*. Именно Шафаревич показал, что **все основные устремления социализма сводятся к фундаментальной воле к смерти, периодически овладевающей не только отдельными людьми, но и целыми обществами**. В работе «Две дороги - к одному обрыву» (1989) он так же убедительно показал, что либерально-демократический (космополитический) и интернационально-коммунистический пути развития имеют одни и те же корни и одну и ту же цель - лишить народы национального самосознания, национальных культур, национальной истории и превратить их во всемирный безнациональный народ - то, что потом стали называть «глобализацией».

Третья фундаментальная работа «Трёхтысячелетняя загадка (История еврейства из перспективы современной России)» (2002) ярлык «антисемита» приклеила к автору уже намертво, хотя оснований для этого тоже не было - в книге бесстрастно изложены известные исторические факты и нет ни одного антиеврейского высказывания.

19 февраля 2017 года он ушёл в последний путь, и ночью я прочитал наскоро написанную заметку в нью-йорской русско-язычной газете. Меня и удивило и не удивило, что еврейская эмигрантка Соня, бывшая его ученица, которая уехала из России как будто потому, что ее поразило, что даже **великий Шафаревич** в плену антисемитских предубеждений, упреки по его адресу перемешивала со слезами. Я ей написал: глупая, ну что ты слушаешь предубежденных людей?! Кто наши вожди, за кем мы идем? Русский народ уж точно не идет ни за Солженицыным ни за Шафаревичем ни за мною, обо мне русский читатель почти не слышал, из русских меня читали только эти двое, читал **Николай Петрович Ильин**, с которым я дружил, слушал **Гелиан Михайлович Прохоров**, с которым я дружил и с которым примиряюсь после его смерти, читал давным давно, когда мы вместе сидели в Психушке, сионист и правозащитник **Виктор Файнберг** (думавший, что я антисемит, но это, мол, неважно), с которым нас связала дружба и который меня защищал в заключении, а Солженицын - в выступлениях по радио «Свобода».

Шафаревич был доверчивым и наивным человеком, кабинетным ученым, великим математиком, в его философии истории исследование социализма играло центральную роль, его рассуждения о двух народах, о тлетворной роли интеллигенции, о русофобии – своего рода ворчание усталого человека. Да и спросите у меня, кто у нас русофобы? На девять десятых это русские – и только изредка попадают евреи.

Только потому, что с русскими совершенно невозможно разговаривать и быть услышанным, только потому, что русские слышат только самих себя и своих тиранов (у них какая-то параноидальная любовь к ним), еще потому, что русские ненавидят свою Родину, то есть Россию, они воображают, что их миссия – *построение светлого будущего всего человечества*.

В коммунизме их разочаровали, и они слетели с катушек. С катушек слетел и народ Украины. Сегодня мыслящих людей неизмеримо меньше, чем в 60 – 80 годы ... И очень мало людей, которые умеют и мыслить и слушать. Я ими дорожу и люблю, это особый народ, и поскольку мы говорим по русски, то я их называю русскими (евреи ли они, француз Рене Герра, одна немецкая гуннка, девушки и дети). Почти все, кому больше 60 лет, уже глухонемые, почти все, кому меньше 35 лет, учатся говорить, *если они научатся и читать*, и если я до этого доживу, то я не зря жил на свете. Пока – зря. Пока – этот свет принадлежит тем, кого объединяют знаменитые слова: **мы – не-рабы, рабы – немы**.

Но кто такие **либералы**, которых Шафаревич объединяет с коммунистами, а коммунисты и современная (отнодь не коммунистическая) власть объединяет в одну зловредную (**пятую**) **колонну**? Вот это невиданная прежде квадратура круга! Казалось бы, прежде все богатства, земля и недра, промышленность и сельское хозяйство принадлежали государству, и культура, и народ, армия, каждый частный человек, да частного человека и не было. Этот строй не мог не быть тоталитарной деспотией, а чтобы себя оправдать, он сочетался с **духовным подавлением**. Христианский феодализм был на него существенно похож, в некоторые периоды он тоже был тоталитарной деспотией, в периоды **инквизиции и опричнины**.

Впрочем, всегда было плохо. Общего языка не найти и с христианами. Христос говорил: «Если бы вы имели веру с горчичное зерно и сказали горе сей – подвинься! – то она бы подвинулась!» – но случилось ли такое чудо хотя бы однажды? В литературе есть известия о чудесах у Лескова, но в битве добра и зла, которая идет несколько тысячелетий, ничего не случилось не так как обычно, при поддержке Божественной силы, как в битве евреев с филистимлянами, когда Бог с неба бросал на них камни и, по просьбе Иисуса Навина, даже остановил солнце. История Жанны Д'Арк – единственная в истории Европы чудесная. В остальное время злодеи как правило умирали во славе и почестях, герои, святые и мученики были гонимы, подвергались пыткам и казням и при их жизни никто не приходил им на помощь, а если они и бывали спасены, то никогда – отомщены!!! Миллионы мучеников в СССР, кто дожид до освобождения, либо дожид до окончания назначенного срока или до смерти Сталина или потому, что понадобился этому государству, по-прежнему злобному и лютному, как понадобились Мерецков и Горбатов, Рокоссовский и Королев, Туполев и Тимофеев-Ресовский, досидели свои ДВАДЦАТЬ лет писатели Олег Волков и Варлам Шаламов, а в 1953 году тиран подох и пять миллионов эков вышли на волю и на этом закончился Террор и сначала наступила оттепель, а потом *позднесоветское время*, когда в тюрьмах и лагерях и спецбольницах работали охранниками уже **не людоеды**.

Но – Земля вращается вокруг солнца, поколения меняются, сегодня народ развращен и одурманен, средний человек стал хуже, чем в позднесоветские годы, при Хрущеве, при Брежневе, даже при следующих старцах. Этот народ снова любит Сталина, ненавидит Хрущева (будто бы тот сверг социализм – словно у кого-то была такая способность), ненавидит Солженицына за то же самое что и Хрущева, снова сажает инакомыслящих, заставляет сидеть русских националистов и Невольного в тюрьме на табуретке по 15 часов не шелохнувшись, пытается заключенных часто от скуки, и в глубине души именно народ радуется унижению России и низведению ее на роль слабого экономически государства. Конечно, он не единодушен. Молодежь надеется подышать еще воздухом свободы, среднее поколение устало от духовного гнета тирании и надеется благоустроить жизнь, но поколение моих сверстников не настоялось на коленях, а поколение 60-70-летних ждет, что царь даст **и им порулить...**

Впрочем, никто подлинно, **метафизически**, не знает, почему русский народ сверг царя, почему сначала заклеил, а потом заново возлюбил Сталина, за что любит социализм, уничтоживший в двадцатом столетии не менее ста миллионов преимущественно русских (хотя я скорблю обо всех)..

Возможно, на некоторые свои вопросы я ответил, лучше стал чувствовать и понимать связь личности, народа и тех социально-исторических слоев в нем, из которых народ состоит, как русские и английские состоят из потомков варягов (норманнов) и из местных славян (кельтов и англосаксов) и - в сословном измерении – из крестьян (рабочих) и помещиков (буржуа). Так же мы состоим из **интеллигенции** и **черни**, и русские и английские...

Но на важнейшие вопросы я не ответил. Есть ведь в каждом народе малая часть **призванных** – есть или нет? – и кто они? **И есть ли среди них я?** И в чем моя миссия? И **узнаю ли я об этом** хотя бы в 3-й книге трилогии?

1. Форма языка тождественна формам мысли

2. То что можно определить как информацию по отношению к художественному произведению, обычно распадается на 2 формы этой информации: ее содержание и ее форма то есть что именно говорится или передается и в какой именно форме – но содержание художественного произведения невозможно отделить от его формы, например, написано: Он ее поцеловал. Это может быть высказано (или понято) как сказанное саркастически, неуверенно, вопросительно, безапелляционно, насмешливо, иронически, с издевкой... и так далее...к

Что именно говорится, не может быть понято без формы, в устной речи она передается интонацией и мимикой, в письменной **формой представления** того, что сообщается... порядок слов, пунктуация, вводные слова и так далее...

3. **Дмитрий Зимин.** «Ни за одну страну в мире мне не бывает так стыдно, как за свою страну».

А что мое поколение оставляет будущим поколениям в каком положении оно оставляет мир? И приходишь в ужас...

Неустойчивость мира связана с тем, что власть часто сосредоточена в руках одного человека и он единственный решает, начинать или нет войну

Локк считал, что необходимо разделение властей на законодательную, исполнительную и федеративную нельзя властвовать долго

Дети в песочнице дерутся друг с другом...

Лидия Корнеевна Чуковская, из тройки гениев, где Варлам Шаламов и Солженицын.

4. **Г М Прохоров.** При всей своей готовности проливать кровь ради *светлого Будущего*, никто из этих мечтателей, конечно, представить себе, я думаю, не мог, сколько крови прольётся в России и сколько людей здесь будет лишено свободы, посажено в тюрьмы и надолго отправлено в лагеря, когда к власти в ней придут большевики.

Стремление к Вечности большевики назовут опиумом для народа, традиции – пережитком прошлого, а радости момента – буржуазным разложением.

Так что вполне вероятно, что наше общественное сознание-надсознание вернется, как блудный сын к Отцу, – повернется вверх к Вечности. Тогда отсюда вновь, в третий раз в нашей истории, должен будет пойти животворящий поток божественной любви-энергии. При этом, конечно, опять чудесным образом обновятся у нас все виды творчества. И, вне сомнений, произойдет новый этногенез: русских станет еще больше и они будут еще счастливее, радостнее и сильнее – и духовно, и умственно, и физически.

4*. Кстати сказать, родоначальник Глинских, князь Алекса, отсюда родом. И сам Грозный, как известно, прямой потомок Мамай.

– У *Гумилева предки тоже ведь из татар!*

– Да, Ахматовы... У него, может быть, проявлялась и кровная привязанность. Но у него ведь была и целая большая идея Евразии.

З*. **Дмитрий Зимин.** Агрессивное свойственно человеку. Смотрите, еще дети в песочнице дерутся друг с другом. Во все времена у всех народов. Что, им песка не хватает?

ВИ. Даже в детстве я ни у кого ничего не отнимал, были и другие такие же. Я дрался, только защищая себя или тех, кому я сочувствовал, к кому несправедливы окружающие. В сумасшедшем доме, где я был одинаково бесправен со всеми, я взял под опеку латышского парня, который в теплушке, в которой везли новобранцев, расстрелял из автомата обезумевших идиотов, которые его пытались изнасиловать (это была нашумевшая история в СССР в конце 60-х годов.) И при этом все эти дебилы ехали без присмотра офицеров, и оружие было у них в теплушке так же без присмотра, вероятно, они перепили, и их офицеры тоже были пьяные в своем офицерском кубрике.)

Физик Борис Бронштейн

Владимир Арнольд «Задачи для детей от 5 до 15».

З****. Борис Зимин.** Невольный и его группа пытаются сделать из России Россию будущего. И как можно жить в стране, в которой полицейский лжет под присягой?

5. Лев Шлосберг. Сейчас наше страной руководят люди, которые не хотят читать историю, они хотят ее писать.

... личная линия судьбы....

6. Сергей Рукшин. Принципы Российской школы: **Научить всех всему и на самом высоком уровне.**

Чтобы мало зарабатывать надо много и хорошо учиться Учитель – это миссия.

Мы продаем *охлосу* ощущение счастья на короткое время (и называем это демократией.)

В обществе лжи страна с такой системой образования долговременной исторической перспективы иметь не будет.

7. Григорий Явлинский и переговоры с чеченцами об освобождении заложников. Чеченские террористы ответили: **«Мы сильнее вас. Мы готовы умереть, а вы хотите жить!»**

8. ВИ. Насилие и война, несправедливость и кровь объясняются только одним: всякая правящая хунта прибегает к насилию для того, чтобы ее власть не была поставлена под сомнение.

Русский народ – народ своеобразный. В условиях бесправия и попрания законности и свободы и человеческих прав он *сплачивается вокруг власти.*

Он не внимает голосам мыслящих людей (которые есть во всяком народе, которые не бывают истреблены все до одного или запуганы) – но народ не слушает никого, кроме власти и своих архаических инстинктов. Народ можно за это презирать или ненавидеть, но он не станет другим народом, пока не завершится именно данная эпоха, в которой народ поддерживает зло, или не произойдет революционный переворот и к власти не придет еще худшая, еще более беспощадная сила.

1. Космос и вещественно-предметный мир. 2. Жизнь и живое как иное бытие сравнительно с вещественным. 3. Живое и Сознание. Сознание и человек. 4. Объективный мир, предметы в нем и сознание. Жизнь и язык.

Октаэдр и Смутное время. Оксюморон и инверсия.

Обе эти книги не только **философия, но философия как способ жизни.**

Я родился в деревне и в природно-деревенском мире прожил 17 с половиной лет, пребывая в то же время и в книжном мире литературы и школы. После этого я переехал в Большой Город и погрузился в его одностороннюю жизнь, отчасти **«простожизнь»** почти как у всех, отчасти **пространство культуры и книги и математики, музыки и философии**, отчасти **жизнь сознания** – мое личное внутреннее духовное пространство.

Всегда был Космос, или у него было начало (Хаос), который постепенно развился в Космос – не столь важно. Но мир в значительной степени подобен был величественной и сложной Книге, которая создается, редактируется и совершенствуется, представляя собою видимое тело и содержа невидимого Творца – как и у человека Плоть и Душа (сознание). Если даже исходное состояние Космоса подобно зародышу человека, то мир создан не из Ничто, а вырос так, как вырастает растение из семени.

Представление о развитии как о суммировании случайных изменений, которые сохраняются в силу их преимуществ перед исходными состояниями наивно до изумительности. Представим себе частный случай, как рыба превращается в птицу, временами выпрыгивая из воды, при этом жабра развивается в легкое, а плавник в крыло через «ряд волшебных изменений милого лица» – эти изменения чрезвычайно ничтожны в каждый отдельный момент времени, принадлежат отдельным особям (странно было бы, что вдруг у всех рыб слегка вырос плавник) и продолжают десятки миллионов лет.

Представление о том, что сама собою происходит **эволюция** (созидание) мира – в силу ли каких-то случайных изменений отдельных существ (ибо изменения всегда индивидуальны) или в силу неведомых генетических мутаций (которые хаотично случайны, но при этом продолжают развивать вид в заданном направлении) чрезвычайно напоминает представления островных дикарей в Тихом океане. Во время войны к ним прилетал самолет с гуманитарной помощью. После войны он перестал прилетать. Тогда они построили из веток и травы чучело самолета и собрались вокруг него в ожидании, когда появится гуманитарная помощь.

Я понимаю тех христиан Нового Завета (их было три тысячи человек), которых Христос накормил тремя хлебами. **Произошло чудо.** Если эволюция по Дарвину в силу неведомых случайных изменений отдельных особей, которые складываются в изменение популяции, также является **чудом**, ... если расширение мира и его эволюция после Большого взрыва (теория Большого взрыва не поясняет, откуда появляется время и пространство, атомы и молекулы, масса, заряд, качества элементарных частиц, затем звезды и планеты) тоже является чудом, то мы делимся на разные группы людей и учимся в разных классах: в церковно-приходской школе и в гимназии.

В одних случаях мир подчиняется **чудесам**, в других каким-то предполагаемым **правилам**.

Странным образом такая теория эволюции *чудесна и необъяснима*, библейское описание мира в сравнении с нею – осмыслено. Так, если мы слышим, что Лев Толстой сидел дома и писал Войну и мир и наконец написал этот роман, то мы этому не удивляемся, так бывает и с другими книгами, но если кто-то говорит, что на самом деле в силу атмосферных *ффлуктуаций* и воздействий дождя и ветра на чистых листах бумаги постепенно за миллионы лет проступил этот Текст (а мы видим, что и горы и реки текут как раз в силу атмосферных *ффлуктуаций* и не удивляемся этому), то ...

Но о Дарвине, как и о Марксе, я вспомнил только для напоминания прошлых коллизий. В 1952 году я прочитал десятитомник Сталина (мне было 10 лет), все было понятно, но не убедительно, и впечатление было конечно не сравнимое, как с Анной Карениной и Пришвиным, Пушкиным и Лермонтовым, которые меня возносили ввысь, а вскоре Сталин умер, большинство окружающих меня, тех, которые на меня производили впечатление отзывчивых и умных людей, отнеслись к этому известно как к окончанию страшной войны, но большинство жителей больших городов плакало от горя, хотя пять миллионов эзков вышли на свободу (а надо было их в лагерях и тюрьмах добить?!)

В 1956 году после статьи в газете «Права» о Культе личности (мне было 14 лет) я лично содрал со стен в нашем классе портреты Сталина и его соратников и оттащил в костер во дворе школы наши учителя спасли от аутодафе кого-то из самых мелких, но в следующую ночь со всех улиц и площадей исчезли памятники и таблички с именем вождя народов.

В университете и в Ленинграде в целом в шестидесятые годы сталинистов (которые бы решались этого фюрера защищать) я не встречал. Мнения о книгах, кино и театральных спектаклях у того образованного общества, в котором я существовал, были единодушны, нашими кумирами были Окуджава, Высоцкий и Галич, Солженицын, Шостакович, Анна Ахматова и Марина Цветаева, иногда мы спорили о Большом взрыве, потом спорили о Горбачеве и Ельцине (но с этим алкоголиком если кто и готов был рядом пописать, то в самые первые дни), **защищать советскую власть и чекистскую ночь над Россией не смел никто**.

И вдруг я оказываюсь в чужой и незнакомой стране. Теперь даже Ивану Грозному ставят памятники, восхваляют татаро-монгольское иго, проклинают декабристов и Солженицына, Хрущева и Твардовского, восхваляют Берию, молятся на памятник Жукову... И так далее..

То, что меня не печатают и не читают, меня уже не удивляет. Во-первых, Бог, как видно, надо мной подшутил, обещая мне помощь в моем Пути Предназначения, он обо мне забыл (хотя, по всей видимости, некий Ангел был со мной рядом и меня защищал, ибо жизнь моя все же была чудесна).

Духовные силы мои тоже оказались недостаточны, чтобы в своих книгах быть убедительным хотя бы для отдельных читателей. И единственное, что меня поддерживает, что я все же не умер и закончил вторую книгу Философской Трилогии, возможно, напишу и третью **«Откровение как сумма исключений из правил обыденной жизни»**.

ОПРАВДАНИЕ. 14 декабря 22г Среда, *полночь*. Пытаясь понять окружающий мир и **окружающую жизнь, в том числе собственную жизнь, мы во-первых видим**, что неряшливо пользуемся словами, точнее говоря, понятиями-терминами. Нам требуется что-то описать, передать наши мысли, впечатления, то достаточно того, чтобы рассказ наш приблизительно соответствовал тому, о чем идет речь, мы говорим: высокая гора (не уточняя, насколько она высока), тяжелый рюкзак, на улице было холодно, прохладно, жарко, наступало утро, полдень, вечер, - но для понимания взаимосвязи событий и взаимодействия предметов такое описание не всегда достаточно. Но самое существенное: **что именно мы стремимся понять и о чем рассказываем?** О взаимодействии предметов или событий? Планеты обращаются вокруг солнца циклически, и каждый год эти движения повторяются, достаточно точно повторяются времена года, времена суток, восход и заход солнца. Причиной движения планеты по эклиптике является сила всемирного тяготения, но неверно говорить, что между двумя соседними положениями планеты существует зависимость, называемая причинной, по которой следующее положение является следствием предыдущего, они оба суть следствия тяготения и движения планеты, имеющей определенную массу, скорость и расстояние от солнца. Но так как, зажигая дрова в печи, мы ожидаем, что вспыхнет огонь – и он действительно вспыхивает и разгорается, то всеобщую взаимосвязь событий и явлений мы объясняем как причинно-следственную связь этих явлений и возникает стройная теория о детерминированном, predetermined порядке вещей и событий: настоящее является причиной будущего... Если стакан стоит на столе, то пока мы его не передвинем, он там будет стоять – если только не произойдет землетрясение, пожар, на дом не упадет бомба, не заберутся воры... Такие непредвидимые события мы называем случайными, они случаются редко, и хотя, как показал Налимов, события происходят и *спонтанно*, то есть не только случайно, но как бы и не-предсказуемо и беспричинно, то оказывается, что Бытие и Мир несколько сложнее, и предположение о его predeterminedности и исчислимости не кажется абсолютно достоверным. К тому же важнейшие события нашей жизни (на которые распространяется страхование, так что при их наступлении мы или наши родные даже получают вознаграждение-страховку от компании), действительно почти не предсказуемы, к ним относятся несчастные случаи в быту: падения, катастрофы, пожары, наводнения, а особенно и чаще всего – болезни... не поминаю нечто еще более ужасное...

Слушаю Беседу Гордеевой с автором исследования об арестах и тюремных заключениях в СССР при большевизме, книга называется Гулаг. Система Гулага работала таким образом, что никто не был застрахован от ареста и никто не мог знать, будет он арестован или нет. Для этого было достаточно причины, повода, случая, ошибки, злого намерения, кампании по арестам, доносам...

Следовательно, наша жизнь мало предсказуема, ее определяет отчасти наша воля, воля окружающих людей, воля государства, меньше всего воля народа. Есть еще судьба, загадочная сила, не отрицаю ее существование, но не берусь исчислять влияние судьбы.

Банда разбойников захватила нашу страну! – говорит Вера Полозкова.
Вере я когда-то посвятил два стихотворения.

Вере Полозковой

Вера текуча как вода в ручье,
Переменчива, как вечерний каприз.
Из слов, метафор, промахов, черт
Надличного – образ её – и верх, и низ.

Вера, возможно, всегда ничья,
Но каждый из нас её хоть час.
Грустно я иду вдоль ручья,
Зная, что моё – только часть.

Вера разуверить меня спешит,
Только я не догадываюсь пока, в чем.
Две не замечающие себя души
Или два берега над ручьём.

Жаловаться ли мне на жизнь ручью,
Жаловаться ль Вере на невзгоды любви?

Я ее словечки все изучу.

Скажет ли она: *Надейся, живи!?* 22 декабря 2011

Посвящается Вере

Что за профессия – писать
Рассказы и романы?
Запросам жизни отвечать,
Пред любопытными плясать,
Дивить чужие страны?

Что за профессия – поэт? –
Умение согласно
Мурлыкать лепет, ропот, бред,
То, чего не было и нет? –
Ни им ни нам не ясно.

Вот нас на марши горлопан
Звал страстно в оны лета,
Мы все пропали, он пропал...
Так в этом соль поэта?

Другой березку обнимал
За голые колени,
Тот звал на БАМ, тот горло драл,
А этой все до фени:

Вещает гордо про *обол* –
Мол, обл, озорен, грозен,
Ничто пред ним ни лес, ни дол!
...Ну, ладно, я писать пошел...

Но всего лишь в прозе. 21 января 2012

«Жизнь – это великий учитель!» - говорит Вера, и она это ясно понимает и чувствует. Но обычно начинаешь понимать это в старости... Возможно, не у всех этот учитель выдающийся, но если он таков, надо быть ему благодарным.

В раннем детстве я впитывал жизнь слишком быстро, потом мое развитие затормозилось, и только в 92 году, когда у меня родилась внучка Настенька, создал издательство «ГлаголЪ». Но разве к этому времени я уже стал взрослым? Разве стал значительным и известным?

Да даже сегодня, когда уже дописываю Оксюморон, я не уверен в своем будущем – возможно, эти Записки будут представлять из себя философский роман, но, возможно, он будет все еще ниже той линии на горной вершине, с которой начинается подлинная литература.

Да и к тому же – существует ли литература без читателя?

А современный человек не знает истории России, особенно за последние сто лет, начиная с 1914 года, не понимает, что с Россией случилось, в какую тьму она погрузилась. С конца 19-го столетия мыслящий человек стремительно освобождался от христианства и одновременно от приоритета государства над личностью, народом и культурой, от отождествления государственной власти (прежде всего абсолютной монархии) с идеей абсолютной Истины и абсолютной Божественной силы, властвующей над миром – но вместо христианско-монархической идеи на наши души был одет демонический купол марксизма-ленинизма и строительства коммунизма, так что всякая личная воля и всякая личная жизнь были подчинены этой всеобщей безличной воле, но одновременно воле единственной личности, сосредоточившей в своем лице и волю Бога, и волю Общества, и волю бывшей христианской истины и новой научной истины. Тирания нас задушила и измучила. К тому же она развязала невиданный в истории Террор против всех свободомыслящих, против всех мыслящих, даже против случайных людей – чтобы страх был всеобщим и необъяснимым. Именно поэтому, когда тирания большевизма пала то в 90-е годы между Зюгановым (Сталиным) и Ельциным с братками мы не выбирали братков, мы просто до ужаса боялись повторения коммунизма и тоталитарного строя, и даже в 2012 году, когда я шел в колонне сторонников Невольного и вся громадная колонна скандировала его лозунги против воров и воровства, мы думали, что мы свободны и от демона коммунистического тоталитаризма, и от демона ... но что за демон пришел на смену коммунизму, с тлетворной заразой в крови его идолов, демон, сочетающий манию духовного господства с манией воровства и обогащения?

Последователи революции 17 года настаивали на том, что в ней сосредоточена Истина и оправдывали Террор истиной. Впереди был коммунизм. Что впереди у последователей нового *изма*? Ведь не коммунизм же? И что впереди у тех противников *изма*, которые вместе с ним возненавидели и Россию и отреклись от нее?

Ибо наша история – это переход от одной формы рабства к другой, рабства тем более ужасного, что не банда внешнего завоевателя или собственного узурпатора осуществляет террор, но одна часть народа (большая часть) ненавидит, мучает и истребляет меньшую мыслящую творческую часть.

Почему русский народ ненавидит свободу, ненавидит культуру, ненавидит образованность и духовное возвышение, почему русский человек так боится, презирает, завидует и стремится унижить всякого талантливого человека, даже просто более умного, чем он сам, почему он готов владеть жалкое полу-голодное существование, но ему ненавистна сама мысль о том, что вот он глупый, ему не интересна поэзия, литература, музыка, восхищение красотой, а эти «умники», просто по случайности рождения, избраны Богом и над простыми людьми так возвышены (хотя пытался их утешить Христос, что якобы *блаженны нищие духом* и им принадлежит царствие небесное)? Возможно ли примирение? Возможно ли найти форму сожительства, в которой простой человек не завидовал бы простому и не поддерживал бы любую нечистую силу, только бы эти возвышенные, просветленные, талантливые и умные были посрамлены и их волочили бы на пытку, на дыбу, на виселицу, на гильотину и на костер? (Временная любовь французского простонародья к Жанне Д*Арк не опровергает мои слова, Жанну сжег судья *Кошон (свинья)*, сжег римский папа, католическая церковь, бургундцы, англичане и парижский плебс).

Русский народ поддерживает деспотию, рабство, несправедливость, поддерживает невежество, отсутствие образования и просвещения – и я как будто не вижу выхода из тюрьмы, в которую заключает меня народная ненависть – но все же – *только через размышление и понимание можно найти выход из этого безвыходного положения, и если я даже обречен умереть в тюрьме, я обязан дописать эту книгу и найти хотя бы то понимание которое смогу найти*. После меня будут и другие, такие же как я, они найдут выход из этой тюрьмы, и они вспомнят меня благодарным словом.

Во-первых, **Русский народ не тождествен самому себе**, он не тождествен даже и России. А **Россия – это сама по себе метафизическая сущность**, высшая трансцендентная ценность – не только для русских, но она **родина** всех людей и народов, проживающих в ее отчасти условных границах, и карел, и чувашей, и татар, и адыгейцев, и рассеянных по областям Российской федерации поляков, белорусов, украинцев, немцев... в том числе моего покойного друга Маркияна, отец и старший брат которого были расстреляны в Западной Украине.

Какой выбор должен сделать человек, являющийся по рождению представителем одного из малых народов России – выбор в пользу Российской империи, Российской федерации или выбор в пользу конгломерата государств, на которые надо будет разделить Россию? Белогвардейские эмигранты хотели вернуться на Родину, Вера Полозкова от нее отсеклась. Если главным намерением мистера Пу и его банды является уничтожение России, то те, кто отрывается от России как и Вера, поддерживают Пу и его банду.

Чтобы понять самих себя как русских, надо понять, *что такое русский народ, существует ли он, является ли он народом*. Большевицское государство учредило Советский народ указом (как министерство или ведомство), он возник

в государственной действительности и в умах людей, но большинство тех, кто признавал себя советским человеком, одновременно были и русскими, или украинцами и евреями. Но в шестидесятые годы и в семидесятые и даже в восьмидесятые – реальность какого народа существовала в умах тех, с кем я учился, с кем я позже встречался? Большинство думало о себе как о русских, поляках, немцах, евреях, татарах – в Ленинграде, в Калининграде, в Сибири, в Москве – гораздо позже, уже на закате Советского Союза, снова в умах многих стало распространяться представление о себе как о советских. Но если меняется отношение к советской власти, к строительству коммунизма, то естественно, может меняться и отношение к национальной принадлежности...

Но оценим **народ России** со стороны, воспринимаем ли мы его как русский или как неопределенный или как состоящий из разных народов? Я думаю, что дворянин, особенно в годы Гражданской войны, находящийся в Белом лагере, чувствовал себя русским независимо от этничности, та эпоха была вершиной русскости. А сегодня очень многие даже не избирают национальную принадлежность, как не избирают *Брак* вместо *сожительства*, не избирают семью, даже когда их случайные женщины рожают детей.

Но думаю ли и я сам, что те, кто по результатам переписи записал себе в паспорте «русский», действительно является русским?

Во-первых, необходимо отделить себя от советского прошлого. Те, кто исповедует марксизм-ленинизм, или любит Сталина или советскую власть, между СССР и Россией избрали СССР, и они – советские...

По безоговорочности отрицания Революции я, возможно, единственный подлинный русский в составе этого народа, хотя мои предки не дворяне.

Многие ненавидят нынешний режим, но иногда даже в большей степени (как Пастухов) они находятся в оппозиции к России. Их девиз *«Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья!»*

И в то же время, разве всё так определено, все запятые и точки поставлены? **Каждый человек связан с историей, культурой, языком, родиной и государством** множеством связей, гражданство не тождественно национальности, и даже родной язык ей не тождествен, многообразны этнические (то есть родственные, родовые связи), а затем еще большое значение имеет вступление в брак и рождение детей... **Человек** – растение, его народ является его почвой, но его омывает дождь, согревает солнце, опыляют пчелы... Но он еще и вечная монада, судьба которой и вовсе для нас туманна... Но если он к тому же становится поэтом, то его национальностью становится и является только язык, это его почва и его судьба. Может ли нечто играть большее значение в судьбе личности, чем поэтическое призвание? И я понимаю, что если исчезнут все, привязанные к России, но останется хотя бы один поэт, пишущий русские стихи, то он все еще будет русским!

Жанну пятьсот лет порочила церковь и французская знать, надо же, чтобы с амвонов новых храмов во Франции и в России ежегодно возглашали славу Жанне и тем, кто отдал жизнь за родину, и проклинали неправедных судей, римского папу, завоевателей бургундцев и англичан! ***И мы будем проклинать их не только пятьсот лет, но и пятьсот тысяч лет!***

ОПРАВДАНИЕ. Стихи и эвфемизмы

НАШЕСТВИЕ

Я ветер, волнующий степи, леса,
Я вдаль разгоняю запас кислорода,
Я буря, несущая смерть в небеса,
Мешая движения с временем года.
Лишь кроткая мать умиряет меня,
Лаская свирепые космы огня.

Я злое могущество без назначения,
Болото, порыв, боковое течение,
Я – воля *владения*, скука и тленье.
Земное начало сжирает мой пыл –
Я есть! Меня нет... Я бездвижен... Остыл!

Как туча на небе. как смерч, как цунами,
Собравшись в песках вдоль Китайской земли,
Мы целую Азию сдвинули с нами,
Чтоб новые степи пред нами легли.

И Волга, Рязань покорились Батью –
Так мир покоряется жажде мужской.
Рубили мечами славянскую выю,
Без цели, без смысла, за Доном, Ворсклой –

И ныне узнали – все тщетно, все тленно,
Бессмысленность жизни одна неизменна,
Ее одолеть не в стремлении к злу,
Мир в прах обратим, покорим, обезглавим,
Служить нам рабынь и свободных заставим,
Но в баньке паук посмеется в углу.

Я – нищий, больной, неимущий, не правый,
Сквозь грубую боль обнимаюсь со славой,
И вдруг понимаю: Вся радость в любви!
Смеюсь от восторга, и вас обнимаю,
Снимаю поклажу **владений**:
Я знаютеперь эту жажду: *Люби и живи*,
Лишь в жажде расширить весь мир и природу
Лежит наш родник к красоте и народу! –
В крови и без крови, *в небесной ль крови?!*

ОМЕРТА (Обет молчания).

Расплескало небо осень,
Три осины в поле мокнут.
Я построил терем. Восемь
Окон. Ветер смотрит в окна,
Ни о чем меня не просит
И в ладонях дождь приносит...

Это с детства мне знакомо,
Переливы, перепевы, –
То скрипит крыльцо у дома
То в сениях смеются девы...
Где вы, духи дома, где вы?

Это жизнь *в грозе и в буре*
Так бесславно нам пророчит.
Бесконечность темной ночи...
Подчиненье диктатуре.
Точки в тексте фразу точат,
Словно мыши пол в подполье,
Нас сроднив с тоской и болью.

Мир вокруг как грудь распахнут,
Виден в окна, слышен в щели,
Голоса прохожих пахнут
Словно скрипки менестрелей,
В огород вбегают ели,
Звуки мокнут, смолкнут, ахнут...

Помню, было время оно...
Ночи были так же мглисты,
Но блаженны, сонны, чисты...
В Чудесах *оксюморона*
Пело Утро. Мы – горнисты!

И казалось: мы бессмертны!
И *инверсия* спасает,
Словно снег летит и тает...
И в снежки гармонь играет...
Палачи, герои, жертвы...
... Но я дал обет *Омерты*...
Да о том и смерть ведь знает...

А стихи уже не скажут.
Узелок – один – завяжут!

* * *

Только человек – мера вещей! Протагор

Облечь и отвергнуть все то, что мне чуждо,
Все то, что ввергает то я ярость, то в злобу, –
Казалось бы, только это и нужно,
И с жизнью в обнимку двигаться к гробу! –

Но нет, и такой я союз не приемлю!
Да разве для этого с небесных высот
Не то был низвергнут, не то *пál* на Землю, –
Чтоб цезарю сладкому смотреть прямо в рот?

И значит, не мне замогильное счастье,
Распятие, покорность и ангел у врат,
Смиренная женщина – знак этой власти,
Как в саван укутана, может быть, в плат...

И мне ли молиться о хлебе и чуде
Чрез столько пожарищ, побед и руин?
Как нам и обещано, **мерой** и будем!
Земные, рожденные женщиной люди!
Пусть даже не каждый, пусть **я** – лишь один!

Я шел по канавам, по кочкам, чрез раны,
Я видел подснежники Млечных дорог,
Вся музыка мира, с высот и пиано
Встречала меня – я не умер так рано!
Я бывший юридический, значит – Я БОГ!

* * *

Еще загадочней и романтичней,
Чем то, что тайною окружено,
Твой облик странный, немного птичий,
Как-будто хочешь лететь в окно, –
Вслед улетающим журавлям
(Когда нам надо лететь на небо!)
...Кусочек ладана, запах хлеба,
И на прощанье привет полям...

Зачем же встречи и разговоры?
Окно открыто, лети, мой друг!
Эх вы, журавушки! Песни, взоры,
Цыганский табор, казачий круг...

Прошло три года... Я раб приличий,
Шагами меряю скрип половиц.....
И вдруг твой голос, немного птичий,
И облик милый Царицы птиц! 5 октября 22

* * *

Болею уже две недели,
Прицепилась ко мне холера,
Ломает и скрепы и меры,
В душе, в сознании, в теле.
Не буду объяснять детали,
многим еще хуже,
Печалится даже Кали,
От нашей вселенской стужи.
Эй, кто там на небе витает?
Эхо мне отвечает...

* * *

Зачем пишу стихи, кому от них светло?
Как птицы в птичий гам, слова ложатся в строки.
Настанет судный день, и им настанут сроки.
Не ими ль одолеть надеюсь тьму и зло?
И все ж, угомонись, поэт, ты пишешь зря.
Нет жаждущих любви, нет слушающих слово.
Твой путь определен: в безмолвии сгоря,
Пророк, ты жизнь отдашь за правду ль? За царя!
Истлеет дух в стихах. Душа истлеть готова?
В России правых нет. Поэт один лишь прав.
Но в общем вихре лжи и глупости сердечной
Не в силах он смирить свой непокорный нрав.
На свете счастья нет, безвременье лишь вечно,
А *вечное*, увы, безмолвно и без прав.

* * *

Я кошка, живущая в мире, где крыша
Важнее понятия праведной жизни.
Мой мир установлен, наверное, свыше,
Но был ли я кошкой, узнаем на тризне.
Ямышь, я таилась в глубокой темнице,
Питалась я книгой, изъеденной с Тоней,
А, может быть, с Соней, Мариной, Танюшей...
Как много узнала, я, только послушай:
«История личности в ликах и лицах,
А также и в масках — их семь — и в личинах».
Читала ее я при свете лучины.
И вот обветшали и крыша и трубы,
Я сон трубочиста, читавшего стансы,
Как звуки дневные фальшивы и грубы,
Так песни кошачьи, увы, не романсы.
Теперь мне по сердцу стук капель о крышу,
Я мудрость природы в них вижу и слышу.

Правые и виноватые. Преступление и наказание.

Андрей Желябов, сын крепостного крестьянина, в детстве видел, как помещик с слугами ворвался в их дом и утащил в имение младшую сестру его матери, чтобы там ее изнасиловать. Отец не смог ее защитить и ушел в город в Управу с жалобой на насильника, но правды не добился. *Я его убью!* – сказал Андрей матери. – *Все они одинаковы, все злодеи*, ответила мать. И Андрей вместе с Софьей Перовской отомстил за слезы и муки всех бесправных – он **убил царя!**

Преступление должно быть **осуждено** и **наказано**. Разве не об этом романы Достоевского? Но восемьсот лет рабства на Руси, тысячи преступлений против бесправного крестьянства – наказывала ли за них дворянская власть?

Ну а большевистская революция – вторая Пугачевщина, не подвластная закону, казнившая НЕ виноватых – разве торжествовала справедливость? Если прежде текли ручьи крови, то теперь потекли реки и разлились моря – забыть ли всеобщий Террор против лучших? Убивали и мучили и по сословному признаку и по признакам благородства, **чернь убивала непокорных, гордых, красивых, умных!** И дворянских детей и крестьянских, ставших новой интеллигенцией. У Сталина, Ягоды, Ежова, Берии были органические причины ненавидеть тех, кто был умнее, образованнее и совершеннее, не только в духе, но и во плоти, и конопатый и сухорукый Сталин, низкорослые Ежов и Ягода, подслеповатый Берия мстили по той же причине, что и Гитлер: *уродливое мстило совершенному!* Как и Марат, которого в его ванне зарезала Шарлотта, как и красноглазый лысый «ёжик» Ильич. Защищать их тиранию, оправдывать ее высокими мотивами – позорно для великого народа, или это дети и внуки большевистских сатрапов все еще глумятся над нами, детьми красивых и умных матерей? А забыть ли голодоморы, унёсшие голодной смертью миллионы детей? А нападение Гитлера, к которому Сталин не подготовил армию (случайно ли)? Русский народ потерял убитыми больше, чем все остальные участники войны вместе взятые, с обеих сторон. Это ли не означает, что вся история двадцатого столетия – грандиозная Бойня, задуманная и осуществленная подпольными провокаторами? **Я ее не забуду и не прошу**, пока не будет осуждена большевистская революция и их советская власть, и только после этого поговорим о *прощении* «нищих духом», которые, увы, не блаженны, которые, увы, *соучаствовали* в истреблении лучших во всех войнах и всех революциях. Возможно, не случайно именно мне велено высшими силами биться в закрытую дверь исторической правды: в Японскую воевал и был убит прадед, в Первую мировую воевал и претерпел ранение и пленение дед, после революции дед и его отец воевали по обе стороны баррикады, затем оба были сосланы в сибирскую глухомань, дед сидел в тюрьме, прадеды умерли с голоду, в Отечественную погибли брат моей матери и ее муж, а я потерял дядю и отца... Но эту **Родину**, пропаханную бороздою безжалостного Плуга насилия и лжи, я не разлюбил и несмотря на тьму тем моих справедливых упреков по адресу ее детей, я и им хочу протянуть руку для примирения – но не забвения правды. Меня жизнь любила. Я претерпел почти всё, что и лучшие, но мне дана счастливая жизнь, и на последних страницах своих последних обличающих книг я останавливаюсь. Хватит упреков. Следующую книгу я посвящу поискам прекрасной России будущего!

КНИГА ВОСЬМАЯ

БУДУЩЕЕ В ПРОШЕДШЕМ (ИНВЕРСИЯ)

Всё только начинается

Стоял ясный летний день конца августа, солнце светило на небе так ровно, радостно и блаженно, будто только что закончилось творение мира и он еще не погряз в грехах. И если даже первочеловек (Адам и Ева) уже вкусил от Древа познания греха и зла, то он не смутился, не потерял блаженной чистоты детства, но приобрел более ясное знание о том, что его подстерегает.

По еле приметной тропинке на окраине старого леса шли двое, мужчина лет сорока и девочка лет двенадцати, время от времени они наклонялись, вглядывались в грибы, в кустики черники и брусники, но ничего не собирали и даже ягоды не бросали в рот.

«Здесь ничего собирать нельзя, это место проклято!» – сурово сказал мужчина и девочка согласно кивнула головой, как будто она об этом все знала.

– А как он называется, этот лес? – спросила она.

– "Лес на краю" или "Тот самый лес", все зовут его по разному...

Они подошли к небольшой натопанной ложине на краю леса, дальше начинался пустырь, заросший мелким кустарником, его официальным названием, вошедшим в «Учебник современной истории», было «Свалка истории», туда отвозили на *утокой* тех, кто не угодил правящей Кликке. Впереди на громадном броневом автомобиле везли живого или мертвого «неудобного», за ним ехали Нацгвардейцы в бронированной амуниции, затем шли колонны ликующего народа с знаменами – но такое *утокоение* было для знаменитых *неудобных*, а обычных смертных, посмеявших в чем-нибудь не согласиться с властью, расстреливали где попало и бросали где попало.

Но по настоящему знаменитым был Первый, только о нем сохранилась память, более того, время от времени находили листки его Последней книги, иногда книгу целиком, ее торжественно сжигали, а пепел относили на Свалку.

Его в свое время, семьдесят пять лет назад, привезли на эту свалку именно под девизом, что это нечто ничтожное, ненужное, вредное и дурное, непонятное народу и опасное государству, привезли после пыток, умирающего, но привязали к дереву и расстреляли только для символа, потом взяли за руки и за ноги и бросили в канаву, это и называлось – «выбросили на свалку истории». История продолжалась, и он умер не сразу, некоторое время тоже продолжался, в своей параллельной истории, как в неевклидовой геометрии.

Девочка остановила отца. «А помнишь, папа, мы с тобой ездили в верховья Волги, и ночевали в заброшенной деревне, я залезла на чердак и там нашла несколько старых листков, и это оказались последние листки из той самой его Последней книги, на них как раз и было записано, как он умирал, я ведь помню все наизусть, и раз уж мы сюда пришли, в его Последний День, то я сейчас прочитаю, что он сам о себе написал, послушай.

«Мне было все равно, сразу я умру или нет, гвардейцы стреляли наугад, они были пьяные, большинство стреляло в воздух, хотя их предупредили, что за это их накажут.

Было не больно, окончились силы для ощущения боли, но я чувствовал холод и боялся, что ночью станет еще холоднее. Потом, правда, время почти исчезло, появлялось изредка, как дуновение ветерка, обычно это происходило тогда, когда кто-нибудь случайно проходил мимо моей канавы, хотя вскоре Свалку обнесли забором из колючей проволоки и повесили разные угрожающие надписи. Скоро мне все это надоело и в один из теплых августовских дней я решил, что пора умереть, по крайней мере выбрать минуту умиротворения и сказать себе: *Все, это последняя минута, я умер!*

Что-то меня еще беспокоило, не давало умереть, но я вскоре понял причину беспокойства и понял, что произошло на самом деле.

Перед тем как меня расстрелять, был проведен Референдум, даже среди тех, кто бежал на Запад, им объявили, что если они проголосуют за смертную казнь, то им вернут права гражданства и разрешат жить где хотят, или в России или на Западе, конечно, эти проголосовали так, как нужно было власти. Но почему проголосовали против меня – ВСЕ? И вдруг мне стало ясно. Нужно было ускорить наступление финала этой дурной пьесы, родственники и друзья справедливо решили, что власть сразу успокоится, не будут искать моих тайных сторонников, им было нужно, чтобы от меня отреклись ВСЕ, и вот оно свершилось, не надо еще искать и расстреливать, никого вредного и инакомыслящего ни в стране ни за ее пределами больше нет. И действительно, сразу всё успокоилось, прекратились пытки и казни, меня обрядили в какой-то балахон с прорезью для головы, привезли на Свалку, расстреляли и бросили. *История остановилась.*

Но почему-то во мне еще сохранялись последние искры предвидения, я увидел ДИТЯ, и я узнал, что **она** придет когда-то на этот пустырь, когда я уже истлею, и я знал, что ей суждено собрать всю мою книгу целиком и продолжить Историю. И тогда по настоящему ВСЁ только начнётся.

Часть людей почувствует стыд. Конечно, не все, даже не большинство, но стыд вернется в жизнь и в историю, и *некоторые будут плакать в бессильном отчаянии, не умея ничего изменить в своём постыдном прошлом.*

Вот почему я решил написать еще один листок даже после того как физически умер. Я знал, что наступит день, когда *она* придет, и поэтому я решил написать эти строки для нее.

*Мой ангел, моя богиня, крикни что-нибудь, чтобы я услышал и узнал, что ты все нашла и все прочитала, и **прошлое соединится с будущим!***

Девочка приложила ладони ко рту и закричала: **Я пришла! Я все соединила и прочла твою книгу целиком! И я готова исполнить всё, что надо.**

И они услышали, как будто запела иволга, и звуки соединились в слова.

*Я тебя слышу. Я даже вижу тебя, стоящую в сияющей одежде на краю позорной Свалки. Ты видишь, по краю ее уже всходят и расцветают цветы? Не бойся ничего. Иди против самого смертоносного зла, и даже взглядом своим ты его обратишь в ничто! Тебе суждено преодолеть отвратительное прошлое и продолжить будущее. Случится и самое удивительное: **мы встретимся! И прошлое соединится с будущим.***

- Послушай, папа, так много уже свидетельств, что время снова начнет двигаться, что люди устанут, наконец, жить или существовать в безвременьи – но ничего существенного все еще не происходит. Мы приезжаем сюда, я нахожу новые клочки бумаги, на них мы читаем, что скоро все изменится – но ничего не изменяется. Что же дальше?

Я уже устала быть ребенком, но такое на мне заклятие, что пока всё не соберу, не повзростею. Кажется, еще три отрывка осталось... Мы и под развалинами старой бани копали, и дровяники разобрали, и тот таежный скит, где он скрывался...

И, может быть, это кощунство, что я скажу, но какой он счастливый, что от него все его сочинения дойдут до потомков, не так, как от менее счастливых Гераклита и Анаксимандра... даже от Аристотеля дошло не все, тогдашний христианский Бог их всех не очень-то жаловал, а на нашем Поэте знак Астрей, языческие богини ему помогают, они не чуждались ни искусств ни наук!!!

- Ты ведь еще не знаешь самого важного, ты не знаешь, кто ты сама.

Он тоже не все знал о себе.

Что-то должно измениться не только существенно, но и **сущностно**, необходимо преодолеть границу, отделяющую человека от нового сверхбытия, и почему-то на тебя пал выбор. Помнишь, что случилось во времена Жанны д'Арк? Ведь это же была простая крестьянская девочка, но она изменила ход истории. (Впрочем, мы не до конца знаем, что из себя представляет тот или иной человек, и я не до конца знаю это про себя и про тебя.)

Возможно, что ты – обыкновенная девочка, но *если на тебя пал выбор*, то это значит, что в тебе существует то семя, которое должно дать побег для новой жизни. Человек боится смерти, очень часто из-за страха он готов предать самого себя. Но некоторые не знают, кто они такие, не знают, чего от них ждут, и он тоже не знал о самом себе самого главного. Не знаю и я. Не знаешь и ты. Значит, мы еще не все листки нашли из той таинственной книги, которую он уже написал.

- Или нашли уже все листки, но не все их читаем? Или они записаны там и так, что мы не ведаем, что их на самом деле читаем, не понимая их сокровенного смысла – но это то самое чтение, которое автор оставил на волю читателя, и **Читатель должен дочитать роман Автора в собственной душе?**

Да, возможно, так...

Или все же об этом он должен нам сказать сам?

И вдруг девочка воскликнула: *Папа, папа, да тут еще целый ворох листков, и как хорошо сохранились, только слегка обгорели по краям!*

ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТКИ, НАЙДЕННЫЕ НА ПУСТОШИ

Русские. *«Без русских никакой России не будет. Чтобы была Россия, нужны русские, нужно, чтобы русских было больше и мы становились всё более русскими – народом с глубоким и гордым историческим самосознанием и уверенностью в собственных силах. Необходимо, как выражался министр народного просвещения Росс. Империи граф Уваров: «Развить русскую национальность на истинных её началах и тем поставить её центром государственного быта и нравственной образованности» - пишет Егор Холмогоров в книге «Русское самосознание».*

Упреки мои в адрес русских людей и русского народа вытекают не из общего взгляда на мир, не из моего понятия о народе и личности, а из фактов жизни, из непосредственных ее проявлений. Действительность многообразна, реки и источники одни загрязнены, другие чисты, люди так же все разные, я склонен видеть в них лучшее, и тем более огорчаюсь, когда обманываюсь в своих ожиданиях, и тем более страдаю, когда добро, теснимое злом, отступает почти до пределов Русской земли, когда это Злое (как болезнь, как зараза, как проявление демонических сил) начинает теснить доброе внутри самого народа, когда страдают и погибают невинные, чистые, юные, когда страдает история и культура, гибнут ее памятники, гибнут люди, села и города, оскудевает и гибнет природа.

Горит тайга на тысячи километров, гниют отходы древесины вдоль железных дорог в Сибири вблизи городов, хищнический капитал опустошает природные недра России для собственных потребностей и возрастания наслаждения, Россия как целостный организм подобна нищему, живущему на помойке или в концлагере.

На мои горестные обвинения современной русской жизни многие раздраженно возражают, что все хорошо и в филармонии, и в театре, и на Дворцовой площади, и на Красной площади, и в Русском музее, и в Кедровой роще... – и я только зря толку воду в ступе...

Но объясняются мои взгляды *«философией существования»*. Дело в том, что ничто не существует *само по себе*, и никакая вещь не существует отдельно от всеобщего бытия или по крайней мере от того, с чем она взаимосвязана.

Если у человека болит рука, то *ему больно*. Если человек болен (или устал или не выспался), то ему плохо, хотя эта плохота не связана с отдельной частью тела.

Вернемся к существованию. На уровне субъекта существует восприятие и осознание отдельных психических актов восприятия, связанных с ощущениями (зрительными, слуховыми, осязательными, обонятельными...

Но в восприятии мы переживаем **образ предмета**, а не сам предмет (**прообраз** образа), образ предмета не тождествен предмету, таким образом предмет существует в двух существованиях: сам по себе и как отпечаток в нашем сознании (вещь в себе и вещь для нас) – если, конечно, это противопоставление двух форм бытия предмета действительно... Впрочем, если оно действительно, то что вернее – объективный прообраз или субъективный образ? Я думаю, что вне восприятия предмет и не существует, не зря же говорил Протагор... Но еще более точно – предмет сначала появился в уме создателя – это мог быть и Бог и человек, даже ребенок, слепивший из глины фигурку собаки, Творец, конструирующий мир, неандерталец, построивший шалаш или хижину. Но предмет существует не только в виде прообраза, но и в виде замысла и создания (если человек строит мост, дворец, письменный стол). Более того, предмет не существует сам по себе, а только в связи или в сочетании с другими (например, нечетные числа не существуют отдельно от четных, независимо от них), предмет встроен в мир, он часть мира, образ не может его отграничить от окружающего, даже дерево принадлежит лесу или опушке...

Но вернемся русскому народу. Я на него негодую, потому что даже дорога у деревни, где я живу, с двух сторон ограничена канавами, засыпанными бутылками, банками, шинами, металлическими обломками, деталями авиационных бомб, старыми тракторами, изломанными кустами вербы, крапивы, березы, высокими пнями от спиленных на дрова деревьев, гниющими стволами и горами бытового мусора, словно жители нарочно сюда ходят с ведрами и мешками, чтобы его высыпать. Бутылки бросал Серега – но здесь их тысячи, столько ему не набросать!

Чтобы не спорить с образом народа (которого в действительности нет, как и избображения государства) – так же как нет у народа и свойств (как и у английского и немецкого – ибо все народы ни умные ни глупые, ни какие либо еще – как и о населении трудно сказать, что оно по большей части глупое или умное – что трудно определить по отношению к большим массам людей), я предложу свою схему описания народа. Он состоит из сословий, дать оценки которым тоже нельзя ... только если мысленно разделить народ на части по какому либо признаку, то можно сказать, что русские (как и другие) состоят из разных народов, например, из народа «простых людей» или из умников или из тех, кто ни то ни сё; состоит из рабочей скотины, на которой пашут и ездят, естественно, что эта скотина не ходит в театры и не читает книг, и из «злодеев» (о которых пишет Лев Толстой), которые «собрались и ограбили народ», и не хотят, чтобы рабочий скот научился читать. Народ русский **существует и не существует** одновременно. Я знаю нескольких русских, и их достаточно, чтобы было справедливо утверждать, что *русские существуют*. Но при этом многих не интересует их *русскость*.

Но я русский. Я дитя этого народа, всего в целом, – кроме злодеев, этих среди моих предков не было. Я говорю и пишу по русски, правильно и превосходно. Я не люблю тех русских, которые *несут пургу*, от которой у меня уже стала кружиться голова, например, что письменность у русских была еще раньше, чем у греков и евреев, что мы весь мир закидаем шапками, что наш царь самый умный а англичане нам *гадят*, что против немцев мы воевали в одиночку и что Сталин «корифей всех наук» и если бы не Хрущ, который выпустил из лагерей *пятую колонну*, мы бы уже построили коммунизм... Если опросы не врут, 95 процентов нашего народа думают так же и им не нужна свобода – и это приводит меня в отчаяние. Но тысячи людей, которых я встретил в своей жизни, меня приводили в восхищение, и так как *они русские*, то я хочу жить и умереть не в Париже, а в России. Уваров еще только сформулировал цель *развития русской национальности на «истинных ее началах»*, осуществилась ли его цель, я затрудняюсь сказать. Поэтому я рассуждаю иначе, чем патриоты. Во-первых, **русские** (имея в виду моих друзей) **существуют**. Во-вторых, культуру, науку, промышленность и цивилизацию в России создали именно они (начиная с Сергия Радонежского, Сковороды и Ломоносова, и они как раз и входят в пять процентов талантливых и свободных русских людей). Поэтому именно им и должна принадлежать Россия, по крайней мере, власть в России – **прекрасной России будущего (а не настоящего)**.

P.S. *Но не все плохо, есть и хуже.* Расстраивает меня даже не любовь к власти, а враждебное отношение к истории и культуре России. Чаще всего поговоришь с друзьями глубокого детства, и от них и мне и Егору Х. шибко попадает, «*зае..ал ты нас своей Россией и ее культурой*», – ворчат они. – Говорил же Хрущ, что народу это непонятно, дети наши смотрят мультики, они уже не поют ваших песен, не знают былин, им даже и Ленин по фигу, слышали, что он хотел счастья народу, а более ничего. Зачем нам знать, что было раньше, тем более в подробностях, ты бы еще Японскую войну вспомнил!? А ведь был человеком, пил как все, пока сюды не поперся, японя мать!

Если нынешний режим начнет сажать недовольных, думая, что угроза проистекает для него от оппозиции, сформулирую более четко свои взгляды на государственно-политическую жизнь заранее. Итак:

Я НЕ сторонник Режима. Но Конституция и не требует, чтобы гражданин клялся ему в верности. Я **инакомыслящий** по отношению к взглядам большинства. Но я не призываю свергать Режим неконституционным путем, не призываю молодежь (а тем более *людей пожилых и больных, как я сам*) ходить на митинги и демонстрации и скандировать на них неправильные лозунги. Тектонический сдвиг в обществе и государстве произойдет по воле Высшей власти, либо его не будет, в любом случае он не зависит от моих усилий. Так что *«Паситесь, мирные народы!»* – вот к чему единственному могу я **призывать**. Моя программа отчасти та же, что у Солженицын: *«Жизнь не по лжи»*, или у Ганди, призывавшего к *несотрудничеству с Англией*. Я бы даже призвал не смотреть телевизор, не читать ни советских ни анти-советских газет, не участвовать в запрещенных организациях.

Участвую ли я в каких либо противоправных действиях? Нет, сижу дома, езжу в деревню, выпускаю «Новый русский журнал», проповедующий терпимость и **Русское народничество** (пока не запрещено). Я не люблю нынешний режим – но нет закона, обязывающего его любить. Я **инакомыслящий** в нашей стране тотально **покорного народа** – но неужели не достаточно 95 процентов сторонников режима? Я не бунтую и не призываю к бунту. Более того, открою тайну: БУНТ учинят сторонники, и это произведет эффект разорвавшейся бомбы. **Усталость металла**, так это называется. Меня, правда, все равно посадят, обвинят в **недружественных** высказываниях Но с этим я ничего не могу поделать, миллионы погибли даже молча, даже высказывающиеся дружелюбно, разве Бухарин и Рыков не клялись в верности или Тухачевский? *Но меня это никак не коснется, скорее всего, я умру еще на стадии Обвинительного приговора, поэтому заранее приношу извинения: Граждане судьбы, я умер не из неуважения к вам, а просто устал жить рядом, в этом обществе тотального согласия с злом.*

Ветер занес меня в праведный угол,
Засыпало снегом, посеребрило морозом.

Так и живу среди птиц или пугал,
Пишу и стихи, имитируя прозу.

Иногда сверкает Северное сияние,
Потом наступает таянье,
Ветренных рук прикосание,
Тление, дление, томление, чаянье...

И все же не то, что, как думаю, надо,
Что чудится, снится, кажется,
Иду мимо рая и ада...

Хлев, школа, ворота Публичного сада,
Сочувствие, жалость, любовь и забота...

Одних принимаю, других не приемлю,
Зимой философия, весной работа –

Меня ль для спасенья прислали на Землю?!

Жить неумоготу. Такие, как я, составляют особую группу, о которой я уже писал, но пока в моей группе только один человек, то есть я сам...

Когда начнется землетрясение, таких людей станет вдруг много. Но ни мои или чьи-нибудь книги этому не причина, ни агитация и пропаганда ... Может быть, пятна на солнце... Повышенная радиация... Непрерывные дожди нынешней зимой. То, что почти не стало приличных мужчин, в которых можно влюбиться. Если именно вырождение мужской половины общества приведет к русской революции, я жду ее и приветствую. Революция будет беспощадной, в воздухе появятся особые вещества (как предсказывал Достоевский), и мужчины начнут вымирать, а когда мор спадет, оставшиеся будут обращены в рабство и начнут работать под управлением вооруженных надсмотрщиц. Меня это никак не коснется, *я уже стар и скоро умру*. Однако – я уже мало на что-то надеюсь, и свое новое мироощущение называю теперь **новым пессимизмом**.

Меня, правда, даже пессимизм не коснется, *я уже стар и скоро умру*.

Утомский: «В духовной жизни много поразительно непонятого, переходы душевных состояний, неуловимые для рефлексирующего разума, но лишь понятные для поэтического духа»...

Владимир Мартынов смотрит в будущее с оптимизмом: «Сумма накопленных несуразностей либо нас абсолютно раздавит, или именно из них получится нечто... Наше отчаянное положение, возможно, чревато каким-то открытием».

Для обслуживания труб, по которым нефть и газ текут из России в Европу, требуется только миллион *населения* – будет ли Европа переживать из-за нашего вымирания (как, кстати, и мы из-за их вымирания не переживаем)?

ПОДВОДЯ ЧЕРТУ. Оглядываясь назад: жизнь и история вчера и сегодня, то есть при мне, рядом со мной – протекли так же как всегда в эти пять тысяч исторических лет. Хотя результатом для России я сильно недоволен.

Правит в обществе и государстве **Сила**. Она бывает то безумная, чрезмерно и нелепо жестокая, как при Иване Грозном и при Ленине и Сталине, то словно бы лениво благодушная. Иногда возникает ощущение, что правящая сила устала нас поедать и тихо дремлет или сама занялась чем-то «*человеческим слишком человеческим*», например, собирает марки или ходит в театр (так что, возможно, я напишу еще и 3-ю книгу, Откровение, для девушек и детей?)

Три основных уклада жизни сменяют друг друга: Рабовладельческий строй; Феодализм; Буржуазное общество. Социализм соединяет феодализм и диктатуру, и плохо способен к развитию и очеловечиванию, хотя 11 лет хрущевского правления были не хуже просвещенной монархии 19-го столетия под властью немецких царей. Но Русский народ почему-то возненавидел Хрущева и избрал себе в боги кроважاذного Сталина. Большинство людей даже не способны понять, за что я их ругаю, они – вечные троечники в интеллектуальном отношении, а в нравственном – разные, и не хуже меня... А иные даже лучше...

Правильно ли я жил? Я думал, что смогу в обществе кое что изменить к лучшему (*я верил в предсказание ангела о своем предназначении*), поэтому писал свои словно бы Пособия для неуспевающих учеников. Никого ничему они не научили, я поднялся как философ и писатель недостаточно высоко – но выше подняться должен был помочь Бог, однако Русский Бог в нас разочаровался.

Хотя народ в целом меня разочаровал, но жизнь удивительна, я или соприкоснулся или прошел почти в обнимку с **лучшими** из народа (не разделяя его на этнические группы а принимая только Родину и Русский язык) – верные друзья, прекрасная семья, лучшие из тех, кто нас очаровывает...

ОГЛАВЛЕНИЕ ОКСЮМОРОНА

Книга первая. Введение в роман с философией	3
1. Введение в новую философию. 11 – 24 окт.	4
2. Правда истории и история как правда. 30 мая 20г. РС №17	13
3. Поучение журналу НРЖ и нашим журналистам. 2019 год	16
4. Последние в номер Записки редактора	20
Книга вторая. РЕКВИЕМ и СТОЯНИЕ НА УГРЕ	22
5. Реквием (НРЖ №16)	23
6. Стояние на Угре	27-91
Книга третья. Рассказы о любви, или Путешествие во времени	92
Гуника, или встреча в вагоне	93
Сашенька	97
Театральный роман	105
Записки читательницы	112-55
Другая любовь	112-55
Служебные романы. Жизнь как литература	140
Письма от тайной читательницы	146
РАССКАЗЫ О СТРАННОЙ ЛЮБВИ. Любовь под открытым небом	156
Канун Старого Нового года	164
Встреча не на всю жизнь	172
Новогодняя фантазмагория	175
Весенний человек	183
Последняя заря	190
Счастливая встреча	191
Взаимно-однозначное соответствие	193
Любовь, вспыхнувшая в электричке	195
Дневник отступающей армии	196
Последнее прощание с N	201
Выводка правды и правда выдумки (Послесловие)	204
Сцены несправедливой русской жизни	206
Возвращение к отрочеству	208
Некоторые Над временем жизни. Хаос рассуждений и МИФ	211
Стихи последнего времени	219
Книга четвертая. Инверсия	222
Еще о несправедливой русской жизни	223
Горестные заметки при расставании	226
Несколько слов заключения	238
Примирение ради тех, кому еще хуже	243
Миссия и мессия	246
Надежда и уныние. Стихи	251
ПРИМЕТЫ ПУТИ	252
Смутное время Русской философии	255
Прозрение	257
Призывание русской интеллигенции к диалогу	262
Книга пятая. Оксюморон	286
Основные источники моих рассуждений. Другая логика	287
Народ как этнос и язык	289
Строение языка, жизнь человека и бытие мира	291
Культура как производитель смысла, след. существования	298
Сегодня. Новая точка отсчета	301
Определение понятий Пространство и время Бытия	309
Заключение. Несколько слов о Новом русск.журн. Портрет философа	319
СЛОВО и ДУША. Отрывок из романа «Записки на "пальме"»	324
Книга 6. Таяние ледника и заверш. ледн. периода. Основной Закон	358
Набросок новой конституции России	359
Книга седьмая.	365
Последнее слово на суде.	366
«Опера Верди "Травиата" и судьба Италии»	372
<i>Нужны ли подобные философствования об Истории и Культуре?</i>	381
Объяснительная Записка»	384
Стихи	414
Книга восьмая.	424
Окончание или все только начинается	424
Инверсия. Последние листки Оксюморона	427

ОКСЮ 'МОРО 'Н и ИНВЕРСНА

(метафизика бытия)

Подписано в печать 13 января 2023
Формат 60х90 1/16 28,5 п. л., 432 стр.

Текст книги размещен на сайте
spb-pisateli.ru

печатается на правах рукописи

УДК 82-31
ББК 84стд1-44
Ч-49

© Василий Чернышев, 2023
© СУПЕР Издательство, 2023

В следующей книге «**«Откровение как Чудо или чудо как исключение из правил обыденной жизни»**», являющейся завершением данной Трилогии, автор по-прежнему представляет парадоксальный образ **Жизни** как воплощения форм языка в **Бытии**, в частности рассматривает **Жизнь как языковую паутину, которая соединяет обыденную речь и вводные слова и предложения, исключения из правил и даже прямые нарушения привычных оборотов речи.** Центральной идеей третьей Книги является идея автора о **Боге как о Творце мира**, которая хотя не разрешает проблему **существования** (мира), но позволяет ответить на вопросы о **существовании** Бога и о *сотрудничестве Бога и Человека*. По-прежнему исследуется оппозиция **«Добра и Зла»**, сравниваются Христос и Жанна, рассматривается проблема **смерти и вечной жизни** (в частности, исходя из личного опыта автора). Наконец-то станет известно, кто такой Бургундец и отрубят ли ему голову. Воскресение Жанны Д'Арк. Начало мировых изменений, которые хотя бы отчасти исправляют Зло двадцатого столетия.

Обе эти *книги* не только **философия**, но **философия как способ жизни**.

ISBN 978-5-9965-2568-3

Санкт–Петербург
13 янв. 2023 г